

Славянский
АЛЬМАНАХ

2007

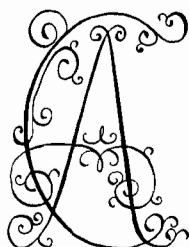
Министерство культуры и массовых коммуникаций
Российской Федерации

Российская академия наук

Институт славяноведения

СЛАВЯНСКИЙ АЛЬМАНАХ

2007

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2008

УДК 94(367)

ББК 63.3(4)

С 47

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Т. И. Вендина, профессор, доктор филологических наук

К. В. Никифоров, доктор исторических наук, директор Института славяноведения РАН

М. А. Робинсон, доктор исторических наук (отв. редактор)

В. А. Хорев, профессор, доктор филологических наук

А. Л. Шемякин, доктор исторических наук

Ученый секретарь:

Е. П. Аксенова, кандидат исторических наук

Славянский альманах 2007. — М.: «Индрик», 2008. — 544 с.
ISBN 978-5-85759-479-7

Двенадцатый выпуск альманаха предлагает вниманию читателей материалы научной конференции, прошедшей в 2007 г. в Коломне, а также круглых столов и симпозиумов, проводившихся в Коломне и Москве. Содержание разделов альманаха составляют статьи по актуальным проблемам истории, литературы, культуры и языка славянских народов от эпохи Средневековья до современности. Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

ISBN 978-5-85759-479-7

© Институт славяноведения РАН, 2008

© Коллектив авторов, 2008

© Издательство «Индрик», 2008

От редколлегии

День славянской письменности и культуры ежегодно отмечается в России 24 мая разнообразными мероприятиями. К этому национальному празднику приурочено и проведение ежегодной научной конференции «Славянский мир: общность и многообразие» и соответствующих ей круглых столов.

В 1996–2007 гг. такие конференции проводились в Костроме, Орле, Ярославле, Пскове, Рязани, Калуге, Новосибирске, Воронеже, Самаре, Ростове-на-Дону, Ханты-Мансийске. Их материалы составили основное содержание одиннадцати выпусков «Славянского альманаха», выходящего в свет раз в год к очередной конференции в мае. Нынешний, двенадцатый выпуск альманаха предлагает вниманию читателей материалы научной конференции, прошедшей в 2007 г. в Коломне, а также круглых столов и симпозиумов, проводившихся в Коломне и Москве, на которых обсуждались актуальные проблемы истории, литературы, культуры и языка славянских народов. В альманахе помещены также статьи, близкие по проблематике к проводившимся научным мероприятиям.

Альманах имеет сложившуюся структуру, которая состоит из следующих разделов: «Пленарное заседание», «История», «История культуры», «Языкознание», «Публикации», «Хроника». Мы надеемся, что ежегодное издание «Славянского альманаха» будет способствовать не только дальнейшему изучению, но и распространению знаний о славянском мире.

Восточная Европа в эпоху Дмитрия Донского

Эпоха Дмитрия Донского, как это хорошо известно, занимает особо важное место в истории средневековой России, однако эта эпоха занимает особо важное место и в истории всего огромного региона Восточной Европы. Именно в эпоху Дмитрия Донского — во второй половине XIV в. в жизни этого региона имели место такие перемены, которые определили пути развития населяющих этот регион народов на очень длительный исторический период.

Характеристику изменений, имевших место в это время на территории Восточной Европы, рационально начать с тех перемен, которые обозначились в политической жизни Северо-Восточной Руси. Одним из главных событий политической истории этого времени стало признание земель, традиционно принадлежавших великому князю, главе владимирского великого княжения и князю Великого Новгорода, «вотчиной» московских князей — Дмитрия Донского и его потомков. «Благословляю сына своего, князя Василья, своею отчиною, великим княженьем», — писал Дмитрий Донской в своем завещании. Тем самым утвердилась руководящая роль Москвы в жизни Северо-Восточной Руси. Другие князья, чьи владения располагались на территории владимирского великого княжения, становились «младшими братьями» — вассалами великого князя московского. «Младшим братом» Дмитрия Донского стал по договору 1375 г. и самый могущественный среди них — тверской князь Михаил Александрович. По этому договору он должен был вместе с великим князем московским принимать решение, платить ли «выход» в Орду или вести с ней войну, вести войну или заключать мир с Литвой, он обязывался также ходить вместе с Дмитрием Донским в военные походы. Очевидно подобные же обязательства лежали и на других князьях Северо-Восточной Руси, не таких могущественных, как Михаил Александрович.

С 70-х гг. XIV в. есть основание говорить о согласованных действиях князей Северо-Восточной Руси по отношению к соседям. Так, в 1374 г. на съезде в Переяславле, по обоснованному предположению ряда исследователей, было принято решение о прекращении уплаты «выхода» и разрыве отношений с Мамаевой ордой. В 1375 г. все князья Северо-Восточной Руси со своими полками приняли участие в походе против тверского князя, взявшего у Мамаея ярлык на великое княжение владимирское. В несчастном походе 1377 г. против татар по приказу великого князя

Дмитрия участвовала «ярославская рать». В 1380 г. князья Северо-Восточной Руси вышли со своими полками на Куликово поле. В 1386 г. их рати участвовали в походе на Новгород, требуя от него выплаты «княжчин» — доходов, которые полагались Дмитрию Донскому как новгородскому князю.

Установившиеся нормы отношений между великим князем московским и другими князьями сохранялись и в дальнейшем. В 1407 г. князья оказали поддержку великому князю Василию Дмитриевичу в войне с Великим княжеством Литовским. В 1411 г. князья Ростовские, Ярославские и Суздальские вместе с московской ратью участвовали в походе против князей Даниила и Ивана Борисовичей, занявших Нижний Новгород при поддержке татар. В сложившейся системе отношений Тверь занимала особое место, подчеркивая свою самостоятельность: так, оказав первоначально Василию Дмитриевичу помощь в войне с Литвой, князь тверской Иван Михайлович в дальнейшем в помощи отказал. Более важно, что остальные княжества Северо-Восточной Руси подчинялись политическому руководству Москвы. Хотя в своих владениях князья оставались самостоятельными государями, по отношению к соседям Северо-Восточная Русь стала выступать как единое политическое целое. Эти перемены есть все основания оценить как завершение первого этапа объединения земель Северо-Восточной Руси вокруг Москвы.

Середина — вторая половина XIV в. — время, отмеченное также первыми попытками московских правителей распространить свою верховную власть на земли в других частях Руси, за пределами владимирского великого княжения. Первым на этот путь вступил дядя Дмитрия Донского Семен Иванович, который в начале 50-х гг. XIV в. сумел добиться распространения своей верховной власти на Смоленск и Брянск, в то время главный центр Черниговской земли. Неслучайно именно на его печатях появился титул «великий князь всея Руси». После смерти Семена и временной утраты московскими князьями владимирского стола эти позиции были утрачены, но к середине 70-х гг. XIV в. Дмитрию Ивановичу удалось добиться их восстановления. В походе на Тверь в 1375 г. вместе с князьями Северо-Восточной Руси приняли участие целый ряд черниговских князей во главе с Романом Брянским и племянником смоленского князя Святослава. В московско-тверском договоре 1375 г. князь смоленский фигурировал как правитель, которого Дмитрий и его союзники должны защищать от нападений врагов. Позднее черниговские князья участвовали в войне с Мамаем, разорившим Новосиль. В 1385 г. черниговские князья вместе с московской ратью участвовали в войне с Олегом Рязанским. В начале XV в. они были союзниками Василия Дмитриевича в войне с литовцами, разорившими Вортыньск и Одоев.

В княжение Дмитрия Донского в орбиту активной московской политики вошла и рано обособившаяся северо-восточная часть Черниговской земли — Рязанское княжество. О целях, которые преследовала московская власть, позволяет судить текст договора, который Дмитрий Донской заключил с Олегом Рязанским в 1381 г. после Куликовской битвы. По этому договору Олег Иванович признавал себя «братом младшим» московского князя, обязывался следовать политике Дмитрия по отношению к Орде, Литве, другим русским князьям, ходить вместе с ним в военные походы. Условий договора Олег не соблюдал, но к началу XV в. отношения, установившиеся при Дмитрии Донском, были восстановлены. Новый рязанский князь Федор Ольгович, зять Дмитрия Донского, по договору 1402 г. не только принял на себя все прежние обязательства, но даже обещал не посылать послов в Орду без согласия московского правителя. Великий князь московский становился также арбитром в возможных спорах между правителем Рязани и его соседями — черниговскими князьями.

Таким образом, уже в эпоху Дмитрия Донского объектом объединительной политики московских правителей стала вся территория будущей Великороссии. Ряд важных позиций, завоеванных при Дмитрии Донском, был затем утрачен, и их пришлось отвоевывать сто лет спустя, но именно в эпоху Дмитрия Донского были заложены первые основы не только для политического объединения земель Северо-Восточной Руси, но и для образования Великорусского государства.

Уже говоря об объединении русских земель вокруг Москвы, пришлось коснуться их отношений с Золотой Ордой, которая, разграбляя и угнетая русские земли, закрывала для них возможность активного поступательного развития. Как известно, объединение русских земель позволило предпринять первую серьезную попытку разорвать отношения с Ордой и освободить русские земли от ее господства. Эта попытка привела к битве на Куликовом поле, имевшей огромное значение не только для истории отношений русских земель и Орды, но и для развития русского национального самосознания. Хотя власть Орды была через некоторое время восстановлена, устранить нежелательные для них перемены в политической жизни Восточной Европы ордынские правители оказались не в состоянии. Эпоха Дмитрия Донского стала временем перелома в истории отношений русских земель с Золотой Ордой. Роль этой эпохи в истории отношений Руси с кочевым миром ясна и очевидна. Однако эта роль окажется еще более значительной, если попытаться определить ее место в многовековой истории отношений кочевого и земледельческого населения на территории Восточной Европы.

Свидетельства античных авторов как будто указывают на то, что в эпоху господства скифов на юге Восточной Европы отношения между земледельцами и кочевниками на этой территории были мирными. Од-

нако начиная с эпохи «переселения народов», с вторжения гуннов на земли венедов во второй половине IV в. н. э., есть основания говорить о враждебных отношениях кочевников и земледельцев на территории Восточной Европы. При этом кочевники (авары, хазары, печенеги, огузы, половцы, татаро-монголы) выступали, как правило, как наступающая, атакующая сторона. Проходя через этот регион, волны кочевников вторгались затем на земли Центральной и Юго-Восточной Европы. В период расцвета Золотой Орды ее войска угрожали Венгрии и Польше, разоряли Болгарию и доходили до Сербии. Тем самым опасность со стороны враждебного кочевого мира тормозила развитие значительной части Европы. Эпоха Дмитрия Донского стала переломным моментом в истории этих отношений. Именно с этого времени начался постепенный упадок роли и значения объединений кочевников в жизни всего восточноевропейского региона и мучительный и трудный на первых своих стадиях длительный процесс освоения земледельческим населением огромных просторов восточноевропейских степей, что привело в конце концов к изменению и основных условий существования земледельческого населения Восточной Европы. В середине — второй половине XIV в. в условиях, когда принимала все более широкий размах экспансия Литвы и Польши на восточнославянские земли. В XIII в. только «Черная Русь» (земли современной Западной Белоруссии) попала под власть литовских правителей, а в начале XIV в. такой же оказалась судьба земель современной Восточной Белоруссии. С середины XIV в. сфера экспансии стала быстро расширяться. Польша и Литва поделили между собой земли Галицко-Волынской Руси. К 60-м гг. XIV в. под власть великого князя литовского Ольгерда перешли Киевская земля и Подолия, а также значительная часть черниговских земель. Древнерусские земли еще сохраняли не только этническое, но и социокультурное единство, но границы между ними переставали быть чисто политическими с их включением в состав государств иной социокультурной ориентации.

Успехи, достигнутые литовскими князьями, были столь значительны, что закономерно у них появились планы распространить свою власть и влияние и на Северо-Восточную Русь. На переговорах с крестоносцами представители Ольгерда заявляли, что «вся Русь должна принадлежать Литве». Значение московско-литовских войн 60–70-х гг. XIV в., когда литовские войска дважды стояли под стенами только что построенного Московского кремля, состоит в том, что Дмитрий Донской сумел дать успешный отпор литовскому наступлению и его поддержали другие князья Северо-Восточной Руси, принявшие участие в походе на союзника Литвы Михаила Тверского. К нему присоединились

Смоленская земля и черниговские княжества, разорвавшие свои связи с Литвой. Тем самым русские земли, объединившиеся вокруг Москвы, отстояли в борьбе с Литвой возможность самостоятельного, не зависящего от воздействия внешних сил развития. Более того, общерусский размах политики Дмитрия Донского открывал иные перспективы для всех восточнославянских земель, открывал возможности для восстановления в иных исторических условиях единого Древнерусского государства.

После Куликовской битвы, сильно способствовавшей росту престижа и политического влияния Москвы, эти перспективы начали становиться реальными, когда великий князь литовский Ягайло, сын Ольгерда, пытаясь преодолеть с помощью Дмитрия Донского внутренний кризис своего обширного, но неоднородного государства, взял на себя обязательство жениться на дочери великого князя московского и принять православную веру. Это могло бы привести к утверждению руководящей роли Москвы не только в политической, но и культурной жизни Восточной Европы. Однако достигнутая договоренность не была выполнена. Литовские правители и литовская знать стали искать выход из кризиса, опираясь на поддержку Польского королевства. Великий князь литовский вместе со своими литовскими подданными-язычниками принял католичество и в 1386 г. вступил на польский трон, что положило начало долголетнему политическому союзу Польши и Литвы. Опираясь на польскую поддержку, литовские правители сумели укрепить свою власть над восточнославянскими землями своего государства. При сложившемся соотношении сил московские правители в условиях, когда процесс политического объединения земель будущей Великороссии был еще далек от своего завершения, в течение длительного времени не имели реальных возможностей продолжить начатую Дмитрием Донским борьбу с Литвой за восточнославянские земли.

В результате земли будущей Украины и Белоруссии в течение длительного исторического периода оставались в составе Великого княжества Литовского и Польского королевства и стали объектом сильного социокультурного влияния, идущего из стран Центральной Европы. Именно начиная с рубежа XIV–XV вв. между обществами западной и восточной части восточнославянской этнической территории начинают возникать все более многочисленные различия, серьезно нарушающие социокультурное единство восточных славян. Именно в этой эпохе берут свое начало те разные пути развития, которые привели в дальнейшем к формированию трех восточнославянских народов.

Хорошо известно, что именно в эпоху Дмитрия Донского окончательно сложились отношения близкого сотрудничества между московскими правителями и православным духовенством Северо-Восточной Руси. Отношения тесного сотрудничества государственной власти и церкви

не составляют специфики древнерусской истории. В других европейских странах (как, например, во Франции) церковь также поддерживала усилия государственной власти, направленные на прекращение междоусобных войн, установление мира и порядка. Однако имело место и воздействие других факторов, которое придало на почве Северо-Восточной Руси такому союзу особую долговременность и прочность.

Экспансия Польши и Литвы на восточнославянские земли привела не только к появлению новых политических границ, но и к важным переменам конфессиональных отношений в регионе. Большие территории, занятые православным населением, оказались под властью литовских князей язычников, «чтителей огня». Они не ограничивали деятельность православной церкви на подчиненных им землях, но жестко препятствовали переходу литовцев в православие. Примером может служить судьба «виленских мучеников» — трех литовских бояр, перешедших в православие и казненных по приказу Ольгерда в 1347 г. Еще более важные перемены произошли после включения Галицкой земли (и на время — Волини) в состав Польского королевства. Здесь уже в 50–60-е гг. XIV в. католицизм стал выступать в качестве господствующей религии. В такие города, как Холм, Перемышль, Владимир Волынский — центры православных епархий, были поставлены католические епископы. Тогда же здесь стали закладывать монастыри «нищенствующих орденов» — главного орудия миссионерской деятельности католической церкви в эпоху Средневековья. В 1375 г. была создана особая церковная провинция с центром во Львове. Монастыри и епископства были наделены земельными владениями с православным населением. К концу XIV в. началась закладка костелов во всех центрах административных округов, а так как паства, которая могла бы обеспечивать священника своими приношениями, часто отсутствовала, то местное православное население стали облагать десятиной на содержание католического храма.

В таких условиях из господствующего православие становилось неравноправным, лишь терпимым вероисповеданием. После крещения язычников-литовцев подобная ситуация начала складываться и на «русских» землях Великого княжества Литовского. В 1387 г., т. е. еще при жизни Дмитрия Донского, в столице этого государства — Вильно было заложено католическое епископство, наделенное большими владениями, свободными от уплаты налогов и расположенными в значительной части на православных землях будущей Белоруссии. Сфера его действия распространялась почти на всю территорию Великого княжества.

Очевидно, что лишь создание в регионе сильного православного центра власти могло воспрепятствовать дальнейшему ослаблению позиций православия на территории Восточной Европы и создать в будущем возможности для восстановления его традиционной роли. Хорошо

известно, что стоявший в первые десятилетия правления Дмитрия Донского во главе общерусской Киевской митрополии митрополит Алексей использовал все имевшиеся в его распоряжении средства, чтобы поддержать великого князя московского в борьбе с литовскими правителями и их союзниками. В Константинополе митрополита упрекали за чрезмерную привязанность к своему воспитаннику великому князю Дмитрию. Привязанность эта, конечно, имела место, но мотивы, определявшие действия митрополита, были более глубокими, занятая им позиция определялась, как представляется, прежде всего опасениями за судьбы православия во всем огромном восточноевропейском регионе. О том, как оценивало деятельность митрополита русское общество, красноречиво говорит причисление его не только к лику святых, но и к числу главных покровителей митрополичьей кафедры. Ход событий не замедлил подтвердить его опасения за судьбы православия. Уже первые десятилетия после его смерти стали временем все более широкой экспансии католицизма на восточнославянские земли. В этих условиях союз государства и церкви на почве Северо-Восточной Руси становился все более прочным.

Византийско-хорватские отношения в раннем Средневековье

В отличие от некоторых других славянских стран история ранне-средневековой Хорватии не имеет в России длительной традиции изучения. С конца XIX в. время от времени некоторые исследователи обращались к хорватской проблематике, но немногочисленность и скудность письменных памятников¹ сочеталась с незначительным интересом в России к истории отдаленного католического славянского региона, самые контакты с которым не были постоянными².

Сведения первоисточников не радуют исследователя ни полнотой, ни репрезентативностью. Византийские материалы среди них являются основными, несмотря на определенную неоднозначность и внутренние противоречия³.

Литература по истории раннесредневековой Хорватии немногочисленна и преимущественно имеет обзорный характер, следствием чего являются фрагментарность и поверхностность трактовки⁴. Имеются разнообразные пособия («История южных и западных славян», очерк В. И. Фрейдзона в «Истории Хорватии»), которые, строго говоря, не являются исследованиями⁵.

Иначе обстоит дело с отношениями между Византией и формирующимися славянскими государствами на Балканах. В российской византистике данная тема, естественно, заняла одно из ведущих мест. Но в обширной литературе специально византийско-хорватским контактам в раннем средневековье посвящено немного исследований. Монографические работы по данной проблеме в России отсутствуют. Сказывается также определенное пренебрежение выводами хорватских и западноевропейских ученых, которое еще доживает свой век в российской славистике с прежних времен.

В настоящее время, за исключением важного и основательного исследования Б. Н. Флори⁶, очень мало работ, которые бы включали хорватскую историю в контекст сложных международных отношений на Балканах и, шире, в контекст европейской раннесредневековой истории. Преимущественное внимание многих исследователей сосредоточено на внутренней истории отдельных балканских государств, причем, как кажется, незаметно преувеличивается и их самостоятельность, и та роль, которую они могли играть на международной арене.

Задачей данной статьи является анализ возникновения и развития на территории и под влиянием Византийской империи раннесредневекового хорватского государства, рассматриваемое на широком фоне европейских международных отношений. Международные отношения на Балканах в Средние века неплохо изучены, однако следует рассмотреть их развитие с учетом хорватско-византийской конкретики. Немаловажно также обратить внимание на формирование условий и начало крестоносного движения через Балканы.

В древности Балканский полуостров неоднократно находился в центре крупных международных конфликтов. Разделение Римской империи лишь продолжило длительную борьбу между западным и восточным Средиземноморьем, фактически между греческой и римской цивилизациями, одна из которых была ориентирована на сильную государственность, а другая — на духовность⁷.

Средневековая история Балканского полуострова в системе международных отношений теснейшим образом связана с историей Византии, которой приходилось постоянно отстаивать свою территориальную целостность. С северо-востока полуостров был открыт для набегов варварских племен, с запада распространялись угрозы не только политические, но и идеологические. Для франкских и германских императоров и римских пап это была не только экспансия, но и поиск союзника в собственной междоусобной борьбе.

К началу Средневековья полуостров сохранял значение одного из центров античности, поэтому, казалось бы, должен был развиваться достаточно быстро, однако Великое переселение народов и местные особенности природной среды, в виде горных хребтов, разделяющих соседние территории, стали факторами, замедляющими социальное развитие. Этот момент известен давно и неплохо изучен⁸.

Реже упоминается и не утвердился в науке другой тезис — о роли в истории греческого элемента, который якобы оказался неспособен к созданию прочной и сильной государственной власти. Между тем данная гипотеза представляет собой попытку выяснить причины медленного развития Византии, а через нее и всего балканского региона, по сравнению с католической Западной Европой. Тем интереснее попытаться проследить отношения между исторически ориентированной на Запад Хорватией и центром средневековой Восточной Европы — Византийской империей.

Со времени разделения Римской империи западная часть Балканского полуострова являлась ареной острого соперничества. Варварские нападения и славянское переселение на время ослабили борьбу Запада и Востока. Усиление Византии в эпоху Юстиниана способствовало сохранению далматинских городов. Однако затем славянские переселения

ослабили империю, напротив, франкское государство постепенно начало усиливаться. Возвышение римских пап, а в дальнейшем образование Каролингской империи привели к обострению борьбы за влияние на западные Балканы.

Таким образом, хорваты пришли в пограничный район, где на западе они сталкивались с латинским и итальянским миром, на севере — сначала с иным славянским, позднее с венгерским населением, на юго-востоке — с Византией, на территории которой они расположились. Средневековая Хорватия представляла собой нечто вроде славянского форпоста, вдвинутого в западный мир, но не имеющего прочного «тыла» и поддержки и поэтому постепенно вынужденного все более ориентироваться на Запад и принять католичество.

Длительный вассалитет по отношению к Каролингской империи не привел к принятию западной модели государственно-правового развития. Хорватское население формировало свою государственность на древних византийских землях, и в то же время Хорватия не входит в «Византийское Содружество»⁹, исторически тяготея к Западной Европе. Возможно, Хорватия может быть отнесена к «среднеевропейской модели государства», предложенной Д. Тржештиком¹⁰.

Исторической необходимостью для Хорватии был выход к Адриатическому морю, однако далматинское побережье было полностью освоено с античных времен, города были тесно связаны торговыми отношениями с Италией, имели многовековую историю и переживали в VIII–IX вв. новый подъем¹¹.

Проблема формирования хорватского этноса по-прежнему далека от разрешения и допускает вполне экзотические предположения¹². Остается достаточно дискуссионным и ход процесса формирования государства у хорватов. Что же касается процесса перехода на протогосударственную стадию «вождества»¹³, то начало его, по современным данным, может быть датировано, по-видимому, завершением расселения в конце VI в., когда славяне разместились широкой полосой от территории будущей Великой Моравии на юг, по обоим берегам р. Савы вплоть до северо-восточного побережья Адриатического моря¹⁴. Эти земли с I в. до н. э. находились под административной властью Римской империи, к моменту предполагаемого переселения хорватов они составляли ранневизантийскую провинцию Далмация. В результате переселения территория провинции сильно сократилась и включала лишь несколько прибрежных островов и городов. Помимо хорватов здесь присутствовало также иное славянское и отчасти аварское население.

Аварская власть над хорватами не может быть детально охарактеризована. Приход хорватов ориентировочно датируется 20–30-ми годами VII в. Вероятно, Византия была заинтересована в хорватах как в союзниках,

возможно, между ними существовало и формальное соглашение¹⁵. К концу VIII в. образуется хорватское государство¹⁶, в начале IX в., по-видимому, завершился процесс христианизации хорватов¹⁷.

Далматинские города оказались соседями хорватов и в первой трети VII в. пережили упадок, однако преемственность античных традиций сохранилась даже в тех случаях, когда отдельные города были разрушены, и население было вынуждено построить их на новом месте. Наиболее ясно об этом свидетельствует сохранение элементов античного муниципия. До начала IX в. города выпали из-под контроля Византии, но затем там вновь появились архонты, и в 812 г. они формально вернулись под власть империи. В IX в. города Далмации составили особую фему в составе Византии, и в то же время им приходилось постоянно контактировать с властями хорватского государства.

Славянское население тесно окружало города, но в самих городах оно и к X в. было незначительно. Славянизация далматинских городов датируется только XII в.¹⁸, когда существование независимой Хорватии уже прекратилось.

Влияние византийского права и институтов в Далмации было мало заметно, иное дело — воздействие итальянского права и нотариата, хотя вплоть до XIII в. писаное право значительно уступало обычному¹⁹.

По нашему мнению, главная особенность истории раннесредневековой Хорватии как раз и заключалась в сложности интеграции далматинских городов в состав государства. Особые отношения, которые связывали эти города с Византией, превращают внешние отношения с Византией в основную проблему внутренней истории Хорватии, в конце концов приведшую страну к потере независимости.

Развитие византийско-хорватских отношений кратко может быть представлено в следующем виде.

Процесс расселения хорватов на Балканском полуострове известен недостаточно, история хорватской народности относительно документирована только после уничтожения франками лангобардского владения в Италии и аварского в Паннонии. Следовательно, хорваты очень рано оказались под влиянием аваров и франков.

В настоящее время встает вопрос: является ли однозначно справедливой теория формирования в Приморской Хорватии под главенством хорватов племенного союза, включавшего остатки аварского и славянского населения, теория, которая еще недавно казалась незыблемой²⁰. Данная теория, как кажется, излишне схематизирует и упрощает процесс становления хорватского государства. Этот процесс осложнялся византийским и франкским влиянием.

Хорваты вошли в состав империи Карла Великого, и до конца VIII в. они находились, на протяжении почти двухсот лет, под властью франков.

Византийский правитель и историк Константин Багрянородный преувеличивает жестокость франков, явно стремясь противопоставить «незаконную власть Запада» процветанию народов под сенью Константинополя²¹. Думается, франки увеличили количество ограничений внешней политики и торговли, которые не требовала от далматинских городов Восточная империя.

Важно, что на протяжении IX в. сначала авары, а затем франко-византийское соперничество задерживают и искажают процесс становления хорватского государства.

Положение хорватов значительно ухудшилось после распада государства Карла Великого. Уже в правление Людовика Благочестивого власть маркграфов значительно усилилась. Усиление маркграфа Фриульского Кадалоха привело после ряда безуспешных жалоб императору на его «самовластие» к восстанию Людевита Посавского. Это восстание начинает историю средневековой Хорватии. Наступление имперских войск из Италии было отражено. Возможно, борьбе Людевита оказывала помощь Болгария. Людевит победил благодаря измене гачан, далматинского жупана Борну и в конце 819 г. вступил в Далмацию как завоеватель. Однако местные хорваты поддержали Борну, который открыто встал на сторону Людовика Благочестивого и получил от него вспомогательные войска. В 820–821 гг. Людевит был принужден к обороне в Паннонии, где пытался укрепить города с помощью венецианских мастеров. В 822 г. Людевит бежал в Сербию и пытался присвоить одно из местных владений, в 823 г. мы видим его уже в Далмации у родственника Борны Людемысла, который и убил его. Первая попытка объединения хорватских земель провалилась.

Посавские хорваты остались под властью франков, но далматинские хорваты усилились, и в 819 г. Борна уже называется князем Далмации. В 821 г. дело Борны, после его смерти, продолжил его внук, Владислав. По преданию, он был избран народом и утвержден императором.

Дальнейший распад империи франков постепенно усиливал Хорватию. В середине IX в. князь Трпимир (845–864) еще находился в подчинении итальянского короля и императора Лотаря (823–855). Хорватия в грамоте Трпимира именуется королевством, наряду с жупанами в совете заседают чиновники — камерарии. Король заключил союз с церковью. Еще предшественник Трпимира Мислав (835–845) начал строить церкви и установил десятину церкви со своих земель. Немаловажной причиной союза хорватского государства с церковью были старинные далматинские города, сохранявшие римский строй жизни и зависевшие по-прежнему от Византии. Расположение духовенства этих городов имело большое значение для судеб Хорватии, претендовавшей на города и самую область.

Однако проводить последовательную внешнюю политику формирующееся хорватское государство было не в состоянии. Соперничество жупанов обострилось во второй половине IX в. Подробности междоусобицы нам неизвестны, но это довольно типичные обстоятельства, характерные для времени существования «долевого» королевства²². В итоге хорватским князем оказывается узурпатор Домагой (864–876).

В конце IX в., после вступления на престол Василия I Македонянина (867–886), Византийская империя восстанавливает (880) свой контроль над Далмацией. Права на Хорватию, как считалось, принадлежали в то время итальянскому королю, франкскому императору Людовику II (855–875). Василий I не начал еще решительной войны с франками. Он ждал развития событий в Хорватии. После смерти Домагоя Василий оказал помощь в борьбе за власть трпимировичу Здеславу (878–879). В благодарность Здеслав подчинил Хорватию Византии, зависимость от франков окончилась. Далматинские города теперь должны были платить хорватскому князю, а не византийскому стратегу. Василий I установил символическую плату, в обмен на которую хорваты должны были защищать обрабатываемую далматинскими горожанами землю, находившуюся за пределами городской стены²³.

Проблема христианизации хорватов имеет важное значение для последующей судьбы хорватского государства. Далматинские города были христианизованы еще в апостольские времена. Салонская митрополия существовала, по-видимому с IV в.²⁴ После раздела Римской империи укрепилась связь далматинских и римской церквей.

Самостоятельная хорватская епископия в Нине была учреждена, судя по письму папы Николая I, в конце 50–60-х годов IX в. Нинская епископия заняла большую часть земель бывшей Салонской архиепископии. После разрыва церквей, последовавшего за собором 870 г., хорваты признали власть константинопольского патриарха²⁵. То же были вынуждены сделать и далматинские епископы. Конкретно в актах сплитского собора 928 г. упомянуты Задарская, Рабская, Кркская и Апсарская епархии.

После убийства князя Здеслава Бранимиром (879–892) нинский диакон Феодосий занимал обе епископские кафедры, нинскую и сплитскую, начала складываться национальная хорватская епископия со славянским богослужением. При князе Томиславе (910–928), который принял в 925 г. королевский титул, и нинском епископе Григории существовала возможность объединения далматинских диоцезов под властью нинского епископа. Однако на сплитском соборе 928 г., состоявшемся уже после смерти Томислава, нинская епископия была упразднена. Славянское богослужение в Хорватии было запрещено решениями сплитского собора 925 г. Но и в XI в. папы-реформаторы боролись с богослужением на национальных языках.

Мутимир (892–910) обозначал себя в грамотах «сыном Трпимира». В это время международная обстановка на Балканах вновь резко изменилась: Восточнофранкским королевством для борьбы с Великой Моравией были приглашены венгры. В 907 г. они овладели Паннонией, Посавская Хорватия освободилась от потомков франков, но оказалась перед лицом нового опасного врага.

Примерно в то же время на престол Болгарии вступил Симеон (893–927), началась его длительная война с Византией. В этой борьбе Симеон использовал сербские племена, и к началу X в. болгарское царство быстро усиливалось.

В то же время укрепляется центральная власть в Хорватии, жупаны постепенно начинают превращаться в королевских служащих, однако этот процесс идет достаточно медленно. Князья по-прежнему провозглашаются народом и утверждаются восточнофранкскими правителями. Во внутренние дела Хорватии продолжала вмешиваться Византия, поэтому Бранимир искал себе поддержки в Риме. Мутимир объявил себя правителем «по воле Божией», что должно было легитимизировать самостоятельность государства.

Князь Томислав (910–928) расширил территорию Хорватии за счет западной Боснии и вступил в союзные отношения с сербскими племенами. Когда в 913–920 гг. развернулось решительное наступление болгарского царя Симеона на Византию, принявший престол в 920 г. вместе с Константином VII Багрянородным император Роман Лакапин (до 944 г.) попытался опереться сначала на сербов, а затем и на хорватов, благодаря чему Томислав получил сначала титул проконсула Далмации, а затем, в 925 г., и королевский титул. В 925–926 гг. Хорватия воевала с Симеоном на стороне Византии. Теперь и далматинские города должны были почувствовать зависимость от Хорватии.

Ответные действия Симеона не заставили себя ждать. В ответ на «измену» сербов и нападение хорватов он послал в 926 г. свои войска в Хорватию. Но Томислав уничтожил 27 мая отряд Алобогатура на границе. Только теперь Хорватское королевство можно было считать укрепившимся. На самом деле, не все так просто: молчание источников о следующем периоде истории Хорватии достаточно красноречиво. Последовательного возвышения хорватского государства не получилось.

Томислав управлял Далмацией в качестве проконсула, верховная власть над ней оставалась у Византии. После смерти Томислава влияние Хорватии на Далмацию еще более ослабло, проконсулом вновь стал приор г. Задара, хотя, возможно, города еще и платили хорватам символическую дань.

Если считать справедливой раннюю датировку установления коммунального строя Й. Лучичем, то уже во второй половине X в. в далма-

тинских городах начинается «коммунальная эпоха»²⁶. Соединительным звеном может служить институт градоначальников-дуумвиров. Можно согласиться с выводом М. М. Фрейденберга о том, что города в те времена уже были политически автономны, но коммунального строя еще не имели.

«Периферийное положение Далмации и затрудненность сообщений с Константинополем привели к тому, что здесь, как правило, не было специального имперского наместника»²⁷. Старший приор Задара до середины XI в. был и наместником Далмации: архонтом провинции, в IX–X вв. стратигом фемы, с середины XI в. — катепаном. Ведь у наместника Византии не было ни средств, ни войска, ни государственного аппарата.

Приорат сложился в далматинских городах, скорее всего, в середине VIII — IX в. Приоры не были самостоятельны, попытка Мадиевичей во второй трети XI в. добиться от Константинополя автономии закончилась для них трагически²⁸. В X в. Далмация находилась на положении византийской фемы²⁹. Это не противоречит возможной разовой личной коронации Томислава.

Стефан Држислав (969–997), как и его предшественник, воспользовался для усиления государства новым болгаро-византийским конфликтом. Хорватия, как часто утверждается, при Држиславе получила Далмацию от Византии в благодарность за помощь. Однако Држислав умер до войны с Самуилом³⁰. Поэтому гипотеза не выдерживает критики. Но после 986 г. в актовых материалах исчезает титул проконсула Далмации, территория которой, видимо, была захвачена Хорватией.

Между тем Котор с 1022 г. был суффраганией Бари; Улцинь и Бар с образованием в VIII в. фемы Диррахий входили в ее состав, и в начале XI в. епископы указанных городов находились в подчинении митрополита Даррахия, признававшего власть константинопольского патриарха³¹. Вопрос о признании данными епископиями власти Дубровницкого архиепископства в будле папы Бенедикта VIII, подлинность которой оспаривается, остается нерешенным.

Превращение Хорватии в адриатическую морскую державу, опирающуюся на мощные торговые города Далмации, нарушило баланс сил, сложившийся в этом районе европейского континента. Прежде терпеливо платившая условную дань хорватам Венеция должна была защищать свое лидирующее положение. Решительный и энергичный дож Пьетро II Орсеоло расширил отношения со слабой и малоопасной Византией до военно-политического союза. Выплата дани Хорватии была прекращена. Тогда хорваты и неретвляне возобновили пиратские нападения и встретили подготовленный отпор Венеции. Нападение шести кораблей под командованием Б. Брагодино привело к падению Виса, жители были уведены в плен в Венецию.

Население далматинских городов вполне устраивала власть слабеющей Византии или родственников им венецианцев, но они не видели ни социально-политической, ни экономической выгоды от вхождения в состав хорватского королевства — недостаточно сильного и не имеющего серьезного влияния на средиземноморские дела. В результате наиболее значительный город Далмации Задар перешел под власть Венеции.

Византия поддерживала сына Држислава Светослава в борьбе со свергнувшими его братьями Крешимиром III (998–1030) и Гоиславом (998–1020). В начале XI в. братья были вынуждены признать власть Василия II Болгаробойцы (976–1025).

По-видимому, к этой междоусобице приложили руку венецианцы, они агитировали далматинские города подняться против хорватского владычества. Попытка Стефана Држислава (969–997) добиться возобновления уплаты дани Венецией спровоцировала открытый конфликт. Сотрудничество Венеции и Византии окрепло, причем первая выступала как бы от имени последней. Жестокое подавление венецианского влияния только озлобило население далматинских городов. Нападение неретвян на Задар вызвало обращение жителей далматинских городов к Венеции с просьбой о помощи против «хорватского варварства» и предложением принять над собой власть дожа. Последовали переговоры дожа и византийского императора, формальное согласие которого было необходимо. Добившись согласия императора, дож собрал корабли и начал экспедицию в 996 г. Города триумфально встречали венецианцев, помимо далматинцев и местные хорваты принесли дожу присягу верности. Города даже послали войска, чтобы помочь дожу завоевать приморские хорватские города. Биоград и Трогир сдались без боя. По-видимому, в последнем был заключен какой-то договор между дожем и претендентом на хорватский престол Светославом. Принужден был покориться и Дубровник. В Сплите дож был с почетом встречен архиепископом Петром. По возвращении в Венецию Пьетро II Орсеоло провозгласил себя дожем Далмации. Венеция значительно укрепила свое положение на Адриатике, что и было ознаменовано торжественным обрядом обручения дожа с морем. Этот обряд служил дополнительной легитимацией власти дожа.

Таким образом, далматинские города предпочли перейти под власть Венеции, действовавшей если не в союзе, то с молчаливого согласия Византии. Хорватия оказалась в чрезвычайно трудном положении. Обладание далматинскими городами становится вопросом выживания Хорватии, и борьба ее с Венецией больше не прекращается. Города несколько раз под давлением силы переходят под власть Хорватии, но при малейшем ослаблении контроля, Далмация возвращается под власть Венеции. Важно, однако, что обе соперничающие стороны признают верховные права Византии на Далмацию.

Князь Крешимир III (998–1030) попытался уничтожить венецианское влияние в Далмации и приблизительно в 1018 г. совершил нападение на Задар и некоторые другие приморские города. Далматинцы позвали себе на помощь венецианского дожа Оттоне Орсеоло, который и прибыл с большим флотом, принудив хорватов к отступлению.

В это время византийский император Василий II Болгаробойца (976–1025) уничтожил болгарское царство. Хорватия уже достаточно давно находилась во враждебных отношениях с империей, но теперь, перед возможностью соединения сил своих врагов — Венеции и Византии, Крешимир III был лишен выбора и вынужден согласиться на восстановление власти Византии.

Для обеспечения своего суверенитета Крешимир III решил установить союзные отношения с Венгрией. Таким образом, маленькая Хорватия вступила в большую европейскую политику, что было чревато непредсказуемыми последствиями. Когда в 1025 г. началась очередная война Венгрии и Германии, причиной которой в тот раз стали польские междоусобицы, и Венгрия пришла на помощь правителю Польши, чтобы вскоре подвергнуться нападению Германии, венгерский король Стефан (Иштван) I Венгерский (997–1038, король с 1000 г.) нашел себе союзника в лице Крешимира III. По заключении мира Венгрии и Германии, Хорватия получила от Венгрии часть Славонии, в 1030 г. союз между двумя странами был закреплен династическим браком сына венгерского короля и дочери Крешимира III. Тогда же, между 1024 и 1030 гг., был поставлен независимый от Сплита амбулантный хорватский епископ.

Новый король Хорватии, сын Светослава, Стефан I (1030–1058) также находился в родственных отношениях с Венгрией³². Видимо, при поддержке Венгрии Стефан I возобновил давление на Далмацию и около 1044 г. добился ее подчинения. Венеция ожидала реакции Византии на эту потерю, но не дождалась, и в 1044 г. дож прибыл под Задар и восстановил власть Венеции, однако часть городского населения теперь была против венецианского господства. Восстановление власти Венеции над Далмацией было также нарушением международных договоров, так как новый захват городов не был санкционирован Византией.

Петр Крешимир IV (1058–1074) после периода слабости и междоусобиц восстановил сильное хорватское королевство. В 1059 г. он обозначил себя в качестве «короля Хорватии и Далмации» с согласия и при поддержке Византии³³. Хорватия сотрудничала с папством, которое находилось в начале политического подъема и пользовалось растущей поддержкой всего романского мира и Далмации в частности. На севере Хорватия вновь присоединила к себе Срем, фактически достигнув этнических границ. Хорватская Паннония, давние византийские земли, также перешла под власть Петра Крешимира IV. Однако она получила осо-

бого бана-наместника, которым стал Дмитрий Звонимир. Поскольку на эти земли исторически претендовала Венгрия, требовалось поддерживать с ней союзные отношения (1065) и даже женить Дмитрия Звонимира на дочери венгерского короля Шаламона (1063–1074).

Теперь Петра Крешимира IV начало тяготить совместное с Византией владение Далмацией. Задарский приор, катепан Далмации, императорский протоспафарий до 1068 г. упоминается в актовом материале³⁴. Затем титул катепана исчезает, но имя византийского императора остается на первом месте³⁵.

К югу от Хорватии князь Дукли Михаил I Воиславлевич в 70-е годы XI в. выбрал Дубровник в качестве столицы будущей митрополии. Однако раскол папской власти, конкуренция Сплитской церкви, противоречия в самой дубровницкой церкви помешали реализации плана. При Михаиле Бодине антипапа Климент III выдал буллу о создании митрополии в Баре. У Сплитской церкви появился опасный конкурент, и она долгое время не признавала территориальных прав архиепископии в Баре.

Кончина Петра Крешимира IV в 1074 г. привела к новому обострению хорватских междоусобиц. Как всегда, после временного усиления слабого государства следует спад. Но в данный момент это ослабление центральной власти оказалось для Хорватии роковым из-за слабости Византии и нового обострения международного положения на Балканах.

В дополнение к проблемам, надвигавшимся на Византию с востока, так что империя была принуждена униженно просить западные страны о помощи, на Сицилии в 1059 г. появились норманны, покорившие византийские владения в Италии. Следующей целью норманнов стала Далмация. И венецианцы, и хорваты должны были вступить в новую войну, но совместные действия организовать не удалось. Только после поражения хорватов венецианцы одержали победу над норманнами. Далмация возвратилась под власть дожа Доменико Сильвио. Духовенство далматинских городов признало за венецианским правителем титул «дожа Далмации».

Влияние местных епископов на положение далматинских городов в это время было весьма значительно. Во второй половине XI в. сплитская архиепископия переняла из рук Мадиевичей дело борьбы за отложение Далмации от Византии (с которой обычно сотрудничала задарская епископия). В то время, когда после 1054 г. западная церковь противопоставила себя и западному, и восточному императорам, началось становление коммунального строя в далматинских городах³⁶. Города начали выходить из под власти императора и епископов. В этих условиях, как указывает М. М. Фрейденберг, церковная власть усилилась, и именно коронация в 1075 г. хорватского короля Дмитрия Звонимира папским легатом завершила процесс освобождения от сюзеренитета Византии

(прежде короли принимали власть над Далмацией из Константинополя) не только фактически, но и юридически³⁷. Самый сильный из местных правителей бывший бан Славонии Дмитрий Звонимир (1074–1089) при поддержке папы был избран королем Хорватии и Далмации, и папский легат венчал его королевской короной. В ответ король клялся в верности «папе Григорию», фактически принеся ленную присягу. Благодаря этому Хорватия вскоре восстановила отношения как с Византией, так и с перешедшими на сторону папы норманнами. Однако в Европе разгорелась борьба за инвеституру между германскими императорами и папами. В этой борьбе Венеция стояла на стороне императора Генриха IV.

И снова международный конфликт перешел во внутривенские междоусобицы. По замыслу папы Хорватия должна была ослабить императора. В 1079 г. началась война, но вмешательство Хорватии было отложено до 1081 г., когда австро-чешская война между сторонником и противником Генриха IV потребовала посылки войск. Экспедиция провалилась, в Каринтии австрийский маркграф Леопольд II уничтожил хорватские войска. Тогда в стране вспыхнуло недовольство внешней политикой князя, осуществляемой в чуждых интересах.

В 1082 г. в войне Византии с норманнами Хорватия выступила на стороне последних в качестве союзника папы. Император Византии уступил в ответ в 1085 г. и Далмацию, и саму Хорватию Венеции. Виталис Фаледро стал дожем Венеции и Хорватии. Это был приговор независимости страны. В том же году скончался Григорий VII.

Поместный собор 1087 г., созданный в правление Звонимира, проходил в Нине, на хорватской земле, а не в Сплите, ориентированном на Византию. Правитель стремился к усилению хорватского влияния в далматинских городах. Но в 1089 г. Звонимир умер, и началась новая борьба претендентов за власть в Хорватии. Короткое правление Стефана II (1089–1091) было только отсрочкой гибели государства.

Прекращение рода Крешимировичей вскрыло масштаб недовольства в стране их политикой. Борьба между жупанами приняла характер длительной ожесточенной междоусобицы, из которой государство, как это случалось прежде, могло выйти более сильным, если бы не помешали острые международные противоречия. Жена Звонимира Елена и его сын Радован не получили поддержки в стране. Тогда Елена обратилась к своему брату — венгерскому королю Ласло I Святому (1077–1095), у которого искали поддержки также и другие претенденты на престол. В 1091 г. венгерский король легко занял Северную Хорватию вплоть до горы Гвозд (Железные Альпы, отделяющие Хорватию от Славонии). Сопrotивления не было, центральная власть в стране отсутствовала. Только внешние причины помешали Венгрии уже тогда подчинить себе Хорватию: войны с печенегам, Польшей и Чехией.

Присоединенная часть Хорватии перешла под власть королевского родственника Альмоша. В 1094 г. Ласло I Святой с одобрения антипапы Климента III в качестве нового центра притяжения для далматинских городов основал загребское епископство. Вмешательство венгров проявилось прежде всего в утверждении на городских кафедрах своих ставленников, в дальнейшем провенгерски настроенные епископы оттесняли на задний план городских князей и приоров. Это стало дополнительной причиной для конфликтов горожан с епископами, которые особенно обострились к середине XII в.

В 1095 г. королем Венгрии стал Кальман (1095–1116), через год дожем Венеции стал Виталис Микиели, и оба претендовали на Хорватию: первый как родственник Звонимира, второй — по договору с Византией.

Решающее значение в развернувшейся борьбе должны были сыграть далматинские города. В них медленно происходило становление административной структуры, государственными образованиями они так и не стали. Расположенные вдали от континентальных государств, они, как считается, слабо участвовали в процессах государствообразования у южных славян. В 1097 г. далматинские города возглавили итальянские правители, так как они перешли под власть венецианского дожа, «императорского севаста»³⁸.

В 1099 г. Венеция послала своих представителей в Далмацию, чтобы привлечь города к участию в крестовом походе и напомнить о своих правах. Города признали данный Византией венецианскому дожу титул.

Виталис Микиели вступил в переговоры с Кальманом о возможном присоединении Хорватии к Венеции. В ответ Кальман в 1102 г. отправился в поход на Хорватию. Объединенные силы хорватов встретили его на Дрине. Начались переговоры, и двенадцать жупанов предложили Кальману королевский титул от имени всего хорватского народа. В Биограде Кальман был увенчан короной Хорватии и Далмации. Военные действия, по-видимому, все же имели место, но были непродолжительны.

Сохранилась старинная легенда, которая связывает потерю независимости с неучастием хорватов в первом крестовом походе, который, в свою очередь, активно поддержали далматинские города³⁹.

За Хорватией вскоре пришел черед и Далмации. В 1105 г. Кальман подчинил Задар, в 1107 г. — Сплит и Трогир. Судя по всему, города получили привилегии: право самостоятельно избирать епископа и князя, запрещение на пребывание в городе иноземцев и др. Сплит, однако, и в дальнейшем воспринимался как центр византийского влияния в Далмации. Эти отношения заметны в «Хронике Фомы Сплитского», который поддерживает византийскую политику, поскольку она способствовала усилению влияния Сплитской церкви.

Сохранявшаяся длительное время, искусственно поддерживаемая Византией связь Хорватии и Далмации не имела глубокой внутренней опоры и в конечном счете стала роковой для хорватской государственности. С другой стороны, не следует считать полностью легендарным фактор неучастия Хорватии в первом крестовом походе. И папство, и империя не случайно именно в это время утратили интерес к стране, которая была постоянной участницей их внешней политики. И, хотя они не были особенно высокого мнения о венграх, Хорватия, с их позиций, видимо, не заслуживала защиты.

Эволюция отношений хорватского государства и Византии представляет значительный интерес в связи с теми серьезными проблемами, которые переживала центральноевропейская государственность в Средние века. Далматинские города предстают той «связующей нитью», которая на протяжении длительного времени и вопреки всем обстоятельствам обеспечивала взаимодействие Западной и Восточной Европы.

Византийская империя в периоды своего ослабления признавала формальную самостоятельность раннегосударственных образований на своей территории, присваивала их правителям собственные звания, допускала личную коронацию наиболее ярких руководителей, но при первой же возможности стремилась восстановить полный контроль над принадлежавшими прежде землями, кто бы в действительности их ни населял. Константинопольский патриархат также был готов проявить определенную гибкость с тем, чтобы укрепить свое влияние на определенной территории.

Таким образом, византийская политика, с одной стороны, способствовала развитию процесса христианизации, с другой стороны, порождала длительные конфликты, которые замедляли развитие поселившихся на территории империи народов. Еще одним следствием византийской политики стало стремление соседей империи к участию в союзах, направленных против Константинополя. За редким исключением такому союзу требовался сильный лидер, которого обычно искали на Западе.

И франкская, и германская империи в своих конфликтах с Византией не столько стремились захватить определенную территорию, сколько повысить свой статус и легитимизировать притязания на имперское достоинство. Поэтому они были весьма ненадежны как союзники и очень опасны как противники.

Политика римских пап была направлена прежде всего на сохранение и расширение влияния на Балканах. Однако поддержка римского первосвященника в эпоху раннего Средневековья не могла быть стабильной из-за разнообразных политических кризисов и конфликтов с императорами. Еще более важным представляется то, что папы были не способны оказать реальную военную помощь или привлечь сильных союзников.

Венеция усиливается к концу раннего Средневековья. В истории византийско-хорватских отношений она сыграла драматическую роль, действуя от имени Византии. Венеция стремилась установить контроль над далматинскими городами, которые могли в дальнейшем превратиться в прямых конкурентов. Поддержка части горожан преопределила поражение и гибель Хорватии.

Венгрия вроде бы не осуществляла целенаправленной захватнической политики по отношению к Хорватии. Несмотря на приграничные конфликты, между странами складывались скорее союзные отношения. Трудно сказать, имела ли Венгрия какое-либо отношение к внутривенгерским междоусобицам, однако в конечном счете Хорватия стала частью именно венгерского королевства.

Как видно из вышеизложенного, раннесредневековая Хорватия не смогла интегрировать далматинские города и укрепиться на Адриатическом море во многом из-за особенностей византийской внешней политики и общей сложности международных отношений на Балканах.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Тексты письменных памятников регулярно публикуются со второй половины XIX в.: *Vetera Monumenta Slavorum meridionalium* / Ed. A. Theiner. Romae, 1863. Т. 1. Они неоднократно подвергались характеристике как в мировой, так и в российской историографии, например: *Klajić N. Pregled izvora i historiografije za hrvatsku povijest do XII. Stoljeća*. Zagreb, 1976. См. также: *Пахомов Ю. В.* Некоторые особенности источников ранней хорватской истории // *Вестник Коломенского государственного педагогического института*. Коломна, 2006. № 1. С. 62–69.
- ² Немногим удавалось приподняться над конфессиональной и национальной узостью. В их числе следует назвать крупнейшего русского философа Владимира Соловьева, который посетил Загреб и там опубликовал свою книгу «История и будущность теократии» (1886).
- ³ См. особенно: *Литаврин Г. Г.* Введение // *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. М., 1989. С. 22, 24, 28–29. Также важна работа: *Литаврин Г. Г.* Византийское общество и государство в X–XI вв. М., 1977.
- ⁴ См. об этом позицию Е. П. Наумова в кн.: *Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси*. М., 1988. С. 68. См. также: *Иванова О. В., Литаврин Г. Г.* Славяне и Византия // *Раннефеодальные государства на Балканах*. VI–XII вв. М., 1985. С. 34–98.
- ⁵ *История южных и западных славян*. М., 2001. Т. 1.; *Фрейдзон В. И.* История Хорватии. СПб., 2001.
- ⁶ *Флоря Б. Н.* У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.) // *Исторический вестник*. М., 1999. № 2.
- ⁷ *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. М., 1992. Кн. 1. С. 70–71.

- 8 Смирнов И. Н. Очерк культурной истории южных славян. Казань, 1900. Вып. II.
- 9 См.: Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998.
- 10 Тржешић Д. Возникновение славянских государств в Среднем Подунавье // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.). М., 1991.
- 11 Седов В. В. Славяне: Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 492.
- 12 Не входя в детали, особенно отметим работу: *Margetić L. Neka pitanja etnogeneze Hrvata // Radovi. Zavod za hrvatsku povijest. Zagreb, 1995. Sv. 28.*
- 13 Типичным примером является отмеченное у аваров и переносимое на хорватов своеобразное двоевластие князя и военного аристократа. См.: Примечание к главе 30 в кн.: *Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 373.*
- 14 См.: Седов В. В. Славяне: Историко-археологическое исследование. Рис. 102. С. 483.
- 15 Там же. С. 491.
- 16 *Klaić N. Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku. Zagreb, 1971. S. 177.*
- 17 *Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 472.*
- 18 *Фрейденберг М. М. Города-коммуны далматинского побережья (VII — середина XIII вв.) // Раннефеодальные государства на Балканах. VI–XII вв. М., 1985.*
- 19 Там же. С. 265.
- 20 Например: Комментарий О. А. Акимовой в кн.: *Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. М., 1997. С. 161.*
- 21 *Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 133.*
- 22 Подобные междоусобицы стали классикой в истории франков: *Лебек С. Происхождение франков. V–IX вв. М., 1993.*
- 23 Мнение Ф. Шишича (*Šišić F. Povijest Hrvata u vrijeme narodnih vladara. Zagreb, 1925*) о том, что символическая плата была установлена в 641 г., представляется труднодоказуемым.
- 24 См.: *Прозоров В. Б. Позднеантичная и раннесредневековая история салонской церкви в отражении анонимной «Салонской истории» («HISTORIA SALONITANA MAIOR»).* Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.
- 25 *Norden W. Das Papsttum und Byzanz. Berlin, 1903.* См. также ценную работу о более позднем периоде, но с упоминаниями о данном времени: *Gill J. Byzantium and the papu. 1198–1400. New Jersey, 1979.*
- 26 По отношению к Дубровнику это мнение оспаривал М. М. Фрейденберг: *Фрейденберг М. М. Города-коммуны... С. 264.*
- 27 Там же. С. 265.
- 28 Там же. С. 276.
- 29 Комментарий О. А. Акимовой в кн.: *Фома Сплитский... С. 169.*
- 30 *Ферлуга О. Византиска управа у Далмацији. Београд, 1957.*
- 31 Комментарий О. А. Акимовой в кн.: *Фома Сплитский... С. 172–173.*
- 32 Его супруга была теткой венгерского короля Петра.
- 33 Характерно, что тогда же был послан в Хорватию в связи с расследованием местных междоусобиц легат папы Николая II (1059–1061) Майнард. Сплит-

ский собор далматинских и хорватских епископов, запрещающий славянское богослужение в соответствии с решениями Латеранского собора 1059 г., состоялся в 1059 или 1060 гг. Папа Александр II (1061–1073) в 1061 г. подтвердил решения собора.

³⁴ См.: Rački F. Documenta historiae Croatiae periodum antiquam illustrantia. Zagrabiae, 1877.

³⁵ Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae. Zagreb, 1967. Sv. 1.

³⁶ Что касается отношений западной и восточной церквей в далматинских городах, они были драматичными, но допускали сосуществование. Так, значительно позднее «в православном Диррахиуме существовал „archidiaconus Latinorum“, осуществлявший церковное управление местной католической общиной: Sufferlay M. v. Die Kirchenzustände im vortürkischen Albanien. Die orthodoxe Durchbruchzone im katholischen Raume // Illyrisch Albanische Forschungen. Bd. 1. München; Leipzig, 1916. S. 198–199» (цит. по: Флоря Б. Н. У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.) // Исторический вестник. М., 1999. № 2. Глава I. Религиозные отношения в славянском мире сразу после разделения Церквей в 1054 г.).

³⁷ Фрейденберг М. М. Города-коммуны... С. 277.

³⁸ Комментарий О. А. Акимовой в кн.: Фома Сплитский... С. 185.

³⁹ Ljetopis pora Duklanina. Zagreb, 1950. S. 67–68.

Проекты конституции для Королевства Польского (1812–1815)

После падения Речи Посполитой в конце XVIII в. поляки не переставали надеяться на восстановление Польского государства. При этом определенная часть просвещенного польского общества связывала такие перспективы с благоприятной международной ситуацией, рассчитывая, в частности, на помощь Франции. Сам факт воссоздания Наполеоном в 1807 г. польского государства в форме так называемого Княжества Варшавского¹ поддерживал надежды польской шляхты на благоприятный ход событий в будущем — восстановление независимой Польши в границах 1772 г. В целом решение польского вопроса во многом зависело от стран, принимавших участие в разделах Польши: Пруссии, Австрии и прежде всего России, так как значительная часть территории бывшей Речи Посполитой — литовские, белорусские, украинские земли — оказались включенными в состав Российской империи. Возможность восстановления польского государства в начале XIX в. определялась как позицией российского правительства по польскому вопросу, так и соотношением сил на международной арене, в значительной степени характером российско-французских отношений.

С самого начала своего вступления на престол Александр I благожелательно относился к намерениям поляков восстановить независимое государственное существование. Он открыто заявлял о своей негативной оценке политики Екатерины в отношении Польши. По иронии судьбы, Екатерина, уделявшая много внимания воспитанию внука и готовившая его к будущему царствованию, сама, стремясь дать ему европейское образование, познакомить с современными передовыми политическим воззрениями, не могла предвидеть, что Александр окажется столь податливым и столь прилежным учеником, легко усваивавшим внушавшиеся ему идеи. Политические взгляды будущего российского императора складывались под влиянием двух лиц, сыгравших серьезную роль в формировании его мировоззрения вообще и, в частности, его польской политики, что отчетливо проявлялось по крайней мере в первые годы царствования. Одним из них был швейцарский генерал, сторонник республиканских идей Ф. Лагарп, специально приглашенный для воспитания цесаревича, а вторым стал польский аристократ Адам Ежи Чарторыйский.

Длительные дипломатические переговоры между Россией и Францией о заключении конвенции, основной целью которой являлось дос-

тижение взаимоприемлемой договоренности по польскому вопросу, привели, однако, не к достижению компромисса, но к обострению отношений между договаривавшимися сторонами. В годы, непосредственно предшествовавшие началу Отечественной войны 1812 г., значение Княжества Варшавского в российско-французских отношениях особенно возросло. Обе державы понимали, что военное столкновение между ними неизбежно, и потому каждая из них стремилась привлечь поляков на свою сторону. Княжество Варшавское представляло собой важный плацдарм для ведения военных действий, а также источник людских резервов и материальных ресурсов, необходимых для снабжения армии. Некоторые российские государственные деятели, находившиеся в ближайшем окружении императора Александра I, советовали ему с целью получить расположение поляков, восстановить польское государство, назвав его Королевством Польским, а себя провозгласить польским королем. Вопрос о территориальных границах не ставился, подразумевалось Княжество Варшавское. О подобных намерениях российского императора свидетельствуют несколько фактов, и прежде всего это его собственная позиция по польскому вопросу, неоднократно высказывавшаяся им в беседах с Адамом Чарторыским. Одновременно Россия предпринимает попытку на конфиденциальном уровне обсуждать с поляками вопрос о возможности восстановления польского государства. Причем для России остро стоял вопрос, какое государство следует обещать полякам, каким должно быть его политическое устройство и на каких условиях оно должно существовать, насколько велика может быть степень его автономии. Франция также прилагала усилия по воздействию на польские политические круги с целью утверждения и расширения своего влияния в Княжестве Варшавском. Для французской стороны вопрос о конституции не стоял — существовал кодекс Наполеона, на основе которого была принята конституция в Княжестве Варшавском.

В это время Александр I раздумывал над вопросом о введении конституции и в самой России. В июне 1811 г. секретарю комиссии составления законов барону Г. А. Розенкампу, по указанию императора, было поручено написать проект конституции для России, который должен был представлять собой «обработку уже существующих начал государственного строя». набросок Розенкампа был представлен Н. Н. Новосильцеву и А. Чарторыскому, которые внесли элементы «истинно конституционные», «но работа их осталась историкам неизвестной»².

Вопрос о польской конституции обсуждался с лицами, входившими в ближайший круг императора. В 1811 г. Александр возобновил прерванную ранее переписку с Адамом Чарторыским. В ней, в частности, рассматривался вопрос, о восстановлении Польского королевства при условии соединения его, с согласия поляков, с Россией. В письме от

18(30) января 1811 г., направленном российскому императору, Чарторыйский писал, что считает «гарантию конституции, законов, автономного управления, национальной армии и назначения должностными лицами поляков — необходимой для этого предварительной мерой»³. Он особо отмечал как чрезвычайно важные моменты: во-первых, «восстановление Конституции 3 мая 1791 года» — она «неизгладимо запечатлена в сердцах всех поляков»⁴, а во-вторых, воссоединение всех частей бывшей Речи Посполитой, ибо без этого родственники «делаются чужеземцами» и в случае, если их земельные владения оказываются в разных государствах, возникает необходимость повиноваться воле нескольких монархов. В ответном письме Александр I просил Чарторыйского прислать ему текст Конституции 3 мая 1791 г., поскольку он не помнил хорошо ее положений. «Во всяком случае, — заверял он, — Польше будет предложена конституция либеральная, способная удовлетворить желания населения». При этом неременным условием, заявлял он, будет следующее: «Царство Польское навсегда присоединится к России. Русский император с этих пор будет называться Императором Российским и Царем Польским»⁵.

Александр I поддерживал контакты и с другими польскими деятелями, в частности с политической группировкой литовских поляков. В свою очередь они также стремились найти общий язык с российским императором — стимулом к этому были неразрывно связанные с политическими целями материальные интересы, поскольку после разделов Польши большая часть их земельных владений оказалась в пределах Российского государства. В группировку входили крупные магнаты-землевладельцы Михал Огиньский, Ксаверий Любецкий, Людвик Плятер, рассчитывавшие в награду за свою пророссийскую ориентацию получить политические выгоды для русской части Польши⁶. Особенную активность проявлял М. Огиньский. В июне 1810 г. он, находившийся тогда в Петербурге, получил приглашение от императора к «обеденному столу», что само по себе было высокой честью. После обеда между ними состоялась продолжительная беседа. Александр I говорил о планах Наполеона относительно поляков, подчеркивая, что тот «будет увлекать их самыми лестными надеждами». Впрочем, Огиньского не требовалось убеждать в неискренности намерений Наполеона. Он и сам не разделял надежд многих своих соотечественников, которые они возлагали на французского императора, и считал, что лучшим будущим для Польши стало бы ее восстановление «под покровительственным господством императора Александра»⁷.

В апреле 1811 г. император вновь обсуждал политические проблемы с вернувшимся из Парижа Михалом Огиньским, в частности вопрос о подготовке Наполеона к войне с Россией и его стремлении опереться на

поляков. Александр I предложил Огиньскому представить высказанные им соображения по польским делам в письменном виде. 15 мая 1811 г. Огиньский прочитал царю подготовленную им «Записку о политическом значении Польши в виду России и Франции»⁸. По его мнению, полное вхождение Польши в состав Российской империи было бы нежелательным. В случае начала войны с Францией, он считал целесообразным немедленное провозглашение Александра I польским королем, что сразу же расположило бы к нему поляков Княжества Варшавского. Вопрос о границах будущего королевства откладывался на более позднее время: «...оставалось бы только обозначить пределы этого нового королевства и способ его управления на основаниях, выгодных для поляков и не нарушая интересов империи»⁹.

На протяжении 1811 г. М. Огиньский продолжал работать над усовершенствованием своего плана. В беседах, состоявшихся в октябре и декабре 1811 г., он даже пытался оказывать давление на императора, заявляя, что Наполеон может опередить его и себя объявить польским королем. Он предлагал Александру I образовать Великое княжество Литовское и «сделать из него Польшу», провозгласив себя польским королем на основе положений Конституции 3 мая 1791 г.¹⁰. В западных губерниях России начали распространяться слухи о создании отдельного Литовского княжества, которое явится ядром будущей Польши.

В 1811 г. Александр I предложил учредить в Петербурге особый комитет из «влиятельнейших поляков» для обсуждения польского вопроса. В связи с этим М. М. Сперанский представил императору записку, в которой, в частности, писал: «Граф Огинский изготовил уже список людей примечательных. Сообразив сей список с тем, который доставлен был от Северина Потоцкого, кажется, легко будет сделать хороший выбор. Председателем сего комитета полезно было бы назначить графа Завадовского. <...> Поляки его уважают и любят, а для них было бы сие полезно тем, что преградило бы толки о сем комитете»¹¹. С. Потоцкий, как сенатор, входил в III департамент Сената, ведавший рассмотрением апелляций по делам бывших «польских» губерний, он являлся также попечителем Харьковского университета, а граф П. А. Завадовский, ранее занимавший пост министра народного просвещения, с 1810 г. возглавлял департамент законов Государственного совета.

Насколько серьезным был подход Александра I к решению польской проблемы, включавший и вариант воссоздания отдельного польского государственного образования, подтверждается тем, что он посчитал актуальным поставить вопрос о разработке текста польской конституции. Осенью 1811 г. император поручил председателю комитета по делам Финляндии, то есть конституционного Княжества Финляндского, Густаву Армфельду подготовить проект конституции для Литвы и Польши,

и в январе 1812 г. документ был составлен. В соответствии с ним Польское королевство должно было иметь собственное «внутреннее устройство», национальную армию и независимую администрацию. Кроме того, Армфельд считал, что необходимо также провести там и социальные реформы¹².

Возраставшая угроза войны с Францией заставляла Александра I уделять основное внимание делам военным, и конституционные проекты отошли на второй план. Когда войска Наполеона вступили в пределы Российской империи, ход военных действий оказался для русской армии почти трагическим. Однако даже в это время не все польские политики полностью утратили надежды на восстановление Польского государства с помощью России. В их числе был и М. Огиньский, не отказавшийся от своих прежних планов. Он предпринял попытку убедить Александра I в том, что следует направить соответствующие инструкции высшему военному начальству о принятии мер, необходимых для привлечения на сторону России польского населения занятых неприятелем территорий. По его мнению, следовало опубликовать обращение к полякам, которое, в частности, поддержало бы их надежды на восстановление Польши. Александр I, проявляя политическую осторожность, считал, что время для такого открытого обращения еще не пришло, но в разговоре заверил Огиньского, что не отклоняет его предложения, и попросил князя заблаговременно подготовить текст документа, а пока уполномочил его «объявлять», что российский император «решился восстановить Польшу»¹³.

7(19) октября 1812 г. Огиньский представил императору проекты рескрипта главнокомандующему русской армией фельдмаршалу М. И. Кутузову и воззвания к полякам. Полагая, что исход войны будет благоприятным для России и принесет ей победу (буквально накануне, 6 октября, наполеоновские войска стали покидать Москву), Огиньский заметил, что Александру I «остается только извлечь из нее пользу, установить на прочных основаниях политическую систему Европы и оградить на будущее время границу России, сделав Польшу ее оплотом»¹⁴. В проекте рескрипта Кутузову предписывалось довести до польского населения мнение императора: «Скажите полякам, что я всегда умел ценить их храбрость и любовь к отчизне и монархам <...>, что я решился восстановить польское королевство и провозгласить себя польским королем, как только войска мои завершат изгнание неприятеля». От имени императора заявлялось, что поляки «сохранят веру своих отцов и особенное управление с национальными законами на основании столь дорогой для них Конституции 3 мая 1791 года»¹⁵. Проект воззвания к польскому населению содержал обещание, что польское государство будет возрождено «в объеме всех польских воеводств и округов, приобретенных Россиею на

основании разделов 1773, 1793 и 1796 [sic!] годов, со включением округов белостокского и тарнопольского», при этом император возложил на «главу свою» корону Польши, при личной унии с Россией, а Конституция 3 мая «станет основным законом польской нации»¹⁶. Однако Александр I не хотел действовать с той поспешностью, на которую подталкивал его Огиньский, и немедленно публиковать воззвание. Он понимал, что таким шагом может еще более осложнить положение России, в частности ее отношения с участвовавшими в войне на стороне Франции Австрией и Пруссией. Однако, отказывая Огиньскому в настоящий момент, он обнадеживал его на будущее, заявив, что, как только Наполеон «будет на краю гибели и вне возможности вредить полякам, я восстановлю Польшу»¹⁷.

По мере развития военных событий, в ходе которых русские войска вступили на польские земли и продолжали активное продвижение на запад, с приближением окончания войны, когда все более отчетливо стала вырисовываться победа России и ее возрастающая роль на международной арене, польская проблема как одна из важнейших проблем, влиявших на расстановку сил в Европе, начала вызывать все большее внимание. Вполне понятно, что вопрос о статусе и внутреннем устройстве будущего польского государства занимал и умы просвещенных кругов польского общества. Этому способствовало также то, что у поляков в недавнем историческом прошлом был относительно большой политический опыт по конституционному устройству польского государства: сначала на уровне обсуждения конституционных вопросов в сейме и принятия Конституции 3 мая 1791 г., а затем существования в условиях введенной в 1807 г. конституции Княжества Варшавского.

В 1812–1814 гг. возникал целый ряд конституционных проектов. Их авторами являлись представители различных социальных групп польского общества, отражавшие непосредственно интересы этих групп, их представления о будущем польском государстве. Как отмечает польский историк права Мариан Калляс, этот период был одним из важнейших этапов в развитии польской конституционной мысли¹⁸. Известно о десяти возникших тогда проектах конституции. Главным образом в них рассматривалось политическое устройство Королевства Польского (хотя разрабатывались проекты и для прусской части). Один из таких проектов имел детальное и очень выразительное название — «Projekt do Ustawy Rządowej dla Krajów Polskich na przypadek gdyby takowe do Państwa Rosyjskiego w kształcie sprzymierzonego związku z zachowaniem całej swojej wewnętrznej udzielnosci przyłączone zostały» («Проект правительственного установления [конституции] для Польских земель в случае, если бы они к государству Российскому в виде дружественного союза с сохранением своего внутреннего отдельного устройства присоединены стали»). Автором его был Анджей Хородыский¹⁹. Создававшиеся проекты заметно отли-

чались друг от друга как по форме, так и по содержанию. Еще в 1812 г. министр юстиции Княжества Варшавского Томаш Лубенский представил свои предложения относительно содержания конституции для нового Королевства Польского. В значительной степени они представляли собой модификацию некоторых положений конституции Княжества Варшавского, принятой в 1807 г. Более поздние проекты конституции все дальше отходили от принципов кодекса Наполеона и все больше были проникнуты духом конституции 1791 г.²⁰ Первоначально в конституционных проектах предусматривалось воссоздание польского государства в границах до 1772 г. Однако постепенно утверждалось понимание того, что подобные пожелания-требования нереальны, предполагалось (и предлагалось), чтобы территория будущего польского государства состояла из Княжества Варшавского с включением Литвы, или Восточной Галиции, или, возможно, части земель бывшей Речи Посполитой — западных российских губерний. Также наблюдался отход и от принципов гражданского равенства, содержащихся в кодексе Наполеона: сохранялась сословная структура общества. Некоторыми проектами предусматривалось закрепление привилегированного положения шляхты. Так, в проекте Хородыского было сформулировано: шляхта «по природе своей стоит на страже политической жизни», и потому она должна занимать в обществе «первенствующее положение и иметь полагающиеся этому сословию почести». Определялись сословия: шляхта, городские жители, сельское население, духовенство. В другом проекте предлагалось делить население только на два сословия: шляхетское и не-шляхетское, и исключительно шляхте предоставлялись соответствующие широкие привилегии, поскольку «хорошее воспитание и хорошее образование дают шляхте первенство как в частной, так и в публичной жизни»²¹. Различные позиции занимали авторы конституционных проектов по вопросу о праве собственности: от провозглашения права любого жителя Королевства Польского на частную собственность и ее неприкосновенность до сохранения прежних феодальных порядков. Одним из важнейших был вопрос о правовом положении крестьянства. Здесь также был представлен довольно широкий спектр взглядов: от признания права собственности крестьянина на землю, которую он обрабатывает, которую приобрел собственным трудом, — до установления в будущем договора-соглашения между крестьянином и землевладельцем. Значительное место в конституционных проектах отводилось гарантированным гражданским правам: всем гражданам Королевства Польского обеспечивалась свобода слова и печати, личная неприкосновенность. Гарантировалась также неприкосновенность жилища (проект Я. Круковецкого): «Дом каждого жителя земли польской является неприкосновенным убежищем — никто не имеет права войти в него»²²,

нарушение этого положения возможно только в случаях, предусмотренных законом. В проектах с разной степенью детализации представлялся вопрос о политическом и административном устройстве будущего государства. Предусматривалось, что верховная власть в Королевстве Польском должна принадлежать российскому императору, который на время своего отсутствия назначает наместника. В более подробных проектах речь шла о системе выборов, о структуре парламента, создававшегося как двухпалатный и состоящего из Сената и Сейма, что соответствовало польской государственно-политической традиции, в отличие от наполеоновской системы, в соответствии с которой должен был образовываться однопалатный парламент. Королевство делилось на 11 (или же указывалось другое число) провинций — воеводств. В отдельных проектах упоминалось, лишь вскользь, об организации судопроизводства, о судебной системе. В некоторых из них ставился и вопрос об армии, правда, в самом общем виде.

Среди основных положений, которые представляли интерес для относительно широких польских кругов и нашли отражение в предлагавшихся проектах, были следующие:

1) отдельное, независимое существование Польского государства или вхождение в состав другого государства на правах автономии и определение, какова может быть широта этой автономии;

2) наличие короля — избранного, в соответствии с польской политической традицией, или же «данного», назначенного по специальному решению (как это было во времена Княжества Варшавского, когда Наполеон провозгласил короля Саксонского королем польским);

3) сохранение традиционных польских политических и общественных институтов (сейма и сеймиков, армии, польского языка как официального — в администрации и в сфере образования);

4) привилегированное положение католиков и свобода вероисповедания для приверженцев других конфессий;

5) и чрезвычайно важный — вопрос о территории, будет ли восстановлено Польское государство в границах 1772 г., т. е. до первого раздела, или же в иных — и в таком случае, в каких именно.

В проектах конституции важное место отводилось вопросу о независимости Польши. Одновременно чрезвычайно существенным являлся и вопрос о границах (первоначально почти единодушно признавались границы до 1772 г.). Для магнатов этот вопрос носил не только политический, но и материальный, имущественный характер, поскольку был связан с их земельными владениями, оказавшимися на территориях разных государств, а для «местной» шляхты — как принципиальный вопрос о вхождении в состав собственного польского, а не «чужого» иностранного государства. Политические свободы, демократические прин-

ципы существования государства, как правило, отступали на второй план. Вопрос о крестьянстве в проектах почти не ставился, поскольку, с одной стороны, не было необходимости выступать против реально сложившихся, устоявшихся отношений между дворянством и крестьянством, а с другой — формально принцип личной свободы крестьянина провозглашен был еще в 1807 г.

В это же время возрастала политическая активность польской шляхты на местах — в частности, на землях, вошедших в состав Российской империи. Поляки, имевшие владения на этих территориях, с одной стороны, чувствовали свою оторванность от основной части польских земель — Княжества Варшавского, с другой стороны, они всячески стремились поддерживать с ним связь и быть в курсе событий, которые там происходили, переписываясь с родственниками, проживавшими в княжестве, совершая туда поездки. Они ощущали себя частью общей, единой, польской шляхты, временно оказавшейся на различных отдельных территориях, в составе различных государств, они были связаны и просто родственными отношениями и не теряли надежды на воссоединение. Для них, очевидно, на первом плане стоял вопрос о территориальных границах возрождаемого польского государства — оно мыслилось только в границах 1772 г. Польская шляхта западных российских губерний не ощущала, что находится на чужой, этнически непольской территории, хотя основное коренное население составляли украинцы, белорусы и литовцы. Однако поскольку местное население преимущественно было православным или униатским, возникавшие конфессиональные проблемы, практически отождествлявшиеся с национальными, заставляли ее предпринимать шаги, направленные на укрепление позиций католической церкви и усиление ее влияния на этих территориях.

В среде шляхты западных губерний России также возникает интерес к конституционным вопросам, особенно возраставший по мере приближения окончания войны и во время работы Венского конгресса, на котором одним из центральных и самых сложных был именно польский вопрос. В мае 1815 г. конгресс принял решение о создании Королевства Польского и утвердил основы его конституции. Когда известия об этом достигли пределов Княжества Варшавского, а также западных российских территорий, то интерес усилился еще больше. Однако новости доходили главным образом в виде слухов, и потому в шляхетских кругах продолжали обсуждаться вопросы о судьбе будущего польского государства. Местная российская администрация западных губерний внимательно следила за настроениями шляхты и извещала о них центральные власти. Так, в Министерство полиции из Волынской губернии в мае 1815 г. сообщали: «По получении здесь известия, что Государю Императору благоудно было принять на себя титул Польского Короля, совсем непримет-

но того энтузиазма, какого ожидать было должно по прежним рассуждениям поляков о восстановлении Польского Королевства. <...> Им не нравится назначенное присоединение Варшавского Герцогства к Российской империи, ибо они надеялись, что присоединенные прежде от польского края губернии составят с Варшавским Герцогством Королевство под особым управлением»²³. В июне 1815 г. в Петербург из Волынской губернии поступило сообщение, что «недавно появилась здесь переходящая из рук в руки записка о содержании Конституции, в которой предполагается соединение польских провинций с бывшим Герцогством Варшавским, обещаемая свобода и независимость которого и назначаемое чрез одних поляков управление могут большое иметь на умы тутовых влияния»²⁴. Откуда появилась эта записка — вариант текста основ конституции, губернскому начальству было неизвестно. В качестве приложения к письму этот документ пересылался в Министерство полиции:

Treść Konstytucji dla Polski

Królestwo Polskie osobną Konstytucją połączone z Cesarstwem Rossyjskim, Wojsko zaś będzie pod władzą właściwego Naczelnika.

Podział Ziemi

Królestwo dzielić się będzie na 11 prowincji, to jest Piotrkowska, Warszawską, Wileńską, Grodzieńską, Lubelską, Łucką, Żytomierską, Mohilewską, Mińską, Kijowską, Podolską. Każda prowincja na województwa podzielona będzie.

Rząd

Rząd należy do Króla jako ojca Narodu i władzy krajowej. Król mianuje wice Króla, Urzędników administracyi cywilnych i wojskowych, Ministrów, Agentów Dyplomatycznych przy zagranicznych dworach. Król rozrządza dochodami według Budgetu przez Seym uchwalonego. Króla Tytuł będzie: z Bożej Łaski Król Polski, wielki książę Litewski.

Reprezentacya Narodu

Sejmy są zgromadzeniem szlachty zapisanej w liczbie płacącej podatków 100 złotych. Senat składa się ze 122 senatorów. Tribunal na całe Królestwo jeden. Rządy cywilne i wojskowe samym tylko Polakom używającym praw obywatelskich rozdane będą.

Prawo obywatelstwa

Polacy jakiegokolwiek stanu są równi w obliczu prawa. Wszyscy używają wolności osobistej, żaden Polak więzionym być nie może, jak tylko podług formy przez prawo postanowionej. Konfiskacja majątków znosi się nazawsze i wroconą być nie może. Dom każdego mieszkańca ziemi polskiej jest schronieniem nietykalnym, chyba dla przyczyn prawem skazanych. Ogół obywateli polskich dzieli się na stany, na szlachtę i obywateli nie szlachtę. Szlachta składa pierwszy stan w Królestwie. Stan szlachecki jest dziedzic-

czynym. Włóścianie przypuszczani będą do praw obywatelstwa od dnia ogłoszenia konstytucyi; od momentu publikacyi onej będą się zawierać między nimi i właścicielami ziemi umowy, które przez Rząd zatwierdzone będą. Wszystkie długi na włóścianach będące, od dnia pierwszego stycznia 1814 roku umarzają się.

Русский перевод текста документа того времени:

Содержание Конституции для Польши

Королевство Польское особую Конституциею соединено с Российской империею, но войско будет под предводительством приличного [вписано вместо стертого слова, но должно быть: «соответствующего», собственного] начальника.

Разделение Земли

Королевство разделяться будет на 11 провинций, то есть: Петровскую, Варшавскую, Виленскую, Гродненскую, Любельскую, Луцкую, Житомирскую, Могилевскую, Минскую, Киевскую и Подольскую. Каждая провинция разделена будет на воеводства.

Правительство

Правительство относится до Короля как отца народа и государственной власти. Король назначает вице-короля, гражданских и военных чиновников администрации, министров и дипломатических агентов при иностранных дворах. Король распоряжается доходами на основании бюджета [sic!], сеймом установленного. Титул короля будет: Божиею милостию Король польский, великий князь Литовский.

Сословие народа

Сеймы суть собрания дворян, записанных в числе платящих 100 злотых податей. Сенат составляется из 122 сенаторов. Трибунал на целое королевство один. Правления гражданские и военные одним только полякам, пользующимся обывательскими правами, предоставлены будут.

Права обывателей

Поляки, какого бы то состояния ни были, суть равны в лице закона. Все пользуются личною свободою. Ни один поляк в тюрьме заключен быть не может, разве по порядку, законами предписанному. Конфискация имущества навсегда невозвратно уничтожается. Дом каждого жителя польской земли есть ненарушимым прибежищем, исключая по причинам, законом положенным. Общество польских обывателей разделяется на состояния дворян и обывателей не дворян. Дворяне составляют первое сословие в Королевстве. Дворянское звание есть наследственным. Поселяне пользоваться будут обывательскими правами со дня обнародования Конституции. Со времени публикации ее между ими и владельцами земли будут условия, подлежащие подтверждению правительства. Все долги на поселянах, считающиеся с 1 января 1814 года, уничтожаются ²⁵.

В Государственном архиве Российской Федерации сохранился еще один вариант текста основ польской конституции. В фонде Особенной канцелярии при министре полиции имеется дело, озаглавленное «Переписка с Минским гражданским губернатором и главнокомандующим в Петербурге о распространении в Минске листовок с текстом конституции, якобы данной Королевству Польскому» (июль–август 1815 г.)²⁶. Главнокомандующим был С. К. Вязмитинов, назначенный Александром I еще в 1805 г., в это время он же исполнял и должность министра полиции. 25 июля 1815 г. минский губернатор П. Добринский сообщил в Петербург, что полицией «открыта выпущенная во многих списках конституция, данная, якобы, Королевству». Поскольку власти губернии не получали «повеления к обнародованию таковой конституции» и даже, как писал губернатор, «не видно оной в публичных ведомостях», а «частные же люди не вправе сами собою объявлять подобных актов», то этот факт вызвал у него озабоченность. Обеспокоенный, он счел необходимым довести о нем до сведения министра полиции, приложив текст распространяемой конституции. Министерством полиции немедленно было дано указание провести необходимое расследование, при этом подчеркивалось, что следует наблюдать и впредь, «чтобы подобные сочинения не были рассеиваемы». В результате спешно проведенного расследования выяснилось, что в Минскую губернию копия текста конституции была привезена из Вильно «ошмянским повятовым судьей Егором Сорокою». Сорока показал, что получил ее в середине июня 1815 г. «от господина сенатора князя Огиньского», которому она была прислана от бывшего маршала из Белостока. Огиньский показал ему также приложение к «Газете Варшавской» (№ 46) с описанием программы провозглашения Королевства Польского и российского императора — королем польским. Затем они обсуждали вопрос, могут ли жители губерний, присоединенных к России, надеяться, что они дождутся и Королевства, и конституции. Михал Огиньский сказал, «что нужно терпение и определенно и наши губернии будут соединены с Королевством Польским». Сорока отметил, что в Вильно всякий имеет текст конституции и публично о ней рассуждает. А потому, не «почитая за секрет», он, Сорока, послал другому жителю Минской губернии регенту Богуцкому этот текст, который позднее разошелся уже «по разным рукам»²⁷. Минские власти потребовали от князя Огиньского объяснения, которое и было им представлено 1 августа 1815 г. Сохранился подлинник его объяснения, в нем он писал, что в «Газете Варшавской» от 8(20) июня 1815 г. были опубликованы основы новой конституции Польского королевства «с целью довести до всеобщего сведения великодушные намерения и отеческую заботу его императорского величества о польском народе»²⁸.

Этот документ, так же, как и вышеприведенный, распространявшийся в Волинской губернии, имеется на двух языках — польском и русском.

Konstytucja

Królestwo Polskie jest osobnym, połączone przez Konstytucją z Cesarstwem Rosyjskim, Wojsko zostawać będzie pod władzą właściwego Naczelnika.

Podział Ziemi

Państwo dzielić się będzie na 11 prowincji, to jest Warszawską, Witebską, Piotrkowską, Grodzieńską, Wileńską, Lublińską, Żytomierską, Mogilewską, Mińską, Podolską, i Kijowską — każda prowincja na dwa województwa będzie podzielona. Rząd należy do Króla jako głowy Narodu i władzy królewskiej, Król ma mieć vice Króla, Urzędników administracyjnych cywilnych, wojskowych, Ministrów i Agentów Dyplomatycznych przy zagranicznych dworach. Król rozrządza dochodami wedle Budgetu przez Seym uchwalonego. Króla Tytuł będzie: z Bożej Łaski Król Polski W. X. L.

Reprezentacja Narodu

Sejmy są zgromadzeni ze szlachty zapisanej w listy opłacającej podatki zł. 100.

Senat składa się ze 123 [sic!] senatorów.

Tribunał na całe Królestwo jeden. Urzędy cywilne i wojskowe samym tylko Polakom używającym praw obywatelskich rozdawane będą.

Prawo obywatelskie

Polacy jakiego bądź stanu są równi w obliczu prawa, wszyscy równie używają wolności, żaden Polak napastowany być nie może, jak w przypadku i podłóg formy przez prawo postanowionej.

Kara konfiskacji majątków znosi się na zawsze i przywrócona być nie może. Dom każdego mieszkańca ziemi Polskiej jest uchronieniem nietykalnym, nikt nie ma prawa wnieść do niego chyba dla przyczyny prawem skazanej.

Ogół obywateli nie [jest] szlachtą. Szlachta składa pierwszy stan. Szlachcica [prawa] dziedziczni, włościanie przypuszczani będą do praw obywatelskich od dnia ogłoszenia i od momentu zawartego zawierane zostaną, między nimi i właścicielami ziemi umowy, które rząd zatwierdzi. Wszystkie długi przez włościan do pierwszego stycznia 1814 roku [umarzają się].

Конституция

Королевство Польское есть особое, соединенное конституциею с государством Российским, войска находиться будут под властью народного [польского] начальника.

Раздел Земли

Государство разделяться будет на 11 провинций, то есть Варшавскую, Витебскую, Пиотрковскую, Гродненскую, Виленскую, Люблин-

скую, Житомирскую, Минскую, Подольскую и Киевскую, Могилевскую. Всякая провинция будет разделена на два воеводства. Управление принадлежит королю, яко главе народа и власти королевской. Король будет иметь вице-короля, чиновников уполномоченных штатских и военных, министров и агентов дипломатических при иностранных дворах. Король распоряжается доходами в оклад, сеймом установленный. Короля титул будет: Божиею волею Король Польский, великий князь Литовский.

О народном правительстве

Сеймы суть собраны из шляхты [шляхтичей], внесенных в список платящих подати по 100 злотых.

Сенат составляется из 123 [sic!] сенаторов.

Трибунал на целое Королевство один.

Должности или места штатские и военные самим только полякам, пользующимся правом дворянства, даваны будут.

Дворянское право

Поляки, какого бы то ни было происхождения, суть равными в лице закона, все наравне пользуются вольностию. Ни один поляк преследован быть не может, разве только при случае и по форме, установленной законом.

Наказание конфискациею имений навсегда уничтожается и никогда возобновлено быть не может. Дом всякого жителя земли Польской есть убежищем неприкосновенным, никто не имеет права войти в оный, разве по причинам, законами дозволенными.

Обыватели вообще не суть дворяне. Шляхта составляет 1-ый класс. Происхождение шляхтича есть дедичное [наследственное]. Крестьяне пользоваться будут правами обывателей со дня объявления Конституции и тотчас с того времени заключаемы будут между ими и владельцами земель договоры, как утверждается правительством, по окончании всех долгов крестьян по 1-е генваря 1814 года²⁹.

Внизу текста, по-видимому, переписчиком-переводчиком была сделана помета: «Польское очень порочно написано было». Однако основные трудности при переводе на русский язык представляли не технические сложности, а сама адекватная передача текста, что вызывалось, с одной стороны, неразработанностью юридической терминологии, а с другой — незнанием вопроса по существу. Так, перевод заглавия раздела польского текста «Prawo obywatelskie» как «Дворянское право» свидетельствует о том, что понятия «гражданские права», «права гражданина», «гражданин», по всей вероятности, были незнакомы чиновнику-переводчику, и обладание «правами» связывалось им только с дворянским, шляхетским сословием.

Существенным моментом, общим для обоих текстов, является то, что в состав вновь создаваемого Королевства Польского, кроме собст-

венно этнически польских территорий, включались литовские, белорусские и украинские земли. Можно отметить, что при этом назывались разные губернии: вместо Луцкой во втором тексте указана Витебская.

Вышеприведенные тексты проектов конституции, имевшие распространение среди польской шляхты в западных губерниях Российской империи, свидетельствуют о несомненном интересе, который она проявляла к проблеме восстановления польской государственности и особенно к вопросу о территориальных границах будущего Королевства Польского.

Таким образом, проекты, которые появились в период, предшествовавший восстановлению в соответствии с решениями Венского конгресса Королевства Польского в 1815 г., отражали настроения различных социальных групп польского общества, прежде всего польской шляхты. Они включали как положения буржуазного права, шедшие от законодательства периода Княжества Варшавского, так и сословно-феодальные положения польской Конституции 3 мая 1791 г. Но в первую очередь они отражали желание поляков восстановить отдельную польскую государственность. Решениями Венского конгресса определялось, что Королевство Польское будет иметь свою конституцию, были утверждены ее «основы».

Созданное Королевство Польское не только не оправдало ожиданий шляхты на включение в новое польское государство земель в границах до 1772 г., но оказалось, что по размеру территории оно даже уступало небольшому Княжеству Варшавскому. Это вызвало разочарование во всех слоях польского дворянства. Постановлениями Венского конгресса, правда, все же предусматривалась возможность расширения границ Королевства Польского — по усмотрению российского императора, но осуществление подобных изменений могло быть проведено исключительно за счет территорий Российской империи. В первые годы существования Королевства Польского польская шляхта еще продолжала сохранять некоторые надежды на увеличение его территории, однако спустя непродолжительное время они были утрачены.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В документах того времени и в дореволюционной историографии использовались названия «Царство Польское» и «Герцогство Варшавское» (в тексте статьи они сохраняются при цитировании), в современной историографии приняты — «Королевство Польское» и «Княжество Варшавское».
- ² *Тельберг Т. Г.* Либеральные течения в России в I четверти XIX в. // Книга для чтения по истории Нового времени. СПб., 1913. Т. III. С. 605.
- ³ Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. М., 1913. Ч. 2. С. 239.

- 4 Там же. С. 240.
- 5 Там же. С. 251.
- 6 *Skowronek J.* Antynapoleońskie koncepcje ks. Adama Czartoryskiego. Warszawa, 1969. S. 324–325.
- 7 *Подвысоцкий А.* Граф Михаил Огинский и его отношения к императору Александру Павловичу (1807–1815). Из записок графа Огинского // Русский архив. 1874. № 3 (далее — РА). Стлб. 641, 642.
- 8 Ее текст опубликован: Там же. Стлб. 647–661.
- 9 Там же. Стлб. 677, 678.
- 10 Там же. Стлб. 678.
- 11 Сборник исторических материалов, извлеченных из архива I Отделения собственной е. и. в. канцелярии. СПб., 1877. Вып. 2. С. 216.
- 12 *Федосова Е. И.* Польский вопрос во внешней политике Первой империи во Франции. М., 1980. С. 189, 190.
- 13 РА. Стлб. 685.
- 14 Там же. Стлб. 688.
- 15 Там же. Стлб. 694.
- 16 Там же. Стлб. 698.
- 17 Там же. Стлб. 701.
- 18 *Kallas M.* Projekt konstytucji dla Królestwa Polskiego z 1814 roku // *Zeszyty Naukowe UMK. Prawo.* Toruń, 1972. № XI. S. 96. В статье анализируется текст проекта, вышедшего из-под пера генерала Яна С. Круковецкого.
- 19 *Kallas M.* Zapomniany projekt konstytucji polskiej z 1814 r. // *Zeszyty Naukowe UMK. Prawo.* Toruń, 1972. № IX.
- 20 *Kallas M.* Projekt... S. 99.
- 21 Ibid. S. 103.
- 22 Ibid. S. 105–106.
- 23 ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 23. Л. 4. Фонд Особенной канцелярии Министерства внутренних дел. (С 1810 г. существовало Министерство полиции, которое в 1819 г. было включено в МВД, а Особенная канцелярия в 1826 г. преобразована в III Отделение с. е. и. в. Канцелярии.)
- 24 Там же. Л. 21 об.–22.
- 25 Там же. Л. 23–24.
- 26 Там же. Л. 25.
- 27 Там же. Л. 5.
- 28 Там же. Л. 12.
- 29 Там же. Л. 2 а и об.

«Записки о польских заговорах и восстаниях»

Н. В. Берга

(Судьба одного труда)

В декабрьском номере журнала «Библиотека для чтения» за 1873 г. сообщалось: «Мы имеем теперь специального корреспондента, Н. В. Берга, в польских заграничных землях. Он, по преимуществу, будет заниматься польским делом, но в течение года мы обещаем читателям корреспонденции Н. В. Берга из всех тех мест, где сосредоточится политический интерес»¹.

Приглашая Н. В. Берга и предавая гласности этот факт, редактор журнала П. Д. Боборыкин рассчитывал возбудить интерес читателей и в результате увеличить число подписчиков. Журнал, перешедший в руки Боборыкина около года назад, совершенно захирел. Некогда весьма популярный, с начала шестидесятых годов он постепенно сдавал позиции, уступив первенство «Современнику» и «Отечественным запискам».

В отношении польского восстания редакция журнала пыталась придерживаться объективной позиции, во всяком случае, отмежевываясь от антипольской клики М. Н. Каткова. В том же самом декабрьском номере эта позиция излагалась в редакционной статье, основной мыслью которой было утверждение, что лозунг нынешнего восстания «Границы 1772 года или смерть» всего лишь выражает чаяния шляхты и духовенства, а не польского народа в целом.

Как бы то ни было, П. Д. Боборыкин позже подчеркивал в своих воспоминаниях, что он был единственным среди тогдашних редакторов «толстых» журналов, который во время восстания выслал специального корреспондента в Варшаву и Краков². И не случайно его выбор пал на Н. В. Берга, которого считали наиболее осведомленным в польском вопросе.

Николай Васильевич Берг был известен прежде всего как журналист и поэт-переводчик. Он родился 24 марта 1823 г. в Москве в небогатой семье обрусевших прибалтийских дворян. В детстве жил в Томске, где служил отец, затем в Тамбовской губернии. Учился в Тамбовской и Первой Московской гимназиях, а в 1844 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Еще студентом начал печатать лирические стихи в журнале «Москвитянин», сблизился с его молодой редакцией: А. А. Григорьевым, А. Н. Островским и другими. Не окончив курса, ушел из университета, преподавал в Московском училище живо-

писи и ваяния, а с 1848 г. служил младшим помощником бухгалтера в Московской конторе Государственного банка. Статья Берга «Сельцо Захарово» («Москва», 1851, № 9–10) — одна из ранних работ о пушкинских местах. Во время Крымской войны Н. В. Берг служил при штабе главнокомандующего (сначала в казначейском отделе, затем — переводчиком). Его письма к М. П. Погодину печатались в «Москвитянине». Позднее в переработанном и дополненном виде они вышли отдельной книгой под заглавием «Записки об обороне Севастополя» (Москва, 1858) с приложением рисунков автора под названием «Севастопольский альбом».

После Крымской войны Н. В. Берг занялся исключительно литературным трудом, а летом 1858 г. как корреспондент журнала «Русский вестник» отправился в Италию к Джузеппе Гарибальди. С июня по октябрь того же года опубликовал в журнале цикл очерков, отличавшихся симпатией к гарибальдийцам. Два года, 1860 и 1861, Берг провел на Ближнем Востоке в качестве корреспондента журнала «Наше время». Его заметки о путешествии по Греции, Турции, Сирии, Палестине и Египту, озаглавленные «Мои скитания по белу свету», публиковались в «Современнике» (1863, № 1–2, 6, 10; 1864, № 7) и «Русском вестнике» (1867, № 7–9; 1868, № 3).

Помимо этого, еще в 40-е гг. под влиянием М. П. Погодина и С. П. Шевырева Берг занялся переводами славянской поэзии. Он впервые познакомил русских читателей с поэзией болгар, сербов-лужичан, словаков. Много переводил также с украинского (в частности, Т. Г. Шевченко), сербского, словенского, чешского. Позднее, в 70-е гг., помимо многих других произведений Адама Мицкевича, Берг полностью перевел его поэму «Пан Тадеуш», которая вышла в Варшаве в 1875 г. отдельным изданием без цензурных купюр.

Н. В. Берг выехал в Варшаву в феврале 1863 г. как корреспондент «Санкт-Петербургских ведомостей». Его корреспонденции в газете под общим заглавием «Варшавские письма» начали появляться с № 52 за 6(18) марта 1863 г. До 22 мая было опубликовано 56 «писем». В то же время в «Санкт-Петербургских ведомостях» появились еще две корреспонденции, подписанные Бергом: «День Варшавы» (№ 74 от 6(17) апреля 1863 г.) и «Варшавская цитадель» (№ 76 от 7(19) апреля 1863 г.). Позже публикаций с его подписью уже не было, но можно предположить, что многие сообщения из Кракова и Варшавы также принадлежат перу Берга. По свидетельству П. А. Ефремова, именно Н. В. Берг был автором репортажей из Царства Польского, скрывавшимся под инициалом «Б». Так что читатели «Библиотеки для чтения» могли быть уверены, что получают информацию о последних событиях в Польше в изложении опытного журналиста.

Статьи Берга появились уже в январском и февральском номерах «Библиотеки для чтения» за 1864 г. Они содержали подробный обзор

событий, предшествовавших восстанию, — от первых манифестаций, до казни Людвига Ярошинского. Третья по счету корреспонденция, названная «Краков и мои в нем похождения»³, познакомила читателей с деятельностью польской эмиграции в Кракове и с политикой австрийского правительства. Немало места автор уделил описанию собственного ареста и высылки из Кракова по распоряжению австрийских властей. Позднее Н. В. Берг подчеркивал, что причиной этого были интриги неких высших чинов из окружения наместника Царства Польского. Писанный легким фельетонным стилем, Берг выражал свою точку зрения (последовательно отстаиваемую и позже) на политику царских чиновников в Польше, политику, которая, по его мнению, и послужила причиной восстания. Он приводил документы и факты, в первый, а зачастую и в последний раз предаваемые гласности в российской печати. К ним принадлежали, например, полный текст городельского «Протеста»⁵, а также тексты польских гимнов в собственном переводе Берга, которые позднее цензура систематически вымарывала из его статей⁶. Подробное описание городельской манифестации, приведенное автором «со слов некоего польского путешественника», также больше нигде не приводилось⁷. Эти обстоятельства, а также отсутствие в статьях Берга ярко выраженной полонофобии, с точки зрения «Московских ведомостей» обязательной для российской журналистики тех лет, привели к тому, что уже первую его корреспонденцию редакция «Библиотеки для чтения» снабдила соответствующим комментарием, предупредив читателей, что, желая сохранить колорит и стиль статьи, не вносит в нее никаких изменений, но не вполне разделяет мнение автора.

Главное управление цензурой также не скрывало своего недовольства статьями Берга, и в результате с марта 1864 г. они перестали появляться в журнале. Впрочем, помимо трений с цензурой, на разрыв отношений Н. В. Берга с «Библиотекой для чтения» повлияли и изменившиеся обстоятельства, которые не оставляли автору времени на сотрудничество с журналом.

Именно в это самое время наместник Царства Польского граф Ф. Ф. Берг предложил Н. В. Бергу подготовить исторический очерк о последних событиях в Польше с использованием материалов, которыми располагал сам наместник⁸. Возможно, причиной этого предложения послужило личное письмо министра внутренних дел П. А. Валуева от 2 марта 1864 г. к наместнику Царства Польского и к генерал-губернаторам Северо-Западного и Юго-Западного края. Валуев просил прислать систематизированные и опирающиеся на материалы следствия данные об организации восстания с тем, чтобы с максимальной точностью выявить его движущие силы, начало, развитие и распространение не только в границах Царства Польского, но и в западных губерниях Россий-

ской империи⁹. Вскоре после этого не только Ф. Ф. Берг, но и М. Н. Муравьев предприняли попытки написания истории польского восстания. Муравьев доверил эту миссию генералу Б. Ф. Ратчу (известному своими статьями об А. А. Аракчееве и истории русской артиллерии), которому должен был помогать капитан Н. В. Гогель, член Виленской следственной комиссии¹⁰. Ф. Ф. Берг, со своей стороны, счел Н. В. Берга наиболее подходящим кандидатом на роль личного историографа. Обстоятельства принятия этого предложения и последующие пять лет работы Н. В. Берга в архивах канцелярии наместника и следственных комиссий были подробно описаны в его «Посмертных записках»¹¹.

В процессе работы, уже написав «Записки о польском восстании 1863 и 1864 года», Н. В. Берг предложил наместнику план очередного труда о предыдущих этапах польского национально-освободительного движения, от Ноябрьского восстания до 1861 г. С этой целью автора допустили в архив Варшавского военного округа¹².

Итак, Н. В. Берг получил в свое распоряжение богатейшие материалы, в подобных условиях доступные лишь немногим историкам. Это были оригиналы следственных дел, иногда только что завершенных. Вероятно, автор имел возможность уточнять обстоятельства некоторых дел при непосредственном участии членов следственной комиссии, поскольку многие известные деятели восстания, такие как О. Авейде и З. Янчевский, еще находились в Варшавской цитадели. Впрочем, это только предположение. Во всяком случае, заметки Оскара Авейде, Кароля Маевского и других передавались Н. В. Бергу для ознакомления непосредственно через наместника.

Путешествуя по землям Царства Польского, чтобы проверить и уточнить данные, содержащиеся в «Журнале военных действий», Н. В. Берг собирал у воинских начальников нужную ему информацию, а заодно не упускал случая выслушать рассказы очевидцев об отдельных эпизодах подавления восстания. Как он сам вспоминал, его принимали за родственника наместника и «рассказывали все, заходя в искренности далее, чем это было допустимо»¹³.

С другой стороны, живя в Варшаве, Н. В. Берг из года в год все теснее сходил с польским окружением, расширял контакты, которые уже завязал прежде, изучая славянскую литературу. Приняв в конце 1867 г. должность преподавателя русского языка и литературы в Варшавской главной школе, он еще более укрепил связи с польской средой, тем более что не скрывал своей симпатии к полякам. Даже после смерти Н. В. Берга представители черносотенного лагеря не переставали обвинять его в «пополячивании», в том, что он переехал на постоянное жительство в Варшаву, женился на полячке и, что самое главное, не разделял антипольских настроений, свойственных некоторым российским газетам и журналам.

Н. В. Берг был одним из немногих российских чиновников в Варшаве, кого охотно принимали в польских домах. Впрочем, не только в Варшаве (например, в салоне поэтессы Ядвиги Лушчевской-Деотымы), но и за границей, особенно в доме Ю. И. Крашевского, где Берга считали «своим человеком». Это обстоятельство помогло ему собрать такие факты о восстании, которые не были отражены в официальных документах. Тем более что он зачастую обращался к своим польским друзьям с просьбой прокомментировать тот или иной эпизод, известный ему по документам. Именно поэтому «Записки» Н. В. Берга становились подчас единственным источником для других исследователей, так же как и в тех случаях, когда он цитировал несохранившиеся воспоминания деятелей восстания, например К. Маевского. Даже записки О. Авейде, ставшие впоследствии библиографической редкостью, многими историками цитировались по Бергу.

По окончании работы (в конце 1868 г.) возник вопрос о ее публикации. Для этого было получено разрешение наместника Царства Польского. Вначале Н. В. Берг предполагал напечатать «Записки» в Варшаве. В марте 1869 г. он сообщил М. П. Погодину, что наместник, в принципе, не против публикации, но хотел бы еще раз просмотреть рукопись и отметить в ней сомнительные места, тем более что текст, который ему в свое время представляли, подвергся значительным изменениям. Одновременно Н. В. Берг предложил наместнику ознакомиться с новой работой «О восстаниях и заговорах 1831–1861 гг.»¹⁴. Обе части этого труда Берг читал наместнику и генералу Э. А. Рамзаю в середине апреля 1869 г. Наместник счел труд вполне приемлемым и предоставил в распоряжение автора одну из своих типографий. Определили стоимость издания, утвердили смету, набрали для пробы одну страницу, выбрали формат. Оставалось только напечатать книгу, но тут граф Ф. Ф. Берг посоветовал приостановить работу до вступления в силу нового закона о цензуре и до прибытия в Варшаву нового цензора: по мнению Ф. Ф. Берга, речь шла всего лишь о нескольких неделях отсрочки. Однако проект дополнений к закону о цензуре 1865 г., представленный Государственному совету 15 апреля 1869 г. министром внутренних дел, не предполагал издание в Варшаве книг без предварительной цензуры¹⁵.

В конце того же 1869 г. Н. В. Берг передал рукопись своих «Записок о польских заговорах и восстаниях» редактору журнала «Русский архив» П. И. Бартеневу. Когда первый раздел работы, опубликованный в январском номере за 1870 г., прошел цензуру, Бартенев, соблюдая меры предосторожности, прежде чем пустить журнал в продажу, послал экземпляр графу Ф. Ф. Бергу в Варшаву с дипломатичным вопросом, не имеет ли граф каких-нибудь претензий к данному материалу. Наместник ответил, что со своей стороны не видит никаких препятствий к публикации и что

он сам посоветовал автору переслать в редакцию журнала цикл статей о событиях в Польше до 1856 г., если автор сочтет это нужным¹⁶.

Тем не менее Бартенев решил, что на всякий случай раздел четвертый, в котором рассказывалось о начальном периоде манифестаций 1861 г., тоже не мешает представить на рассмотрение вышестоящим начальникам.

На этот раз Бартенев обратился к обер-полицмейстеру Ф. Ф. Трепову, который 18 сентября 1870 г. ответил, что прочел вышеупомянутую статью, сверил ее в памяти с пережитыми событиями и находит их описание абсолютно правдивым. По мнению Н. В. Берга, этот акт политической мудрости со стороны Трепова был вполне понятен, ибо обер-полицмейстер заранее знал, что наместник разрешил печатать работу.

Просмотренная наместником еще в рукописи - часть «Записок» должна была, таким образом, пройти цензуру без особых нареканий. Однако содержащаяся в ней оценка политики правительства в Царстве Польском, а также характеристика наместников (особенно М. Д. Горчакова) вызвала недовольство в среде российских чиновников. Поэтому Ф. Ф. Берг в ноябре 1870 г. поспешил переслать в редакцию «Русского архива» специальное уведомление (опубликовано в январском номере за 1871 г.), в котором разъяснил, что не вполне разделяет выраженную в «Записках» позицию автора. В результате всех этих проволочек публикация первых семи разделов «Записок» растянулась почти на три года.

Настоящие проблемы с цензурой начались только с восьмого раздела, редакцию которого автор завершил в декабре 1872 г., а в феврале 1873 г. передал Бартеневу¹⁷. Раздел этот готовился для июльского номера, и 8 июня 1873 г. его передали в цензуру. На следующий день цензор Ф. И. Росковшенко рапортовал Главному управлению по делам печати, что июльский номер задержан¹⁸. Мотивацию этого решения содержал прилагаемый протокол Московского цензурного комитета. Основу протокола составил рапорт ответственного за «Русский архив» цензора Ф. И. Рахманинова, в котором утверждалось, что в восьмом разделе «Записок» содержатся революционные по сути своей документы, принадлежащие перу польских бунтовщиков и отстаивающие право народа на восстание против высшей власти и на убийство царя; помимо этого, цензора насторожило подробное описание вербовки в революционную организацию. По мнению Ф. И. Рахманинова, документы, приведенные автором, являлись «в высшей степени неуместными» и, в случае их изъятия, работа не утратила бы своей научной и исторической ценности. Через неделю из Главного управления по делам печати по приказу начальника этого управления М. Н. Лонгинова Бартеневу было отправлено частное письмо, в котором разъяснялось, что причиной закрытия июльского номера были те фрагменты «Записок» Н. В. Берга, в которых

содержались высказывания предводителей польского бунта о правительстве и личности высочайшей особы, излагалась теория справедливости царубийства и, наконец, сообщались конфиденциальные сведения об обстоятельствах, предшествовавших назначению великого князя Константина Николаевича на пост наместника Царства Польского. Автор письма отмечал, что подобные сведения дозволено публиковать лишь с соизволения тех высоких особ, о которых идет речь в соответствующих фрагментах, в то время как разрешение нынешнего наместника Ф. Ф. Берга может касаться лишь круга вопросов, относящихся к его компетенции¹⁹. Ни к чему не привели и личные объяснения Бартенева в Главном управлении по делам печати. В конце концов восьмой раздел «Записок» переслали для просмотра великому князю Константину Николаевичу, который сделал несколько малозначительных замечаний, имевших целью оправдать его собственную политику на посту наместника Царства Польского. И только в начале сентября с учетом этих замечаний (без указания их автора), после замены двух страниц, повествующих о покушении Людвика Ярошиньского на великого князя (они были перепечатаны мелким шрифтом и вклеены), июльский номер наконец увидел свет²⁰.

Но еще прежде, чем начались все эти неприятности, в конце 1872 г., Н. В. Берг и П. И. Бартенева решили издать отдельной книгой первые восемь разделов как первую часть «Записок». Бартенева брал на себя все расходы по изданию, а чистый доход предполагалось поделить пополам между издателем и автором. Тираж запланировали 2400 экземпляров (в действительности было напечатано 1820), с включением восьмого раздела, если до начала 1873 г. он будет опубликован в журнале. Однако на тот момент восьмой раздел еще не увидел свет, а подготовка предыдущих разделов для отдельного издания заняла почти полгода. Только 23 июля 1873 г., т. е. в самый критический момент, когда И. И. Бартенева боролся с цензурой за выход в свет июльского номера журнала, Н. В. Берг передал ему готовый том. Текст почти не отличался от журнального варианта, — опущена была характеристика поляков как «усмиренных чеченцев», подробности дела Марцелия Ольшиньского и сделаны кое-какие стилистические правки. Замечания редакции журнала не были приняты к сведению: Берг заметил Бартенева, что в книге, изданной под фамилией автора, не может быть никаких редакционных изменений или дополнений, а если какой-нибудь фрагмент не устраивает издателя, его лучше просто выбросить. В книгу, в отличие от журнальной публикации, было включено 12 приложений — документов польского национально-освободительного движения. Посылая их Бартенева, Берг писал, что эти документы не должны возбуждать никаких сомнений, поскольку они принадлежат истории и утратили всякое значение, кроме значения истори-

ческого документа, который необходимо сохранить для потомства. Тем не менее именно эти документы вызвали недовольство цензора. 27 сентября 1873 г., сразу по получении экземпляра «Записок», напечатанных без предварительной цензуры, как издание объемом в 10 листов, Московский цензурный комитет наложил на них арест²¹. В своем рапорте Управлению по делам печати Ф. И. Росковшенко, припомнив инцидент с публикацией восьмого раздела «Записок» в «Русском архиве», обвинил автора в «опасной, а в лучшем случае, неосторожной пропаганде»²².

В результате начальник Главного управления по делам печати М. Н. Лонгинов в письме к П. И. Бартеневу от 2 сентября 1873 г. категорически отказался взять на себя ответственность за выход в свет подобного издания²³. В ответном письме Бартенев уверял, что не видит в книге ничего, что следовало бы из нее изъять и замечал, что большая часть документов в свое время публиковалась в газетах и особенно напирал на то, что книга вызвала положительные отзывы высочайших особ и что противники ее издания сыграют на руку полякам, поскольку последние получают лишнее подтверждение того, что в России нельзя говорить и писать правду²⁴. Примерно то же самое писал Лонгинову и Н. В. Берг, подчеркивая, что книга, в которой нет «ни единого непатриотического слова», лишь повторяет то, что уже было опубликовано и разошлось по России в тысячах экземпляров²⁵.

После подобного обмена письмами Ф. П. Еленев, сообщая П. И. Бартеневу о конфликте с М. Н. Лонгиновым, писал, что не сомневается в благонамеренности книги Н. В. Берга и в ее положительном влиянии на поляков «в смысле разоблачения их повстанческих иллюзий», но, чтобы книга успешно прошла цензуру, необходимо отказаться от публикации приложений, о чем уведомить в специальном прошении министра внутренних дел²⁶.

В отправленном через несколько дней (13 сентября 1873 г.) прошении П. И. Бартенев вновь подчеркивал, что «Записки» издаются с согласия наместника Царства Польского и что автор использует документы повстанческого периода лишь как «объективный неангажированный хроникер». Бартенев не упустил случая напомнить, что восьмой раздел «Записок» не только был благосклонно принят великим князем Константином Николаевичем, но был им лично дополнен²⁷. После этого Московский цензурный комитет получил распоряжение просмотреть книгу самым внимательнейшим образом, чтобы устранить все, что может послужить препятствием для ее издания, а в личном письме к П. И. Бартеневу М. Н. Лонгинов указал на те места, которые следует изъять²⁸. Н. В. Берг согласился на сокращения текста еще раньше, как только конфисковали книгу. Он даже предлагал (в письме от 21 октября 1873 г.), чтобы в случае, если цензура потребует дальнейших сокращений в приложениях,

вообще от них отказаться, но за основной текст воевать до последней возможности. Откровенно говоря, когда писалось это письмо, судьба книги (а вернее, приложений) была уже предreshена; вышеупомянутое письмо Лонгинова, по сути дела, являлось директивой, которой Бартеиев должен был следовать неукоснительно. Изъяли два воззвания Польского комитета в Париже к польским повстанцам и русскому народу за 1832 г. и сочинение ксендза Петра Сцегенного, распространявшееся в 1844 г., «Послание Папы Григория к земледельцам, ремесленникам, крестьянам, мещанам и солдатам, к лакеям, писарям и экономам, присланное из Рима». Кроме того, в начале основного текста (где сократили фрагменты с оценкой следствия по делу о Ноябрьском восстании) пришлось две страницы изъять вовсе, а две следующие перепечатать, поэтому книга начиналась с седьмой страницы. Наконец, в таком урезанном виде, в конце ноября 1873 г. «Записки» вышли из печати²⁹, а в декабре появились в продаже не только в Москве и Петербурге, но также в Варшаве и в Дрездене.

Наученный горьким опытом, не ожидая, пока Н. В. Берг закончит девятый раздел, целиком посвященный наместничеству великого князя Константина Николаевича, Бартеиев заранее обратился к последнему с просьбой выразить принципиальное согласие на публикацию. В конце сентября 1873 г. адъютант великого князя А. А. Киреев сообщил, что Константин Николаевич выразил согласие на публикацию глав о польских событиях 1862 г. в «Русском архиве», но предупредил, что лично просмотрит корректуру этих глав, чтобы предварительно ознакомиться с их содержанием. Н. В. Берг закончил раздел в октябре 1873 г., а в январе 1874 г. корректура через князя А. Б. Лобанова была отправлена в Мраморный дворец. Спустя месяц, в конце февраля, тот же А. Б. Лобанов вернул Бартеиеву корректуру, не сообщив, читал ли ее великий князь (в действительности Константин Николаевич прочел ее 28 февраля 1874 г., но, не пожелав выразить своего veto письменно, отложил решение до запланированной встречи с Бартеиевым). Озадаченный Бартеиев поспешил в Петербург, где в середине марта встретился с Лонгиновым и с великим князем. Беседа касалась девятого раздела «Записок». Константин Николаевич ни за что не соглашался на публикацию текста в том виде, в каком ему этот текст представили. Ведь главной причиной задержки девятого раздела была явно прослеживающаяся в нем мысль, что именно политика, проводимая великим князем на посту наместника Царства Польского, и привела к последнему взрыву. Утверждалось, что наместник сознательно обострял ситуацию, надеясь либо разоблачить и арестовать заговорщиков, либо спровоцировать их на открытое выступление, иными словами, намеренно приближал начало восстания. Позднее Константин Николаевич в частной беседе с Анджеем Замойским рассказывал, что П. И. Бартеиев сразу понял безнадежность своих попы-

ток спасти девятый раздел «Записок», прервал публикацию и «счел инцидент исчерпанным»³⁰.

На самом деле П. И. Бартенев не сразу отказался от публикации «Записок». Из разговора с великим князем он понял, что от него требуется, и предпринял попытку исправить ситуацию. Текст с замечаниями Бартенева переслали Н. В. Бергу, и 18 марта 1874 г. Берг отправил в Москву новый вариант девятого раздела со всеми требуемыми исправлениями. Но и этот вариант не устроил великого князя, который соглашался на публикацию, если автор заменит целые куски текста вставками, написанными рукой самого Константина Николаевича, в которых он характеризовал свою политику в Царстве Польском как антирепрессивную. В таком виде раздел снова был отправлен Н. В. Бергу, который, естественно, не мог принять сделанных «поправок». Сообщая об этом Бартеневу 1 мая 1874 г., Берг резюмировал, что о продолжении публикации нечего и думать: честь редактора и автора не позволяли принять условия, поставленные великим князем, поскольку рекомендуемые вставки были сделаны непрофессионально, бесцветным, сухим языком. Берг заявил, что не согласится на них «ни за что на свете, даже в том случае, если бы это была чистейшая правда, хотя здесь ведь и этого нет»³¹. П. И. Бартенев, вероятно, ожидал подобной реакции автора: ведь еще 26 октября 1873 г., отправляя в журнал рукопись девятого раздела, Н. В. Берг понимал, что не удастся избежать цензуры великого князя и заранее предлагал «свернуть паруса, вернуться в порт и безнадежно ждать у моря погоды»³².

И все-таки Бартенев был настолько уверен, что Берг согласится на поправки великого князя и тем самым обеспечит публикацию девятого раздела, что даже заготовил соответствующий комментарий от редакции, где сообщал, правда, не называя имени, о причастности к этому фрагменту «Записок» некой высокопоставленной особы. Бартенев не учел, что если бы Берг пошел на компромисс, то и следующие разделы подверглись бы аналогичным «поправкам», если не Константина Николаевича, то какого-нибудь другого облеченного властью «редактора».

Но и получив категорический отказ Берга, Бартенев еще пытался договориться с Мраморным дворцом. В результате 11 мая 1874 г. он узнал от А. А. Киреева, что великий князь в ответ на новые предложения редактора «Русского архива», связанные с публикацией труда Н. В. Берга, сообщил, что не желает больше иметь ничего общего с этой историей, а если Бартенев предполагает печатать «Записки» и дальше, то пусть сам принимает на себя ответственность за последствия этого деяния. Тут Киреев с наивной миной прибавил: «Вот письменный ответ, который, вероятно, развяжет Вам руки»³³. Бартенев, естественно, понял, что подобное «разрешение» из уст царского брата равносильно запрещению.

Поэтому на предложение Н. В. Берга в июне 1874 г. проигнорировать поправку великого князя и просто вычеркнуть не понравившиеся ему места никак не отреагировал. Таким образом, девятый раздел «Записок» так и остался неопубликованным, и сотрудничество Берга с журналом «Русский архив» закончилось.

Только в 1879 г. Берг снова предпринял попытку напечатать «Записки», на этот раз в Петербурге, в журнале «Русская старина». Здесь он некогда напечатал свои воспоминания о Н. В. Гоголе и несколько биографий писателей и поэтов (в том числе биографический очерк об Адаме Мицкевиче). Журнал давно предлагал Бергу постоянное сотрудничество. Еще в мае 1873 г. в письме к М. Н. Погодину Берг изложил свое намерение уйти из «Русского архива», если Бартенов вновь начнет «выкручивать руки» и перейти с оставшимися разделами «Записок» «под другие знамена», в Санкт-Петербург, где его давно уже ждут и предлагают лучшие условия³⁴. Конечно, дело было не только в лучших условиях. С редактором журнала «Русская старина» у Н. В. Берга тоже были столкновения на финансовой почве, на него он жаловался в письмах к знакомым и от него тоже хотел уйти, предложив свои «Записки» А. С. Суворину, но... не ушел. Финансовые проблемы автора с редактором-издателем — это одно, а идейная направленность журнала «Русская старина», близкая взглядам Берга, — это совсем другое. Когда позже М. И. Семевский защищал в Цензурном комитете работы Берга (не только «Записки о польском восстании»), он делал это не столько с позиции редактора, но и как человек, взгляды которого совпадали со взглядами автора статей. Здесь царили совсем иные взаимоотношения, чем у Бартенева, который с одинаковой легкостью помещал на страницах своего журнала как «Записки» Н. В. Берга, так и статейки жандарма В. А. Роткирха, и готов был при малейшем нажиме пойти на любую замену, согласиться на любое сокращение, если кому-то из сильных мира сего текст показался не вполне приемлемым. Часто он делал это и по собственной инициативе, заранее предвидя, что и кому может не понравиться. В то же время Семевский защищал авторский текст, как свой собственный. Идейная близость Берга с Семевским и их теплые дружеские взаимоотношения привели не только к переходу Берга в «Русскую старину», но и положили начало его многолетнему сотрудничеству с этим журналом. Переход этот произошел в 1877 г., когда автор переслал в Петербург оставшиеся разделы «Записок».

Итак, снова возникла проблема с девятым разделом, и снова, уже через Семевского, текст был передан для просмотра Константину Николаевичу. И снова, как и раньше, великий князь поставил свое veto. О разговоре с Константином Николаевичем, состоявшемся уже после принятия решения о продолжении публикации «Записок» с десятого раздела (с про-

пуском девятого), Семевский пишет в своих воспоминаниях. В декабре 1879 г. великий князь еще раз подтвердил, что ни в коем случае не согласится на публикацию девятого раздела «из-за его странного и даже неприличного» содержания. В своих воспоминаниях М. И. Семевский пишет, что в конце беседы Константин Николаевич поинтересовался, кто, собственно, такой этот Берг и какой пост он занимает. Семевский ответил, что Берг является редактором газеты «Варшавский дневник». Через несколько дней после встречи с великим князем Семевский получил лаконичное письмо от Берга, в котором тот сообщал, что в связи с изменениями в составе редакции «Варшавского дневника» ему предложено подать в отставку³⁵.

Раздел десятый, содержащий описание первых повстанческих выступлений (до диктатуры Лянгевича), без особых затруднений прошел цензуру и был опубликован в февральском номере журнала «Русская старина» за 1879 г. Не принесла неприятностей и публикация одиннадцатого раздела, но уже с двенадцатым снова начались проблемы. 24 апреля 1879 г. ответственный за журнал цензор Н. А. Ратынский, стяжавший репутацию либерала, отправил в Цензурный комитет рапорт, в котором сообщал, что наместник Царства Польского Ф. Ф. Берг представлен в этом разделе как человек, «хотя и не лишенный гражданского мужества, но одновременно хитрый, не выбирающий средств для достижения поставленной цели»; кроме того, по мнению цензора, автор сообщал интимные подробности из жизни графа, «которые особенно неуместны сейчас, когда не прошло и пяти лет после его смерти, когда жива еще его вдова и родственники»³⁶. В результате было сделано столько сокращений, что пришлось перепечатать целых четыре страницы (с. 75–76 и с. 87–88). Указав в своем рапорте на нелестную характеристику Ф. Ф. Берга, которую следовало изъять, Н. А. Ратынский не вспомнил о многих куда более рискованных фрагментах «Записок», где говорилось о слабости и бесхарактерности российского правительства, а также о стиле правления великого князя Константина Николаевича, который, по мнению автора, с каждым днем все более доказывал свою несостоятельность³⁷. По правде говоря, даже упоминаемые в рапорте отрывки были направлены не столько против графа Ф. Ф. Берга, сколько против всего чиновничьего аппарата. Описывая, например, назначение графа на пост наместника, автор отмечал, что никому из тех, кто принимал это решение, не пришло в голову, что будущий наместник — «человек, не получивший достойного образования, не знающий ни истории, ни географии Польши, не имеющий никакого понятия ни о литературе европейской, ни даже о своей родной немецкой». Никто об этом даже не задумался, «да и на что все эти знания российскому чиновнику, генерал-губернатору, наместнику»³⁸.

Публикация третьей части двенадцатого раздела столкнулась с еще большими трудностями³⁹. Вначале ее планировали поместить в июньском номере журнала, но в конце мая 1879 г. по распоряжению даже не Цензурного комитета, а министра внутренних дел из нее пришлось изъять 54 строки, вследствие чего ее напечатали только в июльском номере. Одновременно была опубликована заметка Н. В. Берга об обстоятельствах назначения М. Н. Муравьева на должность генерал-губернатора Северо-Западного края, в которой подобным же образом подверглись сокращению фрагменты, содержащие острую критику Муравьева-вешателя. Эта заметка опиралась на факты, приведенные самим Муравьевым в его «Записках об управлении Северо-Западным краем», копия которых попала в руки Н. В. Берга⁴⁰. По словам Берга, Муравьев был человеком, «уважать которого было трудно даже в России»⁴¹. Как основание для подобной характеристики Муравьева Берг приводил рассказ его начальника штаба: «Он подписывал приговор за приговором один суровее другого... Слова „повесить, расстрелять“ выходили у него четче остальных, как будто выписанные с особым удовольствием»⁴².

Но и этих сокращений оказалось недостаточно, и позже, изъяв все фрагменты, не устроившие министра внутренних дел, шеф Санкт-Петербургского цензурного комитета А. Г. Петров потребовал согласовать с министром двора или с самим великим князем Константином Николаевичем отрывок об обстоятельствах смещения архиепископа Зигмунда Фелиньского с поста члена Государственного совета. М. И. Семевский был в это время в отъезде и, не желая откладывать публикацию, поручил просто сократить 24 строки и произвести соответствующие изменения на страницах 517–518⁴³. Только после этого изуродованная цензурой третья часть двенадцатого раздела увидела свет.

В том же самом номере оказалась и последняя часть этого раздела (по нумерации М. И. Семевского — седьмого), в которой цензура сократила два фрагмента. Оба они касались положения в Варшаве летом 1863 г., то есть ситуации фактического двоевластия.

Следующий номер журнала привел к новым столкновениям с цензурой, однако недовольство вызвал не сам текст «Записок», а приложения к нему: письмо архиепископа Фелиньского Александру II от 15 марта 1863 г. и депеша Жонда Народового Владиславу Чарторыйскому от 15 августа 1863 г. М. И. Семевский считал эту депешу особенно интересной, поскольку она была ответом на дипломатическую ноту князя А. М. Горчакова, посвященную польскому вопросу, и обнажала всю подоплеку польского бунта с точки зрения его главных вдохновителей. Но цензура не решилась выразить согласие на публикацию этих ценных с исторической точки зрения материалов в журнале, вполне заслуженно пользовавшемся репутацией объективного. Семевский обратился с просьбой разре-

шить печатание этих документов к министру внутренних дел Л. С. Макову, который, не желая брать на себя ответственность за принятие решения, направил рапорт Александру II, наложившему окончательный запрет, ибо царь полагал, что не стоит будоражить «совершенно успокоенную» Польшу неприятными воспоминаниями о недавних событиях⁴⁴. В конечном итоге и письмо Фелиньского, и депеша Жонда Народового были изъяты (всего исключили 12 страниц текста)⁴⁵.

После этой истории М. И. Семевский сильно обеспокоился судьбой оставшихся разделов труда Н. В. Берга. Но Л. С. Маков держался корректно, и Семевский с удовлетворением отметил, что сентябрьский и октябрьский номера журнала «Русская старина», где продолжали публиковаться «Записки», благополучно прошли цензуру. В этих номерах оказался раздел тринадцатый (по нумерации Семевского восьмой и девятый). В нем сократили лишь некоторые цитаты из брошюры «В тыл» и оценку Н. В. Бергом действий властей во время событий 7 (19) сентября 1863 г. (покушение на заместника Ф. Ф. Берга и разгром дома Замойских).

Ноябрьский и декабрьский номера с окончанием раздела тринадцатого и последним, четырнадцатым, а также письма А. Вашковского и Х. Киркор и декреты Жонда Народового, помещенные в приложении, счастливо прошли цензуру. Таким образом, в течение года в «Русской старине» завершили публикацию «Записок о польских заговорах и восстаниях». Берг и Семевский имели право считать, что им повезло, поскольку именно 1879 год был годом самых жестоких репрессий, какие когда-либо обрушивала цензура на российскую журналистику. Количество публикаций, изъятых из периодических изданий по цензурным соображениям, достигло максимума⁴⁶. В то же время «Русская старина», печатая «Записки», поплатилась, как мы видим, всего несколькими десятками перепечатанных страниц.

Публикация «Записок» вызвала многочисленные отклики, в большинстве случаев от людей, вовсе не разделявших позицию автора. Писали друзья и защитники М. Н. Муравьева, адъютанты Ф. Ф. Берга⁴⁷. Некоторые письма печатались в «Русской старине», а на особенно острые выступления Н. В. Берг сам отвечал на страницах журнала.

Было объявлено о подготовке к печати второй части «Записок», но Н. В. Берг вдруг прервал работу над ней. В начале 1880 г. он переплел вырезанные из журнала части «Записок», вставил в них чистые листы, на которые вписал изъятые цензурой фрагменты, снабдив их собственными замечаниями.

В ноябре 1883 г. Берг предпринял еще одну попытку опубликовать девятый раздел «Записок» (в несколько измененном виде), переслав его С. И. Шубинскому, редактору журнала «Исторический вестник», но раздел вновь не был опубликован.

Всю эту работу Н. В. Берг проделал, намереваясь издать «Записки» отдельной книгой в значительно расширенном виде. Он предполагал не только вернуть загубленный цензурой девятый раздел, но и доработать те фрагменты, которые из-за недостатка материала казались ему неполными, иначе осветить некоторые факты на основе документов, найденных в Кракове, Львове и в других европейских городах, привести все в порядок, напечатать без цензуры, а потом передать в высшие инстанции по делам печати в России.

Выход «Записок» отдельной книгой в 1873 г. вызвал в Польше одобрительную реакцию. 7 января 1874 г. Н. В. Берг с удовлетворением отмечал, что поляки находят книгу откровенной и объективной, хотя и обращают внимание на недостаток «некоторых подробностей». Берг считал, что если книгу перевести на польский язык, «то и десять тысяч экземпляров разойдутся»⁴⁸. И в самом деле, уже 19 марта 1874 г. Берг сообщил Бартеневу, что познанский издатель Я. К. Жупанский обратился к автору с предложением подготовить польский перевод «Записок». В ответ Н. В. Берг поместил в варшавских газетах объявление, что права на перевод книги оставляет за собой. На этом дело и приостановилось.

Однако в 1880 г. в Кракове издали первую часть «Записок» (разделы с первого по седьмой, которые появились отдельной книгой на русском языке еще в 1873 г.) в переводе А. Жищевского (В. Ралекса)⁴⁹. И вот 8 ноября 1880 г. Н. В. Берг обратился в Главное управление по делам печати с совершенно невероятной просьбой: запретить распространение на территории России польского перевода «Записок», поскольку он намеревается в самое ближайшее время выпустить новое, исправленное и дополненное издание, в переводе, сделанном под наблюдением автора, так как краковский перевод сделан, по его мнению, «торопливо и небрежно, без достаточного знания языка и предмета и может повредить репутации книги»⁵⁰.

Просьба была столь необычна, что Главное управление по делам печати дало ответ только через месяц, сообщив, что в связи с отсутствием закона, запрещающего перевод на другие языки книги, изданной в России, удовлетворить требование автора невозможно.

Получив ответ, Н. В. Берг немедленно отправил начальнику Главного управления по делам печати Н. С. Абазе частное письмо, в котором выражал опасение, что появление в Царстве Польском краковского перевода «Записок» перечеркивает его собственные планы, касающиеся как распространения оставшихся экземпляров издания 1873 г., так и планируемого переиздания. Берг просил Абазу в виде исключения позволить напечатать «Записки» без предварительной цензуры в Варшаве, где автору было бы удобнее всего наблюдать за ходом работы. По существовавшему тогда порядку книги объемом свыше десяти листов

могли быть напечатаны без предварительной цензуры, но только в Петербурге и в Москве. Н. В. Берг особенно напирал на то, что издание книги дало бы ему определенный материальный доход и обеспечение на старость. Об этом письме Н. С. Абаза уведомил свое начальство, после чего министр внутренних дел М. Ф. Лорис-Меликов 5 января 1881 г. направил варшавскому генерал-губернатору П. П. Альбединскому письмо, в котором спрашивал о возможности опубликования в Варшаве «Записок» Н. В. Берга, добавив, что со своей стороны допустил бы издание труда в виде «особой монаршей милости» — в оригинале или в переводе на польский язык без предварительной цензуры. Казалось бы, министр принял сторону Берга, но на полях этого письма имеется помета: «Приказано ответа не требовать», — похоже, Лорис-Меликов вовсе не был уверен, что Альбединский поддержит просьбу Берга⁵¹.

Позднее, в условиях реакции, начавшейся в связи с убийством народовольцами Александра II, даже сама мысль о каких-либо исключениях из цензурных правил стала невозможной, поэтому Н. В. Берг стал искать другой путь. По его собственным словам, осенью 1881 г. он решил напечатать «Записки» за пределами Российской империи. Воспользовавшись приятельскими отношениями с Ю. И. Крашевским, Берг обратился в познанскую типографию доктора философии Владислава Лебиньского (на титульных листах печатавшихся там изданий значилось: бывшая типография Крашевского). Издание книги Берга растянулось на несколько лет. Корректорский экземпляр печатали на очень тонкой бумаге и посылали в Варшаву по пять страниц в обычных почтовых конвертах⁵². Только в 1884 г. напечатали три первых тома, содержавших основной текст; четвертый том с приложениями вышел из печати уже после смерти автора в 1885 г.

Смерть Н. В. Берга 16 июня 1884 г. явилась причиной того, что издание не сразу попало в Россию. Возможно, весь тираж остался в типографии, поскольку ее хозяин не был заинтересован в продаже книги, издававшейся за счет автора. Кроме того, можно предположить, что тираж был невелик, хотя Берг и решился на это предприятие в известной степени из финансовых соображений⁵³.

Только в 1888 г. в руки российских цензоров впервые попал экземпляр книги Берга. Сначала он оказался в Комитете цензуры иностранной, из чего можно сделать вывод, что книга была конфискована за границей. 21 мая 1888 г. председатель комитета А. Н. Майков передал книгу Цензурному комитету в Петербурге, желая уточнить, может ли данное издание быть допущено к распространению на территории Российской империи. Книга попала в руки цензора С. И. Донаурова. 7 июня 1888 г. Донауров представил свое заключение, в котором писал, что, несмотря на увлекательную форму повествования и ярко выраженную патриоти-

ческую направленность, книга представляет собой памфлет против высших российских чиновников, действовавших на территории Царства Польского и вообще в Западном крае. Говоря о них, автор позволяет себе не только критиковать их общественную деятельность, но и вмешиваться в их частную жизнь, предавая огласке собранные на улице сплетни и непристойные анекдоты. Кроме того, автор пишет о высокопоставленных особах в недопустимо фамильярном тоне, приписывает им поступки, слова и даже мысли и намерения, о которых в действительности не мог иметь никакого понятия⁵⁴. Донауров резюмировал, что «Записки» Н. В. Берга ни в коем случае не могут быть допущены к распространению в границах империи. Петербургский цензурный комитет 15 июня 1888 г. подтвердил это заключение и 30 июня 1888 г. в письме в Комитет цензуры иностранной сообщил, что книга Н. В. Берга, вышедшая в Познани под заглавием «Записки о польских заговорах и восстаниях 1831–1864» (четыре тома) «подлежит запрещению к распространению среди обществственности»⁵⁵. Итак, с 1889 г. это издание было включено в индекс запрещенных книг.

Готовя последний вариант «Записок» к печати, Н. В. Берг не только восстановил все изъятые цензурой фрагменты, но и значительно расширил и переработал текст, включив в него все свои статьи, посвященные польским событиям и написанные до 1879 г. Целые главы были изменены с учетом новых данных, появившихся в прессе, а также устных воспоминаний участников подавления восстания.

Дополнения, кроме прочего, касались событий, происходивших в тех частях Польши, которые отошли к Пруссии и Австрии, а также европейской дипломатической кухни. Говоря, например, о 1848 годе, Берг подробно останавливался на восстании в Познани и на революции в Германии. В предыдущем издании он уделил этой теме лишь несколько слов. Кроме того, он детально описывает обстановку в Австрии, чему прежде вообще не уделял внимания. Здесь же он говорит об австрийском правительстве, особенно о К. Меттернихе как главном виновнике «галицийской резни», тогда как в предыдущем издании лишь позволил себе намеки на представителей власти, подбивавших крестьян на выступления. Заговор Далевских, который в издании 1873 г. был охарактеризован Бергом как единичный случай, здесь представлен в связи с общей ситуацией в Европе и особенно с венгерским восстанием. Автор подробно рассказывает о поведении польской эмиграции во время Крымской войны, особенно подчеркивая то, что поляки не воспользовались поражением России как благоприятной ситуацией для начала восстания. Рассказывая о начале повстанческого движения на Украине, Берг дополняет свое повествование описанием событий в Галиции и в Познани.

Если же речь шла о европейской политике, то Берг, помимо сообщения о нотах европейских государств России, о политике французского правительства, добавляет рассказ Ю. И. Крашевского о политике Бисмарка и о его намерении включить Польшу в состав Германии.

Кроме того, Берг дополнил текст «Записок» новыми документами: воззванием к жителям Варшавы по случаю прибытия великого князя Константина Николаевича и рядом распоряжений, касавшихся постепенного распространения с мая 1863 по август 1864 г. права на утверждение смертных приговоров командирами отрядов и войсковых соединений. Особенно следует отметить, что в этом издании впервые появилась информация о провокации царского правительства в связи с возникновением «Жонда Даниловского-Звезховского». Хотя Н. В. Берг и говорит обо всей этой истории очень неясно, скорее всего, не имея в своем распоряжении документов, но, тем не менее, он пишет, что варшавяне чувствовали подвох в сообщениях об этом «Жонде» и смеялись над ними.

Независимо от этих добавлений, Берг составил весь четвертый том из приложений, отобрав свыше пятидесяти различных документов и комментариев. Среди них оказались материалы, включенные им прежде в приложения к изданию 1873 г. и к разделам, опубликованным в «Русской старине» (за исключением письма Д. Гарibaldi, прежде не публиковавшегося). Естественно, Берг, не боявшийся цензурных ограничений, вернул все фрагменты, изъятые из предыдущих публикаций, а также добавил несколько новых документов: выдержки из следственных дел, адрес Жонда Народового папе Пию IX от 26 июня 1863 г. и другие. Одновременно Берг поместил в приложение ряд своих комментариев к различным эпизодам восстания.

В то время как «Записки», опубликованные в «Русской старине», обрывались в момент подавления восстания, теперь Н. В. Берг добавил большой раздел о последующих событиях в Царстве Польском, о реформах Н. А. Милютина и его ближайших соратников, В. Д. Черкасского и Ю. Ф. Самарина — их Берг характеризовал как людей, ничем не отличавшихся в своей политике от своих предшественников, только более цивилизованных.

Однако главной отличительной чертой познанского издания от всех предыдущих был его тон. Теперь, не опасаясь никакой цензуры, автор обвинял царских чиновников в том, что лишь отсутствие системы и порядка в правительственных учреждениях явилось причиной как восстания 1863 г., так и всех проявлений народного возмущения до того. Берг обвинял Константина Николаевича и Л. Мерославского в том, что они сами спровоцировали восстание объявлением рекрутского набора.

В заключение Н. В. Берг добавил небольшой раздел «Несколько слов об итогах восстания 1863 года». В нем он подчеркнул, что отношение поляков к русскому правительству совершенно не изменилось, что по-

ляки никогда не перестанут быть поляками и никакие неудачи, ссылки и казни не смогут их усмирить.

Помимо того, что «Записки» Н. В. Берга представляют ценность как достаточно объективный труд, выражающий взгляды и симпатии автора, это еще и исторический источник, не потерявший своего значения и по сей день. Причиной этого является включение в текст большого количества документов либо вообще утраченных, либо труднодоступных.

Книга проникнута если не симпатией к повстанцам, то, по крайней мере, ярко выраженным сочувствием к ним, — и в этом еще одна причина не только использования ее польскими историками позднейших лет, но и высказываемой ими высокой оценки труда Н. В. Берга. С этой точки зрения интерес представляет мнение бывшего секретаря Жонда Народового Ю. К. Яновского, высказанное в письме к В. Пшиборовскому от 14 ноября 1907 г. Критикуя Пшиборовского за тенденциозность его «Истории двух лет», Яновский пишет о книге Берга: «Труд этот, особенно для русского автора, весьма беспристрастный и объективный и при этом серьезный исторический источник. Если кто-нибудь когда-нибудь будет писать подлинную историю этих дней, то не сможет обойтись без него. А ведь он опирался почти на те же материалы, что и автор „Истории двух лет“. Он имел в своем распоряжении показания Авейде, Маевского, Ляндовского и сотен других. Все следственные дела, какие только существовали, были ему доступны. В этом труде множество ошибок, но, опираясь на следственные показания, автор не мог их не сделать, поскольку во время следствия очень немногие говорят правду. Что характерно и что пойдет на пользу его последователям, к своим соотечественникам Берг подчас бывает беспощаден, а о поляках говорит с большим тактом и знанием дела»⁵⁶. Подобное мнение в устах одного из руководителей восстания 1863 г. имеет особый вес.

Ничего удивительного, что, помимо двух вышеупомянутых изданий первой части «Записок», известно еще три перепечатки их перевода, вышедшего в Познани⁵⁷.

Российская историография почти не обращалась к познанскому изданию «Записок» из-за его редкости и из-за отсутствия разрешения цензуры, — причинам, по сути дела, взаимосвязанным. Одновременно почти все российские историки, авторы работ, посвященных Январскому восстанию либо польскому национально-освободительному движению 1830–1863 гг., ссылались на разделы «Записок», опубликованные в журналах «Русская старина» и «Русский архив», или на издание 1873 г.

И это не случайно. Все, имеющие какую-то ценность статьи, записки, воспоминания, появившиеся вскоре после восстания, авторы которых либо принимали в нем непосредственное участие с той или другой стороны, либо являлись наблюдателями, оказавшимися в самом центре со-

бытий, можно разделить на две группы. С одной стороны, это произведения, вышедшие из-под пера людей, оказавшихся в рядах повстанцев и даже в большей или меньшей степени повлиявших на судьбу восстания. С другой стороны, это работы функционеров полиции, оставивших свои исторические заметки, статьи и воспоминания, основанные на доступных им материалах следственных комиссий, и рассматривавших события с точки зрения III отделения. Это произведения таких авторов, как член Виленской следственной комиссии Н. В. Гогель, жандарм В. А. Роткирх, член Варшавской следственной комиссии П. Г. Цугаловский и другие.

Заслуга Н. В. Берга в том, что, отступив от официальной точки зрения на польское восстание, он старался быть объективным и связать официальные документы царского правительства с документами повстанческих организаций, с фактами, заимствованными из воспоминаний участников восстания. Наивно было бы ожидать от Н. В. Берга политической оценки происшедших событий. Однако богатейший фактический материал, содержащийся в его «Записках», не утратил своей ценности до сих пор, несмотря на то, что со времени издания книги прошло уже более ста лет.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Библиотека для чтения. 1863. № 12. С. 3, 7 (о подписке на журнал).
- ² *Боборыкин П. Д.* За полвека. М.; Л., 1929. С. 262.
- ³ Библиотека для чтения. 1864. № 3. С. 1–53.
- ⁴ Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом) (далее: ИРЛИ). Ф. 265. Оп. 2. Д. 212. Л. 11.
- ⁵ Библиотека для чтения. 1864. № 2. С. 32–33.
- ⁶ Там же. С. 19–21.
- ⁷ Там же. С. 29–32.
- ⁸ ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Д. 292. Л. 1.
- ⁹ Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Ф. 1282. Оп. 1. Д. 227. Л. 1–1 об.
- ¹⁰ *Мосолов А. Н.* Виленские очерки, 1863–1865 гг. СПб., 1898. С. 196–197.
- ¹¹ Русская старина. 1892. Т. 73. С. 633–649. Опубликовано с цензурными сокращениями. Полный текст хранится в ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Д. 202. Л. 1–25.
- ¹² Подробности о работе Берга над «Записками о польских заговорах и восстаниях 1831–1862» содержатся в его письме к М. П. Погодину от 21 апреля 1869 г., см.: Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее: ОР РГБ). Ф. 231. П. 427/4. Л. 4 об.–5 об.
- ¹³ Русская старина. 1892. Т. 73. С. 637.
- ¹⁴ ОР РГБ. Ф. 231. П. 427/1: Письмо Н. В. Берга М. П. Погодину от 3 марта 1869 г.
- ¹⁵ Материалы, собранные особой комиссией, высочайше утвержденной 2 ноября 1869 г., для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати. Ч. 1. Законодательные работы с 1864 по 1870 г. СПб., 1870. С. 648–741.

- 16 РГАЛИ. Ф. 48. Оп. 8. Д. 6. Л. 1.
- 17 Там же. Ф. 46. Оп. 1. Д. 565. Ч. I. Л. 169, 183.
- 18 РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 155. Л. 156–160.
- 19 РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 565. Ч. II. Л. 21–22. [Ф. П. Еленев] П. И. Бартенева
16 июня 1873 г.
- 20 РГИА. Ф. 776. Оп. 1. Д. 155. Л. 172–173. Материалы, на основе которых
можно было бы восстановить цензурные сокращения, не сохранились. Судя
по замечаниям великого князя, исключенные фрагменты содержали описа-
ние его поведения в момент покушения и непосредственно после него.
- 21 РГИА. Ф. 776. Оп. 21. 1873 г. Д. 126. Л. 2, 4–6. Просматривал книгу цензор
П. К. Федоров; его замечания повторил Ф. И. Росковшенко в рапорте Цен-
тральному управлению по делам печати.
- 22 Там же. Ф. 777. Оп. 2. 1873 г. Д. 73. Л. 1–2.
- 23 РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 565. Ч. II. Л. 99.
- 24 ИРЛИ. Д. 23113/С1 XVI б 10. № 53. Л. 106–107.
- 25 Там же. Б. 11. В. 3/3.
- 26 РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 565. Ч. II. Л. 132–133.
- 27 РГИА. Ф. 776. Оп. 11. 1873 г. Д. 126. Л. 8–8 об.
- 28 Там же. Л. 9–10.
- 29 Записки Н. В. Берга о польских заговорах и восстаниях 1831–1862 гг. М., 1873.
- 30 ИРЛИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 16. Л. 99 об.–100. По записи М. И. Семевского за 1879 г.
- 31 РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 566. Ч. II. Л. 10–10 об.
- 32 Там же. Д. 565. Ч. II. Л. 187–188.
- 33 Там же. Д. 566. Ч. I. Л. 387–387 об.
- 34 ОР РГБ. Ф. 231. П. 431/18.
- 35 ИРЛИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 16. Л. 98–98 об.
- 36 РГИА. Ф. 777. Оп. 2. 1879 г. Д. 65. Ч. I. Л. 156.
- 37 ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Д. 204. Л. 137, 156.
- 38 Там же. Л. 166.
- 39 Двенадцатый раздел М. И. Семевский разделил на четыре части, в связи с
чем обозначил его как разделы четвертый–седьмой по своей нумерации
(Русская старина. 1879. Т. 25. С. 55–58, 515–566).
- 40 ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Д. 2500. Л. 1. Письмо Н. В. Берга М. И. Семевскому от
10 декабря 1882 г.
- 41 ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Д. 204. Л. 178 об.
- 42 Там же. Л. 180 об.
- 43 РГИА. Ф. 777. Оп. 2. 1879 г. Д. 65. Ч. I. Л. 158–159, 161–162.
- 44 ИРЛИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 16. Л. 68 об.
- 45 В результате этого одна страница получила пагинацию 710–722 (РГИА.
Ф. 777. Оп. 2. 1879 г. Д. 65. Ч. I. Л. 163–165).
- 46 *Евгеньев-Максимов В., Максимов Д.* Из прошлого русской журналистики.
Л., 1930. С. 278–279.
- 47 ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Д. 207, 1706, 1710. В этих последних делах, помимо
заметки В. В. фон Валя, бывшего адъютанта Ф. Ф. Берга, имеется и текст
коллективного письма-протеста, составленного группой бывших сослужив-
цев Ф. Ф. Берга.

- 48 РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 566. Ч. I. Л. 27 об., 172, 295.
- 49 *Berg N. W. Pamiętniki o polskich spiskach i powstaniach 1831–1862 / Przetłóżył W. Ralex. Kraków, 1880. В 1894 г. вышло второе издание (также в Кракове), скорее всего, на основе первого набора, поскольку сохранило его пагинацию и даже типографские ошибки.*
- 50 РГИА. Ф. 776. Оп. 11. Д. 126. Л. 15–15 об.
- 51 Там же. Л. 19–20 об.
- 52 ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Д. 202. Л. 30.
- 53 В российских библиотеках обнаружен только один экземпляр: в Государственной Публичной исторической библиотеке России (поступил из бывшей библиотеки А. П. Бахрушина). Кроме того, два отдельных тома хранились в бывшей Библиотеке Института славяноведения РАН и в частных собраниях. По данным библиографии В. Гонсеровского, издание в свободную продажу не поступало.
- 54 РГИА. Ф. 77. Оп. 4. 1888 г. Д. 3. Л. 20–20 об.
- 55 Там же. Оп. 2. 1888 г. Д. 4. Л. 93.
- 56 *Яжембовский Ю.* Говорят люди 1863 года. Лондон, 1963. С. 277–278.
- 57 Перепечатки представляют собой почти полный (с небольшими сокращениями) перевод разделов с четвертого по четырнадцатый познанского издания «Записок». В приложениях представлены только документы, связанные с этими разделами, добавлены письма Александра II и заместников Царства Польского с 26 февраля 1861 г. по 16 июня 1862 г., доклад об осужденных в 1863–1866 гг. и еще несколько документов.

«Польские» статьи М. П. Погодина 1830-х гг.

Михаил Петрович Погодин (1800–1875) не нуждается в долгих представлениях. Ревностный и удачливый собиратель старославянских рукописей и их публикатор, автор множества работ, посвященных прошлому и настоящему России, славянских и иных стран, темпераментный публицист, живо откликавшийся на происходящее в мире и поддерживавший тесные связи со многими российскими и зарубежными деятелями культуры, он рано приобрел широкую известность. Погодин не обойден и вниманием историографов. Его деятельности и научному наследию посвящен целый ряд трудов. Больше всего о нем писали и пишут русисты. Отечественными славистами особенно подробно изучены его контакты с П. Й. Шафариком, В. С. Караджичем и другими деятелями славянского национального Возрождения. В статьях и книгах Л. П. Лаптевой, М. Ю. Досталь и других исследователей, естественно, рассматриваются и работы Погодина в области полонистики. Но эта сторона его многогранной деятельности, насколько можем судить, все еще освещена недостаточно.

Между тем в ряду произведений ученого труды на польскую тему занимают видное место. Когда в 1865 г. М. П. Погодин взялся за большую, в известном роде итоговую статью «Польское дело», у него были основания сказать о себе: «Много я писал, читал, думал, говорил о польском вопросе — в продолжение сорока почти лет — с поляками и русскими, разных оттенков и возрастов; вопрос был переверочен, кажется, на все стороны»¹. Сам автор придавал немалое значение своим писаниям о Польше и потому в начале 1860-х гг. задумал собрать их воедино. Весной 1863 г. им было составлено предисловие к предполагаемому сборнику, но появлению книги помешали, как позднее уклончиво выразится автор, «цензурные недоразумения»². Книга — «Польский вопрос: Собрание рассуждений, записок и замечаний» — смогла выйти только спустя пять лет. Новое собрание статей из своего польского цикла Погодин подготовил в начале 1870-х гг. в виде раздела в пятом томе своих сочинений, озаглавленном «Статьи политические и польский вопрос (1856–1867)», но книга увидела свет в 1876 г., уже после смерти ученого. Как предупреждает заголовок, в издание 1876 г. вошли лишь публикации о польском вопросе, появившиеся после окончания Крымской войны. По каким-то причинам сюда — из первого сборника — не попала статья «По поводу новых слухов», хотя по хронологии (написана в

1863 г.) она вполне подходит. Более ранние работы теперь были рассредоточены по отведенным истории, критике, публицистике томам (так и не реализованного в полном объеме) собрания сочинений ученого.

Названные два сборника не охватили всего написанного Погодиным на польскую тему. Кое-что способны добавить, например, его «Исторические афоризмы». Польские сюжеты присутствуют в ряде его книг по русской истории, они также неоднократно затрагиваются в его обширнейшей переписке (среди корреспондентов Погодина были и поляки — известный историк права Вацлав Мацеёвский и др.).

На протяжении долгих десятилетий постоянно, настойчиво возвращаясь к «польскому вопросу», историк вкладывал в это обиходное словосочетание самый широкий смысл. Оно фактически включало в себя весь клубок социально-политических и этнокультурных проблем, так болезненно преломлявшихся в российско-польских взаимоотношениях. Если в начале своей ученой и публицистической карьеры Погодин больше внимания уделял польской исторической проблематике, то в последующие годы исторические экскурсы отходят на задний план, уступив место сюжетам, продиктованным сиюминутными политическими интересами. Наша статья и посвящена работам Погодина 1830-х гг. — работам, в которых не только был затронут ряд существенных вопросов истории Польши, но и уже достаточно четко отразилось свойственное ученому представление об особенностях ее исторического пути.

Естественный для историка-русиста М. П. Погодина интерес к польскому прошлому получил во второй половине 1820-х гг. добавочный стимул в силу житейских обстоятельств. У способного питомца Московского университета (магистерскую диссертация «О происхождении Руси», 1824 г.) были известные основания смотреть на себя как на преемника в будущем своего учителя — М. Т. Каченовского, по кафедре русской истории. Но исполнения надежд пришлось дожидаться. Только в 1835 г. Каченовского переведут на новосозданную кафедру истории и литературы славянских наречий, и Погодин займет его прежнее место. В 1826 г. Погодин принял приглашение на кафедру всеобщей истории. Там он занимался и польской тематикой, которая в ближайшем будущем, с началом польского Ноябрьского восстания 1830 г., приобретет особую актуальность. В 1830/1831 академическом году он прочтет студентам лекционный курс по истории Польши³. В основу курса им был положен выполненный по изданию 1820 г. русский перевод книги известного польского ученого Ежи (в русской передаче — Георга) Самуэля Бандтке «История Государства Польского» (СПб., 1830).

Вскоре Погодин выступит в только что начавшем выходить журнале Н. И. Надеждина «Телескоп» с обширной рецензией на этот перевод, аттестовав книгу как «первый опыт полной истории государства Поль-

ского на нашем языке»⁴. Что особенно понравилось в ней рецензенту, так это тезис, согласно которому вошедшие в польскую практику со времен Людовика Венгерского соглашения между монархом и дворянством стали источником «споров о престоле, которые впоследствии довели было до мнимого свободного избрания и, так названной золотой вольности, погубившей Польшу и многие другие государства»⁵. Почти дословно передав мысль Бандтке о золотой вольности как причине падения Польши и многих других государств и воздержавшись от комментариев, Погодин, очевидно, солидаризировался с польским ученым, который в этом вопросе отходил от распространенного представления, что «золотая вольность» была сугубо польским явлением. Но рецензент предпочел оставить без внимания присутствующее в тексте «Истории Государства Польского» авторское примечание. В нем Бандтке, перечислив эти «многие государства», как и Польша пострадавшие от «так названной золотой вольности», — наряду со Священной Римской империей германской нации, Богемией, Венгрией, Королевством Иерусалимским, Латинской империей, «Швецией, соделавшейся достоянием Дании», вспомнил и о «России, подпавшей татарскому игу на 240 лет»⁶.

Погодину, однако, показалось, что мысль Бандтке о причине падения Польши все-таки прозвучала недостаточно ясно. Потому, дойдя в своем пересказе содержания книги до ситуации в Речи Посполитой XVIII в., он уже от собственного имени скажет: «Внимательный и знающий читатель <...> сам может сделать математическое заключение, что такое государство без посторонней чужой помощи не могло сохранить свою политическую самобытность, что и действительно случилось»⁷.

Отрекомендовав сочинение Бандтке как первый опыт такого рода на русском языке и в целом одоблив подход польского историка к оценке государственного строя Польши, рецензент, тем не менее, предъявил автору серьезные претензии. Если полвека спустя Н. И. Кареев авторитетно скажет, что курс польской истории Бандтке был «хороший для своего времени»⁸, то рецензент 1831 г. оказался куда более строг и категоричен. Бандтке, по его словам, «принадлежит к старой школе историков, которые в истории обращали главное внимание на внешние сношения, то есть на войны, миры, приобретения и потери, и которые почти совершенно упускали из виду последовательность умственного личного образования, промышленности, нравственности, религиозных понятий, — или упоминали об них только мимоходом». Как считал Погодин, «в лабиринте собственных имен и мелких происшествий автор забывает человека, видя лишь гражданина или, менее того, воина». В вину польскому коллеге по цеху было поставлено и то, что в его книге не выяснены коренные причины, обусловившие своеобразие польских государственных учреждений, остается неясность в освещении происхождения дворянст-

ва и крепостного крестьянства, в показе «причин преимущества дворянства над удельными князьями»⁹.

Бандтке по своим воззрениям, действительно, принадлежал скорее эпохе Просвещения. Романтическим веяниям он остался чужд, не приняв ни социально-политических, ни научных идей лелевелевской школы. Политическая, событийная история в его глазах заслоняла собой все остальные стороны жизни общества. Хотя справедливости ради надо сказать, что Бандтке в своем сочинении не прошел мимо сообщений (что осталось не подчеркнуто рецензентом) об успехах земледелия, ремесел, торговли в пору того же Казимира Великого, который «решительно воспретил <...> междоусобия в Польше, от чего земледелие начало процветать, число народа увеличилось, и города украсились стенами и великолепными зданиями. Торговля и ремесла возродились под покровительством короля <...>, Краков превосходил даже и Бреславль, будучи столицей государства, и имея в своих руках всю торговлю медью и вином. <...> Например, в 1385 году упоминается о польских сукнах, привезенных для продажи в Великий Новгород»¹⁰.

Хотя, конечно, напрасно было бы искать в книге Бандтке глубокий анализ социальных процессов, а тем более — убедительное выяснение породивших их первопричин. Вопрос, однако, в том, *как* понимал смысл своих упреков сам Погодин и *что* он сам был способен противопоставить ретроградной, на его взгляд, позиции автора «Истории Государства Польского». Задуматься над этим заставляет прежде всего сам характер рецензии. Примерно девять десятых всего ее немалого объема занял бесхитростный пересказ рецензируемого труда — Погодин, не мудрствуя, перечислил одного за другим фигурировавших в книге польских князей и королей вместе с главными — пришедшимися на их правления, деяниями. Роль России при этом, естественно, рисовалась в самых светлых тонах. Погодин не забыл воздать хвалу «великодушному посредничеству императора Российского Александра», которому «Польша в 1814 г. одолжена возвращением к политической жизни и таким благоденствием, которого давно она не имела и в самых знаменитых своих государях»¹¹. Само по себе все это было отнюдь не оригинально — и здесь, и в других своих работах на польскую тематику Погодин мало в чем выходил за рамки той же, по его неодобрительному выражению, «старой школы историков» с присущими ей (и им же самим перечисленными) чертами.

Если перечень претензий рецензента к сочинению Бандтке рассматривать как некую позитивную программу исторических изысканий, то придется, пожалуй, признать, что она бесспорно хороша, но в условиях первой половины XIX в. вряд ли была выполнимой. Решение столь категорично поставленных сложнейших задач едва ли вообще было по

силам тогдашней полонистике — и уж совершенно ясно, что оно превышало возможности самого Погодина. Лишним подтверждением тому может служить итоговое признание рецензента, что «мало еще история русская и польская проверены одна другою <...>. Надлежало бы разобрать древние свидетельства. Утвердить или отвергнуть их, или хотя оставить под сомнением, но только в обеих историях»¹².

В том же 1831 г. в «Телескопе» вышла еще одна работа М. П. Погодина на польскую тему — «Исторические размышления об отношении Польши к России», — небольшая по объему, но весьма звучно озаглавленная и, так сказать, проблемная статья. В журнальном тексте имелся еще и подзаголовок, опущенный при перепечатке в сборнике 1868 г.: «По поводу разных статей о том же предмете, помещенных в иностранных журналах».

Статья, в которую автор, по его уверению, включил мысли, родившиеся «при чтении польской истории, без всякого отношения к нынешним происшествиям», содержала резкую отповедь «западным писателям», которые говорят о польских делах, но не имеют надлежащего понятия о славянских народах и «при исторических рассуждениях своих уклоняются от славянской истории общими местами или даже проходят ее молчанием». И это при том, напоминал историк, что «славянские народы составляют почти десятую часть всей земной поверхности, и, наконец, в лице России, занимают первое место в системе государств, следовательно, имеют всемирное значение»¹³. Упрек Погодина адресовался даже Ф. Гизо, чьи заслуги он всегда признавал, и здесь отметив, что француз, подобно А. Л. Шлецеру и И. Г. Гердеру, открыл новую эру в исторической науке.

Погодин был обеспокоен проникновением в Россию ложных, по его мнению, западноевропейских воззрений. Как на пример он ссылался на «повторяемую даже в некоторых наших официальных учебных книгах» мысль об участии Российской империи в разделах Польши. По его уверениям, тогда, в 1770–1790-х гг., «Россия не сделала никаких похищений, как обвиняют наши враги, не сделала никаких завоеваний, как говорят наши союзники, а только возвратила себе те страны, которые принадлежали ей искони по праву первого занятия, наравне с коренными ее владениями»¹⁴.

В подтверждение сказанного историк перечислил все некогда утраченные Россией владения, стараясь не упустить ни одного города, ни одной земли, принадлежавшие в свое время «внукам Ярославовым». В итоге выходило, что и за Литвой «что <...> останется? Только часть губернии Виленской и Гродненской. Но и в сих местах литовцы (племя по своему происхождению столь же чуждое Польше, как и России), — вразумлял Погодин читателей, — с незапамятных времен платили дань

князьям русским, наравне с прочими славянскими и финскими племенами, вошедшими в состав Русского государства». Поэтому русский историк без тени сомнения заявлял: «Кто же может сказать, что Россия имеет на Литву меньшее право, чем Англия на Валлис (Уэльс. — Л. А.), или Франция на Бретань?»¹⁵.

Вопреки нападкам «европейских политиков» им доказывалось, что приобретение Александром I Царства Польского было вполне легитимным. Неопровержимым аргументом, на его взгляд, служила ссылка на то, что «со смерти последнего Пяста, в XIV столетии, на престоле польском последовательно сидели и литовские, семиградские князья, и французские, шведские принцы, и саксонские курфюрсты», а также на то, что вольных в полном смысле слова, без подкупов и вмешательства чужеземцев, избраний короля в Польше никогда не бывало. «Почему же кажется <...> странным, что этот престол занял отныне российский император?» — возмущенно вопрошал Погодин, восклицая: «И я не знаю, найдется ли во всей польской истории хотя одно восшествие на престол благороднее Александра — был ли избран сей российский император по единогласному желанию сената и представителей польских, или по соглашению с прочими государствами, решавшими в ту пору судьбу Европы, или как победитель, пришедший вслед за поверженными неприятелями, которые дымилась еще кровию родных его детей!»¹⁶.

Автор, руководствуясь идеей о действующем в истории человечества возмездии и о том, что оно «нигде <...> не совершалось столь кратким, можно сказать, христианским образом, как в России», признавал виноватой в русско-польских конфликтах только одну сторону. Он задавался вопросом: «От основания Русского государства и до позднейших времен, <...> от IX-го столетия и до XVII-го, посягал ли русский меч хотя на одну каплю польской крови? <...> Иссякали ли хотя на короткое время, в продолжение сих столетий, реки русской крови, пролитой польскою, литовскою саблею <...> — крови, пролитой из самого сердца России, Москвы?»¹⁷. Для самого Погодина в обоих случаях отрицательный ответ был беспорен.

«Неужели, — задавал он новый риторический вопрос, — за тяжелые страдания России — например, в эпоху католического могущества в Украине, <...> за судорожные мучения <...> при самозванцах, поляки заплатили нам шестнадцатилетним подданством императорам Александру и Николаю, когда они были едва ли не счастливее своих предков, в эпоху их величия и славы»¹⁸.

Склонный к широким обобщениям, автор далее развивал мысль о том, что каждое государство, подобно небесному светилу, проходит через свой зенит. Чем позже государство его достигнет, тем оно дольше в нем останется. Для Польши он датировал эпоху максимального подь-

ема XVI столетием. Здесь же перечислив, что полякам тогда досталось (Богемия, Венгрия, Молдавия, Запорожье, Украина, Россия, Лифляндия, Пруссия, Померания, Ганза, Швеция), Погодин, с нескрываемым удовлетворением, констатировал: «Немногого недоставало, чтоб она удержала владычество над всеми сими обширными странами, но сего немногого не достало!..». Объяснение тому, почему так случилось, историк не дает, лишь туманно заявив, что тогда «Польша не успела, не могла воспользоваться благоприятными обстоятельствами, с своим *liberum veto*; и, — что было особенно важным для него самого и для российского читателя, — с той минуты, при Сигизмунде III, начинается ее поступательное падение»¹⁹. Казалось бы, гипотетичность посылок автора статьи очевидна, но это ему не мешало делать глобальные выводы.

От Польши, продолжал он, роль лидера в Восточной Европе перешла к Швеции, а та, при Карле XII почти покорив Данию и Польшу, после Полтавской битвы уступила первенство России. По поводу своего отечества автор выражался осторожно, сказав, что оно «стремится к зениту своего могущества, возывая к новой жизни те, которые Провидение к ней присоединило»²⁰. На этот раз о преходящем характере такого лидерства не упоминалось.

Усмотрев в возвышении Российской империи «действие Провидения», он заключил: «Россия и Польша соединились между собою, кажется, по естественному порядку вещей, по закону высокой необходимости для собственного и общего блага». В оправдание такого соединения следовала ссылка на переход целых областей и стран под власть новых династий путем бракосочетаний (Мария Бургундская принесла Максимилиану Австрийскому Бургундию и т. п.). Историк готов был признать неестественной практику, когда целые народы доставались в приданое «почти в сундуках, вместе с рухлядью», однако напоминал: «Сими несообразными действиями утвердилась в Европе XVI столетия спасительная власть монархическая и доружено здание феодализма»²¹.

Если же установившаяся власть монархическая — «спасительная», то зачем же мешать ее новым деяниям, «может быть, благодетельнейшим для человеческого рода?»²².

Признавая в принципе право народа на политическую независимость — «независимость народов священна», говоря, что «я согласен», Погодин здесь же задавал каверзный вопрос: а «что значит независимость, и где сии независимые народы?». Он был свято уверен, что распад империй на этнические части чрезвычайно опасен: «Разделять химически эти части, желая возвратить им независимость — предприятие <...> суетное, невозможное, безумное». В таком случае, предупреждал историк, «всю Европу надобно будет поставить верх дном, погрузив в бездну междоусобий, разъединить гражданские общества, чтоб возвра-

тить народам, или лучше, уже семействам их прежнюю независимость, вместе с варварством»²³.

«Чем, — спрашивал он, — состояние Шотландии, Ирландии, <...> Болгарии, Кроации, Славонии, Далмации, отличается в этом смысле от Польши?». Увлеченный полемикой, настоятельно доказывая законность владения Российской империей польскими землями, Погодин не заметил, что такое сопоставление Царства Польского с Болгарией звучит, по меньшей мере, двусмысленно — получается, что историк ставит на одну доску положение угнетаемых турками болгар с положением поляков под властью Петербурга.

Но российские читатели, по-видимому, так сопоставление не истолковали. Никто не упрекнул автора за него. Напротив, «Исторические размышления...» встретили самый теплый прием, обозначив благоприятный поворот в карьере Погодина. Он послал свою статью начальнику Третьего отделения графу А. Х. Бенкендорфу, который принял ее благосклонно, автор получил награду. Вообще статья привлекла внимание сильных мира сего к способному и трезвомыслящему начинающему ученому.

Своего рода итогом занятий М. П. Погодина на кафедре всеобщей историей стали «Исторические афоризмы» (М., 1836). В ряду содержащихся там весьма смелых, нередко экстравагантных историософических построений Польше тоже нашлось место.

«Вся история народа явствует из первых его действий, как все огромное дерево заключается в зародыше, как в младенце виден уже весь будущий человек»²⁴, — гласил один из афоризмов, перекликаясь с провозглашенным уже раньше, в 1831 г., тезисом: «Прочитав внимательно начало и продолжение польской истории, предчувствуем окончание»²⁵. Применительно к Польше такая идея наталкивала историка на обращение к польским древностям, которое должно было пролить свет на корни запутанных поворотов в судьбе некогда могущественной, притязающей на главенство в Восточной Европе, а потом пришедшей в ничтожество Речи Посполитой.

На деле получалось скорее наоборот. Археология тогда практически ничем не помогала. Легенды, связанные с рождением Польского государства, вдохновляли фантазию, но не способны были служить твердой опорой. Не удивительно, что незаметным для Погодина образом то исследование, которое должно было восходить от седой древности к Новому времени, обратилось в привычную — и достаточно субъективную — ретроспекцию.

Приняв за аксиому, что «Польша пала не от политики соседей, а первоначально от своего безначалия»²⁶, Погодин надлежаще препарировал летописные предания и наслоившиеся на них реляции давних и

новых авторов. В духе очень популярной в XIX в. теории завоевания истоки польской государственности он увидел в нашествии на страну иноземцев, которые, покорив аборигенов, установили феодальные порядки. В других землях феодализм (в понимании той эпохи, т. е. политическая раздробленность) со временем трансформируется в «государство в настоящем смысле этого слова», т. е. в самодержавие, но в Польше этого не произошло. В разные годы Погодин по-разному — то лаконично, то с подробностями — излагал свою версию, но суть оставалась прежней.

Кем были завоеватели, составившие господствующий слой — шляхту, историк не решался сказать, полагая все же, что «она имеет в себе значительную примесь крови западной, не славянской, а кельтической». Главная причина польской аномалии — не этническое различие само по себе, а многочисленность «пришлого племени», в силу чего «пришлецы польские» сохранили свою обособленность (в отличие от Руси, где, по Погодину, пришедшие туда норманны за двести лет совершенно ославянились). Из этой обособленности — только постулируемой, не подтверждаемой никакими вескими доказательствами — ученый выводил губительные по своим последствиям черты шляхетского характера: «Совершенное отчуждение от прочих славянских племен, которых Польша никогда знать не хотела, хотя и жила рядом с ними... Презрение к собственному племени, то есть к крестьянам, что свидетельствуется всеми местными наблюдениями, и происходящая оттуда ненависть между сословиями...»²⁷.

Итак, аномалию польской истории Погодин усмотрел в том, что она уклонилась от верного русла. Верное же русло, по его разумению, означало процесс, в результате которого феодализм со временем трансформируется в «государство в настоящем смысле этого слова», т. е. в самодержавие²⁸.

К уже названным работам М. П. Погодина по своей тематике примыкает «Отрывок из донесения Министру народного просвещения о путешествии по славянским странам» (1839). Но здесь центр тяжести перенесен с прошлого Польши на современное состояние учебных заведений в Царстве Польском. Отрекомендовав поляков как «самое живое, впечатлительное племя», с которым, если не оскорблять их самолюбия, «еще более лаская оное, можно делать <...> что угодно», автор далее останавливался на рекомендациях по части преподавания польского языка и польской истории в школах Царства Польского. Исходя из того, что и прежде, а после поражения Ноябрьского восстания — особенно, одна из ключевых проблем российских властей в отношении к полякам заключалась и заключается в том, чтобы «примирить их с нами, ибо они все еще ненавидят нас», необходимо было, на взгляд Погодина, оказывать «покровительство их языку, литературе, истории»²⁹.

Автор «Донесения» выступал за то, чтобы в учебных заведениях язык польский преподавали наравне с языком русским. Вполне сознавая, что «мысль уничтожить какой-нибудь язык есть мысль физически невозможная», он опасался, что, в случае исключения польского языка из преподавания, «поляки будут доучиваться ему дома гораздо с большим рвением и успехом, <...> и мы не только не достигнем своей цели, но еще более отдалимся от нее и сверх того будем вооружать тайных врагов»³⁰.

Предложения Погодина ни в коей мере не должны были нанести ущерба позиции русского языка. Последний «так могуществен, и заключает в себе столько свойств, принадлежащих всем славянским наречиям порознь, что может почитаться их естественным представителем, и <...> без всяких насильственных мер, рано или поздно, сделается общим литературным славянским языком». Но это дело будущего. Пока же, по словам историка, «всякий поляк должен знать по-русски».

Придавая при этом большое значение научным изысканием в области языкознания, Погодин в качестве образца ссылался на «сравнительный словарь польский и русский, над которым трудился знаменитый Линде», и был уверен, что осуществление такого предприятия «есть не только великое дело литературное, но и политическое»³¹.

Наметив некоторые действительные, по его выражению, меры по части утверждения польского языка в учебных заведениях, он обратился к не менее сложной проблеме — преподаванию польской истории. Московский ученый сетовал на то, что в настоящее время польскую историю преподают не отдельным курсом, а только как составную часть всеобщей истории. Он же утверждал, что «польская история, беспристрастная, правдивая, подробная, есть самая верная союзница России, которая может принести нам пользы более нескольких крепостей». Именно «основательное изучение польской истории», был убежден Погодин, позволит примирить «новое поколение поляков с настоящим порядком вещей, убедить в необходимости соединения Польши с Россией»³².

Автор в своем «Донесении» не ограничился абстрактным противопоставлением «беспристрастной, правдивой, подробной» польской истории и «истории польской злоупотребленной», которая «умышленно направлена к незаконной цели». Даны были и чисто практические рекомендации. Во-первых, злоупотребительную историю «должно преследовать, как злостный обман, как оскорбление науки, как святотатство». Во-вторых, необходимо «написать вновь польскую историю для училищ». Впрочем, Погодин допускал, что начальный период польской истории можно читать «по Бандтке, даже <...> по <...> Лелевелю»³³.

Но как отличить одну разновидность истории от другой? По Погодину, все зависит от того, как она отвечает на вопрос о причинах гибели

Речи Посполитой. Правдивая история — та, которая полагает, что «Польша пала не от политики соседей, а первоначально от своего безначалия, от форм правления». Историк поясняет: «Здание должно было рухнуть, ибо подпоры были невыгодные, — вот содержание польской истории до кончины последнего короля, вот что должно показать полякам ясно и основательно»³⁴. Что касается России, то она, по мысли Погодина, не могла оставаться сторонней наблюдательницей — ей «нужно <...> было заботиться <...>, чтоб здание не задавило», да «распорядиться так, чтоб камни, падая, улеглись на земле в порядке, не ушибя того и другого, иногда правого наравне с виноватым». При этом «России из упавшего здания достались только свои собственные древние материалы»³⁵.

Наряду с курсами польской и русской истории, считал Погодин, «должно преподавать историю прочих славянских государств и показывать, как искони раздор и несогласие губили и подвергали жестокому игу иноплемеников, под которым нигде и никогда славяне не были счастливы»³⁶.

Предлагаемые Погодиным «действительные меры» преследовали не столько цели нравоучительного («показывать, как искони раздор и несогласие губили <...>» и т. д.), сколько политического свойства. Характерно, что автор «Отрывка из донесения...» выражал беспокойство по поводу того, что «соединение многих молодых людей вместе» может быть опасно. Проявляя заботу о «покровительстве языку, литературе, истории, и вообще просвещению в Польше», он уточнял, что такое покровительство должно быть «в пределах благоразумия и осторожности» и, что для него, видимо, было главным, — «без ущерба русскому началу». Недаром, напоминал он, «славяне обвиняют вообще поляков в легкомыслии, накликавшем и накликающем на себя беды, многие русские меры приписывают коварным советам австрийцев, а более всего считают оные временным последствием беспрестанно открываемых польских заговоров, и уверены, что при исправлении поляков, русское управление примет другой характер»³⁷.

В последующие десятилетия многократно обращаясь к прошлому и настоящему Польши, Погодин порой пересматривал свои оценки событий. Так, если в «Исторических размышлениях...», как мы видели, вся вина за польско-российские столкновения, происходившие на протяжении столетий, безоговорочно возлагалась на поляков, то четверть века спустя историк заметно изменит свою позицию. «На что разрывать священные для нас могилы и искать там виновников? — вопрошал он в своем „Послании к полякам“. — Вины были, разумеется, на обеих сторонах, точно как обе стороны находились попеременно в счастливых и несчастных обстоятельствах: было время, когда Владислав IV избирался на всероссийский престол, а ныне Николай I занимает польский

престол. Вы завоевали у нас прежде всю страну, почти до Москвы — мы возвратили ваше завоевание и пошли далее. Явления обыкновенные в истории всех смежных государств»³⁸.

Правда, создается впечатление, что такой решительный пересмотр вывода (сочетаемый с заметным смягчением самой тональности изложения) был продиктован ни чем иным, как изменившейся внешнеполитической конъюнктурой. Писалось это в годы Крымской войны, когда неудачи севастопольской кампании склоняли к миролюбию. Во всяком случае, реакция историка на восстание 1863 г. доказывает, что погодинского миролюбия в отношении поляков хватило ненадолго.

Суждения Погодина о Польше и до Крымской войны, и после нее нередко бывали продиктованы политической злободневностью, но в основе их всегда лежала твердая вера в величие Российской империи, совершеннее которой никогда в мире не было и нет (что он и пробовал аргументировать, например, в статье 1832 г. «Взгляд на русскую историю»³⁹). Ученый вполне верноподданнически отреагировал на восстание 1830–1831 гг. и приветствовал правительственные репрессии. Восстание 1863 г. его еще более возмутило. Он сожалел по поводу умеренности, на его взгляд, действий правительства, восклицая: «Не только постой, но экзекуции и контрибуции принадлежат к числу самых законных наказаний для Царства Польского»⁴⁰.

Однако сентенциями, которые доказывали приверженность М. П. Погодина идеям самодержавия, православия и народности (но которые порой несколько расходились с сиюминутными правительственными соображениями и потому вызывали неудовольствие цензуры), не исчерпывалось содержание его писаний о Польше. Даже за сильно политизированными, злободневными высказываниями по поводу поляков стояло основательное по тем временам знание предмета и чутье историка.

Рассуждая о тесно переплетавшихся судьбах двух соседних народов — русских и поляков, историк стремился обнаружить действовавшие здесь закономерности и для этого прибегал к историческим параллелям, к сравнительному рассмотрению процессов, наблюдаемых здесь и в иных краях. Русский (всегда остававшийся в центре его исследовательских интересов) и польский феномены настойчиво осмысливались Погодиным как разновидности общеевропейского развития. Занимаясь конкретными, даже мелкими вопросами, он нередко прибегал к аналогиям с другими странами, отыскивал в наблюдаемых явлениях черты сходства или различия. По меркам той эпохи его польские штудии вообще отличал концептуальный подход. При этом, как убеждает сопоставление ранних и поздних трудов ученого, его представления о Польше и ее истории в основном сформировались именно в 1830-х гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Погодин М. П.* Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). М., 1876. С. 488.
- 2 Там же. С. 328.
- 3 *Лаптева Л. П.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. С. 93.
- 4 *Погодин М. П.* Рецензия польской Истории Бандке // *Погодин М. П.* Польский вопрос: Собрание рассуждений, записок и замечаний. 1831–1867. М., 1868. С. 11.
- 5 Там же. С. 16.
- 6 *Бандтке Г. С.* История государства Польского. СПб., 1830. С. 258.
- 7 *Погодин М. П.* Рецензия... С. 16, 27.
- 8 *Кареев Н. И.* Падение Польши в исторической литературе. СПб., 1888. С. 32.
- 9 *Погодин М. П.* Рецензия... С. 27.
- 10 *Бандтке Г. С.* История... С. 259, 266–267.
- 11 *Погодин М. П.* Рецензия... С. 27.
- 12 Там же. С. 28.
- 13 *Погодин М. П.* Исторические размышления об отношении Польши к России // *Погодин М. П.* Польский вопрос. С. 1.
- 14 *Погодин М. П.* Исторические размышления... С. 2.
- 15 Там же. С. 4.
- 16 Там же. С. 5.
- 17 Там же.
- 18 Там же. С. 6.
- 19 Там же. С. 6–7.
- 20 Там же. С. 6.
- 21 Там же. С. 7–9.
- 22 Там же. С. 9.
- 23 Там же. С. 8–9.
- 24 *Погодин М. П.* Исторические афоризмы. М., 1836. С. 53.
- 25 *Погодин М. П.* Исторические размышления... С. 7.
- 26 *Погодин М. П.* Отрывок из донесения Министру народного просвещения о путешествии по славянским странам // *Погодин М. П.* Польский вопрос... С. 31.
- 27 *Погодин М. П.* Исторические афоризмы. С. 176–177.
- 28 Там же. С. 53. ...
- 29 *Погодин М. П.* Отрывок из донесения... С. 29.
- 30 Там же.
- 31 Там же. С. 30.
- 32 Там же. С. 31.
- 33 Там же.
- 34 Там же.
- 35 Там же. С. 32.
- 36 Там же. С. 33–34.
- 37 Там же. С. 35.
- 38 Там же. С. 43–44.
- 39 *Погодин М. П.* Взгляд на русскую историю // *Погодин М. П.* Историко-критические отрывки. М., 1846. С. 2–4, 10.
- 40 *Погодин М. П.* Заметки и выписки // *Погодин М. П.* Польский вопрос... С. 154.

И. В. Чуркина
(Москва)

Славяне на Всероссийской Этнографической выставке и Славянском съезде в Москве

Всероссийская Этнографическая выставка и Славянский съезд в Москве проходили в то время, когда Россия стала оправляться от удара, нанесенного ей поражением в Крымской войне. Эти события стали для российского общества и правительственных кругов одним из факторов, способствовавших укреплению национальной гордости, поднятию уверенности в своем могуществе. А до этого были реформы Александра II — крестьянская, судебная, военная и др., пышное празднование тысячелетия Российского государства. В 1863 г. был принят новый университетский Устав, разрешавший открытие при университетах научных обществ. Одним из первых в том же 1863 г. было основано Общество любителей естествознания при Московском университете. И уже в 1864 г. в его руководстве возникло предложение устроить Антропологическо-этнографическую выставку народов России. Инициатором его выступил экстраординарный профессор Московского университета антрополог А. П. Богданов, молодой энергичный человек, которому не исполнилось и тридцати лет. Идея проведения Этнографической выставки с самого начала получила поддержку правительства: ее почетным президентом стал великий князь Владимир Александрович. На выставку предполагалось истратить 20 тысяч рублей серебром. 24 ноября 1865 г. на заседании Общества было представлено мнение профессора Московского университета Нила Александровича Попова о создании на выставке специального раздела, посвященного зарубежным славянским народам. Необходимость этого раздела Попов аргументировал следующим образом: во-первых, славяне должны служить предметом первого сравнения при изучении русской народности, как родственные ей племена; во-вторых, многие славяне (поляки, сербы, болгары) живут в самой России, многие славяне приходят в нее на заработки. Предложение Попова было принято с воодушевлением. Сношения с австрийскими славянами и приобретение у них национальных костюмов и предметов быта было поручено протоиерею православной церкви при русском посольстве в Вене Михаилу Федоровичу Раевскому, которого С. А. Никитин считал наиболее важным агентом Славянских комитетов за границей¹.

Раевский охотно взялся за дело. В Вене ему удалось издать специальную брошюру, посвященную выставке «Die Russische ethnographische Ausstellung in Moskau» (Wien, 1866); обращения комитета выставки и

инструкции по сбору этнографического материала были напечатаны во многих славянских газетах². По просьбе Раевского редактор венской газеты «Slawische blattes» хорват Абель Лукшич в мае 1866 г. посетил Пешт, Нови-Сад, Вуковар, Загреб, Любляну, где вел переговоры с виднейшими национальными деятелями славян о посылке на Этнографическую выставку этнографических предметов своих народов. Лукшич не только разговаривал непосредственно со славянскими лидерами, но и опубликовал в своей газете призыв направлять в Москву этнографические материалы³.

На призыв Раевского откликнулись многие славянские деятели. И это было связано не только с их симпатиями к России, но и с той политической обстановкой, которая сложилась в то время в Габсбургской монархии. С начала 1860-х гг., с установлением в ней определенных конституционных норм, там шла борьба за преобразование Австрийской империи на централистской, дуалистической или федералистской основе. Славянские политики выступали за федерализм, венгры и часть австрийского двора — за дуализм, немецкие либералы и большая часть австрийского двора — за централизм. К середине 1860-х гг. стало ясно, что в правящих кругах Австрии все большую поддержку получают идеи дуализма. Против этого были решительно настроены все славяне. Чехи и словенцы, должны остаться под властью Вены, опасались усиления германизации против них, хорваты, сербы, словаки, отходившие под Будапешт, боялись мадьяризации. Застрельщиками борьбы против дуализма выступали чехи. В 1865 г. чешский лидер Ф. Палацкий опубликовал серию статей под заглавием «Идея австрийского государства». В них он доказывал, что дуализм опаснее, чем полная централизация, и давал свой план преобразования Австрии на федералистских началах. Палацкий отвергал обвинение чехов в панславизме, однако недвусмысленно замечал: «День провозглашения дуализма непреодолимо станет днем рождения панславизма в его наиболее нежелательной форме... Существовали мы до Австрии, будем существовать и после нее»⁴. Подобные настроения были характерны и для деятелей других славянских народов. При росте угрозы германизации для одной части и мадьяризации — для другой, пропаганда политической опоры на Россию являлась орудием борьбы за национальное существование славян в Габсбургской монархии.

Определенный перелом в отношении к славянам произошел после поражения в Крымской войне и среди правящих российских кругов. Война показала всю несостоятельность надежд России на союз трех императоров. Утверждение М. П. Погодина, что единственными союзниками России в Европе являются славяне, «родные нам по крови, по языку, по сердцу, по истории, по вере»⁵, встречало известное сочувствие и в обществе, и в правительственных кругах. После вступления на

престол Александра II произошла смена министра иностранных дел — вместо графа Нессельроде, выступавшего за союз с Пруссией и Австрией, весной 1856 г. министром иностранных дел был назначен князь А. М. Горчаков. Многие из его окружения сочувствовали славянам. Главное внимание русские правительственные круги уделяли славянам Османской империи. Однако и к национальным деятелям Австрийской империи они проявляли определенный интерес. Так, в 1862 г. во время празднования тысячелетия России 30 человек из славян получили российский орден, из них 28 являлись австрийскими подданными.

Таким образом, говоря о приглашении славян на Этнографическую выставку в Москве Обществом любителей естествознания и о достаточно активном отклике на него славянских деятелей Австрии, надо иметь в виду и политические причины этого события.

Для сбора этнографических предметов Раевский обратился с просьбой к наиболее влиятельным культурным организациям славян и отдельным их деятелям. В Праге он связался с крупным чешским ученым, историком и фольклористом Карелом Эрбеном, избранным в 1856 г. членом-корреспондентом Петербургской Академии наук. 28 сентября 1866 г. Эрбен сообщал Раевскому, что раздал часть присланных ему объявлений об Этнографической выставке своим знакомым, а часть оставил для рассылки в провинцию. Эрбен отмечал, что поскольку чешские национальные общества очень бедны, то надеяться на их помощь не приходится. Их бедность он объяснял военными действиями, которые проходили на территории Чехии во время неудачной для Австрии войны с Пруссией в 1866 г. Сам Эрбен уже съездил в Домжалицы к ходам, некогда охранявшим западные границы Чехии. Там с помощью местного священника Гаека ему удалось заказать у портного несколько мужских и женских костюмов — для холостых и женатых. Вскоре Эрбен предполагал поехать в Пльзень, чтобы и там у портного заказать мужские и женские костюмы. Он жаловался, что крестьяне не желают фотографироваться, так как считают, что сфотографированный обязательно умрет через год. Эрбен обещал оплатить костюмы из своих средств и после их получения сразу же отправить Раевскому⁶.

В словенских землях Раевский обратился к самому влиятельному политику того времени Янезу Блейвейсу, редактору главной словенской газеты «Кметийске ин рокоделске новице» («Сельскохозяйственные и ремесленные новости») и одному из руководителей Словенской матицы. 20 октября 1866 г. Блейвейс сообщил Раевскому, что по уставу Словенская матица не может принять участие в Этнографической выставке. Однако он обещал прислать два костюма — мужской и женский — из Крайны с необходимыми фотографиями. Блейвейс отмечал, что послал письма каринтийскому священнику Матии Маяру и штирийскому адвокату

Радославу Разлагу с просьбой прислать на выставку костюмы каринтийских и штирийских словенцев⁷. Блейвейс выполнил свое обещание относительно костюмов краинцев, которые он купил на средства свои, своих братьев и словенских политиков Л. Томана и Э. Косты. В октябре 1866 г. пришел богатый дар от Матиин Маяра, настоятеля прихода в Горьях в Зильской долине. Маяр был активным национальным деятелем словенцев уже в 1830-е гг., сочувствовал иллиризму, собирал фольклор по словенским деревням, работал над созданием сначала единого языка для всех южных славян, затем — общеславянского языка. 26 октября 1866 г. Раевский радостно писал Попову: «Словенцы нам присылают краинскую (каринтийскую. — И. Ч.) свадьбу из шести лиц со всем прибором только без коня и телеги»⁸. На основе подарка Маяра была создана лучшая композиция в Славянском отделе на Этнографической выставке в Москве.

В Далмации наиболее известен Раевскому был сербский национальный деятель Божидар Петранович, инициатор учреждения в 1862 г. Далматинской матицы. В первое время он являлся ее главой. Далматинская матица объединяла в своих рядах славян православного и католического вероисповедания. На обращение Раевского по поводу сбора экспонатов для Этнографической выставки Петранович ответил 1 (13) ноября 1866 г. В письме он жаловался на бедность далматинцев, которые на просьбу Матицы прислать национальные костюмы написали ему об отсутствии у них средств на их покупку. Сама Матица может выделить на этнографические материалы только 300 флоринов. От патриотов Петранович смог получить деньги на мужской костюм из Задарского среза и на женскую и мужскую одежду и фотографии из Будванского среза. Возможно, ему удастся еще получить две куклы в национальных костюмах из Синьского среза⁹.

В Галиции главным помощником Раевского стал Яков Федорович Головацкий, профессор Львовского университета, писатель, фольклорист, историк. В письме от 19 (31) мая 1866 г. он извещал Раевского, что сообщение об Этнографической выставке разослал русинским национальным деятелям Галиции, Буковины, Угорской Руси. Галицко-русская матица выделила для нее 200 гульденов. Головацкий жаловался, что особенно трудно получить фотографии — жители деревень в окрестностях Тарнополя, Станиславова, Перемышля, Черновиц отказались фотографироваться, поэтому ему пришлось удовольствоваться снимками крестьян-депутатов Львовского сейма в национальных костюмах. Не удалось достать фотографий русинов из Буковины и старообрядцев. Однако Головацкий надеялся еще получить костюмы гуцулов и лемков. В сборе материалов ему помогали иеромонах монастыря в Мукачево Анатолий Кралицкий, учитель Торонский, священники Новаковский и Тит Блонский. 21 февраля (5 марта) 1867 г. Головацкий писал Раевскому, что отослал накануне по железной дороге в Краков, а оттуда в Варшаву и Москву

костюмы трех этнографических групп русинов, 56 фотографий и 23 акварели, на которых изображены русины. Часть этих акварелей Головацкий собрал сам за 10 лет¹⁰.

Если славянские деятели австрийской части Габсбургской монархии сталкивались при сборе экспонатов только с нехваткой средств и с суевериями крестьян, то в венгерской части существовал еще страх местного населения перед властями. В Словакии опорной фигурой в сборе предметов для этнографической выставки был вице-председатель Словацкой матицы Вильям Паулины-Тот, видный журналист и политик. Об этом сообщил Раевскому 20 октября 1866 г. секретарь Словацкой матицы Мартин Крамар¹¹. Письма Паулины-Тота Раевскому показывают, с какими трудностями ему пришлось столкнуться при добывании экспонатов. 2 декабря 1866 г. он сообщал: «У меня мало надежды на благополучный результат, потому что нищета здесь у нас слишком велика, и народ вследствие чересчур сильного мадьярского гнета испытывает бесконечный страх перед всем, что касается России».

В хорватских землях, Хорватии и Славонии, сбором экспонатов для выставки занимался учитель географии в загребской гимназии Петар Маткович, который был назначен секретарем хорватского комитета по делам Этнографической выставки в Москве. Судя по его письмам Раевскому, ему удалось отправить в Москву шесть кукол в национальных костюмах из Славонии, несколько фотографий, три музыкальных инструмента — в качестве дара, а также мужской и женский костюмы жителей Военной Краины. Последние Маткович просил вернуть после окончания выставки, так как они стоят 80 форинтов¹².

Кроме того, Лукшичу во время его поездки по хорватским землям удалось договориться с сербом Александром Вукашиновичем, депутатом хорватского сабора от Вуковара, и фабрикантом из Осиека хорватом Феликсом Лаем, которые обещали прислать экспонаты на Этнографическую выставку¹³.

Раевскому приходилось собирать экспонаты для Этнографической выставки не только среди австрийских славян — к нему они приходили и из Черногории. По-видимому, приобретение черногорских национальных костюмов было поручено русскому консулу в Дубровнике К. Д. Петковичу. Но ему, по всей вероятности, было сложно связаться с жителями Черногории. 24 ноября 1866 г. черногорский архимандрит Никифор Дучич сообщал Раевскому, что Петкович ничего не сумел достать в Боке Которской для Этнографической выставки, и обещал сделать это сам. Он писал, что постарается убедить князя Черногории Николая и вдову черногорского князя Данилы Даринку подарить выставке костюмы черногорцев¹⁴. С помощью Дучича Петкович получил этнографические экспонаты от черногорцев. 22 января 1867 г. он послал Раевскому жен-

ский и мужской костюмы из Боки Которской, посланные Дучичем, а также женские черногорские костюмы от вдовствующей княгини Даринки. Все это передавалось в дар Этнографической выставке. Петкович добавлял, что князь Николай тоже желает послать костюм черногорца¹⁵.

Славянофилы уже в конце 1865 г. стали думать о возможности проведения в Москве съезда славянских политиков, используя их приезд на Этнографическую выставку. 23 октября 1865 г. В. И. Ламанский писал Н. А. Попову: «Знаете, что бы надо устроить у Вас в Москве по случаю Этнографической выставки в 1867 г. — Во-первых, устроить несколько публичных чтений о славянстве. Вы бы прочли две-три лекции, я бы тоже не отказался, можно бы пригласить Лавровского и пр. Во-вторых, устроить в то время в Москве первый славянский съезд. По моей мысли, сообщенной некоторым чехам в Праге, напр. Эрбену и пр., написал потом Ткалац свою статью 1862 г. о съезде по случаю тысячелетия памяти Кирилла и Мефодия. Но чтобы удалось это дело теперь, надо начать и провести его без шума»¹⁶.

Для того чтобы предполагаемый славянский съезд был представительным, ряд русских славянофилов, прежде всего из ученых, написали личные письма с приглашением на выставку ряду выдающихся славянских деятелей. Уже 1 ноября 1866 г. Ламанский, благодаря Раевского за хлопоты об Этнографической выставке, одновременно спрашивал, кто бы из славян мог приехать на нее. Среди желательных гостей он перечислял русина А. И. Добрянского, словенца Я. Блейвейса, хорвата И. Кукульевича, чеха Ф. Ригера, сербов М. Поповича и С. Милетича и др.¹⁷

Приглашение славян на Этнографическую выставку тоже ложилось на плечи Раевского. Однако и другие славянофилы приняли в этом участие. Так, Ламанский отправил подобные приглашения некоторым лицам в Галиции, Словении и Чехии, а М. П. Погодин — лидеру чехов Ф. Палацкому. Погодин, в частности, писал ему 28 марта (9 апреля) 1867 г.: «Старому почтенному другу привет из древней Москвы... О как бы сладко было обняться на высотах Кремля, как мы в 1839 г. обнимались все на высотах Грачина»¹⁸. Эрбену написал И. И. Срезневский. 22 марта 1867 г. он утверждал, что приезд на Московскую выставку славянских гостей, «которые отличаются самостоятельными знаниями, услугами науке, литературе, искусству», может принести существенную пользу. «Приезжайте сами, испытайте сами, как мы, русские, умеем или не умеем ценить заслуги Ваши и подобных Вам... Иным, может быть, помешают политические виды, хотя во всем деле с корня до шелухи нет ничего политического»¹⁹. Помимо личных писем, шли приглашения через консульства — так были посланы приглашения по телеграфу в Белград.

Русский славянин, написавший анонимную брошюру «Первый все-славянский съезд в России», так определял цели приезда на съезд сла-

вянских политиков: они прибыли «в сознании необходимости единения славянского мира, ... в сознании единственной возможности достижения целей отдельных славянских народов при духовном и нравственном единении всех этих народностей в братском единодушии и единомыслии»²⁰.

В ответ на приглашения видных славянских деятелей в Москву в австрийской немецкой прессе началась настоящая травля тех, кто пожелал бы отправиться на Этнографическую выставку. Особенно резко выступали газеты «Прессе», «Дебатте», «Нойе Фрайе Прессе», всегда отличавшиеся недоброжелательностью к славянам. Они провозглашали встречу славян в Москве «панславистским сборищем» и подчеркивали: «...по-братимство на панславистской основе — это заговор против Австрии; кто в нем участвует, тот вызывает всю Австрию, и вопль негодования, — вот единственный ответ, который могут дать народы Австрии тем, кто притыкает к преступному покушению на ее существование»²¹.

Это не было мнением только прессы — пресса в данном случае выражала мнение правительственных кругов в Вене. В полицейских архивах зафиксировано их отношение по поводу поездки славянских деятелей в Москву. «Панславистское движение, — отмечалось там, — которое в российских кругах, во всяком случае, петербургским кабинетом откровенно поощряется и поддерживается, является все более угрожающим для населения Австрии. Этнографическая выставка в Москве самым тесным образом связана с этим движением и одновременно является его выражением... По-видимому, она имеет не только этнографическое значение»²². Австрийское правительство даже пыталось сорвать поездку славян в Москву. Так, австрийский посланник в Петербурге граф Ревертера попытался начать об этом разговор с министром иностранных дел России А. М. Горчаковым, но тот занял позицию невмешательства. Когда же Ревертера обратился к П. А. Валуеву, он попросил у австрийского посланника дать ему список лиц, приезд которых в Москву был бы нежелателен австрийскому правительству. Валуев подчеркнул, что российское правительство стоит в стороне от организации Этнографической выставки. Вопрос о списке поставил Ревертеру в тупик. Тогда министр иностранных дел Австрии Бейст прислал Ревертере инструкцию с тем, чтобы он прочитал ее Горчакову. В ней российское правительство предупреждалось, что австрийское правительство останется в стороне, если в Галиции будет проведена манифестация с участием подданных России. Здесь Бейст недвусмысленно намекал на поляков. Кстати, и галицкие поляки, и польская эмиграция в Париже выступали против самой идеи проведения славянского съезда. Так, газета «Дзенник Полски» (Львов) писала, что Этнографическая выставка устроена, чтобы продемонстрировать миру солидарность всех славян. «Ложь — эта солидарность славянских племен под русским протекторатом». Такой со-

лидарности не признают ни поляки, ни чехи, ни рутены. Выставка представляет собою потемкинские деревни.

Но ко всем этим демаршам австрийского правительства Россия отнеслась более чем прохладно. В ответ на инструкцию Бейста Горчаков ответил, что императорский двор покровительствует Этнографической выставке, которая не имеет ничего общего с утопиями московской партии. Об угрозе антироссийской манифестации в Галиции Горчаков заметил, что «в России найдется мало охотников принять в ней участие». Бисмарк, ознакомившись с положением дел, дал совет австрийским властям: обвинить всех, кто поехал на Московскую этнографическую выставку, в государственной измене и арестовать²³.

Так сурово, как предлагал Бисмарк, австрийские власти со славянскими деятелями не обошлись. Но на местах тем, кто собирался поехать в Россию, было сделано соответствующее предупреждение. Особенно жестко поступили с теми, кто собирался поехать в Москву, правящие круги в венгерской части. Так, был вынужден отказаться от этой поездки видный хорватский деятель И. Кукульевич, поскольку хорватский бан пригрозил ему увольнением со службы — Кукульевич в то время являлся великим жупаном Загреба²⁴. Русинского национального деятеля Я. Ф. Головацко еще до отъезда в Москву за активную деятельность по сбору предметов для Этнографической выставки отстранили от должности профессора Львовского университета, о чем он сообщил Раевскому в письме от 21 февраля (5 марта) 1867 г.²⁵ Серб М. Полит-Десанчич, секретарь суда в Загребе, тоже получил предупреждение об отрешении от должности в случае, если он отправится в Москву. Такое же предупреждение получил и другой видный сербский деятель Воеводины Иован Суботич, член Верховного суда Хорватии. Забегая вперед, скажу, что оба они не вняли предостережениям и поехали в Москву. После возвращения оба потеряли свои места. При этом Суботич был уволен в отставку без права на пенсию²⁶. По-видимому, такого же рода предупреждения получили и другие славянские деятели, в частности словенцы. Всего их было приглашено в Москву десять человек. Письма Блейвейса Раевскому показывают, что почти все они отказались от поездки под благовидными предложениями (заседания в Венском парламенте, в провинциальных собраниях и др.)²⁷. Майя же, отважившийся не послушаться, по возвращении из России должен был заплатить штраф.

Если правящие круги Австро-Венгрии и немецко-венгерско-польская печать всячески охаивали Этнографическую выставку и тех, кто собирался на нее ехать, то с противоположных позиций выступала национальная печать славян. Так, орган младочехов «Народны листы» писал: «Если будет к тому повод, никто из чехов не поколеблется сказать, в Москве ли, в Петербурге ли, то же, что так часто говорилось в Праге:

что народ чешский не дозволит лишиться свою страну ее политической самостоятельности, что он не захочет ввиду каких бы то ни было неожиданных событий утонуть в немецком море». Хорватская газета «Позор», выражавшая взгляды влиятельной национально-либеральной партии, подчеркивала: «Кто задумал и может ехать в Москву, того не остановит ярость венских газет, тот со спокойным духом станет между братьями, чтобы высказать им все свои скорби и печали... Славяне, наученные своим горьким опытом и уроками других народов, увидят, что для них прежде всего необходима духовная связь, если только они желают отразить предназначенную им гибель»²⁸. Не отставали от чехов и хорватов галицкие русины; их орган «Слово» выражался достаточно откровенно. «Органы печати всех славянских народов, — отмечают его корреспондент, — за изъятием галицких полономанов, приветствуют с чувством радости всякое проявление славянской взаимности, и тем более Этнографическую выставку, устроенную в настоящее время в Москве и доставляющую разным славянским народам случай заявить свои народные чувства и внутреннее общение». Словацкие «Пештбудимские ведомости», указывая на запоздалость австрийских протестов, заявляли: «Русский народ глубоко почувствовал необходимость прийти на помощь прочим славянским национальностям... братьям, которые, будучи подавлены гнетом противников, со своей стороны сознают еще более необходимость почерпнуть новые силы... из неисчерпаемого, свежего источника русского славянства»²⁹.

Такова была обстановка в Габсбургской монархии, когда славянские деятели получили приглашения на Этнографическую выставку в Москве. Несмотря на нападки прессы, на угрозы правительственных кругов, значительное число приглашенных поехали в Москву. Всего туда отправились 81 человек, из них — 65 австрийских славян (27 чехов, 16 австрийских сербов, 10 хорватов, 4 русина, 3 словака, 3 словенца), 12 сербов из княжества, 2 черногорца, 1 болгарин, 1 поляк из Пруссии (кашуб). Больше всего приехало чехов — 27 человек и сербов — 28 человек³⁰. По словам Русского славянина, «все приехавшие к нам славяне говорят немного по-русски, за исключением некоторых чехов»³¹.

Перед отъездом в Москву Палацкий и Ригер побывали в Париже, где выясняли позицию французского правительства по отношению к Австрии, а также вели переговоры с представителями польской эмиграции³². Этот факт широко известен. Гораздо менее известно, что в Праге 22 апреля (4 мая) 1867 г. перед отправлением чехов на Этнографическую выставку побывал хорватский епископ Й. Ю. Штросмайер, ведший там переговоры с чешскими лидерами, которые были, таким образом, осведомлены не только о взглядах на происходящие события поляков, но и главы хорватского национального движения.

Демонстрация со стороны чехов по отношению к австрийскому правительству не была случайной. Прусско-австрийская война 1866 г. велась на чешской территории, пруссаки в течение нескольких месяцев оккупировали Прагу. Для чешских национальных деятелей угроза германизации, а в дальнейшем и поглощения австрийской части монархии вместе с чешскими землями Пруссией являлась гораздо более ощутимой, чем, например, для словенцев. Поэтому среди чешской делегации были самые значительные лидеры чехов — от старочехов Ф. Палацкий, Ф. Ригер, Ф. Браунер, от младочехов — Э. Грегр, Э. Вавра. При этом надо иметь в виду, что всего 4 года назад младочехи решительно осуждали русских за подавление польского восстания.

Исследовав состав славян, отправившихся в Москву, профессор Карлова университета в Праге М. Главачка пришел к справедливому выводу, что по социальному положению и профессиональной принадлежности члены славянской делегации являлись представителями среднего класса. Это были в основном деятели науки и культуры, торговцы, чиновники, несколько небогатых фабрикантов, священники. «Социальный уровень гостей был несомненно связан с дороговизной путешествия», — заключает Главачка³³.

Это заключение можно оспорить. Для многих из чехов поездка в Москву стала почти бесплатной. 22 апреля 1867 г. Эрбен сообщал Раевскому, что Патера получил для чехов 15 бесплатных билетов до Москвы и обратно³⁴. Что касается проживания в России, то оно было практически бесплатным для всех. Эрбен в ответ на приглашение ехать в Москву в письме Н. А. Попову от 9 марта 1867 г. упомянул о необходимости серьезного размышления по поводу финансового вопроса. Ламанскому на недостаток средств жаловался Патера. «Денег на это Вам очень немного будет нужно, — ответил Ламанский. — Довольно будет 200 гульденов... Будут наняты квартира, стол, обед, чай, завтрак, экипажи. По железной дороге в Москву отправим Вам даром»³⁵. Всего бесплатных билетов для проезда в Москву было роздано 45 — главным образом австрийским славянам.

Главачка исследовал полицейские архивы в Вене и определил, что среди чешской делегации были не только политики, настроенные в то время русофильски, и не только любознательные ученые, но и агенты австрийской полиции, которые должны были докладывать своим хозяевам о ходе самой Этнографической выставки, о выступлениях на собраниях членов славянских делегаций. Наиболее дельные сведения представлял венской полиции агент под кличкой «Верный», под которой скрывался торговец из Брно Франтишек Прудек. Ему начальник брненской полиции по прямому приказу из Вены вручил 600 злотых для поездки в Москву. В молодости Прудек участвовал в антивенгерском

движении в Словакии, был арестован и приговорен к смерти, но бежал в Моравию. Здесь он принял активное участие в революции 1848 г., примкнул к либеральному крылу Моравского национального объединения. В 1866 г. Прудек попытался организовать рабочее общество. В 1867 г. Прудек посетил Этнографическую выставку в Москве и остался в России на два года. Вернувшись на родину, он отошел от политики, поселившись в уединенном Простееве, где и умер в начале 1873 г. Главачка не сомневается в том, что Прудек являлся одним из агентов австрийской полиции. Он делает предположение, что его жизнь в течение двух лет в России являлась попыткой бегства от полиции. Это подтверждает в какой-то мере и Казбунда, который отмечал, что после возвращения из России Прудек ни на кого не доносил и не реагировал на угрозы полиции по этому поводу³⁶. Второе допущение Главачки, что Прудек якобы остался в России, чтобы шпионить там в пользу Австрии, кажется мне маловероятным: не имея в России ни солидного положения, ни связей с влиятельными кругами, никаких интересных сведений для австрийской полиции он предоставить не мог.

Неосознанно предоставлял определенные сведения австрийской полиции и видный деятель младочехов, журналист и переводчик с русского языка на чешский Э. Вавра. Он был зятем долговременного агента венской полиции Карела Сабины и, не зная об этой стороне деятельности своего тестя, подробно описывал ему в письмах события и речи на Всероссийской Этнографической выставке, которые тот передавал своим хозяевам. Возможно, что такие агенты имелись не только в чешской делегации, но о них пока неизвестно.

Чешская делегация пользовалась наибольшим вниманием со стороны русской общественности. Русский славянин характеризовал Чехию как самую самостоятельную из всех западных и южных славянских земель и даже считал, что именно она спасла Австрию в 1848 г.³⁷.

Из словаков на выставку поехали видные национальные деятели М. Мудронь и Р. Есенский, а также католический священник поляк по национальности А. Радлинский. Австрийских сербов представляли 16 человек. Наиболее видными из них были М. Полит-Десанчич, поборник объединения всех сербов, член хорватского сабора, А. Вукашинович, тоже член хорватского сабора и его вице-президент, Й. Суботич, сербский писатель, сторонник югославянской идеи. Из хорватских земель приехало 10 человек, из них наиболее известными были бывший лидер иллиров Л. Гай, выдающийся далматинский издатель и публицист И. Данило, издатель хорватских и немецких газет Абель Лукшич. Среди трех словенцев, отправившихся в Москву, выделялся М. Майя, один из создателей словенской политической программы Объединенная Словения, сторонник установления единого литературного языка для всех славян. Наконец,

гостями выставки стали четверо русинов, в числе которых находились львовский профессор Я. Ф. Головацкий и молодой писатель Ливчак.

Из княжества Сербии приехало 12 человек. Во главе делегации стоял министр юстиции А. Петрониевич, кроме него в делегацию входили два представителя Сербского ученого друштва: первый секретарь министерства народного просвещения М. Миличевич и сербский историк и литератор Янко Шафарик, секретарь друштва. Среди сербов княжества был и старейший сербский журналист Милорад Медакович, переехавший из Австрии в Сербию. Таким образом, всего сербов — из княжества и из Габсбургской монархии — было 28 человек. Из Черногории в Москву прибыли тесть князя Николая, сенатор и начальник черногорской гвардии Петр Вукотич и сенатор и церничский воевода Илья Пламенац. Болгарию представлял врач И. Богоров, издатель и публицист, автор первого болгарского учебника по географии. В Москве к нему присоединился сотрудник славянофильских газет «День» и «Москва» и катковских «Московских ведомостей» Райко Жинзифов, живший в то время в Москве. Из лужицких сербов в Москву приехали главный деятель лужицкого возрождения, учредитель Сербо-лужицкой матицы Я. Смоляр, а также его помощник врач Дучман. Кашубов (поляков из Пруссии) представлял Ценова, знаток их языка и обычаев³⁸.

Интересно, что из тех, кто отправился в Москву, жертвователей этнографических предметов было немного. Уже этот факт указывает на то, что славянофилы, приглашая славянских гостей, думали не столько об Этнографической выставке, сколько об устройстве своеобразной политической демонстрации.

4 мая 1867 г. 62 представителя славянских народов пересекли австрийско-русскую границу. Позже приехали Палацкий и Ригер, а также лужицкие сербы, черногорцы и некоторые другие.

В городах, через которые проезжали славянские гости, устраивались торжественные встречи с музыкой, с речами, обедами и пр. Так было в Варшаве, Ченстохове, Гродно, Вильно, Острове, Пскове. Особенно пышным был прием в Варшаве, где от славян выступили чех Браунер и словак Я. Шафарик, словак Мудронь, австрийский серб Полит. Шафарик заявил: «Предлагаю тост в честь вечной славы и величия русского народа, божиею волею от природы назначенного защитником и хранителем славянской народности». В том же духе выступил и Полит, заявивший, что «Россия не принадлежит исключительно только русским — нет, она есть общеславянское достояние; русский царь есть царь родственных ему славян». В Вильно славянские гости посетили часовню в память русских солдат, убитых во время польского восстания 1863 г. На обеде Полит сказал: «До сих пор мы знали Россию православную, русскую, теперь мы видим Россию славянскую, национальную»³⁹.

Как можно видеть, практически Славянский съезд открылся уже долго до прибытия славян в Москву. В первое время российские официальные власти относились к приезду славян в Россию с осторожностью: какое-то влияние на них австрийские демарши все же оказали. Так, присутствовать на выставке было запрещено Раевскому, главному организатору славянского отдела на ней и поездки в Москву славянских деятелей. С горечью он писал 1 сентября 1867 г. по этому поводу своему другу, профессору Московского университета О. М. Бодянскому: «Я как вол молотил из-за выставки, а брагу пить не пустили. Такова участь горькая всех трудов моих: трудись, но не смей показывать, что ты трудился»⁴⁰.

Особо горячая встреча ожидала славян в Петербурге. Уже на Варшавском вокзале их встретила восторженная толпа в две тысячи человек. Славян обнимали, кричали «Слава!», провожали вплоть до гостиницы, где их разместили. И началась череда приглашений, встреч, обедов. На первом же обеде в Петербурге Ригер заявил: «Наибольший и первенствующий на земле народ — славянский... Но вот взошло солнце взаимности славянской, и мы убедились, что мы все один народ, убедились, что если мы станем друг друга поддерживать, мы будем народ великий не только числом своим, но и своими делами»⁴¹.

Славяне были приглашены на обед графом Шереметьевым и графом Кушелевым-Безбородко. 11 мая они присутствовали на богослужении в память св. Кирилла и Мефодия в Исаакиевском соборе. Это богослужение произвело на многих славян большое впечатление. В частности, о нем писал в своем журнале «Славян» Маяр: «Когда мне представлялась возможность, я с удовольствием смешивался с русской толпой... Теперь я имел полную возможность своими глазами в действительности увидеть то, о чем я читал и что изучал дома, сидя за своим письменным столом»⁴².

В тот же день состоялся обед в Дворянском собрании, стены которого были украшены именами знаменитых славянских деятелей. На обеде присутствовал министр народного просвещения граф Д. А. Толстой, который в своей речи сказал о необходимости славянам изучать языки и историю друг друга, устанавливая между собою тесные связи. В ответном слове Ригер заявил: «Если нам невозможно соединиться материально, то соединимся же по крайней мере союзом духовным». Свое выступление В. И. Ламанский открыл словами, которыми Палацкий приветствовал славянский съезд в Праге в 1848 г. «У нашего собрания тот же всеславянский смысл, — заявил он, — но не те же цели и побуждения... Мы... изгоняем политику из дружеских бесед наших. Мы сошлись просто попить, повеселиться и порадоваться». Несомненно, Ламанский лукавил. Уже речь Полита перечеркнула его заявление. Полит высказался откровенно: «Вопрос о судьбе славянства можем решить теперь только сами мы, славяне, и в этом случае первая роль выпадает на долю Рос-

сии... Россия теперь не только русская, но и славянская, всеславянская держава». В том же духе выступил и чех Браунер, который отметил, что идея славянской взаимности возникла на западе славянского мира, и возникла «из настоятельной необходимости спасти славянские народы от поглощения их чуждым элементом. Эту великую мысль может осуществить только великий народ, являющийся полновластным господином в своей земле, и это народ — русский, в земле которого никогда не заходит солнце»⁴³. Как можно видеть, и сербы, и чехи открыто говорили о возможности своего спасения с помощью России.

Затем славяне посетили заседание Отделения русского языка и словесности Академии наук, музей Академии наук, Эрмитаж и Зимний дворец.

Пребывание славян в Петербурге было отмечено встречами с высшими чиновниками России и даже с царем. 10 мая министр иностранных дел А. М. Горчаков принял официальных представителей княжества Сербии, а затем отдельно — Палацкого и Ригера. 12 мая Палацкий и Ригер были представлены великому князю Константину Николаевичу, на следующий день он принял русинов Головацкого и Ливчака. Беседы Константина Николаевича со славянами велись в присутствии его адъютанта видного славянофила А. А. Киреева. В своем дневнике последний указывал, что великий князь отметил разницу в стремлениях чехов и галичан: чехи обосновывали свои желания историческим правом, галичане же стояли на этнической почве, ибо историческое право вело бы их к подчинению полякам. Сам Киреев старался внушить собеседникам мысль об отсутствии у России желания поглотить славян⁴⁴. Большая часть славян в это время посетила Горный институт, монетный двор, Петропавловский собор. 12 и 13 мая славяне в два приема обедали у министра народного просвещения Д. А. Толстого. Место хозяйки дома у него заняла видная славянофилка графиня А. Д. Блудова. Вечером же 12 мая славянские гости присутствовали на концерте М. Балакирева, на котором исполнялись: «Комаринская» Глинки, «Казачок» Даргомыжского, «Увертюра на чешские темы» Балакирева, «Увертюра на сербские темы» Римского-Корсакова, «Фантазия на словацкие темы» Листа, ария из оперы польского композитора Монюшко. Ригер торжественно преподнес Балакиреву по окончании концерта дирижерскую палочку из резной слоновой кости, выполненную чешскими мастерами⁴⁵.

Кульминацией пребывания славян в Петербурге явилась их поездка 14 мая в Царское село. Большинство провели там экскурсию, 26 человек были приняты Александром II. На приеме присутствовали: сербы из княжества (Петрониевич, Джорджевич, Шафарик, Миличевич, Тодорович), чехи (Палацкий, Ригер, Гамерник, Эрбен), русин Головацкий, болгарин Богоров, австрийские сербы (архимандрит Ковачевич, Бегович, Милутинович, Кукич, Суботич, Маткович, Полит), словак Есенский, лужича-

не Смоляр и Дучман, хорват Данило. Речь Александра II была краткой, но благожелательной. «Здравствуйте, господа! — сказал он. — Я рад видеть вас, славянских братьев, на родной славянской земле. Надеюсь, что вы останетесь довольны приемом как здесь, так и особенно в Москве. До свидания!»⁴⁶. В разговоре с сербами царь заявил, что помощь им он считает своим наследственным делом. Далее он выразил надежду на лучшее будущее для сербов, поинтересовался, вывели ли турки свои войска из Белграда. Отдельно удостоились разговора с царем Петрониевич, Миличевич, Шафарик. Александр II похвалил Полита за хорошее знание русского языка, спросил его о сербском богослужении, а Шафарику он сказал: «Мы сербов всегда считали за своих родных братьев, и я надеюсь, что Бог готовит вам в скором времени лучшую будущность»⁴⁷. На сербов произвели большое впечатление ничего не значащие слова прощания царя «До свидания!». А. А. Киреев замечал в своем дневнике, что сербы поняли их как — до свидания в Вене и Царьграде (Константинополь, Стамбул). «На стену лезут! Мы их успокаиваем»⁴⁸. Особое внимание было уделено и чехам. Александр II беседовал с Палацким, с ним же говорила и императрица. Она выразила сожаление, что у славян нет общей азбуки и правописания⁴⁹.

Встречей с царем закончился ряд приемов славян государственными деятелями России. Самое большое внимание они уделили делегациям сербов и чехов. Но если то, о чем велись разговоры с сербами, широко освещала русская пресса, то о беседах государственных деятелей с чехами она молчала. О переговорах чехов известно из косвенных источников. Так, С. А. Никитин, опираясь на высказывания Э. Вавры, сообщает о том, что Ригер выразил стремление объединить Польшу с Чехией. Существование такой версии подтверждает и факт выступления Ригера в Москве о необходимости примирения русских с поляками, и консультации в Париже с польской эмиграцией Палацкого и Ригера перед их отъездом в Москву. Э. Вавра же писал о существовании некоего «Константинова плана», который предполагал создание славянского государства, зависящего от России. Во всяком случае чешские политики несколько раз были в гостях у великого князя Константина Николаевича. Главачка в своей статье также упоминает о некоем плане создания независимого чешского государства во главе с одним из Романовых, а именно сыном великого князя Константина Николаевича Вячеславом (Вацлавом). Этот план, по словам Главачки, беспокоил австрийскую полицию⁵⁰. Но кто первым придумал этот план? На мой взгляд, скорее всего чехи, боявшиеся распада Австрии после неудачной австро-прусской войны и стремившиеся найти приемлемый выход для чехов. Возникает и еще вопрос: почему свои государственные планы чехи связывали с великим князем Константином Николаевичем и его потомством? Вопрос этот тем более интересен, что за десяток лет до этого свой план создания

Славянского государства под эгидой России словацкий национальный деятель Л. Штур просил передать именно Константину Николаевичу. Почему именно на Константина Николаевича и чехи, и словаки возлагали особые надежды? Этот вопрос еще ждет своего исследователя.

Правительственные круги ясно показали свое расположение к славянам, особенно к сербам и чехам. Но если покровительственное отношение к сербам, их стремлениям избавиться от турецкого владычества, демонстрировалось и Александром II, и Горчаковым открыто, то обещания русских правящих кругов чехам до последнего времени были неясны. По наблюдениям Никитина, чехи и Горчаков не поняли друг друга. Исследование Главочкой венских полицейских архивов, в которых он нашел донесения некоторых полицейских агентов о встречах чешских лидеров с русскими политиками, дают ему возможность приоткрыть над этим завесу. Главачка утверждает, что Петербург дал чешским лидерам неофициальное обещание, что, в случае распада Австрии, Россия не допустит поглощения Чехии и Моравии Пруссией⁵¹. По-видимому, вопрос о создании чешского или чешско-польского самостоятельного государства русские государственные деятели оставили открытым.

После встречи с царем, 15 мая славянские гости отправились в Москву. По дороге поезд останавливался в Твери, где на обеде Браунер произнес здравицу за успех русской промышленности и промышленных граждан Твери. По приезде в Москву 16 мая славян ожидала торжественная встреча на вокзале, где собралось до 5 тысяч человек. Хлеб-соль гостям поднес сам городской голова князь А. А. Щербатов. Вечером того же дня на ужине М. П. Погодин подчеркнул в своей речи: «Россия выросла из Москвы; в Москве зародилась и укрепилась мысль о славянском единстве». И. С. Аксаков назвал Этнографическую выставку в Москве первым праздником всеславяинства. В ответном слове Ригер сказал, что призвание Москвы — в развитии славянской идеи, славянского братства и взаимности всеславянской.

17 мая славяне осмотрели Кремль, затем часть их обедала у московского митрополита Филарета. С трех часов начался осмотр Этнографической выставки. Мероприятие, то есть осмотр экспонатов, ради которого и приехали славяне, продлилось всего несколько часов.

Что же собою представляла Этнографическая выставка, которая стоила столько труда и денег ее устроителям и которая вызвала такую бурю высказываний в печати славян и их противников? Подробное описание ее сохранила небольшая брошюрка неизвестного автора, которая вышла в свет в 1867 г., — «Путеводитель по Московской этнографической выставке». Выставка действительно производила большое впечатление. Костюмы были надеты на восковые фигуры, лица которых старались сделать похожими на представителей того народа, костюмы которого

они представляли. Ради этого Раевский просил своих корреспондентов присылать ему фотографии в анфас и профиль наиболее типических лиц. Выставка размещалась в Манеже, всего на ней находилось 116 фигур, одетых в национальные костюмы неславянских народов России, 118 фигур, представляющих национальные типы восточнославянских народов, и 66 фигур — западно- и южнославянских народов. Фигуры старались расположить среди природы или предметов быта, характерных для среды обитания данных народов.

Наиболее впечатляющей была часть выставки, посвященная великорусскому (русскому) народу. Она находилась в центре Манежа и представляла собою сельскую ярмарку. Здесь стояли две избы. Одна принадлежит зажиточному крестьянину, занимающемуся помимо земледелия и промыслами. Изба опрятна, на столе расположены предметы русских промыслов: свечи, веревки, кружева, чулки и пр. Хозяйка — нарядная женщина с ребенком на руках. В бедной избе — все убого, и плохо одетая женщина, и голый ребенок в люльке, прикрытый дерюгой, и сам хозяин на плохонькой телеге, считающий гроши. Здесь же на ярмарке расположились кузница с кузнецом и его помощником, бурлак, цыганка-гадалка, медвежий вожак с четырьмя медведями, фабричный крестьянин с гармошкой, «на лице которого написано, что ему добром не кончить», франтоватый рязанский горожанин, женщины из Твери, Архангелгородка, Вологды в своих национальных костюмах и другие, всего 60 фигур. Таким образом, устроители выставки стремились показать как можно больше типажей из русского простонародья. Однако автору «Путеводителя» очень не понравились лица русских женщин, которые, по его мнению, давали «совершенно неправильное и не весьма лестное понятие о великорусских женщинах». Наоборот, лица малорусских (украинских) женщин он посчитал самыми красивыми из всех. Украинская композиция тоже отличалась жизненностью. У входа в украинскую мазанку стояла удачная фигура старого украинца (хохла), три фигуры украинок и две фигуры крестьян из Киевской губернии. Кроме того, имелась группа чумаков с волами. «Вообще малороссийская группа, — заключал автор „Путеводителя“, — составлена с любовью во всех своих подробностях, лица выбраны типичные, костюмы верны».

Группа литовцев и белорусов располагалась на опушке соснового леса. В белорусском отделе находилось 6 фигур, среди которых выделялись два крестьянина-рыбака и старый пчеловод.

Помимо восточных славян (великорусов, малоросов и белорусов) на выставке были представлены и неславянские народы России: эстонцы, латыши, жмудины, литовцы, евреи, бессарабы (молдаване), кавказцы (азербайджанцы, армяне, аджарцы, грузины, черкесы), туркмены, калмыки, киргизы, татары, мордвины, черемисы (марийцы), тунгусы, але-

уты, чукчи, якуты, буряты. Их фигуры также давались на фоне обстановки, где они жили: так, азербайджанцы-свербы располагались в бакинском монастыре огнепоклонников, аджарец, грузины образовывали живописную группу вокруг духана, на пороге которого стоял его хозяин-арменин, а на крыше танцевали грузинки. Вызывала интерес сцена в юрте киргиза среднего достатка, принимавшего богатых гостей. Прислуживал им киргиз-бедняк.

Рядом с украинской группой располагался славянский отдел. Возле мельницы стояли русские из Венгрии, галицкие малоросы, поляки из Люблинской губернии. Потом шли поляки из Пруссии, мазуры из окрестностей Варшавы, краковяне. Автор «Путеводителя» отмечал, что костюмы чехов и мораван напоминают немецкие, а словаков — венгерские⁵².

В отделе зарубежных славянских народов наибольшее впечатление на посетителей производила свадебная группа каринтийских словенцев. П. Лавровский в статье «Впечатления, вынесенные из обзора русской этнографической выставки в Москве» так отозвался о ней: «Мы пожалели только об одном, что в отделе славянском так мало изображено характерных сцен и почти исключительное внимание сосредоточено на одних человеческих фигурах, а между тем... сцена в группе словинцев, представляющая со всеми местными подробностями, столь знаменательными для целого славянства, свадебные обряды с полной обстановкою предметов, а отчасти и обычаев, говорит ясно, как много бы выиграл этот отдел, если бы и при группах других славян были представлены, хотя и с меньшей сложностью, чем у словенцев, некоторые характеристические сцены из их народной жизни»⁵³. Высоко оценивал эту сцену и автор «Путеводителя», считая ее самой замечательной в отношении костюмов. Но он тут же добавлял: «Ни в костюмах, ни в свадебных обычаях... мы не находим ничего с нами родственного»⁵⁴. Лавровский отметил и еще одну композицию в Славянском отделе: гуслеяра, окруженного слушателями. В центре ее находился слепой гуслеяр, а вокруг располагались — священник, старик (его лицо соответствовало лицу Вука Караджича), женщина с ребенком, мальчик. Хорватов представляли фигуры граничар, один из которых находился на балконе сторожевой будки. Черногорцы и бокезцы стояли на уступах гор, костюмы их, подаренные черногорским князем и вдовствующей черногорской княгиней, отличались красотой. Имелись и две фигуры болгар. Автора «Путеводителя» поразил наряд женщины, богато украшенный серебром и сочетающийся с обувью, напоминающей лапти. Заключив описание Славянского отдела, он подчеркнул: «Костюмировка отдела заграничных славян богатством своим превосходит все прочие»⁵⁵.

И это не удивительно: ведь все славянские деятели стремились представить в Москве самые эффектные национальные костюмы своего народа.

По-другому подходили к выбору костюмов русские этнографы — они хотели показать не только различие костюмов в разных частях России, но различие костюмов разных слоев общества — от зажиточных горожан и селян до сельской и городской бедноты. И в этом отношении их экспозиции были глубже и реалистичнее. Столь яркие картины быта народов России и славян были созданы благодаря не только этнографам, но и художникам, приложившим много усилий для воссоздания не только фигур представителей разных народов, но и обстановку их обитания. В их числе упоминаются академик С. И. Иванов, С. П. Закревский, И. Л. Севрюгин.

Выставка собрала самые благожелательные отзывы. 23 апреля произошло торжественное открытие выставки, а уже 24 апреля ее посетил царь Александр II. В Славянском отделе его привлекла фигура русского старосты Ивана Зозули из Опишского комитата (Венгрия) и, кроме того, «общая обстановка группы, изображающей словенскую или вендскую свадьбу из Зильской долины в Каринтии, фигура хорвата-граничара ... и некоторые фигуры в группе сербов, слушающих подле монастырской стены слепого певца, заслужили лестную похвалу его величества»⁵⁶. Что касается славянских гостей, то, по наблюдению корреспондента «Биржевых ведомостей», особое внимание их привлек великорусский раздел, а в нем — изба с промышленными изделиями. Пояснения к ним давал профессор Московского университета М. Я. Киттары, технолог и экономист⁵⁷. Киттары особо остановился на экономической стороне, подробно рассказал о ценах на выставленные промышленные изделия. Список этих цен он раздал каждому желающему. Всего за время работы выставки ее посетили 83 048 человек, купивших билеты, и еще некоторое количество тех, кто проходил бесплатно (воспитанники школ разных ведомств)⁵⁸.

После посещения выставки для славян снова началась череда собраний и праздников. 18 мая состоялось заседание профессуры Московского университета, на котором кроме славянских гостей присутствовали представители 18 научных обществ. Ректор университета С. И. Баршев заявил в своей речи, что самым сильным средством объединения славян является наука, что необходимо продолжить общение славян через науку и после их отъезда из Москвы. Его поддержал профессор Ю. И. Железнов (Общество испытателей природы), призвавший созывать научные съезды славян. С. М. Соловьев, выступивший от имени Археологического общества, заявил, что занятие русской археологией невозможно без изучения археологии славян. Он сообщил, что археологическое общество избрало своими членами Палацкого, Эрбена, Вртятко, Коларжа, Патеру, Смоляра и Головацкого. Затем Соловьев провозгласил здравицу всем славянам, а особенно «старшему из историков» Палацкому и «старшему

археологу славянской земли» Эрбену. Н. А. Жеребцов (Императорское общество сельского хозяйства) призвал славян не ехать в Америку, а переселяться в Россию⁵⁹. Из славян выступили Головацкий и Палацкий. Головацкий призвал всех славян объединяться в науке, Палацкий помянул теплым словом своего учителя Добровского и своего друга Шафарика.

На следующий день Московский университет дал обед в честь славян. На нем профессор Щуровский поднял вопрос об издании периодического журнала «Славянское обозрение», в котором публиковались бы исследования по этнографии, истории, филологии славян, отмечались бы их успехи на поприще науки. Щуровский закончил свою речь здравицей в честь тех славянских деятелей, которые прислали самые богатые дары Этнографической выставке, а именно Головацкого, Маяра, Эрбена, Лая, Вукашиновича, Матковича, Миличевича, Годоровича, Молчана. Браунер поднял тост в честь Московского университета, Н. А. Попов — в честь Пражского, Львовского и будущего Загребского университетов. Знаменательную речь сказал Ригер: «Липа славянская не выиграла бы в красоте, если бы вы, отсеки ее ветви, оставили ее ствол... Одна мысль должна руководить нами... мысль о том, что мы призваны сообща работать для одной цели, для нравственного возвышения всего славянства, что мы согласим всех отдельных племен славянских должны выработать красоту одного духовного целого, посредством свободного, но согласного соревнования»⁶⁰. В этом и состояло кредо чешского политика, выступавшего за самостоятельное развитие каждого славянского народа.

20 мая произошло заседание Общества любителей российской словесности, на котором также присутствовали славяне. На этом закончилось официальное чествование славян и начались празднования, организованные частными лицами.

21 мая был устроен большой прием в Сокольниках. Гости произносили Щербатов, Погодин, стихи о Москве прочитал Суботич. С речью выступил И. С. Аксаков. Подчеркнув, что в Москве происходит первая всеславянская сходка, он заявил: «Отсюда начинается новый период, новая эра в истории славянства... Братство на пространстве полсвета, полвселенной, братство в размере 90 миллионов братьев!... Призвание России — осуществить на земле славянское братство и призвать всех братьев к свободе и жизни». Ригер выразил сожаление по поводу отсутствия поляков. Вместе с тем он сказал, что малороссийская ветвь неправдою отторжена от русской и ее необходимо вернуть России. Подчеркнув, что восстание в Польше явилось несчастьем не только для поляков, но и для всех славян, Ригер подчеркнул, что полабские славяне погибли, ибо воевали друг с другом. Кто поручится, добавил он, что и «поляки, дождавшись своего времени, не позовут на помощь себе про-

тив русских немцев, окрепших в своей военной силе?»). И далее: «Поляки, ветвь западного славянства, отличная от народа русского, как по языку, так и по истории, имеют право на свое народное существование». По мнению Ригера, русские должны благородно даровать полякам право на существование, «тогда вы, как победители, как сильнейшие, докажете, что вы не желали их лишать народности, что и вы готовы оказать им братскую любовь!»⁶¹.

Ригер впервые выступил публично по польскому вопросу, хотя до этого он вел о нем переговоры еще в Петербурге, в кругах, близких к великому князю Константину, как об этом свидетельствует дневник его адъютанта А. А. Киреева⁶². Любопытно, что после выступления Ригера польские газеты «Дзенник Познански», «Час», «Дзенник-Польски», «Газета народов» и др. обвинили его в недоброжелательном отношении к полякам!

Ригеру ответил князь В. А. Черкасский, славянофил, один из участников подготовки крестьянской реформы в России, в 1864–1867 гг. занимавший должность главного директора, председательствующего в Правительственной комиссии внутренних и духовных дел Царства Польского. Указав, что Александр I даровал полякам Царство Польское, пользовавшееся многими правами, он подчеркнул, что поляки сами виноваты в их уменьшении, поскольку дважды (в 1830 и 1863 гг.) восставали против России. Затем Черкасский отметил, что российское правительство всячески способствует развитию польского народа. Поляки получили суд присяжных раньше, чем русские и малороссы, в польских губерниях больше учебных заведений (гимназий), чем в русских и малороссийских. Наконец, поляки платят более низкий подушный налог, чем жители остальной России. Черкасский подчеркнул, что польские крестьяне лично благодарили его за крестьянскую реформу. Поляки же, продолжил он, указывая на Головацкого, всячески притесняют русское население в Галиции⁶³. Стоит отметить, что буквально через несколько дней после обсуждения польского вопроса в Москве, 25 мая на Парижской выставке было совершено неудачное покушение на Александра II поляком Березовским.

После выступления Черкасского обсуждение польского вопроса прекратилось. Последовавшие за ним ораторы С. М. Соловьев и Ф. В. Чижов говорили о необходимости славянской взаимности. Соловьев, в частности, отверг утверждение об исконной славянской розни, указав, что победы славян над врагами не были бы возможны, если бы это было так. «Покинем же печальную мысль о славянской розни, — заключил он, — и будем уповать, что скоро, очень скоро чужие народы вместо славянской розни станут указывать на славянское примерное единодушие».

Сербский студент из Вены Джорджевич высказался отрицательно о принятии русского языка в качестве общеславянского. «Если бы все славянские литературы, — сказал он, — приняли это предложение и начали писать одним общим языком, чего бы достигли они этим? Они бы создали среди славянских народов одну касту литераторов, самые же народы не понимали бы собственной литературы»⁶⁴. Вопрос о русском языке как общеславянском в открытых выступлениях чаще всего поднимался М. П. Погодиным⁶⁵. Очевидно, речь Джорджевича, как и речь Ригера, явилась ответом на его высказывания по этому поводу.

22 мая на приеме у Н. В. Калачева, председателя Общества любителей российской словесности, обсуждался вопрос о развитии литературной взаимности, об упрощении книжной торговли. На следующий день русские студенты посетили Головацкого, Палацкого, Полита, Миличевича, Петрониевича. В беседе с ними Палацкий, в частности, сказал: «Нет нам пока большой нужды в одном общем литературном языке; мы и теперь друг друга понимаем»⁶⁶. При посещении Московского университета славянские деятели оставили свои автографы, написанные кириллицей: «Свой к своему, а всегда по правде» (Палацкий), «Не дадимся» (Ригер), «Взаимость есть звезда, ведущая все славянские племена к счастью» (Маяр), «Радуйся святая мать-Москва! Ибо целое славянство празднует в тебе свое возрождение. Всемогущий, благослови царский род и русский народ» (Вукашинович).

22 мая славян принимали у себя московские дамы, 23 мая был дан обед московским дворянством в Английском клубе. На нем снова выступил Ригер, призвав Россию освободить южных славян. «Когда Россия осуществит это свое призвание, тогда все племена славянские преклонят перед нею свои головы»⁶⁷.

24 мая славяне посетили Троицко-Сергиевскую лавру. 25 мая в Зоологическом саду был устроен для славянских гостей концерт. Он начался русским гимном, затем были исполнены песни различных славянских народов: чешские, болгарская, сербская, словенская, украинская, несколько русских народных песен. Этот концерт произвел большое впечатление на славянских гостей. Спустя три года после Этнографической выставки Маяр, разъясняя М. П. Погодину и Н. А. Попову, каким должен быть задуманный им журнал «Славян», сравнил его с концертом в Зоологическом саду. «Пели преимущественно песни русские, — писал он, — затем следовали песни остальных славянских племен, концерт же был, однако, московский»⁶⁸.

Утро 26 мая наиболее видные славянские деятели провели в гостях у М. П. Погодина. Пожалуй, эта встреча являлась одной из очень немногих, где славянские деятели могли побеседовать друг с другом не на виду у широкой публики. На встрече присутствовали Ригер, Палацкий,

Я. Шафарик, Суботич, Гай, Петрониевич, Ламбл и, по-видимому, Маяр. Эти национальные деятели договорились о необходимости составления сравнительной грамматики и общего словаря всех славянских наречий. Погодин заявил, что, по его мнению, нужно дать каждому автору этого словаря для обработки по несколько букв. Был поднят вопрос и о всеславянском журнале. Это предложение поддержали все присутствовавшие. В своем дневнике Погодин записал, что в журнале должна была быть отражена вся научная и литературная деятельность всех славянских племен. Статьи бы публиковались на всех славянских языках с краткими резюме⁶⁹. Позднее эти идеи попытался воплотить М. Маяр в своем журнале «Slavjan», который выходил в 1873–1875 гг. в значительной степени на средства Московского славянского комитета.

Вечером того же 26 мая для славян был дан обед в купеческом собрании. На нем снова выступил Полит с предложением, чтобы Россия взяла на себя решение славянского вопроса. По его мнению, первый же шаг к решению славянского вопроса есть «решение вопроса восточного... Расширение границ княжества Сербского и обновление Сербского царства, вот путь к решению славянского вопроса, который и состоит в братстве славянских племен под главенством России»⁷⁰. В тот же вечер славян принимал Артистический кружок, где их ждали концерт и чай.

27 мая был устроен для славян прощальный обед.

Во время пребывания в Москве некоторые из московских ученых вместе с рядом славянских политиков составили записку о созыве будущих славянских съездов на русском и чешском языках. В группу составителей, которую С. А. Никитин назвал комитетом по организации съездов, входили: М. П. Погодин, И. С. Аксаков, М. Н. Катков, Н. А. Попов, профессор кафедры славянских наречий Харьковского университета П. А. Лавровский, профессор математики Московского университета Н. Б. Бугаев, Я. Ф. Головацкий, И. Суботич, М. Полит, Ф. Палацкий, Ф. Ригер, Г. Эрбен⁷¹. В записке говорилось:

«Сознавая необходимость содействовать общению и единению славян словом и делом, мы на первом Московском съезде постановили:

1. Собираться по крайней мере раз в два года на всеславянский съезд в наперед установленном месте.
2. На этих съездах будут подвергаться свободному обсуждению различные вопросы в видах научного, литературного, художественного и вообще нравственного сближения славян.
3. Эти вопросы и частные соображения по ним могут быть подготовляемы на местных славянских съездах.
4. Время для общеславянских съездов назначается с 1-го августа по 1-е сентября»⁷².

Записка была составлена на русском и чешском языках. Чешский текст был опубликован в газете «Народне новине» Гавличека Боровского. Записку подписали 2/3 славян, приехавших в Москву. Правда, осуществить планы созыва славянских съездов удалось только один раз — в мае 1868 г. произошла закладка чешского театра в Стромовке недалеко от Праги. Там и состоялось секретное заседание представителей славянских политиков: старочех Ригер, младочехи Грегр, Чижек, Кучера; сербы Суботич, Крестич, Куюнджич, Павлович, Копать, Гершич. Из русских на съезде присутствовали представители молодого поколения: Губин, Наранович и др. Соединение не имело последствий.

27 мая славянские гости отъехали в Петербург. 30 мая славяне посетили Павловск, где их принял великий князь Константин Николаевич. Там их ожидали концерт и обед. 1 июня гости побывали в Кронштадте, 2 июня скромно отпраздновали день рождения Палацкого. 3 июня сразу после завтрака большинство славян отправились на родину⁷³. Перед отъездом славянские гости подписали адрес хозяевам, в котором выражалась благодарность за прием русскому народу и членам императорской фамилии. В адресе говорилось, что славяне ближе узнали родственную связь между собой. «Мы высказали друг другу свои чувства, свои братские советы, свои желания, свои надежды»⁷⁴.

Многие жертвователи экспонатов удостоились специальных наград. Так, высшие почетные награды получили Хорватское общество изучения южнославянских языков и истории в Загребе, Галицко-русская матица во Львове, а кроме того: сербский князь Михаил Обренович, черногорский князь Николай I, вдовствующая черногорская княгиня Даринка, М. Ф. Раевский. Почетные награды второй категории присудили: Галицко-русскому народному дому во Львове, Сербскому ученому обществу в Белграде, а также: М. Г. Черняеву, К. Палазову, М. Маяру, А. Вукашиновичу. Золотые медали были вручены Ф. Лаю, Верковичу, болгарскому археологу из Серреса. Большие серебряные медали получили Я. Ф. Головацкий, К. Эрбен, Н. Вукичевич, директор школы народных учителей в Сомборе, братья Маковицкие из северной Венгрии, Б. Петранович, черногорский архимандрит Никифор Дучич. Кроме того, было роздано большое количество малых серебряных и бронзовых медалей. Как можно видеть, организаторы выставки на награды не скупились.

Некоторые славянские деятели, вернувшиеся домой, пострадали за свою поездку в Москву. Суботич потерял место в высшем хорватском суде и при отставке даже не получил пенсии, Полита лишили лицензии на адвокатуру, Маяр должен был заплатить штраф Целовецкому (Клагенфуртскому) епископу, венский студент Владан Джорджевич был лишен стипендии сербского правительства «за речи, унижавшие достоинство сербского правительства». Я. Ф. Головацкий был изгнан из Львовского университета еще до его поездки в Москву.

Оценивая итоги московских событий 1867 г., надо разделить их на две составляющие — Этнографическая выставка и Славянский съезд.

Что касается непосредственно Этнографической выставки, то она имела у россиян необыкновенный успех: все ссуды и расходы на нее окупались с лихвой. Ей открыто покровительствовала императорская семья. После ее закрытия все ее экспонаты были переданы в Московский публичный музей, которым руководил В. А. Дашков⁷⁵.

Крупнейший советский этнограф С. А. Токарев подчеркивает, что выставка объективно имела большое научное значение. Именно с Этнографической выставки в Москве началось изучение славянской этнографии в России⁷⁶.

После ее проведения Общество любителей естествознания стало называться Императорским обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии, в котором существовал Этнографический отдел. До 1881 г. его возглавлял Н. А. Попов. Появились и периодические этнографические издания, в которых публиковались исследования российских и зарубежных ученых: «Труды Этнографического отдела Общества любителей естествознания», «Известия ОЛЕ», «Этнографическое обозрение».

По-другому обстоит дело со Славянским съездом, который вызвал самые разнообразные оценки общественности и правящих кругов в России и Австро-Венгрии. Австрийский посланник в Петербурге Ревертера с издевкой сообщал в Вену о приеме славянских гостей в Петербурге: «Эти господа в настоящее время — львы Петербурга. Их возят с праздника на праздник, и на улице бегут за их экипажами, чтобы посмотреть на „славяна“. Похоже, что их никогда не видели, как будто их открыли на каком-то новом архипелаге Полинезии». Все события, связанные с приемом в России славянских гостей, он рассматривал как национальный фарс⁷⁷.

Российские демократические круги тоже относились к приезду славян и к их высказываниям с иронией. Так, сатирический журнал «Искра» писал, подводя итоги съезда: «Мы ожидали увидеть приехавших наших братьев униженных и оскорбленных, пришедших к нам поучиться уму и разуму, подивиться нашему величию и силе», а увидели людей, «любящих независимость» и не желающих быть членами одного «стада». Финал съезда, по мнению «Искры», можно выразить словами: «своя своих не познаша»⁷⁸. «Дело» писало, что славянофильство «во всех своих оттенках — явление крайне ретроградное, а после 1867 г. панславизм сделался модным течением и панславистские мечтания стали отвлекать мысль от грустного положения внутренних дел»⁷⁹. И совершенно справедливо отметила Е. П. Аксенова, исследовавшая отношение к Славянскому съезду российской демократической прессы: «Неприятие славянофильской концепции особого развития славянского мира не позволило до конца объективно оценить славянские съезды». Она объясняет это

тем, что «для них самих (демократов. — *И. Ч.*) наибольшую ценность представляло первоочередное решение социальных и экономических задач с использованием революционных методов борьбы»⁸⁰.

Но не все демократические издания были столь отрицательно настроены по отношению к Этнографической выставке и Славянскому съезду. А. И. Герцен в «Колоколе» приветствовал выставку в Москве, желал Славянскому съезду успеха, хотя и полагал, что съезд организован по инициативе российского правительства⁸¹.

Либеральные и консервативные газеты в целом были настроены благожелательно.

Славянофилы еще накануне съезда опубликовали сборник статей В. И. Макушева «Задунайские и адриатические славяне», в которых он описывал в доступной форме историю и настоящее положение южных славян. Для более узкого круга читателей-интеллектуалов был издан труд видного словацкого деятеля Людовита Штура «Славянство и мир будущего». В нем Штур излагал свою программу, а именно — создание государственного объединения славян под эгидой России, реформированной в либеральном духе. Русский язык он предлагал сделать общеславянским литературным языком, «ибо это язык величайшего, единственно самобытного и на обширном пространстве земли господствующего славянского племени, которому и без того по праву принадлежит главенство в нашей народной семье»⁸². Свой трактат Штур передал перед смертью М. Ф. Раевскому для представления его великому князю Константину Николаевичу, слышшему либералом⁸³. Как уже было показано выше, вопрос об объединении славян под эгидой России вообще не ставился в выступлениях участников съезда, а вопрос об общеславянском языке хотя и поднимался, но единого мнения по нему не было.

Этнографическую выставку приветствовали либеральные «Отечественные записки» А. А. Краевского, консервативные «Московские ведомости» М. Н. Каткова, «Биржевые ведомости» и многие другие периодические издания. При этом большинство из них совершенно не придерживалось мнения Штура. «Для нас гораздо желательнее создание на наших западных и юго-западных границах независимых дружественных государств, чем присоединение славянских земель к России», — писали «Отечественные записки»⁸⁴. «Московские ведомости» также утверждали, что «опасения всемирно-славянской монархии лишено всякого основания»⁸⁵. «Биржевые ведомости», однако, придерживались другого мнения. Если немцы стремятся к единству, то почему славяне не имеют права на это. «Мы надеемся, — подчеркивали „Биржевые ведомости“, — что они (славяне. — *И. Ч.*) возвратятся в свое отечество с убеждением, что великое славянское царство простирает свои крылья над всеми славянскими племенами, что оно сочувствует их стремлениям, и всегда готово помочь им, в чем может»⁸⁶.

Славянофильская «Москва», выход которой был запрещен властями на апрель-май 1867 г., сумела высказать свое отношение к Славянскому съезду уже в марте. Она видела смысл Славянского съезда в том, чтобы помочь славянам повернуться к России, оценить ее и понять неправоту той части славянской интеллигенции, которая отворачивается от России. «Нет у России ни стремления к захвату, ни замысла на политическое преобладание: она желает только свободы духа и жизни славянским племенам, оставшимся верным славянскому братству»⁸⁷.

Интерес к славянам, усилившийся в российском обществе, привел к появлению ряда других Славянских комитетов. В 1868 г. возникло Петербургское отделение Славянского комитета, в 1869 г. — Славянский комитет в Киеве, в 1870 г. — Славянский комитет в Одессе.

Однако С. А. Никитин, подводя итоги славянскому ажиотажу 1867 г., справедливо отмечает, что сознательные симпатии к славянам устойчиво сохранялись только в узком кругу. Вместе с тем Славянский съезд не прошел бесследно и для широких кругов русского общества. «В тайниках общественного сознания, — подчеркивает он, — остались какие-то следы славянских увлечений 1867 г. Они объясняют ту мощную реакцию русского общества, по преимуществу средних и низших кругов его, на призывы к славянской солидарности, которая обнаружилась восьмью годами позже»⁸⁸. Никитин здесь подразумевает то движение горячего сочувствия к славянам, которое возникло в 1875 г. с началом Восточного кризиса, вызванного восстанием в Боснии и Герцеговине христианского населения против турецкого ига и окончившегося русско-турецкой войной 1877–1878 гг.

Большое впечатление события 1867 г. произвели и на славянские народы. Й. Вошняк, известный словенский либеральный деятель, много лет спустя писал в своих воспоминаниях: «Большую сенсацию по всей Европе вызвал торжественный и воодушевленный прием славянских гостей на русской земле, особенно торжественная аудиенция, на которой царь Александр II принял в Царском селе славянских гостей... Обращаясь ко всем, он сказал для того времени действительно многозначительные слова: „Сердечно приветствую вас. Очень рад, что вижу своих родных братьев здесь на родной славянской земле“... Так же и в Москве был величественный и воодушевленный прием»⁸⁹. В чешской газете «Народни листы» в одном из майских номеров отмечалось: «Как у нашего народа, так и у других австрийских славян путешествие в Россию оставило глубокий след. Оно как пробудило мощное сознание общих интересов, так и оживило в груди всех славянских племен тлеющее чувство братства, зародило в мыслях славян стремление к взаимному сближению и взаимной помощи»⁹⁰.

Свое восхищение Россией выражали серб Й. Суботич, хорват Мишкатович. Последний выступил с рядом статей, где протестовал против

утверждений немецких газет, что якобы Этнографическую выставку и Славянский съезд организовало российское правительство⁹¹.

Результатом роста симпатий к России явилось стремление многих представителей славянской молодежи к изучению русского языка и русской культуры.

Современный чешский историк профессор Карлова университета М. Главачка отмечает: «До сих пор непонятная славянская взаимность после этой поездки конкретизировалась и превратилась в русско-чешскую, русско-сербскую, русско-черногорскую и тому подобную взаимность»⁹². Главачка подчеркивает, что поездка в Москву способствовала тому, что австрославизм в чешском обществе постепенно стал уступать место русофильским тенденциям. То же можно сказать и о словенском, о хорватском, о словацком и прочих славянских обществах.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что Славянский съезд дал известный толчок не только развитию культурных связей между славянами, но и породил определенные политические надежды у них. Так, впервые о создании чешского или чешско-польского государства поставили вопрос чешские политические деятели. И если славянофилы не поднимали вопроса о помощи австрийским славянам в создании собственных государств, то неопределенные обещания об этом чехи сумели получить от русских правящих кругов. Спустя некоторое время, когда отпала угроза распада Габсбургской монархии, мысль о собственном государстве чешскими политиками не поднималась вплоть до Первой мировой войны. Опасения австрийских правящих кругов не были безосновательными — политические разговоры относительно будущего своего народа с русскими правящими кругами вели не только сербы, но и чешские политики.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Никитин С. А. Славянские комитеты в России. М., 1960. С. 91.
- ² Там же. С. 168.
- ³ Зарубежные славяне и Россия: Документы архива М. Ф. Раевского. 40–80-е гг. XIX в. М., 1975. С. 273.
- ⁴ Ратнер Н. Д. Программа и тактика чешской буржуазии в 1860–1867 // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. М., 1956. Т. 14. С. 116–117.
- ⁵ РГАЛИ. Ф. 373. Оп. 1. Д. 6. Л. 6 об.
- ⁶ Зарубежные славяне и Россия... С. 480, 481.
- ⁷ Там же. С. 44.
- ⁸ Чуркина И. В. Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия. М., 1978. С. 169.
- ⁹ Зарубежные славяне и Россия... С. 362.
- ¹⁰ Там же. С. 142–146.
- ¹¹ Там же. С. 228, 348, 350.

- 12 Там же. С. 276, 277.
- 13 Там же. С. 273.
- 14 Там же. С. 168.
- 15 Там же. С. 357.
- 16 *Никитин С. А.* Славянские комитеты... С. 167.
- 17 Зарубежные славяне и Россия... С. 268.
- 18 *Францев В. А.* М. П. Погодин и Фр. Палацкий. Прага, 1928. С. 4.
- 19 *Лантева Л. П.* Славянский съезд 1867 г. и участие в нем чешской делегации // Славянские съезды XIX–XX вв. М., 1994. С. 76–77.
- 20 Первый всеславянский съезд в России. Его причины и значение. М., 1867. С. XIII.
- 21 *Никитин С. А.* Славянские комитеты... С. 171.
- 22 *Главачка М.* Еще раз о поездке австрийских славян в Россию в 1867 г. // Славяноведение. 2007. № 1. С. 61.
- 23 *Никитин С. А.* Славянские комитеты... С. 171–173.
- 24 Зарубежные славяне и Россия... С. 259.
- 25 Там же. С. 146.
- 26 Там же. С. 369.
- 27 Там же. С. 45, 46.
- 28 Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867 г. М., 1867. С. 101–109.
- 29 Биржевые ведомости. 7.5.1867. № 120.
- 30 *Никитин С. А.* Славянские комитеты... С. 174, 175. Главачка дает другие цифры — всего чехов и мораван поехало 26 человек. См.: *Главачка М.* Еще раз о поездке австрийских славян... С. 56.
- 31 Первый всеславянский съезд в России... С. 19.
- 32 *Никитин С. А.* Славянские комитеты... С. 187.
- 33 *Главачка М.* Еще раз о поездке австрийских славян... С. 56.
- 34 Зарубежные славяне и Россия... С. 490.
- 35 *Лантева Л. П.* Славянский съезд 1867 г. ... С. 80.
- 36 *Главачка М.* Еще раз о поездке австрийских славян... С. 58–60.
- 37 Первый всеславянский съезд в России... С. XV.
- 38 *Никитин С. А.* Славянские комитеты... С. 175–180.
- 39 Всероссийская этнографическая выставка... С. 161, 164, 173.
- 40 *Титов А.* Протоиерей Михаил Раевский в своих письмах к О. М. Бодянскому // Афиши и объявления. М., 1884. С. 51–52.
- 41 Всероссийская этнографическая выставка... С. 179, 180.
- 42 Slavjan. 1873. № 9. S. 139–140.
- 43 Всероссийская этнографическая выставка... С. 197–209.
- 44 *Никитин С. А.* Славянские комитеты... С. 197.
- 45 Биржевые ведомости. 15.5.1867. № 128.
- 46 Всероссийская этнографическая выставка... С. 221, 232.
- 47 Там же. С. 46.
- 48 *Никитин С. А.* Славянские комитеты... С. 195.
- 49 Всероссийская этнографическая выставка... С. 233.
- 50 *Никитин С. А.* Славянские комитеты... С. 196, 197; *Главачка М.* Еще раз о поездке австрийских славян... С. 62.
- 51 *Главачка М.* Еще раз о поездке австрийских славян... С. 63.

- 52 Путеводитель по Московской этнографической выставке. М., 1867. С. 3–35.
53 Современная летопись. 28.5.1867. № 19. С. 3, 4.
54 Путеводитель... С. 24.
55 Там же. С. 24–26.
56 Всероссийская этнографическая выставка... С. 50.
57 Биржевые ведомости. 20.5.1867. № 133.
58 Всероссийская этнографическая выставка... С. 409.
59 Биржевые ведомости. 21.5.1867. № 134.
60 Всероссийская этнографическая выставка... С. 246–303.
61 Там же. С. 341–347.
62 *Никитин С. А.* Славянские комитеты... С. 202.
63 Всероссийская этнографическая выставка... С. 356–362.
64 Там же. С. 349, 355, 365, 366.
65 *Никитин С. А.* Славянские комитеты... С. 230.
66 Всероссийская этнографическая выставка... С. 331, 335.
67 Там же. С. 386.
68 *Чуркина И. В.* Общественно-политические взгляды М. Маяра в 50–70-е гг. XIX в. // Славянская историография и археография. М., 1969. С. 141.
69 Русский. М., 5.6.1867. С. 21, 22.
70 Всероссийская этнографическая выставка... С. 399.
71 *Никитин С. А.* Славянские комитеты... С. 230, 231.
72 Всероссийская этнографическая выставка... С. 410.
73 Там же. С. 399.
74 Там же. С. 159.
75 *Липец Р. С., Макашина Т. С.* Этнографическая деятельность Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии // Советская этнография. 1966. № 6. С. 122, 123.
76 *Токарев С. А.* История русской этнографии (дооктябрьский период). М., 1966.
77 *Никитин С. А.* Славянские комитеты... С. 189.
78 Искра. СПб., 1867. № 21. С. 255.
79 Дело. СПб., 1871. № 4. Отд. 2. С. 102, 104.
80 *Аксенова Е. П.* Славянские съезды 1867 г. в освещении русской демократической прессы // Славянские съезды XIX–XX вв. М., 1994. С. 71.
81 Колокол. Лондон, 1867. № 9. С. 1976.
82 *Штур Л.* Славянство и мир будущего // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1867. Т. III. Кн. 1–3. С. 189.
83 *Матула В.* Людовит Штур и Россия // Ludovit Štur und die slawische Wechselseitigkeit. Bratislava. 1969. S. 365.
84 Отечественные записки. СПб., 1867. Т. 172. С. 110.
85 Московские ведомости. 22.5.1867. № 112.
86 Биржевые ведомости. 11.5.1867. № 124.
87 Москва. 28.3.1867. № 69.
88 *Никитин С. А.* Славянские комитеты... С. 258, 259.
89 *Vošnjak J.* Spomini. Ljubljana, 1906. Zv. 1905. S. 247, 248.
90 *Чуркина И. В.* Словенское национально-освободительное движение... С. 174, 175.
91 *Никитин С. А.* Славянские комитеты... С. 244, 245.
92 *Главачка М.* Еще раз о поездке австрийских славян... С. 63.

Анатолий Леруа-Болье: От русистики к «славянофильству»

Вопрос о правомерности употребления термина «славянофил» и «славянофильство» не только к идейным баталиям XIX столетия в России, кажется, из ряда спорных перешел в разряд очевидных. История доказала, что оптимальнее рассматривать «славянофильство» как общеевропейское явление интеллектуальной жизни. Так, русский общественный деятель и философ Ю. Самарин в карандашной заметке на обороте книги А. Токвиля писал: «Токвиль, Монталамбер, Риль, Штейн — западные славянофилы. Все они по основным убеждениям и по конечным своим требованиям ближе к нам, чем к нашим западникам»¹. Чуть позже историк литературы Алексей Н. Веселовский отметит: «Культурная история Европы за последние два столетия показывает, что почти ни одна страна не обошлась в свое время без движения, схожего со славянофильством»². Западная историография (впрочем, как уже и российская) определяет ряд европейских интеллектуалов как славянофилов/русифилов³ (Ф. фон Баадер⁴, А. Мицкевич⁵, С. Робер⁶, Л. Леже⁷, А. Леруа-Болье⁸, Ф. Порталь⁹, П. Паскаль¹⁰, А. Меллер¹¹).

Что касается употребления данного термина по отношению к концу XIX — началу XX в.¹², прежде всего стоит отметить, что французские «славянофилы» — это самоназвание. Едва ли не впервые оно прозвучало в заглавии мемуаров Л. Леже «Воспоминания славянофила»¹³. Известный французский славист рубежа XIX–XX вв., автор множества работ по истории славянских стран поступил небезосновательно¹⁴. В данном случае «славянофильство» следует понимать с точки зрения меткой «формулы» литературного критика Н. Страхова: «Исходящий славянство естественно бывает славянским патриотом, а славянский патриот неизбежно становится славянофилом в известном значении этого слова»¹⁵. Ж. Адан — редактор пропагандировавшего франко-русское сближение журнала «La Nouvelle Revue» отнесла себя к «славянофилам», поскольку любовь к России и русским, по ее мнению, логически являлась оборотной стороной ненависти к Бисмарку и немцам¹⁶. Действительно, исследование феномена данного интеллектуального направления позволяет говорить не об одном, а о нескольких его полноценных значениях, каждое из которых сыграло заметную роль в общественно-политической, культурной, религиозной жизни Франции рубежа XIX–XX вв.¹⁷.

Развитие французского «славянофильства» от умонастроений до поиска организационных форм происходило в несколько этапов. Прежде всего, отметим — славянофильские идеи во Франции возникли в большей степени не благодаря, а вопреки. Французское «славянофильство» задавало качественно новый тон в диалоге между русской и западной культурами, явившись логическим ответом на русофобские настроения, долгое время господствовавшие на Западе по отношению к России. Становление подобных идей было непосредственно связано с начавшимся в 1870-е гг. культурным диалогом между Францией и Россией, прежде всего диалогом литературным. Актуальность изучению «русской темы» придадо наметившееся к концу XIX в. военно-политическое сближение Франции и России, в условиях которого назрела необходимость пересмотра прежних концепций изучения истории страны — потенциальной союзницы. В этом отношении можно смело говорить, что первые французские русисты опередили дипломатов в деле сближения двух стран — они внесли весомый вклад в формирование во Франции «сердечного» восприятия России; их труды выступили интеллектуальной поддержкой франко-русского союза 1891–1893 гг. Многочисленные произведения французских авторов и пропаганда в периодических изданиях «русского курса» — это был первый этап истории интеллектуального направления, на котором сущность «славянофильства» сводилась скорее к формированию в обществе прорусских умонастроений и русофильскому направлению в литературе и исследованиях. Олицетворением перехода к следующему, качественно иному этапу стала научная деятельность Анатоля-Анри-Жан-Батиста Леруа-Болье (1842–1912).

Именно А. Леруа-Болье первым внес весомый вклад в формирование и последующее развитие славянофильского направления во французской славистике. «Точный историзм» этого исследователя не укладывался в заданные первыми русистами рамки. Знаменитый славист Ж. Нива убедительно доказал, что «Леруа-Болье своей великолепной работой „Царская империя и русские“ положил во Франции начало новому подходу — уважению, вдумчивому изучению, дружескому проникновению. Усвоенный аббатом Порталем этот подход в сочетании со страстным интересом к соединению церквей... создал вокруг лазаристов французскую школу славистики, поражающую своей энергией, точностью и оригинальностью»¹⁸.

Совершенно справедливо звучат слова Э. М. де Вогюз (которого как раз уместнее называть пропагандистом русофильского литературного движения): «Одно имя выделяется над всеми остальными, имя друга и учителя нас всех — А. Леруа-Болье. Задолго до нас (сразу же после войны) он увидел и постепенно вполне раскрыл нам огромную неведомую страну. Он увлек нас, придав охоту собирать то небольшое, что было упу-

упущено им. В истории открытия французами славянского мира этому твердому, настойчивому уму будет приписана большая часть дела, будет отведено самое почетное место»¹⁹.

Русская история А. Леруа-Болье началась, когда он уже работал в качестве политического обозревателя журнала «Revue des Deux Mondes». В 1872 г. редактор издания Ф. Бюлоз предложил журналисту отправиться в Россию. Как вспоминал сам А. Леруа-Болье, напутствие начальства заключалось в следующем: «Поезжайте и посмотрите, не представляет ли собой эта огромная Россия просто гнилую доску?»²⁰. Живший в то время во Франции И. С. Тургенев снабдил журналиста рекомендательным письмом к редактору «Вестника Европы» М. Стасюлевичу, где было указано, что цель визита француза — «изучение истории и социальных вопросов» России²¹.

Первые статьи А. Леруа-Болье о России появились в «Revue des Deux Mondes» в августе 1873 г., а в 1881 г., в том числе и на их основе, появляется первый том сочинения «Царская империя и русские» («L'Empire des tsars et le russes»). Не будет ошибочным утверждение, что именно этот обширный труд, дополненный многочисленными статьями и рядом монографий, является кульминационным пунктом научных работ французского русиста.

Интерес А. Леруа-Болье к «царской империи» нагляднее объяснить его же словами: «Изучение различных народов Европы, их нравов, литературы, институтов, социального устройства — было главным занятием моей юности. Изначально ограниченное старой романо-германской Европой мое внимание постепенно устремилось к Европе восточной, особенно к славянскому миру, и в последние годы сосредоточилось на России. Меня привлекли не только колоссальные размеры этой страны, ее население (более многочисленное, чем сумма населений Франции и Германии), но и та громадная роль, которую (судя по ее неизмеримой величине) будущее готовит России среди стран нашего старого континента, и тот загадочный характер ее жителей, и та тайна, которая витает над Россией и ее судьбами. А главным образом — та трудность, которая стоит на пути к ее познанию и пониманию»²². Позже в письме И. Гальперину-Каминскому он пояснял свой интерес уже с политической точки зрения. «Я знал остальную часть Европы, мое внимание притягивалось к Востоку, к этой огромной империи, все еще походившей на наших картах на terra incognita. В июле 1870 г. я собрался ехать в Москву, но война задержала меня. Печальные события 70-х придали России еще больший интерес в наших глазах»²³.

А. Леруа-Болье был убежден, что «невежество Франции в отношении заграницы является одним из существенных недостатков этой страны и одной из главных причин ее невзгод», например, причиной невер-

ных представлений о России во Франции он считал тот факт, что чаще всего Россию знали по информации ее противников²⁴. Поэтому француз полагал, что изучение России, особенно после событий 1871 г. — это способ служить родной стране²⁵.

Кроме того, что «Царская империя» стала тем произведением, по которому французы в XIX в. судили о России, она явилась работой-новшеством для французской исторической науки тех лет. Слависты, оценивая этот труд, в один голос утверждали — с выходом книги можно говорить о новом подходе к изучению России. Так, Л. Леже в своих «Письмах из Парижа» отмечал: «С каждым днем сочинения о России принимают характер все более серьезный и научный. „L'Empire des tsars et le russes“, по-видимому, вполне заменит устаревший теперь труд Шницлера²⁶. Автор высказывается с полным беспристрастием и старается рассеять предрассудки о России, все еще существующие на Западе»²⁷.

Что же отличало труды А. Леруа-Болье от работ его современников-русистов? В чем заключалась новизна его подхода, позволяющая говорить, что из всех них именно он первым сделал шаг от русистики к «славянофильству»?

Как исследователь А. Леруа-Болье сформировался под влиянием творчества А. Токвиля, И. Тэна, Ж. Мишле. Так, из чтения трудов А. Токвиля главным уроком стало то, что при исследовании необходимо проникновение в самый дух общества, чтобы понять его структурное построение и идентифицировать затем силы, меняющие его. На заметку им был взят компаративный анализ США и России с географической и социальной точки зрения. В то же время работы И. Тэна доказали необходимость методологии в виде социологического подхода в истории и исторической перспективе в социологии. Он убедился, что среда (географическое и экономическое положение, человеческий фактор), раса (социально-психологические черты, проявляющиеся в конкретной нации) и проблема подлинности, истинности момента, времени (влияние ситуации на отдельный исторический момент) способны объяснить специфические черты нации и созданной ею цивилизации.

Рассуждения Ж. Мишле оказались близки тем, что для понимания «особенностей расы и народа... необходимо отыскать добротное, прочное основание, — землю — которая носит и кормит их. Без подобной географической опоры народ (действующее лицо истории) движется словно по воздуху, как на китайских картинах, где нет почвы. Эта опора не просто место действия. Она влияет на происходящее на сто ладов: через пищу, климат и прочее. Каково гнездо — такова и птица. Человек таков, какова его родина»²⁸. Неудивительно, что данный подход повлиял на оценку трудов русиста — этнограф Ж. Брюн справедливо отметил: «Как всякое историческое сочинение, обладающее солидными ка-

чествами, „Царская империя“ начинается с прекрасного географического описания»²⁹.

В результате достойный ученик в своих научных изысканиях стался толковать историческое развитие России с позиций анализа ее социальных и политических институтов, устанавливая таким образом генеральную линию эволюционного развития страны. Залогом его успеха стала возможность путешествовать и вести исследования, опираясь исключительно на собственные наблюдения. Главный талант исследователя заключался в умении в нужной пропорции использовать все известные методологии, в беглом владении книжным и разговорным русским языком. При том что внешне в книге личные наблюдения автора немногочисленны, именно восприятие знатока русского языка, общества и культуры стало ее фундаментом.

Французский исследователь русского парламентаризма П. Шаль охарактеризовал метод своего учителя наиболее точными словами: «Меткость и уравновешенность... Он не историк, повествующий об определенных событиях, он философ, социолог, описывающий социальную среду, обычаи, учреждения и чувства населения. Он счастливо избегал сухости, необоснованности и отсутствия жизненности, благодаря своему удивительному чувству равновесия. Умел конкретными примерами иллюстрировать отвлеченное положение, которое анализировал. Чувствуется, что все это жизненно и пережито. Он сочетал в совершенстве литературность и научную сторону и избегал приемов, которые дают больше рельефа и блеска исторической картине, но вредят правдивости изложения. Стремился овладеть истиной. Как он умел выразить ее во всей своей полноте и преподнести читателям, осветив со всех сторон и развивая во всех деталях! Слог его не отличается выразительностью и сжатостью. Заметна некоторая неуравновешенность его немного длинных фраз, но оговорки, вводные предложения и скобки удивительно передают интимный смысл его мысли, исправляют категоричность, которую имела бы короткая фраза. Он обладал в высшей степени чувством объективности, избегал крайностей, остерегался слепого увлечения и бесплодного разочарования»³⁰.

Ж. Нива употребляет в отношении подхода А. Леруа-Болье к изучению России понятие «ясная прозаичность» и отмечает: «Его труды основаны на подробной и достоверной информации, его стилю присуща энергия. Леруа-Болье считал себя отчасти этнографом, то есть пытался размышлять о каждом описываемом штрихе цивилизации. Бесспорно, его обширной картине присущи черты компиляции. Он прочел массу книг, в том числе те русские брошюры и статьи, которые в тогдaшней Франции наверняка никто больше и не читал. На самом деле Леруа-Болье не столько исключительный знаток своего предмета (хотя предприня-

тые им многочисленные поездки оживляют изложение), сколько великолепный гид. Его обобщения соразмерны, он умеет держаться в границах исторического дискурса и не сорваться в чистую социологию, он квалифицированный статистик, когда имеет дело с данными такого рода. Если он и не привлекает в качестве источников всю русскую словесность данного периода, то безусловно многое из нее черпает, при этом без помощи переводчиков»³¹.

Одним словом, «Царская империя и русские» — достойный пример взвешенности и выверенности ученого труда, что было отмечено одним из учеников его автора П. де Кириэлем: «Верный чести и верный отваге, А. Леруа-Болье верен в суждениях и верен в чувствах»³². Автор блестяще решил поставленную перед собой задачу — «показать Россию и русский народ у себя дома, в самих себе, в их национальной жизни и внутреннем развитии»³³.

Появление этого сочинения оказалось как нельзя кстати. Франция после удара 1870 г., не упуская из виду необходимости восстановления своих собственных сил, в то же время искала дипломатическую помощь и военную поддержку державы, на которую она могла бы рассчитывать. Сначала с некоторым колебанием, а затем открыто и уверенно она обратилась к России. Но как было правильно оценить дипломатическую и военную мощь страны, если не были известны ее политические и социальные стороны, с которыми эта мощь связывалась? Не имея своей непосредственной целью дать ответы на эти вопросы, автор «Царской империи» косвенно предполагал возможные варианты их решения, так как не сомневался, что «в государстве, как в живом организме, все состоит в связи, и недостатки управления могут ярко отразиться на поле битвы»³⁴.

Труд А. Леруа-Болье послужил интеллектуальной предтечей будущих отношений России и Франции. Хотя в отличие от журнальных работ политического характера, непосредственно посвященных русско-французскому союзу, связь «Царской империи» со сближением двух стран не была явной. Если американский историк М. Раев уверен, что именно А. Леруа-Болье был «одним из невидимых создателей русско-французского союза (1891–1893) и русофильских настроений во Франции накануне 1914 г.»³⁵, то российская историография недооценила этот фактор русско-французской «сердечности». Не случайно на 100-летнем юбилее по поводу заключения союза посол Франции П. Морель акцентировал внимание франковедов на том, что почва для его заключения на протяжении десятилетий готовилась журналом «*Revue des Deux Mondes*», что дает полное право назвать А. Леруа-Болье «архитектором» данного союза³⁶.

По словам П. Шаля, именно А. Леруа-Болье своей книгой «объяснил, почему сила России не столько наступательная, сколько оборонительная. Он не мог оказать большей услуги нашей дипломатии. Впо-

следствии мы стали банкирами России, протянув тем новые нити, связующие франко-русские отношения. И опять-таки мы не могли не следить, чем обеспечиваются ссужаемые нами деньги и возможны ли займы, если бы мы не знали, какими действительными ресурсами материальными и духовными обладает необъятная империя, каково здоровье русского организма во всей совокупности»³⁷. Подобная оценка книги звучит и спустя век — А. Леруа-Болье «подготовил для правительства Третьей республики интеллектуальные основы союза и то чувство перспективы, без которого в политике не следует предпринимать ничего серьезного»³⁸.

Выдающаяся работа А. Леруа-Болье состоит из трех объемных томов, хронология и содержание которых подчинены методологии. Как пояснял сам автор: «Первый том посвящен стране и людям, национальному характеру и социальному устройству, то есть жизненной сцене, на которой разыгрывается волнующая драма современной русской истории. Второй — институтам, центральным и местным учреждениям, городским и сельским собраниям, полиции, суду, цензуре и прессе. Третий — религии (у русского народа она до сих пор остается первой моральной властью), то есть тому, что намного лучше, чем государственные институты, раскрывает менталитет народа, его видение мира, чаяния и стремления»³⁹. В рамках одной статьи невозможно дать полноценный анализ содержания трехтомника, поэтому в дополнение к авторскому резюме содержания отметим лишь некоторые моменты.

Первый том включает в себя главы, описывающие природу, климат и территорию России, расы, национальности, населяющие русскую землю. А. Леруа-Болье полагает, что уникальное расположение России между Европой и Азией не приводит к конфликту между лесами и степью; скорее наоборот — они образуют симбиоз, который, несомненно, оказывает влияние на ход эволюционного развития страны. В главах, посвященных этническим вопросам, он дал полную картину элементов русского национального характера, показал степень влияния татар и монголов; рассмотрел вопросы о национальном и расовом превосходстве. Не остался автор в стороне и от споров о происхождении Руси и вопросов утверждения христианства; проанализировал феномен крепостного права, раскрыл перед читателем сословную структуру российского общества, дал классификацию городского населения, описал крестьянскую реформу 1861 г.

Особое место в первом томе уделено проблеме формирования национального характера русских в борьбе с суровой природой и ее контрастами. В отдельные главы выведены выводы о том, что составляющими русского темперамента являются нигилизм, реализм и мистицизм (взаимные противоположности), а также инстинкт радикализма. С точки зрения автора, ключевая фигура для понимания сложной психологии русского народа — это Петр Великий. В данном случае анализ текста

подтверждает: методы А. Леруа-Болье более чем новаторские (историко-этнологический анализ, иммагология, этнопсихология).

Рассказывая во втором томе об институтах Российской империи, автор рисует перед читателем ясную картину территориального деления страны. Его анализ системы управления подробен: от описания чиновничества и бюрократии, работы III отделения и вплоть до цензуры. В последние главы включены вопросы развития социалистических идей в России, организации революционных партий, терроризма конца XIX в., централизации и федерализации, системы образования. В качестве заключения А. Леруа-Болье анализирует политические реформы Александра II и их последствия. Неподдельный интерес представляют зарисовки сельской общины и функционирования «мира».

Напомним, впервые об этом русском феномене Европа подробно узнала из работы прусского чиновника А. фон Гакстгаузена, с которой А. Леруа-Болье ставил в прямую связь свои изыскания по сельскому хозяйству и общинному устройству. Немецкий исследователь прибыл в Россию по приглашению императора Николая I в 1843 г. с целью изучения аграрных отношений и славянского быта. После обличительной книги маркиза А. Кюстина русское правительство возлагало особые надежды на прусского знатока аграрных отношений, ведь к нему прислушивалась Европа, в глазах которой власти стремились поднять подорванный престиж страны. В своей работе фон Гакстгаузен писал: «Россия представляет собой одну большую семью, а чем может быть ограничен отец, кроме божеских законов»⁴⁰. Если европейская община является «искусственным собранием людей, предписанным сверху; людей, случайно живущих вместе», то российская община — это «семья, связанная общей собственностью, со старшиной во главе»⁴¹. Не секрет, что на убеждения автора оказали влияние взгляды славянофилов. Как вспоминает славянофил А. Кошелев: «Мы втолковали ему смысл и значение русской общины, и он прекрасно о ней написал в своей книге; но видно было, что это учреждение он понял только умом, как статистический факт, а вовсе не как зародыш и залог великой будущности России»⁴². Спустя время этот недочет будет устранен: зачастую не только цитируя, но и поправляя предшественника в примечаниях, А. Леруа-Болье подробно опишет прочувствованный им «примитивный коммунизм» русских. По его мнению, крестьянская коммуна похожа в некотором роде на аграрный коммунизм; «мир» является основной чертой национального своеобразия России. «В глазах европейцев этот своеобразный земледельческий коммунизм, быть может, наиболее примечательная черта, весьма неожиданная в современной России. <...> Исследование этого феномена дает неоценимые уроки народам, которые взбудоражены своим социальным состоянием и томимы каким-то общим неуютом»⁴³.

После завершения двух томов обширного исследования А. Леруа-Болье прекрасно понимал: в заключение необходимо дать точное и полное представление о сердцевине многовековой истории русской нации — религии и вере, — которое невозможно получить ни из апологетических речей историков церкви, ни из специальных трудов об отношениях церкви к политике и обществу. Тем самым открыть читателю окно в мир русской цивилизации, остававшейся на Западе традиционно малоизвестной. Поэтому вплоть до выхода книги в 1889 г. автор многократно и скрупулезно исправлял и перерабатывал текст, порой добавляя новые фрагменты.

Раскрывая на страницах тома религиозную душу русского народа, его автор одним из первых отметил роль православия-для русских людей. Как истинный славянофил, он утверждал, что оригинальность России проявляется в реализации евангельского духа, именно в применении этики Христа в общественной и частной жизни. «Русский народ должен быть поставлен первым среди многих истинно христианских народов. Он христианин не только по своим обрядам и внешности, чему он придает такое большое значение: без форм нет и сущности. Он христианин по своему нутру и духу. Евангельское золото в Церкви. В русских кроется такой нежный и особый дух христианства, какой не встретишь в других народах Европы»⁴⁴.

По мнению А. Леруа-Болье, у русских невозможно разделить понятия «Церковь» и «Отечество»: «Русский крестьянин, пожалуй, единственный в Европе, кто ищет жемчужину в евангельской притче и почитает дающую ее руку. Он любит Крест, а это и есть сущность христианства. Он не только носит его на груди, но и постоянно держит в сердце... Между Евангелием и русскою душою есть какое-то внутреннее родство, в силу которого бывает трудно решить, что идет у русского человека от знакомства его с православной верою, а что прямо от души»⁴⁵.

Третий том наглядно продемонстрировал, что его автор — прекрасный знаток русской ментальности. Неудивительно, что один из героев страниц этой книги — русский философ В. Соловьев в предисловии к своей работе «Россия и вселенская церковь» отсылает читателей по религиозным вопросам к труду А. Леруа-Болье. «Я изъясил или свел до минимума в двух первых частях моей работы все то, о чем я мог лишь повторить сказанное другими лучше меня. Я счастлив, что могу во всем, что касается подробностей положения религии и церкви в России, отослать моих читателей к III тому весьма известного сочинения А. Леруа-Болье „Царская империя и русские“»⁴⁶.

А. Леруа-Болье не просто рассуждал и описывал события российской действительности, но и, отталкиваясь от их противоречивости (а порой негативного характера), предлагал альтернативный путь ее развития. Умо-

заклучения француза зачастую пророческие. В первом томе он точно подметил разделение русского общественного мнения на традиционалистов-славянофилов и модернистов-западников, предсказав опасную роль нигилизма в процессе оформления русской национальной идеи. В нескольких словах он выразил всю суть пагубной динамики развития российского общества: «Между двух лагерей (славянофильство и западничество. — О. Д.) поднимается нигилизм, выросший в их тени и как бы под покровом их борьбы, нигилизм, который облачается в доспехи обоих противников и, заимствуя негативную сторону доктрины каждого, отрицает Россию с одним и отрицает Запад с другим»⁴⁷.

С появлением «Царской империи» европейская общественность наконец получила наиболее полную, добротную и интересно написанную книгу самой сути жизни России, что позволило широко и по-новому взглянуть на эту страну, сломав предрассудки и заполнив многочисленные белые пятна в истории ее развития в глазах иностранцев. Ставшая «классической», эта работа рекомендовалась к изучению во всех учебных заведениях, где готовили будущих славистов. По словам М. Раева, «„Царская империя“ — это классика, чтение которой важно для справедливой оценки факторов, которые определяли и определяют до сих пор судьбу России и ее народа»⁴⁸. Во Франции книга переиздавалась несколько раз и до сих пор является одним из фундаментальных сочинений, по которым отчасти продолжают судить о России на Западе.

Естественно, что оценка сочинения французами была чрезвычайно высока. Даже спустя полвека после его публикации историк А. Безансон задается вопросом: «Существует ли столь полный, глубокий, верный, разносторонний и обобщающий труд на каком-нибудь языке?»⁴⁹. По его мнению, А. Леруа-Болье был одним из тех малочисленных европейских авторов, которые «рассуждали о России с точки зрения России, исходя из потребностей ее исторического существования»⁵⁰. По мнению литературоведа Ш. Корбе, «Царская империя» — «самый большой, правдивый и прекрасный из монументов, которые когда-либо России посвящали французские авторы, соединивший в себе основательность немецкой эрудиции с живостью французского изложения. После этого больше никто не мог утверждать, что французы способны говорить о России лишь поверхностно»⁵¹. Историк К. де Грэв отметил, что именно А. Леруа-Болье «распространял во Франции идею, что Россия — христианская Славянка, а не „тартар“»⁵². Исследовательница С. Керэ полагает, что в 1872 г. А. Леруа-Болье «стал участником великой миссии французов в России по подготовке союза»⁵³.

Ж. Нива не сомневается, что в формировании французского образа России роль книги А. Леруа-Болье была основополагающей, ведь этот несомненный шедевр стоит особняком среди массы пристрастных со-

чинений о России, появлявшихся на Западе до и после книги А. Кюстина. Неслучайно французские слависты, по свидетельству Ж. Нива, делятся на два типа: «настоящая книга одних — „Россия в 1839 году“ Кюстина, другие предпочитают держать под рукой Леруа-Болье, где верные умозаключения приобретаются не рывком, не при помощи игры парадоксами и растравливания личных обид, не злопамятностью (как у Кюстина), а терпением и трудом, основанным на твердых, но снисходительных убеждениях»⁵⁴.

Тем не менее по цензурным соображениям столь популярный трехтомник французского русиста не был переведен на русский язык и в самой «царской империи» он не получил какого-то широкого отклика. В 1873 г. при выходе в «*Revue des Deux Mondes*» первых статей русиста российская периодика ограничивалась единичными отзывами⁵⁵. В 1885 г. один из рецензентов «Журнала Министерства Народного Просвещения» отмечал, что найдется совсем немного «сочинений, посвященных описаниям чужих стран и народностей, которые равнялись бы по своим достоинствам с такими вполне серьезными и добросовестными трудами как книги Леруа-Болье и др.»⁵⁶.

При этом популярность имени А. Леруа-Болье в России была довольно значительна: в 1888 г. он был избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук, а в 1909 г. — Общества любителей российской словесности при Московском университете. Некоторое время его адептом был историк и социолог М. Ковалевский, для которого француз был «спасительным тормозом» в эпоху торжества и опьянения революцией и «паровым двигателем» в часы уныния. Отмечая значение деятельности этого «вернейшего истолкователя России» в культурном диалоге двух стран, М. Ковалевский утверждал, что, «ознакомляя своих соотечественников с нами (Россией. — *О. Д.*), А. Леруа-Болье явился одним их первых, подготовивших установление добрых отношений, существующих между двумя народами»⁵⁷. В некрологе французскому исследователю он писал: «Мы лишились в А. Леруа-Болье самого авторитетного истолкователя нашей гражданственности. „Царская империя и русские“ не знает себе равного по глубине, научной объективности и обилию данных описания России времен Александра II... Ее появление явилось поворотным моментом в понимании Европой нашего отечества... Много россиян обязано ей своим политическим воспитанием. У многих из современных русских деятелей я не раз находил в руках его книгу»⁵⁸.

Советская и российская историография не изобилует разнообразием мнений по поводу «Царской империи». Несмотря на то, что исследователи, так или иначе соприкасавшиеся с данным трудом, сходятся во мнении, что А. Леруа-Болье был виднейшим представителем французской русистики, их мнения о книге противоречивы. А. З. Манфред в со-

ответствии с духом времени оценивал А. Леруа-Болье как «буржуазного консерватора... автора популярного в буржуазных кругах реакционного и несвободного от ошибок сочинения»⁵⁹. Н. В. Наумов разделяет точку зрения иностранных исследователей, что А. Леруа-Болье по праву считается основоположником французского россиеведения⁶⁰. В работе Г. И. Любиной о деятельности первых русистов А. Леруа-Болье отведено скромное место по сравнению, например, с Э. М. де Вогиюэ. При этом книге в целом она дает положительную оценку: «Весьма злободневным содержанием были наполнены книги о России А. Леруа-Болье... „Царская империя“ менее всего напоминала исторический труд, она представляла картину русской жизни в царствование Александра III. Книга далека от панегирического тона, автор не прошел мимо бед России, но вместе с тем сумел увидеть неиспользованные возможности этой страны. Леруа-Болье вполне добился желаемого — пробудить у французов доброжелательность к России»⁶¹. В статье другого автора — К. Цыковой также указывается, что произведение во многом определило взгляды образованных соотечественников А. Леруа-Болье на Россию; более того, оно способствовало созданию условий для союза России и Франции⁶².

Тем не менее ответа на вопросы — что отличало труды А. Леруа-Болье от работ остальных русистов тех лет, в чем была новизна его подхода к изучению России — недостаточно для вывода, что именно изыскания А. Леруа-Болье явились переходом к следующему, качественно иному этапу развития «славянофильства» во Франции. Тем более, по справедливому утверждению М. Раева, А. Леруа-Болье не вырабатывал какой-либо определенной, единой методологии и не ставил своей целью формулировать исторические законы; он скорее выделял несколько основных факторов, обуславливающих развитие общества и государства, и на основании их анализа делал собственные выводы⁶³. Поэтому необходимо учитывать, что свидетельством «перехода» является не только методология работ русиста, но и отражающиеся в них нравственные убеждения автора и его мировоззренческая позиция, в частности по вопросу понимания путей развития России.

В этой связи стоит привести высказывание В. Соловьева: «Во Франции появились писатели, поставившие себе целью ознакомление европейской публики с Россией (Леруа-Болье, де Вогиюэ)... Благодаря ним просвещенная часть европейской публики должна быть достаточно ознакомлена с Россией во всем, что касается многообразных сторон ее реального существования. Но это знакомство с русскими делами оставляет всегда открытым вопрос другого порядка... вопрос о смысле существования России во всемирной истории»⁶⁴. На этот раз слова русского философа в отношении своего французского друга оказываются верны частично, так как именно А. Леруа-Болье (убежденный либерал-индивидуалист,

христианский демократ и верующий католик) определил ментальные направляющие развития «славянофильства» как интеллектуального направления во Франции начала XX в.

Прежде всего, А. Леруа-Болье — либерал, причем скорее скептического склада, убежденный в силе разума. Во-вторых, он был христианским демократом и полагал, что либерализм содержит в зародыше демократию, которая в свою очередь вытекает из христианства. В 1906 г. он писал: «Две основные идеи демократического режима (равенство и братство) сами по себе нисколько не противоречат духу христианства. Наоборот, они только сообразны с духом Евангелия... Корни этих усвоенных демократией великих идей лежат в христианстве»⁶⁵. Наконец, католик, «желающий быть католическим либералом, а не приверженцем либерального католицизма»⁶⁶, он не сомневался в том, что христианство должно быть связано со свободой, современностью и рассматривал веру как фундамент исторических и общественных реалий.

Уточним, что употребление термина «славянофил» в отношении А. Леруа-Болье весьма условно. В качестве аналогии уместно привести двусмысленность характеристики славянофила В. Соловьева, личность и творчество которого нельзя категорично классифицировать. Несмотря на то, что католические симпатии укрепили его западническую репутацию, он оставался по своим истокам славянофилом. Эти «истоки» в свое время точно выделил Н. Бердяев, указав, что от славянофилов В. Соловьев «получил свои темы и веру в великую миссию России. По-славянофильски поставил он в центре всего веру христианскую, религиозный мотив сделал движущим мотивом своего мышления. Славянофильская проблема Востока и Запада стала и его основной проблемой. По исходным идеям, темам и мотивам он принадлежит славянофильскому потоку в истории нашей мысли»⁶⁷.

Интерес французского исследователя к религии, ее главенствующей роли в жизни человечества более чем славянофильский. Для него единственно верным путем развития, обновления и совершенствования общества в дальнейшем является «работа религии для пришествия Царства Божьего на землю, то есть царства любви, справедливости, мира и братства»⁶⁸. Он разделял мнение о том, что христианство является единой духовной основой западноевропейской и евразийской культур, поэтому был первым исследователем, кто ознакомил интеллектуальную общественность своей страны с экуменическими идеями В. Соловьева. А. Леруа-Болье познакомился с В. Соловьевым через отца П. Пирлинга — редактора французской версии книги «Россия и Вселенская церковь», и между ними завязалась переписка. А. Леруа-Болье воспринимал идеи В. Соловьева как инструмент, способный расширить понимание современного западного мира и обеспечивающий его прогресс в будущем.

Неслучайно фрагменты написанной в 1886 г. В. Соловьевым работы «Философия Вселенской Церкви» вошли в третий том «Царской империи». Позднее, в 1895 г., А. Леруа-Болье объявляет единомышленникам о решении «привести (в комитет защиты и социального прогресса. — О. Д.) того, кого редко встретишь во Франции. Замечательного православного мыслителя и писателя, который выступит перед вами на нашем прекрасном французском языке, г-на В. Соловьева — одного из самых оригинальных и блестящих умов царской империи»⁶⁹.

Вышеизложенные нравственные принципы кратко можно было бы резюмировать словами М. Раева, написавшего в предисловии к «Царской империи», что у А. Леруа-Болье был «идеал аристократии духа, прочно и уверенно базирующийся на свободном обществе и справедливо основанный на морали, праве и религии, преимущественно христианской»⁷⁰. Все эти убеждения не могли не отражаться в исследованиях: в работах А. Леруа-Болье о России лейтмотивом зачастую звучали темы либерализма и демократии, укорененных в религиозности; неприятия социализма и коммунизма; а также убежденность в необходимости политической и экономической эволюции. В частности, с этих позиций он в начале XX в. сформулировал главное препятствие России на пути к ее величию: «Одна из самых важных и неотложных нужд России, быть может, самая настоятельная из всех — это дарование населению равенства и свободы. Россия должна сделаться современным государством, и в ней должно быть провозглашено равноправие всех подданных царя, без различия национальностей и религий. Только идя по этому пути, обновленная Россия станет великой, свободной и счастливой: только выполнив, наконец, это назревшее требование справедливости и гуманности, она снова приобретет в обоих частях света прежние симпатии, в которых теперь ей слишком часто отказывают»⁷¹.

Как несомненный «славянофил», А. Леруа-Болье «рационализировал» проблему будущего России с точки зрения главного славянофильского вопроса «Восток-Запад»/«Россия и Европа». Для этого он не столько просто сопоставлял пути исторического развития и культурных траекторий России и стран Западной Европы, сколько пытался понять, насколько глубоко и органично Россия принадлежит Европе и какова ее возможная роль в будущей европейской цивилизации. В данном аспекте необходимо напомнить: французские «славянофилы» в большинстве своем считали Россию неотъемлемой частью европейской цивилизации, что вновь позволяет говорить об их идейной близости скорее к славянофильству В. Соловьева, нежели «классическому». По мнению А. Леруа-Болье, Россия не принадлежала к «старой, настоящей Европе» по многим параметрам (география, природа, климат, этнические корни, исторический опыт, национальный характер), но при этом она не при-

надлежала и к Азии, являя собой, таким образом, особый мир: «Россия не в большей степени азиатская страна, чем европейская»⁷². В то же время Россия была очень близка к Европе «физически и морально и в течении времени слишком сблизилась с ней, чтобы суметь от нее отделиться... Задача будущего России — примирение понятий цивилизации и национальности»⁷³. Автор «Царской империи» был убежден — отделять Россию от остальной Европы нельзя, так как цивилизация в равной мере нуждается в практическом разуме Запада и духовном опыте России. Доказав своими научными исследованиями, что подобные рассуждения небезосновательны, он таким образом заложил первые основы настроений, которые позже другой француз — писатель Ж. Ромен, олицетворяя Россию с «великим светом на Востоке», назовет верой в «рождение нашего общего завтра»⁷⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Самарин Ю. Ф. Сочинения: В 12 т. М., 1877–1911. Т. 1. С. 402–403.
- ² Веселовский А. Западные влияния в новой русской литературе. М., 1916. С. 204.
- ³ Для французского общественного мнения данные термины являлись идентичными и взаимозаменяемыми: во Франции даже русских славянофилов XIX в. называли русофилами. См.: *Огенюис-Селиверстоф А.* Франция–Россия–Германия (1878–1918) // Россия и Франция XVIII–XX века. М., 2000. Вып. 3. С. 149–165.
- ⁴ *Konne-Гертман И.* Отчужденность и очарованность — культурные взаимоотношения с XVI по XIX в. // Слышать и видеть друг друга: Взаимоотношения между русской Православной Церковью и Евангелистической Церковью в Германии. Лейпциг, 2003. С. 69–88.
- ⁵ *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. 2. С. 333–334.
- ⁶ *Леонтьев К. Н.* Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М., 1996. С. 231.
- ⁷ *Hrabová L.* Louis Leger — slavofil // Acta universitatis palackianae olomucensis. Historica. 1996. № 27. P. 33–38; *Данилова О. С.* Луи Леже — основоположник научного славяноведения во Франции // Славяноведение. 2007. № 1. С. 81–89.
- ⁸ *Нива Ж.* Пьер Паскаль или «русская религия» // Новый круг. 1982. № 1. С. 82.
- ⁹ *Нива Ж.* Пьер Паскаль...; *Guichard B.* Parler russe. Un enjeu de l'alliance franco-russe? // Recherches en relations internationales. № 8. 1999 [Ressource électronique] // Donnée électronique (3 files). [Http://www.ipr.univ-paris1.fr](http://www.ipr.univ-paris1.fr). 9.8.2004.
- ¹⁰ *Naudeau L.* En prison sous la terreur russe. Paris, 1920. P. 171; *Mazon A.* Avant-propos // Revue des études slaves. Paris, 1961. Т. 38. P. 9; *Laloy J.* Préface // *Pascal P.* Mon journal de Russie: à la mission militaire française 1916–1918. Lausanne, 1975. P. 10; *Niva G.* Un Russophile, Pierre Pascal // *Niva G.* Vers la fin du mythe russe. Lausanne, 1982; *Фюре Ф.* Прошлое одной иллюзии. Очерк коммунистической идеи в XX веке. М., 1998. С. 128; *Езеров А.* Христианский коммунизм Пьера Паскаля // Завтра. 2004. № 10 (98). С. 7.

- 11 *Аленов С. Г.* Русофильство немецких консерваторов начала XX в. // Вестник Воронежского гос. ун-та. Воронеж, 1997. Сер. 1. № 1. С. 36–51.
- 12 Подробнее см.: *Данилова О. С.* Французские «славянофилы» конца XIX — начала XX в. // Славянский альманах 2001. М., 2002; *Она же.* У истоков французской славистики — между полонофильством и русофильством — альтернатива XIX в. // Славянский альманах 2003. М., 2004.
- 13 См.: *Leger L.* Souvenirs d'un slavophile. Paris, 1905.
- 14 Подробнее см.: *Макаренкова Е. М.* Луи Леже — первый французский славист // Французский ежегодник. Статьи и материалы по истории Франции. 1986. М., 1988.
- 15 *Страхов Н. Н.* Борьба с Западом в нашей литературе. СПб., 1890. Кн. 3. С. 275.
- 16 Цит. по: *Adam J.* Apres l'abandon de la revanche. Paris, 1910. P. 166, 267.
- 17 Подробнее см.: *Данилова О. С.* Французское «славянофильство» конца XIX — начала XX в. // Россия и Франция: XVIII–XX века. М., 2006.
- 18 *Нива Ж.* Пьер Паскаль... С. 82.
- 19 Цит. по: *Гальперин-Каминский И. Д.* Русоведение во Франции // Русская мысль. 1894. Кн. 10. С. 35.
- 20 Цит. по: *Leroy-Beaulieu A.* La France, la Russie et l'Europe. Paris, 1888. P. 99.
- 21 М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. 3. С. 30.
- 22 *Leroy-Beaulieu A.* Préface de la première édition (1881–1882) // *Leroy-Beaulieu A.* L'Empire des tsars et les russes. En 3 vol. Paris, 1990. P. 7–8.
- 23 Цит. по: *Гальперин-Каминский И. Д.* Русоведение во Франции. С. 35.
- 24 *Leroy-Beaulieu A.* L'Empire des tsars et les russes. Т. 1. P. 13–14.
- 25 *Leroy-Beaulieu A.* La France, la Russie et l'Europe. P. 1.
- 26 *Schnizler J. H.* L'Empire des tsars au point actuel de la science. Paris; Strasbourg, 1859–1866. Т. I–V.
- 27 *Леже Л.* Письмо из Парижа // ЖМНП. 1882. Ноябрь. С. 66.
- 28 Цит. по: *Нива Ж.* Пьер Паскаль... С. 12.
- 29 *Brunhes J.* La geographie humaine. Paris, 1910. P. 774.
- 30 *Шаль П.* Анатолий Леруа-Болье. СПб., 1913. С. 11, 13–14.
- 31 *Niva G.* Rossie-Europe. La fine de Shisme. Etudes littéraires et politiques. Lausanne, 1993. P. 261.
- 32 *Quirielle P. de.* Anatole Leroy-Beaulieu // La Revue hebdomadaire. 1912. Juillet. P. 184.
- 33 *Leroy-Beaulieu A.* Préface de la première édition. P. 9.
- 34 *Leroy-Beaulieu A.* L'Empire des tsars et les russes. Т. 2. P. 59–60.
- 35 *Raeff M.* Introduction // *Leroy-Beaulieu A.* L'Empire des tsars et les russes: En 3 vol. Paris, 1990. Т. 1. P. XVI.
- 36 См.: Выступление Чрезвычайного и Полномочного посла Франции в России г-на Пьера Мореля на открытии коллоквиума «Новый взгляд на франко-русский союз» // Россия и Франция XVIII–XX века. 1995. Вып. 1. С. 125–126.
- 37 *Шаль П.* Анатолий Леруа-Болье. С. 7–8.
- 38 Выступление Чрезвычайного и Полномочного посла Франции в России... С. 126.
- 39 *Leroy-Beaulieu A.* Préface de la première édition... P. 8–9.
- 40 *Гакстгаузен А.* Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России: В 2 т. М., 1870. Т. 1. С. XIX.
- 41 Там же. С. XVII.

- 42 Русское общество 40–50-х годов XIX века. Записки А. И. Кошелева. М., 1991. С. 110.
- 43 *Leroy-Beaulieu A.* L'Empire des tsars et les russes. Т. 2. P. 173, 218.
- 44 *Leroy-Beaulieu A.* Religion en Russie // *Revue des Deux Mondes*. 1887. Т. 83. P. 860.
- 45 *Leroy-Beaulieu A.* L'Empire des tsars et les russes. Т. 3. P. 44–45.
- 46 *Соловьев В. С.* Россия и вселенская церковь. Минск, 1999. С. 273.
- 47 *Leroy-Beaulieu A.* L'Empire des tsars et les russes. Т. 1. P. 169.
- 48 *Raeff M.* Introduction. P. LXVII.
- 49 *Besançon A.* Préface // *Raeff M.* Comprendre l'ancien régime russe. Etat et société en Russie impérial. Paris, 1982. P. 9.
- 50 *Ibid.* P. 11–12.
- 51 *Corbet Ch.* A l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894). Paris, 1967. P. 389–391.
- 52 *Grève C. de* Le voyage en Russie. Anthologie des voyageurs français aux XVIII–XIX siècles. Paris, P. XXXVI.
- 53 *Coeuré S.* La grande lueur à l'Est. Les Français et l'Union soviétique 1917–1939. Paris, 1999. P. 14.
- 54 *Niva G.* Russie-Europe... P. 261.
- 55 См.: *Т. Н.* Статьи о России г. Леруа-Болье и г. Рамбо и отзыв о них С.-Петербургских ведомостей. М., 1873.
- 56 См.: ЖМНП. 1885. Ч. 242. № 11. С. 79.
- 57 Цит. по: *Шаль П.* Анатоль Леруа-Болье. С. 15, 17.
- 58 Цит. по: *Цыкова К. А.* Проблема русско-французского союза в работах Анатоля Леруа-Болье // *Вестник Московского ун-та*. 2003. Сер. 8. № 6. С. 108.
- 59 *Манфред А. З.* Традиции дружбы и сотрудничества. Из истории русско-французских и советско-французских связей. М., 1967. С. 128.
- 60 Цит. по: *Наумов Н. В.* Великая Октябрьская социалистическая революция во Французской буржуазной историографии. М., 1975. С. 28.
- 61 *Любина Г. И.* Россия и Франция: История научного сотрудничества (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 1996. С. 80.
- 62 *Цыкова К. А.* Проблема русско-французского союза... С. 107, 109.
- 63 *Raeff M.* Introduction. P. XLII–XLIII.
- 64 *Соловьев В. С.* Россия и вселенская церковь. С. 165–166.
- 65 *Леруа-Болье А.* Христианство и демократия. Христианство и социализм. СПб., 1906. С. 6–7.
- 66 *Raeff M.* Introduction. P. XXXV.
- 67 *Бердяев Н. А.* Русская идея. М., 2000. С. 219.
- 68 *Леруа-Болье А.* Христианство и демократия... С. 48–50.
- 69 См.: *Leroy-Beaulieu A.* Pourquoi nous ne sommes pas socialistes? // *Comité de défense et le progrès social*. Conférences publiques faites en 1885 à l'hôtel des Sociétés savantes. Paris, 1895. P. 142.
- 70 *Raeff M.* Introduction. P. XXVI.
- 71 *Леруа-Болье А.* Антисемитизм. Киев, 1906. С. 5.
- 72 *Leroy-Beaulieu A.* L'Empire des tsars et les russes. Т. 1. С. 20.
- 73 *Ibid.* С. 206.
- 74 См.: *Romains J.* Cette grande lueur à l'Est // *Les homes de bonne volonté*. Paris, 1958. Т. 19.

Взгляды чешских и словацких политиков начала XX в. на роль России в славянском мире

Сегодня чешские и словацкие политики предпочитают говорить о своей принадлежности к европейской цивилизации и культурной традиции, но не упоминать о своих славянских корнях.

Желание дистанцироваться от России и интегрироваться в процветающую Европу привело к тому, что в 1990-е гг. отдельные представители славянских национальностей ставили под сомнение сам факт своей принадлежности к славянам. В Чехии, например, получил распространение тезис о том, что вовсе не славяне, а кельты являлись основным элементом формирования чешской нации.

Однако если наличие славянских языков и славянских наций все же трудно оспорить, то в существование славянского мира как некоего целого, а не как виртуальной общности, сейчас уже многие не только политики, но и историки перестают верить.

Столетие назад, в начале XX в., дело обстоит совсем иначе. Подчеркивать свою принадлежность к огромной славянской семье вовсе не считалось зазорным. И чехи, и словаки не имели собственной государственности, были достаточно слабы, чтобы в одиночку бороться за свои исторические и естественные права и полагали, что языковая близость и славянское родство являются достаточными основаниями для оказания Россией поддержки небольшим славянским нациям. Движение национального возрождения было направлено на то, чтобы в дальнейшем славяне смогли занять достойное положение в семье европейских народов.

Правда, нельзя как отрицать, так и преувеличивать русофильство чешского и словацкого общества. Среди чехов и словаков всегда боролись две противоположные тенденции — любовь к России, надежды на ее помощь, и опасения потерять собственную национальную идентичность, подпав под ее влияние. Существовали и два противоположные направления в политике: одно в какой-то степени идеализировало Россию, другое — воспринимало ее достаточно критически.

В начале XX в. на фоне произошедших политических изменений в России и за рубежом распространилось так называемое новое славянское движение (неославизм). На съезде славянских организаций России, состоявшемся в апреле 1909 г., отмечалось значительное возрастание интереса к славянству в широких кругах русского общества и усиление стремления к славянской взаимности среди зарубежных славян¹. Пред-

ставители неославизма считали необходимым строить сотрудничество славянских народов на основе полного равенства и уважения друг к другу. Не случайно в основу своей деятельности они положили принцип французской революции «свобода, равенство и братство». В отличие от «старого» славянофильства, подчеркивавшего роль православия, теперь речь шла и о религиозном равноправии. При этом взаимодействие предполагалось развивать в основном в экономической и культурной областях. Отметим, что неославизм объединял представителей разных политических партий, центристского, умеренного, либерального и либерально-консервативного направлений. А задумывалось новое славянское движение как беспартийное, и человек любых политических взглядов мог примкнуть к нему.

В этот период проходят славянские заседания в С.-Петербурге, славянские (подготовительные) съезды в Праге (1908) и Софии (1910), съезды славянских журналистов, врачей, групповые туристические поездки, выставки, сокольские слеты, спортивные поединки, а также ряд других мероприятий с участием представителей славянских национальностей. Сразу после Славянского съезда в Праге, на пике оживления славянских идей планировался даже специальный всеславянский бал в Санкт-Петербурге для сближения представителей славянских народов, который должен был представлять собой «живую этнографию славян». По мысли его организаторов, мужчины и дамы должны были явиться на бал в национальных нарядах, как исторических, так и современных. Из Праги приглашался отряд чешских соколов в их живописных костюмах. На балу предполагалось исполнение всех славянских национальных танцев, таких как польская мазурка, чешская «беседа», моравский «тройак», словацкий «чардаш», хорватско-сербское «коло», болгарское «хоро» и галицко-русская «коломыйка»². Но даже такая, казалось бы, невинная забава в немецкой печати того времени характеризовалась как «пробудившийся панславизм»³. Движение неославистов, хотя и несколько затрудненное условиями изменившихся во второй половине 1908 г. международных отношений (после Боснийского кризиса), продолжалось вплоть до начала Первой мировой войны.

В дискуссиях начала XX в. активно обсуждался вопрос о языке межславянского общения, выдвигался тезис о необходимости изучения русского языка в славянских странах и землях. В частности, на съезде преподавателей чешских средних учебных заведений в Брно мнения участников разделились: одни стояли за введение польского языка в школе, другие настаивали на преподавании русского языка как языка большего практического значения и имеющего шансы стать межславянским языком общения⁴. За введение русского языка в качестве обязательного предмета в славянских школах выступал в австрийском парламенте извест-

ный чешский меценат граф Гаррах⁵. Но выдвигались и другие идеи. Так, на славянском студенческом съезде в Праге осенью 1908 г. ставился вопрос об уничтожении кириллицы и введении латинского письма у славян для их скорейшего взаимопонимания⁶.

Одним из лидеров и пропагандистов неославизма был чешский политик, будущий премьер Чехословакии Карел Крамарж (1860–1937). Настаивая на равноправном характере отношений между славянами, он все же считал Россию центральным столпом всего нового славянского движения, государством, способным оказать решающую поддержку решению национального вопроса в Австро-Венгрии, в состав которой входили тогда Чешские земли и Словакия. В начале XX в. он как депутат рейхсрата последовательно выступал за российско-австрийское сближение. Вместе с тем Крамарж ратовал за урегулирование русско-польских споров, которые подрывали славянское единство, за мирное решение межславянских противоречий. При этом он резко критиковал политику России в польском вопросе. В письме В. Сватковскому в 1909 г. Крамарж писал: «А в самом больном вопросе, в польском, не сделано ничего. Мы так хорошо подготовили почву. Можно было усмирить поляков очень малыми жертвами и привлечь их к себе великодушием и доверием. Не сделано ничего. Наоборот, дело еще ухудшилось разными мелкими уколами польскому самолюбию и вообще тем, что после Праги (Пражского славянского съезда. — Е. С.) ничего не сделано»⁷. Окончательное решение славянского вопроса чешский политик видел в создании Славянской федерации под эгидой России⁸.

После большевистского переворота 1917 г. в России и образования самостоятельной Чехословацкой республики в 1918 г. Крамарж не отказался от своей славянской политики и настаивал на необходимости свержения большевиков, полагая, что только сильная либерально-демократическая Россия сможет обеспечить политическое равновесие в Европе и гарантировать самостоятельность небольших славянских государств. В речи на вечере в пользу русских эмигрантов 2 февраля 1921 г. Крамарж заявил: «Великая и сильная Россия нужны миру и славянству, и если этого не понимают другие, то должны понять славяне. Когда Россия будет великой, славянской и национальной, только тогда и мы сможем делать спокойно и вполне уверенно нашу политику»⁹.

Однако далеко не все чешские и словацкие партии были настроены русофильски. Неославизм подвергался критике как слева (социал-демократы), так и справа (консерваторы и клерикалы). Да и некоторые либерально-демократические политики, скажем будущий чехословацкий президент Т. Г. Масарик, скептически относились к программе неославистов, считая ее слишком расплывчатой. В статье «О новославизме» (1908) Масарик призывал отказаться от утопизма и нереальных мечтаний и

перейти к реальной политике, которую он видел в решении русско-польского спора конституционной, децентрализованной, демократической Россией. Он критиковал и антигерманскую направленность славянской политики, отвергая какую-либо славянскую избранность, и заявлял о желании идти рядом и вместе с остальными народами¹⁰.

Российские дипломаты отслеживали положение на чешской и словацкой политической сцене и сообщали в МИД о внешнеполитической ориентации отдельных партий и их лидеров.

Если в Чешских землях процесс политической дифференциации уже зашел довольно далеко, отражая сложную социальную структуру общества, то в Словакии формально продолжала существовать единая Национальная партия, в которой, однако, начинают выкристаллизовываться отдельные фракции. Консервативное крыло Словацкой национальной партии, так называемые мартинцы, во главе со словацким писателем, идеологом словацкого национального движения Святозаром Гурбаном Ваянским (1847–1916) свои надежды во внешней политике возлагало на официальную Россию. Вопрос об отношении к России занимал в идеологии мартинцев особое место. Характерной чертой словацкого русофильства являлось отсутствие конкретной политической программы. Русофильство мартинцев не носило панславистский характер, они не стремились к объединению с Россией в единое государство. Но в их среде большое влияние сохраняла концепция, признававшая гегемонию России над славянами. Для Ваянского была характерна и некая идеализация внутренней, а особенно внешней политики России. Ваянскому как оппоненту Масарика принадлежит знаменитая фраза «Уж если не быть словаком, то лучше раствориться в русском море, чем в чешской луже».

Лишь позже, уже в годы Первой мировой войны, когда славянская идея усилилась и окрепла, среди одного из направлений словацкой политики, так называемых «всеславянов», возникает концепция включения словаков в состав Российской империи. Однако эти планы, исходившие от словацкой стороны, критически оценивались в российском МИДе. В секретной записке камергера М. Приклонского начальнику славянско-ватиканского отдела говорилось: «...едва ли было бы выгодно... при существующей политической обстановке для России присоединение к ней хоть бы и славянских, но католических народностей, воспитанных в условиях германской культуры и исторически с русским государственным бытом не связанных, это бы лишь осложнило и без того сложные задачи ее государственного управления»¹¹.

В. Штепанек, д-р философии Чешского университета, сообщал в российский МИД о расстановке политических сил в Чешских землях накануне войны, обращая особое внимание на их отношение к России. Наибольшее число депутатов в австрийском парламенте по результатам

выборов 1907 и 1911 гг. имела Аграрная партия, которую автор считал центристской и русофильской. Второе место по численности парламентских депутатов занимали социал-демократы, которых Штепанек также относил к центристам, но считал русофобами. Далее следовали радикалы — национальные социалисты во главе с Вацлавом Клофачем, занимавшие пророссийские позиции. Во время одного из визитов в Москву В. Клофач заявил на собрании общества славянской культуры, что чехи не ждут от России ни денег, ни поддержки, но хотят, чтобы она была сильной материально, культурно и научно, чтобы к славянской идее приобщилась не только интеллигенция, но и народ. Первая часть этого заявления (о материальной незаинтересованности чехов) являлась определенным лукавством, так как сам Клофач не раз предлагал российским властям сотрудничество в обмен на материальную поддержку¹². Что касается второй части высказывания, то лидер национальных социалистов объяснял, что, по его мнению, только экономически развитый народ мог представлять политическую силу и притягательность¹³. Четвертой по численности мандатов была партия младочехов во главе с Карелом Крамаржем, занимавшая, по мнению Штепанека, оппортунистические позиции, но ориентировавшаяся на Россию. К пророссийским автор записок относил также радикальные партии Моравии и Силезии — прогрессивных аграриев Франтишека Станека, партию чешского государственного права и народовцев д-ра Адольфа Странского. Русофобами Штепанек считал реалистов, социал-демократов и клерикалов. В своем выводе Штепанек писал, что до войны радикальных чешских политиков было меньшинство, но «славянство и русофильство» преобладало, так как из 108 чешских депутатов парламента 74 он относил к русофилам¹⁴.

В 1912 г. В. П. Сватковский, официальный представитель Санкт-Петербургского телеграфного агентства, сообщал в российский МИД, что чешские политики вслух мечтают о распаде Австро-Венгрии и образовании славянской федерации под главенством России¹⁵. Накануне войны в июне 1914 г. К. Крамарж передал в Россию свой план Славянской империи, которую предполагал создать на принципах конфедерации и добровольности с полной внутренней автономией и объединением лишь внешней политики, обороны и финансов, т. е. конфедерации¹⁶.

Война обострила неприязнь чехов к Австрии и симпатии к России. В. П. Сватковский сообщал, что лидер умеренной старочешской партии Матуш настроен к Австрии непримиримо и «пользуется полным доверием всех радикальных элементов». В депешах в Петроград он также объяснял, что, несмотря на австрофильство официального вождя партии чешских социал-демократов Шмералея, партия на самом деле против Австрии и за Антанту, а ее настоящим руководителем является Соукуп. По его словам, Национальная партия, социал-демократы Соукупа, агра-

рии и соколы участвуют в национально-освободительном движении и организуют в стране «сеть людей доверия»¹⁷. Наместнику в Праге графу Туну приписываются слова о том, что все чехи русофилы, разница лишь в том, что одни русофилы явные, а другие тайные¹⁸.

Масарик до войны отнюдь русофилом не считался, а негативное отношение к нему в официальных российских кругах усилилось после выхода в свет в 1913 г. его труда «Россия и Европа». В ней Россия как бы противопоставлялась Европе, причем подчеркивалась ее отсталость, в связи с чем книга в России была запрещена. Но даже он в начале войны, когда русские одерживали победы, проникся русофильством и не возражал против планов создания чешского королевства во главе с представителем династии Романовых. Позднее, в связи с изменением ситуации на фронтах его позиция изменилась. В письме Й. Дюриху 10 февраля 1916 г. В. Церкал, представитель парижской колонии чехов, писал, что Масарик не согласился с их «откровенным русофильством или „царевильством“», а Э. Бенеш работал «прямо против русофильского направления»¹⁹.

В годы войны с чешской стороны «всеславянскую» прорусскую позицию занимали Сватоплук Коничек-Горский, Витезслав Штепанек и московский чех Грабе. В мае 1916 г. эта группа от лица чешских «всеславян» призвала к всеславянскому объединению под руководством России²⁰. Клофач и Крамарж пострадали за свою пророссийскую ориентацию, оказавшись в годы войны в заключении.

Анализ внешнеполитической ориентации различных партий и направлений и их отношения к России позволяет делать выводы о настроениях, существовавших в чешском и словацком обществе до начала и в годы Первой мировой войны. Эти проблемы непосредственно связаны с планами послевоенного решения чешского и словацкого вопросов и той ролью, которая при этом отводилась России. Суммируя вышесказанное, надо отметить, что в начале XX в. в чешском и словацком обществе были как русофилы, так и русофобы, как сторонники, так и противники политической ориентации на Россию. Осознавая необходимость внешнеполитической опоры, небольшие славянские народы колебались в выборе союзника: Запад или Восток. Привлекательность союза с Россией менялась в зависимости от экономической, военной и политической мощи восточной соседки в различные исторические периоды.

Модель взаимоотношений с Россией с упором на экономическое сотрудничество, осуществляемая в настоящий момент большинством славянских государств, не нова. Идея развивать межславянское сотрудничество преимущественно в экономической и культурной областях выдвигалась еще неославистами.

Мысли о превращении русского языка в язык межславянского общения, можно сказать, были осуществлены на практике в период после

Второй мировой войны, когда русский язык стал языком международного общения в рамках «социалистического содружества», обязательным предметом в средней школе. Однако насаждаемое и идеологизированное «братство» вызывало отпор. Крах социализма в СССР и странах Центральной и Юго-Восточной Европы привел в 1990-е гг. к отказу от изучения русского языка в школах и сокращению его изучения в вузах стран региона. В настоящее время языком международного общения (особенно среди молодежи) все больше становится английский язык, в SMSках и e-mailах повсеместно используется латиница. И хотя принадлежность к славянству сейчас не в моде, однако в связи с растущей глобализацией вновь ставится вопрос о сохранении национальной идентичности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Наша газета. 7.4.1909.
- 2 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 541. Д. Н. Вергун. Оп. 1. Д. 18. Л. 44.
- 3 Там же. Л. 49.
- 4 Там же. Д. 22. Л. 15.
- 5 Новое время. 10 (23).12.1909.
- 6 ГАРФ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 18. Л. 33.
- 7 Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 340. Коллекция документальных материалов чиновников Министерства иностранных дел. Оп. 793. 1908–1914 гг. Личный архив В. П. Сватковского. Д. 4. Л. 36.
- 8 Там же. Д. 3. Л. 2–12 об.
- 9 Общее дело. 13.3.1921.
- 10 Речь. 24.12.1908.
- 11 АВПРИ. Ф. 135. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 204. Л. 300.
- 12 Российский государственный исторический архив (РГИА). СПб. Ф. 909. Д. Н. Вергун. Оп. 1. Д. 156. Л. 29–30, 37–38, 40–41, 48–49.
- 13 Národní archiv (NA). F. Národní Rada Česká. Kart. 345. Sl. 4.
- 14 АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 204. Л. 151–152.
- 15 Там же. Ф. 133. Канцелярия 1913 г. Д. 2. Л. 2 об.–3.
- 16 Подробнее см.: *Серапионова Е. П.* Карел Крамарж и Россия (1890–1937). М., 2006. С. 190–195.
- 17 АВПРИ. Ф. 340. Оп. 837. 1916–1917. Личный архив В. П. Сватковского. Д. 21. Л. 3.
- 18 Там же Ф. 135. Оп. 474. Д. 209. Л. 16.
- 19 Там же. Ф. 135. Оп. 474. Д. 204. Л. 116.
- 20 Цит. по: *Pekník M.* Náznaky na riešenie slovenskej otázky za prvej svetovej vojny a počatky smerovania slovenskej politiky k vzniku Česko-Slovenska // *Pekník M.* a kolektív. Pohľady na slovenskú politiku. Bratislava, 2000. S. 93–94.

А. С. Стыкалин
(Москва)

К истории взаимоотношений лидеров первой Чехословацкой республики с венгерскими леволиберальными деятелями (1918 — начало 1920-х гг.)

Конфликт между образованной в конце октября 1918 г. Чехословацкой республикой и венгерским демократическим правительством М. Каройи из-за Словакии, завершившийся триумфом чешской стороны (т. е. закреплением словацких земель в составе молодого государства, провозгласившего своей идейной основой масариковскую концепцию единой чехословацкой нации), многократно становился предметом историографии, что объяснимо его огромным значением для последующих исторических судеб как Словакии, так и Венгрии. В самом деле, неспособность республиканского правительства М. Каройи, заручившись поддержкой держав-победительниц, сохранить под своим контролем обширные территории, заселенные национальными меньшинствами венгерской половины Габсбургской монархии, привела к его падению и установлению коммунистической диктатуры, на смену которой в течение считанных месяцев пришел правоавторитарный режим. Несколько хуже изучены попытки венгерских политиков леволиберальной ориентации (прежде всего самого графа М. Каройи и О. Яси) уже после эмиграции из Венгрии наладить контакты с чехословацкой политической элитой в интересах ослабления напряженности в регионе и выработки конструктивных концепций сотрудничества стран Дунайского бассейна. Небезынтересно, между тем, проследить эволюцию взглядов венгерских либералов на ключевые проблемы межнациональных отношений в Центральной Европе, равно как и выявить мотивы, заставившие либеральных пражских политиков довольно быстро предпочесть планам сближения с более дружественной венгерской демократической эмиграцией нормализацию отношений с явно враждебным режимом Хорти.

18 октября 1918 г. президент США В. Вильсон сделал заявление, в котором фактически впервые признал полное право народов Австро-Венгерской монархии на самоопределение. Все более открытая поддержка державами-победительницами, в том числе США, центробежных тенденций в монархии Габсбургов ускорила ее развал. Самостоятельное Чехословацкое государство было провозглашено 28 октября. Инициатором этой акции явился функционировавший в Праге межпартийный Национальный комитет, претендовавший на представительство интересов не

только чехов (чешские земли входили в состав австрийской половины двуединой монархии), но и словаков, компактно проживавших в северных комитатах Венгерского королевства. 30 октября, в дни революции в Будапеште, в г. Мартине Словацкий национальный совет, созданный в конце сентября, подтвердил свою приверженность принципам создания единого чехословацкого государства. 13 ноября Чехословакия провозглашается республикой, а на следующий день Национальное собрание в Праге избирает ее президентом находившегося в США Т. Г. Масарика, было сформировано также правительство во главе с К. Крамаржем.

Тогда же, в ноябре, республикой провозглашается и Венгрия, ее правительство возглавил лидер либеральной парламентской оппозиции последних лет существования монархии граф Михай Каройи, ключевой пост министра по делам национальностей занял Оскар Яси, известный публицист, социолог и политик, одна из главных фигур венгерского движения за реформы в 1900–1910-е гг. Попытки нового венгерского правительства сохранить Венгрию по возможности в «исторических границах» ее «коронных» земель, включавших в себя Трансильванию, Словакию, Воеводину, Закарпатскую Украину и т. д., с самого начала терпели неудачу. Подписанная Венгрией как побежденной страной 13 ноября в Белграде военная конвенция предусматривала вывод венгерских войск с обширных территорий, ранее управлявшихся из Будапешта.

Связи между венгерским и чехословацким правительствами были установлены в первые же недели. В Прагу в качестве посла правительства М. Каройи был направлен Г. Шупка, в Будапеште интересы Чехословацкой республики представляли сначала К. Стодола, затем М. Годжа. Венгерское правительство с самого начала признало право земель, заселенных словаками, на автономию в составе венгерского государства. Однако в течение ноября венгерские административные органы фактически утрачивают контроль над северными комитатами бывшего Королевства Венгрия. В свою очередь Словацкий национальный совет, не обладая необходимыми силами для формирования собственной полноценной администрации, обратился за помощью к Праге, направившей в Словакию две дивизии легионеров. Венгерское правительство, не отказавшись от претензий на словацкие земли, инициировало наступление своих войск в северном направлении. Произошло вооруженное столкновение, чреватое перерастанием в венгеро-чехословацкую войну. Конфликт не могли разрешить ни обмен нотами между Каройи и Крамаржем, ни проходившие в конце ноября — начале декабря в Будапеште переговоры М. Годжи с венгерскими представителями. Неудача на переговорах по вопросам территориального размежевания с Румынией, проходивших в ноябре в Араде¹, только придавала венгерской стороне решимости в отстаивании своих позиций в споре с молодым чехосло-

вацким государством. Между тем чехословацкая дипломатия нашла себе мощного союзника в лице Франции. С подачи министра иностранных дел Э. Бенеша представитель Антанты в Будапеште французский подполковник Викс вручил венгерскому правительству ноту командующего балканской армией Антанты от 23 декабря, определявшую венгеро-чехословацкую границу по достаточно произвольно установленной «исторической границе» Словакии, не совпадавшей с этнической границей. Согласно позиции венгерского правительства, неоднократно излагавшейся в декабре 1918 г., вопрос о границах может решить только мирная конференция, а до тех пор речь может идти только о временной демаркационной линии, установить которую можно в ходе двусторонних переговоров. Однако фактически первая «нота Викаса» уже в это время предвосхитила границы двух государств, прописанные позже в установлениях Трианонского мирного договора.

Незадолго до этого Т. Г. Масарик по возвращении на родину 20 декабря сделал ряд программных заявлений, имевших большой отклик далеко за пределами чешских земель, особенно в Венгрии, чья новая политическая элита, продолжая воспринимать страну в ее исторически сложившихся границах, была совсем равнодушна к постановке Прагой словацкого вопроса. Особенно большой резонанс вызвала речь в Национальном собрании 22 декабря, в которой Масарик изложил свои представления о послевоенном устройстве Центральной Европы и месте Чехословакии в нем. Значительную часть своего выступления он посвятил отношениям Чехословакии с соседними государствами и политике в отношении национальных меньшинств. В первом же развернутом программном заявлении президента Чехословакии было заявлено жесткое отношение к 3-миллионному немецкому меньшинству — немцам сразу же было указано, что в чешских землях они воспринимаются не как коренное население, а как потомки иммигрантов и переселенцев. Масарик выразил и свое отношение к венгерской государственности предшествующей эпохи. Венгерское государство, образованное в 1867 г. в результате соглашения с Веной, он назвал (как и габсбургскую дуалистическую монархию в целом) искусственной конструкцией, которая сразу же развалилась вследствие поражения Германии и ее союзников в войне. Президент Чехословакии напомнил и о политике угнетения национальных меньшинств, проводимой в Венгрии в эпоху дуализма. Предвосхищая решения мирной конференции, Масарик выступил как бы от имени лидеров всех союзных держав-победительниц. Страны-союзницы, говорил он, сегодня совершенно ясно видят, что у венгров есть право только на создание своего национального государства в границах проживания мадьярского этноса. В своем парламентском заявлении президент отвергал звучавшие с венгерской стороны обвинения чехов в экс-

пансионизме: правительство чехословацкой республики не претендует на чужие земли, однако претензии на Словакию обоснованны в силу того, что речь идет о землях, на которых проживает одна из ветвей единой (согласно убеждениям Масарика) чехословацкой нации. Как и венгерские политики, Масарик исходил из принципа исторически сложившихся границ. В случае с Богемией и Моравией проблем не было, ибо сложившиеся еще в Средневековье границы этих государственных образований номинально продолжали существовать и в условиях габсбургского господства. Сложнее дело обстояло с чешской Силезией (в силу претензий польских политиков на Тешинскую Силезию) и особенно со словацкими землями. С севера естественной границей Словакии должны были стать северные границы прежнего Венгерского королевства, в самых верхних комитатах которого словаки составляли абсолютное большинство. Спорным, по мнению Масарика, мог быть только вопрос о южных границах Словакии, а значит, и о венгеро-чехословацких границах. Предвидя постановку с венгерской стороны вопроса о критериях размежевания двух государств и осознавая здесь некоторую уязвимость своей позиции, президент назвал границы, обозначенные французской нотой, исторически обоснованными. Никаких исторических аргументов он, однако, не привел. Этническую аргументацию он также не приводил, поскольку применительно к Южной Словакии она не работала бы в его пользу — в районах, примыкающих к новым границам с чехословацкой стороны, проживало более полумиллиона венгров.

Общая фраза об исторической обоснованности новых границ прозвучала и в интервью Масарика венгерской газете «*Déli Hírlap*», которое было дано тогда же, в конце декабря². Осудив прежнюю венгерскую дискриминационную политику в отношении словаков (в административной, школьной, судебной практике), а также венгерскую государственную идею эпохи дуализма за непризнание права Словакии на автономию, президент не мог уйти от вопроса о правомерности присоединения к Чехословакии ряда земель, где доминировали венгры. В качестве контраргумента Масарик заметил, что и в Венгрии осталось словацкое меньшинство (он при этом не вдавался в подробности относительно его численности, несопоставимой с численностью венгров в Чехословакии), говорил и об экономической целесообразности присоединения названных земель к чехословацкому государству. Обязавшись гарантировать соблюдение прав венгерского национального меньшинства в Словакии, президент в то же время отклонил идею проведения в этих землях плебисцита относительно их принадлежности той или иной стране. Очевидно, он опасался, что вопрос может быть решен не в его пользу, и более надежным инструментом закрепления этих земель в составе Чехословакии считал не референдум, а гарантии западных держав.

В одном из своих программных выступлений, сделанном накануне Нового года, Масарик обосновывал также правомерность присоединения к чехословацкому государству земель, заселенных преимущественно русинами (либо, в зависимости от самосознания тех или иных представителей этого этноса, закарпатскими украинцами) — выходцами из Подкарпатской Руси (Закарпатской Украины)³. Яси был сильно задет недоверием к венгерскому демократическому правительству, поскольку 23 декабря оно провозгласило автономию этой области и там было начато строительство новых властных институтов.

Программные заявления Масарика тем сильнее задевали венгерского политика, что чешский лидер воспринимался им как старый единомышленник и соратник в борьбе с отжившей себя дуалистической системой. Каройи и Яси (оба родившиеся в 1875 г.), хотя и относились совсем к другому поколению, чем Масарик (1850 г. р.), в годы, предшествующие Первой мировой войне, играли в политической жизни Венгрии роль, сходную с той, что играл Масарик в политической жизни чешских земель. Они были наиболее видными фигурами того лагеря, который выступал за далеко идущие системные реформы (хотя, конечно, надо иметь в виду, что ситуации в Венгрии и Чехии кардинально различались. Если в Чехии на повестке дня стояло достижение национального суверенитета, то в Венгрии — задачи коренной трансформации существующей политической системы и в том числе решения остро стоявшего национального вопроса). Роль Яси в движении за реформы была настолько велика, что относящийся к его же поколению великий поэт Эндре Ади назвал его ни много ни мало «венгерским мессией», открывшим ранее неизвестные пути к национальному возрождению⁴. С самого начала своей карьеры публициста и политика⁵ Яси (уроженец Трансильвании, выросший в полиэтничной среде) проявлял особую чувствительность к национальному вопросу, который справедливо считал главной проблемой дальнейшего существования исторически сложившейся венгерской государственности. Один из пороков существующего правления он видел в том, что либеральный национальный закон 1868 г., связанный с именем барона Й. Этвеша и предусматривавший развитие национальных школ, использование других языков в суде и комитатских органах, назначение представителей меньшинств на ответственные должности, не был проведен в жизнь. Подчеркивая взаимосвязь национального и социального вопроса, Яси указывал на практикуемое использование правящей венгерской элитой первого из них в корыстных целях: если бы не было национальных меньшинств, их бы придумали — ведь для того, чтобы канализировать недовольство венгров жизненным положением, нужно найти общего для всех независимо от социальных различий врага. Выступая за ликвидацию всяческого ущемления, за широкое

представительство выходцев из национальных меньшинств в органах власти, особенно на комитатском уровне, Яси писал, что содействие немалаярским культурам только обогатит хозяйственные и духовные силы многонациональной страны и даже призывал венгерскую интеллигенцию осваивать языки живущих в стране народов⁶. Вместе с тем позиция Яси обозначила непреодолимую пропасть между тем максимумом уступок, на которые готовы были пойти до 1918 г. самые радикально настроенные венгерские политики, и тем минимумом, который считали приемлемым для себя лидеры румынских, словацких, хорватских, сербских движений венгерской половины дуалистической монархии. Мнение Яси о том, что национальный вопрос сам собой постепенно разрешится вследствие предоставления гарантий личных свобод и общей демократизации, вестернизации страны, было неубедительным для представителей национальностей, требовавших гарантий соблюдения не только индивидуальных прав личности, но и коллективных национальных прав. Критикуя политику мадьяризации, сопровождавшей процесс превращения унаследованного от феодализма государства в более современное венгерское национальное государство (унитарное и гомогенное), Яси и сам в целом придерживался принципов унитаризма и не был чужд иллюзиям относительно возможности снять существующие межэтнические противоречия идеей венгерской политической нации, которая как аксиома возвышалась над всеми межпартийными спорами⁷. Критерием нации, отличающим ее от национальности, Яси считал способность к государствообразованию. В проживающих в Венгрии национальных меньшинствах он видел национальности, которые могут иметь, а могут и не иметь предпосылок для создания собственной государственности, их устремления могут быть направлены на развитие своего языка, культуры и хозяйства в рамках инонационального (или многонационального) государства. Его представления о культурной автономии, близкие австромарксистским, не исключали, а напротив, предполагали в отдаленной перспективе ассимиляцию меньшинств. Таким образом, Яси до некоторой степени разделял ассимиляторские установки правящих кругов, хотя и выступал за медленную, постепенную, безболезненную ассимиляцию, в которой видел естественный исторический процесс. Вместо близорукой политики мадьяризации, ведущей к консервации отсталости, необходимо, считал он, предоставить дело ассимиляции великим историческим силам экономического прогресса. Индустриализация, развитая городская культура, всеобщее избирательное право и более высокие жизненные стандарты решат задачи ассимиляции куда эффективнее силовой политики. Приоритетной задачей для венгерских политиков он считал не всеобщую языковую мадьяризацию, но усиление у разноязыких жителей страны венгерского государственного самосознания. С другой

стороны, подлинная демократия, по его мнению, поведет к усилению доминанции венгерской культуры, поскольку для представителей национальностей откроются широкие возможности преуспевания на экономическом, административном и любых других поприщах и они с большей охотой будут учить венгерский язык. Залогом сохранения «исторической Венгрии» является ее демократическая трансформация, ведь только общими усилиями всех проживающих народов можно превратить Венгрию в современную, отвечающую европейским стандартам страну, предотвратить распад всей Австро-Венгерской монархии и сохранить экономическую целостность ее венгерской половины. Требуя строгого соблюдения автономии хорватских земель, предусмотренной законом 1868 г., партия, руководимая Яси⁸, в то же время в своих программных документах утверждала, что федеративное устройство страны определено помешало бы делу демократии и развитию культуры⁹. Считая, что идею социального прогресса можно примирить с развитым венгерским патриотизмом, Яси, таким образом, хотел видеть реформированную Венгрию по возможности в тех же исторических границах и отдавал предпочтение принципам унитарного правления. Сохранение целостности венгерского государства он считал тем более важным для обеспечения стабильности в Дунайском бассейне, что этнические границы в этом регионе достаточно размыты и условны. Предвидя ситуацию, действительно сложившуюся в условиях Версальской системы, Яси еще до начала Первой мировой войны неоднократно писал, что проблема национальных меньшинств сохранится и в государствах, образованных вследствие развала Австро-Венгрии¹⁰.

Яси надеялся, что последовательное соблюдение положений закона 1868 г. и предоставление национальным меньшинствам культурной автономии сделает их лояльными монархии. Это было, однако, иллюзией, тем более в условиях, когда вдоль границ Венгрии существовали самостоятельные румынское и сербское национальные государства, а в чешских землях монархии — мощное национальное движение, притягательное для словаков. Ни один из этносов Венгрии, исключая разве что закарпатских русин, в начале XX в. уже не мог удовлетвориться программой 1868 г. Чем далее, тем более лидеры национальных движений связывали пути разрешения своих проблем с созданием и укреплением собственных национальных государств.

С началом Первой мировой войны с ее сомнительными при любом исходе перспективами для Австро-Венгрии (успех Германии усилил бы ее доминанцию в регионе за счет ослабления союзной ей Дунайской монархии) Яси, резко не принявший войну, признал, что выполнение его национальной программы отнюдь не гарантирует сохранения целостности венгерского государства. В период войны под влиянием идей позднего

Л. Кошута о центральноевропейской конфедерации народов он активно выступает с проектами преобразования Австро-Венгерской монархии в Дунайскую федерацию (конфедерацию), Дунайские Соединенные Штаты¹¹. В условиях угрозы со стороны соседних мощных держав — Германии и России — венгерское государство, по его мнению, могло бы сохраниться как жизнеспособное образование только в тесном союзе с соседними государствами (польским, чешским, австронемецким, югославянским). Только объединившись во внешнеполитическом и военном плане и создав единое таможенное пространство, они могли бы стать серьезной державой, способной противостоять любой экспансии как с Запада, так и с Востока.

В своих работах, излагавших концепцию Дунайской конфедерации, Яси отмечал, что почти каждое из государств, входящих в этот союз, было бы заинтересовано в связях с родственными национальностями в другом государстве. Вместе с тем он фактически даже не затрагивал в данном контексте вопрос о трансильванских румынах. Только в статье, опубликованной 10 октября 1918 г., в самый канун революции, Яси не только прямо указал на бесперспективность и иллюзорность политики мадьяризации, но и потребовал далеко идущей автономизации страны. Став объединением равноправных, свободных и демократических наций, Венгрия, по его мнению, превратилась бы в «восточную Швейцарию», которая составила бы ядро «Восточных Соединенных Штатов»¹². Однако уже через несколько дней это положение Яси было, по сути дела, дезавуировано съездом возглавляемой им радикальной партии, в резолюции которого был сделан акцент на целостности будущей демократической Венгрии¹³. В программных документах партии дело, как правило, ограничивалось модификацией закона о национальностях 1868 г. и обещаниями удовлетворить правомерные притязания невенгерских народов в сфере языка и культуры. Между тем к осени 1918 г. программа автономизации, федерализации внутренней структуры Венгрии уже казалась лидерам национальных движений явно недостаточной, на повестку дня весомо и зримо вышли лозунги национального самоопределения вне рамок венгерского государства.

В ноябре 1918 г., в совершенно новых условиях, создавшихся в результате падения Австро-Венгерской монархии, Яси на венгеро-румынских переговорах о территориальном разграничении в Араде уже проявлял готовность к автономизации Венгрии. Вместе с тем он по-прежнему стоял на позиции сохранения исторической Венгрии и отстаивал территориальную целостность венгерского государства в границах, максимально приближенных к границам королевства «святого Стефана». Миссия Яси, как уже отмечалось, закончилась полным провалом, натолкнувшись на жесткую позицию румынской делегации во главе с

Ю. Маниу¹⁴. Не только в практической политике и на дипломатическом поприще, но и как теоретик Яси потерпел осенью 1918 г. серьезную неудачу: его надежды на поддержку идей Дунайской конфедерации со стороны Великобритании и США, примирение их с провозглашенными принципами вильсонизма оказались иллюзорными, а любые планы по удержанию национальных меньшинств в лоне исторической Венгрии — мертворожденными.

После неудачи «на румынском направлении» программные выступления Масарика оказались еще одним ударом по формирующейся венгерской демократии, тем более сильным, что нанесен он был европейски известным политиком и мыслителем демократического склада. Яси подверг резкой критике в прессе заявления чехословацкого президента. Задетый утверждением о том, что многонациональное венгерское государство было искусственной конструкцией, закономерно распавшейся, он писал, что совсем не в интересах победы демократии в Дунайском бассейне было бы ущемлять 10-миллионный венгерский народ несправедливым решением, нанося ему плохо заживающие душевные раны. Было бы более правильным воздать должное искренним демократическим стремлениям нации, которая в результате революции сбросила виновников вовлечения Венгрии в войну и со всей решимостью приступила к демократическим реформам. Яси считал, что победоносная Антанта, полностью игнорируя венгерскую позицию относительно границ с Чехословакией, совершает серьезную ошибку, которая будет иметь негативные последствия для безопасности в регионе. В более широком плане, соглашаясь с необходимостью принятия мер в целях нейтрализации на будущее германской угрозы, Яси видел ключевую проблему послевоенной системы безопасности все же не в формировании защитных механизмов против пангерманизма, а в том, чтобы для всех наций региона были созданы условия для демократического развития — без ущемления национальных чувств. Воспрепятствовать германскому реваншизму может только союз жизнеспособных демократических государств, умеющих обеспечить полноценное развитие своих народов и находящихся при этом в тесной экономической взаимосвязи¹⁵.

В другой своей статье, явившейся откликом на интервью Масарика «*Déli Hírlap*», Яси спорил с позицией чехословацкого президента, предлагавшего отказаться от плебисцитов при подготовке мирного договора с Венгрией. Задетый явным недоверием к венгерскому демократическому правительству, Яси решительно отверг обвинение в том, что оно будет в случае проведения плебисцита путем насилия добиваться выгодного для себя результата¹⁶. Действительно, речь шла о территориях, находившихся под контролем чехословацких войск, и подобного рода обвинения были бессмысленны. Венгерское правительство не имело

механизмов, способных повлиять на исход плебисцита, именно в этом безнадежном положении один из его министров, Яси, и предлагал прибегнуть к плебисциту как традиционному демократическому способу выявления народного волеизъявления. Что же касается Масарика, его позиция здесь не была последовательна. Лидер Чехословакии неоднократно высказывался в пользу проведения плебисцита как метода разрешения спорных территориальных вопросов, если не видел в том или ином конкретном случае прямой угрозы чехословацким интересам.

В свою очередь Яси был весьма последователен в скептическом отношении к проекту чехословакизма. Еще в условиях Первой мировой войны, излагая концепцию Дунайской конфедерации, он высказывал раздражение по поводу чрезмерного, по его мнению, радикализма чешского национального движения: чехи уже не удовлетворяются исторической территорией «земель короны св. Вацлава», они вошли в азарт и требуют для себя также земли «короны св. Стефана (Иштвана)», заселенные словаками. В отклике на интервью Масарика Яси уже не ссылался на принцип исторического права (который считал необходимым использовать в Араде в переговорах с румынами), говорил лишь о требовании справедливости в отношении Венгрии и соображениях экономической целесообразности. В то же время он высказал сомнение в том, что культурная, образованная часть словацкого общества пожертвует своим языком и правом на самоопределение ради объединения с чехами на искусственной платформе чехословакизма¹⁷. Ход истории чешско-словацких взаимоотношений в XX в. в полной мере доказал обоснованность его скептицизма.

Споря с Масариком, Яси подчеркивал единство целей либеральных элит соседних стран. Он считал разрешение венгерско-чехословацкого конфликта реальным и насущным делом и довольно наивно надеялся на то, что его оппонент, принеся в жертву часть обретенного чехословацкого суверенитета, осознает преимущества преобразования габсбургского пространства в демократическую конфедерацию, в рамках которой можно легче разрешить межэтнические противоречия. Чешская элита, ставя своей задачей интеграцию словацких земель в единое чехословацкое государство, вообще в тот момент не была особенно заинтересована в демократической Венгрии, привлекательной для словаков, как не могла быть, конечно, заинтересована и в агрессивном режиме в соседней стране, угрожающем региональной безопасности. Венгрия в любом случае оставалась для Чехословакии наиболее проблематичным соседом. О реакции Масарика на критику Яси неизвестно — возможно, он вообще не был о ней информирован.

Трагедия венгерского демократического правительства заключалась в том, что оно, оказавшись в состоянии внешнеполитической изоляции,

не смогло даже в минимальной степени отстоять свои позиции в территориальных спорах с соседями, и это лишило его внутренней поддержки. Уже в январе 1919 г. О. Яси, подвергавшийся нападкам с правого фланга за неспособность сохранить целостность венгерского государства, ушел в отставку. Граф М. Каройи, столкнувшись с новыми требованиями Антанты, 21 марта передал власть правительству коммунистов и левых социал-демократов. Продолжавшийся 133 дня коммунистический эксперимент, предпринятый в расчете на мировую революцию, завершился в начале августа падением Венгерской Советской республики под натиском превосходящих сил противника (решающую роль в ее разгроме сыграла румынская армия). На смену советской власти в Венгрии в скором времени пришел правоавторитарный хортистский режим.

Как Каройи, так и Яси покинули Венгрию еще в период коммунистической диктатуры. Первый поначалу обосновался в Чехословакии, второй выехал в Австрию. В начале 1920-х гг. главными центрами как коммунистической, так и леволиберальной венгерской политической эмиграции были Вена, Прага, Берлин, а наиболее значительными фигурами на либеральном фланге — Каройи и Яси. Как Каройи, так и особенно Яси в своей борьбе против хортистского режима пытались заручиться поддержкой наиболее влиятельных политических кругов в странах Дунайского бассейна.

30 марта 1920 г. М. Каройи, О. Яси и П. Сенде имели первую длительную беседу в Праге с министром иностранных дел Чехословакии Э. Бенешем, во время своих заездов в Прагу лидеры венгерской демократической эмиграции бывали приняты и президентом Масариком. В ходе контактов с Бенешем Яси пытался прозондировать почву: готово ли либеральное чехословацкое правительство полуофициально признать венгерскую демократическую эмиграцию в качестве представителя интересов Венгрии на международной арене и поддерживать с ней постоянные связи. В Венгрии в первые месяцы 1920 г. бушевал белый террор, преследованиям подвергались не только коммунисты, но и люди либеральных убеждений, по мнению правых радикалов, подготовившие национальное унижение, выразившееся в Трианонском мирном договоре¹⁸. Бенеш охотно выразил согласие с мнением Яси о том, что режим Хорти представляет собой не только угрозу для соседей, но и препятствие для торжества демократии в Дунайском бассейне. Он согласился также с необходимостью поддержания искреннего и активного диалога между демократическими силами соседних наций. Хотя Бенеш и заверил Яси в поддержке¹⁹, едва завязавшийся диалог не возымел, однако, серьезного продолжения. С одной стороны, руководство молодой Чехословацкой республики не сбрасывало со счетов возможность использования Яси и венгерской демократической эмиграции как орудия против Хорти (пре-

жде всего в пропагандистском плане). С другой стороны, оно понимало, что пришедший к власти в Венгрии режим имеет глубокие корни в полуфеодальной социально-экономической структуре страны, и с этим нельзя не считаться; обладает он и достаточной общественной поддержкой в условиях тотального сдвига вправо, охватившего венгерское общество после провала коммунистического эксперимента и внешнеполитического поражения в Версале. Знали чехословацкие лидеры и о том, что Яси, напротив, не имеет необходимой опоры в венгерском обществе и не пользуется поддержкой крупных держав, чтобы в обозримом будущем оказаться во главе Венгрии.

Не внушала большого энтузиазма в Праге и persona самого Яси. Там хорошо знали о его скептической позиции в отношении перспектив чешско-словацкой общности. Кроме того, пропагандируемые им проекты установления таможенного союза дунайских государств предполагали ключевую роль демократической Венгрии в таком союзе, что не было в интересах чешской экономической элиты. Наконец, Яси не скрывал своего отрицательного отношения к результатам Трианонского мирного договора, вполне устраивавшего чехословацкую сторону. Во время встречи с венгерскими эмигрантскими лидерами 30 марта 1920 г. Бенеш явно уклонился от предпринятой его собеседниками попытки навязать обсуждение несправедливостей Трианонского договора. Масарик, принимая в другой день Яси, проявил несколько большее понимание венгерской позиции. Он сказал, что, если бы был лидером демократической Венгрии, добивался бы двух вещей: 1) создания международных гарантий для того, чтобы были обеспечены права венгерского меньшинства в соседних странах; 2) кроме того, в ходе мирных переговоров он стал бы добиваться пересмотра границы в целях присоединения к Венгрии тех пограничных территорий, где венгры составляли очевидное большинство²⁰. На словах как бы признавая правомерность постановки с венгерской стороны вопроса о границах, президент Чехословакии, конечно, не собирался идти здесь ни на малейшие уступки. Что же касается Бенеша, то он в ходе беседы с Каройи откровенно заметил: учитывая венгерские политические традиции и влияние поправившего общественного мнения, сомнительно, чтобы тот, оказавшись в Венгрии у власти, проводил принципиально иную внешнюю политику, нежели Хорти и его окружение²¹.

В конце концов в Пражском Граде предпочли обсуждать и решать вопросы двусторонних венгерско-чехословацких отношений в диалоге не с демократической эмиграцией, а с самими хортистами, чему способствовали начавшаяся консолидация режима Хорти, приход к власти в этой стране более умеренных и реалистически настроенных консерваторов во главе с графом И. Бетленом, отдававших предпочтение мирному способу

решения территориальных проблем, выжидая благоприятной для этого внешнеполитической конъюнктуры. Уже в марте 1921 г. Бенеш принял министра иностранных дел хортистской Венгрии Г. Граца, чтобы обсудить с ним вопросы двусторонних отношений. Интерес к венгерской демократической эмиграции как к орудию борьбы против Хорти к этому времени фактически пропал. В Праге осознали, что есть другие, куда более эффективные и реальные способы обуздать территориальные притязания Венгрии — образованная Малая Антанта (союз Чехословакии, Румынии и Королевства сербов, хорватов и словенцев) и поддержка Франции, гарантирующей неприкосновенность границ, установленных в рамках Версальской системы. Установки на диалог с хортистами находили поддержку Запада. В 1923 г. режим Хорти получает заем от Лиги наций. Вопреки мнению некоторых кругов венгерской демократической эмиграции, требовавших обусловить предоставление такого займа глубокой внутренней либерализацией современной Венгрии, от Хорти потребовали только более сдержанной, менее агрессивной политики в отношении ближайших соседей. Сам регент и его премьер-министр граф И. Бетлен были склонны принять это правило игры.

Неудачами завершились попытки Яси обрести весомых политических партнеров и в других соседних с Венгрией государствах — Королевстве СХС, а также в Румынии. В Белграде, где Яси приняли Н. Пашич и С. Прибичевич, очевидно помнили о том, что в своих статьях времен Первой мировой войны венгерский политик отрицательно относился к объединению югославянских земель вокруг Сербии. Он мотивировал это тем, что в этом случае вся Срединная Европа утратила бы выход к Средиземному морю, а западные культурные влияния были бы отданы на произвол восточным²². В Белграде Яси натолкнулся на стену отчуждения. Не помог и далеко идущий, сомнительный в этическом плане компромисс: Яси предлагал югославам в целях сохранения рычагов давления на Хорти не спешить с выводом войск из Печа, хотя вопрос о принадлежности этих земель был решен державами-победительницами в пользу Венгрии²³.

В Румынии Яси бывал неоднократно. В декабре 1920 г. его приняли Т. Ионеску и А. Авереску, в мае 1923 г. помимо них еще и И. Брэтиану, Ю. Маниу, О. Гога. Не ограничиваясь контактами с политической элитой, Яси общался и с представителями интеллигенции, излагал им свои идеи Дунайской федерации, экономического и культурного сближения Дунайских стран. Хотя внешне он был принят в Румынии более радушно, чем в югославянском государстве, его предложения и идеи нашли понимание и поддержку только узкого круга интеллектуалов. В письме, адресованном Каройи, от 14 декабря 1920 г. Яси писал, что румынские, как и чехословацкие лидеры предпочитают иметь дело не с ним, а с хортистами, у которых реальная власть; при всем внешне проявленном

радушии к человеку, уступившему в ноябре 1918 г. Румынии Трансильванию, интерес к его идеям невелик²⁴. В самом деле, идеи федерации с участием демократической Венгрии могли в 1921–1923 гг. проходить только по ведомству «журавлей в небе», тогда как для обуздания реально существующих ревизионистских притязаний хортистской Венгрии на земли соседних государств уже были найдены к тому времени достаточно эффективные средства, включая Малую Антанту.

Будучи в Румынии, Яси посетил родную Трансильванию и вынес впечатление о притеснении румынскими властями полуторамиллионного венгерского населения. В своей последующей публицистике и лекциях, отмечая недостатки Версальской системы, он писал не только о неразрешенной проблеме национальных меньшинств, но и о нарушении издавна сложившихся экономических связей (между Венгрией и Трансильванией, венгерскими и словацкими землями).

Произошедшее в Версале размежевание, разъезд по национальным «квартирам» Яси считал в лучшем случае только промежуточным этапом в деле среднеевропейского урегулирования. Он пытался обратить внимание международного общественного мнения на опасность балканизации стран Дунайского бассейна, писал о том, что вакуум, образовавшийся вследствие распада монархии, должно заполнить большое государственное образование, которым могла бы стать демократическая федерация дунайских народов. Ведь только в ее рамках можно разрешить национально-территориальные споры, а с другой стороны только сильное во внешнеполитическом плане государство будет способно отстаивать интересы народов Дунайского бассейна в условиях диктата соседних держав. В противном случае среднеевропейский регион может стать ареной кровавых междоусобиц, оказаться в пучине хаоса. Призывая к поискам новых форм сотрудничества и кооперации стран Дунайского бассейна, Яси находил, однако, мало понимания не только в соседних государствах, но и в западноевропейских державах. В его планах конфедерации другие видели не более, чем хитроумную уловку — не механизм разрешения застарелых национально-территориальных споров, а способ сохранения венгерской доминации в регионе. Играло свою роль общее предубеждение против Венгрии, очень сильное в 1920-е гг. в среде даже самых либерально настроенных западноевропейских интеллектуалов, особенно во Франции. Живучий образ венгров как угнетателей соседних (не только славянских, но и восточнороманского) этносов дополнился новыми негативными стереотипами вследствие прогерманской ориентации венгерской правящей элиты во время Первой мировой войны. Сказались и коммунистический эксперимент 1919 г., и ревизионистские устремления хортистского режима. Причем незавидный политический имидж Венгрии в межвоенной Европе в известной

мере способствовал предрасположению против венгерской культуры и даже языка, само существование которого в иноязычном средневропейском окружении иногда рассматривалось как нечто иррациональное, мешающее взаимопониманию народов. В самой крайней, провокативной и циничной форме такую точку зрения выразил всемирно известный французский лингвист Антуан Мейе, еще в 1906 г. избранный иностранным членом-корреспондентом Петербургской Академии наук. «В тот день, когда олигархическая структура Венгрии уступила бы натиску катящегося по всему миру простонародного движения, венгерский язык был бы сметен с лица земли вместе с обломками феодального сословия, которое насильственно навязало этот язык другим. Ведь венгерский язык был защищаем лишь политической силой этого сословия. Язык этот не несет в себе оригинальной цивилизации»²⁵, — писал он в конце 1920-х гг. на волне антивенгерской истерии во Франции, усилившейся после на шумевшей финансовой диверсии: в отместку за Трианон (воплощение именно французских планов безопасности Средней Европы) венгерские авантюристы при участии хортистских спецслужб пытались наводнить рынки Франции фальшивыми деньгами, что едва не привело к серьезному расстройству финансовой системы в этой стране. Таким образом, общественное мнение на Западе, особенно во Франции, не было надежным союзником венгерской демократической эмиграции.

Трагизм положения Яси заключался в том, что его мало кто слушал. Лидеры соседних стран проявляли некоторую заинтересованность к контактам с ним только в той мере, в какой считали возможным использовать его как орудие против режима Хорти. Идеи и проекты Яси не были востребованы. Чехословакия была довольна обретенным суверенитетом, а Румыния своими границами, нужды в федерации в целях создания системы безопасности в Дунайском бассейне они не видели, отдавая, как уже отмечалось, предпочтение гарантиям больших держав, формированию механизма сдержек и противовесов. Кроме того, акцентируя в своих выступлениях внимание на несправедливости Трианонского договора и настаивая на некоторой его ревизии, Яси воспринимался в соседних странах в сущности как сторонник той же ирредентистской политики, что и хортисты. На него до известной степени процирировалось традиционное недоверие соседей даже к самым умеренным венгерским политикам, которое значительно позже, в феврале 1940 г., в принципиально иных условиях четко выразил в беседе с советским посланником в Будапеште Н. Шароновым его югославский коллега: с венграми «трудно иметь дело: они одержимы мегаломанией и не могут понять, что все державы на Балканах не хотят видеть старую Венгрию»; «ревизионизм и мегаломания оставят их без всяких союзников»²⁶. Для недоверия были определенные основания. Как известно, первый и вто-

рой венские арбитражи 1938 и 1940 гг. показали ненасытность ревизионистских аппетитов хортистской правящей элиты. Они не удовлетворили ее притязаний на земли, отошедшие в 1920 г. к соседним государствам, лидеры страны в условиях начавшейся Второй мировой войны стремились к реализации программы максимум в деле восстановления дотрианонских границ Венгрии.

Убедившись, что лидеры соседних с Венгрией государств предпочитают диалогу с ним контакты с хортистами, а идеи Дунайской федерации не находят большого отклика, Яси²⁷ переселился в 1925 г. в США, где стал университетским профессором, ведущим экспертом по габсбургской и центральноевропейской тематике. Его работы «Распад Австро-Венгерской монархии» и «Революция и контрреволюция в Венгрии» получили широкую известность среди профессионалов. Живя в США, Яси пропагандировал в университетской среде идеи Дунайской федерации как первого шага к созданию Соединенных Штатов Европы, побуждал американскую внешнеполитическую элиту к более активной европейской политике. В своей классической работе 1929 г. о распаде Австро-Венгрии²⁸ он писал об угрозе националистических вызовов безопасности в Центральной Европе.

В 1930 г. к 80-летию Т. Г. Масарика в Чехословакии вышел юбилейный сборник на венгерском языке. Участвовать в нем был приглашен и Яси. Установленные в регионе границы, писал он, едва ли можно назвать оптимальными с точки зрения интересов новой интеграции Дунайского региона. Однако существующее состояние он считал переходным, надеялся на формирование новых рамок сотрудничества стран Средней Европы²⁹. Венгерские либералы в это время не могли не признать, что положение венгров в демократической Чехословакии было не таким уж плохим. Неоднозначность ситуации применительно к межвоенному периоду хорошо выразил в работе 1946 г. известный политолог И. Бибо. Чехи имеют все основания утверждать, писал он, «что судьбу немцев или венгров в чехословацком государстве никак нельзя [было] назвать невыносимой». Но хотя «положение их было вполне сносным, однако нелепым был сам факт их пребывания в составе страны чехов и словаков, обретших друг друга на основе славянского братства»³⁰.

В последний раз Яси посетил Центральную Европу в 1947 г. «My Fate Calls me» («Судьба зовет меня») — объяснял он в одном из писем мотивы своего средневропейского турне³¹. 72-летний американский профессор не просто вернулся в прошлое, он хотел на основе собственных впечатлений оценить, способна ли идея Дунайской федерации найти реальное воплощение в новых условиях, сложившихся по итогам Второй мировой войны. Дунайский регион был охвачен новой волной межнациональных распрей³², правительство Чехословакии приступило

к реализации программы выселения венгерского меньшинства, так и не реализованной в полном объеме³³. Парижская мирная конференция подтвердила с небольшими изменениями (не в пользу Венгрии) границы, установленные Трианонским договором. Не только консервативная, но и либеральная интеллигенция Венгрии продолжала видеть родину в ее исторических границах и верить в несправедливость трианонской «ампутации». Крупный писатель Шандор Марай, считавший себя либералом и западником, прочитав в феврале 1947 г. текст Парижского договора, сделал запись о новом торжестве «мещанской Бенешевой клики», вновь овладевшей прекрасным и благородным городом Кашша (Кошице), родным городом Марай. Ностальгируя по Венгрии в границах «короны святого Иштвана» и сетуя по поводу того, что «чисто-венгерское население Верхней Венгрии, никем не спрошенное, вопреки его воле, [вновь] пожаловали чешскому и словацкому мини-империализму»³⁴, Марай даже не задается вопросом о праве на самоопределение не только венгров, но также румынского и словацкого населения Трансильвании и Верхней Венгрии (слово «Словакия» вообще отсутствует в его лексическом багаже). Что же касается Яси, то результатом его поездки явилось новое, еще более глубокое разочарование в возможности диалога национальных элит.

В сравнении с Яси, оставшимся в сущности человеком другой эпохи, шаг вперед в осмыслении новых реалий сделал в это время другой выдающийся венгерский леволиберальный мыслитель, Иштван Бибо. В своей классической работе 1946 г. «О бедствиях и убожестве малых восточноевропейских государств»³⁵ он не столько критиковал нетерпимую политику послевоенной Чехословакии в отношении венгерского меньшинства, сколько пытался понять исторические корни этой нетерпимости. Первоочередным условием превращения Дунайско-Карпатского региона в зону мира и сотрудничества стали бы, по мнению Бибо, не строительство конфедерации и связанные с этим поиски новых комбинаций союзных стран с участием традиционных субъектов, например самостоятельной Трансильвании, а способность новых политических элит (причем не только венгерской) к дефетишизации отживших себя рамок исторических государств. Это сделало бы возможным отказ от взаимных претензий при перекройке межгосударственных границ на основе строгого соблюдения этнического принципа и принципа самоопределения.

Не теряет, однако, значения и идейное наследие, духовный опыт Оскара Яси. В общественно-политической атмосфере Европы 1920-х гг. венгерский мыслитель, конечно, напрасно питал иллюзии, что идея Дунайской федерации окажется более привлекательной для чехов или румын, нежели восторжествовавшая в Версале национальная идея. Но в долгосрочном плане он оказался прав, увидев угрозу безопасности всей

Европе в национализме и распыленности сил в Дунайском бассейне. Чешские политики и в том числе Эдуард Бенеш, не считавшие нужным реагировать в 1919–1920 гг. на предостережения Яси, в 1938 г. поплатились за свою самоуверенность печальной мюнхенской развязкой.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: *Чуканов М. Ю.* К истории венгеро-румынских переговоров о будущем Трансильвании в ноябре 1918 г. // Восточная Европа после «Версаля» / Отв. ред. И. И. Костюшко. СПб., 2007.
- ² См.: *Szarka L.* Jászi Oszkár bírálata T.G.Masaryk korai elnöki megnyilatkozásairól // Acta Universitatis Carolinae — Philologica 1. Slavica Pragensia XXXVII. Prague, 1995.
- ³ См.: Ibid.
- ⁴ См.: *Congdon L. W.* Beyond the «Hungarian Wasteland»: a study in the ideology of national regeneration. 1900–1919. Ann Arbor, Mich., 1973.
- ⁵ Оскар Яси (1875–1957) еще в первые годы XX в. выдвинулся в качестве публициста и политика, отстаивавшего идею экономического прогресса и далеко идущей демократизации Венгрии. Журнал «Huszádik Század», который он долгое время редактировал, открыл новую эру в венгерской интеллектуальной истории. Яси выступал за системные, революционные по характеру преобразования, но на легитимном, реформистском пути, предостерегал от потрясений и насилия. Залог прогресса видел в развитой индустрии и экономически независимом крестьянстве. Большое внимание уделял антифеодальной аграрной реформе (к началу XX в. четверть земельных владений Венгрии принадлежала 200 аристократическим фамилиям). Наиболее насущной политической задачей Яси считал коренную реформу избирательной системы (из 17 млн населения многонационального Королевства Венгрия избирательным правом пользовались 400 тыс. человек). Важное место в его программе занимали требования школьной реформы, секуляризации общественной жизни.
Один из основоположников венгерской социологии, исследователь современного общества, Яси выступал за дефетишизацию феодального права, полагал, что без более рационального, критического взгляда на венгерские политические, правовые традиции и институты нельзя разрешить стоящих перед страной социальных проблем. Любая государственная структура и любое правовое установление, по его мнению, следует оценивать только с точки зрения их эффективности, а не укорененности в многовековой традиции. См.: *Allen R. E.* Oscar Jaszi and radicalism in Hungary. 1900–1919. Ann Arbor, Mich., 1972. Некоторые статьи Яси на русском языке см.: Избранные произведения передовых венгерских мыслителей. Вторая половина XIX — начало XX в. М., 1984.
- ⁶ Анализ национальной программы О. Яси см.: *Чуканов М. Ю.* Первая мировая война и распад многонационального государства Венгрии. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.

- 7 См.: *Контлер Л.* История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М., 2002. Гл. VI.
- 8 Речь идет о Гражданской радикальной партии, основанной незадолго до войны, в июне 1914 г. Заметно активизировала свою деятельность в 1917–1918 гг.
- 9 См.: *Mérei Gy.* A magyar polgári pártok programjai (1867–1918). Budapest, 1971.
- 10 См.: *Hanák P.* Jászi Oszkár dunai patriotizmusa. Budapest, 1985.
- 11 На идейные построения О. Яси оказала известное влияние и концепция «Срединной Европы» Ф. Науманна, хотя венгерский публицист наполнял ее иным, более демократическим содержанием, нежели идеолог германского экспансионизма.
- 12 *Világ.* 1918. Okt. 10.
- 13 Подробнее см.: *Чуканов М. Ю.* Первая мировая война и распад многонационального государства Венгрии.
- 14 После неудачных арадских переговоров Яси писал 17 декабря 1918 г. в газете «*Világ*» о том удручающем положении, в котором оказалась молодая венгерская демократия в своем стремлении решить национальный вопрос: теперь уже невозможно удовлетворить национальности теми мерами, которые они с удовольствием приняли бы несколько лет, а может быть, и несколько месяцев назад. У нас уже ничего не осталось, кроме демократических принципов, которые мы последовательно соблюдаем, заметил он.
- 15 См.: *Szarka L.* Jászi Oszkár bírálata T. G. Masaryk korai elnöki megnyilatkozásairól.
- 16 *Ibid.*
- 17 *Ibid;* *Masarykról magyar szemmel // Dobossy L.* Gondban, reményben azonosan. Budapest, 1989.
- 18 По договору Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. Югославия) получило Хорватию и Воеводину, Чехословакия — Словакию и Закарпатскую Украину, Австрия — самые западные районы Венгрии, образовавшие после 1920 г. австрийскую провинцию Бургенланд. Наиболее значительны были территориальные приобретения Румынии. Перешедшие в ее владение Трансильвания и прилегающие к ней области Банат, Парциум (согласно румынской терминологии — Кришана) и Марамуреш занимали площадь более 100 тыс. кв. км, что превосходило по территории Венгрию в ее новых границах (93 тыс.).
- К соседним странам отошел и ряд территорий с преобладанием компактно проживавшего венгерского этноса (в частности, в Южной Словакии и в Восточной Трансильвании, вдали от новых венгеро-румынских границ). Каждый четвертый венгр оказался за пределами своего национального государства.
- 19 См.: *Wilson S. J.* Oszkár Jászi and the Hungarian democratic emigration // *Hungarian Studies*, Budapest, 1991/1992. Vol. 7. № 1–2.
- 20 *Ibid.*
- 21 *Ibid.*
- 22 О месте югославянских земель в планах Яси см.: *Чуканов М. Ю.* Первая мировая война и распад многонационального государства Венгрии.
- 23 См.: *Wilson S. J.* Oszkár Jászi and the Hungarian democratic emigration.
- 24 *Ibid.* P. 79.

- 25 Цит. по: Венгры и Европа. Сборник эссе / Сост. В. Серeda и Й. Горетить. Предисл. и ком. В. Середы. М., 2002. С. 33.
- 26 Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы / Отв. ред. Т. М. Исламов. М., 2000. С. 20–21.
- 27 Из литературы о Яси см.: *Wilson S. J. Oszkár Jászi and the Hungarian democratic emigration; Aczel R. Central Europe: Oszkár Jászi's American Dream // Hungarian Studies. Budapest, 1991/1992. Vol. 7, № 1–2; Hanák P. Jászi Oszkár dunai patriotizmusa; Litván Gy. Irányzatok és viták a bécsi magyar emigrációban // A két világháború közötti Magyarországról. Budapest, 1984.*
- 28 *Jászi O. The Dissolution of the Habsburg Monarchy. Chicago, 1929.*
- 29 *Jászi O. Masaryk elnök tanítása // Masaryk G. T. Életműve, működése és hatása. Bratislava, 1930.*
- 30 *Бибо И. О бедствиях и убожестве малых восточноевропейских государств // Венгры и Европа... С. 234.*
- 31 См.: *Beszélő. Budapest, 1997.*
- 32 См.: Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948 / Отв. ред. В. В. Марьина. М., 2004.
- 33 См.: Там же. Гл. VI.
- 34 Венгры и Европа... С. 299.
- 35 См. полное русское издание: *Бибо И. «О смысле европейского развития» и другие работы. М., 2004.*

А. В. Попов
(Москва)

История русского православия в Болгарии в документах российских и болгарских архивов

Одной из стран, гостеприимно приютивших русских изгнанников после трагических событий революции 1917 г. и Гражданской войны в России, стала Болгария. Первоначально в Болгарии оказалось до пятидесяти тысяч русских, которые прибыли в основном через два черноморских порта — Варну и Бургас.

Болгарский народ проявил к русским беженцам самое сердечное отношение. На государственные средства в Болгарии было открыто пять русских гимназий. В Софийский университет было принято две тысячи русских студентов. Для преподавания на богословском факультете Софийского университета были приглашены выдающиеся русские ученые-богословы: профессора Н. Н. Глубоковский, Поснов и Зызыкин, протопресвитер Георгий Шавельский. Епископ Царицынский Дамиан (Говоров) писал: «Православная Болгария гостеприимно открыла нам русским беженцам двери в свои пределы, русским пастырям предоставлена служба церковная, светским предоставлено место в учреждениях державных, для русского юношества предоставлены гимназии, все нашли здесь необходимое пристанище»¹.

Второй по численности после Софии была русская колония в Варне, где проживало более семи тысяч русских эмигрантов. Болгарский епископ Симеон предоставил для русской общины храм Св. Афанасия Великого, который и стал духовным центром русской общины в Варне². В Варне получил свое духовное воспитание Александр Таушев, в будущем один из выдающихся иерархов Русской Зарубежной Церкви — архиепископ Сиракузский и Троицкий Аверкий. Александр Таушев окончил русскую гимназию в Варне, а затем — богословский факультет Софийского университета³.

Настоятелем русской посольской церкви в Софии был назначен архимандрит Тихон. В апреле 1921 г. его сменил епископ Серафим Богучарский (Соболев), назначенный Патриархом Тихоном, а затем и архиерейским Синодом Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ) управляющим русскими православными приходами в Болгарии. Он оставил заметный след в истории русского православия в Болгарии и в 2002 г. был прославлен Болгарской Православной старостильной Церковью⁴.

Русский храм Св. Николая Чудотворца в Софии был заложен еще в сентябре 1907 г. Храм был посвящен Св. Николаю Мирликийскому, небес-

ному покровителю последнего русского императора Николая II. Торжественное освящение храма состоялось 10–11 ноября 1914 г.⁵ В дальнейшем посольский храм длительное время вплоть до 1934 г. был духовным центром не только русской колонии Софии, но и всех русских в Болгарии. После установления дипломатических отношений между Болгарией и СССР в 1934 г. по договору между правительствами Болгарии и СССР храм Св. Николая Чудотворца, а также храм-памятник на Шипке и русский монастырь в Ямболе были переданы Болгарской Православной Церкви. Причем болгарское правительство взяло на себя обязательства, в соответствии с которыми управление храмом в Софии, храмом-памятником на Шипке и монастырем в Ямболе будет осуществлять исключительно Болгарская Православная Церковь, без участия организаций и лиц, принадлежащих к русской эмиграции. Следует отметить, что посольский храм передавался болгарской стороне лишь во временное владение на правах аренды. Согласно договоренностям между болгарской и советской стороной: «Советское правительство оставляет церковь во временном пользовании болгарского правительства, но в любое время может расторгнуть договор».

Решение болгарского правительства вызвало волнения среди русских эмигрантов в Болгарии. В качестве компенсации за утерянное имущество софийский митрополит Стефан предоставил для обслуживания религиозных нужд русских в Софии болгарскую церковь на улице Царя Калояна. Русские монахи из монастырей на Шипке и в Ямболе получили возможность переехать в Кокалянский монастырь в Софийском крае⁶.

Еще одним центром русского православия в Болгарии был монастырь Св. Кирика. Епископ Дамиан Царицынский, прибывший в Болгарию из Турции в 1921 г., получил от Болгарского Синода в управление заброшенный монастырь Св. Кирика около города Асеновграда (Станимака) в Родопских горах⁷. Указом Св. Синода РПЦЗ от 4 (17) января 1922 г. в монастыре Св. Кирика Пловдивской епархии было учреждено Пастырско-богословское училище⁸. Фактически училище начало свою работу 6 октября 1923 г. Инициатором создания училища был также епископ Дамиан. В докладе о положении православной церкви в Болгарии Архиерейскому Синоду РПЦЗ владыка Дамиан писал: «По разъяснению болгарского Синода в экономическом отношении я подотчетен ему, в церковно-административном и учебно-воспитательном высшим органам управления РПЦЗ за границей»⁹. Главной целью Пастырско-богословского училища в монастыре Св. Кирика была «подготовка будущего кадра священнослужителей-миссионеров в освобожденной России и организатором приходской жизни»¹⁰. Преподавание в училище велось по программам, разработанным на Всероссийском Церковной Соборе. Церковную историю и основное

богословие преподавал кандидат Казанской духовной академии Б. В. Остроумов, Св. Писание и Новый Завет — кандидат Казанской духовной академии И. Н. Чаусов, церковное пение — А. В. Яковлев, иконописание — монах Василий (Белоус) и др. В учебно-методических материалах училища подчеркивалось, что главными принципами обучения являются природосообразность, последовательность, наглядность, активность ученика и др. Основные финансовые средства на содержание училища поступали от Русско-Болгарского комитета при Министерстве иностранных дел Болгарии, Комитета по делам русских беженцев в Софии, Ямболенского монастыря и др. Восстановительные работы монастыря осуществлялись на материальные средства генерала Врангеля и фонда великой княгини Марии Федоровны, матери императора Николая II, а также церковью протестантских конфессий. 24 июля 1922 г. владыка Дамиан открыл при монастыре пастырское училище, первыми слушателями которого стали русские офицеры, отказавшиеся от оружия как средства борьбы со злом. Среди них находился бывший генерал русской армии Иоанн Соломатин, ставший в дальнейшем священником в болгарском монастыре Белые Кресты. К последнему году жизни Дамиана это училище успело выпустить 50 священнослужителей — миссионеров и организаторов приходской жизни «в освобожденной России». Кроме русских в училище учились болгары, греки и сербы.

Епископ Серафим (Соболев) в своем выступлении на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви за границей, состоявшемся в 1931 г., привел следующие данные о русской общине в Болгарии. В Болгарии проживает 20 тысяч русских. Русские церкви находятся в Софии (протоиерей Владимирский), в Варне (протоиерей Слюнин), в Пловдиве (протоиерей Недельский), в Ращуке (священник Иванов), в Пернике (протоиерей Мошонов), в Шуме (протоиерей Трухманинов) и на Шипке (священник Ухтомский).

После установления коммунистического режима изменилось не только положение русских православных эмигрантов, но и Болгарской Православной Церкви. В ноябре 1944 г. новые болгарские власти даже готовили арест членов болгарского Синода, и лишь вмешательство Г. Димитрова помогло избежать этого¹¹. Характеризуя состояние Болгарской Церкви в этот период, протоиерей Всеволод Шпиллер в докладной записке в Совет по делам Русской Православной Церкви отмечал: «Трудностей много, одни происходят вследствие постоянных интриг среди архиереев, другие трудности связаны с церковно-денежной катастрофой, третьи с резкостью действий властей на местах в отношении церковных организаций и иерархии»¹².

Непростым было положение управляющего русскими церквями в Болгарии архиепископа Серафима (Соболева), перешедшего в 1945 г. из

юрисдикции Русской Православной Церкви за границей, в юрисдикцию Русской Православной Церкви Московского патриархата. Протоирей Пантелеймон Рыбальченко писал Патриарху Алексию: «Управляющий русскими церквями в Болгарии Серафим, именующий себя архиепископом Богучарским, клеветает как на русский епископат, называя в Бозе почившего Святейшего патриарха Сергия „агентом ГПУ, служителем сатаны“ и весь российский епископат таким же безблагодатным. Еще более злостно клеветает и на всю Совроссию, вселяя в верующих ложное понимание русской действительности, вытравливая в них чувство любви к родине и внедряя враждебную настроенность в них и детях их, а чрез них и отвращение к России у иностранцев... Для обслуживания русских приходов в других местах скопления русской эмиграции им подобраны такие же лица... иеромонах Кирилл в Варне, священник Даниил Закаблук в Пловдиве, священник Николай Ухтомский в Княжево...»¹³. Русский эмигрант Владимир Арбузов был еще более резок в своем письме в Совет по делам Русской Православной Церкви: «Серафим — Распутин», «Соболев — сумасшедший контрреволюционер», «Все служащие церковных учреждений Соболева контрреволюционеры», «Все церковные учреждения Соболева — неприступные крепости контрреволюции», «Соболев епископ злодей, около него священники злодеи»¹⁴.

Тем не менее в 1945 г. в истории Болгарской Православной Церкви произошло важнейшее событие — ликвидация болгарской схизмы. 22 февраля 1945 г. Синод Вселенской Патриархии снял с болгарских клириков и мирян наложенные на них наказания и отлучения, а также благословил на автокефалию Болгарскую Церковь. Во многом этому способствовала политика московского Патриарха Алексия. Перед восстановлением патриаршества в Болгарии, произошедшего в 1953 г., решением Священного Синода РПЦ от 10 ноября 1952 г. русские приходы в Болгарии и их клир, а также русские монашеские обители были переданы в юрисдикцию Болгарской Православной Церкви. В ведении Московской Патриархии остался Свято-Николаевский храм-подворье в Софии¹⁵. Таким образом, с ноября 1952 г. храм Св. Николая Чудотворца является подворьем Московской Патриархии в Софии. Благоустройство и украшение его продолжали весь XX в. В 1950-х гг. в крипте была установлена гробница архиепископа Серафима, рисование стенописи продолжал иеромонах Николай (Шелехов), а в 1990-е гг. притвор, где стоит гробница, был расписан монахинями-иконописицами из Княжевския монастыря¹⁶.

Среди архивных документов по истории РПЦЗ, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), хочется выделить фонд Архиерейского Синода РПЦЗ (Ф. Р-6343)¹⁷. В настоящее время он включает 388 дел за 1917–1941 гг. В составе фонда Архиерейского Синода РПЦЗ содержится несколько дел, имеющих прямое отношение к

истории РПЦ в Болгарии. К ним относится дело «Об открытии и дальнейшем положении богословского училища в Болгарии»¹⁸. В деле имеются учебные программы по церковной истории, церковно-христианскому искусству, догматическому богословию, философии и др.; расписания занятий, штатные расписания, докладные записки, письма, донесения епископа Дамиана и другие документы за 1921–1936 гг. В этом же деле отложились фотоальбом «Монастырь С. Кирика, Пловдивской митрополии и Пастырско-богословское училище при нем» и доклад епископа Дамиана о Святом Равноапостольном князе Владимире.

В составе фонда Архиерейского Синода РПЦЗ отложилась переписка Синодальной канцелярии с управляющим Русскими православными общинами в Болгарии за 1940–1941 гг.¹⁹. Исследователей творчества протоиерея Сергия Булгакова и его взаимоотношений с РПЦЗ может заинтересовать обширный доклад архиепископа Серафима Богучарского по поводу ответа протоиерея С. Н. Булгакова на осуждение Собором РПЦЗ софианского учения²⁰. Сведения о жизни русской православной общины в Вел-Бечкерске можно получить из письма прихожан русской православной общины в Вел-Бечкерске в Синод РПЦЗ о гонениях на священника Востокова. В письме, в частности, говорится: «В Вел-Бечкерске проживает 450 русских, жалобу на о. Востокова подписало 67 человек и почти все равнодушные к церкви... Среди них открытые атеисты эсеры, украинцы (политические)...»²¹.

Среди личных фондов ГАРФ следует выделить фонд протопресвитера Георгия Шавельского (Ф. 1486). В составе фонда находятся воспоминания Г. Шавельского «Три года в ставке Верховного Главнокомандующего — 1914–1917 годы»; рукописи статей «Отношение Ватикана к Православию за последние 30 лет», «Церковь и революция»; письма епископа Польского Александра, священника Войнова и др.; фотографии протопресвитера Г. Шавельского.

Существенным дополнением к эмигрантским фондам ГАРФ, содержащим документы по истории зарубежного православия, является фонд Совета по делам религий при Совете министров СССР (до 1965 г. — Совет по делам Русской Православной Церкви) (Ф. 6991), включающий более 10 тысяч единиц хранения за 1938–1991 гг. Документы этого фонда показывают, что советское правительство внимательно наблюдало за русским православным зарубежьем, имело достаточно полную и объективную информацию о происходящем за рубежом и существенно влияло на идущие там процессы. Документы Совета сохранились с достаточной полнотой за все годы его существования. Отчасти это объясняется тем, что значительная часть материалов находилась на секретном хранении, не подвергалась экспертизе ценности и не выделялась к уничтожению. Среди материалов фонда нам прежде всего интересны

наблюдательные дела по Православной автокефальной церкви в Болгарии. Из этих дел можно почерпнуть сведения не только о взаимоотношениях между Русской Православной и Болгарской Православной Церквями, но и по истории русской эмиграции в Болгарии²². Интересен доклад архиепископа Псковского Григория, возглавлявшего делегацию Московской Патриархии в Болгарии. Архиепископ Григорий пишет: «Русские эмигранты со слезами на глазах просили передать поклон русской земле, горя желанием возвратится на Родину». Архиепископа Серафима Соболева владыка Григорий охарактеризовал как «человека аполитичного, безусловно духовного, но очень „узкого“ и политически довольного тупого, пользующегося, однако, большим уважением прихода. Он сейчас прислал патриарху просьбу о принятии его с 7 приходами в юрисдикцию Московской патриархии»²³.

Судьбу архива выдающегося русского богослова и церковного ученого Николая Никаноровича Глубоковского (1863–1937) отражает справка, также отложившаяся в фонде Совета по делам религий при Совете министров СССР «О приобретении Московской Патриархией рукописей профессора богословия Н. Н. Глубоковского»²⁴. Судьбы архива профессора Глубоковского до 1949 г. оставалась неизвестной. В 1949 г. русский эмигрант Пучков обратился к представителям РПЦ в Болгарии с предложением о продаже Московской Патриархии архива Н. Н. Глубоковского за 50 тысяч рублей в болгарских левах. О предложении Пучкова было немедленно доложено Патриарху Алексию, который в свою очередь обратился с просьбой о выделении денег на покупку архива к председателю Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпову. На запрос Г. Г. Карпова Министерство иностранных дел СССР ответило, что «по мнению Посольства ценность рукописей вызывает сомнение. Глубоковский был активным приверженцем протестантизма и экуменизма и его работы написаны с этих позиций. К сообщению прилагается и отзыв от архимандрита Пантелеймона от 17.08.1949 г. о рукописях Глубоковского, в котором он писал: „...странно было бы Русской Церкви издавать и тем более популяризировать произведения одного из светских, не духовных богословов, которые полезны лишь для модернистов или деятелей интреконфессионализма и экуменизма, но никак для Православной Церкви“, он прямо пишет, что труды Глубоковского не полезны и даже вредны»²⁵. В результате в 1949 г. архив Н. Н. Глубоковского остался в Болгарии.

В 2002 г. архив удалось обнаружить в Болгарии иеромонаху Петру (Еремееву), проректору Московской духовной академии. Архив был найден у одного из старых православных священников в Софии и в 2002 г. возвращен в Россию. Архив Н. Н. Глубоковского был аккуратно сложен в чемодан, упакован в пачки и надписан учеником Н. Н. Глубоковского профессором Мариновым. Общий объем архива составил более 6 тысяч

листов. Трудно переоценить значение архива Н. Н. Глубоковского для отечественной науки, ведь в его составе находятся в основном творческие рукописи богослова, многие из которых не введены в научный оборот. Сдаточная опись архива Н. Н. Глубоковского была опубликована в журнале «Церковь и время», а также размещена в Интернете²⁶.

В 1990-е гг. ГАРФ комплектовался микрофотокопиями документов из зарубежных архивов. Особое значение имеют документы по истории русской эмиграции, поступившие из Гуверовского института войны, революции и мира. 17 апреля 1992 г. Роскомархив, Гуверовский институт при Стенфордском университете и английская издательская компания «Чедвик-Хили» (Кембридж) заключили договор об обмене копиями исторических документов, их тиражировании и распространении копий. В соответствии с договором в 1993, 1995 гг. в ГАРФ поступило 4628 рулонов микрофильмов Гуверовского института на позитивной пленке (774 картонна), получивших статус коллекции, приравненной к фонду (далее — Гуверовская коллекция). 2 октября 2002 г. в ГАРФ поступила новая партия микрофильмов из Гуверовского института, в состав которой вошло более 2 тысяч катушек с копиями 106 фондов и коллекций самого Гувера и Музея русской культуры в Сан-Франциско (85 фондов)²⁷.

Из фондов Музея русской культуры, поступивших в ГАРФ в микрофильмах, нас интересует прежде всего фонд протоиерея Давида Чубова. Протоиерей Давид Чубов до 1915 г. служил в станице Новошерновской Кубанской области, с 1915 г. находился в действующей армии. После окончания Гражданской войны жил в Болгарии, Франции, Бельгии, с 1936 г. — в Швейцарии, в Цюрихе. В 1956 г. он передал свой архив Музею русской культуры. В письме директору музея А. С. Лукашину Чубов выделил самые ценные, на его взгляд, документы из своего архива: письма Е. И. В. Вдовствующей Императрицы Марии Федоровны, рескрипты великого князя Николая Николаевича, письма Е. И. В. великой княгини Анастасии, письма митрополита Антония, письма генерала Кутепова и др. Кроме перечисленных документов в фонде Д. Чубова имеются автобиографические материалы.

Среди фондов Гуверовского института, поступивших в микрофотокопиях в ГАРФ, выделяется коллекция баронессы М. Д. Врангель. Коллекция насчитывает 49 роликов. Три ролика содержат копии документов по истории зарубежной церкви (ролики 4–6), в том числе в Болгарии: письмо епископа Дамиана о Пастырско-богословском училище в Болгарии, автобиография епископа Дамиана, список его научных трудов, отчет по учебной части училища, списки выпускников и др.²⁸

Архивные документы о деятельности Русской Православной Церкви отложились в болгарских архивах. В Центральном государственном архиве в Софии (Централен държавен архив — ЦДА), в составе фонда

Священного Синода Болгарской Церкви хранится протокол заседания высшей церковной управы от 30 декабря 1921 г. о признании права Русской Зарубежной Церкви на существование самостоятельной епархии, а также другие решения, касающиеся взаимоотношений двух православных церквей. В региональных архивах Болгарии отложились документы о русских храмах в Софии, Пловдиве, Бургасе, Варне, Преславе и др.²⁹.

На наш взгляд, существует достаточная источниковая и архивная база для подготовки фундаментальных трудов по истории Русской Православной Церкви за пределами России и русского православного рассеяния в целом, в том числе и в Болгарии. Во многом этому способствовало уничтожение идеологических преград для объективного изучения русской эмиграции и РПЦ и, как следствие, рассекречивание многих архивных фондов³⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 ГАРФ. Ф. Р-6343. Оп. 1. Д. 222. Л. 44.
- 2 *Никон (Рклицкий), епископ*. Жизнеописание и творения Блаженнейшего Антония Митрополита Киевского и Галицкого. Т. 5. В эмиграции 1920–1936 гг. Организация русской церковно-общественной жизни за границей России, после эвакуации из Крыма в 1920 году. Богословское творчество и его критика. Нью-Йорк, 1959. С. 32–33.
- 3 *Дмитриев-Коклин А.* Светлой памяти архиепископа Аверкия. Начало жизненного пути // Православная Русь. 1978. № 8. С. 11–13; *Игнатий, иеромонах*. Жизненный путь Преосвященного архиепископа Аверкия // Православная Русь. 1976. № 9. С. 2–8; *Кириан, архимандрит*. Последние дни жизни, кончина и погребение Архиепископа Аверкия // Православная Русь. 1976. № 9. С. 9–10; *Помазанский М., протоиерей*. Вера, любовью поспешествуема. Памяти преосвященнейшего Архиепископа Аверкия (1906–1976) // О жизни, о вере, о Церкви. Сб. статей (1946–1976). Джорданвилль, New York, 1976. С. 272–274; *Серафим Р., монах*. Памяти Архиепископа Аверкия // Православная Русь. 1976. № 10. С. 7.
- 4 Один из сонма святых архипастырей русского зарубежья // Православная Русь. 2002. № 14 (1707) 15 (28) июля. С. 1.
- 5 *Кынева П.* 90 лет со дня освящения русской церкви в Софии // Русская газета. София, 2004. № 50 (69).
- 6 *Кьюсева Ц.* Русская посольская церковь // Новый журнал = New Review. Нью-Йорк, 2006. № 243. С. 299–306.
- 7 *Словачевский Ю.* Архиепископ Царицынский и его время // Русская газета в Болгарии. 2005. Ч. 1–2. № 16–17.
- 8 ГАРФ. Ф. Р-6343. Оп. 1. Д. 222. Л. 10.
- 9 Там же. Л. 14.
- 10 *Ермаков Б., священник*. Историческая записка о Пастырско-Богословском училище в монастыре Святого Кирика в Болгарии. 1922–1932 гг. София, 1932. С. 4.

- 11 *Волокитина Т. В.* Москва и православные автокефалии Болгарии, Румынии и Югославии. (К проблеме восприятия советской модели государственно-церковных отношений в 40-е гг. XX в.) // *Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы 1939–1958. Дискуссионные аспекты.* М., 2003. С. 112.
- 12 ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 855. Л. 9.
- 13 Там же. Д. 16. Л. 78–84.
- 14 Там же. Л. 240.
- 15 Русская Православная Церковь. Устройство, положение, деятельность. М., 1958. С. 162.
- 16 *Кьосева Ц.* Русская посольская церковь. С. 306.
- 17 ГАРФ. Ф. Р-6343.
- 18 Там же. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 222.
- 19 Там же. Д. 223.
- 20 Там же. Д. 326. Л. 1–114.
- 21 Там же. Д. 381. Л. 1–14.
- 22 *Попов А. В.* Православие за рубежом: проблемы архивного наследия // *Проблемы зарубежной архивной России. Материалы международной научно-практической конференции.* М., 2001. С. 104–108.
- 23 ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 88.
- 24 Там же. Д. 855. Л. 31.
- 25 Там же.
- 26 *Чапнин С.* Уникальный архив Николая Глубоковского вернулся в Россию // *Церковный вестник.* 2003. № 24 (277).
- 27 *Ульяницкий К. Б.* Коллекция микрофильмов Гуверовского института войны, революции и мира в ГАРФ // *Россия в США: Сб. статей.* М., 2001. С. 309–323.
- 28 ГАРФ. Коллекция баронессы М.Д. Врангель. Ролик 5. Кадры 458–459, 460–462, 465–468.
- 29 *Кьосева Ц.* Документы о Белой эмиграции в болгарских архивах // *Вестник архивиста.* 2004. № 3–4. С. 255.
- 30 *Попов А. В.* Российское православное зарубежье: История и источники. С приложением систематической библиографии. М., 2005.

Восприятие советской модели государственно-церковных отношений в восточноевропейских странах православной традиции после Второй мировой войны

Исторически Восточная Европа* представляет собой поликонфессиональный регион. Здесь веками сосуществовали и соприкасались почти все известные миру вероисповедания, бок о бок проживали православные, католики, протестанты, лютеране, реформаты, иудеи, мусульмане... Однако основными и наиболее влиятельными являлись христианские конфессии — православие и католицизм, причем последний был представлен в регионе в виде западного и восточного обрядов — римо- и греко-католиков (униатов).

Православие — объект нашего рассмотрения — на конфессиональной карте Восточной Европы было представлено не одинаково. Если в Венгрии, Чехословакии, Польше оно было в первую очередь вероисповеданием национальных меньшинств, «островком» в инославном, главным образом католическом «море», то в Болгарии и Румынии православие являлось господствующей конфессией, там действовали крупные и влиятельные поместные православные церкви. В многонациональной Югославии, наряду с автокефальной Сербской православной церковью, существовала не менее влиятельная Хорватская католическая церковь, и отношения между ними отличались значительной напряженностью. Сложной была конфессиональная картина и в Албании, где преобладали мусульмане, а Албанская православная церковь объединяла чуть более 17% населения, не намного превосходя по численности католиков.

По итогам Второй мировой войны в соответствии с Ялтинско-Потсдамскими договоренностями между союзниками по антигитлеровской коалиции Восточная Европа переходила в советскую сферу влияния. Это означало в перспективе существенное расширение территориальных границ социалистического эксперимента при том, что советская модель создания нового общественного строя «по Сталину» становилась своеобразной матрицей для дальнейшего тиражирования. Естественно, что и процессам, развивавшимся в конфессиональной сфере, предстояло поверяться опытом Советской России и СССР.

Москва, прогнозируя создание советского блока в регионе, отдавала себе отчет в том, что столкнется в своей сфере влияния с немалыми

* Термин используется в геополитическом значении.

трудностями. Размышляя о необходимости расширения диапазона советского воздействия, поиска дополнительных каналов и способов влияния, московское руководство не обошло своим вниманием и религиозные институты. Вот почему еще в июне 1943 г. постановлением Государственного Комитета Оборона религиозные организации были включены в спектр интересов советской внешней разведки. Уже на рубеже войны и мира по инициативе Москвы началось активное восстановление внешних контактов Русской православной церкви (РПЦ) в первую очередь с православными церквями и общинами в странах Восточной Европы. Со своей стороны, новым властным структурам, формировавшимся в странах региона, предстояла трудная задача — создать механизм, регулировавший государственно-церковные отношения, учитывая особенности конфессиональной ситуации и традиции «сожительства» государства и религиозных институтов и организаций. Возникшие в регионе народно-демократические режимы, как и существовавшие там религиозные институты, оказались перед необходимостью определить свое отношение к советской модели государственно-церковных отношений.

Хотя в советский период истории отношения государства и РПЦ до середины XX в. прошли в своем развитии несколько этапов, общий вектор эволюции идейных основ вероисповедной политики правящей партии определялся вполне четко: от «светского» государства к государству «атеистическому». В целом до начала 20-х гг. XX в. доминировало отношение к Православной церкви как к политической организации, одному из «винтиков» старого государственного механизма, а церковная иерархия рассматривалась как «последнее живое наследие царизма». Первые декреты Советской власти в конфессиональной сфере, в том числе об отделении церкви от государства и школы от церкви (январь 1918 г.), явились юридическим прикрытием для наступления на церковь. В это же время в структуре законодательной и исполнительной власти были созданы специальные органы, занимавшиеся «религиозным вопросом»: до 1922 г. это был VIII, а в 1922–1924 гг. — V отдел Наркомата юстиции.

Особенностью процесса формирования и реализации вероисповедной политики советского государства являлось активное участие в нем силовых ведомств. Исследования и документальные публикации последних лет раскрывают, например, важную роль «органов» в возникновении так называемого обновленческого раскола. При этом власть, несомненно, учитывала объективные обстоятельства, сделавшие раскол возможным: социальное расслоение духовенства, реформаторские настроения в его среде, фиксировавшиеся еще в годы революции 1905–1907 гг., и пр.¹.

Взятый государством курс на поддержку «обновленцев» означал переход власти к реализации политики разложения церкви. Одновременно было решено приступить к планомерной замене религиозного мировоз-

зрения «гармоничной научной системой, охватывающей и отвечающей на вопросы, на которые крестьянские и рабочие массы тщетно искали ответы в религии».

В этих условиях патриарх Тихон подтвердил в «покаянных» письмах 1923 г. формулировавшийся им неоднократно, начиная с 1919 г., тезис о лояльности РПЦ режиму, отказе от борьбы с властью и тем самым фактически заложил основы нового отношения церкви к государству. РПЦ начала, по словам русского мыслителя и философа Г. П. Федотова, движение по пути «аполитического исповедничества». Соображения «икономии» взяли на этом пути верх над «акривие»*, или, иначе, компромисс возобладал над радикальной принципиальностью. В результате церковная организация, культ и таинства были сохранены для народа².

Окончательно модель государственно-церковных отношений оформилась несколько позднее и оказалась прочно связанной с феноменом «сергианства». Именно при преемнике патриарха Тихона митрополите Сергии церковь была вынуждена стать на путь прямой поддержки советской власти, что объективно означало отказ от принципа аполитичности и выход за рамки установленного ранее компромисса. Синодальное послание от 29 июля 1927 г. (иначе его называют Декларацией 1927 г.), объявленной целью которого было намерение «поставить... Православную Русскую церковь в правильные отношения к советскому правительству и тем дать Церкви возможность вполне законного и мирного сосуществования»³, было направлено на поддержание церковной администрации, без которой, как полагал владыка Сергей, церковь была нежизнеспособна**. Однако появление этого документа, хотя и закрепило сохранение института патриаршего местоблюстителя, окончательно развязало руки государству, ужесточившему контроль за внутренними делами церкви (хиротонии, назначения и перемещения архиереев производились отныне с обязательной санкции силовых структур — НКВД и ОГПУ). К концу 20-х гг. окончательно утвердился жесткий подход официальной власти к вероисповедной политике: в специальном постановлении ЦК ВКП(б) от 24 января 1929 г. абсолютный приоритет был за-

* «Икономия» — церковное строительство, спасение душ; «акривие» — идеальная правильность, прямызна учения и жизни.

** В литературе последних лет указывается, что к увидевшей свет второй редакции послания приложил руку один из руководителей Секретного отдела ОГПУ Е. А. Тучков, оказавший сильный нажим на митрополита Сергия. Владыка, со своей стороны, в качестве встречного условия выдвинул требование освобождения и амнистирования 28 епископов РПЦ (См.: *Васильева О. Ю.* Митрополит Сергей (Страгородский): штрихи к портрету // *Альфа и омега. Ученые записки Общества для распространения Священного писания в России.* М., 2002. № 1 (31). С. 151).

креплен за «административно-политическим воздействием». Предлагавший широкий набор ограничительных и запретительных мер свидетельствовал о том, что основным ориентиром государственной политики становилось последовательное вытеснение религиозных объединений из всех сфер жизни общества. В январе 1930 г. руководство Союза воинствующих безбожников * утвердило план проведения собственной «безбожной пятилетки», согласно которому численность организации должна была достичь 10 млн человек. «На третьем году „безбожной пятилетки“, то есть к 1935 году, должна быть разрушена последняя церковь, а на ее пятом году в стране вообще не будет произноситься слово „Бог“», — говорилось в одном из документов Союза ⁴.

1937 год нанес Русской церкви сильнейший удар. Антирелигиозной кампанией, проходившей одновременно с репрессивными и карательными мероприятиями в других сферах общественной жизни, руководил лично нарком внутренних дел Н. И. Ежов. В ходе ее был истреблен почти весь православный епископат. Обвинения были стандартными: принадлежность к «бандам контрреволюционеров и террористов», «клерикально-фашистская заговорщическая деятельность», создание или участие в «церковно-фашистской, диверсионно-террористической, шпионско-повстанческой организации», «сбор шпионских сведений» и пр. Число репрессированных «за веру» достигло 350 тыс. человек, в том числе 140 тыс. священников, 80 тыс. были расстреляны ⁵.

Таким образом, если определять «сергианство» с позиций церкви как неравноправный компромисс, когда, взяв курс на создание атеистического государства, советская власть предоставила РПЦ право на выживание в обмен на абсолютную политическую лояльность, то следует признать итоги его к концу 1930-х гг. разрушительными. Угроза полного уничтожения РПЦ стала вполне реальной.

К началу Великой Отечественной войны в советском руководстве, в том числе и под влиянием провала советско-финляндской военной кампании 1939–1940 гг., сформировалось четкое понимание важности национального фактора в политике, под которым разумелся «здоровый, правильно понятый национализм». Война с северным соседом опрокинула расчеты Москвы на универсальность принципа «пролетарской солидарности». В беседе с Г. Димитровым 12 мая 1941 г. А. А. Жданов привел слова Сталина о том, что «между правильно понятым национализмом и пролетарским интернационализмом нет и не может быть противоречия. ... Пролетарский интернационализм должен опираться на этот национализм...» ⁶. Признав зыбкость упований в будущей большой

* Союз воинствующих безбожников под руководством Е. Ярославского был создан в 1923 г. для борьбы с «религиозным дурманом во всех его проявлениях».

войне на наднациональный советский патриотизм, не ставший в то время действенным элементом внутренней политики, советское руководство пришло к осознанию необходимости использовать всю мощь национального фактора, связав его с крупнейшим по численности народом СССР — русским. Именно этим объясняется неоспоримый факт, что в ходе войны наиболее серьезные отступления от классового принципа официальная власть сделала в пользу именно русского национального сознания⁷. Неизбежно такой идеологический поворот должен был затронуть и Русскую православную церковь.

Неудачи первого периода войны актуализировали задачу консолидации советского общества во имя победы над врагом. Как вспоминал после войны У. А. Гарриман, встречавшийся в качестве координатора программы ленд-лиза осенью 1941 г. в Москве со Сталиным, советский руководитель «хорошо понимал, что огромные военные усилия русских людей не связаны с поддержкой ими коммунистической системы». «Сталин, — констатировал Гарриман, — и это я хочу подчеркнуть, был реалистом. В сентябре 1941 г. он сказал мне: „Мы не питаем иллюзий, что они [русские люди] сражаются за нас. Они сражаются за мать-Россию“»⁸. Рост с началом войны религиозных настроений в народе, высокопатриотическая деятельность РПЦ расценивались Сталиным как очевидные факты, которые нельзя было умалять и недальновидно было игнорировать. Православная церковь, являвшаяся на протяжении многовековой российской истории хранительницей национального самосознания, становилась важным консолидирующим фактором общества, его моральным оплотом. Отношение РПЦ к патриотической борьбе народа определилось сразу и полностью. Позднее в речи на Архиерейском соборе 1943 г. митрополит Сергей, вспомнив июнь 1941 г., подчеркнул: «О том, какую позицию должна занять наша Церковь во время войны, нам не приходилось задумываться...»⁹. А в январе 1944 г. в беседе с корреспондентом канадской газеты «Торонто Стар» Дж. Девисом митрополит Киевский и Галицкий Николай на вопрос «Совместимо ли христианство с социализмом?» решительно ответил: «По этому вопросу есть разные мнения, но в условиях войны они не дискутируются»¹⁰.

Осенью 1943 г. советская власть осуществила серьезное фронтальное отступление с прежде непримиримых позиций в конфессиональной сфере. На встрече Сталина с иерархами РПЦ — митрополитами Сергием, Алексием и Николаем 4 сентября была выражена готовность властей содействовать решению проблем Церкви, предложена финансовая и иная помощь в проведении Поместного собора для избрания патриарха, подготовке кадров духовенства, открытии храмов, издании «Журнала Московской Патриархии», совершенствовании Положения о церковном управлении, дано принципиальное согласие на освобождение архиереев из тюрем и лагерей и пр.

Было объявлено о создании Совета по делам РПЦ при СНК СССР для «осуществления связей между правительством и патриархом» (Совет возглавил полковник госбезопасности Г. Г. Карпов, длительное время занимавшийся в структуре НКВД–НКГБ СССР религиозными вопросами). Поворот в вероисповедной политике затронул не только РПЦ, но и другие религиозные организации. Практически одновременно были созданы Совет по делам Армяно-Григорианской церкви при СНК Армянской ССР, Духовное управление мусульман Узбекистана, Казахстана, Туркмении, Таджикистана и Киргизии, Духовное управление мусульман Северного Кавказа, разрешена деятельность религиозных центров евангелистов, баптистов и пр., однако, безусловно, для советского политического руководства центральным звеном в новой вероисповедной политике была Русская православная церковь. В результате достигнутых договоренностей между властью и православными архиереями церковь оказалась в условиях религиозной терпимости, ей была предоставлена свобода богослужения, возможность, хотя и направляемая и руководимая государством, установления и развития международных контактов. Это дало основание исследователям констатировать факт религиозного возрождения, пришедшегося именно на тяжелейшие военные годы¹¹. Со своей стороны, РПЦ подтвердила полную лояльность режиму и согласилась обслуживать государственные интересы в сфере внешней политики и пропаганды. Таким образом, объективно РПЦ не только содействовала власти при решении главной задачи — консолидации общества и удержания контроля над ним, но и становилась важным инструментом в руках государства для реализации целей «большой политики», т. е. геополитических замыслов Москвы. В основе нового варианта компромисса между властью и церковью лежало обусловленное в значительной степени военным временем совпадение их интересов. Примечательно, что власть без колебаний выбрала в партнеры не «обновленную», что, на первый взгляд, было бы логично, а патриаршую церковь*, хотя «обновленцы» в годы войны достойно выполняли свой долг и также занимали патриотическую позицию. Более того, на протяжении 1943–1944 гг. власть целенаправленно содействовала «ускорению процесса... окончательного распада» «обновленной» церкви¹², т. е., по существу, способствовала ликвидации раскола РПЦ, который в значительной мере создала свои-

* Советское руководство учитывало слабую поддержку «обновленчества» верующими как внутри страны, так и за рубежом. В заграничных православных приходах определяющим оставалось отношение к «обновленцам» как к «раскольникам» и «узурпаторам церковной власти». Кроме того, для Сталина важным, если не сказать определяющим, был тот факт, что патриаршая церковь традиционно занимала консервативные позиции, т. е. демонстрировала свой охранительный характер, объективно содействуя фактором стабильности режима.

ми руками. В 1946 г. «обновленная» церковь окончательно перестала существовать.

Несмотря на такой финал «обновленческого» раскола, советский опыт дал пример попытки создать «альтернативное» православие, используя реформаторский потенциал «демократической» части священников и делая ставку на раскол духовенства и формирование разветвленной сети агентуры в церковной среде. И, как свидетельствуют конкретные материалы, многое из этого опыта было напрямую заимствовано народно-демократическими режимами в странах Восточной Европы.

В регионе по окончании войны новые коалиционные правительства на волне демократизации общественной жизни сформулировали соответствующие требования и в отношении религиозных институтов. При этом ключевой для власти стала задача определить, на какие силы в церковных кругах опираться и на каких условиях сотрудничать. Судя по документам, народно-демократическая власть в странах православной традиции быстро «вычислила» своего союзника в лице организаций и объединений священников-«демократов». На протяжении 1944–1947 гг. такие организации появились в Румынии, Болгарии и Югославии. Но если в Болгарии Союз священников являлся преемником созданной еще в 1903 г. профессиональной культурно-просветительной и благотворительной организации духовенства и, возродившись в новых условиях, должен был резко политизировать свою деятельность в направлении, требуемом государством, то в Румынии и Югославии организации священников-«демократов» создавались впервые. Цель их была вполне конкретной: провести чистку рядов духовенства, добиться переориентации церкви на новую власть. Объективно это, как в свое время в Советской России, вело к расколу духовенства и ослаблению патриаршей церкви.

Параллель с российским «обновленчеством» была ясной и для руководства Московской Патриархии и тем более для иерархов указанных поместных православных церквей. Опасность национальных вариантов «обновленчества» вполне определенно осознавали и экзарх Болгарский Стефан, и патриарх Румынский Никодим, и патриарх Сербский Гавриил, хотя в каждой из указанных стран деятельность Союзов священников протекала со своими особенностями. В Югославии, в частности, Союз был создан намного позднее, в 1947 г., и в его организации и деятельности как нигде велика была роль силовых структур. Характерно, что в одной из бесед с секретарем посольства СССР в Белграде А. М. Зубовым в сентябре 1949 г. патриарх Гавриил назвал Союз «отделением УДБ (государственной безопасности. — Т. В.) в рамках православной церкви»¹³, и эта оценка видится нам вполне объективной. В Союзе священников Болгарии спецслужбы были задействованы менее активно, но во главе его находился священник-коммунист Г. Богданов, который, как указывалось

в материалах Совета по делам РПЦ, являл собой «тип сельского, совершенно некультурного священника», увлекался больше спортом, чем религиозными делами, а в беседе с сотрудниками Совета откровенно заявил: «Я в Бога не верю, это все чепуха...»¹⁴. Бегло ознакомившись с мероприятиями Союза во время пребывания в Софии делегации Московской Патриархии в апреле 1945 г., глава делегации архиепископ Псковский и Порховский Григорий отметил сходство с деятельностью российских «обновленцев» (Союз в канонической сфере ставил те же вопросы — о браке епископата, второбрачии священников и пр.). А экзарх Стефан заявил делегатам РПЦ, характеризуя Богданова: «Это наш путаник, вроде ваших обновленцев...»¹⁵.

Нет, однако, сомнения в том, что не только каноническая сторона дела волновала православных иерархов. Вряд ли осталось незамеченным сходство политических задач. Так, созданный в октябре 1944 г. при Союзе священников временный комитет Отечественного фронта уже через несколько дней по распоряжению Национального комитета ОФ превратился во Временный управительный совет Союза. Это означало, что, проигнорировав традиционный метод формирования руководящих органов путем выборов, власти создали нелегитимную руководящую структуру Союза, фактически подчинив его. Это выдавало негласный замысел вызвать брожение в рядах духовенства, столкнуть его низы с верхами, противопоставить Союз Св. Синоду и руками священников-«демократов» провести основательную чистку клира. Вероятно, имея в виду методы действия Союза, болгарская исследовательница Д. Калканджиева подчеркивает, что он духовно «ломал архиереев»¹⁶.

Материалы Совета по делам РПЦ рисуют, хотя и отрывочно, картину весьма активной деятельности Г. Богданова, направленной на компрометацию болгарского православного епископата. Так, при подготовке ответного визита делегации БПЦ в СССР он попытался повлиять на ее состав, не допустить туда некоторых архиереев. В письме секретарю ЦК БРП(к) Тр. Костову Богданов назвал епископа Парфения, архимандрита Мефодия и протопресвитера проф. Цанкова представителями «самой черной реакции», носителями «профашистских убеждений» и антисоветских настроений. Он предложил направить в Москву таких священников, которые, по его словам, впоследствии смогли бы «воспроизвести правильное и целостное впечатление» об увиденном в Советском Союзе. При этом не забыл Богданов и себя¹⁷.

Письмо возымело действие, хотя и не в той мере, на какую рассчитывал его автор: из делегации был исключен только проф. Цанков, ее состав пополнился тремя новыми лицами. Отправился в Москву и сам Богданов¹⁸.

Документы свидетельствуют, что к этому времени власть уже сформулировала задачу превращения Болгарской церкви в «народную церковь», что

требовало от духовенства «полностью быть с... народом в строительстве великого дела Болгарии Отечественного фронта». Согласование позиций сторон явилось лейтмотивом встреч экзарха Стефана летом 1945 г. с находившимся в Москве Георгием Димитровым. Фактически были определены условия взаимовыгодного компромисса: поддержка и помощь государства в обмен на полную лояльность церкви режиму. Документы свидетельствуют, что у экзарха имелись и личные стимулы к тесному сотрудничеству с государством — перспективу восстановления в Болгарии патриаршества он связывал с собственной персоной. Болгарские власти довольно успешно играли на честолюбии Стефана, используя его мечты о сане в качестве лакомой приманки. Выдвинутые при этом требования к руководству церкви безоговорочно и преданно сотрудничать с государством сопровождалась заверениями, что «никто не намерен большевизировать Болгарию»¹⁹. Ответ экзарха был четким. 13 июля 1945 г. в письме секретарю ЦК БКП Тр. Костову Г. Димитров, ссылаясь на беседы со Стефаном, сообщал: «В пользу единства Отечественного фронта церковь работает и будет работать», Стефан «понимает необходимость не вступать с нами в конфликт»²⁰.

Вернувшись домой, экзарх Стефан в речи по Софийскому радио 18 июля 1945 г. высоко оценил государственно-церковные отношения в Советском Союзе как «полную гармонию», назвав Совет по делам РПЦ «институцией первостепенной важности», а его руководителя Г. Г. Карпова «организатором первой величины», достойным «своей высокой миссии»²¹.

Демонстрация экзархом готовности к сотрудничеству с народно-демократической властью, его подчеркнутая лояльность и многократные заверения в приверженности «славянофильству» и «русофильству» не встретили, однако, полного доверия ни у болгарских властей, ни в Москве. Показательны совпадения характеристик Стефана, дававшихся Г. Димитровым и Г. Г. Карповым. В рабочих записях председателя Совета по делам РПЦ о болгарском экзархе говорилось как о человеке хитром, «большом дипломате», «неплохом артисте», «больше политике, чем духовнике». Г. Димитров в своем дневнике неоднократно называл иерарха «хитрой лисой»²². О прагматизме позиции болгарского лидера свидетельствовало его заявление, что «в определенные моменты и по определенным вопросам [экзарх] может быть полезен»²³. В силу этого понятно, почему уже к середине 1945 г. одним из направлений «демократизации» Болгарской православной церкви становится ограничение прав экзарха, а наиболее подходящим инструментом для осуществления этой задачи был признан Союз священников. С его помощью власть, используя реформаторские настроения части клириков, в том числе и в пользу ограничения прав епископата и предоставления «широкого доступа» священников к управлению церковью, намеревалась произвести кадровую «революцию» и подчинить церковь новому режиму.

В Румынии в сентябре 1944 г. была сформирована группа священников-«демократов», которая, по определению одного из ее организаторов проф. П. КонстантINESКУ-ЯШЬ, являлась «демио-советской». Первыми ее мероприятиями стали издание брошюры «О религии в Советском Союзе» и публичный доклад «Советская конституция в христианском духе». Сам КонстантINESКУ-ЯШЬ получил мандат Союза патриотов* и руководства румынской компартии реорганизовать Румынскую православную церковь «в направлении нового течения»²⁴. Вскоре группа, насчитывавшая примерно 100 человек по стране и 40 человек в Бухаресте, трансформировалась в Союз священников-«демократов», провозгласивший одним из направлений своей пропагандистской работы агитацию «за Советы и румыно-советское сближение»²⁵. Таким образом, наряду с официальным руководством Румынской церкви, в стране начала действовать созданная левыми силами румынского политического спектра новая религиозная структура. Ее визитной карточкой стала отчетливая ориентация не только на сотрудничество с Русской православной церковью, но и с советским режимом. Именно Союз в лице его руководителя священника К. Бурдучи стал инициатором установления контактов с РПЦ. С заместителем политического советника Союзной контрольной комиссии в Румынии С. А. Дангуловым Бурдуча наладил тесные неформальные отношения, регулярно информируя советского дипломата о ситуации в Румынской церкви, настроениях иерархов, в том числе патриарха Никодима²⁶. Весной 1945 г. К. Бурдуча, оставаясь во главе Союза священников, возглавил Министерство культов. Этот пост открывал новые возможности для реализации советской модели государственно-церковных отношений в Румынии. Вернувшись из Москвы с Поместного собора, Бурдуча в марте 1945 г. в интервью газете «Моментул» с энтузиазмом рассказал о деятельности русского православного духовенства, особенно подчеркнув «подлинно народный характер» Русской православной церкви: «Священники СССР глубоко проникнуты сознанием своей миссии. Церковь, духовенство принадлежат народу. Это не аристократическая церковь. Она во всем разделяет жизнь советского народа. ...Русская церковь пользуется большим уважением со стороны государства и получает поддержку во всей ее деятельности»²⁷.

В Румынии, как и в других странах Восточной Европы, под лозунгами демократии решались общенациональные задачи, объединенные по терминологии тех лет понятием «дефашизация». В пришедшем к власти в марте 1945 г. кабинете П. Грозы были представлены и коммунисты. Нача-

* Союз патриотов создан в годы Второй мировой войны, объединял демократическую интеллигенцию и часть городских слоев. Позднее преобразован в Национально-народную партию.

лась реализация программы Национально-демократического фронта (НДФ), предоставлявшей, как официально провозглашалось, всем слоям населения возможность «осуществить свои интересы». В одном из выступлений Гроза заявил, что от церкви требовалось не быть «институтом статичным», следовало вписаться в новое общество, осуществлять сотрудничество с государством. Примером была объявлена Русская православная церковь, которая «отбросила свой анахронический „балласт“, чтобы трансформироваться в новую церковь, в живую церковь»²⁸. Из-за нехватки документов трудно уточнить, что имел в виду румынский политик. «Живой» церковью называла себя, как известно, часть российских «обновленцев». Если Гроза подразумевал такое реформирование Русской, а по ее примеру и Румынской церкви, то вряд ли это понравилось бы Московской Патриархии и советской стороне в целом. Но, возможно, Гроза лишь хотел подчеркнуть необходимость для церкви живо откликаться на нужды и беды народа.

Связав решение задачи преобразовать церковь с Союзом священников-«демократов», румынские власти явно учитывали сложную обстановку в высшем руководстве РумПЦ. По сообщению внедренных в церковные структуры агентов-священников, «церковь не проявляет активности, [она] полностью лишена динамизма». Патриарх Никодим безынициативен, остальные иерархи занимают «выжидательную позицию», а К. Бурдуча «не пользуется доверием иерархов и духовенства», не входящего в Союз священников²⁹. Косвенно подтверждает эти выводы и информация епископа Кировоградского Сергия, вылетавшего в Белград и по пути из-за нелетной погоды останавливавшегося в Бухаресте. Патриарх Никодим, как указал в своем отчете епископ Сергий, проявил в беседе сдержанность, избегал оценки отношений между церковью и государством в Советском Союзе и, говоря об укреплении РПЦ, отметил «стихийность» этого процесса: «Когда у народа испытания и трудности, народ сам обратится к Богу»³⁰.

Ситуация в Румынской православной церкви оставалась неясной до начала августа 1945 г., когда на заседании Св. Синода патриарх Никодим впервые дал оценку «политическому перевороту» 23 августа 1944 г., разорвавшему «противоестественный союз» с Германией и приведшему страну на сторону антигитлеровской коалиции. Он призвал православных граждан Румынии поддерживать деятельность государственных органов в выполнении условий перемирия: «Мы все должны обеспечить будущее нашего народа сегодняшними усилиями». Патриарх сформулировал принципиальные основы, на которых следовало, по его мнению, выстраивать отношения между государством и церковью: государство должно уважать желания народа в соответствии с демократическими принципами, а «православный народ», ведомый церковью, должен проявлять по-

слушание правительству, поддерживать «его старания преодолеть трудности настоящего времени»³¹.

Очевидный поворот церковного руководства внешне нашел отклик во властных структурах. Министр пропаганды обещал: «Правительство не поднимет вопрос об отделении церкви от государства», а П. Гроза 2 сентября 1945 г., выступая на освящении храма в Орешти (Северная Трансильвания), заявил об освобождении всех священников из тюрем и лагерей «в связи с исправлением» и о решении правительства не проводить чисток среди духовенства³². Тем не менее основную ставку власть по-прежнему делала на Союз священников: после съезда Союза в октябре 1945 г. Министерство культов взяло курс на замену церковного руководства сторонниками НДФ. Иными словами, как и задумывалось, «демократизация» церкви становилась исключительно делом рук Союза священников, члены которого реально претендовали на вхождение в церковную иерархию.

Патриарх Никодим противился такому пониманию демократизации, в связи с чем и деятельность Союза вызвала у него серьезные опасения³³. Со своей стороны, румынские власти не могли простить патриарху его былых симпатий «историческим партиям» — национально-либеральной и национал-царанистской — и связей с маршалом Антонеску и легионерами, обвиняя Никодима в «унизительном оппортунизме». Патриарх Румынский не вступал в открытую полемику, надеясь, что демонстрация лояльности властям поможет ему лавировать, сохранять независимость Румынской церкви и ее автономию в православном мире. Последнее обстоятельство чрезвычайно важно: Русскую церковь Патриарх Никодим справедливо воспринимал как церковь «советскую», т. е. полностью подчиненную режиму, и настороженно относился к международной активности Московской Патриархии.

По-иному складывалась обстановка в Югославии, где с осени 1944 г. коалиционная власть стремительно эволюционировала к политической монополии коммунистической партии. Провозгласив свободу совести и отправления религиозных обрядов, государство приступило к ликвидации религиозного воспитания в школах, взяло «под защиту» институт брака. В декабре 1944 г. Св. Синоду Сербской православной церкви было официально обещано ничего не менять в положении церкви, а если придется, то делать это на законном основании. Вместе с тем руководство страной, не желая публично признавать авторитет СПЦ и усиливать ее политические функции в обществе, стремилось оттеснить ее на периферию общественной жизни. Аналогичная политика проводилась и в отношении католической церкви. При этом важнейшее значение имело то обстоятельство, что большинство православного духовенства, в том числе и значительная часть низшего, в годы Сопrotивления не поддерживали партизан Тито, а после войны были настроены оппозицион-

но по отношению к новой власти. Период, когда отношения между государством и церковью можно охарактеризовать как прагматический компромисс, оказался в Югославии весьма непродолжительным: стремясь к полному освобождению личности от религиозных предрассудков³⁴, коммунистическая власть взяла четкий курс на отделение церкви от государства, хотя субсидирование СПЦ из государственного бюджета продолжалось.

Пребывание представителей Сербской православной церкви в Москве на Поместном соборе в начале 1945 г., чья пышность и многочисленность участников и гостей вызвали эмоциональное потрясение у членов делегации, имело неоднозначные последствия. Заявления клириков, опубликованные в центральных белградских газетах, о «полной свободе, в условиях которой живет Русская церковь», о последовательном проведении в жизнь закона о свободе совести, сохраняющего свободу церковной жизни в СССР, о возможности для Русской церкви «направить свою деятельность на благо русского государства и всего русского народа» и пр.³⁵ были, несомненно, искренними. Именно поэтому среди части высшего сербского духовенства утвердилось мнение, что возглавлявший делегацию митрополит Иосиф превратился в «игрушку» в руках власти, в «орудие» ее политики³⁶. Подобные обвинения свидетельствовали о намерении части Св. Синода придерживаться позиции аполитичности. Это нашло подтверждение и в ходе визита делегации Московской Патриархии в Белград в апреле 1945 г.

Главной целью визита было добиться от руководства Сербской церкви осуждения Карловацкого раскола и прекращения общения духовенства СПЦ с зарубежными архиереями и духовенством Карловацкой группировки*. Были поставлены также важные для РПЦ вопросы о борьбе с католицизмом и о переводе Мукачевско-Прешовской епархии** в юрисдикцию Московской Патриархии. Однако в отсутствие патриарха Гавриила сербские архиереи ответили отказом, заявив, что все означенные вопросы — «это политика, а они ведут церковь Сербскую вне политики», что «борьба с католицизмом будет (читай: должна быть. — Т. В.) не политическая, а церковная»³⁷. Острая полемика, вспыхнувшая во время заседания Синода, заявление митрополи-

* Речь идет о действовавшем на территории Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. Королевство Югославия) в г. Сремске Карловцы сначала Временного церковного управления, а затем и Священного Архиерейского Синода Русской православной церкви за границей.

** Мукачевско-Прешовская епархия Сербской православной церкви существовала с 1929 г. на территории Чехословакии. В декабре 1944 г. делегация православного духовенства епархии прибыла в Москву с просьбой о переводе епархии в каноническое ведение Московской Патриархии. Св. Синод РПЦ выразил согласие урегулировать этот вопрос с руководством Сербской церкви.

та Иосифа о том, что хотя православные сербы и «привязали свою малую ладью — Сербскую церковь к великому русскому дредноту, ...но хотели бы в ладье быть абсолютно самостоятельными»³⁸, вызвали резкую реакцию членов делегации, которую они и не скрывали. Глава делегации епископ Сергей своей настойчивостью и невыдержанным поведением³⁹ заставил сербских архиереев признать: Русская церковь — это простертая к Белграду рука Москвы, задача Москвы — «большевизировать» Сербскую церковь⁴⁰. Епископ на приеме у маршала Тито заявил о «явно неправильной и несправедливой позиции [архиереев] по отношению к правительству», отметив, что «их реакционность (!) перерастает дозволенный церковными традициями консерватизм клерикалов». Тито, со своей стороны, также выразил сожаление, что «руководство Сербской церкви не идет с народом»⁴¹. Прямым следствием визита делегации Московской Патриархии в Белград стали действия официальных властей по фактической смене руководства СПЦ: возросли усилия, направленные на возвращение на родину патриарха Гавриила*, а митрополит Иосиф летом 1945 г. на короткое время был заключен в тюрьму (позднее, в 1948 г., помещен под домашний арест). Попытки Московской Патриархии оказать давление на Синод СПЦ, подключив благочинного русских православных храмов в Белграде И.И. Сокаля, оказались безуспешными. В конфиденциальных беседах сербские архиереи заявили: «Всякой силе есть конец. Мы не хотим вмешиваться в политику, как это делает Русская церковь... Мы не хотим коммунизма, мы против всего направления [деятельности] нынешнего правительства»⁴².

Указанные события, видимо, стимулировали усилия югославских властей по определению четкой позиции в вопросе о государственно-церковных отношениях. В июне 1945 г. маршал Тито в беседе с хорватскими католиками подчеркнул: «В течение освободительной борьбы (так в док. — Т.В.) нас постоянно занимала мысль о том, что религия глубоко проникла в народ и что религиозный вопрос так же, как и вопрос о церкви и об отношении церкви к государству, не может быть решен декретами, ибо подобный способ решения всегда терпел крах и приносил вред общенародному делу. Руководствуясь этой мыслью, этой ведущей мыслью, мы сейчас и принялись за работу, считая нужным договориться и найти сообща самое подходящее решение. Наша церковь должна быть национальной и должна больше приспособиться к нации...»⁴³.

Ставя задачу превращения церкви в «народный» институт, власти в Болгарии, Румынии и Югославии сконцентрировали свое внимание на таких конкретных вопросах, как вытеснение церкви из государственных структур, прежде всего из школ, где борьба за преподавание Закона

* Патриарх Гавриил после освобождения из концлагеря Дахау не спешил возвращаться в Югославию. Приехал в страну в ноябре 1946 г.

Божьего очень быстро приобрела крайне острый характер, введение гражданского брака, изъятие у церкви права на ведение метрикации, ограничение благотворительной церковной деятельности и др. Все эти мероприятия сравнительно рано обрисовали четкую перспективу создания светских государств, в которых неизбежно предстояло решить вопрос об отделении церкви от государства.

Имеющиеся в нашем распоряжении документы свидетельствуют о том, что поначалу православное духовенство негативно воспринимало перспективу отделения, связывая с ней, по всей вероятности, и неизбежную интенсификацию процесса внедрения советской модели государственно-церковных отношений. Православное духовенство хорошо знало, что в Советской России отделение церкви от государства в 1918 г. открыло этап гонений на РПЦ.

Что касается позиции властных структур, то в странах православной традиции наблюдались известные различия. Если в Болгарии и Югославии вектор развития государственной вероисповедной политики четко указывал на «развод» церкви и государства, то в Румынии вопрос об отделении даже не ставился. В Конституциях ФНРЮ (1946) и НРБ (1947) принцип отделения церкви от государства и школы от церкви был закреплен и конкретизирован специальными статьями. Конституция РНР (1948) фиксировала принцип свободы совести и автономный характер внутренней жизни религиозных организаций. Однако в условиях существования, как в Югославии (с 1945 г.), властной монополии компартии или постепенного продвижения к ней, как в Болгарии и Румынии, все эти принципы неизбежно принимали формально-фасадный характер. Таков был общий знаменатель, не позволяющий переоценивать специфику каждой из стран. Сходным был и итог: ко второй половине 40-х гг. XX в. православные церкви в трех указанных странах реально существовали в статусе государственных, хотя и с некоторыми оговорками. Этот статус оставлял за церковью право собственности на землю (ограничения диктовались законами об аграрной реформе), сооружения и предметы культа, на получение субсидий и материальной помощи от государства, на определенное участие в политической жизни страны, а также сохранял за церковью некоторые юридические и гражданские полномочия в области воспитания и образования детей и молодежи, регулирования брачно-семейных отношений и др.⁴⁴

К концу 40-х гг. XX в. после установления монополии компартий на власть нажим государства в конфессиональной сфере заметно усилился, возросло его вмешательство во внутренние дела церкви. При этом власть стремилась законодательно закрепить создавшееся положение, не считаясь с тем, что закон 1948 г. об общем режиме культов в Румынии или закон 1949 г. о вероисповеданиях в Болгарии откровенно вступали в противоречие с конституционными принципами организации религиозной жизни. Не

случайно Св. Синод Болгарской церкви охарактеризовал закон 1949 г. как инструмент, превращающий БПЦ в «простой исполнительный орган государства», а после его принятия началось «на законном основании» массовое отстранение неугодных клириков. Объявив БПЦ «гнездом реакции», власть резко (в 5 раз) сократила ее субсидирование. Болгарские священники принуждались к принятию особой клятвы верности, фактически обязуясь осуществлять функции надзора за верующими. Показательно, что ответом духовенства, как в свое время и в Советской России, стали требования соблюдать конституционный принцип отделения церкви от государства.

На верность режиму было обязано присягать и румынское духовенство. Масштаб вмешательства государства во внутренние дела церкви в Румынии был столь значительным, что власть могла приостановить любые распоряжения и акты церковного руководства, а Министерство культов имело право цензурирования и утверждения богослужебных текстов.

Таким образом, в восточноевропейских странах православной традиции церковь повсюду была поставлена в положение оборонявшейся. Объективно это актуализировало задачу переосмысления национальным епископатом феномена русского «сергианства» как способа сохранения церковных институтов и иерархии в условиях нажима «безбожной» власти. Беседуя в сентябре 1946 г. с экзархом Московской Патриархии в Чехословакии митрополитом Елевферием патриарх Сербский Гавриил заметил: «Вот мудро и прекрасно поступил покойный патриарх Сергей! „Несть власти аще не от Бога“ и всё! Признал власть и вывел Церковь из того печального положения, в котором она была; это он очень хорошо сделал. И теперь хорошо, что Церковь помогает власти, потому что она [власть] не говорит того, что прежде, — что „религия — опиум“»⁴⁵. Важно подчеркнуть, что и народно-демократическая власть видела в действиях митрополита Сергия пример установления выгодных для себя отношений с церковью. Так, официальный Бухарест вынашивал план инспирировать издание епископатом Румынской церкви обращения к православной пастве и духовенству, подобного Декларации 1927 г. В более отдаленной перспективе задумывалось создание «румынского сергианства»⁴⁶.

Соглашаясь на сотрудничество с режимом, православный епископат в странах Восточной Европы мечтал о превращении Православной церкви в сильный общественный институт, равнопоставленный по отношению к государству, способный влиять на государственную власть, «одухотворяя» ее деятельность. Именно это сделало бы церковь «народной». Однако, заявив о поддержке режима, церковь получила взамен лишь право подконтрольного существования. Задача подчинения православной церкви была решена в Восточной Европе практически синхронно — к концу 40-х гг. XX в. Власти рассчитывали, что тем самым им удастся укрепить политические режимы и

обеспечить решение общенациональных задач. В Югославии установление контроля над СПЦ имело для власти дополнительное значение — достижение внутренней консолидации общества в стране, оказавшейся в результате конфликта с Советским Союзом в изоляции от других стран «социалистического лагеря». Восприятие в регионе советской модели государственно-церковных отношений, несомненно, облегчило процесс создания летом 1948 г. блока православных церквей Восточной Европы⁴⁷, способствовало, в конечном счете, обеспечению стабильности на восточноевропейском участке фронта разгоравшейся «холодной войны» и явилось одним из факторов складывания биполярной модели послевоенного мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Подробнее см.: *Кашевара А. Н.* Церковь и власть. Русская православная церковь в первые годы советской власти. СПб., 1999; *Шкаровский М. В.* Обновленческое движение в Русской православной церкви XX века. СПб., 1999; *Цытин Владислав*, протоиерей. Обновленчество. Раскол и его предыстория // Православная беседа. 1994. № 3 и др.
- 2 *Федотов Г. П.* Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. СПб., 1991. Т. 1. С. 188–189.
- 3 Акты Святейшего Тихона, патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 509.
- 4 Цит. по: *Торчинов В. А., Леонтьев А. М.* Вокруг Сталина. Историко-биографический справочник. СПб., 2000. С. 429.
- 5 *Шкаровский М. В.* Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М., 1999. С. 87, 90–93.
- 6 *Димитров Г.* Дневник. 9 март 1933 — 6 февруари 1949. София, 1997. С. 227–228, 233.
- 7 *Вдовин А.* Русские в XX веке. М., 2004. С. 141.
- 8 *Harriman W. A.* Stalin at war // *Stalinism. Its impact on Russia and the world.* London, 1982. P. 40–41.
- 9 Журнал Московской Патриархии (Далее — ЖМП). 1943. № 1. С. 7.
- 10 Государственный архив Российской Федерации (Далее — ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 13. Л. 40–41.
- 11 *Чумаченко Т. А.* Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М., 1999. С. 10.
- 12 Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 60. Д. 5. Л. 66–67.
- 13 Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. / Отв. ред. Г. П. Мурашко. М.; Новосибирск, 1998. Т. 2. 1949–1953 гг. С. 236.
- 14 ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 132.
- 15 Там же. Л. 127.
- 16 *Калканджиева Д.* Българската православна църква и държавата. 1944–1953. София, 1997. С. 181.

- 17 Экзарх Стефан I Български. Документален сборник / Ред. Л. Любенова. София, 2003. С. 183–184.
- 18 ЖМП. 1945. № 9. С. 29.
- 19 *Калканджиева Д.* Българската православна църква... С. 63–64.
- 20 Там же. С. 60.
- 21 ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 112 об.
- 22 Там же. Л. 142; *Димитров Г.* Дневник... С. 486, 487.
- 23 *Калканджиева Д.* Българската православна църква... С. 60.
- 24 Архив внешней политики Российской Федерации (Далее — АВП РФ). Ф. 07. Оп. 10. П. 25. Д. 354. Л. 3.
- 25 ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 70. Л. 4–5.
- 26 АВП РФ. Ф. 07. Оп. 10. П. 25. Д. 354. Л. 4.
- 27 ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 70. Л. 10.
- 28 *Gillet O.* Religion et nationalisme. L'ideologie de l'Eglise orthodoxe Roumaine sous le regime communiste. Bruxelles, 1997. P. 27.
- 29 *Păiușan C., Ciuceanu R.* The Roman orthodox church under the communist regime. Bucharest, 2003. Vol. I. 1945–1958. P. 47–48.
- 30 ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 70. Л. 33–34.
- 31 Там же. Л. 70–72.
- 32 Там же. Л. 69, 77.
- 33 Там же. Д. 65. Л. 461.
- 34 *Ђурић Мишина В.* Летопис Српске православне цркве. 1946–1958 године. Време патријарха Гаврила (1946–1950) и патријарха Викентија (1950–1958). Книг; Београд, 2000. Т. 1. С. 29, 21.
- 35 ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 18. Л. 43; ЖМП. 1945. № 4. С. 25, 27.
- 36 *Живојиновић Др. Р.* Српска православна црква и нова власт. 1944–1950. Србиње etc., 1998. С. 17.
- 37 «Русская церковь стала на правильный путь». Докладные записки председателя Совета по делам Русской православной церкви Г. Г. Карпова И. В. Сталину. 1943–1946 гг. // Исторический архив. 1994. № 3. С. 98.
- 38 ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 18. Л. 97.
- 39 *Ђурић Мишина В.* Летопис Српске православне цркве... С. 38.
- 40 *Живојиновић Др. Р.* Српска православна црква... С. 22–23.
- 41 ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 18. Л. 102; «Русская православная церковь стала на правильный путь»... С. 99.
- 42 ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 18. Л. 57.
- 43 Там же. Л. 107, 108.
- 44 *Морозова Л. А.* Государство и церковь: особенности взаимоотношений // Государство и право. 1995. № 3. С. 87–88.
- 45 ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 133. Л. 10.
- 46 *Gillet O.* Religion et nationalisme... P. 63.
- 47 Подробнее см.: *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф.* Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века. Очерки истории. М., 2008. С. 93–104.

Перипетии исследований в области славянского языкознания в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы

Славянское языкознание в России имеет богатые научные традиции. Оно прославлено именами А. Х. Востокова, К. Ф. Калайдовича, И. И. Срезневского, П. И. Прейса, О. М. Бодянского, В. И. Григоровича, П. С. Билярского, А. Л. Дювернуа, В. Н. Щепкина, И. А. Бодуэна де Куртенэ, П. А. Лаврова, Б. М. Ляпунова, С. М. Кульбакина, А. А. Шахматова, А. И. Соболевского и др.

По справедливому заключению С. Б. Бернштейна, «русское славянское языкознание в конце XIX — начале XX в. выдвинулось на одно из первых мест в мире. Высокий уровень филологической критики текста, широкое и умелое привлечение диалектологического материала, изучение языка в связи с судьбами говорящего на нем народа, — все это отличает труды указанных лингвистов и обязывает нас отнестись к ним с особым вниманием. Прежде всего, следует указать на фортунатовскую школу, которая оказала сильное влияние на развитие науки не только в России, но и за ее пределами»¹.

После Октябрьской революции 1917 г. исследования в области славянского языкознания начали постепенно сворачиваться. Славянская филология не вписывалась в новую систему «классово ориентированных» гуманитарных наук. Несмотря на все материальные трудности и идеологические преследования, оставшиеся на Родине ученые «старой школы» А. М. Селищев, Г. А. Ильинский, А. И. Соболевский, П. А. Лавров, Б. М. Ляпунов, Е. Ф. Карский и др. в первые годы новой власти пытались продолжать свои научные разработки, главным образом, в области старославянского языка и письменности, которые теперь признаны классическими трудами в этой сфере знания².

Попытки внедрения марризма в славянское языкознание

Как известно, в СССР в 1920–30-е гг. предпринималась попытка внедрения марксизма в числе других гуманитарных наук и в языкознание. Причем разными путями. Молодые лингвисты «Языкфронта» во главе с замдиректора НИЯЗа Г. К. Даниловым (1896–1937) яростно противостояли «новому учению о языке» более маститого и искусного в научно-административных «играх» с властями Н. Я. Марра (1864–1934), который был к тому же крупным кавказоведом, академиком (с 1909 г.), профессором Петербургского-Ленинградского университета. Марристы оказались органи-

зационно сильнее и постепенно оттеснили и даже (руками карательных органов) физически уничтожили соперников, присвоив себе право именоваться единственно истинными и правоверными марксистами в языкознании³. Успешному утверждению марризма косвенно способствовали и мероприятия советских властей по кодификации национальных языков и письменности, выработке национальных алфавитов, в которых активно участвовали сторонники Н. Я. Марра.

«Новое учение о языке» сформировалось не сразу. Начав с основательного изучения грузинского языка и его генетических связей, Марр выдвинул «яфетическую теорию», которая первоначально представляла собой лишь попытку доказать родство кавказских языков с семитическими. Но постепенно Марр придал этой теории не только общелингвистический, но и «социально-формационный» характер. Согласно его «новому учению о языке», язык — надстроечная категория и классовое явление. Провозгласив единство глотогонического процесса, он утверждал, что все языки мира берут начало якобы от т. н. четырех элементов (*сал, бер, йон, рош*) и в дальнейшем развиваются стадийно, посредством взрывов прежней структуры. В июне 1950 г. развернувшаяся с подачи И. В. Сталина дискуссия по вопросам языкознания вскрыла антинаучный характер «учения» Марра, отлучив его от марксизма, однако попытки внедрения последнего в лингвистику с меньшим нажимом продолжались⁴.

В 1930-е гг. последователи Марра в рамках провозглашенной партией большевиков неустанной борьбы с «многочисленными врагами пролетариата» делали акцент на коренные отличия материалистического языкознания от «буржуазного» сравнительно-исторического языковедения, «продолжающего идти по пути обособленного исследования отдельных языковых семей с их мнимым изначальным праязыком в основе»⁵. При этом компаративистике приписывалась расовая исключительность и «умалчивание» вывода о «равноправии всех языков мира». По словам Н. Я. Марра, советская лингвистика «обнимающая в настоящее время все языки мира, завершилась постановкой вопроса об увязке языкознания с историей материальной культуры и общественности и положением, что как все культуры Востока и Запада, так и все языки являются результатом одного и того же творческого процесса. Отпали не только религиозные, но и национальные деления, как творческие факторы создания языков. Считавшиеся различными по расовому происхождению языки оказались созданиями только различных эпох. Каждая „расовая семья языков“ оказалась отличной не по своему происхождению группой, а новой системой, представляющей развитие предшествующей системы»⁶.

Продолжатель «дела» Н. Я. Марра академик И. И. Мещанинов демагогически утверждал: «Языкознание, по мере углубления советских линг-

вистов в изучение основных высказываний классиков марксизма-ленинизма, все более и более выходит из своей узкой специализации и смыкается в своем изучении с историческим обществоведением. Сам языковой материал, при таких условиях, воспринимается, с одной стороны, как исторический факт, а с другой — как исторический источник. Разрыв с индоевропейской школой языкознания оказался полным и в методологических путях и в целевой постановке. Советское языковедение имеет конечной целью обслуживание идущего в СССР языкового строительства, неразрывно связанного со строительством социалистического общества. Для этого изучается настоящее состояние языка и его прошлое. Для советского лингвиста становится неприемлемым и непонятным утверждение буржуазных представителей науки о том, что „единственным и истинным объектом лингвистики (по утверждению Ф. Де-Сосюра в „Курсе общей лингвистики“ 1916 г. — М. Д.) является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя“»⁷.

В свете этих высказываний становится понятен негативный пафос академика Н. С. Державина относительно традиционной славянской филологии не только 1930-х гг., но отчасти сохранившийся и в военное время. И в 1942 г. он продолжал обвинять западную славянскую филологию в «формализме» и приверженности компаративизму, необоснованно заявив, что «индоевропейская теория, несомненно, послужила благодарной почвой для выращивания на ней великодержавных тенденций и расовых теорий»⁸. Подобные заявления отнюдь не способствовали реабилитации филологической славистики в СССР, но парадокс заключался в том, что Державин сам, именно в это время, активно боролся за ее реанимацию. Выход он видел в том, чтобы, отказавшись от «дурного» наследия западной и дореволюционной славянской филологии, перейти на рельсы марксистского языкознания. Он заявлял, что «филологическому формализму, идеализму и метафизике» советская наука противопоставляет «исторический материализм, марксистскую диалектику», которые в области славянской филологии воплотились, по его мнению, в «новом учении о языке» академика Н. Я. Марра, отвергнутом впоследствии в нашем языкознании за его научную несостоятельность⁹.

Большинство языковедов-славистов активно не принимали марризм, так как он противоречил фундаментальным основам классического языкознания.

Итак, наиболее заметным филологом-славистом, последователем «нового учения о языке» Н. Я. Марра, отрицавшего генетическое родство славянских языков и внутренние законы его развития, был академик Н. С. Державин (1877–1953). Как профессор-славист ЛГУ, ЛИФЛИ и МГУ, он находился в сложном положении, так как должен был читать традиционные курсы сложившейся научной дисциплины славянской филологии: «Старо-

славянский язык», «Сравнительная грамматика славянских языков» и др., которые теряли свои предметные основы и «рассыпались» при использовании марровского учения. Только в курсе «Введение в славянскую филологию» он пытался отчасти генерировать «новые идеи» и предаваться марровским фантазиям.

Тем не менее в статьях он мог позволить себе эксперименты в интерпретации известных фактов в духе марризма. Так, в статье «Наука на службе империализма» (своего рода рецензия на труд ученого-эмигранта С. М. Кульбакина «Старославянский язык с лексической точки зрения», опубликованный в 1930 г.) Державин применил «классовый» подход в интерпретации происхождения старославянского языка. Он утверждал, что язык, канонизированный Кириллом и Мефодием, — это язык «высших, командных классов македонской солунской славянской общности»¹⁰, к которому принадлежали просветители по своему рождению, воспитанию и политической карьере. Язык окрестного деревенского славянского населения от него отличался. Таким образом, старославянский язык «с его развитым флективным строем», по Державину, был языком господствующего класса, но, тем не менее, он его называл «нормативным славянским национальным языком»¹¹. Однако подобные заявления о «классовости» старославянского языка, к счастью, не влияли на основы его практического преподавания.

Как маррист, Державин отрицал генетическое родство южных славянских языков с другими славянскими языками и существование общего для них «праязыка», вместо этого он говорил о стадийном развитии языков. «Согласно его взгляду, — писал Бернштейн, — южные славянские языки представляют собой новую стадию в развитии древнейших, автохтонных языков Балканского полуострова. Фракийские и иллирийские племена представляли собой „эмбриональное состояние будущих народов полуострова — славян, румын, албанцев, находившихся в процессе становления в социально-структурном, этнографическом и языковом отношениях“. Пользуясь элементарным анализом, он утверждал, что можно говорить уже „о несомненной наличности известной стадийно-преемственной связи между языком фракийским и южнославянским“»¹². Понятно, что подобные утверждения не способствовали выяснению истины в трудном вопросе о происхождении языков народов Балканского полуострова.

Кроме Н. С. Державина более или менее последовательных марристов среди филологов-славистов было немного. При этом они, пережив «детскую болезнь левизны» увлечения «новым учением о языке», возвращались на позиции классического языкознания, поняв бесперспективность дальнейших разработок в данном направлении.

Так было с ленинградским филологом-славистом С. С. Советовым (1902–1958). Воспитанник Ленинградского университета (окончил отде-

ление языковедения ФОН ЛГУ в 1926 г. В то время там преподавали Н. С. Державин, М. Г. Долобоко, В. Г. Чернобаев), в молодые годы он тоже отдал дань увлечения марризму. В 1938 г. Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра выпустил сборник статей «Памяти академика Н. Я. Марра (1864–1934)». В нем приняли участие многие известные советские лингвисты, и далеко не все из них заявили в сборнике о своей приверженности «новому учению о языке». Так, слависты С. П. Обнорский (статья «Префикс „без“ в русском языке») и И. И. Толстой (статья «Связанный и освобожденный Силен») написали свои работы с позиций классического языкознания и не цитировали Н. Я. Марра, К. Маркса и пр., чтобы показать свою «марксистскость». Напротив, С. С. Советов написал свою статью «Один из образов 'огня' и 'воды' в сербских и словинских сказках» как раз по канонам марризма. По заветам Н. Я. Марра, он говорил о «необходимости вскрывать в сказках происхождение отдельных мифологических образов, являющихся пережитками конкретного мышления древнейших стадий в истории человеческого общества, мышления, отражавшего материальное производство на различных ступенях его развития»¹³. В своем анализе он исходил из методологической установки Марра на сведение образов космизма к простым элементам. С. С. Советов, проявив известную изобретательность в сопоставлении образов «огня» и «воды» в русских, словацких и южнославянских сказках, показав глубокое знание предшествующей литературы (труды А. Н. Веселовского, Л. Леже, В. И. Даля, А. Н. Афанасьева, А. А. Потебни, Л. Стояновича, А. Г. Шкультеты и П. Добшинского, М. Остника и др.), пришел, однако, опираясь прежде всего на Марра, к чересчур социологизированным выводам. «Первоначальный образ 'огня' и 'воды', проходя различные стадии в хозяйственном развитии человеческого общества и связанной с ним техники мышления, изменяют свой облик, принимает новые очертания...; однако, несмотря на свою трансформацию, сохраняет в себе еще пережитки древнейших стадий человеческого мышления»¹⁴. Эта социологизированная накрученность «палеонтологии фольклорных сюжетов» должна была закомуфлировать простое и ясное заключение: «Вода» освобождает из оков «змея», «дракона» — этого властителя подземного водного царства, который, оказывается, воплощал в себе не только понятие 'воды', но также и понятие 'огня'. Свою статью автор заканчивает цитатой из Н. Я. Марра, должной свидетельствовать о приверженности к историческому материализму. Дело, оказывается, не в огне и воде, а в противоположности «стихии — материи, явно производственно-общественному выявлению природы в осознании коллектива эпохи» (выделено нами. — М. Д.)¹⁵.

В дальнейшем С. С. Советов отошел от марризма, сосредоточившись на изучении литературного языка произведений А. Мицкевича, внося заметный вклад в изучение истории польской литературы, изучал также

вопросы поэтики, языка и стиля не только польских, но и сербских и русских писателей, заслужив заслуженное уважение коллег¹⁶. Такова его статья «К вопросу о языке польских сатирических поэм в XVIII веке» и «Стилистическое осмысление мужско-личных и „предметных“ окончаний в поэтическом языке „Гражины Мицкевича“», опубликованных в разгар кампании борьбы с космополитизмом в 1949 г.¹⁷. Первая статья представляла часть его кандидатской диссертации, вторая — подготавливаемой (но не защищенной) докторской. Статьи имели чисто научное значение и не несли на себе следы «родимых пятен» этого страшного времени¹⁸.

Несколько иначе случилось с Л.В. Матвеевой-Исаевой (1889–1954). Пройдя в 1920-х гг. классическую лингвистическую школу М.Г. Долобо, который в своих лекциях по сравнительной грамматике славянских языков уделял большое внимание акцентологии, и опубликовав монографию «Закон Фортунатова — де Соссюра»¹⁹, она увлеклась учением Н.Я. Марра. В статье «Различные отложения глоттогонического процесса в славянской акцентологической системе» (1931)²⁰ автор обнаружила древние «отложения» в славянских языках с помощью данных китайского языка²¹. В этой работе содержались нападки на индоевропейское языкознание. Автор пришла к «марристскому» выводу, что «система акцентуации славянских языков вплотную подводит к вопросу о их стадиальности». После лингвистической дискуссии 1950 г. Л.В. Матвеева-Исаева попыталась снова вернуться к прежним методам работы, но, как отметил С.Б. Бернштейн, «это не дало положительных результатов». Это суждение представляется нам несколько предвзятым. Отход от марризма наметился в докторской диссертации ленинградского филолога «Основы синтаксиса славянских языков» (1947). В дальнейшем, после ее смерти были опубликованы «Лекции по старославянскому языку» (Л., 1958), выполненные по классическим канонам сравнительно-исторического языкознания. Их она читала на кафедре русского языка ЛГУ с 1949 г. Но, безусловно, увлечение марризмом не могло не сказаться на имидже ученого и степени продуктивности ее работы.

Развитие традиционного славянского языкознания

Державину как мог противостоял «последний из могикан», вернувшийся из ссылки и переживший в 1938 г. горечь лишения звания члена-корреспондента АН СССР А.М. Селищев (1886–1942), известный специалист по сравнительной грамматике славянских языков, македонской диалектологии, ономастике, литературе и этнографии славян. Для обучения возрождающейся славянской филологии нужны были учебные пособия. Эта работа и была поручена ученому Наркомпросом. Он задумал капитальный труд под общим названием «Славянское языкознание». Его основу составляли курсы по истории и диалектологии славянских языков, которые он читал многие годы в

Казанском и Московском университетах. Первый том был посвящен западнославянским языкам. Во вводной статье давалась общая характеристика различных периодов общественно-политического развития и в связи с этим картина языковой дифференциации славянских племен. В четырех разделах учебника анализировались языки чешский и словацкий, лужицкий, польский с кашубским и мертвые языки полабских славян. «Каждый из этих разделов содержит очерки политической и культурной истории данного народа и истории языка, перечень памятников письменности, орфографии, грамматику современного литературного языка, образцы литературных и диалектных текстов со словариком к ним. Каждая глава сопровождается подробными биографическими указаниями»²². Этот том труда Селищев опубликовал в 1941 г. в канун Великой Отечественной войны. Ученый до самой смерти (декабрь 1942 г.) работал над следующими томами. Том, посвященный южнославянским языкам, остался незавершенным. Учебник по старославянскому языку опубликован стараниями учеников в начале 1950-х гг.²³

Таким образом, студентам, специализирующимся по западнославянским языкам, можно сказать, повезло — они получили надежное и квалифицированное руководство по своему предмету. Н. А. Кондрашов, выпустивший позднее свое учебное пособие по славянским языкам, с полным основанием указывал: «Анализ книги показывает, что проф. Селищев сумел в сжатой форме сообщить важнейшие сведения о западнославянских народах, памятниках их письменности, о формировании литературных языков, современном состоянии славянских языковых групп, представить историю языковых семей и важнейшие черты диалектов. Труд Селищева является той же сравнительной грамматикой, но с расположением материала применительно к отдельным славянским языкам»²⁴.

Селищев был человеком своей эпохи. Он написал политизированное введение к своему пособию, за которое его «гнушно» (по выражению С. Б. Бернштейна) критиковал Н. С. Державин в письме С. Б. Бернштейну от 27 июня 1948 г., в частности заметив: «Мы его знаем, как довольно темного человека, ввиду чего, между прочим, ему в свое время было отказано в просьбе включить в состав сотрудников Института славяноведения. Мы его знали как сербофила, переметнувшегося впоследствии в болгарский лагерь»²⁵. С. Б. Бернштейн собирался написать критическую рецензию на эту книгу, но Р. И. Аванесов в письме от 16 июня 1942 г. отговорил его не усугублять ею трудное «внеакадемическое» и поднадзорное положение Селищева²⁶. Л. А. Булаховский также не опубликовал свою рецензию, как ранее планировалось. Однако нам все же удалось найти публицистический отзыв на книгу А. М. Селищева, принадлежащий перу «партийного» языковеда Т. П. Ломтева. Этот отзыв является своего рода некрологом московскому профессору, хотя автор на месяц «убыстрил» его кончину, назвав ноябрь, вместо 6 декабря 1942 г. Лом-

тев справедливо оценил труд ученого, назвав его «капитальной работой», «обширным и ценным трудом», который «не имеет себе равного ни в русской, ни в зарубежной литературе по славяноведению и принадлежит к числу лучших явлений советской филологии». Он обозначил общий масштабный замысел книги: «В изданный первый том вошли курсы западнославянских языков. Второй том должны были составить курсы южнославянских языков, третий том — курсы восточнославянских языков; работа в целом должна была, по замыслу автора, представлять собою свод последних научных достижений в славяноведении». Примечательно, что в 1943 г. «колебавшийся вместе с линией партии» Т. П. Ломтев высоко оценил сравнительно-исторический труд Селищева, признав его несомненный вклад в отечественную науку. Но все же, не вдаваясь в подробности научного содержания работы, автор подчеркнул прежде всего ее «общественно-политическую значимость», которая заключалась в том, что ученый на лингвистическом материале показал «единство славянских народов». «Автор, — писал Ломтев, — со всей отчетливостью показал силу и мощь славянства и славянской культуры в борьбе против иноземных агрессоров. Автор навсегда связал свое имя с освободительной борьбой славян против гитлеровских захватчиков». Так неожиданно сугубо научно-учебная книга Селищева приобрела общественно-политическое звучание. Т. П. Ломтев справедливо отметил патриотический порыв ученого, который смело заявил в первые дни войны: «Никогда Германии не победить нас! Ведь это же Россия! Нет, никогда немцы не будут владеть русской землей!»²⁷. Действительно, стремясь внести свой посильный вклад в дело Победы, А. М. Селищев выразил свой патриотизм в публицистических статьях «Извечная борьба славян против немецких варваров» (1941) и «Культура западных и южных славян и ее вклад в мировую культуру» (1943), опубликованных в журнале «Славяне»²⁸.

Следует отметить, что жесткое идеологическое планирование науки в годы войны мало коснулось разработок по славянскому языкознанию. Языковедов-славистов было чрезвычайно мало, они работали индивидуально, в соответствии со своими научными интересами и патриотическими порывами. То немногое, что планировалось в 1939 г. а ИЯМе (составление словаря старославянского языка и сравнительной грамматики славянских языков), в условиях войны не было реализовано.

В связи с этим довольно трудно выделить (как, например, в исторической науке) какие-либо особые направления научных исследований, в которых бы последовательно участвовал ряд авторов.

Но все же потребности войны коснулись и славянского языкознания, прежде всего его практической стороны. По мере продвижения наших войск к западным границам и на территорию Восточной и Центральной

Европы все сильнее стала ощущаться потребность в переводчиках со славянских языков и словарях. Для нужд возобновленного в 1943 г.²⁹ вузовского преподавания славянской филологии также остро требовались учебники. И наши немногочисленные слависты с этой задачей с честью справились.

В 1939 г. был издан «Польско-русский словарь» под редакцией Б.Г. Мархлевской и М.Ф. Розвадовской. Его сопровождал грамматический очерк польского языка, написанный профессором В.Г. Чернобаевым. Последний в следующем году опубликовал свой «Русско-польский словарь», насчитывающий 50 000 слов. Его 3-е издание состоялось в 1946 г. Подобный словарь в 65 000 слов выпустил И.Х. Дворецкий (3 изд., 1948). Болгарский политэмигрант И.Г. Кара-Иванов подготовил в 1944 г. «Русско-болгарский словарь» в 25 тысяч слов. Его тщательно редактировал С.Б. Бернштейн. Последний вместе с болгарскими коммунистами Т.С. Лукановым и Е.П. Тиневой в 1947 г. выпустил в свет «Болгарско-русский словарь». Работавшая в МГУ под началом С.Б. Бернштейна сербская политэмигрантка Р.И. Григорьева составила вместе с М.М. Ильиной «Русско-сербский словарь» (1946). В первые послевоенные годы (1947) было издано два русско-чешских словаря: в 25 000 слов и под редакцией профессора П.Г. Богатырева. К нему был приложен краткий грамматический очерк чешского языка, составленный С.Б. Бернштейном. Таким образом, в 40-е гг. прошлого века слависты располагали словарями практически по всем славянским языкам и даже (кроме сербско-русского и чешско-русского) в прямом и обратном вариантах.

Что касается учебников по отдельным славянским языкам, то кроме пособия А.М. Селищева в 1947 г. был издан учебник «Польский язык» И.Х. Дворецкого, а в 1948 г. — «Учебник болгарского языка» С.Б. Бернштейна, которые вместе с «Грамматикой болгарского языка» болгарского лингвиста Л. Андрейчина (1949; в переводе В.В. Бородич) долгое время служили верой и правдой молодому поколению славистов. Учебник чешского языка А.Г. Широковой, а также учебники сербохорватского языка, выпущенные в ЛГУ, и В.П. Гудковым в МГУ, вышли в свет много позднее.

И все же в некоторых областях славянского языкознания проводились серьезные научные исследования вне зависимости от политической конъюнктуры. Прежде всего речь идет о С.Б. Бернштейне, который, по справедливому утверждению известного русиста и слависта в эмиграции А.В. Исаченко, соединял в себе «качества талантливого педагога, оригинального лингвиста, добросовестного филолога и темпераментного исследователя»³⁰. Выпускник МГУ (где обучался на цикле южных и западных славян у А.М. Селищева), он окончил аспирантуру ленинградского ГИРКа и защитил в 1934 г. кандидатскую диссертацию «Турецкие элементы в языке дамаскинов XVII–XVIII вв.». Главным направлением

его деятельности было изучение болгарских говоров и истории болгарского языка. В этой области он выступал как исследователь-новатор и как инициатор и организатор важных научных исследований синхронического и диахронического плана. Он показал перспективность изучения болгарского языка от современного его состояния (включая народные говоры) к новоболгарскому языку дамаскинов XVII–XVIII вв., отражающему многие особенности речи тех столетий, а от него — к данным памятников письменности XIV–XV вв. (в частности, валашских грамот), а затем и к более ранним этапам³¹. К рассматриваемому нами периоду относится его капитальное исследование «Язык валашских грамот», защищенное в ИРЯ в 1946 г. в качестве докторской диссертации. В 1948 г. оно вышло в свет в виде монографии «Разыскания в области болгарской исторической диалектологии». По справедливому заключению Р. И. Аванесова, «труд С. Б. Бернштейна является первым исследованием в этой области. В нем он рассмотрел широкий круг вопросов, далеко выходящих за рамки обычных лингвистических исследований: проблемы этнических и языковых взаимоотношений на территории Дакии, вопросы возникновения письменности в Валахии, филологическая критика исследуемых текстов (выделение сербских и болгарских элементов). И лишь после этого автор обратился к собственно языковым вопросам — изучение глагола и системы именного и местоименного склонения. Результаты исследования внесли существенный вклад не только в историю болгарского языка, но также и изучение так называемого славянского периода в истории румынского народа и языка. Книга является также крупным вкладом в балканистику. Характерная особенность этого труда — органическая связь истории языка с историей народа»³².

В 1934–1938 гг. С. Б. Бернштейн заведовал кафедрой болгарского языка и литературы Одесского гос. педагогического института и одновременно (1937–1939) кафедрой языкознания Одесского гос. университета. К этому времени он организовал первые диалектологические экспедиции в Северном Причерноморье и в Крыму (с участием студентов), опубликовав первые результаты своих изысканий в статье «Болгарские говоры Украины»³³, обратив особое внимание на ольшанский говор, и др. Продолжая исследования болгарских говоров на территории бывшей Российской империи, начатые Н. С. Державиным («Болгарские колонии в России». София, 1914. Т. 1. Материалы для славянской этнографии и Пг., 1915. Т. II. Язык), Бернштейн значительно превзошел своего старшего коллегу, во многом уточнив сделанные им выводы. Державин провел довольно поверхностные наблюдения (хотя впервые применил фонограф) над языком болгар Приазовья, Херсонской губернии и частично Бессарабии и смог сгруппировать их не по отличительным признакам (сопоставимым с говорами самой Болгарии), а только по губерниям (Бес-

сарабская, Таврическая, Херсонская). Таким образом, Державин, ограничившись «наблюдениями над отдельными случайно выбранными говорами», не сумел верно определить, по заключению С. Б. Бернштейна, диалектный тип болгарских говоров России и установить связь между ними. Отсюда он пришел к неправомерному выводу, что эти говоры представляют собой «бессистемный конгломерат отдельных разнородных диалектологических ячеек»³⁴. После войны С. Б. Бернштейн уже как профессор МГУ и завсектором филологии Института славяноведения РАН организовал фронтальное полевое исследование болгарских говоров на территории СССР (Молдавия, Приазовье, Крым) в ряде возглавляемых им научных экспедиций рубежа 40–50-х гг. XX в. Ему вместе с молодыми коллегами удалось систематизировать болгарские говоры на территории СССР и, сопоставив с говорами балканских болгар, установить их происхождение, выделив при этом единые и смешанные разновидности³⁵.

В первые послевоенные годы С. Б. Бернштейн занялся изучением проблем македонского языка, продолжив исследования своего учителя А. М. Селищева. В отличие от него³⁶ ученый пришел тогда к убеждению, что македонский язык приобрел статус самостоятельного южнославянского языка, отличного как от своего «прародителя» болгарского, так и от «близкого родственника» сербского. В течение 1947 г. он упорно работал над монографией «Македонский язык». 25 апреля С. Б. Бернштейн записал в своем дневнике: «Работаю над монографией с большим подъемом. К сожалению, нет в моем распоряжении источников, на основе которых я мог бы охарактеризовать орфоэпические аспекты. В центре описания грамматики нового языка будет стоять морфология. Специальная глава посвящена анализу языка Мисиркова. В книге будет хрестоматия и македонско-русский словарь к текстам хрестоматии»³⁷. 2 декабря он завершил работу над рукописью³⁸. В мае 1948 г. вышла в свет статья С. Б. Бернштейна «Македонский язык», своего рода реферат законченной монографии³⁹, в котором он осветил содержание книги: «Книга состоит из шести глав. Первая глава посвящена вопросу о месте македонского языка среди других южнославянских языков. Вторая глава содержит описание фонетической и морфологической природы нового литературного языка. Описание сделано на основе оригинальных произведений македонских поэтов и писателей, а также языка газет с привлечением материала из диалектологических текстов. Третья глава посвящена полемике по отдельным вопросам с создателями нового литературного языка. Центральное место здесь уделено форме третьего лица единственного числа глаголов настоящего времени... В четвертой главе дается краткое описание отдельных фонетических и морфологических мест... газеты» «Вардар», выходившей в Одессе в 1905 г. на македонском языке. «Пятая глава имеет задачей показать, что сделано русскими славистами (в их числе

В.И. Григорович, П. А. Лавров, В. Н. Щепкин, Г. А. Ильинский, Н. С. Державин и особенно А. М. Селищев. — М. Д.) в изучении македонских говоров и языка старых македонских памятников письменности...» В шестой главе С. Б. Бернштейн рассматривал актуальные вопросы современного теоретического и практического изучения македонского языка: «Необходимо создать серьезный научный курс македонского языка», дать подробное экспериментальное изучение законов литературного языка, на основе которого можно составить обстоятельный орфоэпический очерк, приступить к составлению большого толкового словаря и небольших двуязычных словарей, начать работу над атласом македонских говоров и т. д.»⁴⁰. В июне академик С. П. Обнорский согласился редактировать эту книгу, названную теперь «Очерки по македонскому языку», дав в августе на нее положительный отзыв. Ранее (весной 1948 г.) книга была утверждена к печати на Ученом совете Института славяноведения. Директор Института, академик Б. Д. Греков (еще в ноябре 1947 г.) обещал, что «книгу будут набирать молнией» к готовившему в апреле съезду славистов в Москве⁴¹. Но обострение и разрыв отношений с Югославией летом 1948 г. надолго внесло изучение македонской проблемы в число запретных тем советского славяноведения.

Тем большего внимания заслуживает статья С. Б. Бернштейна «К вопросу о форме 3-го л. ед. ч. настоящего времени в македонском литературном языке», опубликованная в канун югославских событий⁴². В то время в республике Македония, вошедшей в состав Югославии, остро стоял вопрос о нормализации македонского литературного языка, отличного от болгарского. Как известно, македонский язык относится к числу сравнительно молодых южнославянских языков. Он сформировался только в конце XIX в. на общей основе болгарского языка. В то же время юго-восточные говоры Македонии носят «следы влияния говоров сербских», а восточные сильно болгаризированы. Этот сербизированный «скопско-велесский говор» группа македонских патриотов-возрожденцев стремилась положить в основу нового литературного языка, чтобы отмежеваться от болгарского, что неизменно вызывало протест и жаркие дискуссии. С. Б. Бернштейн занял в этом споре нейтральную и взвешенную позицию, не потакаая претензиям ни болгаро- ни сербофилов. По вопросу о том, какие македонские говоры следует положить в основу македонского литературного языка, к нему, как специалисту, осенью 1944 г. обратился председатель Антифашистского собрания Народного освобождения Македонии Д. Влахов. Бернштейн изложил свою позицию. Он писал: «Перед строителями новой национальной культуры на Балканах стоит задача создания нового литературного языка, языка близкого народным массам Македонии... Велеско-скопские говоры не могут быть использованы при создании нового литературного языка... При выборе говора нужно обязательно учиты-

вать то, что новый язык должен быть наделен и такими особенностями, которые оправдали бы его существование. Таким говором может быть только центральный говор, занимающий значительную территорию Македонии (Битоля, Поречь, Прилеп). К этому говору очень близки говоры охридской группы; они также должны быть учтены при создании нового литературного языка. Эти говоры имеют старую книжную традицию, восходящую еще к деятельности Климента»⁴³. С мнением Бернштейна солидаризировался ряд ведущих македонских языковедов — Вылко Марковский, Блаже Конеский и др. В основу нормализации македонского литературного языка были положены именно центральные говоры, наиболее ярко отражающие особенности этого языка⁴⁴, но в конце 1940-х гг. этот процесс далеко не завершился, нормы орфографии только вырабатывались. Язык газет был «полон противоречий и разных несообразностей». В первой половине 1945 г. Министерство народного просвещения Македонии организовало «Комиссию языка и орфографии» для решения всех спорных вопросов. С. Б. Бернштейн предпринял попытку внести свой посильный вклад в нормализацию македонского языка. В своей статье, тщательно проанализировав историю употребления глаголов 3 л. ед. ч. в центральных говорах, языке старых македонских книжников и писателей XIX в., ученый стремился доказать, что правомерно употреблять здесь формы на *-т*, а не на гласную основу⁴⁵, как в языке современных газет.

К последовательным антимарристам относился и выдающийся украинский лингвист, член-корреспондент АН СССР Л. А. Булаховский (1888–1961), профессор Пермского, Харьковского и Московского (1943–1946) университетов, будущий директор Института языковедения АН УССР (1945–1961) в Киеве. В его многочисленных исследованиях большое место занимали южнославянские языки. В частности, он изучал старо-крымский болгарский говор — единственный родопский говор на территории СССР и послал статью о нем в неопубликованный сборник в честь 70-летия Н. С. Державина⁴⁶. Главным направлением его исследований стали проблемы славянской акцентологии. «В течение всей своей научной жизни, — писал С. Б. Бернштейн, — Булаховский постоянно интересуется вопросами грамматической аналогии, которую он исследует на материале различных славянских языков. Специально болгарскому языку посвящена работа „Славянские атематические глаголы“ (1940). Автор анализирует формы настоящего и будущего времени изъявительного наклонения, формы имперфекта, аориста, повелительного наклонения и причастия»⁴⁷. В этом направлении ученый работал и в 1950-е гг., издав монографии «Акцентологический комментарий к польскому языку» (Киев, 1950) и чешскому языку (Киев, 1953). По заключению Н. А. Кондрашова, Л. А. Булаховский «сделал значительный вклад в

изучение славянской акцентологии (вышедшие работы составляют часть большого подготавливаемого им труда „Введение в славянскую акцентологию“) и истории славянских литературных языков»⁴⁸.

Академик В. В. Виноградов поднял важный вопрос об изучении общего лингвистического фонда славянских языков, который он осветил в статье «Об изучении общего лексического фонда в структуре славянских языков» (1946)⁴⁹. Ученый обозрел мнения о проектах и попытках создания «всеславянских» словарей А. Шлейхера, И. И. Срезневского, Ф. Миклошича, А. Брюкнера, А. С. Будиловича, Р. Траутмана (восстановление славяно-балтийского лексического фонда), А. М. Селищева и др. и пришел к заключению о важности решения поставленной проблемы на основе сравнительно-исторического изучения славянских языков. Он пишет: «Исследование разных исторических взаимодействий славянских языков (напр., русского и болгарского, сербского, русского и польского и т. д.) поможет определить новые пласты лексической общности между разными славянскими языками и соответствия между ними в процессе семантических изменений и в методах словообразования. В этом направлении представляют особенный интерес наблюдения над течением сложного процесса формирования национальных языков у отдельных славянских народов и над той внутренней семантической опорой, которую находили при этом отдельные славянские народы в лексической сокровищнице другого языка (напр., болгары и отчасти чехи в русском языке)»⁵⁰.

Примечательно, что в 1940-е гг. состоялись защиты ряда кандидатских и докторских диссертаций по вопросам славянского языкознания. В 1940 г. в Ворошиловграде защитил кандидатскую диссертацию украинский лингвист С. Самойленко «Категория персональности и неперсональности в славянских языках», в 1942 г. — московский языковед П. П. Свешников «Продуктивность конъюнктивных конструкций в балканских языках», в 1943 г. — ленинградский филолог С. С. Советов «Язык ирои-комической поэмы как фактор развития польского литературного языка во второй половине XVIII в.», в 1944 г. — московский богемист А. Г. Широкова «Восточно-словацкие говоры Земплинского-Унгского комитата», в 1946 г. — ленинградский филолог А. Л. Каплан «Чешско-польские культурные взаимоотношения и их отражение в польской письменности раннего Средневековья», в 1949 г. — московский словакист Н. А. Кондрашов «Категории личности и неличности в словацком языке»⁵¹. Докторских диссертаций по славянскому языкознанию было защищено всего три — упомянутые С. Б. Бернштейна (1946), Л. В. Матвеевой-Исаевой (1947) и В. П. Петруся «Славянская фонематическая структура типа **tolt, *tolt*» (1945). С. Б. Бернштейн выступал на последней защите в качестве оппонента. Он отметил в своих мемуарах: «В целом автор не вносит существенно нового во всю проблему (изучаемую ранее П. А. Лавровским, А. А. Потебней, А. А. Кочубинским. — М. Д.),

но интересно освещает историю этой фонемы в некоторых диалектах. Есть новые и поучительные сопоставления. Праславянскую часть диссертант не затрагивал, даже не пользовался термином „праславянский“, что можно понять при современных обстоятельствах. Следует учесть, что Петрусь работает в провинции, а там марризм силен. У меня было много критических замечаний, но и я, вслед за Державиным и Обнорским, дал общую положительную оценку. Петрусь в свое время жил и работал в Киеве. Был арестован, какой-то срок провел в лагерях, а теперь живет и работает в Кирове. Десятью голосами против двух Петрусь получил степень доктора»⁵². Одна из глав этой диссертации позднее была опубликована в статье «К вопросу о происхождении фонетической формы лексем *rólk* и *towa* в польском языке»⁵³.

Проблема отношения к научному наследию в свете идеологических кампаний

Логической тенденцией развития послевоенной науки являлся кратковременный «период толерантности» (примерно 1944–1946 гг.), когда на волне победного патриотизма было дозволено признание научных заслуг предшественников — именитых русских языковедов, в современном советском языкознании. Этому способствовала русоцентрическая кампания 1944 г.⁵⁴, широкое празднование 220-летия Академии наук⁵⁵ и, казалось бы, по логике вещей, должна была содействовать кампания по борьбе с «низкопоклонством перед Западом». Но на практике случилось иначе.

21 мая 1946 г. до печально знаменитого августовского постановления ЦК ВКП(б) по вопросам литературы в АН СССР было проведено совместное заседание Отделения истории и философии и Отделения литературы и языка, посвященное памяти корифея отечественной науки, академика А. А. Шахматова (1864–1920) по случаю 25-летия его смерти. А. А. Шахматов вошел в историю отечественной науки как выдающийся исследователь русского языка, его говоров, древнерусской литературы, русского летописания, проблем русского и славянского этногенеза и пр. С докладами выступили филологи: академик С. П. Обнорский и профессор В. В. Виноградов, а также историк, профессор М. Н. Тихомиров. Примечательно, что открыл заседание маррист, академик И. И. Мещанинов, который подчеркнул, что научные труды ученого «оставили глубокий след в нашей науке»⁵⁶. В докладе С. П. Обнорского, зачитанном, ввиду его болезни, К. И. Былинским, говорилось о значении А. А. Шахматова как историка русского языка. Автор сделал ряд важных заявлений. Во-первых, он признал, что ученый вместе с А. И. Соболевским «заложил прочный фундамент наших современных знаний о русском языке», что «изучение русского языка после Шахматова идет по путям, им проложенным». Во-вторых, через Шахматова признавалось наследие основоположника московской лингвистической школы Ф. Ф. Фортунатова (1848–1914),

внесшего значительный вклад в развитие общего и сравнительно-исторического языкознания. Именно эта школа постоянно подвергалась нападкам марристов. В докладе же, как ни в чем не бывало, указывалось: «От Ф. Ф. Фортунатова Шахматов унаследовал глубокую общую лингвистическую подготовку — знание сравнительной грамматики индоевропейских и славянских языков». В-третьих, признавались заслуги Шахматова в исследовании русских говоров, в разработке программы по их изучению, по которой работала известная Московская диалектологическая комиссия. В-четвертых, Обнорский признал вклад ученого в публикацию памятников языка и культуры и их критическое исследование: «Его методология и методика публикации и исследования памятников составили целый этап в науке». Признавая ряд недостатков Шахматова в исходных принципах и исторической схеме, С. П. Обнорский дальновидно оценил масштаб научной деятельности ученого: «Знание истории русского языка, построенное Шахматовым, захватывает громадным масштабом своих перспектив, освещая и далекое прошлое и богатства современного русского языка. Оно опирается на богатый материал источников, прочный и доброкачественный, специально проверенный и критически обследованный. Деятельность А. А. Шахматова открыла новый этап в разработке истории русского языка»⁵⁷. В этих словах заключается высшая оценка, какую только можно дать творчеству ученого. Абстрагируясь от марксизма и марризма, Обнорский охарактеризовал Шахматова как корифея отечественной науки, научная концепция и методология которого адекватна представлениям современной науки и имеют непреходящую ценность. Примерно в этом же ключе преподносились заслуги ученого в докладе В. В. Виноградова «Русский литературный язык в исследованиях А. А. Шахматова». Автор подчеркнул его предпочтение не синхроническим, а историческим исследованиям языка. Он показал славистический аспект трудов ученого, благодаря которым «история русского литературного языка стала одной из глав сравнительной истории славянских языков, тесно сблизилась с диалектологией русского языка, с историей языка города и с историей языка народной словесности». Виноградов изложил концепцию Шахматова о формировании русского литературного языка на основе всеобъемлющего влияния старославянского языка и «этнографического, народно-русского речевого начала» и в духе русоцентризма нарисовал картину «мирного, но стремительного усвоения чужого, хотя и родственного славянского языка древней Русью», которая представлялась ученому выражением великих жизненных сил «русской почвы». Более критически, чем предыдущий докладчик, оценивая вклад Шахматова в разработку истории русского языка, находя в его концепции «противоречия и крайности», Виноградов признал, что он много дал современной науке в эвристическом плане, выдвинув «много новых, чрезвычайно существенных проблем и за-

дач, не разрешенных еще современной наукой о русском языке»⁵⁸. В докладе М. Н. Тихомирова говорилось о вкладе А. А. Шахматова в историческую науку, в разработку проблем русского летописания.

Позднее 14 июня 1946 г. состоялось еще одно объединенное заседание ОИФ и ОЛЯ, посвященное памяти А. А. Шахматова. С докладами выступили С. П. Обнорский, Д. С. Лихачев, В. И. Чернышев, Д. Б. Бубрих, Е. С. Истрина⁵⁹. На основе этих докладов и других материалов в 1947 г., несмотря ни на что, вышел в свет сборник статей и материалов, посвященный А. А. Шахматову⁶⁰. Это было апогеем его признания в сталинскую эпоху.

В целом прозвучавшее на заседании безоговорочное признание заслуг ученого-компаративиста, поддержанное многолюдной аудиторией, нанесло болезненный щелчок по марризму, и если бы языкознанию в дальнейшем позволили развиваться по традиционному пути, проложенному трудами предшественников, то, полагаем, марризм мог быть изжит эволюционным путем. Антимарристы предприняли еще несколько шагов по реабилитации сравнительно-исторического языкознания в СССР. 13 июня 1947 г. на заседании Отделения литературы и языка с «большим интересом» был заслушан доклад президента Сербской академии наук А. Белича «Природа языка и его изучение». Более того, изложение доклада «буржуазного» ученого-компаративиста публиковалось в «Вестнике АН СССР»⁶¹. А между тем докладчик опирался (хотя и критически) на труды основоположника структурализма Ф. Де Соссюра, оперируя его терминологией. У А. Белича быстро нашелся последователь, московский лингвист Н. С. Поспелов, напечатавший в том же году статью «Учение академика А. Белича о синтаксическом индикативе и синтаксическом релативе»⁶². В июне же А. Белича избрали почетным профессором МГУ⁶³. Удалось опубликовать также статью выдающегося польского структуралиста, специалиста по индоевропейскому и общему языкознанию Е. Куриловича⁶⁴.

Однако марристы также «не дремали». Относительно притихшие в годы войны и смирившиеся лишь с формальным признанием истинной «марксистскости» их учения, в конце 1940-х гг. они снова перешли в наступление на отечественное языкознание. Эту атаку облегчили жесткие идеологические кампании по борьбе с низкопоклонством перед Западом, по осуждению журналов «Звезда» и «Ленинград» в августе 1946 г., по изжитию «буржуазного объективизма», разгром генетики, философии и пр. Началось это постепенно с юбилеев Н. Я. Марра, И. И. Мещанинова, ИЯМа⁶⁵, на которых актуализировалось значение «материалистического» направления в языкознании, противники которого причислялись к «идеалистам» со всеми вытекающими отсюда политическими последствиями. И. И. Мещанинов выступил со статьей «Учение Н. Я. Марра о стадильности» (1947)⁶⁶, создав прецедент для появления серии подобных статей⁶⁷. Эта «проблема» стала предметом обсуж-

дения в Институте языка и мышления им. Н.Я. Марра в Ленинграде и его московском филиале⁶⁸. «Стадиальность» нашли даже в трудах А. А. Потебни⁶⁹. Появились работы специально направленные против структурализма и сравнительно-исторического языкознания⁷⁰.

В преддверии кампании против космополитизма (1949) вошли в практику всевозможные обсуждения, осуждения, «суды чести» и прямая травля, справедливо названная В. М. Алпатовым «аракчеевщиной»⁷¹. Важное значение имели доклады И. И. Мещанинова «О положении в лингвистической науке» и Ф. П. Филина «О двух направлениях в языковедении», прочтенные в Ленинграде на совместном заседании Ученых советов ИЯМа и ЛО ИРЯ АН СССР 22 октября 1948 г. и повторенные через пять дней в московском Институте русского языка⁷². Мещанинов «в корректных тонах», а Ф. П. Филин в «некорректных»⁷³ обвинили там М. В. Сергиевского, В. В. Виноградова и А. С. Чикобаву в критике марризма⁷⁴.

Из славистов-лингвистов особенно досталось именно академику В. В. Виноградову, отчасти и С. Б. Бернштейну. От них требовали публичного покаяния и демонстрации приверженности к «новому учению о языке». Испытывая муки морального характера, ученые все же «дрогнули».

Первоначально книги В. В. Виноградова «Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.» (1938), «Великий русский язык» (1945), «Русский язык» (1947) признавались существенным вкладом в науку⁷⁵. Позже, со статьи в «Литературной газете» неких Б. Агапова и К. Зелинского «Нет, это — не русский язык!»⁷⁶ началось значительное давление и травля в печати⁷⁷. Сначала ученый как мог отбивался, отвергал обвинения в своем «немарксизме», мужественно заявив на открытом партийном собрании Московского отделения ИЯМ и ИРЯ в начале 1948 г., что «новое учение о языке не покрывает всех проблем, выдвинутых советским языкознанием»⁷⁸. Однако затем весной 1949 г. на пике кампании «борьбы с космополитизмом» на совместном Ученом совете названных институтов он выступил все же с признанием, что «он никогда не вел борьбы против установок Н. Я. Марра в области языкознания... Он и впредь считает для себя необходимым теснее сблизиться с новым учением о языке... Ему... пришлось сталкиваться с трудностями в освоении материалистического, марксистско-ленинского метода научно-лингвистического мышления. Отсюда блуждания и поиски новых путей изучения русского языка, приводивших иногда к неправильным положениям»⁷⁹.

В области славистики «покаяние» В. В. Виноградова выразилось в статье «Основные вопросы изучения современных славянских языков» (1949)⁸⁰, в которой заявил о своей приверженности «передовому» «материалистическому» учению о языке Н. Я. Марра и осуждению «формального компаративизма дореволюционного славяноведения», а также «сравнительно-исторического схематизма буржуазного индоевропейского языкозна-

ния»⁸¹. В этой связи он вынужден был резко осудить «порочность методологии» и «одностороннюю формально-грамматическую направленность»⁸² трудов А. А. Шахматова, из школы которого вырос. Теперь же В. В. Виноградов выступил с критикой сравнительно-исторического метода, исходя из которого всегда строил свои работы. Он, в частности, писал: «В основе этой методологии лежит метафизический принцип историко-генетического родства современных славянских языков, являющихся будто бы результатом различных эволюций одного и того же „праславянского языка“ (или „славянского праязыка“). И А. А. Шахматов, изучая явления современного русского литературного языка, старается вскрыть их „исторические корни“, сопоставляя их с однородными явлениями в других славянских языках. Истоки и причины современных русских языковых явлений оказываются сближенными с соответствующими древнерусскими и инославянскими явлениями и процессами у *своей мнимой общеславянской основы*. Конкретно-историческая сущность русского языкового процесса в его обусловленности историей материальной культуры и общественных мировоззрений — при таком абстрактном формально-лингвистическом анализе — совершенно искажается и расплывается в славянофильском и космополитическом тумане»⁸³. Печальный факт вынужденного отречения от наследия выдающегося русского ученого А. А. Шахматова был налицо.

Тем не менее после «покаянной» преамбулы В. В. Виноградов, словно забыв о критике «буржуазного» сравнительно-исторического метода, поставил в своей статье ряд интересных и не потерявших до сих пор своей актуальности вопросов по «сравнительно-типологическому» изучению славянских литературных языков. Отдав дань высказываниям Ленина и Сталина о развитии языков в капиталистическом и социалистическом обществах, В. В. Виноградов говорил, например, о неравномерном развитии и одновременном формировании славянских национальных языков, обусловленных различными политическими и культурно-историческими условиями, в которых «протекал процесс образования национальных языков у разных славянских народов». Поэтому, справедливо считал он, и «возраст» их различен: «...крайние полюсы русский, польский, чешский языки, с одной стороны, и белорусский или македонский, с другой; промежуточные по „возрасту“: сербский, болгарский, украинский». Формирование и развитие национальных языков он связывал «с народно-освободительными движениями, с возрождением народности в разных сферах общественной жизни, с национальным самоопределением славянских народов»⁸⁴. Ученый поставил проблему «межславянского словарного фонда» и «общей интернациональной лексики в структуре современных славянских языков» (затронутую в упомянутой статье 1946 г.), тесно связав ее с процессами интеграции стран «новой демократии»⁸⁵.

В то же время он принимал во внимание и аспекты «национализации и индивидуализации» интернациональной лексики в структуре каждого славянского языка. Виноградов выступал за сравнительно-типологическое изучение современных славянских языков «в фонологическом, морфологическом, синтаксическом и лексическом плане», очистив его от «антиисторического» и «метафизического формализма структуралистской теории (напр., работы проф. Б. Гавранка)». Ученый считал важным учитывать проблему «функционального расслоения славянских литературных языков в течение XIX и XX вв. и все усложняющегося стилового их разнообразия»⁸⁶. Он поставил вопрос о «синхронно-диахроническом» (т. е. статико-историческом) «функционально-стилистическом изучении каждого из современных славянских языков»⁸⁷. Для плодотворной работы в этом направлении он считал необходимым создание хороших «дифференциальных» словарей разных славянских языков и общего «сравнительно-семантического словаря всех славянских языков», а также «сравнительно-функциональных грамматик современных славянских языков»⁸⁸.

В заключение статьи Виноградов рассуждал также о необходимости изучения как «индивидуального стиля художника слова», так и языка художественной литературы в целом. При этом он говорил о важности изучения современного литературно-художественного языка славянских народов в сравнительно-типологическом плане: «Наблюдения над тождественностью или сходством средств и приемов поэтического выражения в современных славянских литературных языках, установление общих для них закономерностей в развитии форм и жанров литературного творчества, осмысление различий в системах словесно-художественной изобразительности — все это будет лишь содействовать пониманию тесного родства и общности славянских национальных культур»⁸⁹.

Завершалась статья оптимистическим прогнозом будущего всестороннего сближения славянских языков и культур СССР и стран «новой демократии», когда «семантическая структура живых славянских языков будет все полнее и шире отражать общие пути идеологии, общие культурно-политические интересы славянских народов». И при этом в духе русоцентризма утверждалось: «Великому русскому языку в этом сближении славянских языков принадлежит огромная роль. Это сближение славянских литературных языков, не затрагивая их национальной независимости, сулит им всем новую эру развития. В демократическом государстве нового типа литературный язык становится подлинным достоянием всего народа и питается жизненными соками материальной и духовной культуры всей нации»⁹⁰.

С. Б. Бернштейну также пришлось пережить нравственную трагедию накануне лингвистической дискуссии 1950 г. Хотя этот случай выходит за хронологические рамки нашей работы, охарактеризуем его как яркий, зафиксированный в мемуарах пример состояния нравов (вопрос

о конформизме) той зловещей эпохи и логическое завершение идеологической кампании касательно славистики. Напомним, что к концу 1949 г. культ Марра достиг своего апогея. С начала 1950 г. началось административное преследование тех, кто еще не покался⁹¹.

Готовилась научная сессия, посвященная Н. Я. Марру в связи с 15-летием со дня его смерти. С. Б. Бернштейн, заведовавший тогда кафедрой славянских языков МГУ, как всегдашний и последовательный противник марризма, был вызван на беседу по этому поводу руководством филологического факультета. Тогдашний декан Н. С. Чемоданов и его заместитель Т. П. Ломтев убеждали ученого прочесть доклад, в котором он должен показать, что перестраивается в духе «нового учения о языке». «Никого не интересует, что ты думаешь на самом деле», — «аргументировал» сомнительное предложение Т. П. Ломтев. «Ты должен прекратить, — более весомо подкрепил аргументацию Н. С. Чемоданов, — чтение лекций по сравнительной грамматике славянских языков. Я скрываю от ректора и от министерства, что на факультете читается такой курс. В любой момент может разразиться скандал. Не буду скрывать, что это больно ударит и по мне»⁹².

Началась полоса душевных терзаний и поиска выхода. «На душе, — писал мемуарист, — чернее черной кошки. Что делать? Пренебречь советом — значит уйти из университета, вероятно, и из Института славяноведения. Ну а потом? Менять специальность уже поздно. Постепенно в душу закрадывается мыслишка — я должен подумать и о славистике. Пока она в университете, и в Институте пропадет без меня. Я не имею права бросать ее на произвол, я отвечаю перед потомством за ее судьбу. Так постепенно возник мостик для соглашательства. Чувствую, что пойду на компромисс. Грязная свинья!!!»⁹³.

Оценка ученым своего нравственного компромисса в комментариях не нуждается. Бернштейн наглядно показал внутреннюю мотивацию своего вынужденного сервизма. Отношение к докладу он выразил в следующих мемуарных записях: «Для марровской сессии состряпал доклад на тему „Проблемы изучения болгарского языка в свете нового учения о языке“. Это не представляло никакого труда, так как на сессии подобного рода нужен крик и шум, треск и барабан, а не наука. Мы все уже давно наловчились выступать с подобного рода „научными“ докладами»⁹⁴. О самом выступлении ученый кратко сообщил: «На днях на сессии памяти Марра читал доклад. Все мои „благожелатели“ были в восторге. Я полагал, что закончится докладом. Однако Ломтев требует его публикации. Неужели я должен пройти и через этот позор! Пока буду тянуть всеми средствами»⁹⁵.

Эти несколько театрализованные строки написаны С. Б. Бернштейном в 1970-е гг., когда он в полной мере осмыслил уроки эпохи господ-

ства марризма. В оригинале дневника в записи от 19 февраля 1950 г. никакого нравственного осуждения своего «марристского» выступления ученым сделано не было, тогда это было в порядке вещей. Он писал: «На днях (14 числа) на сессии памяти Марра в университете читал доклад „Формирование болгарского народного языка в свете нового учения о языке“. Доклад, говорят, имел успех. С большим успехом прошел доклад Виноградова. Докладчики Сердюченко и Левковская оскандалились. Мой доклад будет печататься»⁹⁶.

Следует отметить, что ни в мемуарах, ни в оригинале дневника Бернштейн ничего не писал о содержании «покаянного» доклада. В архиве ученого нам не удалось обнаружить именно этот текст, зато есть тексты двух других докладов, один из которых свидетельствует, что «грехопадение» ученого случилось несколько ранее, как раз после выступления И. И. Мещанинова и Ф. П. Филина в ИРЯ. В мемуарах 21 ноября 1948 г. он зафиксировал: «В пятницу, 19-го, делал доклад об очередных задачах славяноведения. Присутствовали все московские слависты. Председательствовал Державин. Выступало много народа»⁹⁷. В этой записи нет ни слова осуждения или выражения какой-то чрезвычайности содержания доклада. А между тем он был выдержан в «погромном» духе тогдашних идеологических кампаний. Выполняя постановление Ученого совета МГУ от 27 сентября 1948 г., призвавшего путем самокритики изучать уроки августовской сессии ВАСХНИЛ, разгромившей отечественную генетику, ученый «обрушился» на вейсманистов-морганистов как представителей «буржуазной» науки. Аналогию им он нашел в «буржуазных» лингвистах, которые «своими теориями праязыка, превосходства индоевропейских языков над другими языками, извечной обособленности одних языков от других подкрепляют расистские теории, служат и оправдывают империалистические захваты и колониальный режим. Буржуазное языкознание в отрыве от деятельности человека, от социальных условий рассматривает его лишь в плане биологическом». «С этим буржуазным языкознанием, — с энтузиазмом утверждалось в докладе, — мы должны вести такую же непримиримую борьбу, разоблачать отдельных его представителей также решительно и принципиально, как это делают сейчас наши товарищи биологи в отношении вейсманистов». Разоблачив вейсманистов и «буржуазных» лингвистов совсем в духе академика Н. С. Державина, И. И. Мещанинова и др., С. Б. Бернштейн выступил с критикой и своих коллег, неоднократно подвергавшихся тогда критике — М. Н. Петерсона и А. А. Реформатского, обвинив их в опоре на методологию выдающегося компаративиста, основоположника московской лингвистической школы Ф. Ф. Фортунатова (1848–1914) и игнорировании «достижений марксистско-ленинской методологии». За использование теории праязыка он резко критиковал своего единомышленника Л. А. Була-

ховского. Л. П. Якубинскому «досталось» за то, что тот в одной из статей с помощью цитат из Ф. Энгельса пытался оспорить «новое учение о языке» применительно к славянским языкам⁹⁸.

Здесь же, как ни печально, Бернштейн вынужден был выступить с критикой своего учителя А. М. Селищева, репутацию которого яростно защищал в 1932 г. от нападок «языкфронтовцев» М. Н. Бочачера (директора НИЯЗа) и др., стремившихся в борьбе с марристами утвердить свое понимание марксизма в языкознании и также выступавших против «буржуазной» индоевропеистики⁹⁹. Он признал, что опубликование в «Докладах и сообщениях» филфака МГУ (1947. Вып. 4) выступлений памяти А. М. Селищева, сделанных в годовщину его смерти в декабре 1943 г., не отвечает современным научным требованиям. «Селищев мой учитель, — сказал Бернштейн. — Под его руководством проходила моя подготовка в области славянской филологии и балкановедения. Однако это не освобождает меня от необходимости критики, с позиций марксистско-ленинского языкознания оценить его труды по вопросам балкановедения. Это не было сделано ни мной, ни другими участниками сборника... На методологических ошибках Селищева в своих лекциях я останавливаюсь часто и подробно. Если панегирический тон можно было оправдать в докладах, которые читались вскоре после смерти учителя, то издавать их без серьезной переработки в 1947 году не следовало. Среди членов нашей кафедры есть несколько учеников Селищева. Все они должны помнить, что мы плохую услугу окажем и памяти Селищева и нашему общему делу, если не подвергнем серьезной критике методологические установки его. Это задержит наш собственный рост».

Но верхом «покаяния» стали «ожидаемые научной общественностью» пассажи о научных заслугах Н. Я. Марра. «Весьма существенным вопросом для нас сейчас является вопрос о новом учении о языке, созданном акад. Н. Я. Марром, — отметил Бернштейн. — Свое учение акад. Марр создал базируясь на языках, далеких от языков нашей специальности. Но было бы большой принципиальной ошибкой на основании этого утверждать, что новое учение о языке не имеет отношения к славистике. Так утверждали многие противники акад. Марра, но это были и противники советского, марксистско-ленинского языкознания».

В связи с этим С. Б. Бернштейн положительно отзывался о прежде критикуемых трудах Н. С. Державина: «Акад. Н. С. Державин является славистом. И однако в течение многих лет он работает над исследованием различных проблем славяноведения, стоя на позициях нового учения о языке. Мы должны понять, что мы не создадим марксистско-ленинского славяноведения, если будем игнорировать новое учение о языке, если не будем творчески применять идей акад. Н. Я. Марра в своей научной и педагогической деятельности. Нужно сказать честно и откровенно, что в

этом отношении нами сделано очень мало. Необходимо, чтобы наступил здесь решительный перелом».

Бернштейн также сделал попытку в отчаянно-наступательном тоне оправдать необходимость чтения курса сравнительной грамматики славянских языков в МГУ, отрицая в духе времени те основания, на которых он базировался: «В течение многих лет ежегодно я читаю сравнительную грамматику славянских языков. Выступая против многих основных положений традиционного буржуазного компаративизма (в частности, против учения о праязыке, против формального применения сравнительного метода и др.), я, однако, совсем недостаточно останавливался на вопросах метода, перегружал свой курс массой лингвистических мелочей. А очевидно, что именно этот курс должен в большей степени, чем другие, быть методологически заостренным, так как он дает широкую возможность показать ограниченность метода буржуазного языкознания. Именно по этому пути я пошел в этом году».

В докладе выражено и распространенное тогда убеждение о «самых передовых» идеях советского славяноведения и необходимости «культуртрегерского» внедрения их в науку стран «новой демократии». Бернштейн утверждал в этой связи: «Недостаточно боролись мы и с реакционными идеями в трудах зарубежных славистов. Досталось от нас кое-кому из реакционных болгарских славистов. Но разве нет таких же обскурантов как Младенов* в сербском, чешском или польском языкознании? Они, конечно, есть, и с ними надо вести борьбу. Нужно прийти на помощь тем зарубежным славистам, которые искренне стремятся стать на позиции марксистской науки. В последнем номере журнала „Slavia“ напечатана статья Вольмана и Гавранка об очередных задачах нашей науки славистики**. Нужно прямо сказать, что оба чешских слависта многого не понимают и фактически в области метода стоят на позициях буржуазной науки. Я думаю, что именно мы, советские слависты, должны откликнуться на подобного характера работы и показать ограниченность мировоззрения их авторов».

Вероятно, текст этого доклада был использован и в февральском выступлении Бернштейна. На исходе «космополитической» истерии, 7 апреля 1949 г., ученый выступил в подобном же духе на заседании Ученого совета филологического факультета. Теперь он дошел до утверждения, что в лик-

* Стефан Младенов (1880–1963) — крупный болгарский языковед, академик БАН (1929) и многих иностранных академий, профессор Софийского университета. Автор важных трудов по славянскому, болгарскому (диалектология, этимология), индоевропейскому и общему языкознанию.

** *Havráněk B., Wollman F. Naše pojetí slovanské filologie a její dnešní úkoly // Slavia. Roč. 18. 1947/1948. S. 249–268.*

видации славяноведения в СССР повинны «замаскированные враги» науки — космополиты: «В одной из своих статей „Правда“ писала, что буржуазный космополитизм нанес нашей культуре и науке громадный вред. От себя могу добавить, что есть разные области знания, которые в результате многолетней деятельности наших замаскированных врагов, врагов русской и советской культуры почти прекратили существование. И это не второстепенные, периферийные области, а первостепенные и важные. Я имею в виду славяноведение в самом широком смысле этого слова (славянское языкознание, славянское литературоведение, историю, искусство и пр. и пр.). Действительно, создалось совершенно непонятное положение. В СССР нет славистов. В СССР — в могучей славянской стране, где славяноведение стояло всегда очень высоко».

Поставив вопрос, почему советское славяноведение, в отличие от дореволюционного, не имеет достаточно кадров квалифицированных преподавателей, Бернштейн сделал экскурс в историю славяноведения, еще раз заклеив дореволюционную «буржуазную» науку. «После революции, — сказал он, — многие слависты оказались в рядах белой эмиграции, что не было случайным. Действительно, в области славяноведения было много представителей самой черной реакции. Мы знаем, что проф. киев. универ. Флоринский был расстрелян по решению ВЧК. Случай очень редкий. Но, тем не менее, оставалась сравнительно большая группа славистов, которая продолжала работать и хотела работать. Среди них можно указать две группы. Одни продолжали работать в старом плане (Ляпунов, Селищев [вставлен Булаховский. — М. Д.], Лукьяненко), другие (ленинградцы) пошли на выучку к академику Марру и попытались применить марксистскую методологию к славистике (Державин, Долобко). Было много молодых специалистов, которые только начинали свою научную деятельность (Свешников и мн. др.)». Себя в число последних ученых Бернштейн не вставил.

«Почему, — вопрошал он, — ничего не получилось? Почему за все эти годы Державин и Долобко (он умер в 1935 г.) не подготовили нам научной смены советских славистов-марксистов. Почему Булаховский не воспитал ни одного специалиста по славистике, и славянское отделение киевского университета влачило жалкое существование? Может быть, они не хотели? Может быть, они хотели, чтобы вместе с ними умерла славистика? Нет причины в другом... И здесь сразу же обнаружилось все пагубные последствия этой вредительской политики».

И далее в духе времени Бернштейн рассуждал о «главной жизненной задаче» — возрождении славистики в СССР: «Это нельзя понимать в том смысле, что мы возрождаем старую славистику. Нет. Советская славистика так же должна отличаться от дореволюционной, как и вся наша общественная наука отличается от дореволюционной. Надо, одна-

ко, прямо и открыто признать, что здесь у нас достижений меньше, чем должно было быть. Все что говорилось на философской дискуссии по книге тов. Александрова и позже об объективизме, о неумении увидеть коренные различия до марксистско-ленинского этапа в науке относится и к нам, советским славистам». В качестве примера потакания «буржуазному объективизму» он привел сборник памяти А. М. Селищева и славяноведческие работы Л. А. Булаховского.

Напротив, теперь ранее критически воспринимаемые труды Н. С. Державина представлялись им как образец для подражания, невзирая на присущий им и осуждаемый ученым «политический барабан». «Нет во многих наших работах, — утверждал он, — той необходимой в настоящее время политической заостренности, к которой нас призывает партия и которая необходима в каждом научном исследовании. Счастливое исключение представляет в этом отношении акад. Державин, работы которого всегда политически заострены и смело и решительно разоблачают врагов социализма, демократии и славянства. Велики заслуги Державина и в области применения идей акад. Марра в области славянского языкознания и славянского фольклора».

Завершало доклад пафосное в духе времени утверждение о необходимости разрыва с традициями дореволюционного отечественного славяноведения: «Мы... должны решительно порвать со старыми отжившими традициями, смело ставить большие методологические проблемы, выступать с острой и принципиальной критикой, как собственных ошибок, так и ошибочных и даже враждебных нам положений зарубежных славистов славянских стран. Мы должны сделать советскую славистику передовым участником нашего теоретического фронта»¹⁰⁰.

Таким образом, в смуте марристской «аракчеевщины» Бернштейну пришлось, как и Виноградову, отречься от классического наследия славянской филологии и от своих учителей.

К счастью для научной репутации С. Б. Бернштейна и его коллег-славистов, подобные доклады не были изданы. Этому помешала внезапное изменение ситуации в советском языкознании в мае 1950 г., связанное с публикацией антимарристской статьи А. С. Чикобавы в «Правде» и неожиданной поддержкой ее И. В. Сталиным, вскоре включившимся в дискуссию со своей статьей «Марксизм и вопросы языкознания»¹⁰¹. Противники Марра восприняли появление этих статей «почти как чудо» и с облегчением вернулись к исповедованию своих прежних взглядов, испытывая муки совести за временный отход от них и «поступление принципами».

Впрочем, для атмосферы эпохи характерно, что нравственные терзания испытывали далеко не все. Характерный пример привел в своих мемуарах С. Б. Бернштейн. Он писал: «Один Ломтёв не унывает. Он мне открыто и цинично сказал: „Я всегда стою на позиции партии. До вы-

ступления тов. Сталина позиция партии в языкознании состояла в признании „нового учения о языке“. Теперь начинается новый этап, этап сталинский. Я вместе с партией перехожу на этот новый этап. Я уже переработал свою статью в свете новых установок. Тебе жить труднее, так как у тебя нет путеводной звезды, за которой бы ты шел бездумно. Сейчас многие бывшие марристы собираются писать покаянные письма. Я этого делать не буду, так как большей глупости нельзя и придумать. Моя совесть чиста!“ Таков Ломтёв!»¹⁰².

Многие мыслящие ученые, с восторгом и удовлетворением воспринявшие очистительный душ лингвистической дискуссии, затем закономерно задались вопросом, кто виноват в том, что антинаучная теория Марра заняла господствующие позиции в советском языкознании?

С. Б. Бернштейн справедливо писал: «Виноваты не только эпигоны Марра, которые фактически ликвидировали языкознание. Виноваты более высокие инстанции, которые поддерживали этих полуграмотных эпигонов. Убежден, что теперь будут открыты окна и затхлый яфетический воздух, в котором так хорошо дышалось „ученикам Марра“, рассеется»¹⁰³. Ученый поставил вопрос и о моральной ответственности ученых за утверждение марризма. «Марризм в языкознании, — писал он, — это позор, несмыаемый позор. Наши потомки не смогут простить нам нашего малодушия»¹⁰⁴.

Таким образом, ученый представил нам неординарные свидетельства функционирования советского конформизма. Не щадя ни себя, ни ближайших коллег, он изобличает парадоксальную действительность, порождающую уродливые человеческие отношения, в которых отречение от своего учителя, отказ от своих научных идей и принципов поощрялись, а их отстаивание, убежденность в своей правоте грозили всяческими репрессиями. Он показал, с какой легкостью в этой мутной обстановке многие его коллеги мимикрировали, приспособлялись к новым условиям, с чистой совестью «колебались вместе с линией партии». Честно показал на собственном примере, как тяжело было совестливому человеку сохранять научную честь, избегая прямого конформизма и сервизма¹⁰⁵.

Подлинным прозрением ученого, свершившимся, конечно, не в 1950-е (как следует из мемуаров), а в «застойные» 1970-е гг., было смелое признание, что в условиях тоталитаризма не может быть подлинной свободы научной дискуссии. Здесь только одни догматы и кумиры сменяются другими, и карьеристы-конформисты мгновенно (без угрызений совести) перестраиваются в угоду новым идеологическим установкам. «В период господства марристов на поверхности было много вонючей накипи. Теперь господствуют другие, сменилась и накипь, но она продолжает вонять... Сейчас очевидно, что дело не в т. н. „новом учении“, а в нашей общественной системе», — задолго до коренных социальных перемен в нашей стране

писал С. Б. Бернштейн¹⁰⁶. И действительно, никто не отменил после дискуссии попыток внедрения (правда, с меньшим напором) марксизма в языкознание, идеологических чисток, борьбы с «буржуазным объективизмом» за «партийность» в науке, ограниченного общения с «буржуазными учеными» и отрицание достижений науки «капиталистических стран» и пр. Лишь в 1970-е гг. постепенно стало возрождаться уважение к дореволюционному славистическому наследию. Да, традиционное сравнительно-историческое языкознание было реабилитировано, но новое направление, структурная лингвистика, обрела право на существование лишь в 1960-е гг. и этому в не малой степени содействовал С. Б. Бернштейн. Наука в тоталитарном обществе не могла развиваться свободно, согласно своим законам, но, тем не менее, вопреки политической конъюнктуре развивалась, и даже, как было нами показано, достигла определенных успехов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Бернштейн С. Б.* Из истории изучения южных славянских языков в России и СССР // Вопросы славянского языкознания. М., 1957. Вып. 2. С. 142.
- ² См., например: *Селищев А. М.* Очерки по македонской акцентологии. Казань, 1918; *Он же.* Полог. София, 1929; *Он же.* Славянское население в Албании. София, 1931; *Карский Е. Ф.* Белорусы. М.; Пг., 1916–1922. Вып. 1–3. *Он же.* Русская диалектология. Л., 1924; *Он же.* Славянская кирилловская палеография. Л., 1928; *Он же.* «Русская правда» по древнейшему списку. Л., 1930; *Дурново Н. Н.* Чешско-русский словарь. М., 1933; *Соболевский А. И.* Русско-славянские эподы. I–XX. Л., 1923–1924; *Лавров П. А.* Кирил та Методий у давньослов'янському письменстві. Київ, 1928; *Он же.* Материалы по истории возникновения древней славянской письменности. Л., 1930; *Ляпунов Б. М.* Единство русского языка в его наречиях (пособие к лекциям по истории русского языка). Одесса, 1919; и др.
- ³ *Алпатов В. М.* История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991; *Он же.* Что такое марксизм в языкознании // Общее и восточное языкознание. Сборник научных трудов, посвященных 70-летию члена-корреспондента РАН В. М. Солнцева. М., 1999. С. 8–19.
- ⁴ *Алпатов В. М.* История одного мифа...; *Он же.* Что такое марксизм в языкознании...
- ⁵ *Мещанинов И. И.* Общее языкознание за двадцать лет // Памяти академика Н. Я. Марра. М.; Л., 1938. С. 1.
- ⁶ Цит. по: Там же. С. 9.
- ⁷ Там же. С. 6.
- ⁸ *Державин Н. С.* Историческая наука у славян и задачи советского славяноведения // Исторический журнал. 1942. № 11. С. 51.
- ⁹ *Алпатов В. М.* История одного мифа...; *Он же.* Что такое марксизм в языкознании... С. 8–19.
- ¹⁰ *Державин Н. С.* Наука на службе империализма // Известия общественных наук. 1932. № 2. С. 147.

- ¹¹ Подробнее см.: *Бернштейн С. Б.* Из истории изучения южных славянских языков... С. 150.
- ¹² Там же. С. 151. См.: *Державин Н. С.* Славяне и Византия в VI веке // *Язык и литература.* М., 1930. Т. 6. С. 5–47; *Он же.* Древние фракийцы и славяне // *Известия АН СССР. ОЛЯ.* 1944. Т. 3. Вып. 2–3. С. 67–70.
- ¹³ *Советов С.* Один из образов 'огня' и 'воды' в сербских и словинских сказках // *Памяти академика Н. Я. Марра.* М.; Л., 1938. С. 429–440.
- ¹⁴ Там же. С. 439–440.
- ¹⁵ Цит. по: Там же. С. 440.
- ¹⁶ Крупный ученый, общественный деятель (К годовщине со дня смерти проф. С. С. Советова) // *ВЛУ.* Л., 1959. № 20; *Сергей Сергеевич Советов* // *КСИС.* М., 1959. Вып. 27; *Волошина Г. К., Мацюсевич Я. В.* С. С. Советов как исследователь и переводчик польской литературы // *Славянская филология.* Л., 1988. Вып. 6.
- ¹⁷ *Советов С. С.* К вопросу о языке польских сатирических поэм в XVIII веке // *Ученые записки Института славяноведения.* М., 1949. Т. 1. С. 293–324; *Он же.* Стилистическое осмысление мужско-личных и «предметных» окончаний в поэтическом языке «Гражины» Мицкевича // *Уч. зап. МГУ.* М., 1949. Вып. 14. Серия филологических наук. С. 51–75.
- ¹⁸ Подробнее см.: *Волошина Г. К., Мацюсевич Я. В.* С. С. Советов как исследователь и переводчик польской литературы... С. 171–172.
- ¹⁹ *Матвеева-Исаева М. В.* Закон Фортунатова — де Соссюра // *Известия по русскому языку и словесности АН СССР.* Л., 1930. Кн. 1. С. 137–178.
- ²⁰ *Матвеева-Исаева Л. В.* Различные отложения глоттогонического процесса в славянской акцентологической системе // *Язык и литература.* Л., 1931. Т. 7. С. 1–29.
- ²¹ *Бернштейн С. Б.* Советской славянской филологии 50 лет // *Советское славяноведение.* 1967. № 5. С. 86.
- ²² *Кондрашов Н. А.* Изучение западнославянских языков в России и СССР // *Вопросы славянского языкознания.* М., 1957. Вып. 2. С. 171.
- ²³ *Селищев А. М.* Старославянский язык. Учебное пособие для студентов и аспирантов филологических факультетов университетов. М., 1951–1952. Ч. 1. Введение. Фонетика. 1951; Ч. 2. Тексты. Словарь. Очерки морфологии. 1952.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Письма Н. С. Державина С. Б. Бернштейну (1936–1950) с приложением письма С. Б. Бернштейна Н. С. Державину (1948) / Вступ. ст. и примеч. М. Ю. Досталь // *Славянский альманах 2005.* М., 2006. С. 514.
- ²⁶ Подробнее см.: *Досталь М. Ю.* Письма Р. И. Аванесова С. Б. Бернштейну в 30–40-е годы XX в. // *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования.* 2003–2005. Сб. научных трудов. М., 2006. С. 237–238.
- ²⁷ *Ломтев Т.* [Рец. на кн.: *Селищев А. М.* Славянское языкознание. М., 1941] // *Славяне.* М., 1943. № 1. С. 48.
- ²⁸ *Селищев А. М.* Извечная борьба славян против немецких варваров // *Славяне.* М., 1942. № 4. С. 23–25; *Он же.* Культура западных и южных славян и ее вклад в мировую культуру // *Славяне.* М., 1943. № 3. С. 29–32.

- 29 Подробнее см.: *Досталь М. Ю.* Кафедра славянской филологии в МГУ (1943–1948) (К 60-летию ее основания) // *Славяноведение*. 2003. № 5. С. 32–47; *Она же.* Становление кафедры славянской филологии в ЛГУ // *Проблемы славяноведения*. Брянск, 2003. Вып. 5. С. 32–47.
- 30 *Венедиктов Г. К., Гудков В. П.* Об авторе книги «Зигзаги памяти» // *Бернштейн С. Б.* Зигзаги памяти. Воспоминания. Дневниковые записи / Отв. редактор академик РАН В. Н. Топоров. Составители М. Ю. Досталь и А. Н. Горяинов. М., 2002. С. 5.
- 31 Там же. С. 6.
- 32 *Аванесов Р. И.* Сорок лет в славистике // *Исследования по славянскому языкознанию. Сборник в честь шестидесятилетия профессора С. Б. Бернштейна*. М., 1971. С. 21.
- 33 *Бернштейн С. Б.* Болгарские говоры Украины. Олышанский район // *Наукові зап. Одес. держ. пед. ін-та. Одесса, 1940. Т. 1. С. 111–123; Одицов С. А.* [Бернштейн С. Б.] *Turco-Slavica*. К изучению турецких элементов в языке дамаскинов XVII–XVIII вв. // *Труды МИФЛИ им. Чернышевского*. М., 1941. Т. 7. С. 24–40.
- 34 Цит. по: *Бернштейн С. Б.* Из истории изучения южных славянских языков... С. 141.
- 35 См.: *Бернштейн С. Б., Чешко Е. И., Зеленина Э. И.* Группировка болгарских говоров Советского Союза // *Бернштейн С. Б.* Из проблематики диалектологии и лингвогеографии. М., 2000; *Венедиктов Г. К.* Профессор С. Б. Бернштейн как диалектолог // Там же.
- 36 С. Б. Бернштейн изложил разделяемую им тогда позицию А. М. Селищева по македонскому языку начала 1930-х гг. следующим образом: «Селищев — крупнейший представитель славянского языкознания в нашей стране... Много сделал для решения македонской проблемы. Он доказал, что славянские жители Македонии — болгары. Это отвечает истинному положению дела. Македонцы не сербы и не самостоятельная нация, а обычные болгары. Такие же болгары, как и жители Балкан, Фракии и Родоп». См.: *Бернштейн С. Б.* Зигзаги памяти... С. 96. (Запись от 12.2.1947.)
- 37 *Бернштейн С. Б.* Зигзаги памяти... С. 102.
- 38 Там же. С. 115 (Запись от 2.12.1947).
- 39 *Бернштейн С. Б.* Из подготовляемых работ. Македонский язык // *Вестник Академии наук СССР*. М., 1948. № 4. С. 85–86.
- 40 Там же. С. 86.
- 41 *Бернштейн С. Б.* Зигзаги памяти... С. 125, 126, 114. См. также: *Досталь М. Ю.* Идея славянской солидарности и несостоявшийся в Москве в 1948 г. первый общеславянский конгресс ученых славистов. // *Славянский вопрос: вехи истории*. М., 1997. С. 182–203.
- 42 *Бернштейн С. Б.* К вопросу о формировании 3-го лица ед. ч. настоящего времени в македонском литературном языке // *Вестник МГУ*. 1948. № 2. С. 13–21.
- 43 Там же. С. 15.
- 44 В книге В. Ивановского «Отделни въпроси на Македония» (София, 1945) указывалось: «Решение Комиссии состоит в том, чтобы взять за основу ли-

тературного языка центральное наречие, битолько-прилепское, и кое-что из охридского. Это правильно. На такой точке зрения стоит и известный советский филолог Бернштейн, который в одном из своих писем хотел предостеречь македонских филологов от ошибок». На это с удовлетворением указал Бернштейн в записи от 22 июня 1948 г. См.: *Бернштейн С. Б.* Зигзаги памяти... С. 125.

45 *Бернштейн С. Б.* К вопросу о формировании... С. 13, 21.

46 Машинописный текст этого сборника обнаружил в декабре 2005 г. А. Н. Горяинов в ликвидируемом архиве Института славяноведения РАН.

47 *Бернштейн С. Б.* Из истории изучения южных славянских языков... С. 152.

48 *Кондрашов Н. А.* Изучение западнославянских языков... С. 172.

49 *Виноградов В. В.* Об изучении общего лексического фонда в структуре славянских языков // Научный бюллетень ЛГУ. 1946. № 11–12. С. 26–29.

50 Там же. С. 28.

51 *Кондрашов Н. А.* Изучение западнославянских языков... С. 173.

52 *Бернштейн С. Б.* Зигзаги памяти... С. 73.

53 *Петрусь В. П.* К вопросу о происхождении фонетической формы лексем *rótk* и *towa* в польском языке // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М., 1947. Вып. 1. С. 51–76.

54 Академик Н. С. Державин выступил с примечательным докладом. См.: *Державин Н. С.* Вклад русского народа в сокровищницу мировой науки в области славянской филологии // Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры. [Тезисы докладов научной конференции в МГУ 5–12 июня 1944 г.]. М., 1944. С. 81–82.

55 Подробнее см.: *Досталь М. Ю.* Международные научные связи советских славистов в 40-е годы XX в. // Славянский альманах. 2003. М., 2004. С. 244–294.

56 Памяти академика А. А. Шахматова (Совместное заседание Отделения истории и философии и Отделения литературы и языка) // Вестник АН СССР. М., 1946. № 7. С. 64.

57 Там же. С. 64, 65.

58 Там же. С. 66, 67.

59 В. А. Ленинградская сессия Отделения истории и философии Академии наук СССР // Вопросы истории. 1946. № 10. С. 149.

60 А. А. Шахматов. Сборник статей и материалов / Под ред. С. П. Обнорского. М.; Л., 1947. См. также: *Кравец Т. П.* [Рец. на кн.:] А. А. Шахматов. 1864–1920. Сборник статей и материалов / Под ред. С. П. Обнорского — Труды комиссии по истории Академии Наук СССР. Под общей ред. акад. С. И. Вавилова. Вып. 3. Изд. АН СССР. М.; Л., 1947 // Вестник АН СССР. 1947. № 8. С. 147–151.

61 [*Белич А.*] Природа языка и его изучение (Доклад Президента Сербской академии наук А. И. Белича в Отделении литературы и языка АН СССР) // Вестник АН СССР. 1947. № 8. С. 98–99. См. также: В Отделении литературы и языка // Известия АН СССР. ОЛЯ. 1947. Т. VII. Вып. 4. С. 345.

62 *Поспелов Н. С.* Учение академика А. Белича о синтаксическом индикативе и синтаксическом релативе // Доклады и сообщения филологического факультета (МГУ). М., 1947. Вып. 3. С. 17–24.

- ⁶³ *Бернштейн С. Б.* Зигзаги памяти... С. 106. (Запись от 28. 6.1947.)
- ⁶⁴ *Курилович Ю. Г.* Эргативность и стадиальность в языке // Известия АН СССР. ОЛЯ. 1946. Т. V. Вып. 5. С. 393. Гневные филиппики по поводу этой статьи прозвучали позднее. См.: Выступления по докладу акад. И. И. Мещанинова на заседании Ученого совета Института русского языка и Московского отделения Института языка и мышления им. Н. Я. Марра // Там же. 1949. Т. VIII. Вып. 2. С. 172.
- ⁶⁵ Чествование акад. И. И. Мещанинова // Вестник АН СССР. М., 1944. № 1–2. С. 84–86; Герой Социалистического Труда акад. И. И. Мещанинов. М., 1945; *Ярцева В. Н.* Академик И. И. Мещанинов (К 65-летию со дня рождения) // Вестник ЛГУ. 1948. № 11. С. 157–159; *Суник О.* Работа Института языка и мышления имени Н. Я. Марра за 1946 год // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М., 1947. Т. VI. Вып. 3. С. 252–258; 25 лет Института языка и мышления имени Н. Я. Марра (Сессия в Московском отделении Института) // Вестник АН СССР. М., 1947. № 6. С. 104–105; Конференция молодых лингвистов (20–21 марта 1947 г. в МО ИЯМа) // Там же. С. 102–103; *Миханкова В. А.* Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности. М.; Л., 1948. 2-е изд.; и др.
- ⁶⁶ *Мещанинов И. И.* Учение Н. Я. Марра о стадиальности // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М., 1947. Т. VI. № 1. С. 35–42; *Он же.* Проблема стадиальности в развитии языка // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М., 1948. Т. VI. Вып. 3. С. 173–188.
- ⁶⁷ См., например: *Гухман М. М.* О стадиальности в развитии строя индоевропейских языков // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М., 1947. Т. VI. Вып. 2. С. 101–114.
- ⁶⁸ Обсуждение проблемы стадиальности в языкознании // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М., 1948. Т. VII. Вып. 1. С. 258–262; В Московском отделении Института языка и мышления имени Н. Я. Марра // Там же. С. 262–264.
- ⁶⁹ *Кацнельсон С. Д.* К вопросу о стадиальности в учении Поттебни // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М., 1948. Т. VII. Вып. 1. С. 83–95.
- ⁷⁰ *Чемоданов Н. С.* Структурализм и советское языкознание // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М., 1947. Т. VI. Вып. 2. С. 115–124.
- ⁷¹ *Алпатов В. М.* История одного мифа... Гл. 5. Аракчеевщина.
- ⁷² Там же. С. 147. См. также: *Бернштейн С. Б.* Зигзаги памяти... С. 127, 132. См. также: *Мещанинов И. И.* О положении в лингвистической науке // Известия ОЛЯ. 1948. № 6. С. 484–485.
- ⁷³ *Бернштейн С. Б.* Зигзаги памяти... С. 127. (Запись от 28.10.1948.)
- ⁷⁴ *Мещанинов И. И.* О положении в лингвистической науке // Известия ОЛЯ. М., 1948. № 6. С. 484–485.
- ⁷⁵ Академик С. П. Обнорский, в частности, отмечал, что автор книги — В. В. Виноградов, «лучший исследователь русского языка и именно русского литературного языка, что всё изложение соответственно отвечает современному уровню самой научной разработки русского языка». См.: *Обнорский С. П.* [Рец. на кн.] *Виноградов В. В.* Великий русский язык. М.: Гослитиздат, 1945. 172 с. // Советская книга. М., 1946. № 1. С. 116–117; Отделение литературы и языка (Ка-

- теории модальности в русском языке. Доклад академика В. В. Виноградова // Вестник Академии наук СССР. М., 1947. № 5. С. 115–116; и др. (В этом докладе ученый опирался на труды А. А. Потебни и А. А. Шахматова.)
- 76 *Агапов В., Зелинский К.* Нет, это — не русский язык! О книге проф. В. Виноградова // Литературная газета. 1947. 29 ноября. См. также: Нетерпимость к критике. Косность защищать не надо // Там же. 1947. 10 декабря; *Сердюченко.* За самокритику в советской языковедении // Там же. 1947. 17 декабря; За большевистскую критику и самокритику // Там же. 1948. 28 февраля; и др.
- 77 Обсуждение работ по языкознанию // Вестник АН СССР. М., 1948. № 2. С. 113–118; *Вершинин А.* Обсуждение книги академика В. В. Виноградова «Русский язык» в Московском университете // Вестник МГУ. М., 1948. № 4. С. 147–155; Выступления по докладу акад. И. И. Мещанинова на заседании Ученого совета Института русского языка и Московского отделения Института языка и мышления им. Н. Я. Марра // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М.; Л., 1949. Т. VIII. Вып. 2. С. 160–170.
- 78 Обсуждение работ по языкознанию // Вестник АН СССР. М., 1948. № 2. С. 117. В. В. Виноградова осуждали за положительную характеристику вклада «реакционных» славянофилов (К. С. Аксакова) в русское языкознание и игнорирование «прогрессивных идей» революционных демократов, «беспринципном объективизме», пристрастии к концепциям «буржуазных» ученых. См.: *Вершинин А.* Обсуждение книги академика В. В. Виноградова... С. 149, 150 и др.
- 79 Выступления по докладу акад. И. И. Мещанинова на заседании Ученого совета Института русского языка и Московского отделения Института языка и мышления им. Н. Я. Марра // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М.; Л., 1949. Т. VIII. Вып. 2. С. 160–170.
- 80 *Виноградов В. В.* Основные вопросы изучения современных славянских литературных языков // Вестник МГУ. М., 1949. № 7. С. 19–38.
- 81 Там же. С. 20, 22.
- 82 Там же. С. 20.
- 83 Там же. С. 21.
- 84 Там же. С. 23.
- 85 Там же. С. 25.
- 86 Там же. С. 26, 27, 28.
- 87 Там же. С. 32.
- 88 Там же. С. 29.
- 89 Там же. С. 37.
- 90 Там же. С. 37–38.
- 91 *Бернштейн С. Б.* Зигзаги памяти... С. 150–151. (Запись от 20.6.1950).
- 92 Там же. 146–147. (Запись от 28.1.1950).
- 93 Там же. С. 147. (29.1.1950).
- 94 Там же. (Запись от 31.1.1950).
- 95 Там же. (Запись от 15.2.1950).
- 96 Оригиналы дневников С. Б. Бернштейна временно хранятся в архиве автора.
- 97 *Бернштейн С. Б.* Зигзаги памяти... С. 128.
- 98 Вероятно, речь шла о статье Л. П. Якубинского «Образование народностей и их языков [на материале истории славянских народов]», опубликованной в «Вестнике ЛГУ» (1947. № 1) после смерти ученого (в 1945 г.).

- ⁹⁹ Подробнее см.: *Горяинов А. Н., Досталь М. Ю.* Проблема научной этики в воспоминаниях С. Б. Бернштейна о 1930–1950-х годах // *Славянский альманах* 2000. М., 2001. С. 349–353.
- ¹⁰⁰ Ксерокопии докладов С. Б. Бернштейна в архиве автора.
- ¹⁰¹ Подробнее см.: *Алпатов В. М.* История одного мифа... Гл. 6.
- ¹⁰² *Бернштейн С. Б.* Зигзаги памяти... С. 151 (Запись от 23.6.1950).
- ¹⁰³ Там же. С. 148. (Запись от 9.5.1950).
- ¹⁰⁴ Там же. С. 151. (Запись от 20.6.1950).
- ¹⁰⁵ *Горяинов А. Н., Досталь М. Ю.* Проблема научной этики... С. 357.
- ¹⁰⁶ *Бернштейн С. Б.* Зигзаги памяти... С. 167. (Запись от 27.1.1952).

В. И. Фрейдзон и развитие отечественной славистики

Выдающийся отечественный историк-кroatист и специалист по истории народов Средней Европы В. И. Фрейдзон прошел жизненный и профессиональный путь, во многом типичный для ученых его поколения. Им выпало и с оружием в руках защищать мир от нацизма, и восстанавливать страну, и преодолевать последствия того, что в 1956 г. было названо «культом личности». Они же стали первым поколением ученых, не только родившихся, но и воспитанных при советской власти, которому предстояло восстанавливать разрушенные репрессиями 1920–1950-х гг. отечественную науку и культурную традицию и развивать их дальше.

Окончив перед войной два курса исторического факультета, в 1942 г. В. И. Фрейдзон (он родился в 1922 г.) попал на фронт. В Действующей армии он служил до Победы, несмотря на тяжелое ранение, после которого вернулся на передовую. После демобилизации В. И. Фрейдзон остался верен своему выбору и вернулся на исторический факультет, где специализировался по кафедре истории южных и западных славян. Там в то время преподавали такие известные советские слависты старшего поколения, как академик В. И. Пичета и З. Р. Неядлы. Его научным руководителем был известный российский историк-славист С. А. Никитин. В. И. Фрейдзон не ограничивался изначально собственно югославистикой, не говоря уже о кроатистике, которая в то время как отрасль научного знания в СССР еще не существовала. С. А. Никитин предложил ему переориентироваться на новую историю Хорватии, до тех пор практически не привлекавшую внимания не только советских, но и российских дореволюционных историков. В 1952 г. В. И. Фрейдзон защитил кандидатскую диссертацию «Положение крестьян в Хорватии в конце XIX — начале XX в. и Хорватская крестьянская партия А. и Ст. Радичей 1905–1914 гг.»¹. Именно эта работа В. И. Фрейдзона наряду с исследованием его друга и коллеги, тоже фронтовика Ю. В. Бромлея «Крестьянское восстание 1573 г. в Хорватии» заложили основу современной отечественной научной кроатистики.

Для того чтобы полностью и объективно оценить вклад В. И. Фрейдзона и ученых его поколения в развитие исторического славяноведения и изучение региона Центральной (Средней) Европы, необходимо сначала представить себе, что представляли собой эти тесно связанные с внутренней и внешней политикой научные дисциплины в СССР в 1920-х — начале 1950-х гг. Дореволюционная российская гуманитарная наука с ее не

только научными и политическими, но и корпоративными нравственными принципами после Октябрьской революции целенаправленно уничтожалась. Академики и профессура старшего поколения, как и их воспитанники — ученые, сформировавшиеся под их непосредственным влиянием уже после революции, в 1920–1930-х гг. в полной мере испытали на себе все многие невзгоды «диктатуры пролетариата» и «строительства социализма в одной отдельно взятой стране» — жизнь впроголодь, утрату библиотек, исчезновение научных журналов, сокращение издательской деятельности и цензуру, невозможность поддерживать контакты с коллегами за рубежом, ликвидацию остатков самостоятельности Академии наук, внедрение коммунистической идеологии в высшую школу и безграмотность носителей этой идеологии, представителей «красной профессуры», идеологические чистки, проверки на лояльность, избрание в академию неугодных власти ученых и их увольнение с работы, сфабрикованные политические процессы, иными словами — постоянный страх за себя и своих близких².

Из гуманитарных наук именно славистика пользовалась наименьшим расположением идеологов большевистского режима и создателей новой исторической науки. Одна из причин этого крылась в том, что «„славянская взаимность“ не вписывалась в ленинскую теорию национального вопроса и не соответствовала принципу „пролетарского интернационализма“», — пишет А. Н. Горяинов. Поэтому большевики «демонстрировали почти полное отсутствие интереса к „славянской идее“, лишь иногда и мимоходом критикуя как консервативно-охранительные, так и либеральные ее интерпретации»³. В 1929–1934 гг. по так называемому «Академическому делу» были арестованы многие историки, а в 1934 — было сфабриковано и «Дело славистов», в основном филологов. Тогда пострадали М. К. Любавский, Д. Н. Егоров, Ю. В. Готье, В. И. Пичета и другие. В решении Политбюро ЦК ВКП(б) специально отмечалась причастность академиков-славистов В. Н. Перетца и М. Н. Сперанского к мифической «контрреволюционной фашистской организации».

Созданный в начале 1930-х гг. в Ленинграде Институт славяноведения просуществовал лишь три года и был разогнан. Репрессиям подверглись и украинские слависты. Стало невозможно не только заниматься «славянской взаимностью», — практически под полным запретом оказалась вся славистическая наука как таковая⁴. После того, как в конце 1930-х гг. славяноведение по разным причинам физически лишилось своих ведущих представителей, оно фактически было ликвидировано и его предстояло восстанавливать заново. Причина гонений на славистику крылась не только и, может быть, не столько в ее несоответствии сомнительным ленинским теориям национальных отношений. Гораздо хуже было то, что славистические исследования на том этапе противо-

речили устремлениям сталинского режима в области внутренней и внешней политики. Славяноведение отождествлялось властями с «реакционной славянской идеей», а та, в свою очередь, увязывалась с возможностью объединения независимых славянских государств — Польши, Чехословакии и Королевства сербов, хорватов и словенцев (Королевства СХС, с 1929 г. — Югославии) на антисоветской основе. Подтверждение своим оценкам они находили в создании Малой Антанты в 1920 г. и Балканской Антанты в 1934 г. (югославское государство входило в обе эти группировки). Немалую роль в негативном отношении к славистике, отождествлявшейся со «славянской идеей», сыграло то обстоятельство, что в особенности Польша и Королевство СХС стали прибежищем наиболее воинственных в прямом и переносном смысле групп русской эмиграции (например, РОВС генерала П.Н. Врангеля), а Чехословакия — ее интеллектуальным средоточием⁵.

В этих условиях югославистика как отрасль науки о славянских народах не имела возможности для нормального развития. Да и Югославию, образованную в 1918 г. после поражения в Первой мировой войне и распада Австро-Венгрии, в тот период советское руководство рассматривало лишь как временное государственное образование, навязанное «империалистическими державами» — Великобританией и Францией в рамках Версальской системы. Более того, коммунистической партии и национальным движениям народов Югославии в представлениях руководства ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерна предстояло стать той силой, которая обеспечила бы еще один шаг в создании «всемирной республики труда». В этих условиях «изучение» южных славян в советских спецслужбах и Коминтерне носило отнюдь не научный, а сугубо «прикладной» характер, материалы были строго засекречены и — да и то частично — опубликованы лишь в наши дни⁶. Собственно история южных славян, прежде всего независимых государств — Сербии, Черногории, Болгарии, — ограничивалась преимущественно исследованием периода средних веков или же рассматривалась в контексте изучения международных отношений второй половины XIX — начала XX в., т. е. как фактор возникновения Первой мировой войны, лишь как предыстория социалистической революции в России. Профессиональные чисто исторические исследования по истории Хорватии XIX — начала XX в. практически отсутствовали.

Отношение к Хорватии и хорватам Советской России и СССР было противоречивым. С одной стороны, не был забыт традиционный российский взгляд на хорватов и их национальное движение как на «чуждый» с геополитической и конфессиональной точек зрения народ, как на соперника «братского союзника» Сербии, а с другой — как на возможную «пятую колонну» внутри соперника, а затем врага на Балканах —

Австро-Венгрии. Последнее было особенно актуально в 20-е гг. в Коминтерне, который, вслед за советским партийным и государственным руководством, пытался опереться на хорватское национальное движение, дабы под лозунгом национального самоопределения добиться ликвидации монархического, враждебного СССР, Королевства СХС, созданного на идеологии родства славянских народов, и создания интернационалистской «балканской коммунистической федерации»⁷.

В 1920-е гг. Сталин принимал активное участие в выработке позиций советского руководства и Коминтерна и по отношению к Королевству СХС, и по отношению к раздираемой в 1920-е гг. противоречиями между так называемыми «правыми» и сторонниками кремлевской линии компартии Югославии, что было связано также и с внутривосточной борьбой в РКП(б) — ВКП(б), СССР и Коминтерне⁸. 15 апреля и 30 июня 1925 г. в журнале «Большевик» были опубликованы две «теоретические» статьи Сталина — «К национальному вопросу в Югославии» и «Еще раз к национальному вопросу». По его мнению, поспорить с которым могло себе позволить все меньшее количество не то что ученых, но и ближайших соратников, «суть национального вопроса состоит теперь в борьбе народных масс колоний и зависимых национальностей против финансовой эксплуатации, против политического порабощения и культурного обезличения этих колоний и этих национальностей со стороны империалистической буржуазии господствующей национальности»⁹.

В 1924–1925 гг. не увенчались успехом попытки Кремля использовать в своих интересах лидера хорватского национального движения того периода и Хорватской республиканской крестьянской партии Стjepана Радича¹⁰. Только в 1940 г. были установлены дипломатические отношения между СССР и Югославией. До определенного момента немалую роль в формировании позиции официального Белграда сыграла позиция русской эмиграции в Югославии¹¹.

Режим короля Александра I Карагеоргиевича, установленный им в результате переворота 1929 г., в СССР называли «монархо-фашистской диктатурой». Но после прихода к власти в Германии в 1933 г. А. Гитлера изменяется советский взгляд на будущее Югославии. Кремль и Коминтерн, видя в ней возможный бастион против новой политики Германии, отказались от линии на развал Югославии с использованием для этого реально существовавших и обострившихся внутренних межнациональных противоречий. На XVII съезде ВКП(б) в 1934 г. Сталин, в поисках новых пропагандистских основ политики СССР, направленной как против германского фашизма, так и активности русской эмиграции, после долгого перерыва вновь обратился к идее славянства: «Известно, что старый Рим точно также смотрел на предков нынешних германцев и французов, как смотрят теперь представители „высшей расы“ на славян-

ские племена... Где гарантия, что претензии представителей нынешней „высшей расы“ не повторят судьбы Древнего Рима, когда „не-римляне“, т. е. все варвары объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим?»¹². Свидетельством перемен в политике Кремля стал и VII конгресс Коминтерна, состоявшийся в 1935 г. «Правда», описывая торжественное открытие конгресса, отмечала, что «юго-восточная, отчасти центральная часть Европы» была представлена «преимущественно „славянскими странами“: делегациями Югославии, Болгарии, Польши»¹³. Но вскоре руководство двух из этих трех партий — Польши и Югославии — оказалось объектом наиболее жестоких сталинских «чисток» в СССР.

Во второй половине 1930-х гг. наметился раздел Европы, символами которого стали Мюнхенский пакт 1938 г. и пакт Молотова-Риббентропа 1939 г. Это неизбежно вело к столкновению интересов Германии и СССР в Средней Европе и на Балканах. Поэтому 1939 год оказался переломным и для советской славистики. Помимо возникновения внешнеполитической целесообразности этот перелом стал возможным еще и потому, что в эти годы происходит и «очищение» от «вредной школы Покровского», одним из элементов которой было отрицание славянской идеи и славянских исследований. Создается сектор славяноведения в Институте истории СССР в Москве; в Ленинградском отделении Института была также сформирована группа славяноведов. Наконец, на историческом факультете МГУ создается кафедра славяноведения¹⁴. Но развитие славяноведения, которое получило некоторую «индальгенцию», так же как и развитие остальных отраслей гуманитарного знания по-прежнему определялось не закономерностями развития самой науки, а практическими — геополитическими и идеологическими — потребностями режима, установившего жесткие содержательные рамки и цензурные ограничения¹⁵.

Советская власть начала постепенно отходить от интернационалистской идеологии и психологии. Это привело к тому, что если не легализовывалась, то исподволь использовалась значительная часть идейного наследия русского этнонационального сознания и государственного, имперского сознания в России XIX — начала XX в. в их консервативном варианте — А. А. Майкова, Н. Я. Данилевского, К. П. Леонтьева и др. (При этом сохранялась официальная негативная оценка этих деятелей и их взглядов.) Им и их единомышленникам было присуще отрицательное отношение к хорватам, которых они, исходя из геополитических обстоятельств, конфессиональных предпочтений и внешнеполитических интересов России, считали народом, недружественным России и русским, защищая от них «православных братьев» — сербов и черногорцев¹⁶. Это возвращение в прошлое среди прочего было связано как с внешнеполитическими потребностями Кремля, так и с «социальной

трансформацией» ВКП(б) и государственного аппарата, в который «в большом количестве пришли малообразованные дети крестьян и рабочих», в полной мере сохранившие предрассудки своей среды», в частности — этнический национализм. Сыграли свою роль и личные этнонационалистические взгляды Сталина¹⁷.

Перепады и противоречия советской внутренней и внешней политики делали практически невозможным нормальное и систематическое изучение ни славянства, ни Югославии, ни Хорватии. Краткие упоминания славянства и Югославии в речах советских руководителей служили основой для газетных и журнальных статей и создавали то, что сейчас называется «общественным мнением». Кроме этого, по сути дела, единственным открытым источником и историко-аналитическим материалом оставались статьи в энциклопедических словарях начала XX в. — Брокгауза и Ефрона, а также Гранат и в первом издании Большой советской энциклопедии середины 1930-х гг.¹⁸.

В «Опровержении ТАСС» от 10 мая 1940 г. решительно отвергались сообщения английской и французской печати о «переходе советской политики на рельсы панславизма», ибо, «по мнению ответственных советских кругов панславизм вообще, а в области внешней политики в особенности, есть насквозь реакционное течение, совершенно несовместимое с политикой советского государства»¹⁹. 24 июня 1940 г. между СССР и Югославией были установлены дипломатические отношения²⁰. В докладе председателя СНК СССР и наркома иностранных дел В. М. Молотова о внешней политике Советского Союза на сессии Верховного Совета СССР 2 августа 1940 г. об отношениях между СССР и Югославией говорилось: «Что касается балканских стран, то надо, прежде всего, отметить факт установления дипломатических отношений с Югославией. Если можно сказать, что не по нашей вине до сих пор отсутствовали дипломатические отношения между Советским Союзом и Югославией, то установление этих отношений теперь произошло по предложению правительства Югославии, которое было охотно принято Советским Союзом. Можно надеяться, что постепенно будут развиваться и наши экономические отношения с Югославией»²¹.

После нападения Германии на СССР проблематика славянского братства в связи с политикой СССР занимала значительное место в советской политике и пропаганде. Это было связано и с планами восстановления Югославии как полиэтничного стабильного государства, и с обеспечением, учитывая этнический состав соседних государств, внешнеполитических позиций и территориальной целостности воссозданного государства после победоносного для Антигитлеровской коалиции ее окончания. «Славянская идея» в борьбе против германского нацизма, итальянского фашизма, их хорватских, сербских, словенских и босняц-

ких последователей и коллаборационистов, против агрессии, безусловно, играла этнозащитную роль и совпадала с тенденцией к сохранению обретенных в 1918 г. государственности и суверенитета, с борьбой за свободу и демократию, против фашистского «корпоративного государства». Но в то же время и в руках югославского правительства, и в руках партизан под командованием Йосипа Броза Тито, и в руках Москвы, и Коминтерна та же самая славянская идея могла выполнять и абсолютно противоположную — этнонаступательную (ассимиляция), этнонивелирующую функцию (причем против славянских народов!), направленную одновременно и против свободы и демократии, на установление авторитарных или тоталитарных режимов.

СССР еще 3 июля 1941 г. заявил о непризнании законности расчленения Югославии Германией и ее союзниками и высказался за возрождение югославского государства, что совпадало с целями и королевского правительства в эмиграции, и Тито²². В ходе войны СССР и сам Сталин оказывали движению Тито как своим союзникам всестороннюю помощь и поддержку. Он нередко ссылался на ситуацию на территории Югославии в качестве примера сопротивления германской оккупации и героизма²³. 11 апреля 1945 г. во время визита Тито в Москву был заключен договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Югославией²⁴. 15 января 1946 г. в Белграде был создан Славянский комитет (просуществовал до 1962 г.) и там же в декабре 1946 г. состоялся Славянский конгресс. В рамках подготовки конгресса советский политико-идеологический и пропагандистский аппарат попытался синтезировать «пролетарский интернационализм» и «славянскую идею», основывавшуюся на идеологии и психологии этнического национализма, для удержания господства СССР над странами Средней и Юго-Восточной Европы²⁵.

На рубеже 1940–1950-х гг. завершилось «превращение ВКП(б) из дореволюционной и пореволюционной партии, верящей в возможность социального братства всех людей независимо от этнической принадлежности, в этнонационалистическую партию»²⁶. В стране развернулась так называемая «антикосмополитическая» пропагандистская кампания. Помимо «антизападной», обусловленной «холодной войной», антидемократической и антилиберальной составляющей, одним из основных ее элементов стал антисемитизм. Главный удар идеологической и организационной «чистки» «пришелся по среднему, наибольшему в количественном отношении слою еврейской элиты — управленцам... а также по журналистам, профессуре, другим представителям творческой интеллигенции»²⁷. Проводилась эта кампания руками как ортодоксов-догматиков от «сталинского марксизма», так и просто беспринципных, безграмотных и бездарных карьеристов, стремившихся использовать ситуацию для того, чтобы занять то или иное «руководящее кресло».

11–16 марта 1949 г. состоялось расширенное объединенное заседание исторических кафедр в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б). На нем было объявлено о выявлении «кучки безродных космополитов», «пытавшейся вести вредную работу на научно-историческом участке идеологического фронта». 17 марта эстафета разоблачений «историков-антипатриотов» была подхвачена закрытым партийным собранием исторического факультета МГУ. 25, 26 и 28 марта 1949 г. состоялось расширенное заседание Ученого совета исторического факультета МГУ, а затем 9 апреля в рамках конкретизации принятых решений состоялось и заседание кафедры истории южных и западных славян²⁸.

В ходе этой кампании поруганию, оскорблениям и унижению подверглись многие ведущие советские историки, причем отнюдь не только евреи по национальности. Это подтверждает история с научным руководителем В. И. Фрейдзоном, С. А. Никитиным. В силу обстоятельств В. И. Фрейдзон был вынужден принять участие в этом собрании, где ему, как дисциплинированному члену ВКП(б), пришлось не только проголодовать за спущенное «сверху» решение, но и выступить с критикой своего руководителя. Впрочем, как справедливо отмечает М. Ю. Досталь, если внимательно вчитаться в протокол собрания кафедры в целом, а также в некоторые отдельные выступления (в том числе и В. И. Фрейдзона), то создается впечатление, что эта обязательная процедура была в значительной мере срежиссирована. Подлинными интеллигентами и порядочными людьми, работавшими на историческом факультете МГУ, использовали те немногие средства самозащиты, которые интеллигенция могла противопоставить власти. (Эта этическая традиция и своеобразная политическая «контркультура» просуществовали вплоть до времен перестройки и гласности второй половины 1980-х гг.) Это было собрание с заранее обговоренной тематикой выступлений, многие из которых были попыткой (и, по-видимому, вполне успешной, поскольку С. А. Никитин, несмотря на тяжелую душевную травму, сохранил свою должность) увести собрание от огульного осуждения «жертвы» в сторону обсуждения собственно научных проблем, не затрагивая честь «обвиняемого» с тем, чтобы сохранить ему свободу и, вполне возможно, жизнь. В своем выступлении В. И. Фрейдзон лишь поддержал критические замечания, содержащиеся в рецензии, уже опубликованной в журнале «Вопросы истории», на книгу «Документы к истории славяноведения в России» (М., 1948), предисловие к которой написал С. А. Никитин. От себя же он добавил, что «неправильно также утверждение С. А. Никитина о том, что Октябрьская революция прервала преграды единению славян. Наоборот, славянские связи были ослаблены в результате антисоветской пропаганды империалистов... В советское славяноведение надо внести новый революционный марксистский дух»²⁹. То, что вынужденно и вымученно гово-

рил В. И. Фрейдзон и некоторые другие выступавшие, в том числе и декан Г. А. Новицкий, нельзя сравнить с пылом некоторых других преподавателей, студентов и аспирантов, которые выступали с идеологически окрашенными обвинениями и требовали продолжения расправы³⁰. Это событие, как и весь период 1948–1953 гг., осталось в душе В. И. Фрейдзона незажившей раной, которая болела и много лет спустя.

Трудность положения молодого аспиранта заключалась еще и в том, что с середины 1948 г. в СССР была развязана и антиюгославская кампания. Постепенно назревавший еще в ходе войны и разразившийся в 1948 г. «конфликт Сталин — Тито» был обусловлен не только психологическим столкновением двух похожих личностей, не только разногласиями вершук двух партий относительно «путей строительства социализма». Помимо того, что это был межгосударственный, межпартийный и межличностный конфликт, одной из его составляющих были и различия в толковании славянской идеи (российского, средневропейского и южнославянского — балканского). Первоначальные послевоенные планы Сталина использовать показавшую свою политико-психологическую эффективность в годы войны «славянскую идею» для закрепления господства СССР в Восточной Европе и международном коммунистическом движении после конфликта с руководством крупного славянского государства оказались неосуществимыми, и после начала в 1948 г. конфликта Сталина с Тито от них отказались, поскольку без Югославии никакое «славянское братство» было невозможно. Попытка Сталина соединить во внешней политике идеологию коммунизма и национализма окончилась неудачей вследствие объективных противоречий между славянскими государствами и коммунистическими режимами³¹.

Исследование, предпринятое В. И. Фрейдзоном и защищенное им в качестве кандидатской диссертации, было выполнено в труднейших условиях конца 1940 — начала 1950-х гг. Свирепствовала идеологическая инквизиция, когда многие архивы были практически недоступны, когда невозможны были научные поездки в Югославию, когда к хорватскому национальному движению относились с подозрением из-за создания во время Второй мировой войны профашистского государства НДХ (*Nezavisna Država Hrvatska*).

Начинающий ученый мог оказаться жертвой сразу нескольких кампаний — и борьбы с «космополитизмом», и борьбы с «бандой Тито — Ранковича», которую также обвиняли в «буржуазном национализме». Рискованной была и тема диссертации. Существовал риск быть обвиненным ортодоксальными демагогами в «ошибочном толковании» работ Ленина и Сталина по аграрному вопросу, в котором они применительно к славянским странам Средней Европы и Балкан специалистами не являлись, а официальная наука, подчиненная политике и пропаганде,

в те годы механически переносила их многочисленные «высказывания» и «указания» о России и на Австро-Венгрию, и на другие страны, исходя из того, что Россия и Советская Россия являются образцом для всего остального мира³². Могли В. И. Фрейдзону поставить в вину и то, что он был учеником «раскритикованного» С. А. Никитина.

Советская славистика в те годы по понятным политическим и психологическим причинам основывалась на противопоставлении славянских народов германским. Славянские народы выхватывались из контекста межнациональных взаимоотношений в Австрийской империи и Австро-Венгрии, и им приписывались исключительно «освободительные» устремления, в противовес «реакционным» австрийским и германским. Главным «источником» и историографическими произведениями в те годы для советских историков, специализировавшихся по Югославии, были высказывания Сталина и некоторых других советских вождей, печально известная справка «Фальсификаторы истории» и т. п.³³. Впрочем, справедливости ради нельзя не упомянуть изданный в 1946 г. фундаментальный энциклопедический справочник «Балканы», который в условиях того времени носил относительно корректный с научной точки зрения характер³⁴.

Источником служили и советские газеты и журналы, многие из которых спустя некоторое время отправлялись в «спецхран» (как, например, материалы о советско-югославском договоре о дружбе 1945 г. и о славянском конгрессе в Белграде 1946 г.), а также материалы заседаний Информационного бюро коммунистических партий 1948 и 1949 гг., в которых содержались грубая брань и безосновательные обвинения в адрес воспитанного в основном на советской идеологической и политической традиции руководства КПЮ и югославского государства³⁵. Своеобразным «источником» была и газета «За социалистическую Югославию», выходившая на сербском языке в Москве якобы по предложению «группы югославских коммунистов, поддерживающих резолюцию Информбюро о положении в КПЮ»³⁶, а на самом деле по решению советского руководства. На пальцах одной руки можно было сосчитать серьезные научные монографии по истории Хорватии второй половины XIX — начала XX в.³⁷. Оригинальные источники же практически отсутствовали, и в тот период было очень трудно их отсутствие компенсировать материалами из дипломатического и военного архивов Российской империи³⁸, а также весьма несовершенными переводами начала XX в. на русский язык некоторых трудов «австро-марксистов» — К. Реннера, О. Бауэра и др.

В это время, в отличие от предыдущего этапа развития славяноведения как в России, так и за рубежом, ограничивавшегося рамками филологии и медиевистики, его составной частью становятся исторические исследования, посвященные новой и новейшей, т. е. современной истории славянских народов и государств.

В 1956 г. В. И. Фрейдзон пришел в Институт славяноведения Академии наук и проработал в нем всю жизнь. Именно тогда, под влиянием благотворных перемен в советско-югославских отношениях — Белградской и Московской деклараций 1955–1956 гг., там начиналась работа над «Историей Югославии». Ему были поручены главы, посвященные истории Хорватии и Словении в конце XIX — начале XX в. Написанное им тогда во многом не утратило своего значения и поныне; двухтомник вышел в 1963 г.

В ныне широко известном и доступном каждому, а тогда закрытом докладе XX съезду «О культуре личности Сталина и его последствиях» 25 февраля 1956 г. Хрущев перенес всю ответственность за советско-югославский конфликт лично на Сталина, что помимо изменений в советской внутренней политике объективно означало и шаг навстречу позиции Тито и СКЮ³⁹. Изменилась и характеристика югославской «системы»: необходимо было преодолеть сложившийся в 1948–1953 гг. стереотип о том, что Югославия-де «не социалистическая страна». Н. А. Булганин заявил: «Мы увидели самое *настоящее* социалистическое государство: государство без помещиков, государство без капиталистов»⁴⁰. К сожалению, дискуссии на тему «является ли Югославия социалистической страной» продолжались в ЦК КПСС и советском МИД вплоть до второй половины 1980-х гг.⁴¹. Тем не менее многие люди, несмотря на многолетнюю пропаганду и запугивания, «с симпатией относились к Югославии» и «с одобрением восприняли предпринятые Хрущевым шаги по нормализации советско-югославских отношений», — вспоминает М. С. Горбачев⁴².

Однако и после «примирения» советско-югославские отношения развивались очень неровно, иногда достигая высокой степени обострения. На них сказывались события в Венгрии 1956 г., дискуссии вокруг новой программы СКЮ 1958 г. и другие события. Не была сказана вся правда о событиях 1948–1953 гг., не были открыты архивы. К сожалению, и до сих пор значительная масса документов того периода остается недоступной для исследователей. Политические и идеологические противоречия сохранялись; периоды улучшения отношений сменялись резкими «похолоданиями», что не могло не отражаться на условиях развития советской югославистики, делавшей первые самостоятельные шаги. Конечно, в 1950–1970-е гг. об истории Хорватии, шире — о кroatистике как о самостоятельной отрасли исторической, филологической и этнографической науки тогда никто и думать не мог. И препятствовала этому не только советская, но и официальная югославская идеология. В СФРЮ господствовала сформулированная Тито и его окружением концепция «братства и единства», весьма по своей природе близкая к советскому «пролетарскому интернационализму». Поэтому изучение политической и этнической истории хорватов как самостоятельного объекта исследо-

вания и в Белграде, и в Москве могло быть истолковано как пропаганда «буржуазного национализма».

Кроме того, и КПСС и Союз коммунистов Югославии по-прежнему считали историю делом идеологическим и ни на одно мгновение не ослабляли «особой бдительности на архивно-идеологическом фронте». А руководство обеих партий продолжало относиться друг к другу с недоверием. Советская партийно-бюрократическая номенклатура так до конца и не смогла смириться с идеологической и политической независимостью Югославии и ее лидера Тито, подсознательно рассматривая их существование как угрозу созданной в СССР «модели» социализма и советскому влиянию в мире, в особенности в странах Восточной Европы, входивших в СЭВ и Варшавский договор. Поэтому не удивительно, что новая редакция программы КПСС, принятая на XXII съезде КПСС в 1961 г., по своему внутреннему содержанию полемизировала с программой СКЮ. «Приговор» Кремля был однозначен: в ней нашла «наиболее полное воплощение идеология ревизионизма»⁴³. Лишь заявление Тито в 1962 г. о том, что СКЮ стоит на стороне КПСС в ее споре с Коммунистической партией Китая, заставило несколько смягчить подобные оценки.

Научные поездки в Югославию и в 60–70-е гг. были крайне редки; нормальное общение с югославскими коллегами и свобода дискуссий также были весьма ограничены. Советские ученые-югославы в те годы находились в трудной и профессиональной, и человеческой ситуации. «Оттепель» не растопила в СССР жесткие преграды идеологических и цензурных препятствий. Советским ученым приходилось преодолевать недоверие ко «всему югославскому», прочно утвердившееся в сознании партийного и государственного аппарата с 1948 г., преодолевать стереотип в отношении к хорватам, поскольку части НДХ участвовали в боях на Восточном фронте в СССР и многими воспринимались как «фашисты». Более того, на подсознательном уровне продолжало работать и стереотипное восприятие хорватов как католиков в отличие от «наших» — православных — сербов. Австро-Венгрия, в состав которой входили хорватские земли до 1918 г., также воспринималась исключительно как враг не только России, но и советской власти, поскольку принимала участие в Первой мировой войне и переговорах в Брест-Литовске 1917–1918 гг. В то же время между историками двух разных школ могли существовать и существовали и объективные различия в методологии исследования и в оценках тех или иных исторических процессов, событий и деятелей. Хотя в одном югославская и советская исторические концепции того времени были едины — их официальная задача состояла в том, чтобы обосновать легитимность и историческую закономерность возникновения югославского социалистического государства. При этом в подходе к изучению истории национальных движений южнославянских народов не-

вольно возникало противоречие: когда речь шла о Югославии после 1918 и, особенно, после 1945 г., негативную оценку получали, как правило, именно те их доблести, которые превозносились, когда речь шла о борьбе против монархии Габсбургов. Необходимо было и наладить контакты и взаимопонимание с югославскими, в том числе и хорватскими коллегами, также находившимися по отношению к СССР и советской науке в схожих условиях, независимо от того, искренне они принимали титовскую модель общественного устройства и идеологии, или нет. В. И. Фрейдзону решить эту нелегкую научную и этическую проблему удалось вполне. Многие его югославские коллеги независимо от взглядов и национальности стали его друзьями.

Важное место в его исследованиях заняли изучение социальной структуры в хорватских и словенских землях, проблема формирования хорватской нации в условиях сложных процессов этнической дифференциации, происходивших в землях южных славян, как в монархии Габсбургов, так и вне ее. Занимался он и изучением российско-хорватских связей, проявлений взаимной солидарности двух народов. Результаты его изысканий опровергают довольно распространенный в нашем обыденном сознании миф о том, что симпатии к России и русскому народу в XIX в. были исключительно уделом православных сербов, черногорцев и болгар, тогда как южнославянским народам католического вероисповедания подобная ориентация была якобы в корне чужда.

Итогом многолетней и кропотливой работы стала вышедшая в 1970 г. монография В. И. Фрейдзона, ставшая образцом для отечественных кроатистов и два года спустя защищенная автором в качестве докторской диссертации под названием «Борьба хорватского народа за национальную свободу». Уже само название труда свидетельствует о смелости и принципиальности автора: именно на 1971 г. пришелся период «хорватской весны», подвергшейся жесткой критике не только со стороны Тито, но и брежневского руководства. Период 1968–1971 гг. никак нельзя отнести к спокойным и плодотворным в советско-югославских отношениях. На них не могли не отразиться не только события 1968 г. в Чехословакии. Советские руководители все более открыто сравнивали Югославию с Чехословакией периода Пражской весны, упрекая Тито за поддержку А. Дубчека. Вовсю использовалась концепция «ограниченного суверенитета», которую Москва пыталась распространить и на Югославию. С советской стороны также активно критиковались планы конституционных реформ СФРЮ, а руководство ЦК СК Хорватии изображалось «западной агентурой». Распространялись слухи, что руководство Союза коммунистов Хорватии — лидеры «хорватской весны» якобы связаны с усташской эмиграцией. Власти в самой Югославии не забыли подписанную в 1967 г. виднейшими хорватскими интеллектуа-

лами «Декларацию о названии и положении хорватского литературного языка», которая шла вразрез с официальной доктриной о едином «сербско-хорватском языке»⁴⁴. Л. И. Брежнев открыто предложил Тито «братскую помощь», что в терминологии тех лет было синонимом введения войск стран Варшавского договора. Однако Тито сумел сам «решить» проблему устранения от власти реформаторски настроенных политиков не только в Хорватии, но и в Словении, Сербии и других республиках⁴⁵.

И в то время, когда главный идеолог КПСС и «серый кардинал» ЦК М. А. Суслов выразил удовлетворение тем, что «югославские товарищи свели счеты с хорватским национализмом и его лидерами»⁴⁶, в 1972 г. в Москве выходит книга о «борьбе хорватского народа за национальную свободу»! Монография В. И. Фрейдзона стала признанием в СССР не только существования хорватов как особого этноса и нации, но и ее особых политических устремлений, отличавшихся как от интересов сербов, так и от интересов общего югославского государства. Остается только предполагать, сколько нервных и душевных сил вместе с дипломатическим искусством пришлось приложить ее автору в различных отделах ЦК КПСС, чтобы в условиях жесткого идеологического контроля и цензуры добиться выхода ее в свет.

В научном отношении эта книга была во многом новаторской. В. И. Фрейдзону удалось постепенно преодолеть традиционно господствовавшее в отечественной (как дореволюционной, так и послевоенной, советской) славистике негативное отношение к хорватам и их национальному движению. В. И. Фрейдзон в своей исследовательской работе опирался не на идеологические и, тем более, пропагандистские схемы, а прежде всего на факты и материал источников, которые при внимательном прочтении позволяли сделать выводы, выходящие далеко за рамки «дозволенного». Хотя она была основана на марксистской методологии и посвящена периоду второй половины XIX в., сам ее материал позволял усомниться в постулатах официальной науки о примате классового перед национальным. В этой монографии было поставлено несколько общетеоретических вопросов, которые в глазах внимательно читателя касались не только государства Габсбургов, но и Российской империи и СССР, — национально-освободительное движение и революция, национал-либерализм и национал-радикализм, федерализм и централизм, общегосударственная идеология и этнический национализм, соотношение различных типов славянской идеи — югославизма и австрославизма, с одной стороны, и хорватского национализма — с другой. Что касается последней проблемы, то был опровергнут имевший политическое происхождение тезис о том, что национальные движения южных славян, в частности хорватов, выступали исключительно за распад Австрийской империи.

Освоение собственно хорватской тематики стало для исследователя настоящим мостом, позволившим перейти к полноценному изучению целого комплекса более общих проблем истории монархии Габсбургов. Еще в 1967 г. в книге «„Дранг нах Остен“ и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы» выходит первая статья В. И. Фрейдзона (и одна из первых в отечественной историографии работ) о проектах федерализации Австрийской империи (с 1867 г. Австро-Венгрии) в 1860–1870-е гг. В сборнике «Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах» (М., 1970), коллективном труде «Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах» (М., 1972) группа авторов во главе с В. И. Фрейдзоном обратилась к изучению взаимозависимостей между развитием экономики, изменениями в социальной структуре полиэтничных обществ и формированием национальных движений, а также их последующей идейной эволюцией.

В 1976–1978 гг. отношение к Югославии в среде советских руководителей несколько изменилось к лучшему. Но затем пришли новые противоречия, связанные с вводом советских войск в Афганистан и ситуацией в Польше, что вновь оживило фантомы прошлого. Ни советские, воспитанные в духе сталинизма, ни югославские, вскормленные имевшим тот же фундамент «титоизмом», партийные руководители не хотели и не могли отрешиться от засевших в их подсознании глубокой подозрительности и недоверия друг к другу. Кроме того, сохранялись и объективные противоречия национально-государственных интересов. При этом проблема Югославии и «славянского братства» не присутствовала во внутривосточной борьбе в СССР, во всяком случае, не в той мере, как это было в конце 1940-х — начале 1960-х гг.

Ряд статей В. И. Фрейдзона конца 1970-х — начала 1980-х гг. был посвящен проблемам межформационных взаимосвязей, в частности переходу от феодальной народности к нации, периодизации и типологизации формирования наций у южных славян и других народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Он писал также об идее славянской общности в XIX в., о специфике национальных движений славянских народов в революции 1848 г. в Австрийской империи, о соотношении социально-классового и национального начал, революционно-радикальных и умеренно-реформистских тенденций в общественных и национальных движениях в монархии Габсбургов. При этом способность В. И. Фрейдзона к широким обобщениям неоднократно позволяла ему на основе сопоставления материала разных стран проводить типологические параллели между процессами формирования наций, модернизации общества, становления национальных движений, развития общественно-политической мысли в различных европейских регионах. Принципиально важная ста-

твѣ в этом смысле — «Переход от феодализма к капитализму в Западной, Центральной и Юго-Восточной Европе» (совместно с Т. М. Исламовым).

В 1970–1980-е гг. в Институте славяноведения и балканистики при самом активном участии В. И. Фрейдзона было предпринято издание многотомной серии «Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму: Проблемы истории и культуры». Ее венцом стала двухтомная коллективная монография «Освободительные движения народов Австрийской империи» (М., 1980–1981), органично сочетавшая в себе разделы, посвященные истории отдельных земель и народов, с проблемно-тематическими главами, написанными на материале разных частей полиэтничного государства. При этом национальные движения в Габсбургской монархии рассматривались в контексте всей социально-экономической, политической истории многонациональной империи, а также на фоне международных отношений в Европе (последнее немаловажно, ведь значение польского, венгерского национальных движений, как и национальных движений южнославянских народов, перерастало рамки отдельных государственных образований, во многих случаях эти движения становились фактором международной жизни). В. И. Фрейдзон был не только ответственным редактором этой коллективной монографии, но и душой и интеллектуальным центром исследования, много сделавшим для придания ему композиционной целостности. Ему принадлежит и ряд концептуальных разделов. Этот двухтомник и по сей день остается единственным не только в отечественной, но и мировой историографии комплексным (междисциплинарным) и сравнительно-историческим исследованием национальных проблем этого государства, охватывавшего практически весь регион Средней Европы и части Юго-Восточной Европы. С именем В. И. Фрейдзона, как и с именем его друзей, единомышленников и коллег И. С. Миллера и Т. М. Исламова, неразрывно связан расцвет исторических и междисциплинарных исследований в Институте славяноведения в конце 70-х — начале 90-х гг. В. И. Фрейдзон внес большой вклад в создание других коллективных трудов этой серии, изданных в 1981–1984 гг. Большое научное значение имела разработанная в них типологизация социальных структур народов Центральной и Юго-Восточной Европы, в основе которой лежало выделение наций и народностей с полной и неполной социальной структурой.

В. И. Фрейдзон впервые в отечественной историографии обращается к изучению истоков формирования боснийско-мусульманского этноса — проблема эта несколько позже, в 1990-е гг., неожиданно приобрела актуально-политическое звучание в свете событий, сопровождавших распад полиэтничной Югославии. К сожалению, статья «К истории боснийско-мусульманского этноса» вышла в сильно сокращенном цензурой

виде, и ее полный вариант, по-видимому, не сохранился. Но даже в урезанном варианте это исследование позволяет понять особенности этногенеза боснийско-мусульманского этноса, заключающиеся в оригинальном соединении славянского — этнического и культурного, и исламского — конфессионального и культурного компонентов. А исторические факты убедительно опровергают укоренившиеся в последнее время мифы и стереотипы о якобы изначальной враждебности «цивилизаций», отождествляемых с конфессиональными общностями.

В дальнейшем В. И. Фрейдзон перешел от конкретно-исторических к теоретическим исследованиям, от изучения проблем истории одного народа к осмыслению исторического опыта и закономерностей развития всего региона Средней и Юго-Восточной Европы. Значительное внимание В. И. Фрейдзон уделял теоретическим проблемам использования методов этнологии в историческом исследовании. В этом контексте символичной стала его рецензия на монографию известного советского этнолога академика Ю. В. Бромлея «Современные проблемы этнографии»⁴⁷. Эта монография, наряду с другими книгами того же автора, представляла собой хотя и обусловленную мировоззренческими, методологическими и цензурными рамками того времени, но все же попытку расширить границы официально принятой классовой типологии этнических общностей (род — племя — народность — нация), соединенной с примордиалистской теорией, ввести советскую науку в контекст мировых этнологических исследований⁴⁸. В. И. Фрейдзону и его коллегам это позволило дальше развить концепции не только сравнительно-исторических, но и междисциплинарных исследований. Подобный подход позволил ему придать законченный характер концепции формирования наций у народов Центральной (Средней) Европы.

В. И. Фрейдзон занимался проблемами некоторых других территорий, входивших в состав монархии Габсбургов (например, социальной истории Воеводины — южной Венгрии). Не ограничиваясь южнославянской историей, он отдавал дань и богемистике, с занятиями которой когда-то начал путь в науке. В 1989 г. под его редакцией вышла коллективная монография «Чешская нация на заключительном этапе формирования. 1850 г. — начало 70-х гг. XIX в.»; в 1991 г. была опубликована его статья о международной солидарности с чешским демократическим движением в 1848–1849 гг.

Пережив хрущевскую «оттепель» и брежневский «застой», проблема взаимоотношений с Югославией по наследству досталась М. С. Горбачеву. На пути ее решения в рамках «перестройки» он неизбежно столкнулся с необходимостью полного идеологического и политического примирения двух сторон и перевода их взаимоотношений в цивилизованное русло. Это случилось во время визита Горбачева в СФРЮ 14–18 марта 1988 г.⁴⁹

В начале 1990-х гг. ситуация для историков и славистов существенно изменилась. С одной стороны, пали цензурные и идеологические ограничения⁵⁰. С другой стороны, славянский и югославский «факторы» вновь превратились в активные элементы советской, а затем и российской не только внешней, но и внутренней политики, которая искала новые опоры взамен утраченных⁵¹.

С середины 90-х гг. XX в. в отечественной исторической науке начали появляться новые работы по истории Центральной и Юго-Восточной Европы, в которых их авторы продолжили лучшие традиции российского исторического страноведения. Возможность отказаться от навязываемых советским коммунистическим режимом идеологических догматов, снятие всякого рода «табу» и доступ к ранее неизвестным документам — все это позволило поставить на повестку дня вопрос о необходимости создания «целостной картины мира» без искусственного замалчивания или, наоборот, выпячивания отдельных исторических событий или фигур. Ко всем этим работам применимо определение «впервые». Впервые в современной отечественной историографии стало возможным неполитизированное и неидеологизированное изложение истории народов и стран. Впервые произошел отказ от околонучных «соображений» и недомолвок.

Но в этот же период на фоне распада СФРЮ в распадающемся массовом советском сознании происходит важная трансформация: иррациональная «югославофобия» части советского политического класса, начавшего превращаться в постсоветский, берущая свое начало в 1948 г. и прикрытая официально провозглашаемым «пролетарским интернационализмом», потерпела полное поражение. Но на смену ей, вместе с другими ожившими мифами, предрассудками и стереотипами российской и сербской идеологии и политики второй половины XIX в., пришло не менее иррациональное «сербофильство», основанное на «православии» и «славянской идее». В 1990-е гг. наблюдался новый подъем «славянского движения»: прошли славянские фестивали, создавались культурные фонды и проводились политические конференции. Эти мероприятия восходили к идеям «русской партии» 60–70-х гг. XX в.⁵²

Исследуя этнические процессы и межнациональные отношения, до крайности запутанные в регионе Центральной (Средней) Европы и на Балканах, В. И. Фрейдзон избежал крайностей: для него были категорически неприемлемы как этнический национализм, так и этнический нигилизм. Он признавал этнос и нацию как субъект исследования и рассматривал формирование наций как длительный исторический процесс. А этнические процессы имеют свои законы и динамику, далеко не всегда совпадающие с законами и динамикой экономического развития, часто им даже противоречащие. В результате вместо реального знания в

советском и постсоветском сознании начали и продолжают возникать новые наукообразные мифы, лишая общество рациональной и реалистической оценки своего места, интересов и возможностей на новом этапе развития процесса национального самоопределения. Одним из примеров этого может служить оценка, данная даже просвещенными советниками Горбачева, рассматривавшими цели национальных движений несербских народов СФРЮ исключительно как сепаратизм и национализм в негативном, свойственном советскому научно-политическому лексикону значении этого слова⁵³. Или же выдвигаемая некоторыми относящимися к либеральной части политического спектра современной России идея «отмены» национального самоопределения, что равносильно требованию отмены самой истории.

Распад СССР и его последствия привели к краху социального и национального сознания граждан России, и в особенности русских. Наше сознание, утратив социальную и государственную составляющие, оказалось деформированным. В нем оказалось нарушенным соотношение его форм и их функций. Причем особая тяжесть выпала на долю национального исторического сознания, часто воспринимаемого только как этноисторическое.

В этих условиях В. И. Фрейдзон не пошел по легкому и весьма популярному пути отказа от реальных достижений советской исторической науки и марксистского метода исследования, их замены под флагом «возвращения наследия утраченного прошлого», соединения этнонационалистических и геополитических концепций конца XIX — первой половины XX в. и подмены теории исторического процесса «конспирологией». Для него работа в 1990-е гг. была настоящим переосмыслением истории, переосмыслением сделанного ранее, а не простой «сменой флажков». Занимаясь историей Хорватии, он сумел, как это было присуще лучшим отечественным историкам-славистам, посмотреть на процесс со стороны, объясняя его причины, но не оправдывая его участников, к какой бы национальности или классу они ни принадлежали, не следуя инациональной мифологии в противовес отечественной. В процессе исследовательской работы ему постепенно удалось раздвинуть границы советского политико-идеологического стереотипа, и Австро-Венгрию, как и национальные движения входивших в нее славянских народов, он рассматривал сугубо исторически, т. е. исходя не из более позднего результата, сквозь призму событий, случившихся уже после ее распада, а анализируя развитие самих этнополитических процессов. Он утвердился в своем взгляде и подходе к монархии Габсбургов не как на «тюрьму народов» и «врагу славянства», а как на сложный, исторически сложившийся и просуществовавший несколько столетий этнополитический организм, составной частью которого были национальные движения южнославянских

народов, далеко не всегда стремившиеся к революционному разрушению империи.

Его работы конца 1980–1990-х гг. посвящены в основном двум проблемам — хорватскому мифу в российском сознании и трагедии хорватской истории. Миф состоял в том, что-де хорватам-католикам якобы «имманентно» присуща враждебность к России. Трагедия же хорватского народа и идеи создания независимого хорватского государства состоит в том, что хорватское национальное движение в двух мировых войнах оказывалось в значительной мере на стороне Германии и ее союзников. Коммунистическое антифашистское сопротивление — Народно-освободительная борьба 1941–1945 гг., в которой активное участие принимали и хорваты, обиденным сознанием отечественного политического класса игнорировалось. А это позволило историографии победителей отождествлять, например, идею национального независимого хорватского государства с фашизмом. На самом же деле эта идея не имела и не имеет ни с «классическим» германским нацизмом, ни с идеологией хорватских «ушастей» ничего общего. Ее возникновение обусловлено теми же историческими и этническими причинами, она обладает той же правовой легитимностью, что и идеи создания подобных государств у других народов, в том числе, например, и сербов.

После распада СССР между двумя основными направлениями в исторической науке, этнологии и политологии началась полемика, отражающая поиски в области методологии, и развернулось соперничество, связанное с общей идейно-политической борьбой в современном российском обществе. В.И. Фрейдзон принадлежал к направлению, пытавшемуся и пытающемуся осуществить на рациональных основах новое самоопределение россиян как нации и государства и русских как этноса. Для этого направления характерен региональный подход, основанный на идеях гражданского полиэтничного общества и целостности исторически сложившихся многонациональных государств. Принадлежащие к нему исследователи признают изменение характера этносов и интересов государств в ходе истории. Им чуждо возвеличивание одного этноса в ущерб другим и признание первичности коллективных прав в ущерб правам индивидуума. Анализируя события в СФРЮ и на постюгославском пространстве, они стремятся объяснить причины кризиса, распада и войны, объяснить закономерность интересов и целей национальных движений народов, живущих совместно в течение долгого исторического времени на одной территории и проживших семьдесят лет в одном государстве. Не отрицая значения «внешнего фактора», они подчеркивают, что Югославия распалась прежде всего в результате внутренних слабостей и противоречий⁵⁴.

Нельзя не отметить и тот факт, что границы историко-географических регионов менялись не только по политическим соображениям, но и

в соответствии с развитием национального самосознания проживающих в них народов. Примером этого может служить новая самоидентификация словенцев и хорватов, причисляющих себя и свои независимые государства к Центральной (Средней) Европе. В. И. Фрейдзон вместе с Т. М. Исламовым внесли в эту полемику значительный вклад, обосновав закономерность возникновения историко-географических регионов и плодотворность их изучения⁵⁵.

Накопленный опыт позволил ученому заняться теоретическими аспектами формирования наций в этом регионе в конце XVIII — начале XX в. В. И. Фрейдзон не утратил интереса и вкуса к собственно историческому исследованию. Главное место в творчестве В. И. Фрейдзона 1990-х гг. заняли его индивидуальные монографии, явившиеся итогом многолетних скрупулезных исследований. В 1993 г. вышла работа «Судьбы крестьянства в общественной мысли Хорватии XIX — начала XX в. От консервативно-реформистских идей к программе крестьянской демократии. 1832–1914». Следующая монография В. И. Фрейдзона «Далмация в хорватском национальном возрождении XIX в. К истории югославизма и его неудачи» явилась первой в отечественной историографии и, безусловно, удачной попыткой нарисовать подробную картину исторического развития в Новое время Далмации, края, который издавна выполнял важные культурные функции, будучи своего рода связующим звеном между Балканами и романским средиземноморьем. Небольшая монография «Нация до национального государства: историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII — начала XX в.» явилась плодом долгих размышлений над закономерностями нациообразования и формирования национальной государственности в Средней Европе, основанных на глубоком знании исторической конкретики. В них, как и в ряде статей, посвященных истории развития югославизма и его соотношения с узким этническим хорватским и сербским национализмом, ученый стремился переосмыслить исторический опыт южных славян, освободившихся после Первой мировой войны от инонационального гнета и создавших совместное государство, которое дважды в нашем столетии распалось трагическим и кровавым образом⁵⁶.

Выдающимся событием не только в отечественной, но и в мировой кроатистике стал выход в 2001 г. принадлежащей перу В. И. Фрейдзона «Истории Хорватии», охватывающий все века и периоды развития хорватов как народа и Хорватии как государства. В ней впервые в отечественной науке была представлена целостная концепция истории хорватов как народа и Хорватии как государства. Поскольку ее основные черты применительно к периоду конца XVIII — начала XX в. были описаны выше, обратимся к трактовке В. И. Фрейдзоном последнего на данный момент периода современной истории — создания независимого

государства Хорватии и завершения формирования хорватской нации — и как этноса, и как гражданской общности.

По мнению исследователя, в Хорватии, где сохранялись идейные традиции национальной государственности, активизировалось движение за достижение независимости, в котором наряду с умеренно-либеральным проявилось себя и радикальное националистическое крыло, несущее свою долю ответственности за обострение конфликта с сербами. Хорватское общество, не только осознавшее бесперспективность преодоления хронического кризиса в условиях Югославии, но и напуганное опасностью захвата власти в СФРЮ сербскими националистами, увидело выход в программе Ф. Туджмана, сплотившей хорватов на национальной платформе. Касаясь болезненной проблемы сербско-хорватских противоречий, крайне остро проявившихся в 1990-е гг., В. И. Фрейдзон видел различие между хорватским и сербским национальными движениями, хотя во главе каждого из них стояли националисты. По его мнению, ввиду исключительно важного стратегического положения сербских анклавов открывалась перспектива такого территориального раскола Хорватии, который делал невозможным само существование этого государства как целого. Для Сербии, в отличие от Хорватии, угрозы разрушения государства в 1991 г. не было. Главную ответственность за распад СФРЮ и массовые кровопролития автор возлагает на сербских националистов во главе с С. Милошевичем, претендовавших на распространение своей власти на всю территорию СФРЮ (или, по крайней мере, на те территории, которые они считали «исконно сербскими»).

Драматические события последнего десятилетия на Балканах способствовали не только повышению интереса более широкой публики к историческим корням сегодняшних межнациональных конфликтов, но и вызвали к жизни огромную литературу, во многих случаях грешащую легковесностью и склонностью авторов к политической конъюнктурщине и далеко не всегда отвечающую серьезным научным критериям. Тем ценнее немногочисленные, но очень взвешенные и весомые выступления такого ведущего отечественного специалиста по истории стран и народов Центральной (Средней) Европы, как В. И. Фрейдзон. Его статьи об исторических истоках сербско-хорватского конфликта, об идеологиях югославизма и национального радикализма в землях южных славян, по другим актуальным проблемам современной науки публиковались в 1990-е гг. в отечественной научной периодике⁵⁷.

В. И. Фрейдзон (1922–2004) был историком не только по профессии, но и по призванию. Он, действительно, жил и мыслил историей и беззаветно служил ей. Хотя он сам не был публичным человеком, любой мало-мальски профессиональный политик, аналитик или журналист не мог опираться на результаты его исследований. Его заслуга и как слависта, и

как специалиста по истории Австрийской империи, просто как историка состоит в том, что ему удалось отделить историческую славистику от политики и идеологии, ввести ее в контекст современных этнополитических и региональных исследований, преодолеть определявшие ее развитие российские, советские и постсоветские мифы, предрассудки и стереотипы. Иными словами — выполнить призвание профессионального Историка. Именно В. И. Фрейдзону принадлежит честь создателя российской исторической кroatистики как отрасли научного знания.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Историки-слависты Московского Государственного университета. 1939–1979. М., 1979. С. 114, 118.
- 2 Робинсон М. А. Судьбы академической элиты: Отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М., 2004.
- 3 Горяинов А. Н. «Славянская взаимность» в трактовке советской историографии 1920–1930-х годов // Славянская идея: история и современность. М., 1998. С. 147.
- 4 См.: Горяинов А. Н. «Славянская взаимность» в трактовке... С. 154; Аксенова Е. П. Очерки истории отечественного славяноведения. М., 2000. С. 28–39; Робинсон М. А. Судьбы академической элиты... С. 384.
- 5 См., например: Политическая история русской эмиграции. 1920–1940. Документы и материалы. М., 1999. С. 7–69; Русский корпус на Балканах во время II Великой войны 1941–1945. СПб., 1999. С. 13–17; Јовановић М. Досельвање руских избеглица у краљевини СХС 1919–1924. Београд, 1996; Серапионова Е. П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М., 1995. С. 87–91.
- 6 Советско-югославские отношения 1917–1941 гг. Сборник документов и материалов. М., 1992; Улунян Ар. А. Коминтерн и геополитика: Балканский рубеж. 1919–1938. М., 1997. С. 39–104.
- 7 См.: Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции. В документах центральных российских архивов начала — середины 1920-х годов / Ред. Р. П. Гришина. М., 2000–2003. Ч. 1–2.
- 8 См., например: Сталин И. К национальному вопросу в Юго-Славии // Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сборник избранных статей и речей. М., 1938. С. 151–154, 166–171; Национальный вопрос на Балканах. Ч. 2. С. 125, 167, 173, 288; Романенко С. А. Югославия, Россия и «славянская идея»... С. 155–178.
- 9 Сталин И. Еще раз к национальному вопросу. По поводу статьи тов. Семича // Марксизм и национально-колониальный вопрос... С. 169.
- 10 Романенко С. А. Югославия, Россия и «славянская идея»... С. 167–172.
- 11 Об этом см., например: Струве П. Б. Дневник политика (1925–1935). М.; Париж, 2004. С. 232–233, 792–293 и др.; Русский корпус на Балканах. С. 15–16; Дьяков Ю. Л., Бушуева Т. С. Фашистский меч ковался в СССР. М., 1992. С. 352.
- 12 Сталин И. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) 26 января 1934 г. М., 1934. С. 32–33, 41, 45, 163–165.

- ¹³ *Сумарокова М. М.* Демократические силы Югославии. М., 1980. С. 154.
- ¹⁴ *Историки-слависты...* С. 180–184; *Аксенова Е. П.* Славянская идея и советское славяноведение перед Второй мировой войной // *Славянская идея: история и современность.* М., 1998. С. 160–172.
- ¹⁵ См., например: *История советской политической цензуры.* М., 1997; *Горяева Т. М.* Политическая цензура в СССР. 1917–1991. М., 2002. С. 162–274.
- ¹⁶ Подробнее об этом см., например: *Романенко С. А.* Югославия, Россия и «славянская идея»... С. 13–144.
- ¹⁷ См., например: *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина. М., 2003. С. 25–42, 140–176; *Митрохин Н. А.* Русская партия и движение русских националистов в СССР 1953–1985. М., 2003. С. 41–94; *Вайскопф М.* Писатель Сталин. М., 2001. С. 125–166; *Романенко С. А.* Югославия, Россия и «славянская идея»... С. 232–235.
- ¹⁸ См. также: *Советско-югославские отношения 1917–1941 гг.* Сборник документов и материалов. М., 1992; *Отношения России (СССР) с Югославией. 1941–1945.* М., 1998.
- ¹⁹ *Документы внешней политики.* XXII (1). М., 1998. С. 253.
- ²⁰ Там же. С. 369–370.
- ²¹ *Советско-югославские отношения 1917–1941...* С. 276.
- ²² *Гиренко Ю. С.* Сталин и Тито. М., 1990. С. 272.
- ²³ См., например: *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 31, 53.
- ²⁴ *Отношения России (СССР) с Югославией...* С. 433–435.
- ²⁵ *Досталь М. Ю.* Славянский конгресс в Белграде в 1946 г. // *Славянские съезды XIX–XX вв.* М., 1994. С. 128–142.
- ²⁶ *Митрохин Н. А.* Русская партия... С. 41.
- ²⁷ *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина. С. 508, 518.
- ²⁸ *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина. С. 581; *Досталь М. Ю. С. А.* Никитин и кампания борьбы с космополитизмом на Историческом факультете МГУ // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. Материалы международной научной конференции. М., 2004. С. 31–32.
- ²⁹ *Досталь М. Ю. С. А.* Никитин и кампания... С. 33–35, 39.
- ³⁰ Там же. С. 34–43.
- ³¹ Подробнее о структуре и элементах сознания И. В. Сталина см., например: *Вайскопф М.* Писатель Сталин. С. 91, 123, 139, 152–155, 181, 244 и др.; *Илизаров Б. С.* Тайная жизнь Сталина. М., 2003.
- ³² См., например: *Справочный том к полному собранию сочинений В. И. Ленина.* М., 1978. Ч. 1. В работах Маркса, Энгельса и Ленина Хорватия и хорваты упоминаются очень редко, но очень большое внимание уделяется Австрийской и Австро-Венгерской империи в целом.
- ³³ См., например: *Фальсификаторы истории (историческая справка).* М., 1952. С. 67, 70; *Сталин И. В.* Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г. М., 1946. С. 11; *Маленков Г. М.* Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального комитета ВКП(б). М., 1952. С. 23, 28.
- ³⁴ *Балканы / Ред. Ф. Н. Петров.* М., 1946.

- 35 См., например: *Сталин И.* О Великой Отечественной войне...; Фальсификаторы истории...; *Сталин И.* Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952; Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г. М., 1948; Совещание информационного бюро коммунистических партий в Венгрии во второй половине ноября 1949 г. М., 1949; и др.
- 36 Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы. 1949–1953. М., 2002. Т. 2. С. 87–88.
- 37 См., например: *Филиппов М.* Хорваты. СПб., 1890; *Кулаковский П. А.* Иллиризм. Варшава, 1894; Политический строй современных государств. СПб., 1905. Т. I–II; Венгерско-хорватское соглашение 1868 г. Краткий исторический очерк и перевод с примечаниями. СПб., 1910; *Формы национального движения в современных государствах.* СПб., 1910. Т. I–II; *Крюков Н. А.* Славянские земли. Сельское хозяйство в славянских землях в связи с общим развитием этих стран. Пг., 1914. Т. 1; *Погодин А. Л.* Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 года. М., 1915; и др.
- 38 См.: *Горяева Т. М.* Политическая цензура... С. 308.
- 39 Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. М., 2002. С. 97–98. Также см.: Реабилитация: как это было. Документы президиума ЦК КПСС и другие материалы. Март 1953 — февраль 1956 г. М., 2000. С. 378–379.
- 40 *Аксютин Ю.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2004. С. 115.
- 41 О перипетиях советско-югославских отношений в 1950-е — начале 1960-х гг. см. публикации последних лет: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 / Глав. ред. А. А. Фурсенко. М., 2003. Т. I. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 / Глав. ред. А. А. Фурсенко. М., 2006. Т. 2. Постановления 1954–1958; КПСС и формирование советской политики на Балканах в 1950-х — первой половине 1960-х гг. Сборник документов / Отв. ред. Н. Г. Томилина. Салоники, 2003.
- 42 *Горбачев М. С.* Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 2. С. 380.
- 43 Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1961–1965. М., 1986. Т. 10. С. 111.
- 44 Deklaracija o hrvatskome jeziku s priložima i deset teza. Drugo izdanje. Zagreb, 1991.
- 45 Об этом периоде в истории Югославии и ее отношениях с СССР см., например: *Романенко С. А.* Югославия, Россия и «славянская идея»... С. 352–374; *Черняев А. С.* На Старой площади. Из дневниковых записей // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 129; *Dabčević-Kučar S.* '71: hrvatski snovi i stvarnost. II. Zagreb, 1997. S. 601–603.
- 46 *Dabčević-Kučar S.* '71: hrvatski snovi... S. 602–603.
- 47 *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии. (Очерки теории и истории). М., 1981. Рец. см.: *Фрейдзон В. И.* К теории этнических процессов // Советское славяноведение. 1981. № 5.
- 48 См., например: Академик Ю. В. Бромлей и отечественная этнология. 1960–1990-е годы. М., 2003. См. также: *Коротеева В. В.* Теории национализма в зарубежных социальных науках. М., 1999.

- ⁴⁹ Подробнее об этом см.: Романенко С. А. «Перестройка» и/или «самоуправленческий социализм»? М. С. Горбачев и судьба Югославии // Славянский альманах 2006. М., 2007. С. 171–209.
- ⁵⁰ Горяева Т. М. Политическая цензура... С. 366–379.
- ⁵¹ Подробнее об этом см.: Романенко С. А. Югославия, Россия и «славянская идея»... С. 510–545.
- ⁵² Митрохин Н. Русская партия... С. 548–565.
- ⁵³ См., например: Шахназаров Г. Х. Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. М., 1993. С. 102, 104; Грачев А. С. Кремлевская хроника. М., 1994. С. 182, 210.
- ⁵⁴ Фрейдзон В. И. История Хорватии. СПб., 2001. С. 270–281. См. также: Балканы между прошлым и будущим / Ред. А. А. Язькова, Б. А. Шмелев. М., 1995; Россия на Балканах / Ред. И. Я. Кобринская, Ш. Тарнетт. М., 1996; Мартынова М. Ю. Балканский кризис: народы и политика. М., 1998; Романенко С. А. Югославия: История возникновения. Кризис. Распад. Образование независимых государств. Национальное самоопределение народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX–XX вв. М., 2000; Задохин А. Г., Низовский А. Ю. Пороховой погреб Европы. Балканские войны XX века. М., 2000; Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен / Под ред. А. А. Язьковой. М., 2007; др.
- ⁵⁵ Исламов Т., Фрейдзон В. Средняя Европа — миф, плод воображения или реальность? // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. М., 1992. С. 119–133. Австро-Венгрия: опыт многонационального государства / Отв. ред. Т. М. Исламов, А. И. Миллер. М., 1995; Центральная Европа как исторический регион / Отв. ред. А. И. Миллер. М., 1996; Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика / Отв. ред. О. В. Хаванова. М., 1997.
- ⁵⁶ См.: На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII — начало XX в. М., 1997.
- ⁵⁷ Хорваты: трудный путь к независимости (XIX–XX века) // Общественные науки и современность. 1999. № 4; О хорватской историографии 1950–1980-х гг. по национальной идеологии // Славяноведение. 1999. № 5.

И. И. Лециловская
(Москва)

Хорватская культура XVIII в. Далмация, Дубровницкая республика

Карловацкий мир 1699 г., завершивший войну Священной лиги — Австрийской монархии, Венецианской республики, Речи Посполитой, а с 1686 г. и России — против Османской империи, принес расширение территории венецианского государства в северной Адриатике. К Республике Св. Марка, владевшей прибрежной Далмацией, отошла и значительная континентальная часть провинции. В 1714–1718 гг. вновь разразилась война христианских государств против Турции. В результате этой войны, последней в истории венецианско-турецких отношений, Венеция потеряла ряд территорий, но увеличила свои владения в Далмации вокруг города Имотски. На этой линии венецианско-турецкая граница стабилизировалась до конца столетия.

В XVIII в. блестящая Венеция, несмотря на территориальные приращения республики и сохранение позиции в мировой торговле, неуклонно катилась к упадку. Причины этого крылись в передвижении торговых путей на Атлантический океан, растущей конкуренции промышленного производства в Англии, Франции и Германии. Венецианская республика становилась второстепенной величиной. Ее общественная и культурная жизнь носила лихорадочный характер, представляя последние отблески былой славы.

Далмация переживала влияние отрицательных процессов, протекавших в венецианской метрополии. Экономическое ослабление Венеции усугублялось для нее ограничительной торговой политикой венецианских властей. В первой половине XVIII в. экономика провинции находилась в состоянии застоя. Ушла в прошлое автономия далматинских городов-коммун, которая была основой средневековой торговой и общественной деятельности.

Но с середины столетия в годы непрерывного мира наметилось общее оживление жизни в Далмации. Венеция по меркантилистическим мотивам ввела некоторые послабления для торговли провинции. Спрос в Европе на далматинские суда и вино дал толчок подъему судостроения и виноделия. Стали расти внешняя торговля и морское судоходство Далмации. Но особое значение в ее экономике получила транзитная торговля, связавшая Балканы и Италию.

На протяжении XVIII в. выросла численность населения в Далмации. Если в 1718 г. оно составляло 108 090 человек, то в конце века на

той же территории проживало 288 320 человек, т. е. в три раза больше. Если административным центром провинции считался Задар, то главным торговым городом являлся Сплит. В конце XVIII в. он с предместьями имел более 8000 жителей, а включая котар — 12 000. Это был крупный порт на восточном побережье Адриатики. Во второй половине XVIII в. начала складываться новая экономическая обстановка в Далмации, благодаря чему протекало укрепление городов, а в них — торгово-предпринимательского слоя населения. Общество медленно накапливало силы, чтобы двинуться по пути обновления.

Дубровницкая республика, находившаяся в вассальной зависимости от Османской империи, благодаря торговой конъюнктуре с середины века также переживает подъем. Развитие культуры в Далмации в значительной мере определялось жизнью городов-коммун. Потеря ими под венецианской властью автономии, общее ослабление к первой половине XVIII в. повлекли за собой затухание культурной деятельности. Далмация и Дубровник утрачивали ведущую роль в хорватском культурном процессе в целом. Но с середины XVIII в., с оживлением общей обстановки в Далмации и Дубровнике наметились активизация культурной жизни и появление в ней новых черт.

В XVIII в. в толще жизни южных славян разворачивались процессы, которые при влиянии Западной Европы обусловили изменения в общественном сознании. Постепенно крепнущая и обострявшаяся коллективная память народа, объединяя людей с разной психологией, неодинаковыми житейскими интересами, различным уровнем образования, порождала потребность понять, кто они, где их корни, что с ними стало и как выжить в складывавшихся условиях. Так, на первых порах в форме исторического мышления наиболее талантливые и чуткие одиночки задумались над судьбами своих народов.

Почти одновременно в середине XVIII в. у хорватов, сербов и болгар появились сочинения, обращенные к истории и содержавшие в той или иной мере осмысление актуальных вопросов современности. Первыми выступили в печати далматинские хорваты францисканские монахи Филип Грабовац с книгой «Цвет беседы народа и языка иллирского или хорватского» (Венеция, 1747) и Андрия Кашич Миошич с сочинением «Приятный разговор славянского народа» (Венеция, 1756). Затем серб Захария Орфелин, живший тогда в Сремски — Карловцах, издал в Венеции же стихотворное произведение «Плач Сербии» (1762) и болгарин монах Хиландарского монастыря на Афоне Паисий написал «Историю славяноболгарскую» (1762), оставшуюся в рукописи, но получившую в списках широкое распространение в народе.

Эти сочинения, созданные в разных условиях, объединяли обращение авторов к простым людям на их родном или максимально близком к

нему языке, напоминание о славном прошлом своих народов, наконец, призыв к народному пробуждению, первоочередному условию выживания. Названные авторы, ощутившие на ранней стадии дыхание эпохи, принесшей в Западной Европе появление национальной идеи, предвосхитили грядущее национальное Возрождение южных славян. Типологическая общность их сочинений вобрала в себя закономерность и своеобразие развития общественной мысли на славянском юге в процессе духовного преобразования.

Далматинские хорваты находились под сильным влиянием умственной и художественной жизни в Венеции. В 60–80-х гг. XVIII в. в Республике Св. Марка зародилось и развернулось культурное движение под знаком идей Просвещения. Они получили наибольшее развитие в Венеции и Падуе. Одной из главных особенностей идеологии венецианского Просвещения было переосмысление роли церкви и религии в государстве, а также отношений церкви и государства в русле нового видения мира ¹.

В идейном пространстве венецианского Просвещения находился молодой хорват Иван Ловрич (1754–1777). Он происходил из состоятельной семьи города Синя, учился в Венеции, затем продолжил медицинское образование в Падуе. Будучи студентом, Ловрич издал в 1776 г. в Венеции на итальянском языке книгу «Заметки о путешествии по Далмации Альберто Фортиса» ². Его побудило к этому сочинение итальянского аббата ученого-естественника, известного представителя венецианского Просвещения Альберто Фортиса «Путешествие по Далмации» (Венеция, 1774). Оно было переведено на немецкий, французский и английский языки и получило широкую известность в Европе. Исходя из знания народной жизни своего края, Ловрич нашел в работе итальянского автора много неточностей в описании крестьянского быта и обычаев в Далмации, как и неполноту приведенных им сведений ³.

Книга хорватского автора содержала большой фактический материал о природных достопримечательностях далматинского Загорья, его малой родины, об остатках римской старины здесь, а главное — о народной жизни, прежде всего морлаков — загорских крестьян. В ней досконально описаны верования, обычаи, образ жизни, методы ведения хозяйства сельского населения континентальной Далмации. Наблюдения автора сопровождалась замечаниями, оценками и советами. Эта книга явила собой зарождение национальной этнографии в Далмации. В то же время она стала документом обретения хорватской общественной мыслью новых современных черт.

Ловрич выступил как большой патриот Далмации и ее народа. Он с гордостью писал, что из его среды вышли интеллектуалы, заслужившие похвалу самых культурных европейцев. Ловрич назвал при этом старого далматинского мыслителя М. А. де Доминиса и Р. Бошковича, «одного

из первых европейских математиков». Эти «два светила», продолжал автор, убедительно доказывали, до какого совершенства могли возвыситься природные умственные способности далматинцев. Он указал также на «знаменитого и вовеки бессмертного» Ивана Гундулича из Дубровника, отмечая «возвышенность мысли, сладость стихов и естественность рифмы» поэта. Ловрич назвал Гундулича гордостью «иллирского народа» и сравнил его с Гомером⁴. Автор выражал восхищение деятелями, которые достигли вершин в науке и искусстве хорватов.

Ловрич видел природную одаренность крестьянства, в массе которого были ловкие резчики по дереву, искусные гончары, другие умельцы. Он высоко ставил народные песни, содержавшие, по его словам, важные сведения по отечественной истории и созданные по правилам стихосложения, при том что их творцы не имели понятия о стихе⁵.

Тем с большим сожалением этнограф писал об отсутствии возможности у далматинцев, особенно у морлаков в Загорье, совершенствовать свой ум и способности за неимением средств. Поэтому они полны суеверий, «абсурдных мыслей» и незнания⁶. «Самое большое счастье (морлаков. — *И. Л.*) состояло бы в том, — продолжал автор, — если бы они освободились от старых предрассудков. Таким путем они стали бы трудолюбивыми в мирное время и храбрыми в войне. Просвещенный народ творит счастье свое и своего правителя»⁷. Разоблачение предрассудков и борьба против закоснелых форм жизни, традиционализма были краеугольным камнем идейной платформы европейского Просвещения. И Ловрич, придерживаясь взгляда на мир, основанного на разуме и знаниях, видел путь к возвышению населения Далмации до уровня просвещенных европейских народов через преодоление предрассудков и необразованности.

Молодой хорватский автор был сторонником распространения книг, отказа от философии Аристотеля и перехода к новым философским методам, изучения современной физики и пр. Но прежде всего ученый-этнограф ратовал за приобщение простого народа к элементарному образованию⁸. Это особенно актуально было в Далмации, где не сложилась школьная система.

Ловрич указывал на виновников духовной убогости крестьян. Это были те, кто извлекал для себя пользу из незнания простолюдин и действовал по принципу «разделяй и властвуй». Автор осуждал и соплеменников, которые проявляли безразличие к несчастью «боязливому народу»⁹. Среди них были служители католической и православной церквей.

Хорватский этнограф с осуждением писал, что темнотой крестьян без зазрения совести пользовались монахи, как православного, так и католического обрядов, в целях их подчинения себе и поборов. Автор ставил даже вопрос о секуляризации монастырской земли. В отношении православного монастыря Драгович он замечал, что монахи имели дос-

таточно земли, «которую очень хорошо можно было бы употребить в помощь некоторым бедным морлакским семьям, которые ее не имеют»¹⁰. Осуждение монашества за мздоимство автор подкреплял ссылкой на церковную политику Петра Великого в России.

Критика Ловрича была обращена и в адрес белого католического духовенства. Отмечая общую малограмотность жителей города Синя, он замечал: «Уметь читать, писать и иметь немного поверхностного знания арифметики — вот и вся наука этого края, а кто знает больше, того считают еретиком, особенно священники. Все они — католики, которых в настоящее время насчитывается не более двенадцати. Их знания состоят в переписывании, переименовании и уродовании философии Аристотеля и в философском битье друг друга, которое набожно совершается в темноте. Речь идет о самых ученых»¹¹. Обвинения Ловрича в адрес священников находились в созвучии с политикой Венецианского государства, направленной против попыток римской курии вмешиваться в его внутренние дела. В 60-х гг. XVIII в. Сенат предпринял антицерковные реформы, задачами которых были усиление светской власти, ограничение деятельности и доходов католического духовенства и секуляризация церковного имущества¹². Антиклерикальная политика Республики пользовалась поддержкой венецианских просветителей. На страницах печати развернулась полемика философов-эрудитов с их оппонентами.

Находясь в Падуе, Ловрич был в гуще споров. Светское положение автора освобождало его творчество от полагавшегося в Далмации контроля со стороны монастырских старейшин. А бурная идейная обстановка в самой Венеции и отмена Сенатом Республики в 1765 г. церковной цензуры сделали издательскую деятельность в этой части свободной.

Взгляды Ловрича были окрашены религиозной веротерпимостью. Он не противопоставлял католиков и православных в Загорье, рассматривая их как один народ, часть великой славянской общности.

Как следствие духовной неразвитости, но также и непрерывных войн, Ловрич отмечал примитивность земледелия и скотоводства у морлаков. В меру своих знаний и особенностей мышления автор давал в книге советы по улучшению сельского хозяйства. Главным из условий он считал появление патриота соотечественника, способного показать пример рационального хозяйствования. Сам он рекомендовал посадку тутовых деревьев и развитие шелководства. «Было бы поистине замечательно, — заключал автор, — если бы этот народ начал свой прогресс с земледелия, к которому народы возвращаются только тогда, когда уже станут воспитанными»¹³. Все это было благородной утопией, но она отражала озабоченность Ловрича бедственным материальным положением далматинских крестьян.

Патриотическое настроение и вера в природный талант крестьян определяли отношение Ловрича к народному языку. Воздавая должное старой хорватской литературе, особенно дубровницкой, за то, что она была на родном языке, автор с сожалением отмечал отход от него современных ему образованных поэтов. «А некоторые от страха, чтобы не казаться варварами, — писал он, — говорят даже и то, что не знают и языка, полагая глупо, что это заслуга»¹⁴. Выступая в поддержку литературного языка на народно-разговорной, т. е. штокавской, основе, далматинский интеллигент обращал внимание на сохранение его чистоты. Он считал, что народный язык наименее подвергался внешним воздействиям вдали от городов (Дубровника). В начале XIX в. именно на эти края как колыбель нетронутой городом народной штокавской речи будет ориентироваться выдающийся сербский ученый — лингвист Вук Караджич в своей реформе сербского литературного языка¹⁵. Ловрич проявлял близкое понимание литературно-языкового развития штокавских хорватов с теми же издержками языкового пуризма.

В поле зрения Ловрича, как и некоторых образованных хорватов того времени, был «славянский язык». Не представляя себе историю литературно-языкового развития славян и языковую иерархию в славянском мире, он воспринимал его как данность. «Обилием слов и силой выражения, наряду со своей большой распространенностью, — писал он, — этот язык возвышается над всеми остальными. В нем, кроме того, замечается естественность старых языков»¹⁶. Ловрич обращал внимание на широту распространения, чистоту и древность «славянского языка». Эти взгляды имели прямую связь с представлением о некоей славянской общности, которое с XVI в. присутствовало в хорватской литературе Далмации и Дубровника. Морально поддерживая интеллигентов в трудные периоды исторического развития, оно утверждалось как идейная традиция.

Идейный облик Ловрича включал патриотизм, расположенность к крестьянству, славизм в сочетании с элементами критической мысли и просветительской утопии.

Книга Ловрича не осталась незамеченной. Францисканцы в Далмации встретили ее враждебно. Но она получила известность в Европе. Французский писатель-романтик Ш. Нодье использовал материал из нее в своем творчестве¹⁷. Монография вошла в науку своим обилием историко-этнографических данных о патриархальной среде на юго-западе Балкан.

В XVIII в. хорватскую общественную мысль в Далмации затронуло своим крылом Просвещение, хотя оно не развернулось здесь в зрелую систему. Тем не менее этот факт имел принципиальное значение, поскольку знаменовал собой подъем хорватского общественного сознания на уровень восприятия и осмысления действительности с позиции рационализма.

Оживление с середины XVIII в. умственной жизни в Далмации и Дубровнике получило выражение в подъеме науки. Желание интеллектуалов понять место своего народа в кругу других народов, осознать традиции и пути выстраивания взаимоотношений с ними в менявшемся мире привели к увеличению числа, расширению тематики и обновлению методов исторических работ.

В Дубровнике интеллектуалы проявляли особый интерес к своей «малой» родине и ее знаменитостям. Они оставили в рукописи сочинения по истории города и местной церкви. Расширялось изучение литературных явлений. Росла потребность изучения биографий видных дубровницких писателей. Пытливые умы активно занимались собиранием литературной старины. Видный поэт Иг. Джурджевич составлял жизнеописания с характеристикой литературного творчества некоторых видных дубровчан. Но работа осталась незавершенной. Ученый доминиканец С. Цриевиц (Церва) создал сборник на латинском языке, включив в него биографии 435 дубровницких знаменитостей, в том числе и музыкантов. Но его «*Bibliotheca Ragusina*» также осталась в рукописи. Были и другие попытки того же рода. Авторы использовали архивные материалы и документы, изучали литературные тексты. При этом трезвое исследование источников сочеталось с воодушевленным восприятием биографий и творческих достижений земляков-знаменитостей¹⁸.

Своеобразным обобщением этой деятельности на исходе века стало двухтомное сочинение на итальянском языке дубровчанина итальянского происхождения пиариста, преподавателя, а затем ректора местной гимназии Франьо М. Аппендини (1768–1837) «Исторические и критические заметки о древностях, истории и литературе Рагузы» (Дубровник, 1800, 1802–1803). Это было первое фундаментальное исследование по истории культуры знаменитого города.

Недостаточно критический в археологическом и историческом планах труд Аппендини тем не менее, основанный на рукописных и печатных материалах XVI — первой трети XVIII в., благодаря большому библиографическому фонду долгое время оставался научной базой для изучения истории дубровницкой литературы. Желание образованных и просто грамотных дубровчан больше узнать о прошлом своего народа и его видных деятелях встречалось с патриотическим стремлением интеллектуалов раскрыть культурное достояние и тем самым значение Дубровника.

В Далмации подъем интереса к прошлому пришелся на 70–80-е гг. XVIII в., хотя и ранее публиковались работы как хорватских авторов, так и иностранцев по истории отдельных местностей и Далмации в целом. Вышли из печати книги исторического содержания Ивана Росиньоли и Петара Нутризио Грисогоно из Трогира, Луки Владимирови-

ча, Р. А. Михиели Виттури, Томко Мрнавича и др. Историографическую культуру Далмации дополняли биографические сочинения Петара Богетича из Сплита о видных спличанах (1784) и Михиели Виттури о старых далматинских мыслителях (1778). Книги издавались на итальянском языке и были ориентированы на городскую образованную среду. Много текстов осталось в рукописи. Большинство исторических работ были в русле критического изучения источников о прошлом Далмации¹⁹.

Несколько выделялся из круга сочинений трактат Петара Нутризио Грисогоно «Исследование о теперешнем состоянии Далмации. Экономико-политическое сочинение» (Флоренция, 1777). Он был обращен к современности²⁰.

Исторические сочинения, помимо познавательной функции, формировали в хорватском обществе историческую память — коллективные представления о прошлом народа, родины, — которая играла важнейшую роль в процессе его самоидентификации, ориентации в мире, понимании своего места в нем. Хотя итальянский язык большей части работ с историческим содержанием сужал социальное пространство их восприятия.

На фоне историографической активности в Далмации пробудился интерес к археологии. Этому способствовало античное прошлое провинции. В 1750 г. архиепископ Бицца основал за свой счет «Музей Сплитской архиепископии», в котором быстро образовалось богатое собрание археологических экспонатов. Это подтолкнуло любительские занятия археологией. Возникли частные музейные собрания. Особой известностью пользовалась солидная археологическая коллекция задарского врача А. Даниели.

Большой интерес властей и отдельных эрудитов вызвали в 1771 г. неожиданные открытия остатков строений раннесредневекового хорватского Солина, одного из центров государства Трпимировича. Началось изучение той местности, которое проводилось лицами без специальной подготовки, но, тем не менее, было полезным. В 1789 г. в Задаре при рытье котлована для фундамента здания были обнаружены разные серебряные предметы, а несколько позднее вблизи города были найдены римские урны, стеклянная посуда, медные медали и другой археологический материал. Вещественные предметы поступали, как правило, в закрытые коллекции.

С накоплением археологических находок появилась потребность их описания. Предположительно еще в 1759 г. Петар Ферро с острова Корчула изучал надписи на античных памятниках в городе Скрадине. Первой научной работой далматинской археологии было исследование Михиели Виттури, посвященное античной Салоне, главному городу римской провинции Далмации. Оно вышло на итальянском языке в Венеции. Десятью годами позже священник Иван Павлович Луцич описал архео-

логические находки в приморье города Макарска, а в 1796 г. издал работу с описанием дворца императора Диоклетиана в Сплите ²¹.

На начальном этапе археология в Далмации сводилась к бессистемному собиранию вещественных предметов и их первичному описанию. При этом развивалось коллекционирование среди частных лиц и закладывались начатки музейного дела.

Утверждение в литературе штокавского диалекта активизировало в Дубровнике и Далмации лингвистические исследования. В 1754 г. в Венеции вышла книга францисканца из Дубровника С. Долци (Сладе) с многозначительным названием «О древности и распространности иллирского языка».

В 1728 г. по поручению сплитского архиепископа иезуит Арделио Делла Белла составил и издал в Венеции «Словарь итальянско-латинско-иллирский» и «иллирскую» грамматику*. Это было сделано с целью повышения грамотности хорватского духовенства, из числа которого половина исполняла службу на церковнославянском языке ²².

В 1781 г. в Венеции же вышло третье издание «Латинско-иллирской грамматики» Л. Ситовича (Любушича), в которой были рассмотрены многие грамматические вопросы хорватского языка. В 1808 г. увидела свет новая грамматика Аппендини. В завершение этого этапа появился лексикографический труд — фундаментальный трехязычный латинско-итальянско-хорватский словарь францисканца Й. Стулли (1810). В научной лингвистической среде Дубровника и Далмации набирала силу тенденция к стандартизации штокавского диалекта.

В обстановке, когда в Далмации было немало дворян, которые не знали родного языка или сознательно не хотели говорить на нем, задарский архиепископ М. Караман опубликовал в 1763 г. в Венеции «Букварь славянской письменности» с целью приобщить соотечественников к обучению письму на родном языке. Эта книга пользовалась спросом и в 1769 г. выдержала второе издание. Были и другие лингвистические работы ²³.

В Далмации и Дубровнике создавались научные, прикладные и учебные работы по разным областям знаний. Появились книги по юриспруденции. Разрабатывались вопросы церковного права. В 1778 г. каноник А. Коста, родом из Синя, опубликовал в Венеции «Церковный закон», первый учебник канонического права на хорватском языке. Это было авторитетное в свое время издание. Выходили работы на медицинские темы, по гидрологии. Францисканец М. Зоричич выпустил в 1766 г. в Анконе «Арифметику», первую книгу по математике на хорватском языке, написанную по методике П. Ферро ²⁴.

* В названиях многоязычных словарей на латинском языке использовались понятия «illirico», «illiricum», «linguae Illiriae». В кн. «Povijest hrvatske knji ževnosti» эти понятия переведены как «хорватский».

Увеличение объема и расширение сферы научных исследований, гуманитарных и естественных, были показателями состояния не только науки, но и шире — общественного сознания, углубления запросов общества в познании жизни.

Ввиду трудных условий для развития науки в Дубровнике и Далмации наиболее талантливые ученые покидали родину и работали в Европе. Бенедиктинец А. Бандурович-Бандури проявил себя как один из самых известных в свое время византологов и нумизматов. Врач Дж. Арменац-Баливи, рано покинувший Дубровник и трудившийся в римском университете, получил известность как один из первых анатомов, теоретиков и практиков медицины. Выходцы из Дубровника и Далмации сохраняли подчас тесные контакты с родиной, способствовали ознакомлению соотечественников с естественнонаучными и гуманитарными знаниями, поддерживали отечественные таланты.

Подлинным научным колоссом, выдающимся ученым с европейским именем был Руджер Бошкович (1711–1787) — физик, математик, астроном и философ. Он родился в Дубровнике, но еще в ранней молодости покинул город, чтобы в Римской иезуитской коллегии получить образование. Здесь он стал членом иезуитского ордена. Ряд лет, с 1740 до 1757 г., Бошкович, профессор философии и математики, преподавал математику в Римской коллегии, затем был профессором в университете Павии. Находясь вдали от Дубровника, ученый сохранял тесные контакты с ним. Патриот города, он оказывал влияние на его политическую жизнь.

Бошкович совершил многочисленные поездки с дипломатическими и научно-исследовательскими целями. Он посетил Париж, Лондон, Венецию, Стамбул, Варшаву. В 1763 г. ученый вернулся в Рим. Некоторое время Бошкович преподавал в университетах Парижа и Лондона, возглавлял во французской столице учреждение «Оптика», связанное с морским флотом. В 1782 г. он оставил Францию и приехал в Италию, где и умер в Милане.

Бошкович вошел в науку серией статей о закономерностях в природе, написанных в первый римский период жизни. Мировую славу и признание ученый получил благодаря фундаментальному труду «Теория естественной философии» (Вена, 1758; Венеция, 1763). Опираясь на сформулированные И. Ньютоном законы механики, Бошкович развил качественную теорию строения вещества и высказал гипотезу о зависимости характера (притяжения или отталкивания) сил взаимодействия частиц от расстояния между ними. Восторженный поклонник Ньютона, он, тем не менее, критиковал введенное английским математиком понятие «абсолютное пространство» и считал пространство относительным. Тем самым Бошкович предвосхитил некоторые положения теории относительности и квантовой физики XX в.

В конце жизни Бошкович издал работу в пяти частях из области оптики и астрономии. Ученый разработал методику определения движения комет. В практической астрономии он предложил методику исправления ошибок и пр. Его труды были написаны на латинском языке.

Бошкович был членом ряда европейских академий и научных обществ — академии «Аркадии» в Риме, общества Royal Society в Лондоне, членом-корреспондентом Французской академии, иностранным почетным членом Петербургской академии наук ²⁵.

Обладая литературным даром, Бошкович изложил некоторые свои научные работы в стихах («О затмении солнца и луны» — 1735, второе расширенное издание — 1760). Плодотворным было его научное и поэтическое сотрудничество с философом, математиком, знатоком латинского языка Б. Стаем-Стойковичем (1714–1801). Ученый обратил внимание на первые научные и литературные сочинения молодого Стая, выпускника Дубровницкой коллегии, — стихотворное переложение на латинский язык философии и физики Декарта (Венеция, 1744, в последующие пять лет вышло еще два издания). Под влиянием Бошковича Стай приобщился к философии Ньютона. Плодом их совместного творчества стали «Десять книг новейшей философии в стихах» (т. I–III. Рим, 1755, 1760, 1792). Стай изложил здесь закон всемирного тяготения, основное содержание «Оптики» Ньютона и привел собственные математические выкладки, теоремы и доказательства. Самостоятельная работа Стая получила высокую оценку Бошковича. Первые два тома ученый снабдил введением, пространными комментариями и дополнениями (третий том не был завершен) ²⁶.

Руджер Бошкович принадлежал к ренессансному типу универсальных мыслителей. Его научные открытия были солидным вкладом в понимание жизни. Но принадлежность к иезуитскому ордену делала его общественную позицию противоречивой. Ученый скептически относился к России, старался изолировать Дубровник от нее, не одобрял антиклерикальную позицию французских энциклопедистов, выступал за сохранение латыни как языка науки.

В рассматриваемое время в Далмации и Дубровнике вырос объем научной деятельности, углубилась дифференциация науки. В ряде гуманитарных и естественных исследований были заложены основы научных знаний Нового времени, появились большие словари. Научная мысль переходила от описания к объяснению явлений действительности на основе свободного от теологии ее понимания. Именно в научных работах проявлялись новое видение мира, углубленное понимание действительности.

В XVIII в. литература в Далмации была представлена почти исключительно поэзией. По жанровому составу это были преимущественно

стихи, написанные по какому-либо случаю, как правило, в честь видных особ в связи с днем их рождения, венчания, служебного продвижения, и лирика дидактическо-морализаторского характера. Такого рода сочинения создавались доморощенными стихотворцами на латинском и итальянском языках. Отдельные интеллектуалы пытались сочинять песни на родном языке, но они в подавляющем большинстве остались в рукописях. Пользовались популярностью комедии, написанные в подражание, в частности К. Гольдони, на итальянском или хорватском языках и предназначенные для чтения в узком кругу лиц, а не для сцены²⁷.

С середины XVIII в. церковные лица во множестве издавали небольшие книжки на хорватском языке с целью просвещения верующих в вопросах религии, христианской морали, канонического права и пр. Они были рассчитаны как на широкую читательскую публику, так и образованный клир. Эти книги пользовались большим спросом²⁸.

Наряду с конфессиональной письменностью и сочинениями рядовых стихотворцев появились новые виды литературы, проникнутые ожившим историческим сознанием и интересом к устному народному творчеству. Патриотическое направление выдающихся писателей, озаривших своими книгами ярким светом литературную жизнь, сложилось как антитеза обособлению от этноса католического дворянства и горожан провинции в результате усвоения ими итальянского языка и бытовой культуры.

Ответы на вопросы современников в процессе этнической самоидентификации, «каковы были времена стародавние», пытался дать в своих сочинениях Филип Грабовац. Он родился в Подосое близ Врлики в 1697 или 1699 г., в сельской среде. Это был край, переживший три венецианско-турецких войны, опустошенный, подверженный грабегам дружин ускоков. По окончании церковной школы юноша вступил во францисканский орден в монастыре Заострог. Высшее образование (по философии и теологии) Грабовац, по всей вероятности, получил в Италии. Будучи священником, он читал проповеди прихожанам, преподавал. В 1729 г. Грабовац стал капелланом в хорватской кавалерийской части, находившейся на службе у венецианского государства. В этой должности он оставался в Вероне до 1747 г.

Хорошо познав быт и нравы хорватских военных на итальянской службе, Грабовац выступил в 1729 г. в печати со стихотворением, в котором осудил их моду отказываться по прибытии в Италию от хорватской одежды и обычаев. Этот шаг молодого священника сразу породил недоброжелательство к нему в далматинских конформистских кругах.

В 1747 г. Грабовац издал в Венеции свою главную книгу «Цвет беседы народа и языка иллирского или хорватского». Она имела отчетливо патриотическую направленность. По доносу хорватских офицеров венецианские власти книгу конфисковали, и весь тираж (400 экземпляров) был сожжен на главных площадях Задара, Сплита и Синя. Лишь

несколько книг «Цвета» сохранилось. Сам автор как бунтовщик и предатель был брошен в венецианскую тюрьму. Затем ввиду его болезни он был переведен в монастырь на острове Сан Спирито, где располагалась тюрьма для духовных лиц. Там священник-патриот и умер в 1749 г. ²⁹.

Грабовац был первым далматинским хорватским писателем, который обратился на родном языке к сельской среде. «Цвет беседы» был написан на штокавском икавском диалекте. По жанру книга сочетала в себе поучения и литературное творчество. Идейно она выделялась из круга далматинской хорватской литературы. ..

«Цвет беседы» состоял из двух частей. В первой содержались написанные преимущественно стихами «духовные разговоры» разного содержания. Эта часть, построенная в форме диалога юноши и старца, носила религиозно-морализаторский характер. В разделе о нравственности автор устами героев отмечал, что в мире «нет ни правды, ни любви», все живут в грубости, «в народе нет согласия», людьми правит неверие и ненависть друг к другу. Грабовац писал о падении нравов в обществе ³⁰.

Вторая часть книги имела историческую основу, охватывая «времена, народы и королевства». Она написана частично стихами, но преимущественно прозой. Основное место в ней заняла Далмация. Вместе с тем Грабовац четко выразил хорватское самосознание. В центре его внимания были жизнь и судьба «рватов» (хорватов). В отношении языка автор отождествлял понятия «иллирский», «словиньский» и «рвацкий».

В этой части выделялось стихотворение «Слава Далмации», которое проникнуто любовью к родной земле. Автор, полный гордости за славное прошлое Далмации, выражал горечь по поводу ее упадка:

Что так низко нынче пала,
В землю себя закопала?
Где твоя старая сила,
Которой столь в тебе было?
Изменники теперь тебя топчут,
То, чем была ты, не чтут ³¹.

В другом стихотворении «О природе и нравах хорватов» Грабовац называл причины плачевного состояния народа и показывал путь выхода из него:

Если б хорваты согласны были,
Горькой чаши бы не пили ³².

Автор призывал к сплочению и единению хорватов, чтобы занять достойное положение.

Эти стихотворения Грабоваца, опередившие свое время, были на славянском юге первыми «будницами» — песнями с призывом к пробуждению народа.

С большой творческой силой будительско-патриотическую линию в хорватской литературе продолжил Андрия Качич Миошич (1704–1760). Он родился в селе Брист, расположенном близ францисканского монастыря Заострог, в приморье города Макарска, начальное образование получил в монастыре. В 1720 г. юноша принял монашеский постриг. Предположительно он получил философское и богословское образование в Буде.

С 1730 г. Качич Миошич в монашеском чине преподавал в философской школе в Шибенике, основанной в 1726 г., а с 1735 г. стал уже «*lector generalis*» в духовной семинарии того же города. По прошествии десяти лет он ушел в монастырь Сумартин на острове Брач, где в 1747 г. стал старейшиной. С 1750 г. Качич Миошич жил в Заостроге. За это время он совершил поездку в Венецию, где пробыл почти год, посетил Задар.

Францисканские монастыри, расположенные на границе Далмации с Боснией и Герцеговиной, были своего рода региональными социокультурными и военными центрами. Братию составляли выходцы из сел, говорившие на «боснийском языке» (штокавском диалекте), хорошо знакомые с жизнью аграрной части Далмации с ее традиционной народной культурой. Важно и то, что до 1735 г. Босния с Герцеговиной и Далмация входили в одну францисканскую провинцию и между монахами внутри нее поддерживались тесные связи. В Заостроге Качич Миошич и закончил свой жизненный путь³³.

В Заостроге Качич Миошич написал две книги на «боснийском языке» — «Приятный разговор славянского народа» (Венеция, 1756, второе расширенное издание — 1759) и «Кораблица» — ковчег (Венеция, 1760)³⁴.

«Разговор» — это хроника событий в стихах и прозе из истории хорватов, других славян, а также соседних народов. В первой части книги, где излагаются события с древних времен до падения Константинополя под натиском турок в 1453 г., преобладают прозаические тексты. Во второй части, посвященной истории до XVIII в., больше стихов. Качич Миошич следовал за Грабовцем и в изложении фактов, и в чередовании прозы и стихов. Но их разнило отношение к Венеции.

В предисловии «Любезному читателю» ко второму изданию «Разговора» Качич Миошич писал, что он черпал материал из книг латинских, итальянских и хорватских авторов, из различных песен, дипломов, постановлений венецианского дожа, аттестатов, а также свидетельств старцев, монахов и мирян³⁵. Книга предназначалась «бедным земледельцам и пастухам славянского народа»³⁶.

В «Кораблице» Качич Миошич раскрыл состав «славянского народа». Это — «московы, поляки, амазоны, богемы, моравы, словаки, тоты, краньцы, истрияне, рваты, славонцы, сервияне, сербы, валахи, молдавы, булгары, бошняки, далматины, верхние скендерцы и многие другие». К славянам автор относил древних иллирийцев, Александра Великого,

императора Константина, Скандербег и др.³⁷. Представления Качича Миошича о славянах были весьма туманными. Но одно в его сознании было непреложным — убежденность в древности, многочисленности и величии славян, давших миру знаменитых личностей. Книги Качича Миошича, проникнутые идеей общности славян, наиболее выразительно продолжили славянскую мысль в хорватской далматинской литературе в XVIII в., ведущую свое начало из более ранних времен.

Качич Миошич писал, что земли, в которых был распространен «славянский язык», простирались от латинского моря до ледяной Балтики. Автор подчеркивал «великолепие» и «величавость» славянского языка, так как, по его словам, он был дарован Богом, в то время как другие языки были составлены людьми. Писатель обращался к читателям с призывом не стыдиться говорить на своем «славном языке». А если кого спросят, какого он народа, продолжал автор, отвечай: «Я далматин, хорват, бошняк или славянин»³⁸. Но при всем славянском кругозоре Качич Миошич на практике дал в «Разговоре» поэтизированную историю прежде всего хорватов и других южных славян.

Францисканский монах, создавая свою книгу, преследовал три задачи. В предисловии к первому изданию «Брату читателю» он писал: «В естестве каждого человека — свой народ хвалить, возвыщать и возвеличивать»³⁹. Поэтому свою первую задачу автор видел в том, чтобы дать простым людям представление о славной истории своего народа. Качич Миошич хотел показать современникам подвиги их предков, чтобы гордиться ими. Наконец, он считал необходимым запечатлеть на века имена мудрых и справедливых властителей и храбрых юнаков⁴⁰. Их подвиги должны были стать ориентиром для настоящего и будущих поколений. При этом, зная о печальной участи Грабовца (оба были связаны с Заострогом), Качич Миошич избегал критики венецианских властей. Наоборот, он восхвалял «светлого» дожа и «счастливое и райское существование» Далмации под крылом Венеции⁴¹.

«Приятный разговор славянского народа» — книга особенная для своего времени. В предисловии к первому изданию Качич Миошич отмечал: «Бог дал нашему народу такой естественный разум, чтобы он то, что другие народы хранят в книгах, сохранял в уме», распевая песни о своих королях, банах, витязях и героях. Эти песни, продолжал автор, «хотя и не совсем истинные, тем не менее каждая содержит твердую основу правды»⁴². Исходя из факта широкого распространения на славянском юге народных песен — живой исторической памяти народа — и ощущая дух времени с его пробуждавшимся общественным интересом к народной поэзии, Качич Миошич талантливо изложил в своей книге исторические события в стилизованных стихотворениях «под эпос» на языке, близком к штокавской народной речи, включив в сборник и три

подлинные народные песни. Тем самым он сделал свою книгу близкой и понятной простому человеку на славянском юге, а с другой стороны, подтвердил историческую основу народной поэзии.

Качич Миошич стремился глубже проникнуть в поэтику устного народного творчества. Все свои песни (кроме двух) он написал десяти-стопным стихом (десетерцем). Он заимствовал из фольклора постоянные эпитеты, устойчивые выражения и даже целые стихи. Его песни были проникнуты народной интонацией. Сам автор выступил в образе старого певца Милована, который ходил с гуслиями по пространству «от Скадара до Задара, от Мостара до Котара» и пел ⁴³.

Качич Миошич изложил в стихах исторические факты, как он их представлял на основе литературы. Он не позволял себе фантазии и вымысла. Но это не лишало его песен поэтического вдохновения и чувства (например, «Песнь о короле Владимире»).

Главным предметом «Разговора» была история борьбы с турками. Герои Качича Миошича — «люди разного рода и занятий». Автор выразил свое кредо словами: «Все мы от одного отца и матери рождены» ⁴⁴. В этой позиции было недалеко до признания просветительского «естественного закона».

С момента выхода «Разговора» Качича Миошича был воспринят в Далмации как книга для чтения. Она пробуждала у читателей чувство достоинства и гордости за свой народ. Песни Качича Миошича с их героикой и народной стойкостью отвечали потребности людей в жизнеутверждающем слове.

В XVIII в. вышло четыре издания сборника. Он получил огромную популярность не только среди хорватов, но и шире — на славянском юге. Уже вскоре после публикации книга была в библиотеке иезуитской коллегии и академии в Пожеге. Известный кайкавский комедиограф Тит Брезовачки отдал дань Качичу Миошичу, написав в его честь два стихотворения штокавским десетерцем.

Выдающийся сербский писатель-просветитель Досифей Обрадович признавался, что сочинения Качича Миошича придали ему уверенности писать на народном штокавском языке. В 1794 г. в сербской газете «Славно-сербския ведомости», выходившей в Вене, впервые у сербов было напечатано сочинение хорватского автора. Это была «Песнь Стефана II Немани, короля сербского» из книги Качича Миошича. Она получила распространение и у болгар, оказав влияние, в частности, на «Зографскую болгарскую историю». Сборник был известен Фортису. При этом он считал собранные в нем песни подлинно народными, а автора рассматривал как собирателя фольклора ⁴⁵.

Сочинение Качича Миошича стало вкладом в расширение связей между южными славянами. Оно способствовало также укреплению сла-

вянского самосознания как духовного фактора в решении жизненных задач этих народов.

За свою историю книга выдержал 50 изданий. Она стала самой распространенной и читаемой у хорватов ⁴⁶.

«Кораблица» Качича Миошича представляла хронику главных мировых событий от сотворения мира до 1760 г. с публицистическими вставками. Книга разделена на две части — до и после рождения Христа. Опираясь на Библию, автор использовал, по его словам, сочинения латинских, итальянских авторов, а также «Хронику» загребского историка П. Витезовича. Сочинение написано прозой на «боснийском языке». «Кораблица» стала историческим дополнением к «Приятному разговору славянского народа».

Францисканец Качич Миошич не мог не знать о литературной и церковно-просветительной деятельности собратьев по ордену в Боснии и Герцеговине. Они утверждали практику писания религиозно-дидактических книг и учебников на народном языке — боснийском штокавском диалекте, защищали хорватскую старину, поддерживали у населения любовь к родной земле ⁴⁷. Но литературная деятельность Качича Миошича, прежде всего его «Приятный разговор славянского народа», отличалась от творчества боснийских монахов, как отличалась от традиционного церковного просветительства в целом с его сосредоточенностью на церковном учении и житейской добродетели. Она представляла новое явление благодаря антиосманскому пафосу, вере в жизнестойкость народа и практической опоре на его духовную мощь.

В отличие от хорватской литературной практики XVI–XVII вв. у Качича Миошича был иной подход к народной поэзии. Он впервые увидел в устной культуре форму исторической памяти широких масс, а для себя — источник поэтического вдохновения. В центре внимания Качича Миошича были простые земледельцы и пастухи, у которых песня была неотъемлемой частью их жизни. На них был ориентирован в своем творчестве автор, к ним непосредственно он обращался, стремился быть понятным простому человеку. Поэзия Качича Миошича была шагом на пути демократизации хорватской литературы.

Творчество Качича Миошича обострило в образованных кругах Далмации и Дубровника интерес к народным песням. Этому способствовало также издание Фортисом книги «Путешествие по Далмации». Описывая крестьянскую культуру, автор опубликовал в оригинале и итальянском переводе славянскую мусульманскую песню «Хасанагиница». В переводе И. В. Гёте она была включена И. Г. Гердером в собрание «Народные песни» (1778) и стала общепризнанным достоянием европейской культуры.

Внимание к этнографии и народному творчеству со стороны интеллигенции Далмации и Дубровника проявлялось в разных формах — в описании быта крестьян, подражании народным песням, собирании и

публикации фольклора. Впервые записи текста и напевов двух рыбацких песен сделал в XVI в. поэт П. Гекторович. В рассматриваемое время в числе собирателей народных песен, не только текстов, но и мелодий, были в Дубровнике М. Бруеревич, священник Дж. Маттеи. Достоверные фольклорные записи оставил деятель культуры в Сплите Ю. Баямонти. Священник Дж. Ферич обращался к народным песням и пословицам, создавая на их основе сочинения на латинском языке, в частности басни (1794)⁴⁸. Приобщение к фольклору, хотя в это время большей частью поверхностное, как явление литературной жизни Далмации и Дубровника стало одним из предвестников наступающих перемен в литературном процессе.

В Дубровнике интерес литераторов к устному народному творчеству сочетался с подражанием античному наследию. На традиции латинской дубровницкой поэзии налагался культ античности заявлявшего о себе классицизма. Хорошее знание греко-римских классиков давала образовательная программа иезуитской коллегии, где получали образование состоятельные молодые дубровчане. Поэтому не случайно в Дубровнике в XVIII в. наблюдалась «латинизация» литературного творчества. Местные писатели, в основном духовные лица, а также отдельные нобили-любители, пользовались латинским языком и античной стихотворной техникой.

Формы обращения дубровницких писателей к античному литературному наследию были разные. Поэты писали на латинском языке оригинальные послания, оды, элегии. Выше уже говорилось о своеобразном сочетании науки и поэтического мастерства в книгах Бошковича и Стая.

Большое место заняла переводческая деятельность с греческого языка на латинский. В вековых традициях латинского стихосложения знаток древностей иезуит Р. Кунич, дубровчанин, работавший в Риме, перевел «Илиаду» Гомера (Рим, 1776). Ему принадлежали также другие переводы с греческого языка и оригинальные стихотворения на латинском языке. Его ученик монах Б. Джаманич (Заманя) сделал перевод на латинский язык «Одиссеи» (1770) и других произведений греческих авторов. Он издал также несколько книг оригинальных стихотворений преимущественно моралистического содержания на латинском языке.

На рубеже XVIII–XIX вв. в Дубровнике писательской деятельностью на латинском языке занимались вышеупомянутый Джуро Ферич (1739–1820) и Джоно Растич (1755–1815). В 1791 г. в Дубровнике вышла книга псалмов в переложении латинскими стихами гекзаметром Ферича. Интересуясь народным творчеством, он пытался соединить фольклорную традицию с латинизмом. Ферич издал на латинском языке гекзаметром книгу оригинальных стихов с описанием дубровницкого края (Дубровник, 1803). Он занимался также переводом с латинского на родной язык. На двух языках он опубликовал сборник сочинений римского баснописца Федра (Дубровник, 1813).

Растич, потомок родовитой дубровницкой фамилии, князь Республики, был разносторонне образованным человеком. Помимо литературы, он занимался геометрией и физикой, был известным юристом. В области литературы Растич был сатириком консервативных убеждений. Его сочинения на латинском языке посмертно издал Аппендини (Падуя, 1816).

На родной язык античных писателей (Анакреона, Овидия, Горация, Вергилия) переводили Й. Бетондич, Л. Бунич, Ф. Соркочевич. На рубеже веков в литературе Дубровника в духе времени, под влиянием итальянской культуры сложилась своеобразная школа классицизма на новолатинском языке ⁴⁹.

Новым явлением в дубровницкой культуре XVIII в. было освоение французской литературы. Образованные дубровчане учили французский язык, но знакомились с французской культурой и опосредованно через Италию. Были сделаны переводы или переработки на родной язык почти всех комедий Ж. Б. Мольера. Они вошли в репертуар разных любительских театральных трупп.

В XVIII в. замедлились темпы развития и уменьшился объем литературы в Далмации и Дубровнике. Писательским творчеством занимались преимущественно представители католических орденов и немногие дворяне-любители. Но на этом тернистом пути были достигнуты важные рубежи: утвердились позиции новоштокавского диалекта в литературе, усилилась ее идейная патриотическая направленность с охватом простого народа, окрепла и обрела новые черты связь литературы с фольклором, началось ее приобщение, правда, через «латинизацию», к классицистическому направлению, расширились литературные связи с Западной Европой.

В XVIII в. изобразительное искусство в Далмации и Дубровнике носило провинциальный характер. Известная живописная школа в Дубровнике зачахла. Местные живописцы, лишённые полета мысли и воображения, трудились изолированно, выполняя мелкие заказы. Они испытывали влияние Венеции, чаще Южной Италии и Рима, но вносили в свои работы и особенности, порождаемые местными условиями. Потребности католической церкви и нобилей в произведениях искусства удовлетворяли большей частью венецианские мастера.

Наиболее известным местным художником, работавшим в стиле барокко, был в Дубровнике Петар Маттеи (1670–1726). Выходец из простонародья, он тем не менее получил образование в Венеции и Неаполе. Творческая атмосфера этих двух городов сказалась на его творчестве. Венецианский колорит и композиция сочетались в его работах с декоративностью неаполитанского барокко.

На исходе века в Дубровнике трудились два художника, осваивавшие новую стилистику. Петар Катушич (1767–1788), простолюдin, благодаря городской стипендии, полученной по рекомендации Стая, учился

в Риме у известного художника А. Марони, приверженца классицизма. Не завершив учебу, он по болезни вынужден был вернуться на родину, где вскоре умер. Катушич за свою недолгую жизнь написал с натуры портреты Стая, Кунича и Замани, заложив основы отечественной школы портрета. Но они не сохранились.

Портретную практику Катушича продолжил Рафо Мартини (1771–1846). Он родился в Дубровнике, получил, как и его предшественник, стипендию для получения художественного образования в Италии и обучался в мастерской Марони. Он также в Риме заболел, вернулся раньше времени в Дубровник, но все же затем продолжил учебу, покинув Рим окончательно в 1795 г. Некоторое время Мартини преподавал рисование в новом дубровницком лицее, с 1821 г. служил «подинспектором» отдела древностей Солина при основанном Археологическом музее в Сплите. Мартини окончил свой век в Дубровнике. Художник создал портреты Растича, Аппендини, Казначича и других видных современников. Но из его творческого наследия остались лишь единичные работы. По косвенным данным хорватские исследователи установили, что Катушич и Мартини эстетически развивались в классицистическом направлении⁵⁰. Оба художника работали в портретном жанре, проявляя в поисках модели интерес к творческой личности.

В области музыкальной культуры выделялся Дубровник. Сюда приезжали исполнители из разных городов Италии, Германии, Греции. Они обзаводились семьями и оседали в Республике. Были и местные профессиональные музыканты. На исходе столетия в Дубровнике протекала кипучая музыкальная жизнь.

На профессиональной основе были организованы оркестры князя Республики — духовой состав исполнял большей частью марши, сопровождая выходы князя, и основной оркестр с разнообразным репертуаром. В 1774–1777 гг. по решению Малого совета он дважды в месяц выступал с концертами, в программе которых были сложные инструментальные композиции. Музыкальные инструменты приобретались большей частью в Италии (Венеция, Неаполь).

В Дубровнике поддерживалась традиция театральной музыки. В представлениях включались музыкальные интермедии. В их исполнении принимали участие местные любители и оркестр. Отдельные музыкальные номера получали самостоятельную жизнь и исполнялись горожанами при разных случаях. Власти направляли талантливых молодых людей в Неаполь на учебу в консерваторию. В 1794 г. в Дубровнике итальянские труппы исполнили первые оперы⁵¹.

В музыкальной культуре Дубровника важные позиции занимала католическая церковь. Кафедральный собор имел свой оркестр, капельмейстера и постоянного органиста. Но все же центром духовной музыки

в Дубровнике всегда был францисканский монастырь Малой братии. Большое число монахов здесь занимались не только вокалом, но и игрой на музыкальных инструментах. В монастырской церкви постоянно были два органа, воздвигнутых венецианскими мастерами. Духовная музыка сопровождала литургию, церковные обряды и исполнялась в других случаях⁵².

Помимо публичных мест, светских и церковных, музыка звучала в домах состоятельных дубровчан, особенно по праздникам. В домашнем музицировании практиковались светские виды вокального и инструментального искусства.

Высоким профессионализмом было отмечено творчество талантливых композиторов Луки Соркочевича Сорго (1734–1789) и его сына. Они принадлежали к дубровницкому патрициату. В родном городе Л. Соркочевич провел большую часть жизни, занимая государственные должности. С дипломатическими поручениями он много ездил по Европе. Музыкальное образование Л. Соркочевич получил, вероятно, в Дубровнике и Риме. Он стал первым хорватским светским композитором, автором семи небольших симфоний. Ему принадлежали также вокальные и инструментальные произведения, в том числе сольные сонаты, характерные как жанр для классицизма⁵³.

Антун Соркочевич (Дубровник, 1775 — Париж, 1841) был высокообразованным человеком, занимался политикой, увлекался историей, изучал естественные науки, знал несколько европейских языков. В 1794 г. он был избран в Большой совет Республики и стал последним посланником Дубровника в Париже. Жизнь в культурном центре Европы сделала его большим поклонником французской литературы, изобразительного искусства и науки. Композитор написал четыре симфонии, несколько камерных сочинений, а также ряд церковных композиций и пр. Творчество А. Соркочевича соединило хорватскую музыкальную культуру XVIII и XIX вв.⁵⁴.

В Дубровнике трудились на профессиональной основе выходцы из Италии как капельмейстеры, органисты и композиторы.

В Далмации музыкальная жизнь была наиболее развита в Сплите, Шибенике и Хваре. В Сплите средоточием духовной музыки был кафедральный собор. С ним была связана деятельность большинства музыкантов. Еще в XVI–XVII вв. в соборе были сооружены органы. Церковное пение здесь с давних времен было столь профессиональным, что служило примером для певческого искусства в других далматинских городах.

В XVIII в. в Сплите и других городах устраивались также светские музыкальные мероприятия. Обычно они состояли в исполнении религиозных песнопений и инструментальных произведений. В Сплите была исполнена оратория композитора Ю. Баямонти, написанная по типу барочной мелодрамы. Случалось местные дилетанты — дворяне и горожане — ставили целые оперы⁵⁵.

Со Сплитом было связано творчество яркого деятеля хорватской культуры Юлие Баямонти (1744–1800). Это была увлекающаяся личность с неумемной жадностью знаний и деятельности. По окончании семинарии в Сплите он получил медицинское образование в Падуанском университете. В 40 с лишним лет Баямонти переселился на остров Хвар, где получил должность коммунального врача. Он сочетал врачебную практику с работой органиста в местном кафедральном соборе, с занятиями литературой, историей, археологией, философией, математикой, метеорологией и другими предметами. Баямонти писал стихи на итальянском и латинском языках. Кроме них, он владел немецким и французским, отчасти английским и греческим языками.

В 1790 г. Баямонти вернулся в Сплит. Здесь он, частный врач, был руководителем хора в кафедральном соборе, создавал музыку, написал около 140 музыкальных сочинений, большей частью церковных и полупоцерковных. Некоторые из них были весьма обширными. Композитор выступил автором почти 50 мотетов, осваивая утонченное итальянское хоровое мастерство. Среди его светских сочинений были мадригалы, арии, хоры, симфония. Баямонти выступил в числе первых собирателей народных напевов в Далмации. Он оставил после себя также незавершенный музыкальный словарь. Деятель культуры активно участвовал в театральной и концертной жизни Сплита. В 1793 г. по его инициативе в городе прошла благотворительная акция в пользу бедных.

Баямонти пользовался признанием в Далмации и вне ее. Ему не хватало свежей струи в духовной атмосфере Сплита, и он находил отдушину в живой переписке с видными представителями культуры Задара, Дубровника, Венеции и пр. Хорватский деятель сопровождал Фортиса в его поездке по Далмации⁵⁶. По широте интересов и образу деятельности Баямонти был близок к ренессансному типу личности. Однако он не был чужд духовных исканий своего времени.

Важным культурным центром был Хвар. До 1774 г. здесь зимовал венецианский флот, затем власти перевели его в Боку Которскую. Пребывание флота в значительной мере обеспечивало материальное благополучие города. А присутствие здесь епископской кафедры поднимало его духовный авторитет. Местные властелины и горожане отличались гуманистической культурой.

Хвар издавна славился своими пышными церковными мистериями. Они появились у хорватов еще в XV в. под влиянием Италии. В мистериях разыгрывались религиозные сцены, написанные в форме безыскусной народной поэзии. В них включались музыкальные номера. Некоторые мистерии целиком были в вокальном исполнении, превращаясь таким образом в музыкально-драматические оратории. Эта традиция продолжалась в XVIII в., перешагнув хронологический рубеж и XIX столетия⁵⁷.

В Далмации трудились композиторы и музыканты П. Кнежевич, А. Альберти, Б. Пеллилари, Й. Рафаелли, М. Стратико. Они сочетали игру на скрипке с сочинительством церковных и светских произведений. В Далмации и далеко за ее пределами пользовался известностью конструктор органов Петар Накич. Он создал около 500 таких инструментов⁵⁸.

Хорватская духовная музыка еще в XVII в. достигла вершины своего развития. В рассматриваемое время появились крупные имена светских композиторов и музыкантов, расширилась сфера присутствия светской музыки, родились музыкальные жанры, характерные для классицизма. Отныне именно со светским направлением в первую очередь было связано обогащение хорватской музыкальной культуры.

Тесно связан был с музыкальной культурой театр. Особенностью его развития в Далмации было отсутствие школьного театра. И сценические представления в городах носили, как правило, общедоступный характер. Еще в XVII в. в ряде городов появились постоянные сцены для выступлений временных любительских трупп. Эта тенденция нарастала в XVIII в.

В 1770 г. в Сплите было обновлено помещение, предназначавшееся исключительно для сценических постановок. Локальными центрами театральной культуры были Шибеник, Трогир и Хвар. В Шибенике представления давались в здании княжеской резиденции. Настоящие театральные торжества периодически устраивались на Хваре, где еще в XVII в. театр постоянно расположился в надстройке арсенала. Репертуар любительских представлений составляли небольшое число переводных пьес преимущественно итальянских драматургов (мелодрамы С. Маффеи и П. Метастазियो, комедии К. Гольдони)⁵⁹.

Но главные события театральной жизни Далмации развернулись в Задаре. Здесь для представлений был отведен зал в княжеском дворце. В 1784 г. в далматинской столице был открыт постоянный общедоступный театр. Здание для него было построено на пожертвования дворянских семей. Задарский театр был организован на профессиональной основе. Руководство им осуществляли директор и несколько импресарио, в ведении которых были кадровая политика, репертуар, реквизиты, костюмы и пр. Уже в 1788 г. был приглашен из Италии профессор музыки, который тотчас основал школу игры на скрипке с целью создания театрального оркестра. Тогда же были ангажированы в Италии еще несколько профессиональных музыкантов, артистов и танцовщиков. Этого было достаточно, чтобы театр давал регулярно несколько представлений в год. Его профессионализация требовала качественного репертуара, который составляли многочисленные драмы, комедии и оперы. Особой популярностью у публики пользовалась опера-буфф итальянских композиторов. Первый профессиональный общедоступный театр в За-

даре представлял новое явление в истории хорватской сценической культуры ⁶⁰.

В первой половине XVIII в. в хорватскую культуру южных земель началось проникновение французского влияния. Это было особенно заметно в Дубровнике. Нобили и состоятельные горожане прониклись французской модой, усиленно учили французский язык. Всеобщая галломания сказалась и на театральной жизни города.

С конца XVII в. сценические представления в Дубровнике проходили на постоянной сцене — в переоборудованном помещении арсенала. Театр получил название Орсан. Здесь он функционировал до 1817 г., когда арсенал сгорел. Организаторами и исполнителями сценических действий были разные любительские труппы, местные, а в XVIII в. — и итальянские. Репертуар составляли пьесы местных авторов. Последними комедиографами в Республике, писавшими на родном языке, были Ф. Путица, М. Бруевич и В. Стулич (Стулли). Но их пьесы ставились мало. В основном преобладали переводные комедии, прежде всего французские. Петар Бошкович, брат известного ученого, перевел трагедию «Сид» П. Корнеля, представителя французского классицизма XVII в. Но поистине господствовали на дубровницкой сцене социально-бытовые комедии Ж. Б. Мольера. Из 34 сочинений французского комедиографа были переведены и поставлены 24. Они пользовались большим успехом у публики.

Популярность Мольера объяснялась в немалой степени особенностями перевода и постановок его комедий. Переводчиками выступали главным образом молодые нобили. Пьесы французского автора переводились, как правило, в прозе. При этом местные литераторы обращались с оригиналом очень свободно, используя его в качестве основы и приспособлявая содержание к реалиям дубровницкой жизни. Переводчики переносили место действия в свой город, давали хорватские имена персонажам, меняли события, вводили колоритные мотивы. Приемы адаптации и локализации пьес Мольера сочетались с простым разговорным языком действующих лиц. Ситуации и персонажи становились узнаваемы для публики. В сценическую жизнь комедий вносились хорошо известные приемы: куплеты, танцевальные номера с музыкальным сопровождением, элементы комедии дель арте с ее масками, импровизацией и буффонадой. Все это делало представления более зрелищными и развлекательными ⁶¹.

В первой половине XVIII в. в силу количественного и качественного снижения уровня дубровницкой литературы, повышения театральных запросов местной публики и усиления культурного влияния Западной Европы на дубровницкой сцене возобладали образцы мировой драматургии — комедии Мольера, которые в облегченном виде как нельзя лучше отвечали задачам местного театра, дидактического и развлека-

тельного. Опыт обработки Мольера в соответствии с местными общественными задачами в рассматриваемое время и позднее имел место в театральные культуры и других народов Центральной и Юго-Восточной Европы ⁶².

Освоение творчества Мольера дубровницким театром способствовало его эстетическому развитию, воспитанию вкуса публики, упрочению литературного языка на штокавской основе. Но преобладание комедий Мольера в местном театре не привело к глубокому воздействию Франции на малочисленных нобилей, которые еще играли в Республике главную общественную роль.

Во второй половине XVIII в. в Дубровнике и далматинских городах стали появляться профессиональные труппы из Италии. С 1778 г. эти приезды получили регулярный характер. Гастролеры ставили драматические спектакли, главным образом мелодраму (Метастазио), а также оперу-буфф на итальянском языке. В конце столетия после тридцатилетнего перерыва в Дубровнике вновь возродился интерес, не без влияния внешней обстановки, к переводной французской комедии ⁶³. Все это расширяло рамки сценического искусства на хорватском юге. Но на пороге XIX в. перед театром вставали уже иные задачи.

XVIII век в истории далматинской и дубровницкой архитектуры стал временем барокко. Но условия для его развития, особенно в Далмации, не были благоприятными. Прежде всего этот стиль требовал высокопрофессиональных архитекторов и строителей. В Далмации же, как правило, строительные навыки передавались из поколения в поколение в рамках местных семейных мастерских. Сооружение барочных зданий было связано с большими материальными затратами, это при оскудении приморских городов превращалось для потенциальных заказчиков — дворян и горожан — в серьезную проблему. Наконец, барокко предполагало наличие свободного для строительства пространства, что в скученных средневекового типа городах сложно было найти. Поэтому в Далмации, особенно в первой половине XVIII в., строительные работы сводились к поправке фортификационных сооружений, возведению небольших церквей, реставрации, достройке или частичной перестройке старых городских зданий.

В Далмацию барокко пришло из Италии. Его принесли главным образом венецианские и римские зодчие. Местные мастера учились на практике у них и, как умели и могли, вникали в сущность нового стиля, хотя так и не смогли его понять до конца. Жизненные обстоятельства определили особенности барокко в архитектурном облике далматинских приморских городов. Оно практически не проявлялось самостоятельно, но налагалось, переплеталось, сосуществовало с более ранними стилями. За плечами местных мастеров были устойчивое совершенство

романского, готического и ренессансного строительства и богатый опыт династий, что затрудняло разрыв с традицией и переход к новой архитектурной концепции.

В XVIII в. пользовались известностью семейные архитектурно-строительные мастерские Скоко, Форетичей и Макановичей. Местные зодчие работали в основном в церковном строительстве, решая ограниченные архитектурные задачи и возводя скромные культовые и жилые здания. Они сводили освоение нового стиля к внешним деталям или нагромождению украшений. Это не исключало, однако, проявления у наиболее талантливых мастеров хорошего вкуса, устойчивого чувства гармонии и пропорции, умения формировать небольшое городское пространство.

Богатые заказчики видели скромные возможности местных строителей и для решения крупных проектов стремились привлекать иностранных архитекторов. Их услуги стоили дорого, поэтому далматинским заказчикам приходилось довольствоваться зодчими «средней руки». Итальянским архитекторам, последовательно следовавшим принципам барочной эстетики, принадлежали самые репрезентативные, монументальные сооружения в городах Далмации. Свободно владея приемами барокко, они умело использовали их и при реставрации зданий прошлых времен⁶⁴.

Из крупных сооружений в это время был построен кафедральный собор в городе Макарска, подверглись обновлению церкви в Задаре и Шибенике, возводились и перестраивались колокольни. Городская архитектура включила несколько больших объектов военного и торгового назначения (арсеналы, лазареты * и пр.). Строительство и ремонт защитных сооружений в далматинских городах проводились под руководством венецианских военных инженеров, но при участии местных строителей⁶⁵.

В XVIII в. в Сплите еще достраивался большой дворец Циндро, в архитектуре которого сочетались позднеренессансные черты венецианских зданий и барокко. Поворот к новым приемам виден в доминирующих трифориях на втором и третьем этажах по центральной оси здания, в мотиве балконов с каменной оградой, характерной мансарде. Красива была палата семьи Грисогоно с выдвинутыми балконами, встроенная между арками на площади Диоклетианового Перистила. Одним из красивейших в Далмации был сплитский дом семьи Милеси, строительство которого было также завершено в XVIII в. Эта семья до конца века принадлежала к низшему слою городского населения, а затем получила дворянство. Фасад дома, расчлененный большим продольным балконом на втором этаже, имел ряд окон с маленькими балконами, украшенными барочной оградой.

* Помещения, где пережидали карантин от чумы люди, скот и товары, прибывавшие из Османской империи.

Сущность барокко в архитектуре составляла новая концепция пространства и включения строения в ближайшую среду. Из нее проистекали все остальные главные черты стиля. В архитектуре выразительно проявлялись отход от плоскостности стены, расчлененность поверхности фасада, выделение центральной оси здания. К числу важнейших признаков барокко относились порталы с треугольным фронтоном, который раздвигался на две части и в образовавшемся проеме помещалась скульптура ангела или святого-защитника в плаще с играющими складками. Принадлежностью барокко были длинные балконы с каменной оградой, мансарды, многочисленные окна, соединенные попарно или трифории, наконец, буйный декор, элементами которого все еще оставались розетки в виде каменного кружева и все чаще становились кудрявые головки ангелов.

Колокольни возводились с открытыми проемами, создающими контрастную игру света и тени, иногда они имели завершение в форме луковичи. В фортификации элементы барокко присутствовали в устройстве и орнаментации ворот и окон.

В интерьере новый стиль давал о себе знать в функциональном распределении пространства, размещении внутренних лестниц, освещенности помещения через большие окна, в церквах — в подчеркнутом выделении главного алтаря ⁶⁶.

Городской пейзаж создавали не только монументальные здания, но и многочисленные небольшие каменные и даже деревянные дома мелких торговцев, ремесленников, рыбаков, крестьян. Атмосфера барокко сказалась и на этих скромных постройках. В рассматриваемое время сложился тип каменного дома с небольшой внешней лестницей в несколько ступенек, помещением для проживания, кухней и погребом. Этот тип складного и удобного дома получил распространение во всей провинции. Он хорошо гармонировал с окружающей средой ⁶⁷.

Чем дальше располагались населенные пункты от приморских городов в глубь континентальной Далмации, тем устойчивее было присутствие в архитектуре церквей и жилых строений приемов и форм предыдущих времен, но и здесь на фасадах зданий угадывались элементы украшений в духе провинциального барокко.

В городской архитектуре Далмации господствовал эклектизм — поверхностное наложение барочных приемов на ушедшие стили. При этом далматинское барокко отражало более продвинутое понимание задач зодчества. Оно было призвано ответить на возросшие потребности человека в комфорте жизни (пространство, функциональность здания и жилья, освещенность, нарядность и пр.) при сочетании чувства и разума.

В отличие от Далмации, в Дубровнике барокко в архитектуре выступало в более чистом виде. Это объяснялось наличием свободного пространства в городе после разрушительного землетрясения и много-

дневного пожара в 1667 г., уничтоживших практически город, и притоком благодаря исключительной торговой конъюнктуре больших денег в руки местных судовладельцев, торговцев и дворян. В таких условиях итальянские зодчие получили широкие возможности для своей деятельности.

При восстановлении Дубровника власти стремились сохранить его старую планировку. Знаменитые стены города, памятник европейской фортификационной архитектуры Средневековья, выдержали удары подземной стихии при небольших разрушениях. Их ремонт проводился с учетом новых веяний.

Ускоренная застройка главной улицы города Страдуна проходила однотипными домами. Это были трехэтажные здания, на первом этаже которых размещались лавки, а два верхних этажа предназначались для жилья. Плоскостной фасад украшали окна с нарядными наличниками по 3–4 на каждом этаже. Вход был сбоку. Архитектурный облик таких домов был незатейливым, но легким и элегантным⁶⁸.

Вершины барочная архитектура в Дубровнике достигла в храмовых сооружениях. Власти Республики возложили задачу восстановления кафедрального собора в городе на уроженца Дубровника Степана Градича (1613–1673). Это был историк, поэт, дипломат. Он постоянно проживал в Риме, служил кустосом, а затем управляющим библиотеки в Ватикане и выполнял обязанности неофициального посланника Республики Св. Влаха при папском дворе⁶⁹.

Градич выступил идейным вдохновителем проекта. Он представлял римскую церковную строительную концепцию своего времени, которую считал продолжением ренессансной архитектурной традиции. По его рекомендации проект разработал итальянский архитектор Андреа Буффабини. В самом Дубровнике строительством руководили, сменяя друг друга, ряд итальянских архитекторов, а на завершающей стадии местный зодчий И. Катичич. Строительство началось в 1673 г., а освящение собора состоялось в 1713 г. Это монументальное и гармоничное здание стало типичным памятником высокого римского барокко на хорватском юге.

К монументальным архитектурным сооружениям в стиле барокко относились еще два храма в Дубровнике. В 1699–1725 гг. была построена иезуитская церковь по проекту видного архитектора ордена Игнацио Поццо. С 1706 г. почти 10 лет велось строительство церкви Св. Влаха, небесного покровителя города. Она стала творческим достижением венецианского зодчего и скульптора Марино Гропелли. Ему принадлежали и другие работы в городе.

В комплекс крупных сооружений в Дубровнике, отвечавших барочной эстетике, входила большая лестница. Ее спроектировал в 1738 г. римский архитектор Пиетро Пассалаква. Прообразом для нее послужила знаменитая лестница на Площади Испании в Риме⁷⁰.

Архитектура Дубровника освоила объемно-пространственные сооружения при главенстве храмов и новые принципы градостроительной целостности.

Городки в Боке Которской, бухте на юге Адриатического моря, в свою очередь застраивались домами с архитектурными мотивами барокко. Эта территория, где проживали сербы и хорваты, также находилась в составе венецианского государства.

В силу отсутствия крупных заказов в Далмации сворачивалась деятельность некогда процветавших мастерских резьбы по камню. Изделия местных мастеров, работавших в основном для церкви, уступали готовым произведениям из мрамора, во множестве ввозимым из Венеции. Зато переживала расцвет резьба по дереву. Из местных мастеров талантливым резчиком был Ф. Бакотич. Работы в стиле барокко украшали алтарь церкви Св. Андрии на острове Раб (1765), интерьер собора на острове Корчула. Здесь в 1795–1796 гг. работал местный мастер В. Тирони с острова Брач, создавший резные скамьи и богато украшенную кафедру. В Далмации успешно трудились резчики по дереву иностранного происхождения, оставившие высокохудожественные барочные алтари со скульптурами⁷¹.

В результате ограничительной политики венецианских властей в Далмации не сложилась система образования. Начальное обучение дети и подростки из состоятельных семей в приморских городах получали с помощью пришлых учителей, прежде всего из Италии. Коммуны оплачивали их труд. Кроме светских учителей, начальную грамотность давали своего рода школы при католических монастырях и приходах. Здесь дети, в том числе из ближайших сел, бесплатно обучались чтению и письму. В Далмации contemporанно действовали разного рода небольшие частные школы. Так было на острове Крк, в Подгоре близ города Макарска, в Нине.

Подготовка священников для службы на латинском языке проводилась с 1700 г. в семинарии Сплита. В ней учились и миряне. В 1712 г. в семинарии насчитывалось 60 учеников, в том числе 24 клирика и 36 мирян. Сюда съезжалась молодежь из всех далматинских городов. Возможно, некоторые прелаты за свой счет открывали небольшие школы, где готовились молодые кадры церковнослужителей. Но все это было недостаточно для обеспечения местной католической церкви образованным духовенством.

Глаголическое духовенство получало образование отдельно. Молодежь обычно обучалась в селах у священников. Отношение к глаголице и священникам-глаголяшам было в определенной мере проявлением родолюбия в то время. Писатель М. А. Кухачевич критиковал жителей родного Сеня за отречение от старых обычаев — глаголической традиции. Ее защитником выступал церковный деятель и плодовитый писатель В. Змаевич из Пераста в Боке Которской. Будучи задарским архиепи-

скопом, он основал в городе семинарию для воспитания молодых глаголящей. Но глаголическая традиция исторически себя изживала⁷².

Мирская молодежь для получения высшего образования отправлялась учиться в университеты Венеции и Падуи. Молодые люди изучали здесь право, медицину и, возможно, технику. Но для поступления в падуанский университет требовалось отличное знание латинского языка, что представляло для далматинцев большую трудность в силу отсутствия в то время на родине средних школ с классическим образованием. Среди далматинской молодежи получило распространение так называемое «заочное» обучение, когда юноши проходили предметы самостоятельно дома, а затем сдавали экзамены в каком-нибудь венецианском университете. Но такого рода образование в глазах общества имело невысокую цену. В свою очередь получившие знания выпускники нередко оставались в городах Венецианской республики. Духовные особы высшее теологическое образование получали в Италии (Лоретто и Рим).

В 1759 г. в Вероне открылась военная школа, где многие юноши из Далмации обучались военному делу. В 1781 г. в связи с растущими потребностями Венеции в офицерах была основана по образцу веронской военная школа и в Задаре. Первые два года кадеты изучали здесь арифметику, геометрию и военное строительство, а с 1783 г., кроме того, черчение, тактику, итальянский и хорватский языки. Теоретические предметы подкреплялись практикой военного дела. Школа работала очень успешно. Это было первое профессиональное учебное заведение в Далмации⁷³. В Дубровнике действовала иезуитская школа.

В рассматриваемое время произошли сдвиги в сфере хранения и распространения культурных ценностей. В начале XVIII в. в Сплите появилась первая в Далмации публичная библиотека. При многих монастырях и капитулах существовали книгохранилища, фондами которых пользовались члены обитателей. Многие представители интеллигенции — учителя, юристы, врачи, а также епископы и священники имели частные библиотеки, которые часто насчитывали по несколько сот церковных и светских книг на латинском, итальянском и французском языках. Дворянские семьи приобретали целые комплекты Французской энциклопедии и другие сочинения французских энциклопедистов и приверженцев рационалистической философии⁷⁴. Это было в русле общественного интереса к Франции как следствия моды, но и, возможно, духовного обновления. В целом расширение сети библиотек разного рода в Далмации отражало повышение общего культурного уровня грамотной части населения.

Первая типография на хорватском юге появилась в 1783 г. в Дубровнике. Лишь в 1792 г. печатное заведение в Далмации было основано венецианским типографом Боболином. Венецианские власти не разрешали ранее создание типографии в этой провинции, прежде всего из

экономических соображений, чтобы сохранить типографам Венеции хорошие заработки, которые они получали на издании многочисленных книг далматинских авторов. Кроме того, монополия Венеции на выпуск книг облегчала центральной власти цензуру далматинских изданий. Без государственного разрешения ни одна книга в Республике Св. Марка не могла выйти в свет ⁷⁵. Появление типографии в Далмации было важным условием для развития литературы в провинции. Оно изменило ситуацию и на книжном рынке.

На протяжении ряда столетий Венеция была самым важным типографским и книготорговым центром для Далмации. Незадолго до конца столетия в некоторых городах провинции появились свои книжные лавки. Одни торговали смешанным товаром, другие специализировались на продаже книг. В Задаре, например, работали две книжные лавки, принадлежавшие выходцам из Венеции Баттаре и Риболини. Последний продавал даже запрещенные книги ⁷⁶. Это была приближенная к потребителю форма распространения книжной продукции. Вместе с тем книжные лавки, как и публичная библиотека, служили местом встреч и дискуссий образованных людей.

Еще в начале XVII в. власти основали в Задаре первый провинциальный («государственный») архив — хранилище документов, который действовал до конца венецианского господства. В нем работал архивариус, который обеспечивал хранение документов и за установленную плату выдавал их дубликаты. Должность эта была выборная и хорошо оплачиваемая. В архиве была проведена инвентаризация документов и составлена систематизированная опись фондов, которая больше являлась имущественной книгой, нежели информационным средством.

В Задаре действовал коммунальный архив при княжеской канцелярии, основанный за счет города. В нем хранились документы, которые не использовались в каждодневной оперативной работе. Это были не только официальные материалы, но и частные, принадлежавшие наиболее видным городским семьям. В Задаре архивная служба включала, наконец, хранилище документов по пограничным вопросам.

Коммуна Сплита, как и менее значительные административные единицы провинции (Лошинь, Крк, Книн), имела свой архив, в котором хранились местные материалы. В Дубровнике архивные собрания документов возникли еще в средневековье ⁷⁷.

Налаживание и функционирование архивного дела в Далмации отражало осознание в обществе важности сохранявшихся бумаг, их значения и роли. Архивы входили в систему культурных ценностей Далмации.

Как и в XVII в., в прибрежных городах Далмации и Дубровнике писатели и ученые группировались в академиях, одни из которых были недолговечны, другие существовали длительный срок. В Сплите с 1704 г.

некоторое время действовала «Иллирская (словинская) академия». Ее члены ставили задачу развития родного языка и помощи в издании книг на нем. Наиболее авторитетным членом этого общества был поэт Е. Каванин. В 1752 г. в Задаре на смену старым академиям возникло обновленное объединение интеллигенции, которое, однако, вело тусклое существование. В таком же положении находилась старая академия в Дубровнике. Тогда вокруг поэта Иг. Джурджевича образовалась Иллирская академия, а около Ф. Геталдича — Академия сверчков. Последняя академия старого типа была основана в 1802 г. А. Казначичем. Члены этих академий читали на заседаниях свои стихотворные произведения и обсуждали вопросы литературы ⁷⁸.

Во второй половине XVIII в. в Далмации появились академии, преследовавшие практические хозяйственные цели. В 1767 г. в Сплите была основана «Сельскохозяйственная академия», переименованная в 1774 г. в Экономическое общество. Ее члены занимались изучением новых методов работы в сельском хозяйстве, рыболовстве, ремесле и торговле для их применения в Далмации. Общество имело опытный сад, где осваивались новшества. В 1781 г. сплитская академия провела акцию по обучению грамоте крестьян околицы, чтобы они могли пользоваться печатными рекомендациями по рациональному ведению домашнего хозяйства и земледелия. Несколько позднее опыт работы этой академии использовала аграрная академия в Трогире. В 1787 г. в столице Далмации была основана Академия экономико-литературная, которая занималась вопросами развития литературы и хозяйства. В эти же годы в Задаре работала и чисто литературная академия ⁷⁹.

С середины XVIII в. в Далмации стали возникать казино, которые вскоре превратились в культурно-просветительные клубы. Первое из них было основано в 1753 г. в Задаре. Оно стало местом сбора и общения местной интеллигенции. В Шибенике подобное заведение появилось в 1775 г. В это же время было открыто казино и в Сплите, где его члены собирались для чтения и обсуждения высокой литературы. Казино работали в Трогире и Паге. Большинство этих заведений, которые посещали представители высших и средних слоев городского общества, были хорошо организованы ⁸⁰. Это была новая форма общественной жизни. В ней сочетались литературная деятельность, развлечения, но и азартные игры.

Сами города во многом сохраняли средневековый уклад. Улицы были узкими, что затрудняло проход горожан. Только в Задаре имелась главная относительно широкая улица, по которой могла пройти повозка. Во многих городах (так было и в Венеции) вдоль улиц были вырыты канавы для сбора мусора. Стоял смрад, а дорога покрывалась нечистотами.

В 1785 г. в Задаре была организована служба, которая на профессиональной основе должна была обеспечивать чистоту городских улиц.

Были запрещены как проезд повозок по главной улице, так и прогон скота. В начале 1797 г. генеральный провидур провинции запретил под угрозой денежного штрафа выброс отбросов на улицу и обязал собственников домов и лавок содержать в чистоте прилегающую к ним территорию. Материальные расходы по поддержанию чистоты в городе были возложены на самих горожан⁸¹.

Во второй половине XVIII в. в облике и жизни городов появилось такое новшество, как ночное освещение улиц. В Задаре оно было введено в 1771 г., раньше, чем во многих крупных западноевропейских городах. Затраты на эту коммунальную услугу покрывали горожане. В 1792 г. была организована «ночная полиция», которая следила за порядком на слабых или вовсе не освещенных улицах. В 1797 г. в Задаре было установлено 63 фонаря, что стоило горожанам 5000 лир ежегодно. Освещенность города при этом значительно улучшилась. На исходе века ночное освещение было организовано в Шибенике, а, возможно, также в Сплите и Трогире. Облик далматинских городов обретал более цивилизованный вид. Бичом скученных далматинских городов, где значительную часть жилого фонда составляли деревянные постройки, были пожары. В 1772 г. властями было издано распоряжение о превентивных мерах по предупреждению пожаров и их быстрой ликвидации. Зарождалась пожарная служба⁸².

В Далмации не существовало гостиниц или постоялых дворов. Лишь к 70-м гг. XVIII в. в Задаре и Сплите появилось несколько трактиров, где офицеры и иностранцы могли получить еду. Но для загорцев, которые в большие праздники посещали города, здесь открывались корчмы, в которых продавались вино и печеное мясо⁸³.

Устоявшейся формой отдыха и развлечений горожан были церковные и официальные празднества. Помимо торжественной литургии особое внимание горожан привлекали церковные процессии. Это было красочное зрелище, собиравшее население целого города. Такие процессии устраивались для прославления святых, но иногда и «по случаю», например с мольбой о дожде.

В Дубровнике особенно популярным был праздник Св. Влаха. Он отмечался пышно и шумно. Активное участие в торжествах принимали музыканты, которые были на службе у городских властей. Атмосферу наполняли звуки органов, инструментальной музыки, монашеских хоров. Праздничные торжества перерастали в народные гуляния⁸⁴.

Обычную размеренную жизнь Сплита оживляли официальные церемонии. Например, торжественное посещение князем архиепископа по случаю занятия им кафедры и ответный визит прелата или обмен визитами князя и капитана галеры по прибытии ее в Сплит. Торжества в сплитской гавани сопровождалась салютом, пением гимна, наплывом разношерстной публики.

Расширились виды развлечений городского населения. Выше уже говорилось о популярности театральных представлений и музыкальных вечеров. Они были событием как для устроителей и исполнителей, так и для простых горожан. При этом в области сценического искусства видные дворяне и торговцы проявляли высокий вкус. Они развлекались также на маскарадах. В конце столетия в Сплите и, возможно, в Задаре устраивались балы. Все большую популярность среди зажиточной части населения получали общественные лотереи⁸⁵. Публичные развлечения не только удовлетворяли возросшие потребности горожан в отдыхе, но и расширяли круг общения их между собой.

Важной формой проведения городским населением досуга были спортивные игры и состязания. Особый вид спортивных игр в Далмации представляли алки — конные состязания, при которых всадники на полном скаку должны были попасть копьём в подвешенное кольцо — алку. Они вели свою историю от рыцарских турниров. Открытию состязаний предшествовали торжественные и красочные церемонии. Наиболее известные алки устраивались в Сине, Задаре и Паге. Славилась гребными регатами Макарска. Они собирали множество народа, в том числе из соседних мест.

С середины XVIII в. в некоторых городах (Задар, Шибеник, Трогир, Сплит) работали кофейни. Здесь удовольствие от напитка посетители подкрепляли игрой в карты и бильярд. Велись неторопливые беседы, обсуждались последние новости. Кофейни играли тогда роль политических клубов. Власти с опаской относились к таким заведениям⁸⁶.

Еще в период Ренессанса у нобилей, творческой интеллигенции и состоятельных торговцев Далмации и Дубровника была заложена культурная традиция путешествий. Они предпринимались прежде всего в Италию для получения образования и знаний. Потребность разнообразить обыденную жизнь, расширить круг впечатлений, приобрести новый жизненный опыт в сочетании с изменившимися эстетическими ценностями обогатила традицию, придав иные формы путешествиям. Они, как никогда ранее, становились самостоятельной и самоценной досуговой деятельностью.

В XVIII в., особенно во второй его половине, повседневная жизнь зажиточной части населения далматинских городов и Дубровника все больше определялась не только самыми настоящими, «базовыми» потребностями, но и высшими формами в их иерархии — социальными потребностями: стремлением к саморазвитию, познанию жизни, общению, взаимному пониманию, культурному диалогу и пр.⁸⁷. Историческое развитие Далмации и Дубровника характеризовалось, в частности, тем, что население городов-коммун еще в период Ренессанса выражало социальные потребности в том или ином их виде. Это проявлялось в

театральной увлеченности, в тяге горожан к публичным мероприятиям, спортивным играм, путешествиям. К XVIII в. они превратились в устойчивые формы проведения досуга и вошли, став традицией, в быстроменяющуюся жизнь городов. А она между тем наполнялась новыми интересами и обогащалась возникавшими видами досуговой деятельности населения.

* * *

XVIII век был переходным временем в истории хорватского народа. При всех перипетиях судьбы Далмации и Дубровницкой республики процесс развивался в направлении Нового времени. Черты некоторой модернизации экономики и общества в этих землях стали особенно заметными во второй половине столетия. Историческое развитие привело к решению одних общественных вопросов, обострению других и появлению новых задач.

Развитие культуры, определявшееся повышением и усложнением духовных потребностей хорватского народа, проявилось прежде всего в сдвигах в общественном сознании. Важным показателем было обострение регионального хорватского самосознания с проблесками понимания сопричастности судеб Далмации и Хорватии в наступившем тревожном мире конца столетия.

Эти чувства присутствовали, помимо других мотивов, в стремлении части дворянства, духовенства, богатых торговцев Далмации в 1797 г., в связи с падением венецианского государства, к воссоединению Далмации с Хорватией и тем самым включению ее в состав Венгерского королевства. Такие настроения особенно окрепли после вступления в Далмацию летом 1797 г. австрийских войск под командованием хорвата барона Матии Рукавины.

Особенностью умственного развития интеллектуалов в Далмации и Дубровнике, начиная с XVI в., были осознание ими славянской общности, представления о существовании общего славянского языка. При всей смутности и неоформленности эти идеи уверенно заявляли о себе в XVIII в., разрывая духовную изолированность хорватов на юге Адриатики от славянского мира.

Принципиальным моментом в развитии общественного сознания хорватов в Далмации в XVIII в. была наметившаяся идейная дифференциация на социальной основе. В литературе в широком ее значении зародились будительско-патриотическое и просветительское на основе рационализма течения, отразившие в большей или меньшей степени, в смутной или более зрелой форме образ мышления, настроения и предчувствия людей в менявшееся время. Идейная дифференциация была наиболее убедительным показателем сдвигов в духовном развитии хор-

ватского общества в сторону новых ценностных ориентиров. Все это происходило на фоне традиционного просветительства церковного характера, сосредоточенного на чистоте вероучения и христианских нравственных ценностях.

В рассматриваемое время в далматинско-дубровницком культурном регионе в пестрой литературно-языковой ситуации обостренно присутствовал вопрос о главном литературном языке. В 1711 г. в ходе обсуждения правил дубровницкой академии ее члены приняли решение о латинском языке как главном из трех официальных языков (латинский, итальянский и хорватский) в работе академии, но уже в следующем году предпочтение было отдано родному языку.

Другой стороной лингвистических интересов и занятий была стандартизация штокавского диалекта. В середине XVIII в. в далматинско-дубровницкой литературе победил новоштокавский диалект, распространенный в Далмации, Дубровнике, Герцеговине, Славонии и части Боснии. Шел процесс его стандартизации, так что в нем устанавливалось грамматическое, лексическое и фразеологическое единообразие, предпринимались и первые попытки установления нормативности. Но оставался открытым вопрос об иекавском и икавском говорах. С XVI в. утверждался латинский алфавит, однако правописание было неупорядоченным и пестрым. Чакавский диалект прекратил существование в хорватской литературе. Однотипные действия предпринимались писателями и лингвистами в Славонии⁸⁸. Так процесс литературно-языкового упорядочения протекал у штокавских хорватов, культурная же судьба кайкавских хорватов оставалась отдельной.

В рассматриваемое время художественное мышление далматинских хорватов было отмечено уникальным явлением — глубоким и проникновенным соединением литературного творчества с фольклором.

Стилевой облик художественной культуры в Далмации и Дубровнике был многоликим. Барокко в архитектуре сосуществовало с формами ушедших времен, в поэзии, светской музыке и портретном творчестве во второй половине столетия проявились признаки классицизма. При этом становилась все более явственной «провинциализация» искусства, особенно изобразительного искусства и архитектуры. Беднела творческая мысль, ослабевала ее реакция на современные европейские художественные явления, она не выходила из круга второстепенных эстетических задач. Но Дубровник благодаря итальянским зодчим достиг в градостроительстве вершин барокко при понимании красоты как богатства и пышности.

Имевший устойчивые традиции общедоступный любительский театр на родном языке в Далмации и Дубровнике был на подъеме. Этому немало способствовало появление еще в конце XVII в. постоянной сце-

ны в Дубровнике и «театральных» городах Далмации. Важным событием стало функционирование в Задаре профессионального хорватского театра. Но этот период театральной деятельности на родном языке («народного театра») по существу завершился в 1778 г., когда его стали вытеснять профессиональные итальянские труппы. Течение времени поставило задачу создания постоянного хорватского театра с оригинальным драматургическим репертуаром и на новой эстетической основе.

Далмация и Дубровник подошли к новому столетию с богатыми духовными традициями, оригинальной культурой и расширявшимися связями с Западной Европой. Но судьба уготовила крутой поворот в их истории.

В 1797 г. по Кампоформийскому миру, заключенному по окончании войны между Францией и Австрией, прекратила существование Венецианская республика, а ее адриатические владения перешли под власть Габсбургов. В 1806 г. французские войска оккупировали Дубровник. В 1808 г. Республика Св. Влаха также утратила самостоятельность. Наполеоновские войны вызвали сложные перипетии в судьбах хорватского народа, его жизнь стабилизировалась лишь с разгромом Наполеона. Но это была уже новая эпоха.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Карпова Е. С. Проблемы церкви и религии в венецианском Просвещении второй половины XVIII века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.
- ² В переводе на сербско-хорватский язык: *Lovrić I. Bilješke o putu po Dalmaciji* Alberta Fortisa. Zagreb, 1948.
- ³ М. К. Pogovor // *Lovrić I. Bilješke o putu po Dalmaciji...*
- ⁴ *Lovrić I. Bilješke o putu po Dalmaciji...* S. 108, 137.
- ⁵ Ibid. S. 108, 138–139.
- ⁶ Ibid. S. 136–137.
- ⁷ Ibid. S. 180.
- ⁸ Ibid. S. 137, 138.
- ⁹ Ibid. S. 138.
- ¹⁰ Ibid. S. 27, 28.
- ¹¹ Ibid. S. 49.
- ¹² Карпова Е. С. Проблемы церкви и религии... С. 6.
- ¹³ *Lovrić I. Bilješke o putu po Dalmaciji...* S. 140, 142, 146, 147.
- ¹⁴ Ibid. S. 108.
- ¹⁵ Ibid. S. 63; М. К. Pogovor // *Lovrić I. Bilješke o putu po Dalmaciji...* S. 224.
- ¹⁶ *Lovrić I. Bilješke o putu po Dalmaciji...* S. 62, 63.
- ¹⁷ М. К. Pogovor... S. 227.
- ¹⁸ *Povijest hrvatske književnosti*. Zagreb, 1974. Knj. III. S. 300–301.
- ¹⁹ *Peričić Š. Dalmacija uoči pada Mletačke republike*. Zagreb, 1980. S. 218–220.
- ²⁰ *Novak G. Povijest Splita*. Zagreb, 1978. III. S. 1435.
- ²¹ *Peričić Š. Dalmacija...* S. 217, 218.

- 22 По переписи 1697 г. в Сплитской архиепископии насчитывалось 134 священника и 26 клириков, из них 77 назвали себя «иллирами». *Novak G. Povijest Splita*. S. 1476.
- 23 *Novak G. Povijest Splita*. S. 1452, 1453; *Peričić Š. Dalmacija...* S. 209–210.
- 24 *Peričić Š. Dalmacija...* S. 220.
- 25 *Povijest hrvatske književnosti*. S. 296, 298.
- 26 *Ibid.* S. 306, 307; *Данилова А. В. Хорватская культура // Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху Просвещения*. М., 1988. С. 146–147.
- 27 *Peričić Š. Dalmacija...* S. 208–209.
- 28 *Ibid.* S. 209.
- 29 *Povijest hrvatske književnosti*. S. 317, 318; *Švelec F. Filip Grabovac // Grabovac F. Cvit razgovora*. Split, 1986. S. 9, 10.
- 30 *Grabovac F. Cvit razgovora*. S. 47.
- 31 *Ibid.* S. 260–261.
- 32 *Ibid.* S. 276.
- 33 *Matić T. Život i rad Andrije Kačića Miošića // Djela Andrije Kačića Miošića*. Zagreb, 1942. Knj. I. S. V–X; *Povijest hrvatske književnosti*. S. 319.
- 34 *Djela...* Knj. I. *Razgovor ugodni naroda slovinskoga*; Zagreb, 1945. Knj. II. *Korablica*.
- 35 *Djela...* Knj. I. S. 103.
- 36 *Ibid.* S. 5.
- 37 *Ibid.* Knj. II. S. 12.
- 38 *Ibid.* S. 13, 14.
- 39 *Ibid.* Knj. I. S. 5.
- 40 *Ibid.* S. 5, 103–104.
- 41 *Ibid.* S. 5.
- 42 *Ibid.*
- 43 *Ibid.* S. 614.
- 44 *Ibid.*
- 45 *Matić T. Život i rad Andrije Kačića Miošića*. S. XXXI–XXXVII, XLI.
- 46 *Enciklopedija hrvatske povijesti i kulture*. Zagreb, 1980. S. 262.
- 47 *Povijest hrvatske književnosti*. S. 315, 316.
- 48 *Andreis J., Cvetko D., Đurić-Klain S. Historijski razvoj muzičke kulture u Jugoslaviji*. Zagreb, 1962. S. 49, 60; *Povijest hrvatske književnosti*. S. 308, 317.
- 49 *Данилова А. В. Хорватская культура*. С. 147–148.
- 50 *Prijatelj K. Umjetnost XVII. i XVIII. stoljeća u Dalmaciji*. Zagreb, 1956. S. 77; *Idem. Klasicistički slikari Dalmacije*. Split, 1964. S. 10, 11, 13, 16, 17.
- 51 *Andreis J. i dr. Historijski razvoj muzičke kulture...* S. 24, 28, 59, 60.
- 52 *Ibid.* S. 25, 60.
- 53 *Ibid.* S. 60–61; *Enciklopedija hrvatske povijesti...* S. 607.
- 54 *Andreis J. i dr. Historijski razvoj muzičke kulture...* S. 61, 62.
- 55 *Ibid.* S. 34; *Novak G. Povijest Splita*. S. 1448, 1449, 1522.
- 56 *Andreis J. i dr. Historijski razvoj muzičke kulture...* S. 64 i sl.; *Novak G. Povijest Splita*. S. 1435; *Enciklopedija hrvatske povijesti...* S. 18.
- 57 *Andreis J. i dr. Historijski razvoj muzičke kulture...* S. 44, 45.

- 58 Ibid. S. 68 i sl.; *Peričić Š.* Dalmacija... S. 214, 215.
- 59 Enciklopedija hrvatske povijesti... S. 28, 217; *Peričić Š.* Dalmacija... S. 214.
- 60 *Peričić Š.* Dalmacija... S. 213–214.
- 61 Povijest hrvatske književnosti. S. 351–353.
- 62 См.: Театр в национальной культуре стран Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII–XIX вв. М., 1976.
- 63 Povijest hrvatske književnosti. S. 352.
- 64 *Prijatelj K.* Barok u Dalmaciji // *Horvat A., Matejčić R., Prijatelj K.* Barok u Hrvatskoj. Zagreb, 1982. S. 690 i sl.
- 65 *Peričić Š.* Dalmacija... S. 214.
- 66 *Prijatelj K.* Barok u Dalmaciji. S. 662, 663, 679.
- 67 Ibid. S. 687.
- 68 Ibid. S. 712.
- 69 Enciklopedija hrvatske povijesti... S. 177.
- 70 *Prijatelj K.* Barok u Dalmaciji. S. 713, 716.
- 71 Ibid. S. 767 i sl.
- 72 Povijest hrvatske književnosti. S. 300, 315.
- 73 О состоянии образования в Далмации в XVIII в. см.: *Novak G.* Povijest Splita. Zagreb, 1978. II. S. 1414, 1416, 1418–1419; *Peričić Š.* Dalmacija... S. 205–208.
- 74 *Peričić Š.* Dalmacija... S. 222.
- 75 Ibid. S. 210.
- 76 Ibid. S. 211; Enciklopedija hrvatske povijesti... S. 293.
- 77 *Peričić Š.* Dalmacija... S. 221–222.
- 78 *Novak G.* Povijest Splita. III. S. 1438, 1439; *Peričić Š.* Dalmacija... S. 211; Enciklopedija hrvatske povijesti... S. 298.
- 79 *Novak G.* Povijest Splita. III. S. 1439; *Peričić Š.* Dalmacija... S. 205.
- 80 *Peričić Š.* Dalmacija... S. 212.
- 81 *Novak G.* Dalmacija god. 1775/6 gledana očima jednog suvremenika // *Starine.* Zagreb, 1959. Knj. 49. S. 14; *Peričić Š.* Dalmacija... S. 223.
- 82 *Peričić Š.* Dalmacija... S. 231–232.
- 83 *Novak G.* Dalmacija god. 1775/6... S. 14.
- 84 *Andreis J. i dr.* Historijski razvoj muzičke kulture... S. 24.
- 85 *Novak G.* Povijest Splita. III. S. 1517, 1522.
- 86 *Peričić Š.* Dalmacija... S. 233.
- 87 Об иерархии потребностей см.: Большой толковый социологический словарь. М., 2001. Т. 2. С. 64.
- 88 Povijest hrvatske književnosti. S. 312, 313.

С. В. Никольский
(Москва)

Драматургия звуковых структур в баснях И. А. Крылова

Двести лет тому назад, в 1808 г. в журнале А. Шаховского «Драматический вестник» увидела свет крупная партия басен И. А. Крылова, послужившая затем первоосновой книжных изданий его произведений басенного жанра. Вот уже на протяжении двух столетий басни Крылова составляют неотъемлемую часть золотого фонда русской классической литературы. Предлагаемая вниманию читателей статья посвящена некоторым вопросам поэтики И. А. Крылова и представляет собой суммирование, развитие и пополнение ранее делавшихся наблюдений¹.

Как известно, в произведениях художественной литературы, тем более поэтических, огромную роль играет не только семантическое значение слова, но и само его звучание, его звуковая структура. Строго говоря, в словесном искусстве вне ее не существует и самого эстетического эффекта. Конкретные формы художественного использования звуковых возможностей слова бесконечно разнообразны и едва ли даже поддаются исчерпывающей классификации. Для наглядности последующего анализа и изложения обратим внимание лишь на два самых общих и элементарных принципа звуковых соотношений в художественном тексте — объединение и взаимодействие звуков по принципу сходства и по принципу различия. Первый из них условно можно было бы назвать принципом созвучия (интеграции, синтеза), второй — контраста (оппозиции, дифференциации). Иллюстрацией первого могут служить, например, случаи мелодического построения стиха. Иногда оно носит ярко выраженный характер. Вспомним, например, исполненные гармонии лирические строки А. Фета:

Сияла ночь. Луной был полон сад, <...>

Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали².

Неслучайно стихотворение было положено на музыку и стало известным романсом.

Приведем, однако, некоторые примеры созвучий непосредственно из басен Крылова. Так, в его стихотворении «Василек» заходит речь о людях, чьи помыслы и дела «как чистый луч в восточных хрусталях»³. Благодаря повторению звуков «л», «ч», «у», «ст» на всю строку словно падает ассоциативный отсвет от слов «чистый луч» — тем более что слово «восточный» не столь предметно по своему значению и легко принимает на себя семантическую окраску соседнего слова (ср. у Есенина: «И стеклянная хмарь Бухары»),

где слово «Бухара» как бы вторит звукам слова «хмарь», поддерживая связанные с ним ассоциации). Переключка начального и заключительного слова в строке Крылова «Клубами черный дым несется к облакам» («Роща и Огонь», с. 56) может даже напомнить знаменитую зеркальную симметрию в пушкинских строках:

Редает облаков летучая гряда
Звезда печальная, вечерняя звезда...⁴

Но достижение благозвучия и гармонии лишь одна из множества возможных установок звуковой организации стиха.

Иногда система созвучий равноценна своего рода характеристике, как, например, в басне Крылова «Пруд и Река»:

Зато я в илистых и мягких берегах,
Как барыня в пуховиках,
Лежу и в неге, и в покое

и далее:

И философствую сквозь сон.

(«Пруд и Река», с. 122)

Словесное изображение своего рода «сонного царства» выдержано в приглушенных тонах. Характерно повторение глухих согласных. В приведенных четырех строках всего два раза возникает и «громкий» звук «р».

Само собой разумеется, что ярким примером накопления однородных звуковых элементов всегда являются звукоподражания:

В свой ряд смиренный Вол им так *мычит*: «И *мы*
Грешны. Тому лет пять, когда зимой кормы
Нам были худы...»

(«Мор Зверей», с. 74)

Или в иной тональности:

«...Вы кто такие там,
Что дерзко так считаться с нами стали?» —
Листы, по дереву шумя, залепетали.

(«Листы и Корни», с. 118)

Выразительным образцом звуковой экспрессии, охватывающей целый блок басенного текста, целую картину, может служить изображение разгневанного льва в басне «Лев и Комар»:

Вздурился Лев,
Престрашный поднял рев,
Скрежещет в ярости зубами
И землю он дерет когтями.
От рыка грозного окружный лес дрожит.

(«Лев и Комар», с. 102)

Текст заряжен повышенной энергетикой не только на смысловом, но и на звуковом уровне. Особую роль играют скопления согласных при доминирующем «р» и сопряжении его с зубными и шумными звуками, что дает звукосочетания типа «взд...р», «р...стр», «скр...ж», «гр...з», «кр...ж», «др...ж» и т. п. Естественно, в связном тексте, в окружении гласных такие сопряжения не столь «жестки» и «грубы», как в наших извлечениях, но они создают определенным образом окрашенную звуковую среду, осязаемую читателем на подсознательном, эмоциональном уровне.

Принцип контраста или оппозиции, наоборот, основан не на повторе звуков, не на созвучиях, а на их различии, на смене звукового рисунка. В данном случае позаимствуем пример из поэзии Б. Пастернака:

Поцелуй был, как лето. Он медлил и медлил.
Лишь потом разражалась гроза⁵.

Еще В. А. Жуковский обратил внимание на то, что у Крылова даже сама протяженность слова (его краткость или длительность), его структура (тяжеловесность или легкость), сам темп повествования (замедленность или ускоренность) выполняют определенную художественную функцию, являются средством выразительности и образительности. О басне «Пустынник и Медведь» он говорил: «...автор описывает пустытника и друга его медведя. Первый устал от прогулки; последний предлагает ему заснуть:

Пустынник был сговорчив: лег, зевнул,
Да тотчас и заснул.
А Мишка на часах, да он и не без дела:
У друга на нос муха села —
Он друга обмахнул —
Взглянул —
А муха на щеке, согнал, а муха снова
У друга на носу.

Картина совершенная. Стихи летают вместе с мухой*.

Непосредственно за ними следуют другие, изображающие противоположное: медлительность медведя; здесь все слова длинные, стихи тянутся:

Вот Мишенька, не говоря ни слова,
Увесистый булыжник в лапы сгреб,
Присел на корточки, не переводит духу.
Сам думает: «Молчи ж, уж я тебя воструху!» —

* В. В. Виноградов прекрасно объяснил механизм воздействия процитированных строк на читателя: «Здесь созвучия и сжатость синтагм, мгновенно сменяющих друг друга идвигающихся парами, передают кружение и перелеты мухи» (Виноградов В. В. Язык и стиль басен Крылова // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1945. Т. 4. Вып. 1. С. 45).

И, у друга на лбу подкарауля муху,
 Что силы есть — хватя друга камнем в лоб!

Все эти слова: «Мишенька», «увесистый», «булыжник», «корточки», «переводит», «думает», «и у друга», «подкарауля» — прекрасно изображают медлительность и осторожность; за пятью длинными, тяжелыми стихами следует быстрое полустиише:

хватя друга камнем в лоб!

Это молния, это удар! Вот истинная живопись, и какая противоположность последней картины с первою»⁶.

Сходные перепады темпа повествования можно наблюдать и в баснях «Лягушки, просящие царя» (с. 69), «Обоз» (с. 89), «Две бочки» (с. 163) и др.

Но едва ли не самый интересный пример звуковой организации стиха представляет собой басня Крылова «Ворона и Лисица», к разбору которой мы и перейдем.

Сразу же бросается в глаза звукоподражательный эффект, широко использованный в этой басне, когда звучание некоторых элементов стиха призвано породить ассоциации с вороньим карканьем. Достигается это прежде всего инструментовкой стиха на «р» при обильном использовании гласных «о» и «а». Усиливают эффект и звуки «г» и «к»:

На ель ВОРОна взГРОмОздясь,
 ПозавтРАКАть-было совсем уж сОБРАлась

(с. 45)

Прием звукоподражания здесь очевиден. Но ограничиться его констатацией — значит еще почти ничего не сказать об этом стихотворении. А оно поразительно по своему построению. В нем можно проследить своего рода звуковые темы, которые проходят через все повествование. Их функция отдаленно напоминает функцию чередующихся и взаимодействующих тем в музыкальных произведениях, особенно программных. Если угодно, речь идет о драматическом «диалоге» этих тем. Последний начинается уже в заглавии. Два слова, составляющие это заглавие, связаны и родством семантики (названия представителей животного царства), и принципом симметрии, но в то же время не лишены и внутреннего контраста (см. дальше). Особенно поражает однотипность звуковой структуры этих слов. Расположенные как бы по сторонам осевой линии, проходящей через союз «и», они полностью симметричны. Каждое из них состоит из шести звуков, по три согласных и по три гласных, причем совпадает и расположение звуков, как и количество и расположение слогов. Оба слова свободно и без остатка накладываются друг на друга. Но вместе с тем слух улавливает различие качества двух групп звуков, которые и являются носителями двух тем.

Главным элементом первой из них служит звук «р», обладающий миметическим сходством с криком вороны и противопоставленный по принципу контраста (раскатистость — плавность, громкость — мягкость) звуку «л». Вернемся к процитированным строкам:

Вороне где-то Бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать-было совсем уж собралась,
Да позадумалась, а сыр во рту держала.

Уже сам смысл, само семантическое содержание этих строк доносит до читателя ощущение того, как тяжело и неуклюже, не сразу утвердившись, опустилась птица на еловую ветвь. Это ощущение поддерживается на звуковом уровне. Жуковский сказал бы, что здесь сами слова громоздки. Характерны скопления согласных: «взгр», «зд», «втр», «бр», «рт»). Такие слова, как «взгромоздясь», «позавтракать», «позадумалась», словосочетание «сыр во рту», корреспондируют между собой, образуя основу звуковой палитры. Особенно поразительна переключка слов «взгромоздясь» и «позадумалась». Согласные в этих словах повторяются почти в буквальном последовательности: «зрмзс» — «змс». Не столь просто подобрать в русском языке к слову «взгромоздясь» другое парное слово, которое бы так близко повторяло звучание его согласных. (Правда, еще ближе было бы «призадумалась», но, может быть, это уже граничило бы с нарочитостью.) Того же рода переключка слов «позавтракать» и «сыр во рту» («звтр» — «срвр»). Опорные сочетания звуков в свою очередь как бы порождают отголоски в других словах, где повторяются отдельные элементы этих сочетаний.

Далее включается вторая тема — тема Лисицы, она контрастно противопоставлена первой. Если та брала свое начало в звукоподражательной окраске звука «р», то носителем второй темы является прежде всего звук «л». В тексте стихотворения хорошо видно, как с переходом к новой семантической теме меняются и звуковые доминанты: господствующее положение переходит от «р» к «л» (главным образом в сочетании с «и»):

На ту беду ЛИСа БЛИЗехонько бежАЛА.
Вдру́г сырный дух ЛИСу остано́вил.
ЛИсица видит сыр, ЛИСицу сыр плЕнил.

В трех процитированных строках 5 раз встречается звуко сочетание «ли» (акцентированное к тому же созвучием соседних слов: «лис» — «лиз»), 2 раза «ил» и по одному разу «ала» и «ле». Звук «л» не только подобен здесь рефлексам от слова «Лисица» и как бы возвращает незаметно память читателя (слушателя) к этому слову, но и создает ощущение плавности, мягкости, в более широком контексте — вкрадчивости, льстивости. Звучание стиха вообще смягчилось. На смену широкому «а» и среднему «о» пришел узкий «и» — особенно хорошо это видно в строке «Лисица видит сыр, Лисицу сыр пленил», где

в четырех словах и ударение падает на «и». Если раньше господствовали звонкие согласные, то теперь их доля уменьшается, первенство переходит к глухим (в приведенных строках восемь раз повторяется звук «с»). Обратим внимание на слова, непосредственно характеризующие лису: «Плутовка к дереву на цыпочках подходит». В слове «плутовка» четыре глухих («в» перед «к» произносится как «ф»), да уже знакомый нам по окраске плавный «л». В слове «на цыпочках» из шести согласных пять глухих. В слове «подходит» — четыре глухих (первый звук «д» перед «х» произносится как «т»). Таким образом, из 20 согласных в строке 13 глухих. (Для сравнения: в строке «На ель ворона взгромоздясь» из 13 согласных всего один глухой.)

То же ощущение мягкости, вкрадчивости поддерживается на грамматическом уровне семантической окраской уменьшительных суффиксов «к» и «чк». А вслушаемся, как «сюсюкает» в следующей строке звук «с»:

Вертит хвостом. С Вороны глаз не сводит.

Эта фраза вообще как бы уже готовит слух к последующему монологу Лисицы, обращенному к Вороне, рисуящему ее льстиво-умильный портрет и произносимому почти с замиранием голоса, который словно опускается до полупшепота. Отсюда обилие шелестящих «ш» и «с»:

И говорит так сладко, чуть дыша:
 «Голубушка, как хороша!
 Ну что за шейка, что за глазки!
 Рассказывать, так, право, сказки!
 Какие перушки! какой носок!
 И, верно, ангельский быть должен голосок!
 Спой, светик, не стыдись! Что, ежели, сестрица,
 При красоте такой и петь ты мастерица, —
 Ведь ты б у нас была царь-птица!»

Тут уже и плавный «л» оказался недостаточным. Он «подстигает» местами речь («сладко», «голубушка», «глазки» и т. д.), но главным образом в соседстве с глухими «ш», «с», «к»: «Ну что за шейка, что за глазки» («ч») произносится скорее всего как «ш», «з» во втором случае, естественно, как «с»), «голубушка», «как хороша». Едва напоминающий о вороне (в ее подлинной сути) звук «р» также появляется теперь уже в окружении смягчающих «к», «х», «ш»: «как хороша», «какие перушки», «красота». И все это словно прослоено фразой с троекратным лисьим «л»: «и, верно, ангельский быть должен голосок». Опять-таки ласкающую роль играют уменьшительные суффиксы. И вновь «сюсюкают» начальные «с»:

Спой, Светик, не СтыдиСь!

Но потом появляется подряд несколько слов, в которых слышится скрипящее и царапающее «р» (так оно звучит в соседстве с «ц» и «с»):

...Что, ежели, сестрица,
При красоте такой и петь ты мастерица, —
Ведь ты б у нас была царь-птица!

Сквозь льстящий образ словно чуть-чуть послышалась хрипотца вороньего голоса. Впрочем, может быть, в данном случае наше впечатление субъективно и с ним можно спорить. Однако продолжим анализ.

До сих пор в басне звучали слова Лисицы о Вороне. Дальше передано «самоощущение» вороны, наслушавшейся комплиментов Лисицы. Хотя и через авторскую речь, но передаются чувства Вороны, умиленной похвалами Лисы. Звуковая «тема» Вороны словно принимает на себя что-то от лисьей умильной похвалы, что и находит выражение в соответствующих оттенках звучания:

Вещуньяина с похваЛ всКРУжилась гоЛова.

Сквозь поток плавных «л» только слегка «курлыкнуло» это «кру». Но тут же воронья натура обнажается до предела:

От РАдости в зобу дыхање спЕРЛО.

Особенно выразительно это «сперло», которое не только своим звучанием, но и просторечно-грубоватым смыслом возвращает нас к реальной вороне (слово это акцентировано и тем, что вынесено в конец фразы и в концовку строки на слова «дыхање сперло» падает логическое ударение). И наконец, заключительный аккорд, где звуковая тема вороны достигает кульминации. После строки

И на приветЛИвы ЛИСицыны сЛова (тема Лисицы. — С. Н.)

следует

ВОРОна КАРКнула во все вОРОнье ГОРЛО.

Такого скопления каркающих звуков еще не встречалось в стихотворении.

Закрывает басню вновь «мягкая» тема Лисы с характерным скользящим «л» и глухими:⁴⁴

Сыр выПаЛ — с ним была ПЛуТоВКа ТаКова.

Как мы убедились, на протяжении всего стихотворения идет чередование и драматический диалог двух звуковых тем, которые то выступают самостоятельно, порознь, и контрастируют друг с другом, то сливаются и взаимопроникают (Лисица, рисующая льстивый портрет Вороны; Ворона, воображающая себя красавицей в свете комплиментов Лисы), то вновь расходятся. Две эти темы заданы, как мы видели, уже в заглавии басни — заданы симметричными и в то же время такими разными

по звучанию словами: «Ворона» и «Лисица». Начатый этими словами диалог звуков проходит затем через все стихотворение вплоть до последних строк.

В связи со всем сказанным заслуживают внимания и некоторые особенности творческой истории текста басни «Ворона и Лисица» и работы ее автора над ним. Всюду выше мы цитировали эту басню в ее «каноническом» варианте. Между тем окончательный текст в двух-трех случаях отличается от первоначального (напечатанного в «Драматическом вестнике»⁷). Автор и после первой публикации продолжал шлифовать его. Именно тогда на месте довольно бледной фразы «Ворона, сидя на суку, / собралась уж клевать кусочек свой сырку» появились куда более сильные в художественном отношении строки «На ель Ворона взгромоздясь, / позавтракать-было совсем уж собралась»). Возглас Лисицы «Какой умильненький носок!» уступил место более конкретному и эмоциональному восклицанию «Какие перушки! Какой носок!». Только во втором варианте были найдены и строки: «Что ежели, сестрица, при красоте твоей и петь ты мастерица. / Ведь ты б у нас была царь-птица!» Наконец, начало фразы «И вздумав оправдать лисицыны слова» было заменено более простым и естественно звучащим «И на приветливы лисицыны слова». Специально следует подчеркнуть, что в процессе совершенствования текста во всех приведенных случаях стала более отточенной и звуковая его структура и, в частности, сильнее проявились упомянутые звуковые темы.

Басни Крылова нередко называют маленькими драмами. В данном случае это и драма звуков. Диалог звуковых «партий», смена звуковых доминант в басне настолько выразительны, что их, пожалуй, мог бы заметить даже человек, не знающий русского языка, но попытавшийся вслушаться в стихотворение или проанализировать его транскрипцию. Небезынтересно было бы провести соответствующее исследование с использованием компьютера.

Разумеется, рассмотренные структуры — не рассудочные и наперед рассчитанные композиции, а продукт органического и интуитивного чувства языка, его характерологических возможностей не только на лексико-семантическом, но и на звуковом уровне. Крылов в своей басне не только изображает словом, но и как бы изображает слово. И делает это с необыкновенным искусством и подлинной непринужденностью. Еще в 1809 г. один из авторов, восхищаясь талантом Крылова, отмечал: «...все его басни столь легко им написаны, что как будто бы не он над ними трудился, а они сами собой составились»⁸.

Точно таким же образом, как нечто само собой разумеющееся, они с детства входят в сознание каждого нового поколения и постоянно присутствуют в русской духовной культуре как ее неотъемлемая органическая часть. За два столетия к ним приобщились сотни миллионов людей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Никольский С. В.* И. А. Крылов как мастер звукописи // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1991. Т. 50. № 2. С. 151–155.
- ² *Фет А.* Стихотворения. М., 1979. С. 226.
- ³ *Крылов И. А.* Собр. соч.: В 2 т. М., 1969. Т. 1. С. 54. Всюду дальше, кроме оговоренных случаев, сочинения И. А. Крылова цитируются по этому изданию и отсылки делаются в тексте.
- ⁴ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1956. Т. 2. С. 23.
- ⁵ *Пастернак Б.* Стихотворения и поэмы. М., 1965. С. 198.
- ⁶ *Жуковский В. А.* Собр. соч. СПб., 1869. Т. 6. С. 179–180.
- ⁷ *Крылов И. А.* Ворона и Лисица // Драматический вестник. СПб., 1808. Ч. 1. С. 16.
- ⁸ *Степанов Н.* Крылов. Жизнь и творчество. М., 1949. С. 156.

В поисках прототипов. Раевские и Лев Толстой (География вопроса)

Тема «Семья Раевских и А. С. Пушкин» давно принадлежит к числу классических в истории русской литературы — петербургский исследователь-пушкинист С. А. Фомичев с полным правом формализовал сей факт понятием «Раевскиана Пушкина», указав, что общение с семейством Раевских стало одной из «жизнетворческих доминант» в судьбе поэта¹. Отношения же их — мы имеем в виду не только семью «южных» Николаевичей, но весь род Раевских — с Львом Толстым, равно как и отражение таковых на страницах произведений писателя, только начинают интересовать исследователей. А между тем Толстой был дружен с Раевскими и, мало того, через своего второго сына Илью, даже породнился с ними. Правда, то были *северные* (тульские) представители рода. Однако, что важно, и некоторых *южных* (т. е. киевских) он не обошел своим вниманием. Так, полковник Николай Николаевич Раевский — внук легендарного бородинского героя, — погибший в августе 1876 г. в Сербии, послужил ему прототипом для образа Алексея Вронского в романе «Анна Каренина» — аргументы в пользу данного утверждения мы представим чуть ниже.

Пока же представляется нелишним вкратце проследить генеалогию рода Раевских и показать — когда и как произошло разделение некогда единой фамилии на северную и южную ветви. Сделав это, нам будет значительно легче вписать того или иного друга или свойственника Толстого из Раевских в более широкий родственный и творческий контекст...

* * *

Корни рода Раевских уходят в XII в. Как и большинство старинных дворянских «кланов», он был «чужих кровей», происходя из Дании — от Петра-Власта (или Дунина, что значит «датчанина»), сына вельможи Вильгельма — казнохранителя короля Нильса. В 1124 г., по данным польских генеалогов, Дунин прибыл ко двору короля Болеслава III Кривоустого и остался у него на службе². От линии же его потомков в XV в. и отпочковалась боковая ветвь Раевских, перебравшаяся в Литву, откуда родоначальник их русского «продолжения», Иван Степанович (внук основателя рода Есмана)*, в 1526 г. вышел на службу к великому князю

* Сын Есмана, Степан Есманович, владел поместьем *Раевщина* на реке Соже, недалеко от города Мстиславля (*Врангель Л. С. Семья Раевских. Образы минувшего века.* Париж, 1955. С. 5).

Московскому Василию III, получив земельные владения в окрестностях Тулы — будущей «малой родины» Толстого³. С ней, отныне и навсегда, Раевские будут тесно связаны...

Шесть колен потомков Ивана Степановича (Андрей, Афанасий, Василий, Иван, Иван и Артемий) служили российским государям, проживая безвыездно поблизости от Тулы. Пока наконец при наследниках Артемия Ивановича род не разделился⁴.

А. И. Раевский — стольник и тульский воевода, владевший поместьями в Каширском уезде и скончавшийся в 1696 г., — имел трех сыновей: Ивана, Семена и Сергея. Именно первые двое представляют для нас особый интерес, так как Семен — это прародитель позднейшей ветви южных Николаевичей; Иван же — прашур оставшихся под Тулой северных Артемьевичей и Ивановичей. Но до поры до времени братья живут вместе, являясь, как и отец, помещиками Каширского уезда. Упомянем в этой связи лишь одно приобретение бригадира Семена Артемьевича Раевского — в 1737 г. в том же уезде он прикупил сельцо Якимовское.

И сын его, впоследствии полковник, Николай Семенович Раевский числился поначалу тульским и рязанским помещиком, владея землями в Каширском, Чернском, Епифанском и Переяславль-Рязанском уездах. Однако, вступив в брак с Екатериной Николаевной Самойловой (старшей племянницей светлейшего князя Г. А. Потемкина-Таврического), он получил в приданое, помимо всего прочего, имения в Чигиринском и Черкасском уездах Киевской губернии — села Болтышку, Еразмовку, Иван-Город, деревню Бузыковцы и несколько хуторов, которые после его смерти унаследовал будущий герой Смоленска, Бородина и Монмартра Николай Николаевич Раевский 1-й. Он-то и осел окончательно на юге, в бывших потемкинских вотчинах. Но связей с севером до конца не порывал, оставаясь владельцем села Якимовского, купленного, помнится, его дедом в Каширском уезде Тульской губернии.

Дальнейшая история южной ветви Раевских хорошо известна. Посему, переступив через три генерации потомков славного генерала, что успели еще пожить в России до большевистского переворота, перейдем к Раевским северным.

Средний сын Ивана Артемьевича Раевского Иван Иванович дал жизнь следующему Артемию Ивановичу, дослужившемуся в 1801 г. до генеральского звания. Сочетавшись браком с Маргаритой Васильевной Давыдовой, он получил в приданое за ней 1000 душ крепостных в Тульской и Рязанской губерниях. У А. И. Раевского, в свою очередь, было два сына — Владимир (1812–?) и Иван (1815–1868) Артемьевичи. Останемся на обоих этих персонажах подробнее, начав со второго.

Итак, Иван Артемьевич Раевский — тульский дворянин — владел старинным селом Никитское в Епифанском уезде и был женат на Екатерине

Ивановне Бибиковой (1817–1899) — незаурядной художнице и мемуаристке, бывшей некогда предметом увлечения поэта Полежаева. И уже примерно с середины 1850-х гг. семья хорошо знала Толстого. Е. И. Раевская на склоне лет вспоминала: «...с графом Л. Н. Толстым я была знакома в 1856 г., когда еще холостой, посещая московское общество, он бывал и у меня на вечерах»⁵. Относительно близости с писателем ее супруга важное для нашей темы свидетельство оставил племянник — князь Д. Д. Оболенский (его мать была также из Бибиковых): «Гр. Лев Николаевич был очень горячий и настоящий русский охотник... Особенно много охотился Л. Н. с моим дядей, Иваном Артемьевичем Раевским, с сыном которого граф был *на ты* и очень дружил...»⁶. И далее мемуарист приводит некоторые эпизоды охоты на волков, в которой он лично принимал участие вместе с Л. Н. Толстым и дядушкой. «Читая эти воспоминания, — указывает правнук последнего Сергей Петрович Раевский (недавно ушедший из жизни), — нетрудно догадаться, что Толстой при описании охоты в „Войне и мире“ использовал те же эпизоды, которые описывает и Оболенский...»⁷. Понятно, что и самому Ивану Артемьевичу нашлось место на ее страницах, поскольку, по словам племянника-очевидца, «можно даже узнать в романе некоторых охотников по их ярким чертам и характерным высказываниям»⁸.

Итак, знаменитые сцены охоты из «Войны и мира» напрямую связаны с тульскими Раевскими — приятелями Льва Николаевича... Это первый вывод в рамках нашей темы. В развитие же ее обратим внимание на то место из воспоминаний Оболенского, где он говорит, что с сыном Ивана Артемьевича Толстой был «на ты» и очень дружил. Речь идет об Иване Ивановиче Раевском (1835–1891), с которым тот познакомился в конце 1857 или начале 1858 г. в гимнастическом обществе в Москве, на Большой Дмитровке. До самой своей смерти Иван Иванович оставался близким другом писателя, запросто наезжая как в Ясную Поляну, так и в московскую усадьбу Толстых. После его кончины Лев Николаевич написал статью «Памяти Ив. Ив. Раевского», где подчеркнул: «Это был один из самых лучших людей, которых мне приходилось встречать в своей жизни»⁹. И его самого, что в свете сказанного совсем не удивительно, Толстой запечатлел в своем творчестве. Правда, скорее комично.

Унаследовав после смерти отца (Ивана Артемьевича) семейное имение Никитское, Иван Иванович стал активно вводить в хозяйство новации, почерпнутые в основном из неких ученых трудов. И в этой связи предоставим слово его внуку, Сергею Петровичу, которого мы выше уже цитировали. «Занимаясь собственным и отцовским хозяйством, Иван Иванович интересуется новыми агротехническими приемами, выписывает из-за границы машины и удобрения, в частности гуано из Чили. Мой дядя рассказывал, что как-то один из крестьян, увидевший подводы, везущие с железнодорожной станции чилийское удобрение, спросил

у мужиков: „Чево это, братцы, везете в ящиках? Да вот барин наш молодой из-за моря говно покупает, видать своего хватать не стало“...». И далее: «Потом мой дед решил сеять мяту для получения мятного масла. Разводить мяту продолжал и мой отец»¹⁰.

Иронизируя над хозяйственными экспериментами своего друга, Толстой в «Плодах просвещения» устами Василия Леонидыча Звездинцева открыто их пародирует — Вово советует мужикам «сеять пшеницу рядами» и «непрерывно мяту». «Ведь я учился про это. Это в книгах напечатано. Я вам покажу...» Показателен и ответ крестьян. Слушая глупейшего молодого барина, они спокойно отвечают ему: «Это точно, вам по книгам виднее».

И дети Ивана Ивановича — Иван, Петр и Григорий¹¹ — всегда были в доме Толстых своими. Иван к тому же был однокашником Льва Львовича, а Петр дружил с Андреем Львовичем. Показательно — даже учитель для младших сыновей Толстого достался ему «в наследство» от Раевского. Алексей Митрофанович Новиков, ставший по окончании Московского университета воспитателем детей Ивана Ивановича, позднее переехал в Ясную Поляну. После того, как Толстой в 1889 г., совершая пешее путешествие из Москвы в Ясную, зашел для короткого отдыха к Раевским, жившим тогда в Туле на Миллионной улице, — мальчики учились в гимназии, и родители переселились на время в тульский дом...¹¹.

Ну а теперь обратимся к родному брату Ивана Артемьевича Раевского — Владимиру Артемьевичу. Ведь именно он «виновен» в том, что Толстые породнились с Раевскими — правда, именовались они тогда по-другому. А кроме того, с ним связано и очередное «присутствие» члена семейства на страницах сочинений писателя.

Итак, в 1888 г. второй сын Льва Николаевича, Илья, женился на Софье Николаевне Философовой. Ее матушка Софья Алексеевна происходила из фамилии Писаревых — «давних, — как указывает семейная хроника, — знакомых Толстых»¹². Кто же были эти *Писаревы*? В поисках ответа воспользуемся записками старшей дочери Ильи Львовича, Анны Ильичны Толстой-Поповой. Для нас они просто бесценны.

«В очень давние времена, — начинает автор, — в 30–40-е гг. прошлого века (т. е. XIX. — *А. Ш.*) жили два брата Иван и Владимир Артемьевичи Раевские. Второй брат, Владимир Артемьевич, никогда официально не был женат, но, оказывается, все пять человек детей Писаревых были его детьми. Сосед его по имению, старый и немощный Писарев, женился на молоденькой. Владимир Артемьевич совершенно открыто ездил к этой молоденькой красавице Писаревой. Каждого вновь появлявшегося ребенка старик Писарев усыновлял, и так шла жизнь...» И в итоге — «Владимир Артемьевич Раевский завещал свои земли незаконным детям», которые «получили хорошее образование. Я всех их знала как

людей всесторонне образованных и передовых». «Лев Николаевич, — следует резюме, — со всеми встречался и со всеми был в хороших отношениях»^{13*}. Со всеми — это значит с двумя кузенами и тремя кузинами своего друга Ивана Ивановича. Выходит так, по крайней мере, по крови.

И здесь позволим себе одно уточнение к рассказу А. И. Толстой-Поповой, вполне достойное всей романтики сюжета. Утверждая, будто «Владимир Артемьевич никогда официально не был женат», мемуаристка ошибается. После смерти старого Писарева вдова вышла-таки замуж за любимого человека, обвенчавшись с ним «в московской Николаевской церкви, что в Гнездниках». Справка из Консistorии подтверждает сей факт. «1856 года, февраля 17 числа, — читаем в ней, — женился отставной лейб-гвардии Конного полка поручик Владимир Артемьев Раевский первым браком 46 лет, взял за себя вдову коллежскую ассесоршу Софию Иванову Писареву 41 года...»¹⁴. Но прожили вместе новобрачные недолго — в конце 1857 или самом начале 1858 г. В. А. Раевский скончался. Вдова же его, «гвардии поручица София Ивановна Раевская», обратилась в январе 1858 г. с прошением причислить ее «к роду покойного мужа со внесением в Дворянскую родословную книгу Тульской губернии», что год спустя и было сделано¹⁵. Вот ведь как судьба повернула, перед нами — законные на склоне лет супруги и пятеро их детей, рожденных в любви, но носивших другую фамилию и другие же отчества.

Одна из этих «потаенных» Раевских — Софья Алексеевна Писарева — и оказалась со временем в ближайшем свойстве с Л. Н. Толстым, на уровне же внуков — Ильичей — оба рода вообще пересеклись.

Любопытны его отношения со старшим сыном Владимира Артемьевича Раевского Рафаилом Алексеевичем Писаревым (1850–1905). О них «Семейная хроника» сообщает: «Еще молодым он был знаком с Львом Николаевичем, бывал гостем в Ясной Поляне». Но однажды, в конце 60-х гг., «дядя Рафаше Писареву из жгучей ревности к Софье Андреевне Лев Николаевич подал лошадей в Ясной Поляне, взбешенный тем, что

* Прадед автора записок по матери, Владимир Артемьевич Раевский (1811–185?), был фигурой заметной и по-своему колоритной. Происходя из московских дворян, он воспитывался в Пажеском корпусе и Школе гвардейских подпрапорщиков, свободно говорил на немецком и французском языках. В 1828 г. вышел юнкером в лейб-гвардии Конный полк. В декабре 1834 г. в чине поручика гвардии подал в отставку. Кроме тульских и рязанских поместий имел собственный дом в Москве... Младшая дочь В. А. Раевского — Софья Алексеевна Писарева (будущая теща И. Л. Толстого) получила от него в наследство село Паники Данковского уезда Рязанской губернии, приобретенное еще отцом Владимира Артемьевича, генерал-майором Артемием Ивановичем Раевским (см.: Род Раевских герба Лебедь / Составил Б. Л. Модзалевский. СПб., 1908. С. 49–50; Толстой И., Толстая С. Семейная хроника Толстых // Ясная Поляна. Тула, 1997. № 2. С. 141).

тот слишком уж весело и небрежно разговаривал с его молоденькой женой. Он поступил с гостем совершенно так, как сам описал это в „Анне Карениной“ в истории с Васенькой Весловским. Впрочем, впоследствии старые недоразумения сгладились»^{16*}. Как видим, подобно водяному знаку на бумаге, лик очередного Раевского проступил под пером Толстого.

Итак, вполне очевидно, что Л. Н. Толстой не только отлично знал, но и дружил со многими из северных (тульских) Раевских, что отражал нередко в своем творчестве... Этот определенный круг общения внутри замкнутого дворянского мирка, который по-соседски был ограничен всего лишь несколькими уездами одной губернии, и давал ему пищу для размышлений; в нем по большей части черпал он человеческий материал для своих сочинений. Не стала исключением и «Анна Каренина» — один из исследователей с правом назвал ее «наиболее *тульским* из всех романов Толстого»¹⁷.

К нему, а точнее, к озвученной выше формуле «Николай Николаевич Раевский 3-й — прообраз Алексея Кирилловича Вронского», мы теперь и обратимся... В рассмотрение, таким образом, поступает южная (киевская) ветвь рода.

Начнем с того, что еще в середине 1970-х гг. корреспондент ТАСС в Югославии Юрий Корнилов, заинтересовавшись судьбой погибшего в Сербии Николая Раевского, обратился в Государственный музей Л. Н. Толстого с просьбой помочь разобраться в ситуации. Ответ, полученный им, гласил: «Хотя во всех известных нам документах и рукописях Толстого имя Н. Н. Раевского не упоминается, легенда о том, что Раевский и Вронский — одно и то же лицо, существует и находит отражение в печати...» Значит — легенда, сокрушался журналист, «очень правдоподобная, очень устойчивая, но все-же легенда»¹⁸.

К версии о легенде примыкают сомнения и других несогласных с отождествлением Раевского и Вронского — как современников, так и потомков. Например, известный русский дипломат Н. В. Чарыков писал в воспоминаниях, не называя, правда, имен, что познакомился с Вронским в 1881 г. в Петербурге, где тот проживал, а в последний раз видел его восемь годами позже «на обеде в русском посольстве в Париже...»¹⁹. Такой скептицизм не угас и поныне. В безбрежном океане литературы о Толстом существует мнение, что для героя «Анны Карениной» тот «занимствовал имя Юрия Вронского» — польского ученого, проповедника шляхетского мессианизма, — которое мог слышать от Герцена во время поездки в Европу²⁰. С другой стороны, утверждается, будто фамилия

* Случай этот зафиксирован и в воспоминаниях Т. А. Кузминской (см.: *Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне*. М., 1986. С. 278). По уточненным данным, «изгнание» Р. А. Писарева из дома писателя произошло в октябре 1870 г. (Там же. С. 517).

Вронский восходит к неким барону Вревскому²¹ или Воронцову²² — знакомым автора романа. И, наконец, высказана мысль, что прототипом его персонажа «был известный поэт А. К. Толстой»²³.

Однако так ли все однозначно, пусть даже имя Раевского не встречается в бумагах писателя? Ведь имя дочери Пушкина М. А. Гартнунг в них тоже отсутствует. А между тем из воспоминаний Татьяны Андреевны Кузминской, свояченицы Толстого, хорошо известно, что именно она послужила писателю «типом Анны Карениной», причем «не характером, не жизнью, а наружностью»²⁴. Да и сам Толстой говорил (в переложении сына Ильи), «что тип создается писателем из целого ряда лиц, и поэтому он не должен быть портретом определенного лица»^{25*}. Ибо таинство творчества по природе своей противно клонированию... По нашему мнению, Н. Н. Раевский 3-й и оказался одним из такого «целого ряда лиц», наблюдения за которыми помогли романисту создать образ Вронского.

И действительно, между ними наблюдается немалое сходство: блестящий офицер гвардейской кавалерии граф Алексей Вронский «никогда не знал семейной жизни». Он образован и богат, а его семья состоит из женатого брата и матери-вдовы. Как видим, «анкетные данные» полностью совпадают. И по судьбе у них очевидное сходство. Так, одно время Вронский всерьез размышлял об отъезде в Туркестан (в одном из черновых вариантов романа — не только размышлял, но и направлялся туда), а после трагической гибели Анны он уезжает в Сербию. Напомним, что Раевский в 1870–1874 гг. служил в Туркестане в 7-м линейном батальоне и был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени за боевые отличия, а в 1876 г., как уже говорилось, он отбыл добровольцем в Сербию, где и погиб.

Уже эти параллели, как нам думается, позволяют утверждать, что совпадения явно не случайны. Что опять же не удивительно! Вспомним оценку «Анны Карениной» как «наиболее тульского романа Толстого». Раевские — друзья и соседи — населяли округу Ясной Поляны достаточно густо, поэтому автор был в курсе происходящего в их роде, в том числе и в ветви Николаевичей.

Тем более что северные и южные представители рода отнюдь не являли собой две изолированные фракции одной фамилии **. Так, именно

* Брат Ильи Львовича, Сергей, экстраполировал этот общий принцип на «Анну Каренину»: «„Анна Каренина“ приближалась к концу. Материал для нее отец брал из окружающей его жизни. Я знал многих лиц и многие эпизоды, там описанные. Но в „Анне Карениной“ действующие лица совсем не те, которые жили на самом деле. Они только похожи на них...» (Толстой С. Л. Очерки былого. Тула, 1968. С. 53).

** О близости родственных уз свидетельствует и С. П. Раевский. Повествуя о Н. Н. Раевском 1-м и его «северном» троюродном брате — А. И. Раевском, он пишет:

к Ивану Артемьевичу (охотнику из «Войны и мира») обратилась в 1857 г. вдова друга Пушкина, Николая Николаевича Раевского 2-го, Анна Михайловна по возвращении из-за границы, когда встал вопрос о поступлении ее сыновей Николая и Михаила в университет. Надо было выяснить, к дворянству какой губернии приписаны «абитуриенты». И хотя земли, принадлежавшие Николаевичам, находились в Киевской, Воронежской, Таврической и Петербургской губерниях, записаны они были стараниями Ивана Артемьевича в дворянство тульское, о чем сохранились документы. А значит — Николай Раевский 3-й (т. е. «Вронский») стал полноправным тульским дворянином и, соответственно, земляком Л. Н. Толстого. Как видим, связи между тульскими и киевскими были весьма тесными — Анна Михайловна обращалась к отцу многолетнего друга писателя не иначе как «Любезный братец», а его супруга начинала свои письма к ней с обращения: «Милая кузина»²⁶.

Добавим, что Толстому Раевские были всегда интересны — когда больше, когда меньше. Но даже в конце 1880-х, после внутреннего перелома, отрехшись от многого в себе прежнем, он, встречаясь с приятелем, как писал очевидец, «вскользь справлялся о ком-нибудь из Раевских, не входя ни в какие дальнейшие разговоры. Его интересовало только человечество в целом...»²⁷. Думается, что лет за пятнадцать до этого — в период работы над Вронским — Мастер был несколько приземленнее. Да и заинтересованнее. Чему подтверждением служит деталь — почти цитата, — обнаруживающая прямую связь отдельных героев романа с непосредственным окружением Николаевичей. Заметим, что и она органично вплетается в тот же самый географический контекст. Речь идет о Яшвине, который «был в полку лучший приятель Вронского»²⁸. Этот ротмистр, а затем и полковник, носил явно говорящую фамилию. Ведь всем ясно, что Яшвин — это не кто иной, как Яшвиль. Спрашивается, имел ли кто-нибудь из членов семьи Яшвилей хоть какое-то отношение к Раевским вообще и убиенному в Сербии, в частности? Имел, и самое непосредственное.

В 1847 г. дочь декабриста Михаила Федоровича Орлова и его супруги Екатерины Николаевны (урожденной Раевской) Анна Михайловна Орлова вышла замуж за князя Владимира Владимировича Яшвиля (1815–1864), который, следовательно, хотя и был значительно старше Николая Раев-

«Как водилось в то время, трехлетний Николай Раевский был записан на службу в лейб-гвардии Семеновский полк, в котором шести лет от роду он уже числился сержантом. Точно так же, похоже по сговору родителей, троюродный брат Артемий Иванович был записан в лейб-гвардии Преображенский полк. *Их родственники связь тесно поддерживали на протяжении всей их жизни и жизни их детей* (выделено нами. — А. Ш.), несмотря на то, что близкого родства уже не было...» (Раевский С. П. Пять веков семьи Раевских // Дворянское собрание. Историко-публицистический и литературно-художественный альманах. М., 1998. С. 160).

ского 3-го, приходился ему двоюродным зятем. В. В. Яшвилль сделал успешную военную карьеру. Флигель-адъютант, а позднее Свиты Его Величества генерал-майор, он с 1858 г. командовал лейб-гвардии Гусарским полком. И именно он в 1863 г. уговорил Николая и Михаила Раевских, вышедших к тому времени из университета, поступить к нему в полк, который, как предполагалось, должен был отправиться в восставшую Польшу^{29*}.

Не отсюда ли и проистекает та почти родственная привязанность Вронского к Яшвину, которую Толстой демонстрирует на протяжении всего романа. Они ведь и в Сербию поехали вместе, но по разным причинам... Очевидно, что автор «Карениной» был наслышан о князе Яшвиле — своем очередном «земляке» (к его жене по наследству от матери и перешло то самое село Якимовское, Каширского уезда Тульской губернии, купленное Семеном Артемьевичем Раевским еще до разделения рода и остававшееся в собственности южных Николаевичей³⁰), что и отразил в художественной форме...

Итак, мы попытались обрисовать в основном «географический контекст» (а точнее — его совсем узкий срез), в котором рождались произведения Толстого. И в результате оказалось, что члены обеих ветвей рода Раевских были представлены на их страницах весьма «изрядно», как говаривали в ту пору. Столь высокая степень *прототипичности* Раевских в трудах писателя (и особенно параллель Николай Раевский — граф Вронский) может быть подтверждена, кроме «географии», анализом разных редакций его текстов, и даже сравнением внешности героев...**. Но это уже другая тема.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Фомичев С. А. Раевскиана Пушкина // Историко-культурное наследие семьи Раевских и его международное значение. Вторые Елисаветградские историко-литературные чтения. Кировоград, 2006. С. 26–32.
- ² Раевский С. П. Пять веков семьи Раевских // Дворянское собрание. Историко-публицистический и литературно-художественный альманах. М., 1998. № 9. С. 149.

* В посмертной биографии младшего брата Н. Н. Раевского — Михаила Николаевича, составленной из сведений, сообщенных его вдовой, читаем: «Пристрастившись к астрономии, он думал отдаться ученой карьере и со временем занять кафедру в Московском Университете. Но вышло иначе. Родственник Раевских, князь Яшвилль, командовавший в то время лейб-гусарским полком, напоминая М. Н. и его брату Н. Н. доблести их деда и отца, увлек обоих братьев поступить в полк...» (Отдел рукописей ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 253. Оп. 1. Д. 746. Л. 21).

** Такой анализ нами проведен. См.: Шемякин А. Л. Смерть графа Вронского. 2-е изд. СПб., 2007.

- ³ Архив Раевских / Под ред. Б. Л. Модзалевского. Пг., 1915. Т. V. С. 19; *Чернопятов В. И.* Дворянское сословие Тульской губернии. Родословец. Материалы. М., 1909. Т. III (XII). Ч. VI. С. 521–523.
- ⁴ Государственный архив Тульской области (далее — ГАТО). Ф. 39. Оп. 2. Д. 1893. Л. 9 (родословная Раевских); *Раевский С. П.* Пять веков семьи Раевских... С. 164.
- ⁵ *Раевская Е. И.* Л. Н. Толстой среди голодающих // *Летописи Государственного литературного музея.* М., 1938. Кн. 2. С. 374.
- ⁶ *Оболенский Д. Д.* Отрывки (Из личных впечатлений) // О Толстом. Международный толстовский альманах. М., 1909. С. 240.
- ⁷ *Раевский С. П.* Семья Раевских // *Ясная Поляна.* Тула, 2000. № 1. С. 311.
- ⁸ *Оболенский Д. Д.* Отрывки (Из личных воспоминаний)... С. 240.
- ⁹ *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений в 90 томах (Юбилейное издание). М., 1927–1964. Т. 29. С. 262.
- ¹⁰ *Раевский С. П.* Семья Раевских... С. 291–292.
- ¹¹ См.: *Новиков А. М.* Л. Н. Толстой и И. И. Раевский // О Толстом... С. 186–193; *Раевский С. П.* Семья Раевских... С. 310–312.
- ¹² *Толстой И., Толстая С.* Семейная хроника Толстых // *Ясная Поляна.* Тула, 1997. № 2. С. 133.
- ¹³ Там же. С. 141.
- ¹⁴ ГАТО. Ф. 39. Оп. 2. Д. 1890. Л. 11.
- ¹⁵ Там же. Л. 7, 13.
- ¹⁶ *Толстой И., Толстая С.* Семейная хроника Толстых... С. 137.
- ¹⁷ *Бабаев Э. Г.* Роман и время. «Анна Каренина» Л. Н. Толстого. Тула, 1975. С. 226.
- ¹⁸ *Корнилов Ю. Э.* Как погиб граф Вронский? М., 1975. С. 29.
- ¹⁹ *Tcharykow N. V.* Glimpses of high politics. Through war and peace. London, 1931. P. 95.
- ²⁰ *Порочкина И. М.* Л. Н. Толстой и славянские народы. Л., 1983. С. 142.
- ²¹ *Гусев Н. Н.* Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1870 по 1881 год. М., 1963. С. 307; *Якубовский Ю. О.* Толстой и его друзья // *Толстовский ежегодник 1913 г.* СПб., 1913. С. 23.
- ²² *Толстой С. Л.* Об отражении жизни в «Анне Карениной» // *Литературное наследство.* Т. 37–38. М., 1939. С. 567.
- ²³ *Литературное наследство.* М., 1965. Т. 75. Ч. 2. С. 462; *Бабаев Э. Г.* Роман и время. «Анна Каренина», Л. Н. Толстого. С. 69.
- ²⁴ *Кузминская Т. А.* Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. М., 1986. С. 482.
- ²⁵ *Толстой И. Л.* Мои воспоминания. М., 2000. С. 87.
- ²⁶ Архив Раевских. Т. V. С. 34, 40, 43, 78.
- ²⁷ *Новиков А. М.* Л. Н. Толстой и И. И. Раевский... С. 194.
- ²⁸ *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений... Т. 18. С. 186.
- ²⁹ Архив Раевских. Т. V. С. 64, 70.
- ³⁰ См.: Род Раевских герба Лебедь / Составил Б. Л. Модзалевский. СПб., 1908. С. 41; Архив Раевских. Т. V. С. 20, 27.

В. И. Косик
(Москва)

Русские имена на оперной сцене Югославии

Опера, оперное искусство всегда есть элемент цивилизации, Европы. До Великой войны, начавшейся в 1914 г., в Белграде певцы-любители ставили «Трубадура», да еще две-три оперы и оперетты. Ситуация резко изменилась с образованием Королевства, в котором, как во всяком европейском государстве, должна быть опера! И тут помог «случай» под названием «русский исход», когда в столицу прибыли русские певцы и певицы.

Выступления русских оперных певиц и певцов аплодировали в Белграде и Загребе, в Нови-Саде и Любляне, в Скопье и Сараеве, в больших и маленьких городках Югославии. Русские принесли с собой не только итальянскую школу пения, но и традиционный для отечественных спектаклей русский исполнительский стиль, служивший образцом для сербских артистов.

К началу сезона 1921/22 г. белградская опера наряду с несколькими выдающимися отечественными артистами имела почти полностью сформированную труппу из русских беженцев, которые, как в сказке, дали возможность совершенно, фантастически обновить репертуар¹.

Таланты и профессионализм русских артистов позволяли им не только успешно участвовать в сербских операх, но и знакомить поклонников этого вида искусства с оперной классикой России: «Евгением Онегиным», «Пиковой дамой», «Царской невестой», «Борисом Годуновым» и многими другими замечательными творениями. Самый решающий вклад в оперу внесли сами солисты, среди которых были такие, какими могла гордиться любая сцена. Станислав Винавер, который в первом десятилетии обновленной оперы был единственным настоящим ее критиком, написал даже одну «молитву» после «Миньоны» Лизе Поповой: «Дивная, трепетная г-жа Попова!.. Какое счастье, что она с нами... Пусть больше и чаще поет, а мы ей будем молиться, как потерпевшие кораблекрушение моряки, моряки в море грубости, — ей, звезде моря, вместилищу милосердия и спасения»².

С 1920 до 1941 г. было поставлено 156 оперных и балетных спектаклей, а в 132 участвовали русские артисты³.

Их влияние приняло характер школы.

По сути дела, русские, как подчеркивают сами сербы, так или иначе «содействовали росту художественного уровня белградской оперы, даже созданию некоторых белградских оперных традиций, и, что весьма

важно, воспитанию отечественных певцов..., заменивших впоследствии своих русских коллег, учителей»⁴.

Это признание особенно важно в той ситуации, когда русские певцы, как правило, не стремились овладеть сербским языком. Возможно, это обстоятельство было одной из причин рождения следующего парадокса: с одной стороны, слышалось, что «благодаря русским у нас есть своя опера», а с другой — утверждалось, что «из-за русских мы не имеем своей оперы». Негативная реакция была, вероятно, вызвана и завистью, неудовлетворенными личными амбициями, доминантной ролью русских артистов и их претензиями на верховодство, «затираанием» национальных кадров. Как остроумно отмечено П. Крстичем: «Если бы „Фауст“ стал сербской оперой только по той причине, что ее исполняли сербы, тогда бы „Гамлет“ был сербской трагедией, когда его играют сербы»⁵.

Ситуация в опере обсуждалась и в русской прессе. Один из неизвестных любителей театра писал: «В сербской прессе появляется ряд статей в защиту русских. Особенно знаменательна большая статья одного выдающегося местного журналиста. В ней он с возмущением и большим знанием дела подвергает горячему, бичующему разбору все шовинистические и неосновательные нападки, квалифицируя их весьма резко и заявляя, что они — „оскорбляют не только русских артистов, которые с полным самозабвением исполняют свою миссионерскую и пионерскую роль у нас, за что они имеют право ожидать, по крайней мере, признания, но это унижает и нас самих, так как мы делаемся смешными и пошлыми, отчаянными карикатурами в глазах всякого сознательного музыкального человека... Для развития нашей музыкальной культуры настоящее счастье, что пришли русские. Может и теперь есть, кто бы заменил с большим удовольствием русских поляками или чехами, что, кстати, подчеркнуло бы дружескую связь с этими новыми славянскими образованиями, но равных по художественному достоинству и дешевизне оплаты труда, к их большому сожалению, они найти не могут“»⁶.

«Все выпады, — указывалось далее в статье, — по счастью, исходили из весьма небольших, хотя и крикливых групп, масса же театральной публики и пресса относились к русским не как к эмигрантам, а как художникам, ценя и любя их за те эстетические ценности старой русской театральной культуры, благодаря которым так легко и безболезненно создавалась опера. Опера, которой может гордиться не только Сербия, но и все Королевство С. Х. С.»⁷.

Благодаря русским артистам репертуар Народного театра обогатился не только классическими произведениями, но и современными спектаклями. Последней новинкой на оперной сцене была в 1937 г. «Катерина Измайлова» Шостаковича.

И конечно, дирекция театра при приеме русских оперных талантов руководствовалась «не русофильством и не желанием помочь эмигрантам, а простым коммерческим и художественным расчетом»⁸.

Итак, все началось 24 июня 1919 г., когда в Офицерском доме на концерте «Для русских беженцев» наряду с Еленой Докич — фортепиано, Йованом Зорка (московский воспитанник) — скрипка, и Вячеславом Рендлом — виолончель, выступала Мария Федоровна Вилуева с романсами Даргомыжского. 9 декабря в зале Касины (центр Белграда) состоялся чисто русский концерт оперных певцов, где выступал и бас Евгений Семенович Марьяшец⁹.

Русские доминировали во многих представлениях. Два примера. В 1920 г. на премьере «Евгения Онегина» пели: Н. Вирен-Рейманова — Татьяну, А. Свечинская — Ольгу, Е. Марьяшец — князя Гремина, Лубинский — Ленского. В 1925 г. на премьере «Аиды» все сольные партии исполняли Е. Вальяни, К. Роговская, Н. Гукасов, Г. Юренев, Е. Марьяшец¹⁰.

Первым принятым в оперу русским был концертмейстер Владимир Нелидов (1 марта 1920 г.)¹¹. Потом в оперу пришел режиссер Михаил Петрович Зицкой (27 апреля 1920 г.), который поставил «Евгения Онегина», затем примадонна Ксения Роговская (30 октября 1920 г.)¹².

В экстаз ценителей оперного пения приводили выступления Лизаветы Ивановны Поповой (1883, Астрахань — СССР?). Выпускница Санкт-Петербургской консерватории (1912) пела в Мариинском (1912–1918) и в Большом (1918–1919) театрах. С мужем Михаилом Каракашем, также оперным певцом, стала обживать Белград. В ее репертуар входило множество заглавных партий: назову только некоторые — Татьяна, Баттерфляй, Тоска, Манон, Лиза, Джульетта, Марта, Тамара, Луиза, Ярославна, Дездемона, Кармен¹³.

Русский театрал писал: «Попова, бывшая артистка Императорского Мариинского театра, выдающаяся, редкая на оперной сцене, проникновенная и глубокая актриса. Лучшие ее достижения Миньон, Баттерфляй. Лиза и в особенности Сента в „Моряке Скитальце“»¹⁴. После Второй мировой войны выехала в СССР.

Из певиц, на которых во многом держалась белградская опера, назову еще несколько имен.

Евгения Дмитриевна Вальяни (1901, Санкт-Петербург — ок. 1962, Италия), меццо-сопрано, выпускница Академии «Санта Цецилия» в Риме. Пела на сцене оперы С. С. Зимина. С 1921 и до 1939 г. как гость или постоянный член белградской труппы спела Ацучену, Кармен, Ольгу, Миньон, Амнерис, Кончаковну, Марину, Полину, графиню в «Пиковой даме»¹⁵. Добавлю, что уже в первые белградские годы она смогла спеть партию Миньон на сербском языке, что сразу было отмечено в «Музыкальном гласнике»¹⁶.

Неонила Григорьевна Волевач (Вольевач) (1892–?), солистка Мариинки. С 1920 г. в Королевстве, с 1921 по 1931 г. примадонна оперной труппы в Белграде. О ней в одном из русских журналов писались такие слова: «Волевач... блестящее колоратурное сопрано, пение которой отличается большой задушевностью, простотой и редким техническим совершенством. Выдающаяся Царская невеста, блестящая Лакмэ, Джульетта, очаровательная Манон»¹⁷. О ней в 1921 г. в белградской «Трибуне» писали: «В среду 1 июня первый раз на нашей сцене она пела „Джильду“. Этот день стал небольшой, но датой, в развитии нашей Оперы. Случилось чудо. После первых нот публика разинула рот от удивления, а потом взволнованная неожиданным действием чарующей арии, затаив дыхание слушала, чтобы потом дать воле своим чувствам и разразиться аплодисментами»¹⁸.

София Рудольфовна Драусаль (1893, Александровск — 1991, Белград), колоратурное сопрано¹⁹. Весной 1919 г. она окончила Одесскую консерваторию и через два дня уже выступала в городской опере. Потом было турне по южной России со знаменитыми Георгием Баклановым (наст. фамилия Баккис Альфонс-Георг Андриасович)²⁰ и Леонидом Собиновым. Эмиграция для нее началась в волшебном Дубровнике. После первого же концерта она была замечена и привлечена в труппу Белградского Народного театра²¹. С 1920 по 1928 г. солистка Белградской и Нови-Садской опер²². (У В. Петрович — по 1926 г.²³.) Хвалебного отзыва удостоились ее «прекрасная Розина, замечательная Микаэла, Пастушка (Пиковая дама)»²⁴. Потом «скучный» Белград «кончился» и началось увлекательно-экзотическое турне: южная Франция, Испания, Марокко, Канарские острова²⁵. В 1931 г. стала петь в Париже в «Русской опере»²⁶. Потом, видимо, муж «затребовал» ее возвращения или сама она соскучилась, и С. Р. Драусаль бросает столицу мира — Париж — и едет в провинциальный Нови-Сад, где служил ее супруг, перемещенный туда по службе из Белграда. В этом городе, славном своим историческим прошлым, замечательными памятниками архитектуры, богатой культурной жизнью, она целых десять лет посвящает себя педагогической деятельности. Затем последовало возвращение в столицу Королевства и сольные выступления на «Радио-Белград», перемежавшиеся воспоминаниями о начале Белградской оперы, том времени, когда артисты в промежутках между актами собирались в одном из помещений около жаровни, чтобы согреться перед выходом на сцену²⁷.

Несколько по-иному пишет А. Б. Арсеньев: в конце 1930-х гг. Драусаль вернулась в Белград и с 1948 по 1952 г. ее голосом могли наслаждаться слушатели «Радио Белград»²⁸. Закончила выступления в 1946 г. партией Джильды в «Риголетто», с которой и дебютировала на белградской оперной сцене²⁹.

Запомнилась публике и певшая на сцене Императорского Мариинского театра Дарья Захарова — «выдающаяся Кармен, замечательная, горячая, стилизованная Амнерис, стильная Марина»³⁰.

Евгения Владимировна Лучезарская (1881, Килин, Бессарабия — 05.2.1968, Сен-Жермен-ан-Ле, близ Парижа), меццо-сопрано. О ней известно немногим больше, чем о Захаровой: после завершения обучения в консерватории в Санкт-Петербурге пела в Народном доме в Северной Пальмире, потом три года — в Большом театре. Последние три года перед эмиграцией она выступала в городском театре Одессы. С 1918 г. в эмиграции, пела в Белграде, потом в Бухарёсте, в Италии. Ее можно было видеть и слышать и в «Русской опере» в Париже. Белградские любители оперы могли очаровываться ее голосом и в 1926 г. — Марина, Кармен, Амнерис³¹. В 1927 г. руководство театра не подписало ей контракт на следующий сезон³².

Волшебным лирическим сопрано обладала полька Елена Ловшинская (Ловчинская). Была первой певицей, получившей 17 мая 1919 г. ангажемент в Народном театре, т. е. еще до открытия Белградской оперы, в которой она блистала до 1925 г. Завоевала публику своей Чио-Чио-Сан, голосом, то полным радости, то глубокой трагической боли. В 1924–1925 гг. — солистка Нови-Садской оперы. Часто гастролировала в Осиеке³³.

Короткое время (май 1920 — 1922 г.) на сцене столичной оперы звучало меццо-сопрано Антонины Р. Свечинской в «Евгении Онегине»³⁴.

В 1925 г. перед белградской публикой появится и меццо-сопрано Елена Алексеевна Садовен (? — 13.9.1978, Париж), выпускница Санкт-Петербургской консерватории по классу Натальи Александровны Ирецкой. Пела в Милане, Париже, Мадриде³⁵. В сезоне 1929/30 г. она поет партии Кармен, Любаши, Амнерис, Далилы и Лотты. О ее таланте свидетельствует не только любовь публики, но и избрание почетным профессором консерватории имени Сергея Рахманинова³⁶.

Руководство Белградского театра приглашало на свою сцену артистов и артисток из других театров: могу назвать имя певицы Жалудовой, обладательницы драматического сопрано, приглашенной на сезон 1927/28 г. из Люблянской оперы³⁷.

Теперь о примадонне Ксении Роговской, принятой в оперу (30 октября 1920 г.)³⁸, «обладательнице лирико-драматического сопрано редкой красоты. Прекрасная Тоска, нежная Аида, трогательная Мими, благородная Лиза»³⁹.

Итак, одной из русских звезд на белградской оперной сцене была родившаяся в Варшаве генеральская дочь Ксения Ефимовна Роговская-Христинич (1896, Варшава — 22.1.1961, Белград). Ее путь в театр начался в Иркутске. Здесь в пять лет она слушала очаровавшую ее оперу «Кармен», на десятом году получила первую роль — карлика в «Спящей

красавице». Потом были Италия, Милан, консерватория. В 1916 г. дебютировала на знаменитой миланской сцене в опере «Лючия де Ламермур». Потом последовало возвращение в военную Россию. Сразу она была принята в московскую оперу Зимина. Ее восхождение на оперный Олимп чуть было не сорвалось: ожидая своего выхода в опере «Лакме», «так была испугана, что хотела сбежать домой, когда услышала вступление оркестра». Задержали ее два режиссера. Позже, в том же 1916 г., в мае, она поет Маргариту в «Фаусте». В опере «Таис» Ксения поет со знаменитой Марией Кузнецовой, Павлом Холодковым, ее будущим партнером в Югославии⁴⁰.

После Зимина Роговская выступает в Большом театре, поет с Шаляпиным и Собиновым. В концертах исполняет романсы дирижера Мариинки и композитора Эдуарда Францевича Направника. На 24-м году как беженка прибыла в Королевство СХС вместе со своей теткой игуменьей Екатериной (Ефимовской) в монастырь Кувеждин на Фрушкой горе, который был в 1920 г. предоставлен русским монахиням. В этой обители, как сама потом говорила, — «прозябала». Благодаря управителю Народного театра Милану Гролу, формировавшему ансамбль оперы, она была принята в 1920 г. в труппу. Первый раз появилась на сцене в роли Татьяны, заслужив в прессе восторженные отзывы. Эту партию пела с 1920 по 1923 г. — и в 1933 г. как гость. Свои роли пела на сербском языке, чем потом гордилась⁴¹.

Потом была Виолетта в «Травиате», снискавшая также отличные отзывы в прессе. Все это вызывало ревность у коллег⁴². Нападки шли на всю русскую эмиграцию в опере и театре. Авторитетный музыкальный критик Милое Милоевич, озабоченный будущим отечественных кадров певцов, которым якобы мешают русские своим многочисленным присутствием, утверждал, что «благодаря Революции в России» у них нет своей оперы. Была еще одна проблема, о которой повсюду писали и говорили, — язык. Многие певцы так и не научились правильному сербскому, поэтому пели на русском или некоем «сербско-русском варианте». И у Роговской здесь тоже были свои трудности⁴³.

В сезоне 1921/22 г. она прекрасно спела Мими в «Богеме», надолго запомнилась своей Аидой (май 1925 г.) — с собственной концепцией этой роли, отличавшейся от других. В 1927 г., после того как ей не подписали контракт на следующий сезон, Роговская уехала в Париж в оперу своей старой знакомой М. Н. Кузнецовой. Отъезд был вызван тяжелой ситуацией в театре и все учащавшимися интригами вокруг нее. В 1929 г. она вышла замуж за талантливого композитора, автора многих прекрасных симфонических и хоровых произведений Ст. Христича⁴⁴, ставшего впоследствии директором оперы.

В 1929 г. Роговская приехала в Белград на гастроль: публика и критики приняли ее тепло и восхваляли ее Ярославну в «Князе Игоре». В 1933 г.

получила ангажемент в родном театре и 10 июня выступила в опере «Федора» в главной партии⁴⁵.

Ксения получила хорошую прессу в главной газете страны «Политике» от 11 июня, но... в последние месяцы того же года один за другим следуют материалы о ее незаслуженно высокой плате, критика ее мужа, замечания анонимных журналистов об изменении в худшую сторону голоса певицы. Ситуация усугублялась тем, что она действительно все меньше выходила на сцену. Тем не менее, несмотря на все удары, сыпавшиеся на нее и семью, Ксения все же осталась на сцене до 1943 г. Ее искусство, опыт, умение петь сердцем, актерское мастерство в «статичной» опере — все это было ее вкладом в подъем белградской труппы⁴⁶.

Дуайеном сербской оперы был один из любимцев столичной публики баритон Павел Федорович Холодков (1888, Рязань — 1967, Белград), почти без перерывов выступавший с 1921 по 1951 г. на сцене оперного театра. Искусству пения он учился в Санкт-Петербурге и в Москве, пел в опере Зимина, в годы Гражданской войны — в «белой» Одессе (1918–1919). В эмиграции обосновался в Белграде. Спел около тридцати партий, исполнение которых, по мнению публики и критики, всегда было безукоризненным. Он принадлежал тому поколению оперных артистов, которые расширяли интерес к музыкальной культуре среди сербов. В его репертуаре были Риголетто, Жермон, Онегин, Мефистофель, Эскамильо, Яго, Валентин, Грязной, Игорь, Писарро, Бег Пинтарович в «Хасанагинице» и пр. Радовал своим голосом Люблян (1925–1928), Скопье (с 1949), где еще и преподавал вокал. Гастролировал по Европе, был желанным гостем ее оперных сцен⁴⁷.

Из мужских солистов назову еще несколько имен. Начну с «царя» — Льва Борисовича Зиновьева (наст. фамилия Гипс) (1876, Литва — 3.7.1927, Белград): баснословный тенор, который начиная с 23 сентября 1921 г. пропел шесть сезонов самые крупные партии. Музыкальное образование он получил в Одессе. Потом последовали выступления в Киеве и отъезд на «обязательно-желанную» стажировку в Италию. Затем турне по Европе и Америке и возвращение на родину. После 1917 г. уехал в Европу. С короткими перерывами пел с 1921 по 1926 г. на белградской сцене. «Зиновьев, — писал о нем белградский театрал, — певец европейской и американской карьеры, драматический тенор хорошей итальянской школы. Очень хорош в „Аиде“, незабываем и как актер, и как певец в „Жидовке“». В Белграде нашел свое семейное счастье, женившись на русской беженке — сестре милосердия⁴⁸.

Георгий Матвеевич Юренев (1891 или 1893, Москва — 1963, Брюссель), драматический тенор. После учебы в Московской консерватории был принят в 1917 г. в Большой театр. В том же году бежал в Одессу, куда устремлялись люди, спасавшие свои жизни от красных. Был при-

зван в Добровольческую армию, воевал. Покинул «красневшую» Россию из Севастополя. Попал в Далмацию, концертировал в Черногории. По некоторым данным, еще до своего появления на белградской сцене совершенствовался в Италии, во Франции. Видимо, в Европе тогда все места были «заняты», и с 1921 по 1928 г. он солист Белградской оперы, где запомнился как «обладатель исключительной силы баритона. Великолепный Моряк-Скиталец, хороший Борис Годунов, блестящий Валентин, яркий Риголетто». Дебютировал в «Риголетто». За восемь белградских лет Г. М. Юренев гастролировал в Барселоне (4 сезона), в Монте-Карло, в Варшаве, в Вене. Пел все заглавные партии в операх «Риголетто», «Тоска», «Борис Годунов», «Аида», «Фауст», «Кармен», «Царская Невеста», «Сказки Гофмана», «Паяцы», «Летучий Голландец», «Лоэнгрин» и др. — около 40 опер⁴⁹.

Потом все же «европейское счастье» улыбнулось и ему: провинциальные Балканы он поменял на артистически-интеллигентную Европу. Выступал в парижской труппе князя Церетели. Гастролировал по многим европейским столицам, в их числе был и «старый приятель» Белград. После Второй мировой войны осел в бельгийской столице и стал учить других искусству вокала⁵⁰.

Александр Аркадьевич Балабан (? — до 11.2.1950, Нью-Йорк), артист оперы и оперетты, баритон. О нем известно немного: на сцене Народного театра в Белграде спел 5 сентября 1923 г. партию Фигаро, четыре последующих сезона его можно было слышать в ролях Онегина, Себастиана, Сильвио, Альфио, Валентина и Эскамильо, Жермона и Амонасра и пр.⁵¹. Знаток «белградско-русского» театрального мира написал о нем две строчки: «Балабан, опытный провинциальный баритон, интересный актер. Дал захватывающее исполнение Грязного»⁵². Добавлю, что Балабан был известен не только белградцам, но и жителям многих городов Королевства, куда он ездил на гастроли с концертами.

Михаил Николаевич Каракаш (1887, Симферополь — 1937, Бухарест), актер, режиссер, педагог и певец. Первые уроки вокала получил у своей матери — известной оперной певицы. После Санкт-Петербургской консерватории стажировался в Милане. Потом был Большой театр, а с 1911 г. Мариинский.

Критики видели в нем одного из лучших интерпретаторов ролей Евгения, Елецкого, Фигаро, которому «не было равных в России». После революции эмигрировал в Белград⁵³. Несколько по-иному пишет А. Б. Арсеньев. По его данным, вначале Каракаша увидела знакомая Италия. Потом со своей женой Лизаветой Поповой через Мюнхен он прибыл в 1922 г. в Королевство⁵⁴ (по данным В. Петрович, семья прибыла в 1921 г.⁵⁵). Первый раз выступил 20 января 1922 г. в роли Онегина, потом последовали сольные партии Сильвио, Марселя, Валентина, Фигаро и пр.⁵⁶. Часто гост-

ролировал по стране. В частности, 3, 7, 10 февраля 1922 г. в Великом Бечкереке выступал вместе с Е. Поповой с огромным успехом. Сбор от последнего концерта в сумме 2378 динаров передан в фонд помощи беженцам⁵⁷.

В 1926 г. потерял голос. Начал другую жизнь: пробовался в оперной режиссуре, основал частную киношколу, играл в театре своего земляка Александра Черепова⁵⁸, получил специальность строителя после окончания технического факультета Белградского университета⁵⁹ (по данным В. Петрович, окончил технический факультет Мюнхенского университета⁶⁰). Известен как строитель Панчевского моста⁶¹.

Певец, режиссер, педагог Евгений Семенович Марьяшец (1883, Одесса — 1953, Титоград, совр. Подгорица) учился в свое время в Санкт-Петербурге и в оперной Мекке — Милане⁶² (выступавший в «Ла Скала» в 1915 г.⁶³), сыграл большую роль в становлении Белградской оперы⁶⁴.

30 июня 1920 г. он официально вошел в труппу Народного театра. В новом сезоне он поставил «Севильского цирюльника» и «Риголетто»⁶⁵. Блестящие выступления с 1921 по 1925 г. (спел 26 партий) были внезапно прерваны, вероятно вследствие каких-то проблем с голосом. Потом была работа суфлером, затем на режиссерской ниве. При жизни его даже «хоронили»: в некрологе, опубликованном на основании непроверенных данных, были слова: «Бас феноменальной глубины и талантливейший артист... непревзойденно сыграл целый ряд оперных персонажей, из которых такие, как Дон Базилио в „Севильском цирюльнике“ и Варлаам в „Борисе Годунове“ еще не скоро получат лучшего интерпретатора»⁶⁶.

После Второй мировой войны Е. С. Марьяшец продолжал служить своим опытом и талантом сербской опере уже в качестве педагога в музыкальной школе в Нови-Саде, а в конце жизни — в Титограде⁶⁷.

С 1924 по 1936 г. с некоторыми перерывами белградцы могли слышать бас-баритон Бориса Павловича Попова⁶⁸ (1888, Новогеоргиевск — ?)⁶⁹, исполнявшего романсы, русскую оперную классику, умевшего петь на французском, испанском, итальянском языках⁷⁰. Раньше, в 1923–1924 гг., он радовал своим искусством и Люблянину, куда вернулся в 1939 г. и пел там до 1945 г.⁷¹. Муж знаменитой балерины Нины Кирсановой, он удостоивался в прессе не менее лестных отзывов: «Попов, артист Московского Большого театра. Редкий среди русских певцов вокалист, обладатель чарующего тембра музыкального баритона. Выдержанный, стильный Онегин, прекрасный Фигаро, отличный Елецкий»⁷².

Могу назвать уже упоминавшееся имя Георгия Андреевича Бакланова, гастролировавшего в Белграде в середине 1920-х гг. и «показавшего белградской публике образы редкой отделки и вдохновенного творчества»⁷³.

Я назвал лишь нескольких, о которых что-то известно, но есть имена, ждущие еще своих биографов. Это — Нерсес Гукасов (1924, сезон 1924/25), Евгений Виттинг (сезоны 1929/31), Иосиф Степневский (сезон 1921/1922), имевший опыт выступлений в «Ла Скала» лирический тенор Александр Веселовский (начало 1920-х), Александр Викинский (сезон 1921/22), Валентинов, Смирнов, Третьяков, певший Радамеса и Фауста в 1925/26 г.⁷⁴ Тенор Федор Рич, тенор, уехавший в 1929 г. в Париж⁷⁵, солист Белградской оперы Александр Риго⁷⁶.

И конечно, русские артисты имели свое Музыкальное общество, которое поставило и «Ивана Сусанина», «Китеж», «Майскую ночь» и ряд оперетт, а также вокальные произведения из области духовной музыки.

Руководителями Музыкального общества стали Владимир Иванович Бельский и Илья Ильич Слатин⁷⁷. Начало его было положено небольшой группой музыкантов и любителей, которые с 1925 г. поддерживали концерты «Союза городов», а потом и музыкальные представления И. Слатина⁷⁸.

Официально общество стало действовать со 2 января 1928 г., когда был утвержден его устав. «Кроме публичного исполнения музыкальных произведений, с целью пропаганды русских композиторов и исполнителей, задачей Общества, — подчеркивал его глава В. И. Бельский, — являлась забота о музыкальном просвещении его членов и русской молодежи вообще... надлежало постараться оберечь русское молодое поколение от забвения существующих образцов нашего музыкального искусства»⁷⁹. И дальше: «В сознании своей главной цели, Общество позаботилось об организации чтений о русском искусстве. За время своего пребывания в Белграде профессор И. И. Лапшин, живущий постоянно в Праге, прочитал с исключительным успехом 12 лекций под названием „Силуэты русских композиторов“... По примеру И. И. Лапшина продолжали аналогичные чтения о русских операх профессор университета А. В. Соловьев и преподаватель гимназии Е. А. Елачич»⁸⁰.

При опере действовала своя школа, где учились сербские и русские дети. Участвуя на равных со взрослыми в спектаклях, ее воспитанники разделяли триумф вместе со своими учителями⁸¹.

Обязательно нужно вспомнить и работу в оркестре Белградского радио. Там регулярно выступали Владимир Слатин (с Петром Крстичем), пианист Дмитрий Герасименко, дирижер Федор Селинский⁸².

В оркестре играли скрипачка С. Цветкова (ученица Л. С. Ауэра), Авенариус, Микеладзе и др. Это было время зарождения звукового кино, и музыканты, ранее работавшие таперами, остались без заработка, поэтому появление радиооркестра было для них настоящим спасением⁸³.

С 1945 г. в большом оркестре радио Белграда и оркестре Белградской филармонии играл воспитанник Крымского кадетского корпуса

Яков Михайлович Бартош (23.11.1912 — 17.11.1979, Нью-Йорк)⁸⁴. Его старшая сестра была оперной певицей и впоследствии создала в Одессе целую плеяду оперных певцов. После окончания Крымского кадетского корпуса он поступил в музыкальную школу имени Станковича по классу пения. В 1943 г. он уже пел партию Грозного в «Царской невесте» Римского-Корсакова. Потом были баритонные партии из опер «Мазепа» и «Снегурочка». В радиооркестре дирижер Ф. Селинский, оценив его музыкальность и голос, предоставил ему выступать с оперным репертуаром, петь арии из опер «Князь Игорь», «Алеко», «Мазепа», «Царская невеста» и др. В 1950 г. уехал с семьей в Марокко, потом был Нью-Йорк, выступления по концертам⁸⁵.

Погружаясь в оперный мир, нельзя обойти вниманием знаковую фигуру в белградском театральном мире — Феофана Венедиктовича Павловского (ок. 1880, Павлоград, Екатеринославская губ. — до 2.7.1936, Каунас, Литва), оперного певца, режиссера. За его плечами были юридический факультет Киевского университета св. Владимира, Санкт-Петербургская консерватория по классу пения и сценических постановок. Он выступал в Большом театре. Его баритон был отмечен Ф. Шаляпиным, с которым он ездил, уже в эмиграции, на гастроли в Барселону. Вместе с К. С. Станиславским организовал в Москве оперную студию. В 1920 г. эмигрировал из Крыма вместе с армией Врангеля в Константинополь, работал в порту грузчиком. Потом обосновался в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. В сезоне 1920/21 г. выступил первый раз перед белградцами в роли Риголетто⁸⁶.

С 1 августа 1921 по 1928 г. — режиссер драмы и оперы Народного театра в Белграде. Ф. В. Павловский поставил всю репертуарную основу оперы (23 премьеры и 9 обновленных). Создатель, управитель и режиссер Русского художественного драматического объединения в Белграде (1923). Преподаватель в Актерско-балетной школе. С 1928 г. жил в Литве. Работал в Ковно (совр. Каунас) режиссером в Литовской государственной опере. Поставил оперы: «Дубровский», «Борис Годунов», «Князь Игорь», «Сказка о царе Салтане». Обновил постановки «Демона» и «Евгения Онегина»⁸⁷.

О его мастерстве режиссера так писал аноним-театрал: «Павловский, бывший артист Московского Императорского Большого театра, приглашенный в Белградскую оперу, заявил себя врагом устаревших традиций и консерватизма и начал борьбу, подчас тяжелую, но из которой вышел с большой честью.

Отличаясь оригинальностью замыслов, Павловский в своих постановках все, и декорации, и костюмы, и движения, и настроения, подчинил духу, характеру и стилю музыки. Ему чуть ли не первому, после Комиссаржевского, принадлежит заслуга пронизать все исполнение внутрен-

ним и внешним ритмом. Мастер массовых сцен, Павловский, отделяет до мельчайших деталей исполнение отдельными артистами своих ролей. Конечно, только немногие постановки отличаются вышеуказанными качествами. Думаем, что внешние причины редко когда позволяют отдать каждой постановке столько внимания, сколько следовало бы. Но если мы можем насчитать 5–6 таких постановок, то это уже громадная заслуга»⁸⁸.

Сам Павловский уже в начале своей режиссерской работы писал: «Хотел бы помечтать о том, что сербский оперный театр пойдет по пути русского театра, по пути развития, пути прогресса и эксперимента. Пройдет несколько лет, и театр заблещет путеводной звездой в мире европейского театра, так как последний уже много лет... почивает на засушенных лаврах. Девственная славянская душа, которая питается из источника живой воды, из богатой народной поэзии, скажет миру новое свежее слово»⁸⁹.

Тогда возникает вопрос, чем же был вызван его отъезд из Белграда в Ковно? Ответ только один — неординарностью своих постановок он стал негоден критикам, дирекции... видевшим, грубо говоря, в «перестановке табурета на сцене» революцию в опере, задышавшейся в тисках статичных традиций.

Русский мир оперы связан и с сочинительством. Только одно имя — Владимир Нелидов (композитор и пианист), написавший музыку к ряду драм, шедших в Национальном театре, и оперу «Смерть матери Юговичей»⁹⁰.

Русские артисты оперы — это не только участие в спектаклях, но и в многочисленных концертах. Чтобы не испортить пересказом текст о замечательных музыкантах братьях Слатиных, позволю себе привести обширную выдержку из статьи «Театрала» (1926) об их концертных выступлениях: «Особое место занимают по их громадному культурно-музыкальному значению концерты братьев Слатиных. До начала их камерных концертов в Белграде бывали один или два камерных концерта в год случайного, несыгравшегося ансамбля. Начали Слатины с исторических камерных концертов в составе трех братьев (скрипка, виолончель и рояль) и директора музыкальной школы серба Зорко (альт — ученик Московской консерватории). За это время они успели устроить около 30 камерных собраний с прекрасной программой и в отличном исполнении. Исполнялись и произведения сербских композиторов, что следует поставить им в особую заслугу, так как произведения эти широкой публике доселе были неизвестны. Нет возможности перечислить все сыгранное на этих концертах, но благодаря этим концертам сербская, да и русская публика не только получала большое художественное наслаждение, но научилась любить камерную музыку и ценить ее. По-

этому, когда „Союз Городов“ под председательством г. Брянского устроил тринадцать популярных камерных концертов Русского Народного Университета с участием тех же братьев Слатиных при доступных ценах, то зал „Манежа“ (тоже Национальный театр) бывал уже всегда переполнен. Квартет играл в составе: В. Слатин (1-я скрипка), Немачек (2-я скрипка), Надж (альт) и Ал. Слатин (виолончель). Из солистов следует отметить: И. Слатина, Сухотину и Мисочко (рояль) и Роговскую, Волевач, Попову и Попова (пение). Кроме того, было устроено 2 раза концертное исполнение отрывков „Китежа“ со вступительным словом Бельского (автора поразительного либретто этого гениальнейшего произведения Римского-Корсакова). Как на русскую, так и на сербскую публику, эти концерты произвели неизгладимое впечатление. В настоящее время уже объявлен цикл концертов и на будущий сезон, устраиваемый там же „Союзом Городов“. В программу вошли наряду с русскими и иностранными классиками и новейшие произведения. Так, например, намечены произведения Мясковского, Стравинского, Штейберга, Акименко, Прокофьева и др. Кроме того, предполагается дать 2 концерта истории русского романса и 2 хоровых концерта. Под управлением И. Слатина организовался любительский хор имени Глинки, участие которого предусмотрено в этих концертах. Роль этих концертов, роль братьев Слатиных в музыкальной жизни страны должна быть особо отмечена, и мы думаем, что должное признание они получают и от сербской музыкальной среды, в настоящее время, быть может, несколько ревниво относящейся к их деятельности»⁹¹.

Могу здесь только дополнить текст. В 1921 г. братья Слатины вместе с певицей Александрой Емельяновной Ростовцевой начали устраивать концерты для ознакомления сербов с русской музыкой. Прошли два концерта в зале «Станкович» (ул. Милоша Великого, 1)⁹². Там же 20 февраля 1923 г. состоялся большой Русский концерт с участием Н. Г. Волевач, Е. И. Поповой, Е. С. Марьяшеца, В. А. Нелидова, А. И. Слатина, И. И. Слатина, Г. М. Юренева из произведений Глинки и Чайковского⁹³.

И еще немного о разнообразных поприщах братьев Слатиных. Это педагогическая деятельность: И. И. Слатин — пианино, Владимир Слатин — скрипка, Александр — виолончель. И. Слатин был оперный дирижер, короткое время и в Сплитской опере до ее закрытия. Владимир в межвоенный период создал музыкальную программу «Радио Белград», где первые послевоенные годы музыкальным редактором на радио был пианист и композитор Алексей Алексеевич Бутаков⁹⁴.

Вместе с Бутаковым были отличными концертмейстерами Борис Добровольский, Александр Руч, Дмитрий Конради, Ольга Цакони, жена виолончелиста Александра Слатина, впоследствии она была музыкальной сотрудницей в Карнеги-холле. Композиторами сценической музыки

были упоминавшийся ранее Владимир Александрович Нелидов и Олег Сергеевич Гребенщиков⁹⁵, ставший впоследствии сотрудником Географического института АН СССР⁹⁶. Сюда добавлю имя концертмейстера Белградского Народного театра Владимира Каменского⁹⁷.

Теперь Загреб. Опера в Хорватии была не только желанным гостем на сценах, но и давно вошла в мир театральной культуры страны, тесно связанной с Веной, следовательно, с европейской цивилизацией. И здесь приживались немногие из русских оперных певцов и певиц. В основном сюда любили приезжать на гастроли из Белграда, о чем я уже говорил выше. Но были и мастера оперной сцены, ставшие своими в Загребе. Здесь можно назвать меццо-сопрано Елену Андреевну Морозову (1894, Москва — 12.6.1935, Загреб), начавшую петь с конца 1921 г. именно в Загребской опере⁹⁸. Судя по книге Т. В. Пушкиадия-Рыбкиной, она вначале принята была на белградской сцене, а потом — с начала сезона 1921/22 г. по 1927 г. чаровала своим голосом, особенной «окраски», Загреб. Лучшие партии спела в русских операх⁹⁹. К этому следует обязательно добавить, что певицей и актрисой стала и ее дочь Елена Нюренберг (в замужестве Бинички) (13.6.1920, Феодосия — 1992, Загреб), выступавшая под именем Елены Морозовой. В Загребе окончила музыкальную академию и с 1944 г. стала выступать на сцене Народного театра. Позднее — с 1947 по 1950 г. — входила в постоянный состав его труппы. В сезоне 1951/52 г. в амплу драматической актрисы играла в Риеке. С 1957 г. выступала в составе труппы Загребского театра кукол¹⁰⁰.

Еще раньше, весной, в Загребе были певицы Полякова и Садовен, а также тенор С. Б. Белина-Скупиевский¹⁰¹. В 1922 г. загребские ценители оперного пения могли услышать и оценить тенор Григорьева¹⁰². К этому краткому списку имен и дат добавлю имя артиста императорских театров Е. А. Виттинга, обладателя драматического тенора. В хорватской столице он пел, в частности, в «Пиковой даме». Как и все артисты, выезжал с гастролями. В 1929 г. пел в Белграде. Выступал и в соседней Любляне в «Аиде»¹⁰³. В Загребе пел известный тенор В. С. Севастьянов¹⁰⁴. С 1921 г. в Загребе вместе мужем обосновалась выпускница Санкт-Петербургской консерватории Елизавета Ивановна Кульженко (девичья фамилия Мусатова) (7.2.1871, Санкт-Петербург — 24.6.1951, Загреб). Ее пение можно было услышать в самых различных местах: от мюзик-холла до протестантской церкви, от зала Теософского общества до неврологической больницы. Занималась и преподавательской деятельностью, обучая загребчан своему искусству¹⁰⁵. Слышали в Хорватии и голос выпускника Загребской музыкальной академии Анатолия Маношевского (1901, Екатеринбург, совр. Краснодар — 18.3.1983, Риека). С 1926 г. он выступал вначале в Загребской опере, потом в Осиеке и Риеке, где в 1953 г. отметил 25-летие своей сценической деятельности. Спел около 90 партий¹⁰⁶.

Были незаметные широкой публике имена тех, кто пел в хоре, исполнял эпизодические роли. Упомяну трех.

Ида Евгеньевна Саприновская (1896, Киев — 1968, Загреб), сопрано. С 1923 г. сорок лет пела в оперном хоре Хорватского Народного театра в Загребе. Выступала и с небольшими сольными партиями. Добавлю, что занималась переводами пьес русских авторов для Загребского театра молодых ¹⁰⁷.

Иван Дмитриевич Павлов (18.8.1889, Москва — 2.3.1961, Загреб), бас. Начал петь еще в Москве в любительских оперных спектаклях. Находясь с 1921 г. в Королевстве, первый ангажемент (1922/23) получил в хоре театра в Нови-Саде, исполняя небольшие сольные партии. С 1923 г. член группы Хорватского Народного театра в Загребе ¹⁰⁸.

Федор Дмитриевич Сахно (3.9.1896, Полтава — 7.4.1976, Загреб), баритон. Искусству пения учился в Музыкальной академии в Загребе. С 1923 г. постоянный член оперного хора, потом исполнитель эпизодических ролей в Хорватском Народном театре. Спел множество небольших партий ¹⁰⁹.

Опера — это не только чудное пение, но и музыка, оркестр. И здесь я опять назову русское имя. Гобоист Александр Смирнов (26.10.1886, Санкт-Петербург — 06.3.1973, Загреб). Класс гобоя окончил в Северной Пальмире. С 1907 по 1917 г. играл в оркестре А. Д. Шереметьева. Тридцать лет — с 1923 по 1953 г. — был солистом оркестра Загребской оперы и первый гобоист Загребской филармонии. Передавал свое искусство в средней музыкальной школе ¹¹⁰.

Русские не имели своего оперного театра в Загребе, но таковой имелся в Далмации, в театральном Дубровнике, где сами улицы и площади средневекового города были лучше всяких декораций. В зарисовке «Русские в Далмации» А. Барсов писал: «Далматинцы были очарованы художественностью постановки и красотой исполнения русскими артистами опер „Евгений Онегин“, „Травиата“, „Риголетто“... Местная пресса была полна хвалебных рецензий». Автор отмечал Архипову — колоратурное сопрано в роли Виолетты, Морозову — контральто, Баранова — баритон, Милич — сопрано, Батистич — тенор, хорват. Постановщик опер — Аксанский. Барсову было приятно цитировать сплитскую печать, утверждавшую, что «народ, давший миру такое искусство, никогда не погибнет и будет величайшим народом в мире» ¹¹¹. В Сплите можно было также услышать русский голос певицы Зинаиды Комаровской ¹¹².

В соседней Словении ситуация была схожей с Хорватией. Там была своя опера, австрийского образца, вернее, венского. К концу 1925 г. в столице католической Словении проживало около 300 русских, в своем большинстве студентов. Здесь все дышало Европой. Правда, Любляна не Вена, но все же ставились отличные оперные спектакли, в которых

пели и русские артисты. Их было немного, но это были звезды первой величины. Назову имена знакомых уже Бориса Попова, Александра Бабабана, Павла Холодкова¹¹³.

Но прежде всего и правильнее надо сказать вначале о русских композиторах. На сценах словенских театров в XX в. звучала музыка П. И. Чайковского, М. П. Мусоргского, А. П. Бородина, М. И. Глинки, Н. А. Римского-Корсакова, С. С. Прокофьева, И. Ф. Стравинского, Д. Д. Шостаковича, С. В. Рахманинова, Б. В. Асафьева, Р. К. Щедрина, А. П. Петрова.

Первенство здесь держал Чайковский: с 1919 по 1992 г. было около четырех десятков представлений — опер, балетов. Первое место занимала опера «Евгений Онегин», исполнявшаяся 14 раз, второе «Пиковая дама» — 6 раз, третье — «Лебединое озеро» — 5 раз¹¹⁴.

Музыка Н. А. Римского-Корсакова игралась с 1921 по 1970 г. в спектаклях: «Моцарт и Сальери», «Царская невеста», «Майская ночь», «Снегурочка», «Золотой петушок», «Шехерезада», «Испанское каприччио». Чаще всего — 5 представлений — выдержала «Шехерезада» (1921, 1937, 1945, 1948, 1955)¹¹⁵.

С «импрессионистом» И. Ф. Стравинским словенцы познакомились по спектаклям «Петрушка», «Игра карт», «Рихард», «Жар-птица», «Аполлон-Мусaget», «Весна священная», «Пульчинелла», «История солдата», исполнявшимся с 1935 по 1983 г.¹¹⁶

М. П. Мусоргский был известен прежде всего по музыке к «Борису Годунову». Эта опера была поставлена 7 раз (с 1938 по 1992 г.). Потом шла «Хованщина» — 4 раза, «Картинки с выставки» (1928), «Сорочинская ярмарка» (1949, 1967), «Ночь на Лысой горе» (1974)¹¹⁷.

Если А. П. Бородин для словенцев ассоциировался с оперой «Князь Игорь», поставленной на словенских сценах в 1930, 1945, 1958, 1965 гг.¹¹⁸, то М. И. Глинка с оперой «Иван Сусанин» (1947)¹¹⁹.

С. В. Рахманинов с «Рапсодией на тему Паганини» был представлен словенскому зрителю только один раз — в 1984 г.¹²⁰

Музыка С. С. Прокофьева звучала в спектаклях «Любовь к трем апельсинам» (1927, 1954), «Золушка» (1959, 1980, 1984), «Каменный цветок» (1963), «Классическая симфония» (1954), «Обручение в монастыре» (1960, 1966), «Петя и волк» (1961), «Ромео и Джульетта» (1981, 1987)¹²¹.

Опера «Катерина Измайлова» Д. Д. Шостаковича шла в 1936 г. и в 1970 г.¹²²

С творчеством Б. В. Асафьева словенцы были знакомы по «Бахчисарайскому фонтану», показанному в 1956, 1961, 1969, 1987 гг.¹²³

Знаменитую «Кармен» Родиона Щедрина словенцы увидели в 1976 г.¹²⁴, а «Сотворение мира» А. П. Петрова в 1977 г.¹²⁵

Из хореографов в Словении звездой первой величины был Петр Николаевич Головин-Гресеров. Танцовщик, педагог, хореограф — он отдал

опере в Любляне почти двадцать лет (1924–1945). В 1938 г. написал либретто и музыку для оперетты «Галатеея». С 1947 г. был ангажирован в Мариборском театре. В 1951 г. уехал с семьей в Канаду¹²⁶.

За тридцать с лишним лет Головин-Гресеров ставил хореографию в десятках спектаклях, например в «Пиковой даме» в 1933 г.¹²⁷, в «Силе судьбы» Дж. Верди в 1930 г. и в «Риголетто» в 1941 г. и в 1946 г., в «Травиате» в 1945 г., в «Аиде» в 1935 г., в 1941 г., в 1944 г.¹²⁸, в «Русалке» А. Дворжака в 1945 г.¹²⁹, в «Парсифале» Р. Вагнера в 1933 г., потом в «Тангейзере» в 1945 г.¹³⁰, в «Жидовке» Ф. Галеви в 1931 г.¹³¹, в «Красавице Виде» словенского композитора Р. Савина в 1928 г.¹³², в «Джонни наигрывает» Э. Кшенека в 1928 г.¹³³, в «Черных масках» словенского композитора М. Когоя в 1929 г.,¹³⁴ в Мариборском оперном театре «Орфей и Эвридика» Глюка в 1950 г.¹³⁵ и многих других¹³⁶.

Хореографию ставил и для оперетт И. Кальмана, П. Абрахама, Р. Штольца, Я. Бенеша, Ф. Легара, Й. Штрауса и многих других¹³⁷.

Известен как режиссер в «Иване Сусанине» М. И. Глинки в 1947 г., в «Севильском цирюльнике» Дж. Россини в 1946 г., в «Риголетто» Дж. Верди в 1946 г. и др.¹³⁸.

Сочетал режиссерскую работу с хореографией в «Князе Игоре» А. П. Бородин в 1945 г., в «Снегурочке» Н. А. Римского-Корсакова в 1945 г., в «Дон Жуане» Моцарта в 1944 г., в «Волшебном стрелке» К. М. Вебера в 1945 г., в «Миньоне» Томаса Амбруаза в 1945 г., в 1944 г., в «Аиде» Дж. Верди в 1944 г. и др.¹³⁹. В Мариборе также был занят как режиссер и хореограф в «Русалке» А. Дворжака в 1947 г., в «Паяцах» Р. Леонкавалло в 1949 г., в «Травиате» Дж. Верди в 1949 г., в «Фаусте» Гуно в 1951 г.¹⁴⁰.

Звезда балета Елена Полякова, прежде чем покорить Белград, немало поработала на столичной словенской сцене, в частности поставила хореографию в опере Л. Делиба «Лакме» в 1922 г.¹⁴¹.

Вместе с ней в историю Словенского театра вошло имя замечательного хореографа М. Туляковой. В частности, в 1926 г. она работала над операми В. А. Моцарта «Свадьба Фигаро» и Ф. Галеви «Жидовка»¹⁴². Известна ее хореография и в опереттах, например в «Марице» И. Кальмана в 1926 г.¹⁴³.

Еще одно имя — звезда балета Ольга Орлова. В 1953 г. она поставила хореографию к опере К. В. Глюка «Ифигения на Тавриде»¹⁴⁴.

И, наконец, Маргарита Фроман. Много сделавшая в области хореографии для оперы и балета в Хорватии, она в 1931 г. выступила как режиссер и хореограф в «Коштане» П. Коньовича¹⁴⁵.

В начале 1920-х гг. в Любляне был известен ценителям оперы и В. С. Севастьянов, режиссер таких спектаклей, как «Кармен» Ж. Бизе в 1922 г., «Мадам Баттерфляй» Дж. Пуччини в 1922 г., «Пастушка Дже-нуфа» Л. Яначека в 1922 г., «Севильский цирюльник» Д. Россини в 1922 г.,

«Никола Шубич Зрински» И. Зайца в 1923 г., «Миньон» Т. Амбруза в 1923 г., «Евгений Онегин» П. И. Чайковского в 1923 г., «Царская невеста» Н. А. Римского-Корсакова в 1924 г., «Травиата» Дж. Верди в 1924 г.¹⁴⁶

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. на столичной сцене словенской оперы режиссером работал Б. Кривецкий, с именем которого связаны спектакли «Евгений Онегин» П. И. Чайковского в 1929 г., «Черные маски» М. Когоя в 1929 г., «Шванда Дудак» Я. Вайнбергер в 1929 г., «Эрнани» Дж. Верди в 1929 г., «Богема» Дж. Россини в 1930 г., «Валькирия» Р. Вагнера в 1929 г., «Норма» В. Беллини в 1930 г., «Лоэнгрин» Р. Вагнера в 1930 г.¹⁴⁷

Пробовал себя в опере в привычной роли режиссера и Б. Путята, поставив «Бориса Годунова» М. П. Мусоргского в 1921 г. и «Майскую ночь» Н. А. Римского-Корсакова в 1924 г.¹⁴⁸

Все это позволяет с полным правом утверждать, что русские мастера немало способствовали развитию оперного искусства не только в Белграде, но и в европейских Любляне и Мариборе.

Теперь очередь Нови-Сада, где оперная труппа в сербском театре была создана благодаря увиденному искусству оперных певцов и певиц, гостивших в этом городе. Культурная столица Воеводины не могла уже существовать без оперы. За 1920–1925 гг. новосозданная труппа представила свыше 20 оперных спектаклей. Подчеркну, что ее большинство составляли русские из оперных театров Варшавы, Киева, Москвы, Одессы, Санкт-Петербурга, Тифлиса, «принятые по контракту или приезжавшие на гастроли из Белграда»¹⁴⁹. В частности, некоторое время солистом оперы выступал внук гвардейского офицера Василий Сергеевич Ширай, баритон¹⁵⁰. Дирижерами были Петр Иванович Колпиков и симферополец Федор Иванович Селинский¹⁵¹. Последний после закрытия нови-садской оперы переехал в Белград, играл на скрипке в оркестре Народного театра. После основания «Радио Белград» стал руководителем радиооркестра, позже и эстрадного оркестра¹⁵².

Среди местных певцов можно назвать Надежду Архипову, Николая Баранова, Веру Горскую, Антонину Трегубову, Марию Ванифатову (урожд. Шевченко), Александру Флегинскую, Сергея Усова, вспомнить инструментальное трио — скрипач Павел Фигуровский, виолончелист Петр Пожариский, София Полетика, фортепиано¹⁵³. Некоторое время там пел артист Александр Михайлович Траснянский (ок. 1884 — 24.6.1936, Париж), выступавший до революции с Собиновым в концертах. Участник Гражданской войны. Покинув Россию, обосновался в Нови-Саде. В 1924 г. уехал в Италию, был четыре года регентом флорентийского собора, потом перебрался в Париж¹⁵⁴.

Благодаря исследованию Несибы Палибрк-Сукич можно говорить о русских оперных артистах и артистках в Панчеве.

Первая встреча жителей этого города с русским искусством состоялась благодаря опять-таки опере. Так, в сентябре 1919 г. в Панчеве блестяще выступила Татьяна В. Никанова (аккомпаниатор Мария Кригина). Назову еще ряд имен: А. И. Бобраховас, Юршевская, Лузанова, Марк Марков, Вольевач, Холодков, Юренев, Марьяшец, братья Слатины¹⁵⁵.

18 сентября 1921 г. там гастролировали русские мастера с оперой «Евгений Онегин» в исполнении Викинского, Ф. В. Павловского, В. Нелидова, Де Спирел, Кучеровой¹⁵⁶.

С этим городом связаны и жизнь, и творчество замечательной певицы Фатимы Федоровны Полибиной, выступавшей раньше, в то — дореволюционное — время, в оперных спектаклях в Москве. Пела на сербском, польском, румынском, турецком языках. В сентябре 1920 г. она открыла концертный сезон. Выступала тогда вместе с балериной Ниной Хитрово и пианистом Покровским. На концерте пела арию из «Пиковой дамы» и вне программы исполнила романсы, восторженно принятые публикой¹⁵⁷. Правда, потом в местной газете «Панчевац» ей все же советовали обновить репертуар: «Хабанера» и романс «Жить будем жить» изрядно приелись¹⁵⁸.

Много раз гостил в Панчево Павел Холодков. В 1925 г. он выступал в «Травиате» вместе с дирижером М. Слатиным и режиссером В. Туринским, Софией Давыдовой в роли Виолетты и С. Полич в роли Фиоры. Свой первый собственный концерт в Панчево Холодков отметил 4 октября 1936 г. в концертном зале отеля «Эспланада». Программа включала «Пролог» из «Паяцев» Леонкавалло, арию из «Князя Игоря» Бородина, «Романс» Чайковского, «Куплеты тореадора» из «Кармен». Его пианистом был знакомый уже Алексей Алексеевич Бутаков (Петербург, 1907–?), окончивший в 1924 г. русско-сербскую гимназию в Белграде и музыкальную школу им. С. Мокраньца по классу фортепиано. На своем последнем концерте из мирного времени играл с оркестром концерт Римского-Корсакова и клавирский квинтет Дворжака¹⁵⁹.

В 1925 г. в Панчеве были сыграны еще три оперы. «Севильский цирюльник», в которой публика впервые познакомилась с солисткой Драусель, «Мадам Баттерфляй» (дирижер И. Слатин, режиссер В. Туринский) с Лизой Поповой в главной роли. «Панчевац» писал, что ее голос «мягкий, звонкий и чистый, как кристалл, звучал мило и тепло». Потом была «Травиата» с дирижером Слатиным и режиссером Туринским.

Оперы ставились в «Трубаче», зала которого не была приспособлена к оперным постановкам. На эту тему 19 августа 1925 г. «Народна слога», прося извинения за недостатки провинциальной сцены, писала: «Господа актеры много старались, чтобы указать на недостатки нашей сцены, что было видно по проскальзывавшей ироничной усмешке, которая не имела связи с ролью, в то время как госпожа Попова, которая

пела на настоящей русской сцене, дала всю себя, не обращая внимания на местный антураж»¹⁶⁰.

Пожалуй, лучше всего о русском оперном пении и его восприятии в Панчево сказано в «Панчевце» в связи с концертом в апреле 1922 г. Вольевач и Павловского: «Русские мастера искусств содействовали тому, что сейчас и у нас культивируются лучшие произведения музыкального искусства. Госпожа Волевач и на этот раз очаровала нашу публику своей бриллиантовой колоратурой. „Волшебную флейту“, „Риголетто“ и „Травиату“ спела со свойственной ей виртуозностью, но особенное впечатление произвела в пении „Баюшки-баю“ Гречанинова. Господин Павловский и на этот раз оставлял впечатление, что все партии пел слишком низко. Кроме того, ни выбор его программы нельзя признать удачным, для нашей публики Римский-Корсаков — слишком классичен, а „Im Treibhause“ Вагнера — слишком тяжел, она бы охотнее слушала „Демона“ Рубинштейна... Из дуэтного исполнения весьма понравились „Севильский цирюльник“ и „Травиата“»¹⁶¹.

После войны русские имена не исчезли с музыкально-оперного горизонта. С 1949 г. в Нови-Саде работал композитор и педагог Николай Николаевич Петин, выпускник первого русского великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса в Белой Церкви и музыкальной академии в Белграде, участник народно-освободительной борьбы в северном Банате. Его сочинения известны в Англии, Франции, Германии, России, США и других странах. Он лауреат многочисленных наград, в частности обладатель почетного диплома Музыкального биографического центра в Кембридже (1977), медали международного академического фонда «Альберт Эйнштейн» (1990). В 1957 г. солисткой в труппу новосадской оперы была принята окончившая белградскую музыкальную академию Елена Алексеевна Ечменица (урожд. Никифорова). Исполнила десятки ролей в операх и опереттах. Десять лет преподавала вокал. Пользовалась популярностью и как исполнительница наших непревзойденных по настроению русских песен и романсов¹⁶².

И в завершение одна скучная, а следовательно, таящая в себе некую истину, сентенция: мастера приходят и уходят, а искусство живет. То же можно сказать и о русских певцах и певицах: мастерство их живет в голосах нынешних поколений, память о них вошла в историю.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Турлаков С. Руски уметници у Београду // Руси без Русије Српски Руси / Изд. Д. Јанићијевић, З. Шлавик. Београд, 1994. С. 28.

² Там же. С. 33.

³ Там же. С. 29.

- 4 *Мосусова Н.* Руска уметничка емиграција и музичко позориште у Југославији између два светска рата // Руска емиграција у српској култури XX века. Зборник радова. В 2-х т. Београд, 1994. Т. II. С. 145.
- 5 *Павловић М.* Институализовања опере (и балета) у народном позоришту у Београду и руски уметници // Руска емиграција. С. 161.
- 6 *Театрал.* Русское искусство в Королевстве С. Х. С. // Призыв. Белград, 1926. № 4. Июль. С. 48.
- 7 Там же.
- 8 Там же. С. 47–48.
- 9 *Турлаков С.* Руски уметници... С. 26.
- 10 *Петровић В.* Руски оперски певачи и београдска музичка критика и публика // Руска емиграција. С. 176.
- 11 *Турлаков С.* Руски уметници... С. 26.
- 12 Там же.
- 13 Там же. С. 33.
- 14 *Театрал.* Русское искусство в Королевстве С. Х. С. С. 46; *Арсењев А.* Биографски именик руских емиграната // Руска емиграција. С. 293.
- 15 *Турлаков С.* Руски уметници... С. 28, 34; *Театрал.* Русское искусство в Королевстве С. Х. С. С. 46; *Арсењев А.* Биографски именик... С. 237.
- 16 *Павловић М.* Институализовања опере (и балета)... С. 158.
- 17 *Театрал.* Русское искусство в Королевстве С. Х. С. С. 46; *Турлаков С.* Руски уметници... С. 28.
- 18 *Палибрк-Сукић Н.* Руске избеглице в Панчево 1919–1941. Панчево, 2005. С. 72.
- 19 *Арсењев А.* Биографски именик... С. 253.
- 20 *Незабытые могилы.* Российское зарубежье: некрологи 1917–1997 в шести томах. М., 1999. Т. 1. С. 181.
- 21 *Петровић В.* Руски оперски певачи... С. 174.
- 22 *Арсењев А.* Биографски именик... С. 253.
- 23 *Петровић В.* Руски оперски певачи... С. 174.
- 24 *Театрал.* Русское искусство в Королевстве С. Х. С. С. 46.
- 25 *Петровић В.* Руски оперски певачи... С. 174.
- 26 *Арсењев А.* Биографски именик... С. 253.
- 27 *Петровић В.* Руски оперски певачи... С. 174.
- 28 *Арсењев А.* Биографски именик... С. 253.
- 29 *Петровић В.* Руски оперски певачи... С. 173.
- 30 *Театрал.* Русское искусство в Королевстве С. Х. С. С. 46.
- 31 *Турлаков С.* Руски уметници... С. 34; *Незабытые могилы...* 2004. Т. 4. С. 250.
- 32 *Новое время.* 09.7.1927. № 1853. С. 3.
- 33 *Павловић М.* Институализовања опере (и балета)... С. 172; *Арсењев А.* Биографски именик... С. 274;
- 34 *Павловић М.* Институализовања опере (и балета)... С. 158; *Арсењев А.* Биографски именик... С. 301.
- 35 *Новое время.* 18.11.1925. № 1368. С. 3.
- 36 *Турлаков С.* Руски уметници... С. 34; *Незабытые могилы...* 2005. Т. 6. Кн. I. С. 388.

- 37 Новое время. 09.7.1927. № 1853. С. 3.
38 *Турлаков С.* Руски уметници... С. 26.
39 *Театрал.* Русское искусство в Королевстве С. Х. С. С. 46.
40 *Петровић В.* Ксенија Роговска-Христић // Руси без Русије. С. 58.
41 Там же. С. 62.
42 Там же. С. 63.
43 Там же. С. 66.
44 Там же.
45 Там же. С. 69.
46 Там же. С. 72.
47 *Турлаков С.* Руски уметници... С. 37; *Петровић В.* Руски оперски певачи... С. 174; *Арсењев А.* Биографски именик... С. 319.
48 *Театрал.* Русское искусство в Королевстве С. Х. С. С. 46; *Арсењев А.* Биографски именик... С. 257; *Турлаков С.* Руски уметници... С. 34; Незабутые могилы... 1999. Т. 2. С. 625.
49 Новое время. 14.6.1928. № 2133. С. 3.
50 *Театрал.* Русское искусство в Королевстве С. Х. С. С. 46–47; *Арсењев А.* Биографски именик... С. 261.
51 *Турлаков С.* Руски уметници... С. 37; Незабутые могилы... 1999. Т. 1. С. 184.
52 *Театрал.* Русское искусство в Королевстве С. Х. С. С. 47.
53 *Петровић В.* Руски оперски певачи... С. 173.
54 *Арсењев А.* Биографски именик... С. 262.
55 *Петровић В.* Руски оперски певачи... С. 173.
56 *Турлаков С.* Руски уметници... С. 38.
57 Новое время. 28.2.1922. № 253. С. 3.
58 *Петровић В.* Руски оперски певачи... С. 173.
59 *Арсењев А.* Биографски именик... С. 262.
60 *Петровић В.* Руски оперски певачи... С. 173.
61 Там же.
62 *Турлаков С.* Руски уметници... С. 26.
63 *Арсењев А.* Биографски именик... С. 278.
64 *Турлаков С.* Руски уметници... С. 26.
65 Там же.
66 *Петровић В.* Руски оперски певачи... С. 173.
67 *Арсењев А.* Биографски именик... С. 278.
68 *Турлаков С.* Руски уметници... С. 37.
69 *Арсењев А.* Биографски именик... С. 293.
70 *Турлаков С.* Руски уметници... С. 37.
71 *Арсењев А.* Биографски именик... С. 293.
72 *Театрал.* Русское искусство в Королевстве С. Х. С. С. 47.
73 Там же.
74 *Турлаков С.* Руски уметници... С. 34
75 Новое время. 20.4.1929. № 2391. С. 3.
76 *Палибрк-Сукић Н.* Руске избеглице... С. 68.
77 *Р.* Русское искусство в Югославии // Часовой. 5.6.1939. № 236–237. С. 32.
78 Русский Дом имени императора Николая II. Белград, 1933. С. 19.

- 79 Там же. С. 19–20.
- 80 Там же. С. 21.
- 81 Россия и славянство. 4.3.1933. № 217. С. 4.
- 82 Турлаков С. Руски уметници... С. 42.
- 83 Конради Д. Русские эмигранты в музыкальной жизни Белграда // Новое русское слово. 22.9.1982.
- 84 Александров Е.А. Русские в Северной Америке. Биографический словарь. Хэмден; Сан-Франциско; СПб., 2005. С. 47.
- 85 http://www.xx13.ru/kadeti/kp20_25.htm
- 86 Петровић В. Руски оперски певачи... С. 172.
- 87 Арсењев А. Биографски именик... С. 288; Турлаков С. Руски уметници... С. 28, 33; Незабутые могилы... 2004. Т. 5. С. 308.
- 88 Театрал. Русское искусство в Королевстве С. Х. С. С. 45–46.
- 89 Цит. по: Павловић М. Институализовања опере (и балета)... С. 160–161.
- 90 Театрал. Русское искусство в Королевстве С. Х. С. С. 43.
- 91 Там же. С. 42–43.
- 92 Новое время. 13.5.1921. № 16. С. 3.
- 93 Там же. 20.2.1923. № 545. С. 4.
- 94 Арсењев А. «Показаћемо да и овде, далеко иза граница отаџбине, живи моћ стварања...» // Руски уметници у Краљевини Југославији // Зборник матице српске за сценске уметности и музику. Нови Сад, 1994. Вып. 15. С. 205.
- 95 Там же. С. 206; Незабутые могилы... Т. 6. Кн. 2. М., 2006. С. 22.
- 96 Полчанинов Р. Встречи в Югославии // Новый журнал. Нью-Йорк, 1997. № 208. С. 270.
- 97 Палибрк-Сукић Н. Руске избеглице... С. 69.
- 98 Новое время. 29.12.1921. № 206. С. 4.
- 99 Puškadija-Ribkin T. Emigranti iz Rusije u znanstvenom i kulturnom životu Zagreba. Zagreb, 2006. S. 152.
- 100 Там же. S. 152–153.
- 101 Новое время. 21.5.1921. № 23. С. 3.
- 102 Там же. 14.9.1922. № 415. С. 3.
- 103 Там же. 20.4.1929. № 2391. С. 3.
- 104 Там же. 01.11.1923. № 530. С. 3.
- 105 Puškadija-Ribkin T. Emigranti iz Rusije. S. 148.
- 106 Там же. S. 150.
- 107 Там же. S. 164.
- 108 Там же. S. 157.
- 109 Там же. S. 163.
- 110 Там же. S. 166.
- 111 Новое время. 14.8.1921. № 92. С. 4.
- 112 Арсењев А. «Показаћемо да и овде, далеко иза граница отаџбине, живи моћ стварања...». С. 202.
- 113 Ушедшая Люблина // Новое русское слово. 17.8.1975. С. 18.
- 114 Repertuar slovenskih gledališč 1867–1967 popis premier in obnovitev. Ljubljana, 1967. S. 205, 208, 210, 214, 223, 231, 241, 243, 244, 248, 250, 255, 258, 269, 274, 275, 446, 448–449, 452, 455, 462, 466; Repertuar slovenskih gledališč

- 1967–1972 popis premier in obnovitev. Ljubljana, 1973. S. 137, 140, 142; Repertuar slovenskih gledališč 1972–1977 popis premier in obnovitev. Ljubljana, 1978. S. 13–14; Repertuar slovenskih gledališč 1977–1982 popis premier in obnovitev. Ljubljana, 1982. S. 11, 42; Repertuar slovenskih gledališč 1982–1987 popis premier in obnovitev. Ljubljana, 1987. S. 13–14, 15, 44, 45; Repertuar slovenskih gledališč 1987/88–1991/92 popis premier in obnovitev. Ljubljana, 1992. S. 18, 25–26, 53–54, 57.
- 115 Repertuar slovenskih gledališč 1867–1967... S. 210, 214, 215, 218, 221, 226, 238, 250, 253, 272, 448, 449, 451, 454, 455; Repertuar slovenskih gledališč 1967–1972... S. 141; Repertuar slovenskih gledališč 1977–1982... S. 41.
- 116 Repertuar slovenskih gledališč 1867–1967... S. 234, 255, 264, 272, 274, 451; Repertuar slovenskih gledališč 1972–1977... S. 11; Repertuar slovenskih gledališč 1982–1987... S. 13.
- 117 Repertuar slovenskih gledališč 1867–1967... S. 210, 218–221, 233, 238, 241, 258, 259, 264, 276; Repertuar slovenskih gledališč 1967–1972... S. 142; Repertuar slovenskih gledališč 1972–1977... S. 11, 12; Repertuar slovenskih gledališč 1987/88–1991/92... S. 19.
- 118 Repertuar slovenskih gledališč 1867–1967... S. 225, 253, 275, 456; Repertuar slovenskih gledališč 1977–1982... S. 13.
- 119 Repertuar slovenskih gledališč 1867–1967... S. 255.
- 120 Repertuar slovenskih gledališč 1982–1987... S. 14.
- 121 Repertuar slovenskih gledališč 1867–1967... S. 220, 263, 269, 273, 460, 465; Repertuar slovenskih gledališč 1967–1972... S. 138; Repertuar slovenskih gledališč 1972–1977... S. 38; Repertuar slovenskih gledališč 1977–1982... S. 13, 14; Repertuar slovenskih gledališč 1982–1987... S. 17, 42.
- 122 Repertuar slovenskih gledališč 1867–1967... S. 235.
- 123 Repertuar slovenskih gledališč 1867–1967... S. 271, 454; Repertuar slovenskih gledališč 1967–1972... S. 139; Repertuar slovenskih gledališč 1987/88–1991/92... S. 51.
- 124 Repertuar slovenskih gledališč 1972–1977... S. 14.
- 125 Repertuar slovenskih gledališč 1977–1982... S. 40.
- 126 Письмо П.В. Борисова автору от 9.8.2007 // Архив автора.
- 127 Repertuar slovenskih gledališč 1867–1967... S. 231.
- 128 Там же. S. 225, 235, 246–248, 252, 254.
- 129 Там же. S. 253.
- 130 Там же. S. 231, 252.
- 131 Там же. S. 226.
- 132 Там же. S. 222.
- 133 Там же.
- 134 Там же. S. 223.
- 135 Там же. S. 450.
- 136 Например, в «Шванде Дудак» Я. Вайнбергера в 1929 г., в «Князе Игоре» А.П. Бородин в 1930 г., в 1963 г., у Н.А. Римского-Корсакова в «Снегурочке» в 1931 г., в 1943 г., у Ж. Бизе в «Кармен» в 1931 г., в 1934 г., в 1940 г., в 1942 г., у Ж. Массне в «Таис» в 1942 г., у К.В. Глюка в «Орфее и Эвридике» в 1942 г., у Я. Готоваца в «Моране» в 1933 г., у К. Сен-Санса в «Самсоне и

- Далиле» в 1933 г., у С. Монюшко в «Гальке» в 1933 г., у М.П. Мусоргского в «Хованщине» в 1934 г., в 1937 г., в «Адриане Лекуврер» Ф. Чилеа в 1940 г., у Д. Швары в «Клеопатре» в 1940 г., в опере «Жизнь коротка» у Мануэля де Фалья в 1935 г., в «Дон Кихоте» Ж. Массне в 1938 г., в 1941 г., в «Фаусте» Ш. Гуно в 1935 г., в 1941 г., в опере — Audran Edmond «La Mascotte» в 1930 г., в «Обручении в монастыре» С.С. Прокофьева в 1960 г., в «Царе Калояне» П. Владигерова в 1937 г., в «Амазонках» В. Пармы в 1937 г., в «Сказках Гофмана» Ж. Оффенбаха в 1934 г., в 1946 г., в «Луизе» Г. Шарпантье в 1931 г., в «Джоконде» А. Пончелли — Repertuar slovenskih gledališč 1867–1967... S. 223, 225, 275, 226, 250, 228, 232–233, 244, 249, 248, 230, 231, 231–232, 233, 238, 264, 243, 244, 234, 241, 246, 235, 245, 225, 270, 239, 239, 233, 254, 226, 240.
- ¹³⁷ Например, «Die blume von Hawai» П. Абрахама в 1933 г., в «Izgubljenom valceke» Р. Штольца в 1934 г., в «Изумрудном сердце» Головина-Гресерова соавторстве с Б. Лесковицем в 1938 г., «На голубом Ядрани» Е. Gloza в 1938 г., в «Осенних маневрах» И. Кальмана в 1939 г., «Граф Люксембург» Ф. Легара в 1940 г., «Мелодии сердца» Я. Грегорца в 1943 г., «Принцесса и змей» Головина-Гресерова в соавторстве с Я. Грегорцем в 1941 г., «Мадемуазель Нитуш» Ф. Эрве в 1935 г., «Свадьба Фигаро» Моцарта в 1929 г., «Ночь в Венеции» И. Штрауса в 1929 г., «Долларовая принцесса» Л. Фалла в сотрудничестве с Повхе в 1930 г., «Веселая война» Й. Штрауса в 1930 г., «Боккаччио» Ф. Зуппе в 1935 г., «Двойная бухгалтерия» Б. Грюна в 1936 г., в «Робинзонаде» Ж. Оффенбаха в 1932 г. — Repertuar slovenskih gledališč 1867–1967 popis premier in obnovitev. Ljubljana, 1967. S. 232, 233, 240, 231, 242, 244, 250, 245, 235, 222, 224, 225, 225, 234, 236, 229.
- ¹³⁸ Repertuar slovenskih gledališč 1867–1967... S. 255, 255, 254.
- ¹³⁹ Там же. S. 253, 251, 233, 252.
- ¹⁴⁰ Там же. S. 448, 449, 450.
- ¹⁴¹ Там же. S. 211.
- ¹⁴² Там же. S. 218, 219.
- ¹⁴³ Там же. S. 218.
- ¹⁴⁴ Там же. S. 262.
- ¹⁴⁵ Там же. S. 228.
- ¹⁴⁶ Там же. S. 211, 213, 214.
- ¹⁴⁷ Там же. S. 223, 224, 225.
- ¹⁴⁸ Там же. S. 210, 215.
- ¹⁴⁹ Арсеньев А. У излуцины Дуная. Очерк жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999. С. 43, 44.
- ¹⁵⁰ Арсеньев А. «Показаћемо да и овде, далеко иза граница отаџбине, живи моћ стварања...». С. 197.
- ¹⁵¹ Арсеньев А. У излуцины Дуная... С. 43, 44.
- ¹⁵² Арсеньев А. «Показаћемо да и овде, далеко иза граница отаџбине, живи моћ стварања...». С. 205.
- ¹⁵³ Арсеньев А. У излуцины Дуная... С. 50.
- ¹⁵⁴ Незабывтые могилы... М., 2006. Т. 6. Кн. 2. С. 441.
- ¹⁵⁵ Палибрк-Сукић Н. Руске избеглице... С. 67, 68.

- 156 Там же. С. 73.
157 Там же. С. 68, 69.
158 Там же. С. 70.
159 Там же.
160 Там же. С. 73, 74.
161 Там же. С. 72.
162 *Арсеньев А.* У излуцины Дуная... С. 185, 186.

Л. Н. Будагова
(Москва)

Аполлинер в чешской и польской поэзии (К 90-летию со дня смерти)

В его судьбе много парадоксального. Вернувшийся израненным, но живым с фронтов Первой мировой войны, он умер под мирным небом Парижа во время эпидемии испанки 9 ноября 1918 г., прожив всего 38 лет и не успев насладиться уже подступавшей к нему славой. Способный на глубокие и искренние чувства, давшие жизнь множеству лирических стихов, он испытал в отношениях с женщинами массу разочарований и был не слишком-то счастлив в любви.

Горло сжала тоска тебе обручем острым своим,
Словно ты никогда уже больше не будешь любим.

<...>

В двадцать лет ты страдал от любви, в тридцать
тоже страдал.

Как безумец я жил и напрасно время терял...

(«Зона»; здесь и далее перевод М. Кудинова)

Внебрачный сын «русской польки Костровицкой», родившийся в Риме, выросший в Монако и долго добивавшийся французского гражданства, он прославил Францию XX столетия как один из крупнейших ее поэтов, во многом предопределив выбор пути, которым пошла современная европейская поэзия.

Сформулированные им в реферате «Новое сознание и поэты» (опубликован посмертно в 1918 г.) принципы этого «нового сознания», способного оперативно реагировать на изменчивую реальность и меняться под ее воздействием, обозначили важные стилевые особенности поэзии наступающего века, гораздо более раскованной в мыслях, чувствах и более свободной по форме, чем поэзия прошлого. Статью Аполлинера, где он делился личным опытом, поощрял творческую смелость, обосновывал целесообразность и мотивы непривычных художественных приемов, отвечавших новому мироощущению, можно считать одним из манифестов поэзии XX в. Статья столь же важна для ее развития, как и футуристические манифесты Филиппо Томазо Маринетти. Дерзкие и скандальные, как и другие проявления футуризма, они были весьма полезны своими инициативами, стимулируя эмансипацию художника от традиционной культуры. Подавлявшая своими достижениями, она сдержива-

ла творческий поиск. Стремясь преодолеть не только ее недостатки, но и ее достоинства, ее власть над людьми (а этот момент обычно ускользает от внимания исследователей), — футуристы пускали в ход крайние средства, осыпая ее бранью и безоглядно устремляясь вперед, к новым горизонтам.

В сходном направлении действовал и Аполлинер, но более осмотрительно и разумно, не отвергая старую культуру и не опустошая современников нигилизмом. Статья Аполлинера, перекликаясь с футуристическими манифестами, скрыто полемизировала с ними.

Один из показателей развития искусства вообще и поэзии в частности — это изменение соотношений между «сектором свободы» и «сектором необходимости» (Д. С. Лихачев) в пользу «сѣктора свободы», т. е. расширение пределов допустимого в творчестве. Как Маринетти, так и Аполлинер способствовали этому, обращая, в частности, внимание на новые впечатления, ритмы и скорости все более многообразной жизни, требующие более свободного, чем прежде, обращения художника со словом, мотивом, образом, управляемыми не логическим, а ассоциативным мышлением. Именно новой реальностью аргументирует Маринетти свой знаменитый принцип «освобожденных слов» («слов на свободе»), подхваченный разными авангардными течениями и видоизменившийся стиль современной поэзии, в том числе за счет освобождения текстов от «буфера логических переходов» и необязательных лексем. «Скорость открыла нам новые знания о жизни, поэтому надо распрощаться со всеми этим „похожий на, как, такой как, точно так же как“ и т. д. [...] Новый стиль будет создан на основе самых широких ассоциаций. Он впитает в себя все многообразие жизни. Это будет стиль разноголосый и многоцветный, но очень гармоничный» (Т. Ф. Маринетти. «Технический манифест футуристической литературы», 1912)¹. «Воображение поэта должно связывать отдаленнейшие вещи, без направляющей нити, посредством существующих слов, которые при этом абсолютно свободны»².

Сходными мыслями руководствовался и Аполлинер, обосновывая «универсальную свободу» творчества (со всей ее непредсказуемостью) новой реальностью. «Что касается материала и средств искусства, мы вправе ожидать невообразимой по изобилию свободы. Поэты нынче приучаются к этой универсальной свободе. В смысле вдохновения их свобода не должна уступать свободе ежедневной газеты, которая на своей странице толкует о самых различных предметах, обозревает самые отдаленные страны. Спрашивается, почему поэт не может обладать свободой, хотя бы тождественной, и почему в эпоху телефона, беспроводного телеграфа и авиации он должен больше других робеть перед расстояниями [...] Новое сознание — это сознание той самой эпохи, в

которой мы живем. Эпохи, изобилующей неожиданностями» (Г. Аполлинер. «Новое сознание и поэты», 1918) ³.

Однако Аполлинеру был чужд тот авангардный экстремизм, которым отличался вождь итальянского футуризма. Французский поэт не отвергал принципы здравомыслия и гармонии, на которых базировалась поэтика традиционного искусства. Его творчество в целом и в отдельных произведениях — это, в основе своей, тот искомый синтез старого и нового, к которому многие представители европейского авангарда приходили лишь с годами через стадию интенсивного эксперимента. Маринетти объявляет войну традиционному здравомыслию, отвергает культуру прошлого: «Давайте вырвемся из насквозь прогнившей скорлупы здравого смысла», «Мы вдребезги разнесем все музеи, библиотеки» ⁴. Аполлинер подчеркивает непреходящую ценность традиционного искусства и его нравственно-эстетических функций: «Возникающее новое сознание намерено прежде всего унаследовать от классиков твердое здравомыслие, убежденный критический дух, цельный взгляд на мироздание и человеческую душу, а также чувство долга, которое очищает эмоции и ограничивает, или, точнее, сдерживает их проявления» ⁵.

В предисловии к аполлинеровской антологии «Алкоголь жизни», изданной в Праге в 1965 г., Милан Кундера отмечал, что на новые приметы цивилизации, на мчащиеся поезда, аэропланы, телеграфные столбы, Аполлинер смотрел из окон старинного замка на Рейне, где в свои двадцать лет служил воспитателем в семье немецких аристократов. Упоение научно-техническим прогрессом не ослабило тяготение его романтической души к самым разным пластам богатейшей культуры прошлого. Поэтому он решительно отмечает «крайности итальянского и русского футуризма — эти неумные порождения нового сознания». «Франции беспорядок претит, — провозглашает он в своей статье. — Здесь охотно возвращаются к истокам, но испытывают отвращение к хаосу» ⁶. Правда, Аполлинер тоже поставил свою подпись под футуристическим манифестом. Однако, как считают исследователи, это «почти исключительно акт вежливости к итальянскому коллеге, хорошая шутка, настолько абсурдная, что даже освобождает от всякой ответственности. [...] Друзья Аполлинера осознавали это, так что, когда этот неутомимый книжник и одержимый любитель словарей и старых изданий, соавтор каталога целого обширного отдела Национальной библиотеки, призывал вместе с Маринетти или хотя бы делал вид, что призывает, поскольку трясаясь от внутреннего смеха и прикрывая рот ладонью, подписался под его лозунгом „Сжечь библиотеки и музеи!“, вместе с ним смеялись и они, ничуть не ставя ему это в вину. Понимают это и современные исследователи Аполлинера, поскольку подлинной декларацией считают только текст реферата, прочитанного после возвращения с

фронта, в период полной поэтической зрелости <...>. Только этот реферат, озаглавленный „Новые веяния и поэты“ (в других русских изданиях „Новое сознание и поэты“. — Л. Б.) является чем-то вроде поэтического завещания Аполлинера, подписанного всем его творчеством»⁷.

Из всех славянских народов раньше других поэтический гений Аполлинера распознали поляки и чехи. На русскую послереволюционную почву по причинам изоляции советской литературы от «влияний буржуазного Запада» его поэзия проникла с большим опозданием, только после выхода в Ленинграде в 1937 г. сборника «Французские лирики 19 и 20 веков», составленного Бенедиктом Лившицем. Однако русские советские поэты, как можно предположить, узнали его гораздо раньше. Об этом говорит хотя бы упоминание об Аполлинере в стихотворении В. Маяковского «Париж. Разговорчики с Эйфелевой башней» (конец 1920-х гг.). Дождавшись, когда к нему, «большевику, на явку» выйдет из парижского «тумана» знаменитая башня, он предлагает ей «возглавить восстание»:

...Башня —
мы
вас
выбираем вождем!
Не вам —
образцу машинного гения —
здесь таять от аполлинеровских вирш...

Судя по отрывку, Маяковский знал самое знаменитое произведение Аполлинера, поэму «Зона», открывавшую сборник «Алкоголи» (1913), хотя на русском языке она появится только в 1967 г., и даже полемизировал с ней, по крайней мере с образом Эйфелевой башни. Та возникает в первых же строках поэмы Аполлинера как яркая примета города, о котором пойдет речь. Она является в окружении мостов и напоминает собой мирную пастушку среди овец:

A la fin tu es las de ce mond ancien
Bergère ô tour Eiffel le troupeau des ponts bêle ce matin...

Маяковский мечтает сделать из нее революционерку, которая бы разворотила «с верхушки и до низу» «Париж проституток, поэтов, бирж» и переехала бы в СССР. Поэзию же Аполлинера он презрительно именуется «виршами».

В межвоенных славянских странах на западноевропейскую культуру в то время смотрели — в отличие от Страны Советов — без предрасудков и незашоренными глазами, что видно на польских и чешских примерах.

Польша, по праву гордившаяся своей причастностью к генеалогии Аполлинера, уступила в пропаганде его творчества пальму первенства Чехии. Там он стал настоящим кумиром молодых поэтов разных взглядов и истинным субъектом чешской поэзии, участвуя в ее обновлении как живое действующее лицо. Так, лидер революционно-пролетарского направления Иржи Волькер, заявлявший, что классик Карел Яромир Эрбен ему ближе, чем авангардист Аполлинер⁸, тем не менее ценил его огромный талант («Он был таким великим поэтом»⁹), стремился включать его произведения в программу вечеров поэзии, «с наслаждением читал» его стихи, обращал на них внимание своих друзей. В письме от 22 августа 1923 г. из туберкулезного санатория в Татранской Полянке, где двадцатитрехлетний Иржи Волькер доживал свою короткую жизнь, он писал земляку из Простейова, с которым учился в одной гимназии, поэту В. Зеленому, уезжавшему в поисках работы во Францию: «В Париже вы скоро бегло овладеете французским. Достаньте произведения Гийома Аполлинера. Это колыбель современной поэзии. По крайней мере в сфере образности и формы»¹⁰. Без «великого Гийома», полагал лидер чешского авангарда Витезслав Незвал, «не было бы поэзии XX века». Без него «наш век топтался бы на месте и питался крохами со стола классиков, парнасцев или символистов» (1955)¹¹. Без него «топталась бы на месте» и чешская поэзия, о чем свидетельствуют роль, которую сыграл в ней Аполлинер. Там круг его влияний был значительно шире, чем в Польше, где многие увлекались футуризмом, поклонялись Маринетти и совсем в его духе призывали убрать с площадей и бульваров «мумии мицкевичей и словацких» (Бруно Ясенский). Сами же влияния были принципиальнее и глубже. Возможно, из-за того же стихийного отвращения к «хаосу», который вполне осмысленно отвергал Аполлинер, чешская поэзия, поэзия народа, особенно бережно — в силу исторических обстоятельств — относившаяся к своему культурному наследию, отдавала явное предпочтение не Маринетти с его нигилизмом к эстетике прошлого, а именно Аполлинеру, уважавшему «здравомыслие классиков». О французском поэте упоминали в статьях, писали стихи. Им вдохновлялись и ему откровенно подражали, осваивая его уроки мастерства.

Польша, быть может, в первую очередь интересовалась Аполлинером как личностью, как своим великим сородичем, кровная связь с которым делала ей честь (беллетризованная биография «Аполлинер» (1962) Юлии Хартвиг, мастерски воссоздавшей образ и круг общения поэта, обстоятельства его жизни и творчества; исследования А. Стерна о польских корнях Аполлинера см.: *Dom Apollinaire'a: rzecz o polskości i rodzinie poety*, Kraków, 1973). Чехия же рано оценила Аполлинера как реформатора стиха, расширившего его возможности. Поэзия Аполлинера, вероятно, оказалась созвучнее чешскому поэтическому авангарду 1920–1930-х гг. (поэтизму,

сюрреализму), чем исканиям польского футуризма и Краковского авангарда. Большую роль в пропаганде аполлинеровского творчества в межвоенной Чехословакии сыграл и неумный темперамент В. Незвала, всю жизнь восхищавшегося Аполлинером и не жалевшего в его адрес восторженных слов. Однако принципиальное значение его влияний на чешскую поэзию раскрывалось и осознавалось постепенно, вплоть до второй половины XX в., когда чешские литературоведы открыли в национальной поэзии особый жанр, восходящий к аполлинеровскому стихотворению «Зона» и получивший одноименное название. Вне зависимости от того, признавать ли «Зону» родоначальницей особого жанра (не зафиксированного ни в польской, ни во французской поэзии) или нет, бесспорно то, что под ее влиянием в чешской литературе утвердился новый, раскованный по форме политематический стих с произвольным чередованием мотивов. Он определил ту стилевую тенденцию чешской поэзии XX в., в которой воплотились принципы «нового поэтического сознания», выдвинутые французским поэтом в одноименной статье.

У «Зоны» есть и другие заслуги перед чешской культурой. Именно она, гениально переведенная Карелом Чапеком, возбудила в Чехии интерес к Аполлинеру. Ее перевод был опубликован 6 марта 1919 г. в сдвоенном номере (23–24) журнала С. К. Неймана «Червен». Трудно сказать, почему К. Чапек, выпустивший в 1920 г. «Антологию современной французской поэзии» в своих переводах, не включил ее в первое издание книги, где из Аполлинера опубликовал лишь два стихотворения — «Колокола» и «Осень на Рейне» (более распространенное название «Рейнская осень»). Может быть, К. Чапеку не сразу открылись ее достоинства? Нечто подобное пережил и В. Незвал, тоже не сразу оценивший «такую великую, — по его же признанию, — и гениальную вещь, как „Зона“». В неоконченных мемуарах «Из моей жизни» (1958) он вспоминал о впечатлении, которое произвела на него чапековская «Антология». Именно она помогла «Зоне» завоевать сердце Незвала, до того равнодушного к произведению. «Как сейчас вижу себя на Жофине в весенний день, я читаю захватывающую, яркую книгу стихов, которые благодаря Карелу Чапеку обрели у нас местожительство, и словно заново переживаю тот душевный подъем, которым наполнила мою мысль французская поэзия. Помню, еще в Тршебичи мне в руки попала „Зона“ Аполлинера в переводе Чапека с иллюстрациями его брата Йозефа и как вначале я не понял своего отношения к этому стихотворению, которое позднее полюбил самой роковой любовью. Теперь, когда „Колокола“ Аполлинера или его „Рейнская осень“ взволновали мое сердце, я вернулся к „Зоне“ и понял, что это лучшее стихотворение двадцатого столетия»¹². Ярослав Сейферт написал, что «„Зона“ стала судьбой послевоенного поколения, живым рубежом, который едва ли будет поколеблен» (1935)¹³.

«Зона» — исповедь и жизнеописание поэта, вылившиеся в бессюжетную композицию, слабо скрепленную мотивом парижских улиц, по которым бредет поэт, то и дело сворачивая с них в закоулки памяти, в свое прошлое, где живы эпизоды давних лет. Произведение это демонстрирует преимущества «нового поэтического сознания», как сознания раскованного, раскрепостившего память, воображение, лексику и структуру стиха. Здесь не мысль подчинялась форме, как в традиционной поэзии, фильтровавшей материал в угоду рифмам и размерам, а форма послушно следовала за мыслью. «Зона» написана свободным стихом с силлабической основой и простенькими парными рифмами, вызывавшими ассоциации с искусством примитива. Но эта внешняя простота — обманчива, она сродни непосредственности в воплощении многопланового содержания. «Свободный стих придал лирике свободный размах»¹⁴, — писал Аполлинер, как бы проясняя природу своих нетрадиционных композиций, к которым относилась и «Зона», которую сам автор назвал «поэмой о конце любви»¹⁵. Она тоже была создана по законам лирической поэзии, более непосредственной в воплощении материала, чем эпика. Присущие ей алогизм и фрагментарность были сейсмографическим воплощением непосредственности ассоциативного мышления, когда образы (впечатления, воспоминания) возникают не в хронологической последовательности, а вразнобой, вспышками, под влиянием непредсказуемых импульсов и настроений.

Будничные впечатления парижского пешехода (Эйфелева башня, стада мостов и автобусов, спешащий на работу и с работы трудовой люд, афиши, газеты, толпа эмигрантов-бедняков с жалким скарбом на вокзале Сен-Лазар — кто-то уедет за океан, кто-то осядет в трущобах окраинных парижских «зон», пристанище простонародья, — звон молочных бидонов на предрасветных улицах) периодически прерываются, чтобы дать место картинам детства и отрочества поэта, Средиземноморью, «лимонным рощам», мальчишеским забавам, путешествиям по европейским городам, любовной тоске, жажде нового рядом с приверженностью к вечно живым христианским ценностям:

Тебе надоела античность, ты жил среди римлян
и греков
Автомобили здесь кажутся чем-то отставшим
от века,
И только религия новою выглядит: вера в Христа,
Подобно ангарам аэропорта, проста.
В Европе одно христианство не покрывается пылью...

Искреннее уважение поэта, признававшего в своей детской набожности и «восторге от пышности богослужений», к религии не меша-

ет уравнивать по «простоте» христианскую веру с «ангарами аэропорта», а Иисуса Христа сравнить с летчиком-рекордсменом («Выше летчиков в небо летит, побивая всемирный рекорд высоты»).

Богатство впечатлений, обуревающих душу чувств размывало, расширяло строфу, разраставшуюся под их напором. Стих лился как живой поток, где варьировались разные мотивы, ракурсы; философские рефлексии сочетались с воспоминаниями, впечатления дня с эпизодами прошлого, яркие поэтические тропы с прозаизмами, связанный текст с отрывочным, фрагментарным, речь от первого лица с обращениями к самому себе («я» с «ты»).

В этом произведении ярко и наглядно реализовалась «универсальная свобода» мысли, не уступающая «свободе ежедневной газеты», без снобизма воспетой в «Зоне» наряду с уличными афишами:

Ты читаешь проспекты, читаешь афиши,
что громко поют:
Вот поэзия этого утра, а прозу в газетах прочтут.
25 сантимов за выпуск, где столько различных
событий,
Похождения сыщиков, снимки людей знаменитых,
и описанья открытий...

Необычное по стилю произведение было навеяно «эпохой, в которой мы живем», не робеющей перед расстояниями и «изобилующей неожиданностями». В ней автор легко менял время и место действия, смело использовал слова «загадочно запретные», считавшиеся «непоэтичными», преодолевал грань «между разговорным и литературным языком», обогащал поэтическую лексику «современными деталями»¹⁶. Но главным, что разглядели в стилистике Аполлинера и более всего ценили чешские собратья по перу, был «политематизм» как «Зоны», так и других его произведений, вызванный богатством мироощущения и сложностью жизни человека. «Аполлинер раскрепостил форму. Что ни фраза, то самостоятельное целое, поэтический образ, законченная тема. Эти фразы, эти темы Аполлинер располагает друг возле друга с фантастической изобретательностью, свободно, подчиняясь полетам воображения. <...> Иногда аполлинеровское скопище разных тем, каким всегда являются его стихи, представляет собой свободную лирическую, иногда — эпическую композицию, причудливую и фантастическую. Но идет ли речь о лирике или о произведении с фантастической фабулой, всегда перед нами вещь политематическая с оригинальными и, на первый взгляд, парадоксальными образами» (В. Незвал. «Современные поэтические направления», 1937)¹⁷.

«Зона» не только привлекла внимание чешских поэтов к творчеству Аполлинера, но и вызвала в их среде своеобразный «зоноцентризм», поро-

див серию близких по типу лиро-эпических произведений, выделенных позже в одноименный жанр¹⁸. Это «Святой Копечек» (сб. «Гость на порог», 1921); Иржи Волькера, «Один день дома» (1921) и «Новый Икар» (1929) Константина Библа, «Свадьба» Зденека Калисты (сб. «Святое семейство» 1927), поэма Витезслава Незвала «Акробат» (1927), точнее ее центральная вторая часть, поэма Вилема Завады «Панихида» (1927). К «зональным» стихотворениям можно отнести поэму «Эдисон» (1927) В. Незвала, его же композицию «В пяти минутах от города», открывающую одноименный сборник 1939 г. К ним относят и стихотворение Ф. Шрамека «Соботецкое кладбище» (сб. «Плотина», расширенное издание 1922 г.).

Эти разные по характеру, но всегда автобиографические произведения связывает исповедальность, линейность композиции (использование темы дороги, ходьбы, передвижения в качестве структурообразующего мотива, скрепляющего материал), содержательность относительно лаконичного текста, достигаемая с помощью фрагментарности, свободной комбинации мотивов, лирико-философских отступлений, что придает текстам более или менее выраженную политематичность.

Успех «Зоны» в Чехии можно объяснить не только особой прозорливостью чешских поэтов и критиков, сумевших раньше других оценить ее свободную форму, но и другими взаимосвязанными причинами. Одна — это ярко прозвучавшие в ней пражские мотивы. Вторая — блистательный перевод ее молодым Карелом Чапеком. Вполне возможно, что именно строки о Праге вдохновили К. Чапека на перевод «Зоны», а не близкого ей по типу произведения Блэза Сандрара «Пасха в Нью-Йорке», созданного как и «Зона» в 1912 г. Легко представить, как поразили Чапека, составителя и переводчика антологии французской поэзии, вдруг всплывшие в ее потоке достоверные и лирические картины родного города, не слишком-то избалованного, несмотря на свой «королевский» статус (Praga caput regia), вниманием зарубежных пиитов. Разве мог Чапек пройти мимо магических строк, навеянных пребыванием Аполлинера в Праге весной 1902 г., и произведения, их вобравшего? Разве мог не познакомить с ним своих сограждан? В «Зоне» упоминается о многих городах, где успел побывать ее автор, но наиболее подробно, достоверно и красочно воссозданы именно пражские впечатления:

На дворе постоялом живешь ты близ Праги.
 На столе твоём — розы, в душе твоей — праздник.
 Ты сидишь за столом, сочиняя какую-то прозу.
 А потом забываешь о ней, заглядевшись на розу.

Ты в соборе святого Вита со страхом глядишь,
 как на камне дрожит твоя тень.
 Грусть казалась тебе безысходной в тот день.

Ты, как Лазарь безумный. В обратную сторону
двигаться стали
Часовые стрелки на башне в еврейском квартале.
И в обратную сторону жизнь твоя движется тоже;
Вечерами, в Градчанах, услышать ты можешь,
Как в харчевнях прокуренных чешские песни поют.

(Перевод М. Кудинова).

«Именно нам, чехам, а особенно пражанам, удивительно легко убедиться в том, до какой степени близки к действительности, преображенной поэтическими средствами, стихотворения Аполлинера, в которых он воспевает Прагу в какой-то неповторимой тональности», — писал В. Незвал в статье «Гийом Аполлинер» (1955)¹⁹.

Французский поэт провел в чешской столице всего пару дней, но они дали начало пражской теме, мощно прозвучавшей не только в «Зоне», но и в его прозе, в рассказе «Пражский пешеход» (сб. «Иересиарх и Ко», 1910), вдохновившем Незвала на одноименную книгу о Праге (1938) и ряд стихов в сборниках сюрреалистического периода. Впрочем, Незвала вдохновляли даже произведения Аполлинера, о которых он просто слышал. Так, центральный образ и отдельные мотивы ранней поэмы Незвала «Удивительный кудесник» (1922), восторженно встреченной пражским авангардом, были навеяны названием аполлинеровского произведения «Гниющий чародей» (1908), которое Незвал, как он сам признался, «не читал из-за незнания языка»²⁰.

При благожелательном приеме аполлинеровской поэзии в Польше 1920-х гг. там такого ажиотажа вокруг Аполлинера и его «Зоны» не возникло. Да и с польскими переводами «Зоне» повезло меньше, чем с переводами на чешский. Работу К. Чапека 1919 г. можно признать «попаданием в десятку» с первой попытки, настолько органично аполлинеровская «Зона» (в переводе «Pásmo», лента, пояс, цепь) вошла в чешский язык, не потеряв ни своей естественности, ни других достоинств. Знаменитый в скором будущем прозаик и драматург, философ и журналист, «фантаст и сатирик», Карел Чапек проявил себя и настоящим поэтом, Поэтом милостью Божьей, хотя стихов своих вроде бы не писал (по крайней мере, не публиковал), стесняясь всенародно раскрывать свою душу. Вероятно, очень многие понимали, что лучше Чапека «Зону» не перевести, поэтому ее новые чешские версии возникли более чем через полвека. Это переводы Петра Копты (1977) и Карела Сыса (1981).

Первый перевод «Зоны» на польский язык, принадлежавший Анне Людвиге Черны, появился только в 1922 г. (в журнале «Скамандр»), т. е. через три года после чешского, и был признан неудачным. В 1925 г. «Зону» заново перевел двадцатилетний Адам Важик, (в будущем иссле-

дователь европейского и польского авангада, составитель антологий французской поэзии)²¹. Не удовлетворенный своим переводом, он вновь обратился к знаменитой поэме уже после войны.

В Польше «Зона», хоть и признанная «библией не только для современных Аполинеру поэтов, но и для последующих поколений»²², не пользовалась такой популярностью, как в Чехии. Серии польских «зон» наподобие чешских не возникло. В книге Ю. Хартвиг, особо подчеркивавшей ценность любовной лирики Аполлинера, «Зона» занимает относительно скромное место и больше говорится не о ее особенностях, а о том, как она трогала до слез возлюбленную и тогдашнюю музу Аполлинера художницу Мари Лорансен. Из всех достоинств произведения отмечены лишь «простота этой трудной исповеди» и ее биографическая достоверность. Тем не менее творчество Аполлинера, переводы из которого появлялись на страницах журналов «Скамандр», «Рефлектор», «Дрога», футуристического альманаха «Формисты», оказало влияние на польскую поэзию. Отмечается его воздействие на Ю. Чеховича, Т. Чижевского, А. Стерна, в какой-то мере на Т. Пайпера и, разумеется, на его переводчика А. Важика. В статье «Гийом Аполлинер» (1928) А. Важик открыто солидаризировался «с традициями Аполлинера, Сандрара и французского „поэтического“ кубизма», помогавшими ему преодолевать рационализм эстетических концепций журнала «Звротница», который скрывал воображение²³. Однако, по мнению некоторых исследователей, крупнейшие поэты Польши первой половины XX в. не были связаны с Аполлинером, и говорить о том, что польская поэзия как-то по-особому, в большей степени, чем поэзия других европейских стран, ощутила воздействие Аполлинера, не приходится. На этом фоне — особенно разительна уникальная восприимчивость к его творчеству чешской поэзии.

Аполлинер упоминается в программных статьях польских поэтов. Так, в статье Т. Чижевского «Поэзия экспрессионистов и футуристов» он возглавляет список французских кубофутуристов, группировавшихся вокруг журнала «Суар де Пари»: «Гийом Аполлинер, Мах Жакоб, Луи Дюртен, Блэз Сандрар, Биро, Марготин и многие другие»²⁴. Используется его терминология, например термин «антиграция» (*antigrâce*). Примеры можно было бы продолжить, но они не оспорят того факта, что настоящим кумиром польских авангардистов был не Аполлинер, а Маринетти.

Влияние Аполлинера на польских поэтов сказывалось в первую очередь на тематике и мотивах и в меньшей мере на структуре произведения. Его впечатляющий образ создан в стихотворном монологе А. Стерна «Рефлекторы» (сб. «Ангельский хам», 1924). Избавленный от большинства знаков препинания (черта творчества многих авангардистов, в том числе Аполлинера), смелый по образности, раскованный по форме (разнострочный верлибр с изредка проскальзывающими рифмами), он —

монотематичен, не лишен логического стержня и представляет собой развернутую апострофу к единомышленникам. Обращаясь к своим «братьям», «храбрым сильным мужчинам с нимбом над головой», воспевая их солидарность, А. Стерн, помимо Кокто, Маяковского, Хлебникова, Боччиони (итальянский художник, автор манифестов футуристической живописи), называет и Аполлинера, причем дважды. Образ Аполлинера, которого уже нет на свете, один из самых развернутых. Автор рисует его облик, подчеркивает его роль в своей собственной судьбе, утверждает бессмертие его творчества и обыгрывает слово «сфера», вызывающее коннотации, связанные с аполлинеровской «Зоной» (в переводе А. Ваджика «Strefa» — полоса, пояс, зона, сфера).

...гийом пантера с мордой в ранах
с головой перевязанной лазурью

тебе уже не поговорить со мной ни на одном языке
и не написать из окопа своей жанне

о гийом аполлинер
из каких надземных сфер
ты даешь мне пламенную речь подставляешь плечо брата?
из какого моря с какого неба с какого света?

(Подстрочный перевод)

Правда, как было замечено, преклонение перед Аполлинером не помешало А. Стерну перепутать адресат аполлинеровских военных стихов Лулу с Жанной, героиней поэмы Б. Сандрара «Проза о транссибирском экспрессе и маленькой Жанне Французской».

В Чехии само обращение к образу французского поэта и парижским впечатлениям как бы автоматически заставляло авторов использовать форму политематического стиха, как это сделал Я. Сейферт в стихотворении памяти Аполлинера (сб. «На волнах T. S. F», 1925), где он воссоздает свой путь по его стопам; как это делал Незвал, страстный приверженец политематизма, и многие другие чешские поэты в самых разных произведениях. В Польше аполлинеровский политематизм замечен (осмыслен!) не был. По сравнению с чешскими поклонниками Аполлинера польские читатели несколько ограничили его реформаторскую роль, связав ее лишь с «открытием низких сфер культуры», с утверждением «концепции поэтического произведения как фиксации конкретных и мимолетных лирических моментов» (Збигнев Ярославский)²⁵.

Надо отметить, что чешские поэты тоже не остались равнодушными к этим «низким сферам», большими поклонниками которых, кстати, были братья Чапеки. Однако расширение границ искусства за счет «низких», «паралитературных» жанров в Чехии с Аполлинером прямо не связыва-

ли, осознавая закономерность этой тенденции. Но и здесь, видимо, обошлось без его влияний. Достаточно вспомнить апологетизацию Незвалом газетных строк, за которой так и маячат строки из «Зоны», хотя Незвал ссылается в этом случае на другое стихотворение Аполлинера. Аполлинер относил газетные сообщения к занимательной прозе («...а прозу в газетах прочтут / 25 сантимов за выпуск, где столько различных событий, / Похождения сыщиков, снимки людей знаменитых и описанья открытий...»). Незвал же открывал для них путь в лирическую поэзию. «Я упомянул о языке газеты и определил его как неподходящий для лирики. Однако в газетах мы не найдем ни одной фразы, ни единой, которая не могла бы быть использована в качестве строки, скажем, в таком стихотворении, как „В понедельник на улице Кристины“ Аполлинера. Любая газетная фраза может стать стихотворной строкой, если поэт включит ее в соответствующую поэтическую ситуацию» (В. Незвал. «Родная речь как инструмент поэта», 1937. Перевод Т. Николаевой) ²⁶.

Редкую восприимчивость чешских писателей и литературоведов к Аполлинеру конечно же надо объяснять не чешскими мотивами «Зоны»: они лишь привлекли к ней их внимание. Прочность связей с французским поэтом определили более серьезные причины. Аполлинер помогал восполнить и сформировать недостающие современной чешской поэзии (и даже чешскому менталитету) качества, стимулируя протекающие в этом направлении процессы. Его разносторонняя поэзия от довоенных сборников «Бестиарий» (1911) и «Алкоголи» (1913) до «Калиграмм» (1918) и посмертно изданных книг была наглядной реализацией стремлений чешского художественного авангарда (в какой-то мере их и определяя) — усилить лиризм и непосредственность текста, дать волю памяти и воображению, открыть доступ в поэзию фантазии и потоку «сырого» материала. Особая же популярность «Зоны» объясняется еще и чисто профессиональными причинами, которым придавало большое значение чешское литературоведение (З. Пешат, В. Мацура, А. Погорский). Французская «Зона» помогала осуществить чешской поэзии тот синтез эпики и лирики (или эпизации лирики и лиризации эпики), к чему она стремилась уже на рубеже веков (произведения О. Бржезины, А. Совы), причем осуществить на лирической основе, наиболее органичной для чешской поэзии, в которой всегда было сильным лирическое начало. О его проявленности свидетельствовал лирический характер чешского фольклора, характер эпических поэм, нередко представляющих циклы стихотворений (циклы сонетов в «Дочери Славы» Я. Коллара, циклы песен в «Песнях раба» Св. Чеха), доминирование лирики над эпикой в поэме «Май» Карела Гинека Махи. С одной стороны, чешская поэзия была, как никакая другая, подготовлена к восприятию «Зоны», горячо откликнувшись на ее всепоглощающий лиризм и приветствуя бессюжетные формы организа-

ции эпического по размаху материала с помощью политематического стиха. С другой стороны, в среде чешского авангарда жило тревожное ощущение эмоциональной тупости современного мира, отравленного социальной неустроенностью и прагматизмом. Недаром В. Незвал в поэме «Удивительный кудесник» с горечью отмечал «сухой аскетизм собственного народа», признаки оскудения его душевного мира. Чувствуя вытекающую из этого опасность элиминации лиризма в жизни и в современном искусстве, чешский авангард стремился изо всех сил этому противостоять, по праву призывая себе в союзники и «Зону», и все творчество Аполлинера. Иными словами, Аполлинер помогал чешским поэтам достичь более высокой степени непосредственности, смелости и лиризма в отражении самого разнообразного содержания, апеллируя к присущим чешской поэзии качествам и преодолевая все то в национальном менталитете, что этому препятствовало.

Аполлинер привлекал чешских авангардистов, исповедовавших в 1920-е гг. поэтизм (культивирование исчезающих из искусства поэтических начал), и как один из основоположников сюрреализма — их символа веры в грядущее десятилетие. И хотя его творческая концепция была страшно далека от концепции А. Бретона, который в «Манифесте сюрреализма» (1924) писал, что «Аполлинер владел только одной — несовершенной буквой сюрреализма и оказался не в состоянии дать ему теоретическое обоснование»²⁷, именно он был первым, кто в предисловии (1916) к драме «Груды Тиресия» (премьера 24.7.1917) употребил слово «сюрреализм». Заметим, что И. Голль, который в то время в Чехии был известен больше, чем А. Бретон, высоко ценил роль Аполлинера в становлении сюрреализма. В своем собственном «Манифесте сюрреализма» (1924) он провозгласил «сюрреализм — концепцией, вызванной к жизни Гийомом Аполлинером»²⁸. В этих разногласиях правда на стороне Бретона. Лишь отдельные стороны творческой практики Аполлинера стихийно предвосхищают течение, которое обязано ему своим именем.

В польской культуре была другая ситуация. Несмотря на декларативный антиромантизм польского футуризма, в ней продолжала жить и служить поэтам опорой продуктивная романтическая традиция, усиленная и обновленная неоромантизмом Молодой Польши. Она создавала возможность на ее базе прийти к лиризации эпики и эпизации лирики с помощью жанра баллады, в которой лирическое начало подчеркивалось драматизмом фабулы, музыкой стиха, классическими ритмами. Чарам «Зоны» и других произведений Аполлинера, свободных по структуре и весьма ценимых в Чехии, сопротивлялась, на наш взгляд, явная приверженность польской поэзии к мелодичному стиху, к силлаботонике, популярным у крупнейших польских поэтов межвоенного периода (Б. Лесьмяна, Л. Стаффа, Ю. Тувима и др.). Мечта «о форме более емкой, которая

не была бы ни слишком поэзией, ни слишком прозой», — которой спустя годы поделится Чеслав Милош («*Arts poetica*», 1968. Перевод В. Британишского) и которую помог бы воплотить Аполлинер, овладела поляками позже, чем их западными соседями. Иными словами, в польской поэзии были живы и весьма активны тенденции, в чем-то диссонировавшие с поэзией Аполлинера. К тому же особое противодействие оказывала ему и концепция близкого конструктивизму Краковского авангарда (вокруг уже упоминавшегося журнала «Звротница»), который пропагандировал рационализм, дисциплину эмоций, максимальную упорядоченность стиха.

К сюрреализму же, как аполлинеровскому, так и бретоновскому, польская литература проявляла равнодушие. Она выдвинула лишь отдельных его сторонников (к ним, в частности, принадлежал Ян Бженковский, которого считают третьей по значимости — после Т. Пайпера и Ю. Пшибося — фигурой Краковского авангарда), спонтанно сближалась с сюрреализмом элементами поэтики ряда художников, но не создала течения.

Подводя итог нашим размышлениям, можно сказать, что при большом интересе к творчеству Аполлинера в Польше и в Чехии, в Чехии этот интерес был более глубоким и результативным. Если в Польше Аполлинер стал в первую очередь объектом внимания и предметом исследований, то в Чехии он ярко проявил себя и как активный субъект модернизации чешской поэзии, глубоко проникший в ее душу, где живет и по сей день.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Называть вещи своими именами. Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века. М., 1986. С. 163–164.
- ² *Маринетти Т. Ф.* Беспроволочное воображение и слова на свободе // Манифесты итальянского футуризма. М., 1914. С. 62.
- ³ Писатели Франции о литературе. М., 1978. С. 54, 62.
- ⁴ Называть вещи своими именами... С. 159–160.
- ⁵ Писатели Франции о литературе. С. 53.
- ⁶ Там же. С. 54.
- ⁷ *Хартвиг Ю.* Аполлинер / Пер. с польского Ю. Абызова и Б. Персова. М., 1971. С. 102.
- ⁸ *Wolker.* Dopisy. Praha, 1984. S. 342.
- ⁹ *Ibid.* S. 410.
- ¹⁰ *Wolker.* Dopisy. S. 606.
- ¹¹ *Незвал В.* Гийом Аполлинер / Пер. И. А. Бернштейн // *Незвал В.* Избранное. М., 1988. Т. 2. С. 438.
- ¹² *Незвал В.* Из моей жизни / Пер. Т. Большаковой // *Незвал В.* Избранное. Воспоминания. Очерки. Эссе. М., 1988. Т. 2. С. 162.

- 13 Цит. по: *Peřat Z. Jaroslav Seifert. Praha, 1981. S. 60.*
- 14 Писатели Франции о литературе. С. 53.
- 15 Цит. по: *Хартвиг Ю. Аполлинер. С. 358.*
- 16 См.: *Арагон Л. Надо называть вещи своими именами // Писатели Франции о литературе. С. 341.*
- 17 *Nezval V. Dřlo XXV. Praha, 1974. S. 573.*
- 18 См.: *Peřat Z. Apollinairovo řasmo a dvř fře českř politematickř poesie // Peřat Z. Dialogy s poesii. Praha, 1985; Будагова Л.Н. «Зона» Аполлинера и чешская поэзия 20-х гг. XX в. // Поэзия западных и южных славян и их соседей. Развитие поэтических жанров и образов. М., 1996.*
- 19 *Незвал В. Избранное. Т. 2. С. 442.*
- 20 *Nezval V. Dřlo XXV. S. 268.*
- 21 См.: *Ważyk A. Antologia współczesnej poezji francuskiej. Warszawa, 1947; Idem. Dziwna historia awangardy. Warszawa, 1976; Idem. Gra o dořwiadczenie. Eseje. Warszawa, 1974; Guillaume Apollinaire. Poezje wybrane / Red. A. Ważyk. Warszawa, 1975; и др.*
- 22 *Хартвиг Ю. Аполлинер. С. 242.*
- 23 *Antologija polskiego futuryzmu i Nowej Sztuki. Wrocław etc., 1978. S. XXXV.*
- 24 *Czyżewski T. Poezja ekspresjonistów i futurystów // Antologija polskiego futuryzmu... S. 3.*
- 25 *Antologija polskiego futuryzmu... S. IX–X. 312.*
- 26 *Незвал В. Избранное. Т. 2. С. 406.*
- 27 *Называть вещи своими именами... С. 56.*
- 28 *Там же. С. 322.*

Янка Купала и библейская пророческая традиция

В белорусском литературоведении последних лет наблюдается устойчивая тенденция к прочтению отечественной классики в контексте истории мировой культуры¹. Анализ и реинтерпретация происходят главным образом в проблемно-тематическом русле,² что позволяет по-новому трактовать философский, мифологический, исторический пласты произведений: осмысленные как универсально значимые, они помогают представить белорусскую литературную классику в общем русле развития всемирной истории культуры. Трудно переоценить здесь и роль компаративных исследований.

Почему из трех наиболее выдающихся фигур белорусской литературы, ее трех «архиклассиков»² именно Я. Купала, а не Я. Колас или М. Богданович, находится в центре избранного направления интерпретации? Или, другими словами, почему именно для Купалы характерно представление о себе как о пророке, почему именно Купала последовательно усваивает и использует в своих произведениях библейскую риторику и стилистику? Ответ, как нам кажется, следует искать в особенностях творческой методологии авторов: если Я. Колас сконцентрирован преимущественно на социологическом поиске и в нем остается оригинальным художником-исследователем народной души, национально-быта/бытия; если М. Богдановича привлекает в первую очередь национальное усвоение традиций мировой литературы и в нем ему удается следовать индивидуальному вкусу, чутью, представлению о наследии, то для Я. Купалы характерен прежде всего выход за уровень «Я», за границы собственной личности («Я для Другого») — его можно оценивать как парадоксальный в свете индивидуализма и романтизма поэта, сверхэкспрессивность которого («всепоглощающая синкреза»³) утверждает себя в конце концов как сверхответственность за судьбы народа.

«На двух великих скрещеннях родилась поэзия Янки Купалы, — пишет И. Я. Науменко. — Ее вызвала к жизни современная поэту история, разбуженный первой русской революцией белорусский народ с его наболевшими социальными, национальными вопросами... С другой стороны, поэзия эта очень много почерпнула из сокровищницы духовной народной жизни... отраженной... в мифе, поверьи, ритуале»⁴. Потому и «возрожденчески» акцентированное изучение поэзии Купалы происходит сегодня в двух ракурсах: фольклорно-мифологическом⁵ и

библейском пророческом⁶, последний — в духе идей Возрождения, сознательного движения человека (нации, человечества) навстречу Богу (миру и жизни) (ср.: Быт 12: 1). На пророческом ракурсе — наименее разработанном как в отношении наследия Я. Купалы, так и в литературоведении в целом, — мы и остановимся.

Проблемные приоритеты здесь видятся следующие. Прежде всего, стремясь систематизировать основные проявления соответствующего дискурса в произведениях классика белорусской литературы и рассматривая их сквозь призму аутентичной традиции, мы избавляемся от искушения метафорического использования определений «пророк», «пророческий», «пророчество», в апеллировании к которым следует придерживаться исторически сложившегося смысла: «Упрощая его в метафорике, которая ни к чему не обязывает, мы ничего и не обретаем в плане овладения сущностным содержанием и ценностным потенциалом феномена, который нас интересует. Необходимостью тесного соотношения с традицией обусловлена концептуализация пророческих пластов творчества Я. Купалы академиком В. В. Гниломёдовым: «Библия давала... возможность глобального видения истории своего народа. ...Духовная ситуация, которую поэт наблюдал в окружающей его повседневности... напоминала ему ту, в которой оказался когда-то еврейский народ, утративший самостоятельность и свободу»⁷. Если попытаться обобщить основания, исходя из которых исследование светского характера «пророчества» в новейших литературах было бы максимально корректным, внимание привлекут также следующие моменты: 1) фактор универсальности феномена *Prophecy* («Коль скоро справедливо, что Бог ко всем одинаково благосклонен, милосерден... и обязанность пророка заключалась не столько в научении законам, свойственным отечеству, сколько в научении истинной добродетели и в напоминании о ней людям, то несомненно, что все нации имели пророков»⁸); 2) историческая обусловленность факта появления и процесса формирования личности пророка, фигуры «осевого времени» (К. Ясперс⁹); 3) наличие соответствующей самоидентификации автора-пророка — позиция, вытекающая из представления о высшем, Божественном, происхождении творческого дара; 4) выявление соответствующих типологических связей, обобщенных в контексте базовых идей библейского пророчества; 5) поиск ответа на вопрос о вневременной востребованности слова новейшего пророка, о его роли не только «тогда», но и «сейчас», и «завтра». Такими представляются основные векторы аналитического выявления связи наследия белорусского классика с библейской пророческой темой и, соответственно, — с богатейшей традицией мировой литературы, которая также черпала из этого источника (Данте, Д. Мильтон, У. Блейк, А. С. Пушкин, Э. Золя и др.).

В качестве метатекста пророческого пласта купаловского творчества особое внимание привлекает стихотворение «Пророк» (1912). Обращаясь к многозначному понятию метатекста, мы имеем в виду текст, «который стимулирует новые тексты, порождает их... определяет пути последующей культуры»¹⁰. В строго историческом смысле метатекст пророчества — библейский раздел (Книги Пророков); однако, в узком смысле, «Пророк» Я. Купалы тоже метатекст, поскольку здесь зафиксированы все определяющие проявления соответствующего дискурса, которые присутствуют и в предшествующем (сборники «Жалейка» и «Гусяр»), и в последующем творчестве поэта. Интересно сравнить двух «Пророков», купаловского и пушкинского. Русского поэта интересует преимущественно сам момент избрания / призвания / посвящения — эпизод, зафиксированный в Книге пророка Исаии (Ис 6: 6). Определяющее в стихотворении А. С. Пушкина последнее четверостишие, где озвучена подчиненность пророка Божественной воле и одновременно — значимость его собственных усилий («Восстань, пророк...»); здесь же в качестве главного средства пророческого служения акцентирован феномен слова, «глагол», способный преодолеть человеческую инертность.

«Пророк» Я. Купалы более произволен в смысле прямых аллюзий на пророческий библейский текст, отношение к которому лишь постепенно выявляется в совокупном смысле всех восемнадцати строф, каждая из которых — свидетельство той или иной грани связи с традицией. Это и мотив отчуждения, одиночества пророка («Среди насмешек и клевет...»)¹¹ — мотив, возникающий в самом начале стихотворения и присутствующий имплицитно до последних строк, где озвучен уже с предельным драматизмом: «А сколько дашь ты нам червонцев, // Когда пойдем мы за тобой?..», — таков трагизм «посольства света», которому враждебны и человеческая глухота, и окружающий отнюдь не «белый», а темный, черный «свет» Вселенной («встречный ветер», «волки», «вороньё»). Это и акцент на особенном, пограничном, статусе исторического момента, в который приходит пророк: времени спасти «народ сомлевший» от бездны небытия, над которой он уже стоит одной ногой. Привлекает внимание и столь же «пограничный», сверхэкспрессивный характер речи пророка, ее «безумство» как свидетельство полной самоотдачи, полного отказа от «Я», от достоинства самопозиционирования: перед угрозой исчезновения нации оно ровно ничего не значит. Что касается собственно проповеди, слова-обращения пророка, то в одном только стихотворении оно содержит едва ли не все адресные регистры, кроме уступительных, так как время кризиса — время вызова: «*Паўстаньце, рабскія натуры!..*» (II, 83)¹². Если пушкинский «Пророк» — концептуальное, но практически единственное возникновение темы

Prophecy в наследии русского поэта, то поэзия Я. Купалы целиком самым непосредственным образом вырастает из сущности пророчества как миссии *вестничества*: «В облике поэта выступал пророк национального Возрождения, который, владея огромным поэтическим даром, объявил всему миру о выходе белорусского народа на арену истории»¹³, — в одном из первых своих стихотворений («А кто там идет...», 1907) поэт *оповещает* мир о Беларуси, а далее неустанно будет напоминать белорусам о них самих, об их имени, статусе и достоинстве как народа истории.

Попытаемся согласовать дальнейший анализ с этой парадигмой, заданной и библейским, и купаловским метатекстами, подчеркнув, что первостепенным является вопрос о соответствии слова поэта-пророка наиважнейшему критерию пророчества — связи с «основой вещей». Была ли присуща Купале мысль о Божественном происхождении своего дара и представление о нем как знаке соответствующего призвания? Относительно первого — безусловно да; здесь стоит вспомнить строки стихотворения «Моя наука» (1919); текст приводим в оригинале, поскольку перевод, созданный в «атеистическую» эпоху, устранил из произведения все «теистическое»: «...У пацёмках шукаў і знайшоў Божы дар; // Цяпер маймі скарбамі — думы-саколы, // Цяпер беларускай я песні ўладар» (IV, 68)¹⁴. Что касается избрания и призвания, то в собственно библейском смысле («И было слово Господа к...») об этом у Купалы речи нет; к тому же чаще, чем воззвания к Единому Богу, встретим у поэта «молитвы» «Великой Вселенной»: «ясному солнцу», «тучам и грому», «ниве» и «звездам» («Моя молитва», 1906), «свободному вихрю», «могучей воде-половодью» («Моя молитва», 1912) — свидетельство пантеистического мировосприятия. Однако пантеистическая установка не исключает монотеистическое сознание в принципе.

О том, что с пантеистическим сознанием у Купалы сосуществует сознание монотеистическое, свидетельствуют многочисленные аллюзии поэта на характерный библейский образ мировидения, в частности на представление о Боге как соответствии Совершенному: разуму, справедливости, потенциалу творчества и созидания — Свету как таковому (например, в стихотворениях «Царю неба и земли», 1912; «На библейские мотивы», 1920). Нести народу слово, которое напоминает о совершенстве, о светлом мире бытия (в противовес мраку небытия), о величии самосозидания через самоосознание — и есть призвание, достойное вдохновения свыше. Еще одно свидетельство монотеистического начала — воззвания поэта к Божественному в состоянии слабости, ощущения напрасной траты сил, обращения, лишённые какого бы то ни было риторического оттенка, когда очевидно личное начало отношения, не только вера, но и доверие: «Грустно мне, Боже! Куда я ни гляну, // Куда

ни пойду я с печальной душою, // Вижу, что счастья звезду не достану, // Вижу, что вечно не знать мне покоя...» (пер. Б. Кежуна)¹⁵. Или в стихотворении «Устал я жить...» (1912):

Служить, служить хотел народу,
Страдальцам каторги одной,
Но с каждой новой непогодой
Все тяжелей вести с ней бой.

О лишь бы где-то там не сгинуть
От Родины своей вдали,
Дай Бог ее слуге и сыну
Ее небес, ее земли.

(Пер. С. Евсеевой)¹⁶

Если слово библейских пророков слито в единое с Божественным словом, то поэтическое слово Купалы являет собой единство с упованием и потенциальным словом «брата-белоруса». Божественное начало — опора этого единства, посредством которой оно и обретает силу воздействия, тем более необходимую, что временами очевидно: поэт-пророк «остался без паствы и вести за собой некого» — следствие почти беспрецедентной инертности «паствы»: «Ибо огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули...» (Исх 6: 10).

«Мой крик перед молитвой мира — ноль!» — эта купаловская строка сама по себе крик боли, в котором отразилась вся многогранная трагическая суть феномена пророчества. Прежде всего трагизм одиночества, неотделимого от того, кто ощущает себя призванным напоминать своему окружению о том, о чем спокойнее, проще не рассуждать и не мечтать (здесь можно вспомнить о первоначальной реакции египетских пленников-евреев на проповедь Моисея о свободе, Исх 6: 9). Не менее трагично и одиночество-отчуждение «мужицкого» поэта среди таких же белорусских мужиков-крестьян: «Мог бы выслушать // Песню бедный брат, — // Не до песен тем, // Кто нуждою богат» («Сердце бедное», 1906; пер. М. Комиссаровой: 1, 89). Отсюда — боль трагического ощущения поэтом-пророком своей слабости, порою даже отказ от «избранности» со ссылкой на хрупкую человечность, которой не по силам бремя возложенной ответственности. Между тем, в отличие от пророков Моисея («Кто я, чтобы мне идти к фараону (царю Египетскому) и вывести из Египта сынов Израилевых?»; Исх 3: 11) или Иеремии («О Господи Боже! Я не умею говорить, ибо я еще молод»; Иер 1: 6), у Купалы увидим только полусерьезное умаление своего потенциала: «Я ж тихо пою... кто тихих приметит? // Ведь он деревенский, тот Янка Купала»

(«Я не поэт», 1907; пер. Н. Кислика: 1, 73). Откуда же терпение нести крест сверхответственности?

Вероятно, благодаря болезненному, но, парадоксальным образом, утешительному, благотворному самоощущению разделенности на личное и сверхличное:

Повсюду и всегда, как призрак, надо мной
Костлявый, бледный труп, мой друг и соглядатай...

От мира отделив молчаньем, как стеной,
Он чувства остудил, кипевшие когда-то.
И безнадежностью душа моя объята, ...
И сдвлена душа веригую стальной...

(«Товарищ мой», 1915; пер. Д. Бродского)¹⁷

Личное «Я», усиленное сверхличным началом, обладает и сверхсильной терпеть, постепенно преодолевая, инертность соотечественников: такое «Я» ничего не желает лично для себя, потому и «границ его терпенью не найти» («Мое терпение», 1915). Потому и временами отмечаемые «пессимизм», «отчаяние» Купалы — совсем не «минор»; напротив, это исток еще более настойчивого, неутомимого и, в результате, наиболее убедительного воздействия словом. Разумеется, мало просто провозглашать «истину»: чтобы слово поэта не «разбивалось о мрачную стену непонимания»¹⁸, необходима была опора на осознанно и последовательно задействованную риторическую стратегию. Равным образом и «уникальный жанровый синкретизм»¹⁹ библейских пророческих текстов — ярчайшее свидетельство их сознательно организованной адресности, которая должна была реализовать себя в возможно более разнообразных регистрах, расширяя круг коммуникации и диапазон психологического воздействия.

Все ходы купаловской риторико-поэтической стратегии — результат кризисного характера действительности, невыносимость которой — наряду с предложением альтернативы, поисками «Святла» — призван озвучить поэт-пророк. Это и мессианский пафос — пафос ощущения края бездны, за которым либо избавление, либо небытие²⁰; в этом же риторическом русле — нагнетание поэтом-пророком собственного отчаяния («С крови и слёз клич этот...»), и мольбы о милосердии («Не дайте погубить певца...»), и сверхэкспрессивность, «экстатика» пророческого слова («крик, что живет Беларусь») и, наконец, «воззвание от противного», когда безусловный негатив репрезентирован как естественный порядок вещей: «...Спину гни и горюй. Молодых // Сил на пана своих не жалея, // Не жалея ты мозолей своих, // Как души не жалеют

твоей» («Не тужи», 1906; пер. Л. Хаустова)²¹, — такая утвердительность не может не вызвать обратного отношения или хотя бы мысли о возможности протеста. Прием этот сравним с характерной для пророческих текстов особенностью предельно заострять, гиперболизировать негатив морального состояния современников, принуждая их (когда невозможно убедить) к противоположным моделям мировидения и социальной практики.

Есть у Я. Купалы стихи, которые можно воспринимать двояко, и буквально, и «от противного», как, например, стихотворение «На добрый старый лад» (1907), где рефрен «Забудься и трудись!» имеет амбивалентный смысл: прямой, позитивный (трудись — в этом подлинный смысл человеческой жизни) и провокативный, негативный (давай, трудись без продыху, если не видишь ничего, кроме этого извечного урока подневольного труда). Амбивалентность определенных стихотворений должна быть подчеркнута и в связи с так называемой переменной купаловского поэтического дискурса с приходом советской власти и, в особенности, в связи с личным кризисом столкновения с властью (1930). В это время поэту приходится открыть для себя еще один ход утверждения «от противного» — ход, открывающий возможность критики в славословии. То, что советская идеология предписывала считать безусловно позитивным и прогрессивным, народный поэт воспекает как настолько превосходное, что само славословие воспринимается как издевка над «прогрессом» и, заодно, — над цензурой:

Волей твердой, коллективной,
Силой дружбы неразрывной,
Строит новый мир цветущий
Пролетарий всемогущий.

И куда ни глянет око,
Здесь, на выставке широкой,
Встала новь богатых всходов
Поля, фабрик и заводов.

Сбор такого урожая
Сотню лет опережает...
Тот не видит, кто не хочет,
У кого затмило очи...

(Пер. М. Комисаровой: 2, 110)

Таким образом, и произведения «вполне советские»²² («Где кривда извечная зрела», «Песня строительству», 1931; «Сыновья», 1935; «День добрый, Москва!..», 1939, и др.), как правило, сохраняют прежний па-

фос «вестничества», апелляции к здравому смыслу — пафос, неотделимый от дореволюционных сборников поэта.

Анализируя пророческий поэзис Купалы, невозможно не подчеркнуть соответствующее звучание стихов: сильно ритмизованное, с большим количеством лапидарных рефренов, — стихи-песни, песникичи. Особенно выразителен в этом плане сборник «Гусяр» (1910):

Гей, гусяр, гусяр!
Дай сильней удар,
Бей по струнам, пусть
Даст нам песня в дар
Мощь великих чар, —
К солнцу звездный путь
Дай, гусяр, гусяр!

(«Гусяр», 1910; пер. Б. Кежуна)²³

Очевидно, что особенно часто применяемый Купалой риторический ход, в котором и наиболее ярко воплощен адресный *a priori* характер пророческого слова, — это обращение-призыв, воззвание. Многообразие «взывающих» фрагментов говорит об осознанном применении автором этого риторического хода, каждая вариация которого — попытка воздействовать на ту или иную «болеву точку» адресата. Иногда стихотворение пронизано «насмешливыми нотк<ами> по причине инертности народа, его пассивного, равнодушного отношения к жизни, к будущему»²⁴ — тогда призыв переходит в прямой, откровенный вызов (ср. с вызовом амбивалентным, как в произведениях «советских», и косвенным, «от противного»: «Спину гни и горюй...»), вызов гордости, достоинству мужика:

Так проснись же, проснись,
Белорусский мужик!
Глянь! Поднялся весь мир,
Необъятно велик!

И иди, и кричи,
Что страдаешь, как встарь,
И иди, и кричи,
Что с тобой сделал царь!

(«Что ты спишь?», 1906; пер. Б. Кежуна: 1, 102)

Иногда призыв звучит с намерением придать бодрости и силы духа: «Ты пана сильнее, богаче, знатнее, // Тобою отчизна крепка...» («Пахарю», 1908; пер. В. Шефнера: 1, 202). Вот призыв-поддержка, предосте-

режение, убеждение — максимум возможных в одном стихотворении «пробуждающих» регистров, усиленных настойчивостью рефренов:

Не вздыхай, не горюй, брат измученный мой!
 Жизнь свою не кляни, не кляни!
 Думу-песню запой, выйди твердой стопой,
 Еще раз не засни, не засни!

Хоть за тучею туча плывет чередой,
 Туч сильней эти солнца огни.
 Ты, мой брат, не горюй, рвися к солнцу душой,
 Еще раз не засни, не засни!

(«Не вздыхай», 1909; пер. М. Комисаровой) ²⁵

Характернейшая адресность купаловских стихов — обращение к родине как живому существу, традиционно библейское одушевление страны, выраженное иносказательно («Не проспи», 1911; «Она и я», 1913) или совершенно открыто: «Гей ты, гей, Беларусь, сторона молодая, // Встань из тьмы, униженье былого свергая...» («Молодая Беларусь», 1909; пер. Н. Брауна: 1, 218). Характерно, что тон воззваний, обращенных к землякам и к родине, принципиально различный: в первом случае — преимущественно вызов, во втором — ласковая просьба, скромно-настойчивое предложение, приглашение:

Выйди, сторонка моя, из недоли,
 Не покоряйся ты зимнему сну,
 Полно вздыхать и томиться в неволе!
 Выйди в луга и в просторное поле,
 Выйди, чтоб встретить весну!

(«Выйди...», 1912; пер. Вс. Рождественского) ²⁶

Заключительные трехстишия сонета передают все многообразие оттенков личного, интимного чувства: умиление, ласку, тревогу за судьбу страны в новых исторических обстоятельствах, верность и самопожертвование:

...А как же все-таки друзья, соседи
 Ее поймут, хотелось бы мне знать, —
 Затопчут в грязь? Начнут благословлять?

Одно скажу: за каждый слог в ответе,
 Играть я буду громко песни эти,
 Лишь для Отчизны-матери играть!

(Пер. М. Комисаровой: 2, 8) ²⁷

Купаловское жизнеутверждение — результат присущей поэту историчности мысли, памяти о связи времен, принципиального и неизменного обращения к прошлому в поисках идеала будущего («Пророк», 1912; «Своему народу», 1918; «Из увядшей славы...», 1919, и др.): желанный идеал будущего не возникает из ниоткуда, но возможен как новый расцвет минувшей славы. И так же, как память о Завете в библейских текстах, напоминание Купалы о славном начале истории Отчизны — выразительный укор ее *«тутэйшэму»* бесславию, укор, в котором заложен стимул преодоления: «Дни былого воскрешая снова, // Теперешнюю вижу жизнь твою...» (пер. Б. Кежуна: 2, 10). Созданное на непредсказуемом скрещении эпох, в лихолетье Первой мировой войны, цитируемое стихотворение «Своему народу» (1918) — системное развитие исторической темы в библейской трактовке. Впечатляет воссозданная в начале произведения историческая альтернатива кризису «переходного времени»:

Ты, как хозяин, жил в краю раздольном,
Ты сам свои законы создавал,
А в час тревоги звоном колокольным
Людей на сход, на вече созывал

— впечатляет именно по контрасту, потому что

Теперь все спит, все зарастает сонно,
Стеречь свой край ни замков нет, ни рук,
Нигде не слышно вечевого звона,
В ярме согнули люди плечи в крюк...

Чрезвычайно выразителен в стихотворении «Своему народу» библейский мотив «рассеивания», утраты народом его земли не только из-за внешней экспансии, нашествия «чужака-дикаря» («Твоих сынов рассеял в целом свете, // Как ястреб гнезда, сёла разорил...»), но и по причине инерности самих «сынов», которых поэт сравнивает с мертвецами. Обращает внимание, хотя он достаточно сдержан здесь, намек на обратную сторону церковной веры «мертвецов»: «...Шепчут лишь проклятья вековые, // И ждут, когда уйдут в небытие», — казалось бы, край бездны, за которой, однако, поэт различает зарю спасения:

Встань и глянь! Ты слышишь, бури свишут,
О переменах в мире говоря, —
И меркнут старой жизни пепелища,
И расцветает новая заря!

Если пророчество есть прежде всего открытие людям Божественной истины, то мы имеем все основания для определения поэтического на-

следия Я. Купалы как профетического: посредством этого слова начинает осознаваться не очевидное для большей части народа «Обещание», потенциальное наличие его, народа, достоинства и свободы и — соответственно — необходимость усилий в исполнении Обещания, навстречу которому нужно «встать и идти». В купаловском слове, воспринятом как профетическое, очевидна и определяющая особенность белорусского Возрождения как пробуждения, истока самоосознания нации, ее готовности быть — как реальности бытия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Некоторые наиболее яркие работы: *Васючэнка П. В.* Беларуская літаратура ХХ стагоддзя I сімвалізм. Минск, 2004; *Гніламёдаў У. В.* Жыццё і творчасць Я. Купалы. Минск, 2002; *Максімовіч В. А.* Беларускі мадэрнізм: Эстэтычная самаідэнтыфікацыя літаратуры пачатку ХХ стагоддзяё. Минск, 2001; *Максімовіч В. А.* Паэтычная міфатворчасць Янкі Купалы. Минск, 1998; *Шаладонава Ж. С.* Фарбы быту і быцця ў паэме Я. Коласа «Новая зямля». Минск, 2001.
- ² Термин, предложенный Т. И. Вабищевич (*Вабишчэвіч Т. І.* Максім Багдановіч і станаўленне нацыянальнай паэтычнай традыцыі: Тэарэтыка-метадалагічныя аспекты // *Весці НАН Беларусі. Сер. гуманіт. навук.* 2006. № 3. С. 93–98).
- ³ *Санюк Дз. К.* Эстэтыка творчасці Янкі Купалы. Минск, 2000. С. 80.
- ⁴ *Навуменка І. Я.* Янка Купала // *Гісторыя беларускай літаратуры ХХ стагоддзя.* У 4 т. Минск, 1999. Т. 2. С. 141.
- ⁵ *Максімовіч В. А.* Паэтычная міфатворчасць Янкі Купалы; *Навуменка І. Я.* Янка Купала. С. 121–175; *Санюк Дз. К.* Эстэтыка творчасці Янкі Купалы.
- ⁶ *Гніламёдаў У. В.* Прарок нацыянальнага Адраджэння // *Янка Купала. Поўны збор твораў: У 9 т.* Минск, 1995–2003. Т. 1. С. 7–46.
- ⁷ Там же. С. 15.
- ⁸ *Спиноза Б.* Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье // *Спиноза Б.* Соч. В 2-х т. СПб., 1999. Т. 2. С. 48.
- ⁹ В кн.: *Синило Г. В.* Пророков Книги // *Религия: Энциклопедия / Сост. и общ. ред. А. А. Грищанов, Г. В. Синило.* Минск, 2007. С. 695.
- ¹⁰ *Синіла Г. В.* Біблія як феномен культуры і літаратуры. Ч. 1. Духоўны і мастацкі свет Торы: Кніга Быцця. Минск, 2003. С. 62.
- ¹¹ Переводы стихов Я. Купалы цитируются по изданию: *Купала Я.* Собр. соч. В 3-х т. М., 1982. Первая цифра в скобках означает том, вторая — страницу. В случаях, когда перевод приведен по другим изданиям, используется обычная сноска.
- ¹² В русском переводе эти драматические строки переданы гораздо более сдержанно, почти нейтрально: «Кто был рабами по натуре, // Развейте свой извечный сон...» (1, 427; пер. Л. Хаустова). Оригинальный текст приводится по изданию: *Купала Я.* Поўны збор твораў: У 9 т. Минск, 1995–2003. Римской цифрой в скобках обозначен том, арабской — страница.

- 13 *Гніламёдаў У. В.* Прарок нацыянальнага Адраджэння. С. 7.
- 14 Пер. М. Исаковского: «Так я, ни науки, ни школы не зная, // Отыскивал дар свой и долю свою, // Теперь моя дума, как сокол, летает, // Теперь я свобод-но и гордо пою» (2, 34).
- 15 *Купала Я.* Стихотворения и поэмы. Мінск, 1991. С. 134.
- 16 Там же. С. 162.
- 17 *Купала Я.* Избранное. М., 1973. С. 464.
- 18 *Навуменка І. Я.* Янка Купала. С. 152.
- 19 *Синило Г. В.* Пророков Книги. С. 698.
- 20 Подробнее об этом в кн.: *Санюк Дз. К.* Мастацкія сістэмы А. Міцкевіча і Я. Купалы ў святле ідэалагемы «нацыянальны месіянізм». Мінск, 1998. С. 5.
- 21 *Купала Я.* Избранное. С. 86.
- 22 Из отзыва первого секретаря ЦК КПБ(б) К. Гея: «... Наряду с произведениями вполне советскими у него (Купалы. — Т. С.) имеются стихотворения и кулацкого и прямо контрреволюционного содержания» (Спадчына. 1990. № 1. С. 20; цит. по: *Гніламёдаў У. В.* Прарок нацыянальнага Адраджэння. С. 43).
- 23 *Купала Я.* Избранное. С. 281.
- 24 *Навуменка І. Я.* Янка Купала. С. 154.
- 25 *Купала Я.* Избранное. С. 250.
- 26 *Купала Я.* Стихотворения и поэмы. С. 165.
- 27 В оригинальном варианте стихотворения снова очевиден характерный пророческий пафос «безумствования», сверхэкспрессивности: «...Адно, снуючы з сумам на праследдзі, // Я голасна йграць буду ў тайным брэдзе, // Для Бацькаўшчыны-маці буду йграць!» (IV, 27; курсив наш. — Т. С.).

Славянский вклад в европейскую музыкальную культуру (На примере фортепианно-оркестровой композиции)

Разброс оценок славянского вклада (особенно в западной части славянства) в европейскую музыкальную культуру необычайно широк — от почти безудержного преувеличения до фигуры умолчания. Не втягиваясь в дебаты по «славянскому вопросу» и не пытаюсь прийти к претендующим на окончательность суждениям на этот счет, используем в качестве отправного пункта нашего исторического экскурса исправление одного заблуждения, издавна закравшегося в славянскую ветвь академического музыкознания. Имеется в виду холодновато-сдержанное отношение музыковедов и композиторов XX в. к произведениям для фортепиано с оркестром Ф. Шопена.

Взявшись за исправление этой очевидно несправедливой оценки концертов для фортепиано с оркестром гениального славянского композитора, мы увидели в новом свете жанровую природу и историческую логику развития этого класса произведений в целом.

Шопеновские концерты и другие фортепианно-оркестровые композиции оказались в некотором смысле «ниточкой», способствовавшей распутыванию клубка научно-познавательных противоречий, накопившихся в музыковедческой теории фортепианного концерта и осознанию единой вертикали развития данного жанра. Это единство обеспечивается не только спецификой композиционно-технических приемов, представляющей интерес в основном для специалистов-музыковедов, но и разноуровневыми закономерностями общеисторического и общекультурного свойства. Выяснилось, что фортепианно-оркестровые композиции в своих наиболее значительных образцах, во-первых, на постоянной основе приурочены к этапным событиям в творческих путях композиторов (личный смысловой уровень). Во-вторых, фортепианные концерты и подобные им сочинения знаменуют собой серьезные изменения в мировом раскладе национальных музыкальных школ (национально-культурный уровень). Наконец, в-третьих, музыкальные произведения этого класса бывают востребованы в тех случаях, когда искусство музыкальной композиции претерпевает системные изменения (системно-художественный смысловой уровень).

Сделав «ставку» на фортепианно-оркестровую композицию, Фредерик Шопен и Ференц Лист, два великих европейских и, одновременно,

национально-самобытных музыканта добились общеевропейской известности (первый художественно-смысловой уровень) и, вместе с тем, прославили и возвысили репутацию стоящих за ними национальных культур (второй художественно-смысловой уровень). Весомым аргументом в защиту именно таким образом понимаемой культурной миссии фортепианного концерта и производных от него композиций способна выступить широко известная оценка творческой одаренности Ф. Шопена, вышедшая из-под пера Р. Шумана-публициста: «Шляпы долой, господа, перед вами Гений!» Заметим, что этой оценки удостоилось именно произведение Шопена для фортепиано с оркестром — Вариации на тему из оперы В. А. Моцарта «Дон Жуан».

Неудивительно, что Шопен, прочувствовавший «скрытые в фортепианно-оркестровой композиции чрезвычайные возможности, нацелился на то, чтобы продвинуться в уже определившемся направлении, и выстроил целую «армаду» произведений для фортепиано с оркестром, куда вошли и «Рондо», и «Краковяк», и два гениальных фортепианных концерта, и, наконец, совершенно потрясающее по красоте музыкальных мыслей произведение: *Andante spianato* и большой блестящий полонез ми-бемоль мажор.

Между тем фортепианные концерты Шопена и примыкающие к ним композиции в своем историко-художественном наполнении возвысились и до того смыслового «яруса», который мы назвали третьим. Напомним, что он предполагает некоторое «потрясение основ» музыкального искусства. С учетом особой ситуации, сложившейся в раскладе музыкальных жанров на пороге музыкального романтизма, фортепианные концерты Шопена выступают в характерной для данного жанра художественно-«прорывной» функции. Романтические принципы музыкальной композиции опережающими темпами «прижились» в фортепианной пьесе.

То, что не сразу получилось сделать в жанре симфонии, удалось сделать Шопену с его фортепианными концертами, где приоритет индивидуально-личностного начала, один из важнейших принципов романтической эстетики, становится, можно сказать, зримым.

Таким образом, фортепианные концерты Шопена — первые романтические произведения в масштабе крупной инструментально-оркестровой композиции. Не исключено, что шопеновское «первенство» в романтическом переосмыслении концерта было предопределено опережающим развитием на польских землях романтической литературы и искусства в целом.

Наша разработка проблематики фортепианного концерта, начавшись с концертов Шопена, отчасти неожиданно подвела нас к обособленной и более широкоохватной теме: славянский вклад в историю фортепианно-оркестровой композиции.

Сложилось так, что славянские композиторы сыграли существенную роль на всех перечисленных историко-смысловых «ярусах» и исторических стадиях ее развития, выдвинувшись на первый план на его кульминационном участке (Чайковский, Рахманинов, Скрябин, Прокофьев, Стравинский). Иными словами, и формирование фортепианно-концертного жанрово-смыслового «кода», и его апогей, и его длительное, подобно раскатистому «эху», затухание — в значительной мере заслуга славянских композиторов. В их ряду представлены фигуры прежде всего великих русских композиторов. Столь же грандиозен (пусть не «по-русски») и Ф. Шопен. Однако посильное участие в общем культурно-творческом «деле» приняли и менее известные мастера, «тихо созидавшие» (Ф. Тютчев) историю европейского фортепианного концерта. Чехи Ян Ладислав Дусик и Богуслав Мартину, поляк Кароль Шимановский, болгарин Панчо Владигеров в своем творчестве образовали скромную параллель центральной линии жанрового развития. Этот скромный вклад также вправе претендовать на надлежащее внимание.

Чехия

В чешском музыкальном искусстве миссия, выполненная в Польше Шопеном, выпала на долю Бедржиха Сметаны. Широко распространившийся обычай называть Сметану «чешским Глинкой» (а не «чешским Шопеном») пошел, по-видимому, от характерного и для чешского, и для русского мастеров приоритета оперы, как жанра, способного наряду с фортепианным концертом обосновать «притязания» притесняемой национальной общности на культурное равноправие в том, что касается филармонической музыки. Однако если в России «вакантное» место первопроходца «через фортепианный концерт» в конце концов занял П. И. Чайковский со своим великим Первым концертом, то в музыкальной культуре Чехии фигура, выполнившая или хотя бы пытавшаяся выполнить такую функцию, на настоящий момент пока не выявлена. Между тем неоднократно повторявшаяся в истории музыки ситуация с «запаздывающим», вторичным учреждением новой национальной композиторской традиции или через оперу, или через фортепианный концерт, или, как нередко бывало, например, в Польше, Венгрии, Испании, сначала через один «прорывной» жанр, а потом и через другой, наводит на мысль, что такая фигура существовала. Восстановление некоего, таким образом, упущенного, выпавшего звена в закономерном развитии национальной традиции производится с опорой на музыковедческо-культурологическую методологию. Она, как известно, предлагает изучать по функционирующим ныне слоям искусства прошлого культуру соответствующей эпохи и реконструировать по состояниям нынешнего общества те ее черты, которые делают ее актуальной и которые,

быть может, оставались невидимыми для ее современников, оказались «упущенными» ее ближайшими потомками. Острое ощущение какого-то выпавшего звена в чешской ветви европейского концерта усиливается еще и тем обстоятельством, что вклад чешских музыкантов в формирование жанров и структур классицистской музыки общепризнан. Пристальный взгляд на оставшихся в тени чешских пианистов-композиторов выхватывает искомую величину. Это — Ян Ладислав Дусик (возможно Дусек — Dussek, а также Душек — Dusek). По годам жизни (1760–1812) он может считаться младшим современником Моцарта, его творчество в своей основе действительно связано с классическим стилем. Однако оно содержит некоторые черты, предвосхищающие романтизм, особенно в отношении гармонии, пассажной техники. Отдельные произведения близки раннему творчеству Шопена. По словам И. Ф. Бэлзы, у Дусика «даже инструментальные пассажи „поют“, и в этом отношении нельзя не согласиться с чешскими исследователями, считавшими Дусика прямым предшественником Шопена»¹. Приближение Дусика к нарождающемуся поколению «королей» виртуозного концертного пианизма выразилось и в такой приписываемой ему новации, как изменение расположения пианиста во время выступления. Чешский музыкант впервые ввел практику игры на фортепиано, поставленном на эстраде боком к публике, осуществив тем самым переход от камерно-салонного концертирования к публичным выступлениям с эстрады в их нынешнем виде.

Такое нагнетание однонаправленных качеств в музыкальном наследии Дусика невольно вызывает в памяти образ узлового для нашего текста музыкального жанра, так или иначе соприкасающегося и с концертным творчеством Шопена (особенно в его ранней части), и с институтом эстрадного инструментализма, и с гастрольными странствованиями: образ концерта для фортепиано с оркестром. Выяснилось, что Дусик создал в этом жанре целых двенадцать композиций и, подобно Шопену, остался равнодушным к жанру оркестровой симфонии.

Обширное творческое наследие Дусика до сих пор не изучено отечественными специалистами. Между тем известен похвальный отзыв о нем Гайдна в письме, адресованном отцу Дусика в Часлав. Гайдн оценил искусство Дусика в тех же превосходных степенях, которые нашлись у Гайдна для музыки Моцарта в беседе с его отцом.

Не лишним будет упомянуть еще одного значительно более известного, чем Дусик, композитора, в жанре фортепианного концерта проложившего путь от Моцарта к Шопену. Имеется в виду ученик Моцарта и Сальери Иоганн (Ян) Непомук Гуммель (1778–1837). Гуммель повсюду фигурирует как австрийский композитор, однако Австрия и нынешние славянские страны, как известно, имели по существу общее культурное пространство. Об этом свидетельствует место рождения Гуммеля —

город Пресбург, ныне Братислава, столица Словакии. Так же, как и Дусик, Гуммель в ряду крупных форм инструментально-оркестровой музыки отдал предпочтение фортепианному концерту. Всего им создано семь концертов для фортепиано с оркестром, послуживших образцом для молодого Шопена. Гуммель показал также восприимчивость к экспериментальной природе фортепианно-концертной композиции. Как бы вслед за Фантазией для фортепиано, хора и оркестра Бетховена Иоганн Непомук написал специально для своих гастрольных выступлений в Москве и Петербурге неординарное сочинение — Фантазию для оркестра, хора и фортепиано на темы русских народных песен, получившую замысловатое название «Полимелос» (1822).

Жанр инструментального концерта был подхвачен крупным чешским композитором другого поколения, добившимся прижизненного всемирного признания — Антонином Дворжаком. Наибольшую известность получил его Виолончельный концерт. Что касается Концерта для фортепиано, то он написан почти одновременно с Первым концертом Чайковского (1876), однако в совершенно противоположной, по-славянски неброской, скромной манере, как будто не вяжущейся с блестящим, импозантным образом данного жанра. Однако Фортепианный концерт Дворжака является полноценным, внутренне органичным и сообразным некоторым сторонам данной жанровой традиции произведением. Недаром С. Т. Рихтер избрал для своей исполнительской версии Концерта именно оригинальный, подлинный дворжаковский текст, воздержавшись тем самым от демонстрации заведомо выигрышных сторон своего пианистического дарования.

Фортепианный концерт Дворжака на самом деле вовсе не чужд основной линии развития жанра. При том, что найти какой-то «цельный» прецедент дворжаковской трактовки фортепианного концерта по-видимому невозможно, налицо значительная доля подчеркнуто скромного и потому особенно проникновенного материала, встречающегося практически в любом фортепианном концерте из числа наиболее выдающихся. Приглушенные краски «тихого» славянского «созидания» пришлись очень кстати в славянской части европейского фортепианного концерта.

Славянская отзывчивость Дворжака на во многом славянскую же специфику в жанре фортепианного концерта подтверждается и некоторыми структурными особенностями, а также исстари прочно «сросшимися» с данным жанром приемами образно-смыслового развития. Анализируя дворжаковский фортепианный концерт, ведущий российский дворжаковед В. Н. Егорова по давно установившемуся обычаю «точкой отсчета» и возможным прообразом восторженного апофеоза в финале концерта предлагает считать финал Первого фортепианного концерта П. И. Чайковского². Историческая точность требует все же учесть почти синхронное создание концертов Чайковского (1875) и Дворжака (1876).

Более корректным было бы вспомнить о «нормоустанавливающем» праве финала не в славянском, но в столь же «экзотичном» по отношению к Западной Европе норвежском Фортепианном концерте Э. Грига. Это произведение в первой редакции появилось раньше (1868), опередив Первый концерт П. И. Чайковского. Впрочем, не являясь славянским по генезису, апофеоз скромной поначалу темы-мелодии в финале фортепианного концерта утвердился в дальнейшем преимущественно в славянской трактовке данного жанра у Чайковского и особенно у Рахманинова.

Фортепианно-оркестровые композиции выдающегося чешского композитора Богуслава Мартину (1890–1959) в значительной мере подкрепляют обособленное положение, занимаемое его творчеством в музыкальном наследии XX в. Мартину в своих фортепианных концертах откликнулся на некоторые ведущие тенденции в музыкальной композиции своего времени и, одновременно, оказался восприимчивым к отдельным сторонам специфики данного жанра, обозначившимся на предклассическом и классико-романтическом этапах его развития. Подчеркнем, что упомянутая особенность, инакость творческих принципов Мартину, присущая этому автору «разборчивость», эстетическая избирательность как раз и сказались на его отношении как к традициям фортепианно-оркестровой композиции, так и к ее современному состоянию.

Говоря о современных чертах фортепианных концертов Мартину, следует обратить внимание на их неоклассическую направленность, сближающую данные произведения с одной из наиболее влиятельных стилевых ориентаций в музыкальной композиции его времени. Влияние неоклассицизма и особенно приоритет жанра концерта в филармонической музыке XX в. Мартину, можно сказать, испытал на себе лично, своеобразно отозвавшись на них в следующих показательных словах: «По правде говоря, я — тип Concerto grosso»³.

В трактовке концерта Мартину не мог не отреагировать на его десятилетиями складывавшиеся каноны и нормы. К этому композитора подталкивал изначально светлый тип мировидения. Как пишет Н. А. Гаврилова, «Мартину было свойственно стремление к красоте и гармонии, утверждение позитивного начала. <...> Наслаждение красотой самой музыки <...> — это было в природе его искусства»⁴.

Несмотря на то, что у концертов Мартину было изначально меньше шансов выступить в своей прорывной, событийной, «эпохальной» функции хотя бы потому, что композитору были чужды любые преувеличения, Первый фортепианный концерт в свете присущей жанру концерта «рубежности» рассматривается как «исток неоклассической линии»⁵ в творчестве чешского автора. Являясь подобно Прокофьеву автором пяти фортепианных концертов, Мартину, как и Прокофьев, полнее и ярче всего раскрылся в своем Третьем фортепианном концерте. Именно там

Мартину наконец «позволил себе» высказываться, в духе романтического концерта, «во весь голос», допустил прорыв обычно отторгаемой им «обнаженной экспрессии»⁶.

Возвращаясь к общеэстетической проблематике творчества Мартину в проекции на жанр фортепианного концерта, заметим, что в этом ракурсе несколько иначе выглядит природа стилового своеобразия музыки композитора. Указывая на неприятие чешским музыкантом эмоциональных преувеличений романтизма, Н. А. Гаврилова усматривала родственные отношения Мартину с французским искусством, его «ясностью и лаконизмом выражения»⁷. Думается, что определенно обозначившаяся «скромная» славянская параллель европейской фортепианно-оркестровой композиции дает основания «расслышать» не только французскую, но и чешскую, славянскую предпосылку, «ноту чешской национальности»⁸ и уже с этих позиций объяснять верховенство неброской, «неконцертной» (в романтическом смысле) красоты в музыке Мартину. Наследие Мартину, по словам Н. А. Гавриловой, неизвестное советской аудитории пятьдесят лет назад⁹, с тех давних пор ненамного приблизилось к посетителю симфонических концертов.

Тем не менее чешские музыканты не обделили вниманием жанр фортепианного концерта и тем самым в очередной раз поддержали престиж Чехии как «консерватории Европы».

Польша

Польским композиторам послешопеновского периода была уготовлена незавидная участь. Гений Шопена оказался настолько грандиозным, что он практически полностью исключил возможность сколько-нибудь убедительного продолжения не только «буквы», но и духа своей музыки. Таким образом, Шопен для польского музыкального искусства остался не только первым, но и единственным в своем творческом ранге композитором, полностью исчерпавшим ресурсы национальной самобытности на своем индивидуально-стилевом направлении в польской музыке XIX в. Поэтому польские композиторы XX в. (прежде всего представители творческого объединения «Молодая Польша») стремились быстрее пройти через неизбежный этап подражания своему блистательному предшественнику, с тем чтобы набрать творчески-продуктивную дистанцию между ним и собой.

Этим объясняется и в определенном смысле «антишопеновский», отчасти «антиромантический» и, что важно для нас, «антиконцертный» или, точнее сказать, «антифортепианно-концертный» пафос их музыки. И все же у композиторов Восточной Европы, подобно их коллегам из других уголков земли, в общей логике персональной творческой эволюции срабатывает одна закономерность: начав с откровенно оппозицион-

ных, написанных в духе вызывающей «наоборотности» произведений, они в конце концов, проходят через этап «прояснения стиля» к некоторому примирению с традицией. Эта логика в значительной мере распространялась и на творческий путь крупного польского композитора Кароля Шимановского. Стилистая самостоятельность, отторжение любого композиционного доктринерства ему были присущи в высшей степени. И, может быть, именно на фоне этой принципиальной самостоятельности Шимановского особенно рельефно предстают упомянутые закономерности общего плана.

Показательно, что Шимановский, являясь, подобно авторам замечательных фортепианных концертов, композитором-пианистом, написав для фортепиано немало виртуозной музыки, в отношении концерта для фортепиано с оркестром в сравнении с шопеновской «нормой» повел себя принципиально наоборот.

1. Если у Шопена приоритетным являлся фортепианный концерт, то Шимановский, оставаясь композитором-пианистом, предугадал общую для музыки XX в. тенденцию «эмансипации» скрипичного концерта. Два скрипичных концерта Шимановского как бы противопоставлены двум фортепианным Шопена.

2. Если у Шопена обильно представленные фортепианно-оркестровые композиции в соответствии с традицией смещены к начальному этапу творчества, то Шимановский, воздерживаясь на всем своем творческом пути от создания фортепианного концерта, таким произведением свой творческий путь завершил. Имеется в виду Четвертая симфония композитора, фактически — концерт для фортепиано с оркестром.

3. Если у Шопена в концертах для фортепиано с оркестром на первом «далеко впереди стоящем месте» находился пианист при, как обычно считают, слабой развитости оркестровой партии, то Шимановский, подобно многим другим композиторам XX в., включая фортепиано практически во все свои оркестровые партитуры, наоборот, именно фортепианную партию оставлял где-то «в тени».

Возвращаясь к Четвертой симфонии (одновременно — фортепианному концерту), заметим, что именно в этой необычайно значительной, весомой композиции на смену отторжению традиции приходит «примирение» с ней. Произведение было создано Шимановским специально для собственных гастрольных выступлений, в подчинение ему отдавался симфонический оркестр. Такое совмещение в одном творческом субъекте функций композитора, пианиста и дирижера глубоко укоренено в истории фортепианного концерта.

В русле этой же традиции находится предпочтительность сочетания фортепиано и оркестра при планировании масштабных экспериментов в искусстве музыкальной композиции. Замысел Шимановского предстает

звеном сквозной цепи произведений для фортепиано с оркестром с ярко выраженным славянским участием. Справедливости ради следует признать, что идея Шимановского вслед за гершвиновским скрещиванием блюза и фортепианного концерта «гибридизировать» концерт и симфонию вряд ли может претендовать на оригинальность. Само название композиции, *Symphonie concertante* («Симфония концертная»), возвращает во времена западноевропейского классицизма, одно известное произведение с точно таким же названием принадлежит перу В. А. Моцарта. Насаждение в фортепианном концерте элементов симфонического развития — магистральный путь развития данного жанра в XIX в.

Работа Шимановского над своим последним произведением была затруднена постоянно ухудшающимся состоянием здоровья и расстроенным материальным положением. Предчувствуя близкий конец, Шимановский с горечью писал о полном безразличии к нему государства и польского общества, которое позволит ему «умереть от голода, но не преминет устроить пышные похороны, не скупясь на затраты»¹⁰.

Шимановский, невольно использовав фортепианно-оркестровую композицию в функции своеобразного «творческого завещания» вопреки более свойственной ей функции «стартового комплекса», поступил опять-таки в духе определенно обозначившейся в XX в. тенденции. В борьбе с тяжелым и безнадежным заболеванием, а заодно и жестокой материальной нуждой, Шимановский, физически угасая, создал музыку для фортепиано с оркестром, расходящуюся как с физическим состоянием своего автора, так и с привычными представлениями о специфике «позднего стиля» у композиторов. Пожилой возраст, тяжелые жизненные обстоятельства не помешали им написать произведения, полные «юношеского» творческого вдохновения при всей выраженности наступившего с годами мудрого «примирения с традицией». Таким образом, Шимановский пришел в своей последней композиции к парадоксально-двойственной трактовке фортепианно-оркестрового жанра. В значительной мере приближаясь по звучанию к своему романтическому образу, что означает возврат к традиции, фортепианно-оркестровая композиция предстает одновременно своего рода «лебединой песней» автора, что совершенно не характерно для музыки XIX в., но зато в ряде случаев встречается в веке двадцатом.

Напрашивается также аналогия с последним творческим проектом С. С. Прокофьева, оставшимся лишь в эскизах, — Концерте для двух фортепиано с оркестром. Подобно Бетховену, Прокофьев написал пять фортепианных концертов, подобно ему же прекратил работу в этом жанре, будучи еще сравнительно молодым автором. Однако (на этот раз в отличие от своего великого предшественника) очень светлый гений Прокофьева, оптимизм, сохранившийся у него при достаточно непро-

стных жизненных обстоятельствах последних лет жизни, а также своеобразное юношеское отношение к миру (вспомним хотя бы о Седьмой симфонии) закономерно направили мысль Прокофьева в сторону, казалось бы, уже прочно забытого, исчерпанного им жанра. Результат — еще один, правда неосуществленный, замысел концертного произведения, где за основу взято тонкое смысловое «мерцание» расставания с миром музыки (а заодно и с жизнью) и, с другой стороны, юношеского дебюта в этом самом мире.

Не хотелось бы упустить из виду еще одного польского композитора, обозначившегося в жанре фортепианного концерта. Это — Витольд Лютославский. Подобно Шимановскому этот автор вводит фортепиано во многие свои оркестровые партитуры, а единственный фортепианный концерт подобно ему же написал ближе к окончанию творческого пути (1987). При том, что в целом Лютославский известен своей склонностью к современным техническим средствам музыкальной композиции, в фортепианном концерте, наоборот, царит романтически-одухотворенная атмосфера, в полном соответствии с «золотым запасом» данного жанра, сконцентрированным в границах музыкального «девятнадцатого века». Влияние этой традиции видится и в том, что Лютославский дал этому опусу подчеркнута строгое и на тот период уже почти консервативное «имя» — просто Концерт для фортепиано с оркестром. Этим он подтвердил свою верность относительной жанровой стабильности концерта для фортепиано с оркестром в исторической перспективе, а также его трактовке как крупной композиции в сфере самодостаточной музыки, в отношении которой поясняющие слова излишни.

Не будет большим преувеличением считать польскую ветвь в европейской фортепианно-оркестровой композиции одной из самых вытянутых и развитых. Начавшись капитальными произведениями Шопена, до сих пор не оцененными по достоинству во всей их культурной значимости и влиянии, эта линия протянулась на полтора столетия.

Болгария

Основные закономерности историко-художественного бытия фортепианного концерта, его расположения в музыкальной жизни достаточно определенно нашли подтверждение и в болгарской музыке. В развитии болгарской профессиональной музыки академической традиции принято обособлять период, границы которого совпадают с крупными событиями в общественной жизни Болгарии с середины 1920-х и до середины 1940-х гг. Это двадцатилетие оказалось весьма плодотворным в развитии болгарской культуры и, в частности, музыки. Именно в данный период на болгарской музыкальной почве обосновались симфонические жанры, как в программной, так и в самодовлеюще-музыкальной их час-

ти. Параллельно произошла смена поколений болгарских композиторов. На смену Первому поколению, к которому болгарское музыкознание причисляет такие фигуры, как Эммануил Манолов (1860–1902), Панайот Пипков (1871–1942), Добри Христов (1875–1941), Георги Атанасов (1881–1931), пришло Второе поколение, к которому относятся Петко Стайнов (1896–1977), Панчо Владигеров (1899–1978), Любомир Пипков (1904–1974). С интересующей нас точки зрения симптоматично, что названный период по существу открывает своим творчеством выдающийся мастер болгарского фортепианного концерта Панчо Владигеров. Этот композитор, не являясь старшим по возрасту, начав свой творческий путь раньше других композиторов Второго поколения, своеобразно предсказал грядущую «смену веж» произведением именно в данном жанре, т. е. Первым фортепианным концертом (1918). Таким образом, жанр фортепианного концерта, в полном соответствии со своим давно установившимся предназначением, выступил индикатором важных событий одновременно в двух плоскостях: личной творческой эволюции композитора и национально-культурной.

П. Владигеров отозвался в своих трех фортепианных концертах также и на другие уже обозначившиеся на тот период жанровые особенности более частного свойства. Классико-романтический фортепианный концерт подчеркнуто нормативен в крупном структурном плане, представляя пространство для творческих открытий в основном в области мелодического тематизма. Если в болгарской симфонической музыке за пределами концерта развитие шло в сторону симфонизации структурных особенностей национального фольклора и привело в конце концов к качественному скачку, совершенному композиторами Второго поколения в трактовке национального начала, то в фортепианных концертах этого времени (в основном владигеровских) не наблюдается никаких скачков, вполне достаточным оказывается более или менее послушное следование рахманиновской модели фортепианного концерта, «допевание» мелодий общеславянского типа в духе опять-таки Рахманинова. «Разнообразию проявлений здесь противостоит однотипность решений, активному взаимодействию с другими жанрами — замкнутость, изолированность, непрерывной изменчивости — постоянство используемых структур. <...> Все три фортепианных концерта Владигерова (1918, 1930, 1937) строятся по одному типу (с небольшими отклонениями)»¹¹.

Некоторая нехватка личной творческой инициативы, снижавшая Владигерову реноме «Рахманинова по-болгарски», не может при этом полностью ставиться ему в вину. История классико-романтического фортепианного концерта показала, несколько сильно выражено в нем каноническое начало, в значительной мере сковывающее индивидуальную творческую активность, а ощущение Владигеровым за своей спи-

ной дыхания великого Рахманинова, можно сказать, окончательно лишило болгарского композитора реального выбора творческой ориентации.

Глубинная природа фортепианно-концертного жанра, а именно устремленность к красивой музыке «вообще», наложившись на всевластие сильной рахманиновской индивидуальности, поставила Владигерова перед необходимостью так или иначе дальше заполнять своими фортепианными концертами сферу в значительной мере «наиндивидуальной» и «надстилевой» музыкальной красоты, примыкающую к жанру фортепианного концерта, метко названную Прокофьевым «пропастью красивейшей музыки». В результате Владигеров обеспечил не более чем достойное угасание данной жанровой традиции.

* * *

Погружаясь в историю славянского фортепианного концерта и природу его славянской самобытности, мы оттолкнулись от идеи особого культурного пути, уготовленного народам Восточной Европы в общем культурном процессе. В европейском фортепианном концерте, занимающем почетное место в ряду жанров инструментально-оркестровой музыки, в полной мере проявляется славянское участие в общеевропейском культуротворческом деле на разных его стадиях.

Специфику значения отдельно развивающейся национальной культуры с ее особым славянским смысловым подтекстом, на этот раз на основе остро прочувствованной личной принадлежности к ней, по-своему передал и выдающийся русский художник М. А. Врубель, прибегнув, что важно в контексте нашей темы, не к языку изобразительного искусства, а к языку музыки: «И опять меня обдаёт, нет, не обдаёт, а слышится мне та интимная национальная нотка, которую мне так хочется поймать на холсте и в орнаменте. Это музыка цельного человека, не расчлененного отвлеченными...»¹². Врубелевское признание прямо-таки поразительным образом попадает в смысловое ядро нашего исследовательского сюжета, коль скоро фортепианный концерт в ряду музыкальных жанров — средоточие «цельной человечности», охраняемой от аналитических «расчленений» неподвластной им прекрасной самодовлеющей музыкой, доступной и неприступной одновременно. Добавим лишь, что нечто, названное Врубелем «ноткой», способно, при всей своей «интимности», подводить в конце концов к глобальным художественным событиям, становящимся торжеством славянской культуры.

Именно такими событиями видятся фортепианно-оркестровые композиции Шопена и Рахманинова. Их концерты для фортепиано с оркестром в общей славянской линии развития данного жанра и во взаимной соотнесенности особенно ярко высветили глубинное родство этих музыкантов: композиторов, пианистов, патриотов и трагических изгнанников.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Бэлза И. Ф.* История чешской музыкальной культуры. М., 1973. Т. 2. С. 38.
- 2 *Егорова В. Н.* Дворжак. М., 1997. С. 98.
- 3 *Гаврилова Н. А.* Богуслав Мартину. М., 1974. С. 75.
- 4 Там же. С. 4.
- 5 Там же. С. 184.
- 6 Там же.
- 7 Там же. С. 9.
- 8 Там же. С. 4.
- 9 Там же. С. 3.
- 10 *Кокорева Л. М.* Музыкальная культура Польши XX века. Шимановский. Лютославский. Пендерецкий. М., 1997. С. 35–36.
- 11 *Хлебаров И.* Процессы формирования болгарской симфонической музыки // Из истории музыки XX века. Сб. статей. М., 1971. С. 238.
- 12 Великие художники XX века. М., 2002. С. 57.

Т. И. Вендина
(Москва)

Славянский языковой мир: общность и многообразие

В заголовок данной статьи вынесено традиционное название дней славянской письменности — «Славянский мир: общность и многообразие». И это не случайно. Кирилло-мефодиевская идея славянского духовного единства во многом стимулирует разработку проблемы языкового и культурного единства славян. В исследовании этой проблемы, в поисках проявления этого единства наиболее надежными и убедительными, как представляется, являются материалы Общеславянского лингвистического атласа.

Идея создания общеславянского лингвистического атласа возникла еще на I Международном съезде славистов в 1929 г. в Праге, где с докладом «Projet d'un Atlas Linguistique Slave» выступили выдающиеся компаративисты XX в. А. Мейе и Л. Теньер. Однако в тот период «еще недостаточно ясно осознавалось различие между лингвогеографическим изучением каждого и в конечном итоге всех славянских языков, с одной стороны, и общеславянским лингвистическим атласом как работой нового типа, охватывающим целую семью родственных языков... — с другой. Кроме того, общая политическая обстановка 30-х годов в Европе не благоприятствовала проведению столь обширного международного начинания, поэтому оно не получило своего развития» (Аванесов 1978: 5). И только лишь спустя десять лет после окончания Второй мировой войны этот проект вновь стал предметом обсуждения. В 1958 г. в Москве на IV Международном съезде славистов с докладами о создании Общеславянского лингвистического атласа выступил польский ученый З. Штибер «O projekcie Ogólnosłowjańskiego atlasu dialektologicznego», а также советские ученые Р. И. Аванесов и С. Б. Бернштейн («Лингвистическая география и структура языка»).

Именно на этом съезде было принято решение развернуть работу над Общеславянским лингвистическим атласом. Признав создание Атласа одной из важнейших задач славянского языкознания, съезд рассмотрел организационные формы осуществления этого проекта.

Началась разработка вопросника Атласа, его программы, а позже и экспедиционная работа по сбору материала во всех славянских диалектах (на карте ОЛА их представляют 853 пункта).

Программа Атласа предусматривает решение двух качественно разных задач — сравнительно-исторического и синхронно-типологического изучения славянских диалектов.

Первая — традиционная область славянского языкознания — охватывает такие вопросы, как «образование славянского языкового единства и последующее его диалектное членение, а в дальнейшем образование современных славянских языков. Вместе с данными историческими в широком смысле, включая этнографические и археологические, ОЛА дает материал для решения вопроса о первоначальной территории, занимаемой славянами, и их последующего распространения в разных направлениях в разные географические зоны и в разные исторические эпохи, о контактах славянских языков с языками неславянских народов на весьма обширной территории с очень разными по уровню своего развития культурами: с германцами, балтийцами, кельтами, фракийцами, иранцами, финно-уграми, тюрками, греками, романцами... Помимо проблемы реконструкции праславянского языка в его общих и диалектных чертах, ОЛА дает материал и для освещения вопросов общеславянских, т. е. более поздних процессов, охватывающих в той или иной мере все славянские языки и диалекты, процессов, основанных на общности предшествующей эпохи, но протекавших в разных частях Славии в значительной мере самостоятельно и приведших к разным результатам... Наконец, ОЛА дает материал для изучения истории формирования современных славянских диалектов, внутриславянских контактов — процессов более позднего времени. Карты ОЛА помогают в той или иной степени выяснить сложные языковые отношения: русско-белорусские, белорусско-украинские, русско-украинские, белорусско-польские и украинско-польские и т. д. Картографирование карпатского региона на стыке словацких, чешских, польских, западноукраинских диалектов с венгерскими и румынскими позволяет углубить изучение старых языковых отношений в этом районе. На картах Атласа детальное освещение получают и польско-чешские языковые отношения („ляшские“ говоры на территории Чехии) и отношения славянских языков Балканского полуострова с неславянскими языками соседних народов» (ОЛА. Вступительный выпуск. 2 изд. М., 1994: 28–30).

Другая задача атласа, также не менее важная и к тому же в значительной степени новая, — задача синхронно-типологическая, актуальная для всех уровней языка от фонетического до грамматического, включая синтаксический. Решение этой задачи предполагает создание карт принципиально нового типа, которые должны репрезентировать отдельные фрагменты языковых систем славянских языков.

Таким образом, Общеславянский лингвистический атлас является грандиозным лингвогеографическим проектом сравнительно-исторического языкознания XX в., аналога которому славистика не знает. В нем обобщен опыт славянской и европейской лингвистической географии и впервые дана территориальная стратификация многих праславянских языковых явлений.

Работа над Общеславянским лингвистическим атласом продолжается уже 50 лет. Несмотря на то что процесс создания Атласа растянулся во времени и при этом знал разные коллизии, его коллективу удалось опубликовать шесть томов фонетико-грамматической серии — «Рефлексы *ѣ» (Београд, 1988), «Рефлексы *ѣ» (Москва, 1990), «Рефлексы *ѣ» (Warszawa, 1990), «Рефлексы *ьг, љг, њ, њ» (Warszawa 1994), «Рефлексы *ь, *ь. Вторичные гласные» (Скопје, 2003), «Рефлексы *ь, *ь» (Загреб, 2006) и пять томов лексико-словообразовательной серии — «Животный мир» (Москва, 1988), «Животноводство» (Warszawa, 2000), «Растительный мир» (Мінск, 2000), «Профессии и общественная жизнь» (Warszawa, 2003), «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (Москва, 2007), и это при том, что в 80-х гг. публикацию Атласа пришлось «заморозить», так как в процессе работы возникли сложности экстралингвистического характера, преодолеть которые удалось практически только спустя двадцать лет (подробнее см.: Иванов 1993: 315).

В истории этого проекта важной вехой явился VIII съезд славистов, на котором один из основателей атласа, Р.И. Аванесов, говорил о том, что будет или должно быть в ОЛА. Сегодня можно говорить о том, что уже есть, что уже реально дают карты Атласа для изучения диалектов славянских языков в их истории и современном состоянии, какую новую лингвистическую информацию содержат карты ОЛА, в чем проявляется общность и многообразие славянского языкового мира, какова специфика состояния современного диалектного континуума Славии, характера его дифференциации, наконец, какие коррективы вносит Атлас в существующие представления о складывании дифференциации отдельных зон Славии, включая динамику этой дифференциации.

Картографирование языкового материала на огромном пространстве придает картам Атласа статус особо ценного источника лингвистической информации, так как чем больше территория, тем надежнее информация о специфике диалектного ландшафта Славии и вероятнее получение новых сведений. Поэтому ОЛА является уникальным источником изучения славянского диалектного ландшафта и тех языковых процессов, которые протекали в древности и протекают сегодня в славянских диалектах.

В этой связи чрезвычайно важным событием славянской лингвистической географии явилась публикация в России очередного тома ОЛА «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», так как в нем впервые

представлена лингвистическая информация, охватывающая всю территорию Славии, включая и Болгарию, которая долгое время не участвовала в этом проекте. Включение болгарского материала не только позволило выявить ряд интересных изоглосс (ср., например, изоглоссы, свидетельствующие о древних болгаро-лехитских связях: карта 21 'мясо свиньи' *svin-ьsk-o* * (subst); карта 31 'пенка' (на молоке) *съ-met-an-a*; к. 46 3sg praes asp perf 'варит' *u-got-ьv-i-tь* и др.), но и существенно изменило общую ареалогическую картину, вырисовывающуюся на картах Атласа. Это дало возможность по-новому взглянуть на межславянские лексические параллели и обратиться к изучению специфики отдельных славянских диалектов как компонентов славянского континуума в целом.

Работа над ОЛА со всей очевидностью показала, что реконструкция системы праславянского языка, решение вопроса о локализации прародины славян невозможны без изучения современного славянского диалектного континуума методами лингвогеографии. В этом смысле Атлас содержит бесценную информацию об ареалах многочисленных явлений как фонетико-грамматических, так и лексико-словообразовательных, локализация которых ранее была неизвестна в славистике.

Оценивая предварительные итоги проделанной работы, следует отметить то, что Атлас предоставил исследователям богатейший диалектный материал, долгое время остававшийся в тени при изучении диалектной дифференциации Славии. И этот во многом новый и свежий языковой материал является главным итогом международного проекта.

Задача любого атласа, как, впрочем, и любого лингвогеографического исследования, состоит в том, чтобы дать представление об общей картине распространения изучаемых явлений с целью выявления изоглосс и определения их топографической и лингвистической значимости. «Лингвогеограф интересуется прежде всего современным состоянием явлений, место, которое они занимают в наши дни и взаимоотношения их в пространстве. Только после подробного географического их исследования и на основе этого исследования лингвогеограф считает себя вправе обратиться к их истории» (Теньер 1966: 118).

В связи с этим чрезвычайно продуктивным, как представляется, является прием рекартографирования материалов Атласа с целью укрупнения информации, содержащейся на его картах. В этом случае карта из иллюстрации превращается в самостоятельный объект анализа, и факты, отраженные на ней, становятся особенно значительными благодаря избранному масштабу исследования.

Прием рекартографирования позволяет более четко представить сведения о характерных лексических особенностях тех или иных диа-

* Примеры даются в морфонологической транскрипции, принятой в ОЛА.

лектов, рассмотрев их в общеславянском контексте. Общеславянская перспектива дает возможность понять, какие из этих особенностей отражают и продолжают отношения исходной системы, а какие свидетельствуют о неодинаковой реализации системы связей и отношений, унаследованных из праславянской эпохи.

Используя прием рекартографирования как один из способов прочтения лингвогеографической информации, содержащейся на карте, можно обнаружить следующее явление, особенно хорошо прослеживающееся на лексико-словообразовательных картах Атласа: древнейшие **праславянские** лексемы имеют, как правило, обширные ареалы, покрывающие большую часть современной Славии (см., например, распространение лексемы *ob-ěd-ъ* на карте 59 'обед, еда в дневное-время' (карта-схема 1), *sěr-a* на карте 32 'молоко коровы сразу после отела', *mok-a* на карте 11 'мука, из которой пекут хлеб' (см. карту-схему 18) или лексемы *večer-j-a* на карте 62 'ужин, вечерняя еда' (карта-схема 2), тогда как диалектные регионализмы чаще локализуются в маргинальных зонах (см., например, распространение лексем *borš-ъn-o* на карте 11 'мука, из которой пекут хлеб' (см. карту-схему 3) или лексем *prag-ъn-en-ъj-e*, *prag-ъn-ě-ъk-a* на карте 9 'желание, потребность пить' (см. карту-схему 4).

Четкие противопоставленные ареалы образуют чаще всего более поздние образования (см., например, распространение лексем (*šand*)-у и (*vag*)-у, (*važ*)-ъk-у на карте 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло' (карта-схема 5) или лексем *stud-en-ъc-ъ* и (*bunar*)-ъ на карте 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец' (см. карту-схему 13 и т. д.), которые не имеют общеславянского характера и, будучи ареально ограниченными, формируют противопоставленные различия.

Карты Атласа вносят коррективы в существующее в славистике мнение о близости славянских языков на лексическом уровне, так как в синхронном плане материалы карт демонстрируют сравнительно небольшой процент сохранности **ЛЕКСЕМ**, имеющих общеславянское распространение, при том что несомненное сходство между славянскими языками проявляется в **генетической общности морфемного фонда** (и прежде всего **КОРНЕЙ**, каждый из которых в разных славянских диалектах довольно избирательно сочетается с теми или иными аффиксальными морфемами, что и создает многочисленные диалектные различия), ср., например, распространение таких корней, как **mēs-/*měš-* на карте 13 'поставит, замесит тесто', *tel-ēt-* на карте 23 'мясо телянка', *ov-ъc-* на карте 24 'мясо барана', *gōs-* на карте 25 'мясо гуся', *běl-* на карте 42 'белая часть яйца', *žblt-* на карте 43 'желтая часть яйца' и др. Особенно это явственно обнаруживается при сопоставлении материалов шестого тома Атласа «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» с первым томом «Животный мир».

Яркой иллюстрацией своеобразия в языковом моделировании мира «своего» домашнего хозяйства служат цельнолексемные номинации, отличительно характеризующие каждую славянскую группу диалектов, ср.:

восточнославянские диалекты: карта 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло' *korm-y-sl-o*; *korm-y-sl-ъ* (карта-схема 5); карта 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом' *lěj-ъk-a* (карта-схема 6); карта 19 'крошки' (хлеба) *krъš-ъk-y* (карта-схема 7); карта 26 'содержащий много жира' (о мясе) *žir-ъn-ъ* (карта-схема 8); карта 29 'топленое свиное сало' *žir-ъ*; карта 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' *съ-liv-ъk-y* (карта-схема 9); карта 49 'кипящая или вскипевшая вода' *кyp||-ѣt-ъk-ъ* (карта-схема 10); карта 52 'ложка' *lъž-ъk-a*; карта 53 *dem* 'ложечка' *lъž-ъč-ъk-a*; карта 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда' *||ēd-a* (карта-схема 11); карта 60 'ест обед' *ob-ēd-a-j-e-tъ* (карта-схема 12);

западнославянские диалекты: карта 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец' *stud-ъn-j-a*, *stud-ъn-ъj-a* (карта-схема 13); карта 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом' (*traxter*)-ъ, (*trixter*)-ъ; карта 17 'режет' (хлеб) *кроj-i-tъ*, *кроj-e-tъ*, *краj-e-tъ*, *краj-a-j-e-tъ* (карта-схема 14); карта 60 'ест обед' *ob-ēd-u-j-e-tъ* (карта-схема 12);

южнославянские диалекты: карта 29 'топленое свиное сало' *mast-ъ* (карта-схема 28); карта 44 'кислый, квашеный' (о капусте) *кys-ěl-ъ || кys-el-ъ*; карта 49 'кипящая или вскипевшая вода' *въr-ѣt-j-a vod-a*, *въr-ѣt-j-a vod-a*, *въr-ěl-a vod-a* и др.; карта 50 'сделанный из глины' *zem-j-ěn-ъ* (карта-схема 15); карта 52 'ложка' *lъž-ic-a*; карта 61 'еда между обедом и ужином, полдник' *||už-in-a* (карта-схема 16).

Интересно, что в этом томе так же, как и в предшествующих томах Атласа лексико-словообразовательной серии, **наибольшим своеобразием** характеризуются **восточнославянские диалекты**, в которых отмечено около 40 таких отличительно характеризующих интегральных лексем, в то время как в западно- и южнославянских диалектах число их не превышает десятка. Этот факт, как представляется, не может не свидетельствовать о том, что в большинстве своем лексика ведения домашнего хозяйства сформировалась в славянских языках в период самостоятельной эволюции славянских языковых групп. Причем на ее формирование оказали влияние не только собственно лингвистические, но и экстралингвистические факторы, в частности существование определенных традиций питания и ведения хозяйства (см., например, карты, посвященные названиям колодца и коромысла, в которых ярко проявляется самобытность материальной культуры южных славян).

Карты Атласа выявляют и различия в **степени диалектной дифференциации** отдельных регионов. На одних славянских территориях пред-

ставлена высокая степень дифференциации диалектных названий (см., например, ситуацию в южнославянских диалектах на карте 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец', где распространены такие диалектные лексемы, как *stud-en-ьс-ь*, *kold-ьн-ьс-ь*, (*cistern*)-*a*, *qblll-ь*, (*stern*)-*a*, (*puč*)-*ь*, (*geran*)-*ь*, (*bunar*)-*ь*, в то время как в западнославянских диалектах отмечены лексемы лишь с корнем *stud-* (чеш., слц., плс., луж. *stud-ьн-j-a*, чеш. *stud-ьн-ic-a*, слц. *stud-ьн-j-ь*), на других, напротив, отношения лексической дифференциации достаточно монотонны. Особенно это относится к восточнославянским языкам, которые часто демонстрируют своеобразную лингвогеографическую монолитность в распространении той или иной лексемы (см., например, географию таких лексем, как *krъš-ьк-у* (карта-схема 7) карта 19 'крошки' (хлеба); (*stokan*)-*ь* (карта-схема 17) карта 6 'стакан'; 29; *pěn-ьк-a* карта 31 'пенка' (на молоке); *prost-o-kvaš-a*; *syр-o-kvaš-a*; *kys-ьl-j-ak-ь* карта 35 'сырое кислое молоко'; *vъrъ-ьк-ь*; *sъ-liv-ьк-у* карта 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' и др.). Такое удивительное лексическое единство (подробнее см.: Вендина 2003: 63) говорит о высокой степени гомогенности восточнославянского диалектного континуума, в отличие от южно- и западнославянских языков, характеризующихся скорее гетерогенностью. И этот факт не может оставаться без внимания при рассмотрении вопроса о лингвистическом этногенезе южных и западных славян. Успешное решение этой проблемы, как представляется, лежит на пути выявления наиболее значимых сепаратных связей для каждой группы языков.

Однако наряду с изоглоссами, объединяющими языки в традиционные языковые группы — восточную, западную и южную, — на картах Атласа содержится много интересного материала, свидетельствующего о лексическом своеобразии славянских диалектов (ср., например, наличие в словенских диалектах эксклюзивных лексем (*glāž*)-*ь* карта 6 'стакан' (см. карту-схему 17), *ruměn-ь-ak-ь* карта 43 'желтая часть яйца' (см. карту-схему 19); в хорватских — лексемы (*žmulj*)-*ь* карта 6 'стакан' (см. карту-схему 17); *vъrx-ьн-j-a*; *vъrx-ьн-bj-e* карта 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки'; *běl-an-ь=-ak-ь* карта 42 'белая часть яйца'; в сербских — лексем *čъbъr-ьн-j-ak-ь* карта 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло'; *pa-volk-a* карта 37 'сметана', *žblt-ьс-e* карта 43 'желтая часть яйца' (см. карту-схему 19); *kъrm-ьt-in-a* карта 21 'мясо свиньи' (см. карту-схему 20); *kraj-ьк-a* карта 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' (см. карту-схему 25); в македонских — (*tekn*)-*e* карта 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева'; *tron-ьк-у* карта 19 'крошки' (хлеба); в болгарских — лексем *kobyл-ic-a* карта 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло' (см. карту-схему 5); *svin-ьск-o* (subst) карта 21

‘мясо свиньи’ (см. карту-схему 20); *tel-ęt-ъsk-o* (subst) карта 23 ‘мясо теленка’; в чешских — лексем *stýkl-ěn-ic-a* карта 6 ‘стакан’ (см. карту-схему 17), *vepr-ev-o* (subst) карта 21 ‘мясо свиньи’ (см. карту-схему 20); *žęd-j-//n-ъ* карта 9 ‘желание, потребность пить’; в словацких — лексем *lĕv-ik-ъ* карта 5 ‘воронка для переливания жидкости в сосуд’ (см. карту-схему 21); *smag-ъ* карта 9 ‘желание, потребность пить’ (см. карту-схему 23); (*olovrant*)-ъ карта 61 ‘еда между обедом и ужином, полдник’ (см. карту-схему 16); *kraj-ik-ъ* карта 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ (см. карту-схему 25); в лужицких — лексем *krom-ič-ъk-a* карта 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ (см. карту-схему 25); в польских — лексем *kož-ux-ъ* карта 31 ‘пенка’ (на молоке), *prag-ъn-en-ъj-e* карта 9 ‘желание, потребность пить’ (см. карту-схему 4); (*kolacij*)-a карта 62 ‘ужин, вечерняя еда’ (см. карту-схему 22); *pri-lĕp-ъk-a* карта 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ (см. карту-схему 25); в белорусских — лексем *korm-y-sl-a* карта 2 ‘деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло’; *člĕst-ost-ъ* карта 29 ‘топленое свиное сало’; *nĕ-sъ-čem-ъn-ъ* карта 3 ‘пустой, ненаполненный’; в украинских — лексем *sъ-prag-a* карта 9 ‘желание, потребность пить’ (см. карту-схему 23); *сĕl-uš-ъk-a* карта 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ (см. карту-схему 25); *star-ъk-a* карта 31 ‘пенка на молоке’; *въrš-ъk-y* карта 36 ‘густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки’ и др.).

Особенно много таких отличительно характеризующих лексем в русских диалектах, ср. *vod-o-nos-ъ* карта 2 ‘деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло’, *prost-ъ* карта 3 ‘пустой, незаполненный’, *vorп-ъk-a* карта 5 ‘воронка для переливания жидкости в сосуд’ (см. карту-схему 21); *kold-a* карта 12 ‘деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева’, *krъx-y* карта 19 ‘крошки (хлеба)’; *korv-in-a*, *korv-ęt-in-a* карта 22 ‘мясо коровы или вола’; *prost-o-kyš-a*, *prost-o-kvaš-a* карта 35 ‘сырое кислое молоко’ (см. карту-схему 24); *bĕl-//-yš-ъ* карта 42 ‘белая часть яйца’; *žblĕ-yš-ъ* карта 43 ‘желтая часть яйца’ (см. карту-схему 19); *pa-už-ъn-a* и *pa-už-in-a* карта 61 ‘еда между обедом и ужином, полдник’ (см. карту-схему 16); *sъ-kpъs-ъn-ъ* карта 65 ‘вкусный’ (о еде) (см. карту-схему 26 и др.).

В отличие от всех остальных славянских диалектов, в которых эксклюзивные лексемы часто имеют точечные ареалы, среди русских эксклюзивов встречаются такие, которые составляют принадлежность русских диалектов в целом, так как их характеризует практически повсеместное распространение (ср., например, ареал лексем *gъrb-uš-ъk-a* карта 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ (см. карту-схему 25); или лексем *//už-in-ъ* карта 62 ‘ужин, вечерняя еда’ (см. карту-схему 22).

Причины возникновения и характер этих эксклюзивных образований разные: одни из них являются свидетельством диалектальности славянского языкового континуума еще в глубокой древности, другие являются итогом контактов славянских диалектов с неславянскими, и прежде всего с тюркскими, угро-финскими, германскими (ср., например, распространение в восточнославянских языках лексемы (*stokan*)-ъ на карте 6 'стакан', которая является заимствованием из тюрк. (чагат.) *tostakan*, или на той же карте лексемы *pohar*-ъ, распространенной в украинских, словацких, отдельных чешских и польских диалектах (см. карту-схему 17), которая является унгаризмом: из венг. *pohár*; лексемы (*bunar*)-ъ на карте 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец', которая является турецким заимствованием: тур. *bunar* (см. карту-схему 13); или характерных для польских диалектов лексем (*šand*)-у и (*vag*)-у на карте 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло' (см. карту-схему 5), которые отражают влияние немецкого языка: (*vag*)-у из нем. *Waage*; (*šand*)-у из нем. диал. *schande*).

Соответственно разным оказывается и возраст этих эксклюзивных образований: одни из них сформировались в глубокой древности, другие — сравнительно недавно. Так, например, характер ареала русских эксклюзивных лексем *gъrb-uš-ьk-a* карта 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' и *lлуž-in-ъ* карта 62 'ужин, вечерняя еда' позволяет сделать вывод о том, что это поздняя местная инновация. Возникновение этих лексем относится к периоду самостоятельного существования русского языка, во всяком случае в «Словаре русского языка XI–XVII вв.», а также в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского данные лексемы не фиксируются.

О довольно позднем распространении слова в русских диалектах свидетельствует и ареал лексемы *ворн-ьk-a* карта 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом' (см. карту-схему 21), первая фиксация которой относится к XVI в. (ср. следующий пример из Словаря русского языка XI–XVII вв. 3: 33: *воронка* 'конусовидное приспособление для переливания жидкости в сосуд с узким горлом, воронка': *Се нарицаютьъ лием или воронкою, Наричатель XVI в.*). Примечательно, что упоминаемое в этом контексте древнее славянское слово *lij-ь, lij-a* в русских диалектах не сохранилось, но еще встречается в словенских.

Таким образом, каждый из славянских языков обнаруживает свои особенности в номинации реалий, относящихся к домашнему быту. Эти изоглоссы, разъединяющие славянские языки, свидетельствуют о самобытности их развития.

Следует, однако, признать, что в целом таких эксклюзивных лексем сравнительно немного, значительно чаще наблюдается ситуация, когда те или иные диалекты демонстрируют лексическое своеобразие лишь в

кругу близкородственных языков, так как отличительно характеризующие их лексемы находят свое продолжение в других частях Славии (см., например, распространение такой лексемы, как *porzd-ъn-ъ* карта 3 'пустой, ненаполненный', которая локализуется не только в северных и западных среднерусских говорах, но широко представлена в южно- и западнославянских языках (см. карту-схему 27); или *pors-ъt-in-a* карта 21 'мясо свиньи', которая известна в севернорусских говорах, но отмечена также в сербских и хорватских диалектах; лексемы *poĥar-ъ* карта 6 'стакан', которая распространена не только в украинских, но и в словацких и отдельных чешских и польских диалектах (см. карту-схему 17); *boř-ъn-o* карта 11 'мука, из которой пекут хлеб' — в украинских, хорватских, сербских, македонских и болгарских диалектах (см. карту-схему 3); *drob-ъk-y, drob-in-ъk-y* карта 19 'крошки хлеба' — в украинских, чешских и польских диалектах; *mast-ъ* карта 29 'топленое свиное сало' — в южнославянских, украинских и словацких диалектах (см. карту-схему 28); (*kolastr*)-*a* карта 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' — в украинских, македонских и словацких диалектах; *dobr-ъ* карта 65 'вкусный' — в словенских, хорватских, сербских, болгарских, чешских, лужицких, польских и украинских диалектах (см. карту-схему 29) и т. д.).

Все эти отличительно характеризующие те или иные диалекты лексемы свидетельствуют о том, что древние трансдиалектные связи, продолжающие отношения исходной системы, до сих пор сохраняются в славянских языках. В качестве примера можно привести локализацию лексемы *ob-ĕd-ъ* на карте 59 'обед, еда в дневное время', широко распространенной в восточно- и западнославянских диалектах, а также в некоторых южнославянских (см. карту-схему 1); другой пример — хотя и менее показателен, однако также довольно интересен, — это локализация лексемы *veĥer-j-a* на карте 62 'ужин, вечерняя еда': несмотря на то, что она характерна не для всех русских говоров, а только лишь для южнорусских (особенно западной группы), однако ценность ее определяется тем, что она находит продолжение в западно- и южнославянских диалектах (см. карту-схему 2).

В этом отношении чрезвычайно показательны межъязыковые соответствия каждого славянского языка в отдельности. Этот вопрос нуждается в отдельном ареалогическом анализе и может быть предметом самостоятельного исследования, однако в качестве иллюстрации таких соответствий можно привести примеры, относящиеся к русскому языку.

Следует сразу отметить, что среди этих лексических параллелей чаще всего встречаются такие, которые связывают русские диалекты с украинскими и белорусскими, одновременно противопоставляя их всей остальной Славии (ср., например, распространение лексем *kold-ĕz-ъ // kold-ъc-ъ* карта 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец' (см. карту-схему 13); *korm-y-sl-o* карта 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло' (см. карту-схему 5); (*stokan*)-*ъ* карта 6 'стакан' (см. карту-схему 17);

krъš-ъk-у карта 19 'крошки' (хлеба) (см. карту-схему 7); *куп//-ѣт-ъk-ъ* карта 49 'кипящая или вскипевшая вода' (см. карту-схему 10); *//ĕd-a* карта 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда' (см. карту-схему 11) и др.). Ареал этих лексических корреспонденций, целостность общей ареальной картины на значительной части территории свидетельствует о довольно позднем их формировании.

Однако не меньший интерес представляют русско-южнославянские и русско-западнославянские параллели.

Характер этих параллелей также оказывается разным: одни из них являются эксклюзивными, свойственными только русскому и одному из славянских языков, когда та или иная лексема «самым причудливым образом всплывает на разных концах Славии, объединяя порой неблизкие диалекты между собой и даря нам, таким образом, фрагменты древней лингвистической географии с ее пронизаемостью диалектных границ» (Трубачев 2003: 15). Как правило, эти соответствия имеют островные ареалы, ср., например, русско-словенские сепаратные дистантные схождения на карте 27 'подкожный слой жира в свинине': *loj-ъ* (слн. п. 146 и рус. п. 761), русско-польские на карте 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева': *děž-ъk-a* (плс. п. 277, 289 и рус. п. 725, 782, 832, 838) или русско-болгарские на карте 61 'еда между обедом и ужином, полдник': *pol-ъ-dъn-e* (блг. п. 118 и рус. п. 726, 777, 814, 825).

Другие, несмотря на свой дистантный характер, имеют более обширные ареалы (ср., например, распространение лексемы *kož-a* на карте 31 'пенка' (на молоке), зафиксированной не только в русских, но и в южнославянских диалектах, а также в чешских, словацких и лужицких, или лексем *sold-ъk-ъ* на карте 65 'вкусный' (о еде) и *sĕr-o melk-o* на карте 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво', распространенных, помимо русских, в сербских, македонских и болгарских диалектах).

Интересно, что на картах нередко наблюдается ситуация, когда украинские и белорусские диалекты выполняют роль своеобразного моста, благодаря которому осуществляется связь русских говоров с другими славянскими диалектами (ср., например, распространение лексем *rěž-e-tь*, *rěž-i-tь* на карте 17 'режет' в восточно- и южнославянских языках (см. карту-схему 14) или лексемы *nož-ik-ъ* на карте 20 *dem* 'ножик, ножичек' — в восточно- и западославянских). При этом в формировании русско-инославянских лексических параллелей роль украинского и белорусского языков, судя по материалам Атласа, оказывается разной: если белорусский язык «обеспечивает» прежде всего русско-западославянские связи (ср. русско-белорусские лексические параллели, которые очень часто находят продолжение в польских диалектах: см., например, распространение лексемы *var-ъ* на карте 49 'кипящая или вскипевшая вода' (см. карту-схему 30) или лексем *nos-i-dl-a*, *nos-i-dl-у* на карте 2 'деревянная дуга для ношения ведер на

плече, коромысло»), то роль украинского языка более масштабная, так как, наряду с западнославянскими, он активно участвует в формировании русско-южнославянских параллелей (ср., например, русско-украинские лексические параллели, которые находят продолжение в западно- и южнославянских диалектах на карте 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво': лексемы *melz-iv-o*, *melz-iv-a* (карта-схема 31) или только в южнославянских — словенских, хорватских и македонских диалектах на карте 31 'пенка' (на молоке): лексема *pĕn-a* (карта-схема 32)).

Нельзя, однако, не отметить, что на картах встречается и такая ситуация, когда украинско-белорусское «посредничество» в этих лексических параллелях отсутствует, ср., например, ареал лексемы *porzd-ъn-ъ* карта 3 'пустой, ненаполненный', распространенной в севернорусских архангельских и вологодских говорах, в западной группе среднерусских — новгородских, псковских, тверских говоров, а также в западно- и южнославянских диалектах (см. карту-схему 27).

Прием рекартографирования материалов Атласа позволяет более четко представить сепаратные связи русских диалектов с западно- и южнославянскими языками, ср., например, распространение лексемы *žĕd-j-a* на карте 9 'желание, потребность пить' (см. карту-схему 4), лексемы *vъ-kpъ-ъn-ъ* карта 65 'вкусный' (о еде) (см. карту-схему 26), которые находят свое продолжение не только в белорусских и украинских диалектах, но и в южнославянских). Лингвистическая значимость этих лексических параллелей определяется тем, что они отсутствуют в западнославянских языках, и уже это обстоятельство свидетельствует о том, что своими корнями они уходят в глубокую древность, хотя и не являются общеславянскими.

Общая картина русско-южнославянских лексических параллелей выглядит следующим образом: больше всего сходжений наблюдается со словенскими и сербскими диалектами, лексические соответствия с другими славянскими диалектами выглядят значительно скромнее. В качестве иллюстраций приведем лишь некоторые, наиболее выразительные примеры:

Рус.-слн.: карта 11 'мука, из которой пекут хлеб' *mрк-a* (см. карту-схему 18); карта 21 'мясо свиньи' *svin-in-a* (см. карту-схему 20); карта 27 'подкожный слой жира в свинине' (*špek*)-ъ; карта 31 'пенка' (на молоке) *pĕn-a* (см. карту-схему 32); карта 35 'сырое кислое молоко' *kys-ĕl-o melk-o*; карта 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' *sъ-met-an-a*; карта 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана' *sъ-met-an-a*; карта 58 'завтрак, утренняя еда' *za-llutr-ъk-ъ*, *za-utr-ъk-ъ*;

Рус.-хрв.: карта 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' *koryt-o*; карта 22 'мясо коровы или вола' {*go*}*v-ĕd-in-a*; карта 23 'мясо телянка' *tel-ĕt-in-a*; карта 32 'молоко коровы сразу после

отела, молозиво' *melz-iv-o* (см. карту-схему 31); карта 46 3sg praes asp perf 'варит' *sv-var-i-tь*; карта 59 'обед, еда в дневное время' *ob-ěd-ь* (см. карту-схему 1);

Рус.-серб.: карта 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' *нѣ{kt-ьv}-a, нѣ{kt-ьv}-y*; карта 22 'мясо коровы или вола' *{go}v-əd-in-a*; карта 23 'мясо телянка' *tel-ət-in-a*; карта 35 'сырое кислое молоко' *kys-ěl-o melk-o*; карта 46 3sg praes asp perf 'варит' *sv-var-i-tь*; карта 65 'вкусный' (о еде) *vь-kos-ьn-ь* (см. карту-схему 26);

Рус.-мак.: карта 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' *нѣ{kt-ьv}-a, нѣ{kt-ьv}-y*; карта 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' *kraj-ьč-ik-ь*; карта 29 'топленое свиное сало' *sad-l-o*; карта 35 'сырое кислое молоко' *kys-ěl-o melk-o*; карта 42 'белая часть яйца' *bělll-ьk-ь*; карта 43 'желтая часть яйца' *žьlt-ьk-ь*; карта 46 3sg praes asp perf 'варит' *sv-var-i-tь*;

Рус.-блг.: карта 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' *нѣ{kt-ьv}-a, нѣ{kt-ьv}-y*; карта 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' *sv-met-an-a*; карта 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана' *sv-met-an-a*; карта 42 'белая часть яйца' *bělll-ьk-ь*; карта 43 'желтая часть яйца' *žьlt-ьk-ь*; карта 47 'кипит' (вода) *kyp-i-tь*; карта 48 'горячий' (о воде) *gor-ət-j-ь*.

Следует, однако, подчеркнуть, что среди лексических параллелей русских диалектов немало и таких, которые **связывают их с западнославянскими языками**, при том что южнославянские соответствия отсутствуют (ср., например, распространение лексемы *doj-ar-ьk-a* (карта 34 'женщина, которая доит коров'), известной не только в русских и шире в восточнославянских диалектах, но и польских, лексемы *baran-in-a*, распространенной в восточнославянских, польских и словацких диалектах (карта 24 'мясо барана', см. карту-схему 33), лексемы *g{lin}-j-an-ь* (карта 50 'сделанный из глины', см. карту-схему 15), которая зафиксирована в восточно- и западнославянских диалектах, за исключением чешских). Наличие этих параллелей, а также целостность и своеобразная «системность» их ареала, позволяет высказать предположение о позднем характере формирования этих лексических изоглосс и невольно наталкивает на мысль о существовании в позднепраславянском западно-восточнославянского языкового континуума, в котором проходили совместные языковые процессы.

В целом картина **русско-западнославянских лексических параллелей** выстраивается довольно четко, так как здесь в качестве ведущих выступают связи главным образом с польским языком, все остальные соответствия представлены значительно слабее (особенно это относится к русско-лужицким лексическим параллелям), ср.:

Рус.-чеш.: карта 27 'подкожный слой жира в свинине' *sad-l-o*; карта 29 'топленое свиное сало' *sad-l-o*; карта 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' *melz-iv-o* (см. карту-схему 31); карта 35 'сырое кислое мо-

локо' *kys-ěl-o melk-o*; карта 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' *съ-met-an-a*; карта 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана' *съ-met-an-a*; карта 42 'белая часть яйца' *bělll-ъk-ъ*; карта 43 'желтая часть яйца' *žьlt-ъk-ъ*; карта 40 'яйцо' *dem (j)ajellaj-ič-ъk-o*;

Рус.-слц.: карта 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' *koryt-o*; карта 21 'мясо свиньи' *svin-in-a* (см. карту-схему 20); карта 24 'мясо барана' *baran-in-a* (см. карту-схему 33); карта 25 'мясо гуся' *gъs-ęt-j-in-a*; карта 29 'топленое свиное сало' *(šmal)-ъc-ъ*; карта 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' *sěr-a; melz-iv-o* (см. карту-схему 31); карта 35 'сырое кислое молоко' *kys-ěl-o melk-o*; карта 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' *съ-met-an-a*; карта 42 'белая часть яйца' *bělll-ъk-ъ*; карта 43 'желтая часть яйца' *žьlt-ъk-ъ*; карта 44 'кислый, квашеный' (о капусте) *kys-ьl-ъ*;

Рус.-влуж.: карта 29 'топленое свиное сало' *(šmal)-ъc-ъ*; карта 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' *съ-met-an-a*; карта 42 'белая часть яйца' *bělll-ъk-ъ*;

Рус.-н.луж.: карта 29 'топленое свиное сало' *(šmal)-ъc-ъ*; карта 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' *sěr-a*; карта 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' *съ-met-an-a*;

Рус.-плс.: карта 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло' *nos-i-dl-a*; карта 3 'пустой, ненаполненный' *pust-ъ, porž-ьн-ъ*; карта 21 'мясо свиньи' *svin-in-a* (см. карту-схему 20); карта 23 'мясо теленка' *tel-ęt-in-a*; карта 24 'мясо барана' *baran-in-a* (см. карту-схему 33); карта 25 'мясо гуся' *gъs-in-a*; карта 27 'подкожный слой жира в свинине' *(špek)-ъ*; карта 29 'топленое свиное сало' *(šmal)-ъc-ъ*; карта 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' *sěr-a*; карта 34 'женщина, которая доит коров' *doj-ar-ъk-a*; карта 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' *съ-met-an-a*; карта 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана' *съ-met-an-a*; карта 42 'белая часть яйца' *bělll-ъk-ъ*; карта 43 'желтая часть яйца' *žьlt-ъk-ъ*; карта 47 'кипит' (вода) *куп-i-ть*; карта 49 'кипящая или вскипевшая вода' *var-ъ* (см. карту-схему 30); карта 61 'еда между обедом и ужином, полдник' *podь-večer-ъk-ъ*; карта 65 'вкусный' (о еде) *(smač)-ьн-ъ*.

Что касается собственно русско-украинских и русско-белорусских лексических соответствий, то здесь картина более или менее однородная, ср., например, связи русских говоров с украинскими и белорусскими диалектами: *лěj-ъk-a* карта 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом' (см. карту-схему 6); *пъkt-ьв-ъk-a* карта 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева'; *съ-liv-ъk-u* карта 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' (см. карту-схему 9); *съ-var-i-ть* карта 46 3sg праes asp perf и др.

Вместе с тем нельзя не отметить, что русско-белорусские параллели несколько преобладают, ср.:

Рус.-блр.: карта 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' — *kraj-uš-ьk-a*; карта 29 'топленое свиное сало' *sad-l-o*; *žir-ь*; карта 31 'пенка' (на молоке) — *p(r)i-gar-ьk-a*; карта 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' *mold-iv-o*; карта 35 'сырое кислое молоко' *sy-r-o-kvaš-a*; карта 48 'горячий' (о воде) *žar-ьk-ь*; карта 51 'кожура, снятая со старой картошки' — *šell-lux-a* (см. карту-схему 34) и др.;

Рус.-укр.: карта 19 'крошки' (хлеба) *krъx-ьt-y*; карта 29 'топленое свиное сало' (*šmal*)-*ьc-ь*; карта 31 'пенка' (на молоке) *pěn-a* (см. карту-схему 32); карта 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' *melz-iv-o* (см. карту-схему 31); карта 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' *vyrš-ьk-ь*; карта 61 'еда между обедом и ужином, полдник' *pol-ь-dьn-ь*; *pol-u-dьn-ьk-ь*; карта 65 'вкусный' (о еде) (*smac*)-*ьn-ь*.

Список приведенных лексических параллелей является далеко не полным и не отражает всего богатства материала, содержащегося на картах. Скорее он свидетельствует о потенциальных возможностях исследования данной проблематики и о благодатности самой темы. Однако и этого материала достаточно, чтобы понять сложный, изначально диалектный характер славянского языкового единства.

Следует отметить, что прием рекартографирования позволяет не только выявить пространственную локализацию межъязыковых схождения, но и, что самое главное, в отличие от праславянских этимологических словарей, оценить их с ареальной точки зрения, так как география и характер ареала, его конфигурация, размер, континуальность многое проясняют в природе возникновения этих схождения, ибо нередко именно ареал может свидетельствовать об архаичности или вторичности картографируемого явления.

Так, в частности, прием рекартографирования позволяют выявить роль конвергентных процессов в формировании статистической близости языков, особенно пограничных диалектов (при отсутствии подобных схождения в других языках), и тем самым сделать выводы о языковых «предпочтениях» тех или иных диалектов более строгими и убедительными. Так, например, русско-белорусские корреспонденции, прослеживаемые на к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' (распространение лексемы *šell-lux-a*, см. карту-схему 34) и на к. 49 'кипящая или вскипевшая вода' (распространение лексемы *var-ь*, см. карту-схему 30), должны быть интерпретированы, по-видимому, по-разному: в первом случае как результат конвергенции, так как сепаратные схождения возникли в результате контактов пограничных диалектов, они имеют свой центр — западнорусские говоры, из которых иррадиация шла в запад-

ном направлении. Во втором случае — как результат генетической общности близкородственных языков, поскольку данное явление имеет дисперсные ареалы, кроме того, оно зафиксировано также в польских диалектах.

В этой связи открываются перспективы в лингвоареальном изучении явления интерференции, в установлении интерферентных диалектных зон, в определении характера и формы влияния, поскольку равновесная или преимущественная форма, однонаправленное или двунаправленное влияние имеют свою форму ареала в интерферентной зоне. В этом смысле Атлас содержит уникальный материал, который, можно надеяться, позволит разработать методы определения направления влияния при пограничной языковой интерференции (проблема, которой до сих пор уделялось недостаточное внимание).

Однако уже сейчас, используя материал только что вышедшего тома «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», можно сделать некоторые предварительные выводы. Так, в частности, наличие обширных, повторяющихся на многих картах Атласа ареалов в карпатоукраинских, словацких, чешских, сербских, хорватских, словенских и болгарских диалектах (см., например, ареал лексемы *mast-ь* на карте-схеме 28, ОЛА к. 29 'топленое свиное сало' и соответственно *mast-ьнѣ* на карте 26 'содержащий много жира' (о мясе) на карте-схеме 8 или распространение лексемы *soln-in-a* на карте-схеме 35, ОЛА к. 27 'подкожный слой жира в свинине'; ареал лексемы *//ěd-j-en-ьj-e* на карте 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда'), а также в украинских, болгарских, македонских, сербских, хорватских диалектах (см., например, распространение лексемы *borš-ьn-o* на карте 11 'мука, из которой пекут хлеб' (см. карту-схему 3) не может не наталкивать на мысль, что в прошлом все эти говоры образовывали некогда общую диалектную зону, единство которой было разрушено вторжением венгерских племен.

Об этом свидетельствуют и изолированные «островки» отдельных лексем в сербских, хорватских, словенских, македонских и болгарских диалектах, которые находят продолжение в карпатоукраинских, словацких и чешских диалектах, формируя там довольно обширные ареалы (см., например, ареал лексем с корнем **kys-* на карте 14 'подходит, растет' (о тесте)). Это говорит о том, что в прошлом данная лексема была распространена значительно шире.

Вместе с тем концентрация ареалов отдельных лексем в карпатоукраинских, восточнословацких и польских диалектах при отсутствии их в южнославянских (см., например, распространение лексемы *kvas-ьнѣ* на карте 44 'кислый, квашеный' (о капусте)) дает основания предположить более позднее их образование, когда южнославянские диалекты были уже оторваны от севернославянских.

Материалы Атласа позволяют сделать вывод о том, что лексико-словообразовательные корреспонденции между восточнославянскими (а также частично западнославянскими) диалектами и говорами западной части южной Славии могут, по-видимому, квалифицироваться как северные черты в южнославянских диалектах, см., например, распространение лексем *melz-iv-o*, *melz-iv-a* (вост.-сл., чеш., слц., слн., хрв. диалекты) на карта 32 'молоко коровы сразу после отела' (см. карту-схему 31), и, наоборот, соответственные явления, характерные для центральной части южнославянского диалектного континуума и карпатоукраинских говоров (а возможно, и шире — всей восточной Славии), могут расцениваться как южные черты в этих говорах (подробнее см.: Ивић 1991: 98, 194), см., например, распространение лексемы *soln-in-ā* на карте 27 'подкожный слой жира в свинине' (см. карту-схему 35).

Таким образом, благодаря **Общеславянскому лингвистическому атласу сегодня открываются широкие возможности для изучения вопроса о первоначальной территории, занимаемой славянами, и их последующего распространения в разных направлениях в разные географические зоны и в разные исторические эпохи. Исследование славянского диалектного континуума с учетом всех микрзон его лингвистического пространства позволяет создать принципиально новую фактографическую базу для решения проблемы реконструкции праславянского языка в его общих и диалектных чертах. Общеславянский лингвистический атлас обогатил славистику не только новым, четко стратифицированным материалом, но и предоставил исследователям еще одну уникальную возможность, ранее совершенно нереальную, — рассмотреть те или иные диалекты в общеславянском контексте, изучить их как составную часть славянского диалектного континуума в их взаимоотношении с другими славянскими диалектами. Эта общеславянская перспектива дает исследователю возможность выявить общность и многообразие славянского языкового мира, точнее и надежнее описать лексический материал в стратиграфическом и хронологическом аспекте. Именно поэтому Атлас является бесценным источником для изучения истории формирования современных славянских языков и диалектов.**

Полученные результаты (при всей их скромности) представляются чрезвычайно важными, так как такой аспект славистики, как география праславянских лексических единиц, долгое время находился в тени, между тем благодаря Общеславянскому лингвистическому атласу мы можем сегодня говорить не только о типологии их ареалов, но и о той роли, которую сыграл каждый славянский язык в формировании славянской языковой общности.

Думается, однако, что на современном этапе изучения славянского диалектного ландшафта не стоит форсировать формулирование общей

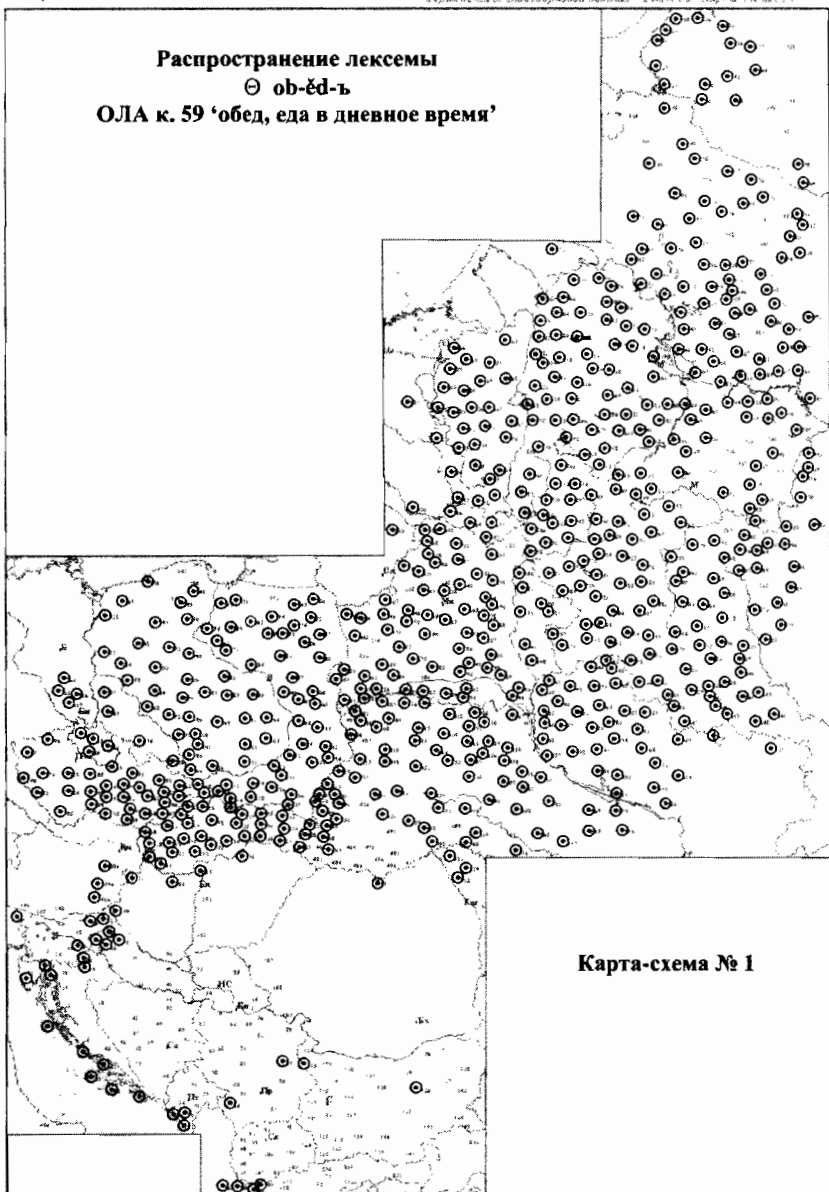
теории образования славянского языкового единства или истории формирования современных славянских языков, а наоборот, «лучше увеличивать надежность и количество (возможно, до нескольких сотен или даже тысяч) таких изоглосс, чтобы возникли объективные предпосылки для перехода от случайных констатаций лексико-семантических сходжений между различными микроразонами славянского языкового мира к опытам систематического изучения и каталогизирования явлений лексико-семантического параллелизма и к постановке задачи их типологической интерпретации (Клепикова 1993: 240–241).

Поэтому сегодня так актуально звучат слова академика О.Н.Трубачева о том, что «науку двигают вперед по большей мере не общие теории, а факты, накопление фактов. Мы стремимся сосредоточиться на изучении последних, не оставляя, впрочем, надежды, что совокупное или достаточно однозначное свидетельство фактов найдет отражение и в формулировке общих идей и теорий, без которых также невозможен научный прогресс» (Трубачев 2003: 453).

ЛИТЕРАТУРА

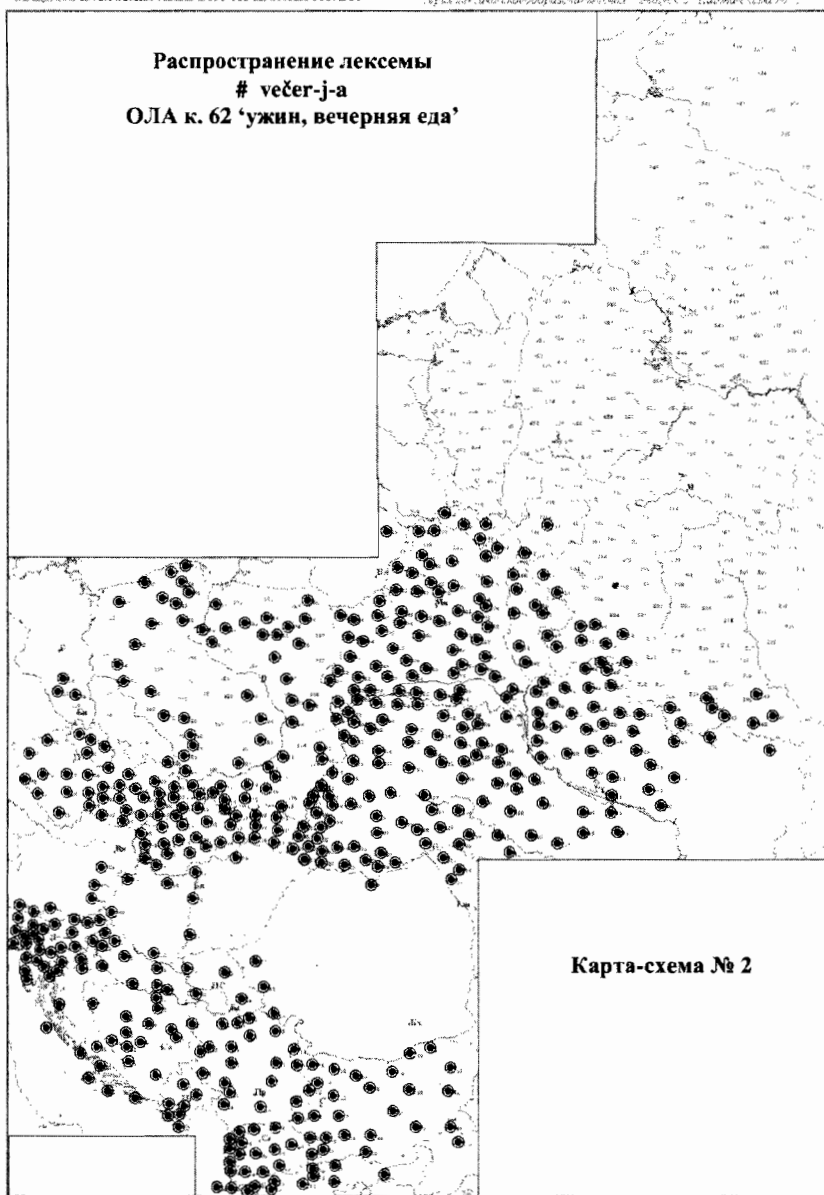
- Аванесов 1978 — *Аванесов Р.И.* Общеславянский лингвистический атлас (1958–1978). Итоги и перспективы // VIII Международный съезд славистов. Славянское языкознание. Доклады советской делегации. М., 1978.
- Вендина 2003 — *Вендина Т.И.* Лексика и семантика на картах Общеславянского лингвистического атласа // XIII Международный съезд славистов. Славянское языкознание. Доклады российской делегации. М., 2003.
- Иванов 1993 — *Иванов В.В.* История и современное состояние диалектов славянских языков на картах Общеславянского лингвистического атласа // XI Международный съезд славистов. Славянское языкознание. Доклады российской делегации. М., 1993.
- Ивић 1991 — *Ивић П.* Избрани огледи. Ниш, 1991.
- Клепикова 1993 — *Клепикова Г.П.* Лексика родопских говоров и проблемы типологии южнославянско-севернославянских параллелей // Исследования по славянской диалектологии. М., 1993. Вып. 2.
- Теньер 1966 — *Теньер Л.* О диалектологическом атласе русского языка // Вопросы языкознания. 1966. № 5.
- Трубачев 2003 — *Трубачев О.Н.* Опыт ЭССЯ: к 30-летию с начала публикации (1974–2003) // XIII Международный съезд славистов в Любляне. Доклад пленарного заседания. М., 2003.

Распространение лексемы
⊖ ob-ěd-ъ
ОЛА к. 59 'обед, еда в дневное время'

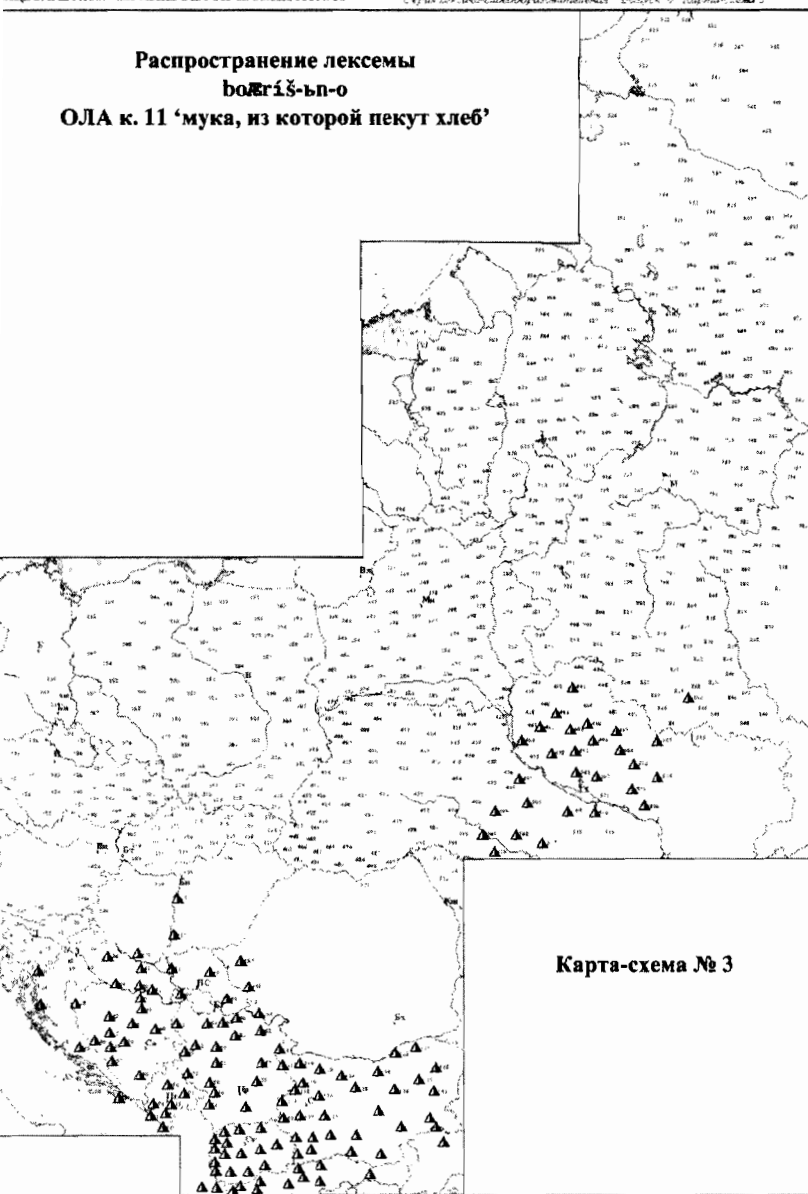
Карта-схема № 1

**Распространение лексемы
веґег-ј-а
ОЛА к. 62 'ужин, вечерняя еда'**

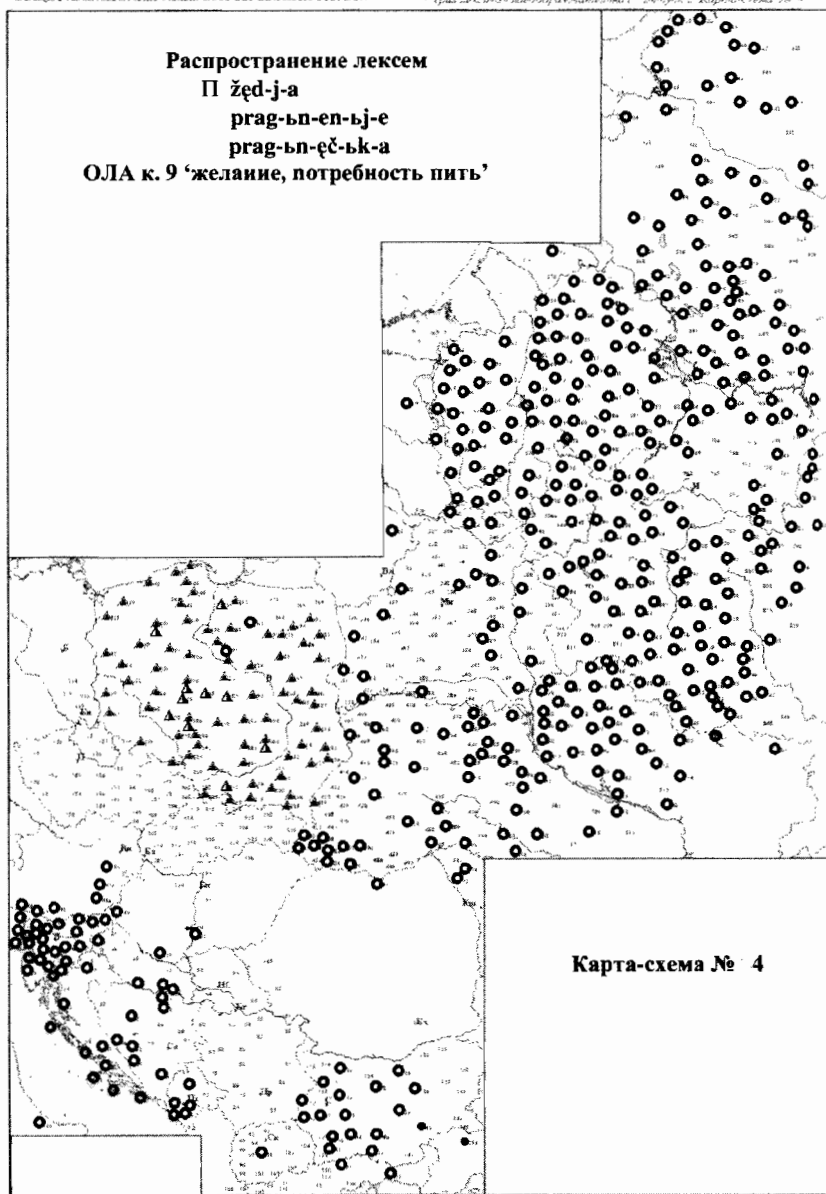

Карта-схема № 2

**Распространение лексики
volgŕis-yp-o
ОЛА к. 11 'мука, из которой пекут хлеб'**

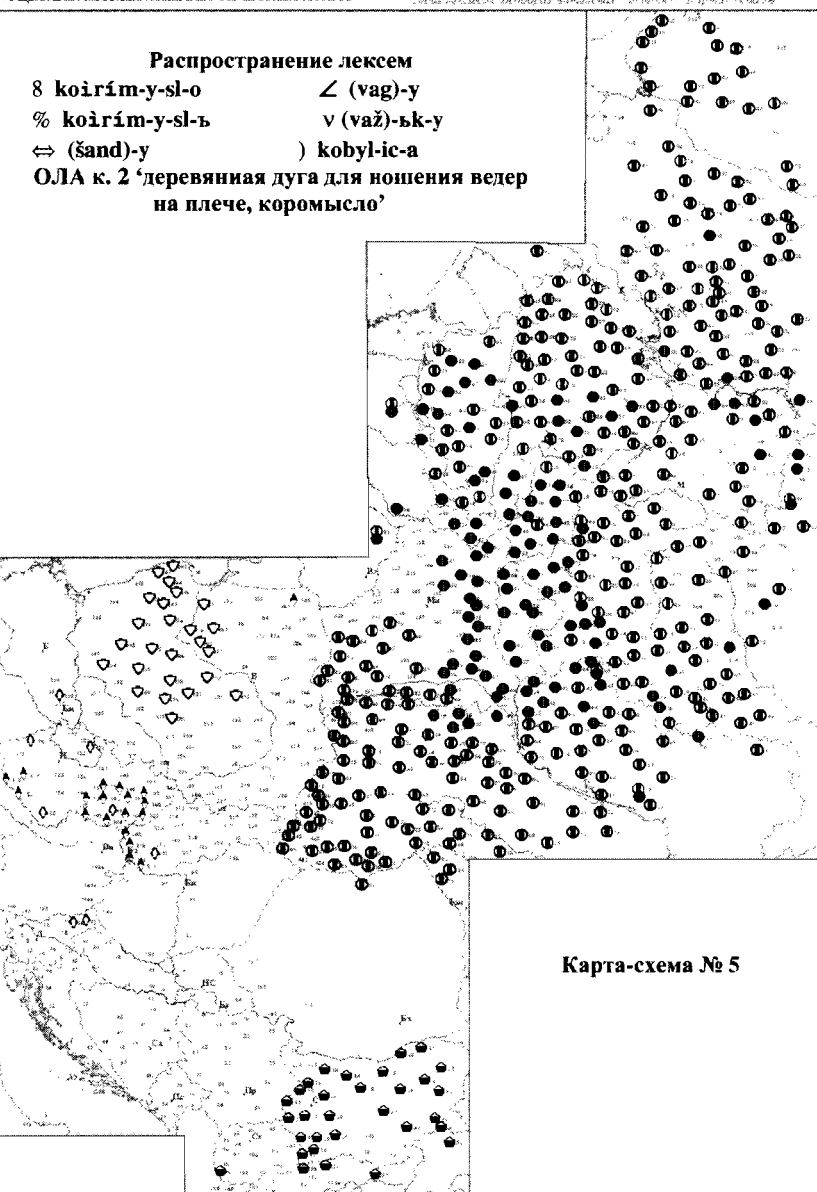
Распространение лексем
П žed-j-a
pɣag-ʏp-eɲ-ʏj-e
pɣag-ʏp-ɛʃ-ʏk-a
ОЛА к. 9 'желание, потребность пить'

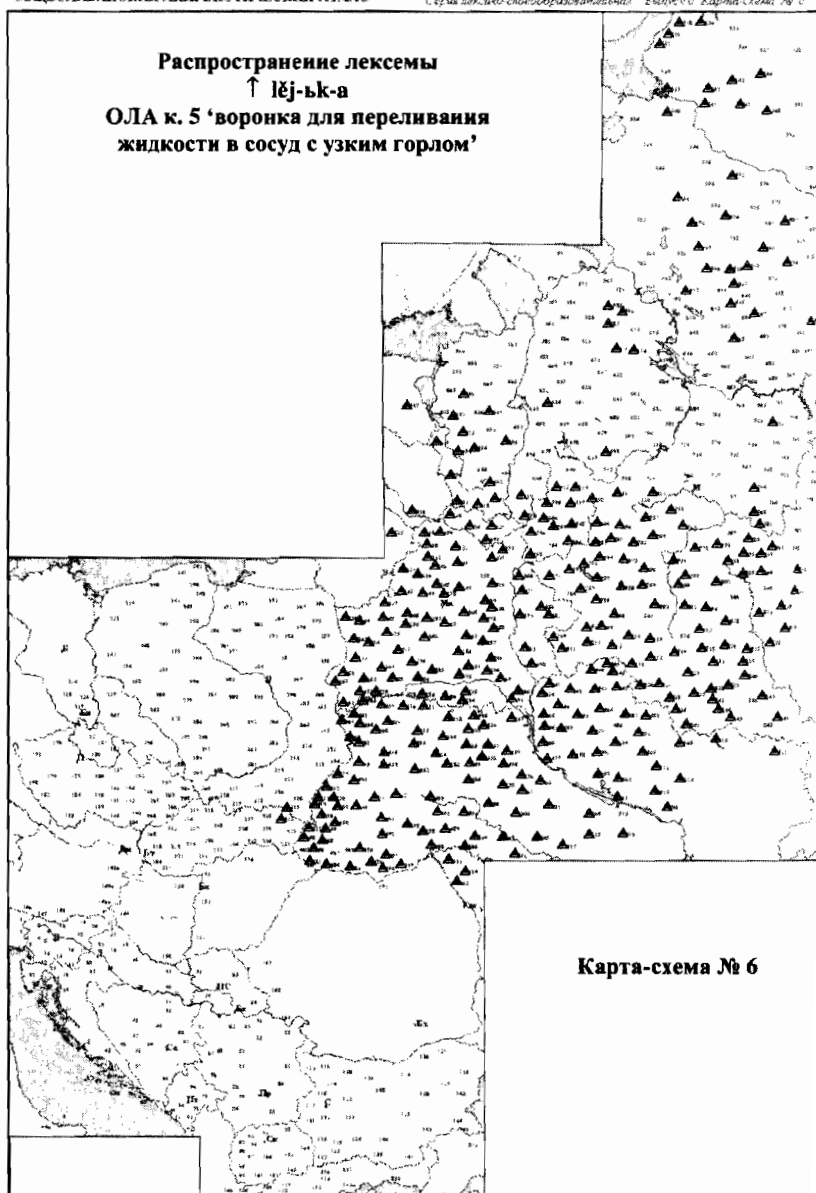
Распространение лексем

- 8 koirím-y-sl-o ∟ (vag)-y
 % koirím-y-sl-ъ v (važ)-ъk-y
 ⇔ (šand)-y) kobylic-a

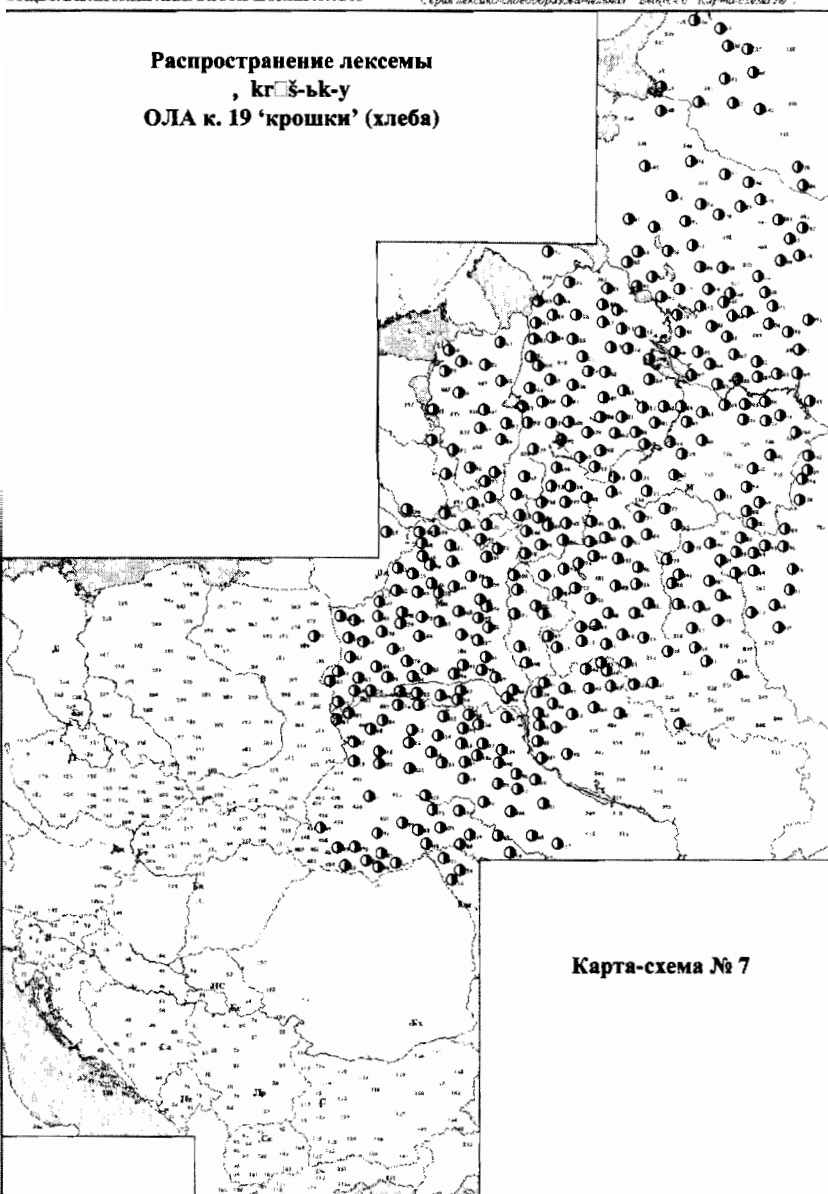
ОЛА к. 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло'

Карта-схема № 5

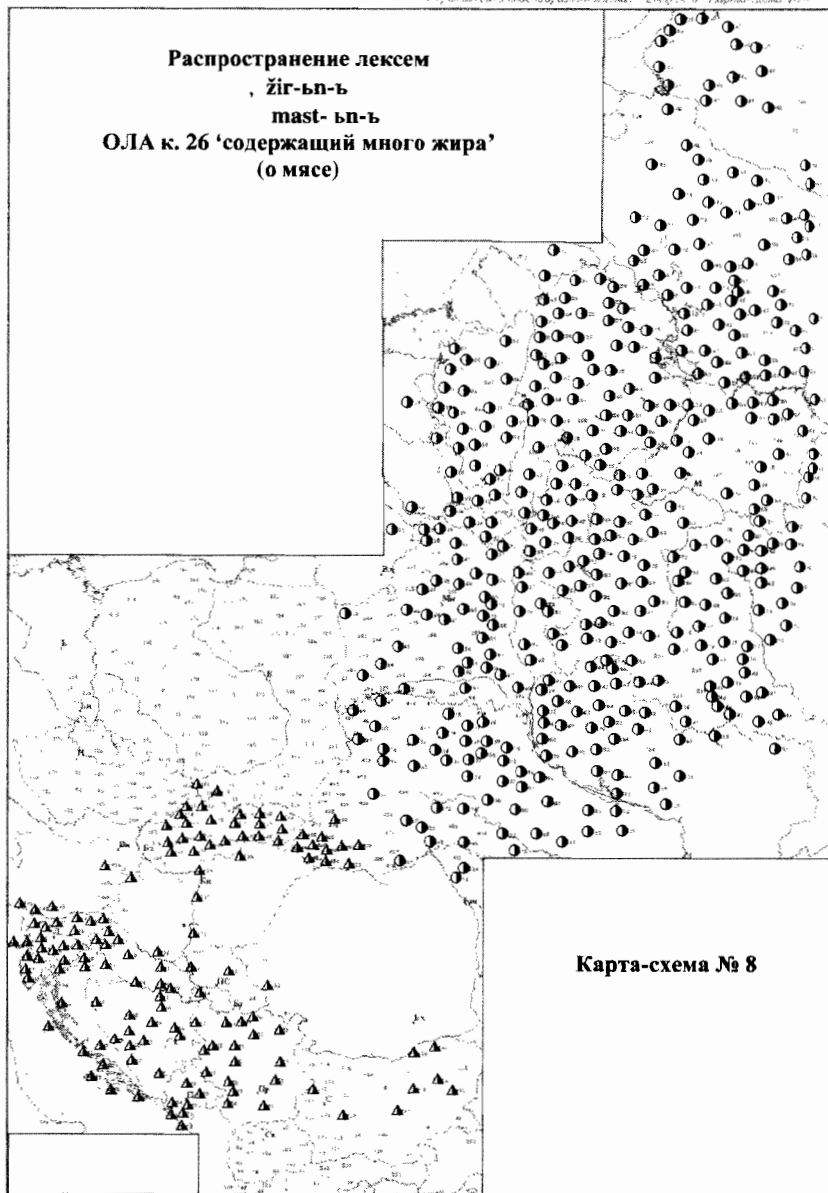

**Распространение лексемы
, $kr\ddot{s}$ - yk - y
ОЛА к. 19 'крошки' (хлеба)**

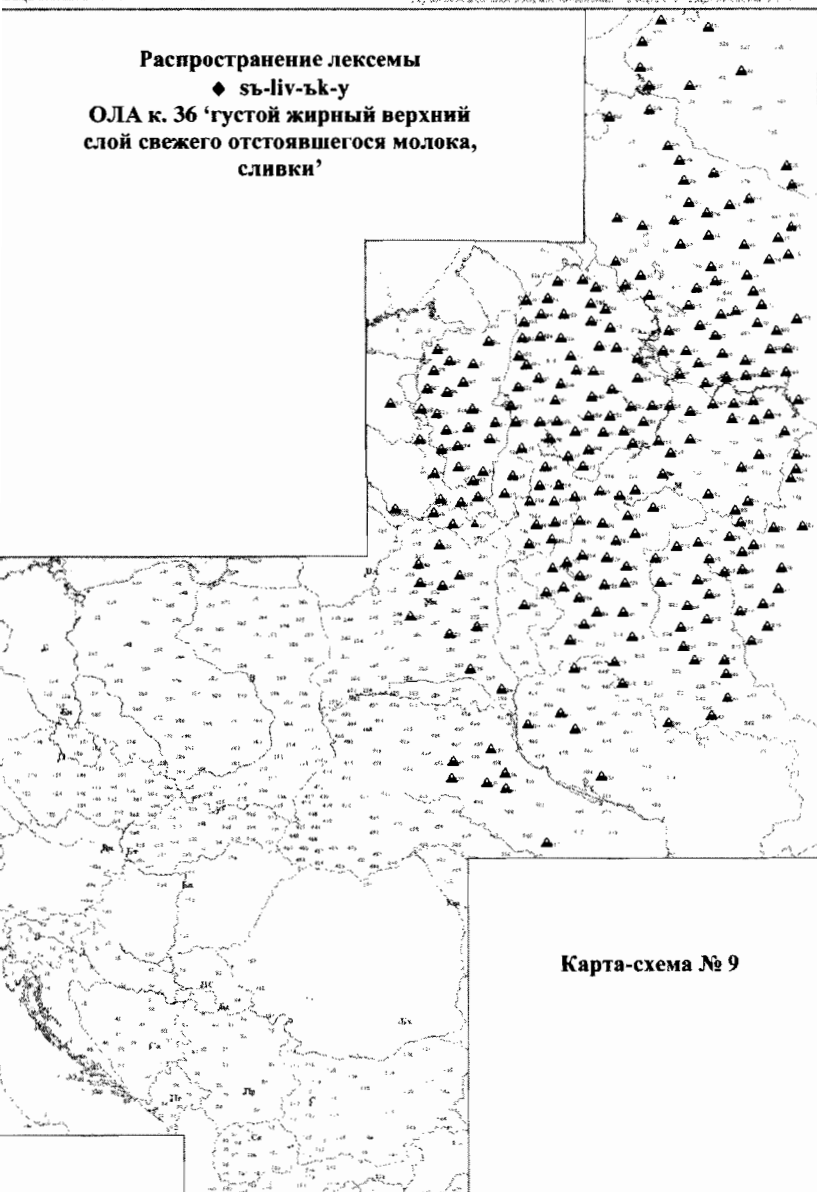

Карта-схема № 7

**Распространение лексем
, žig-ъn-ъ
mast-ъn-ъ
ОЛА к. 26 'содержащий много жира'
(о мясе)**

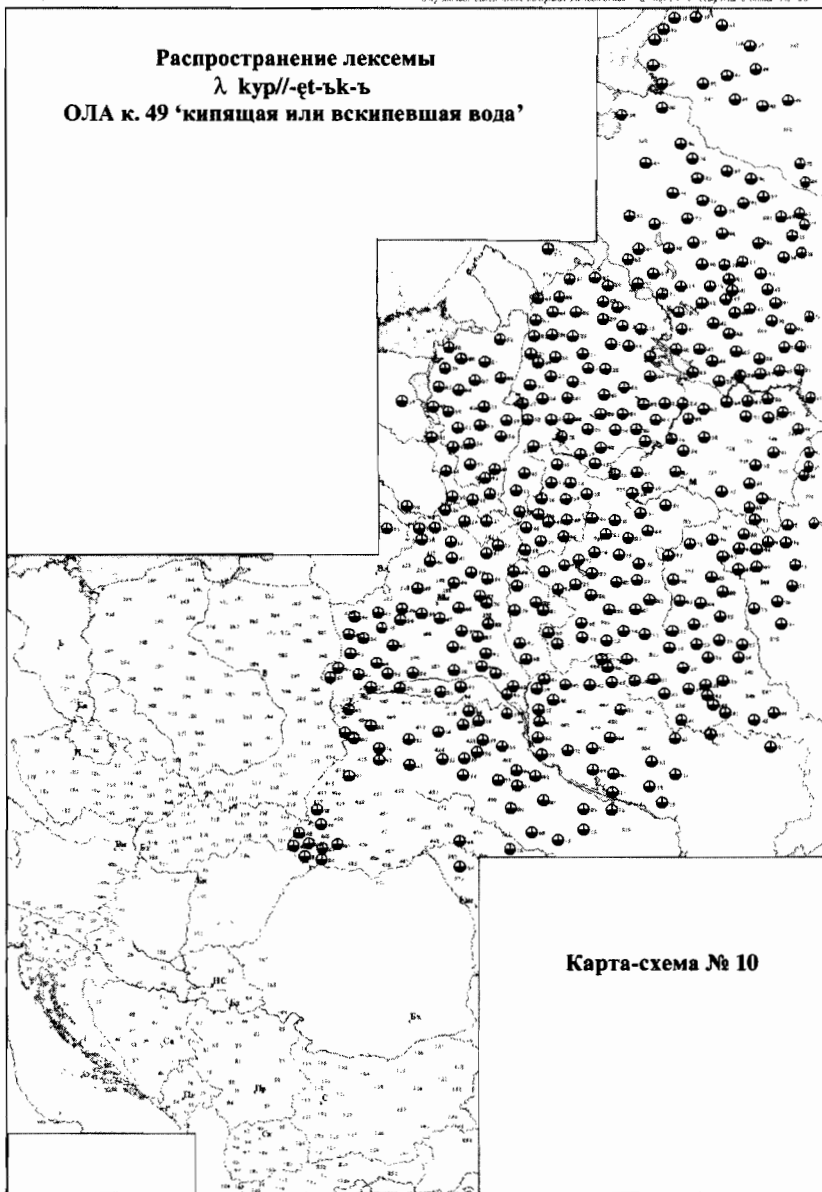

Распространение лексемы
◆ съ-ливъ-къ-у
ОЛА к. 36 'густой жирный верхний
слой свежего отстоявшегося молока,
сливки'

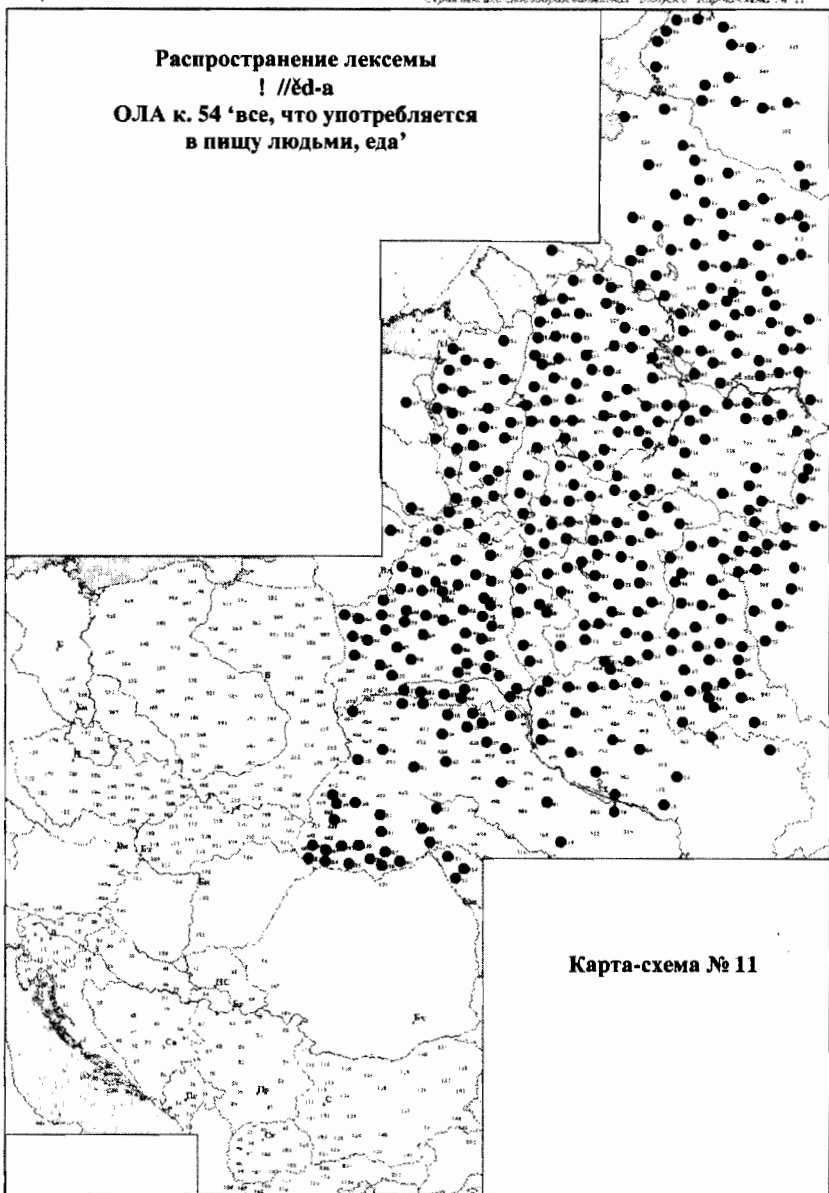

Карта-схема № 9

**Распространение лексемы
λ кур//ѣт-ѣк-ъ
ОЛА к. 49 'кипящая или вскипевшая вода'**

Распространение лексемы
! //ѣд-а
ОЛА к. 54 'все, что употребляется
в пищу людьми, еда'

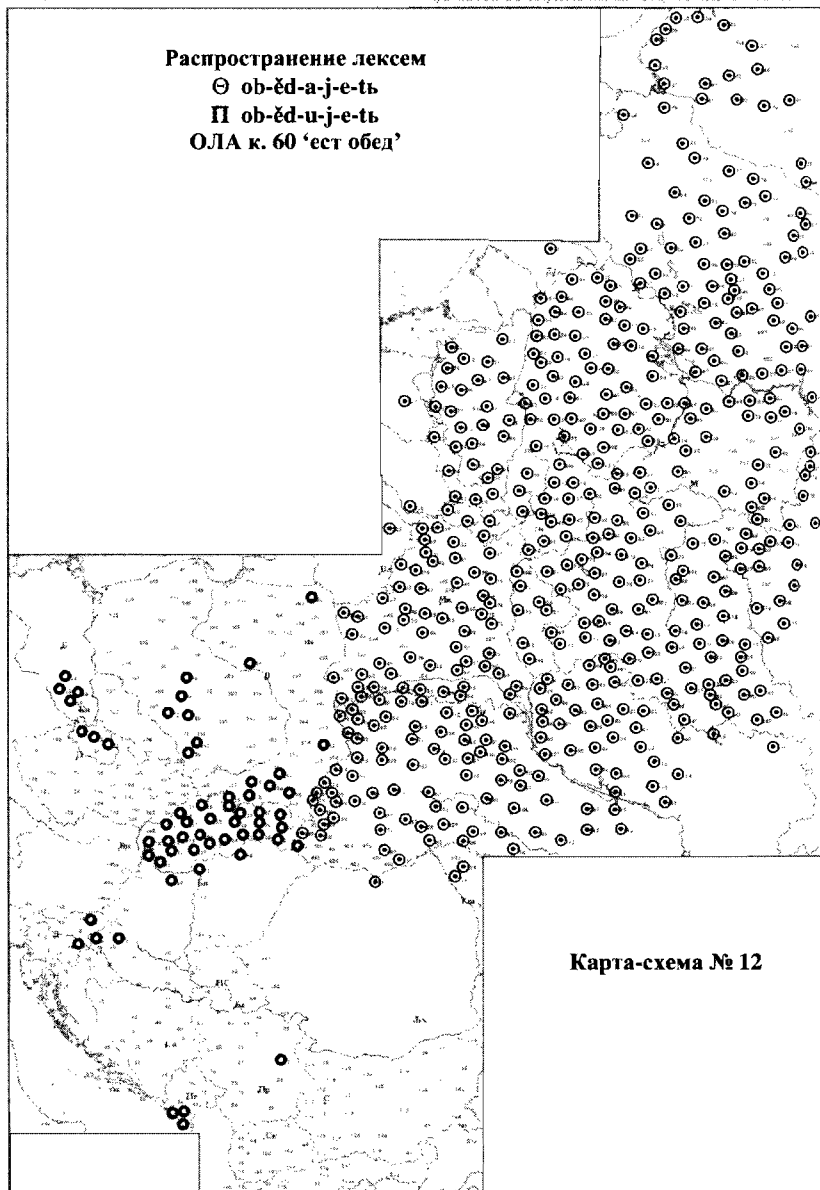
Карта-схема № 11

Распространение лексем

Θ ob-ěd-a-j-e-tʹ

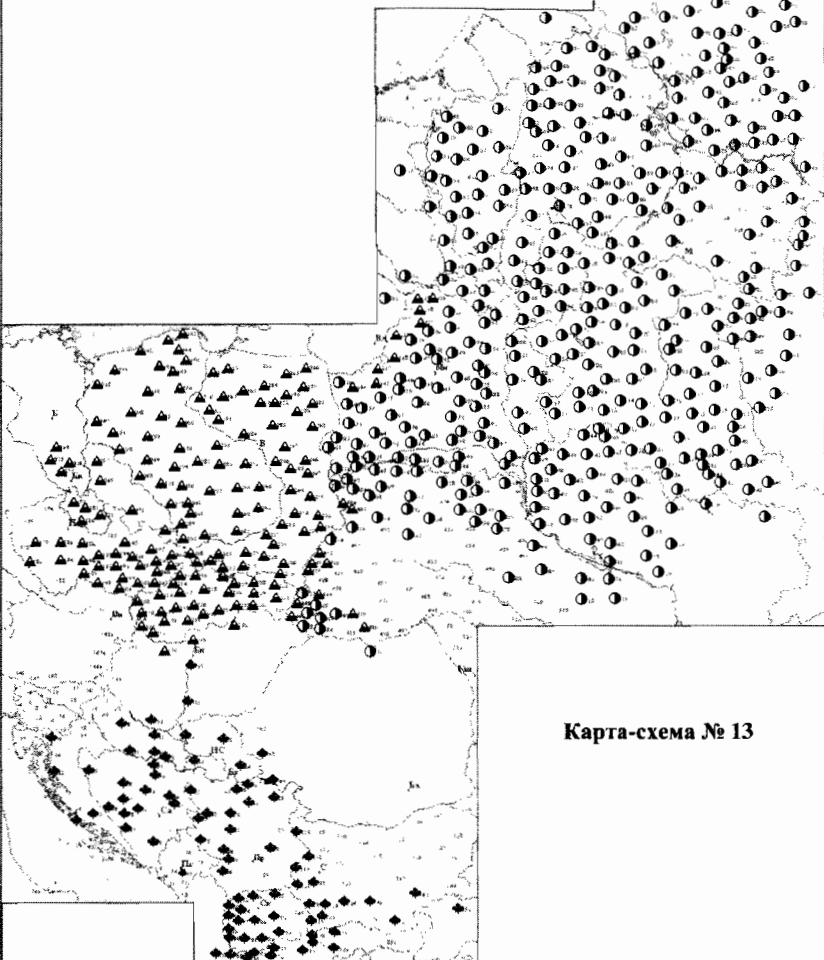
Π ob-ěd-u-j-e-tʹ

ОЛА к. 60 'ест обед'

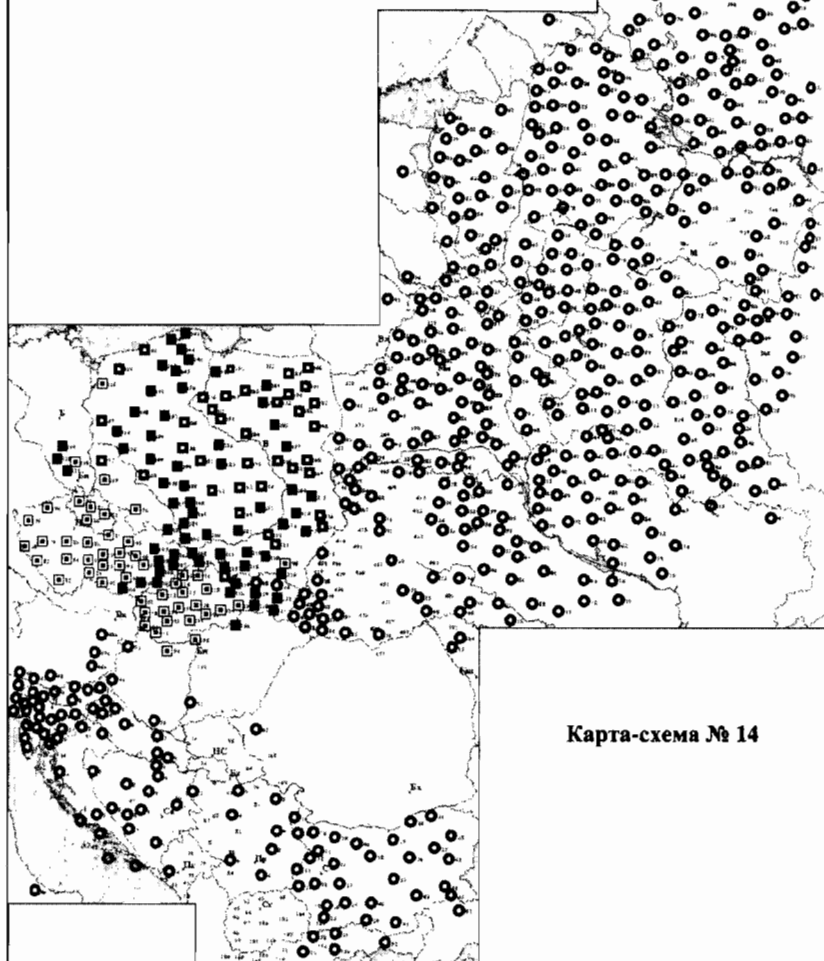
Карта-схема № 12

Распространение лексем
 , *koilid*-[z-ъ // *koilid*-ъс-ъ
 ♦ *stud-ъn-j-a*, *stud-ъn-ъj-a*
 I (*bunar*)-ъ
 ОЛА к. 1 'вырытая в земле яма для
 добывания воды, колодец'

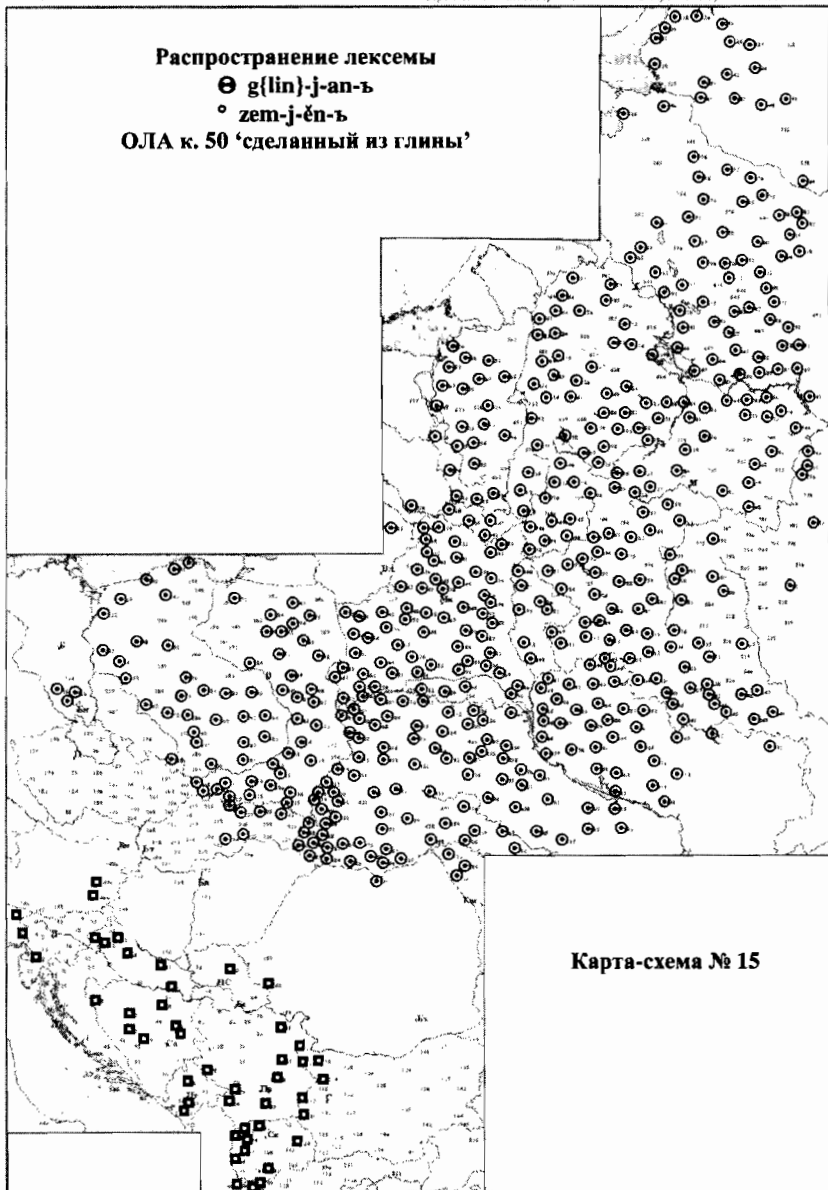

Карта-схема № 13

Распространение лексем
 П *rěž-e-tь, rěž-i-tь*
 ○ *kroj-i-tь, kraj-e-tь*
 ≤ *kraj-e-tь*
 ± *kraj-a-j-e-tь*
 ОЛА к. 17 'режет' (хлеб)

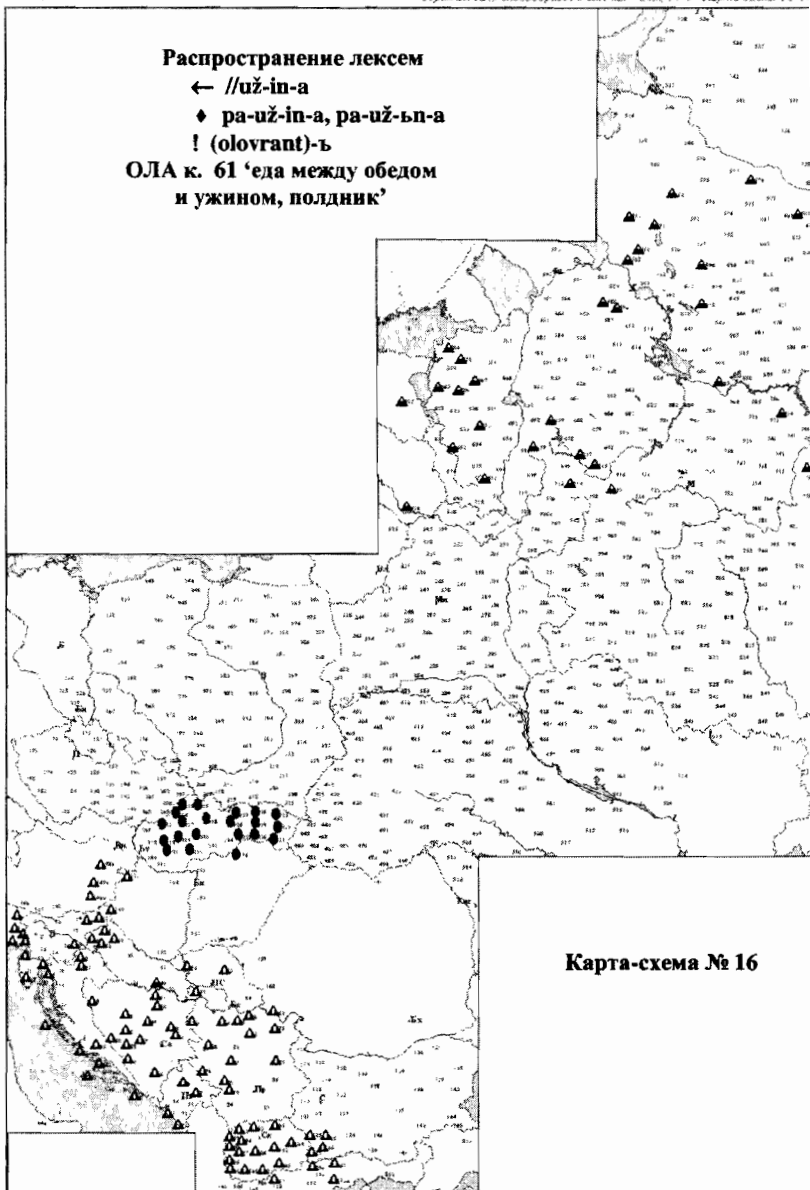

Распространение лексемы
⊖ g{lin)-j-an-ъ
 ° zem-j-ĕn-ъ
ОЛА к. 50 'сделанный из глины'

Карта-схема № 15

Распространение лексем
 ← //už-in-a
 ♦ ра-уž-in-a, ра-уž-ьп-a
 ! (olovrant)-ъ
**ОЛА к. 61 'еда между обедом
 и ужином, полдник'**

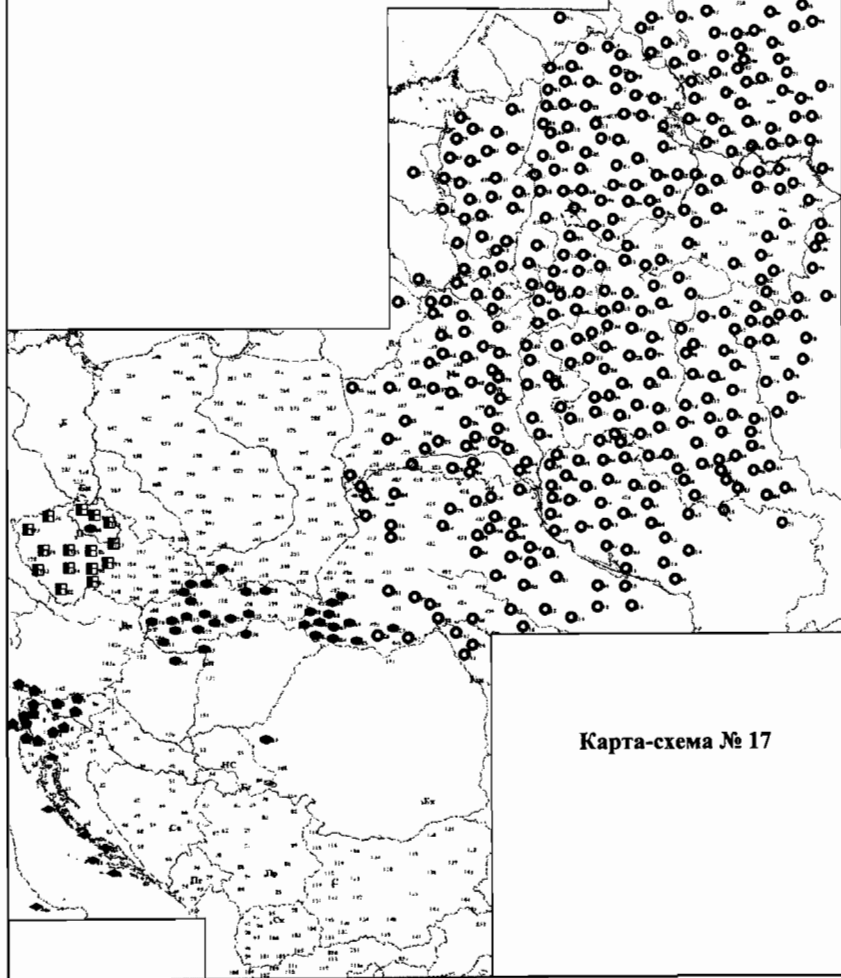

Карта-схема № 16

Распространение лексем

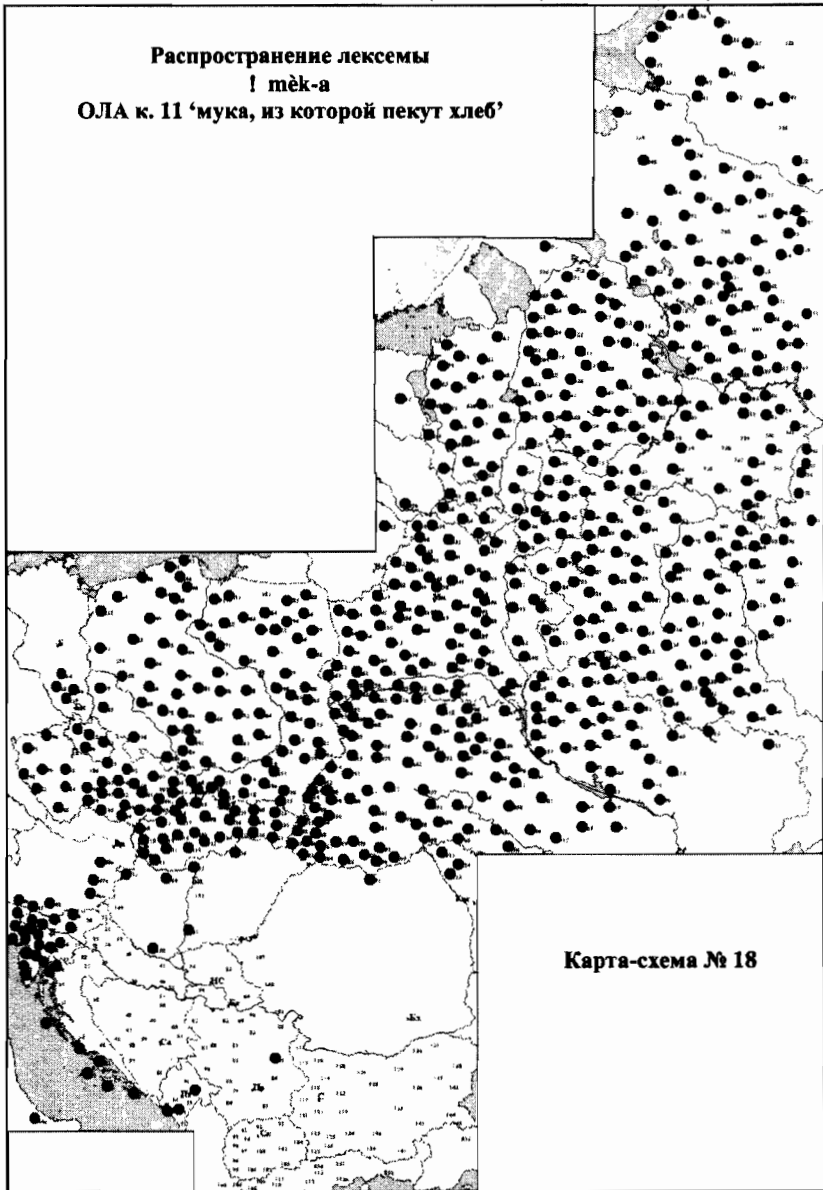
◆ (glazh)-ъ	● (pohar)-ъ
◊ (žmul)-ъ	■ stьkl-ěn-ic-a
○ (stokan)-ъ	

ОЛА к. 6 'стакан'

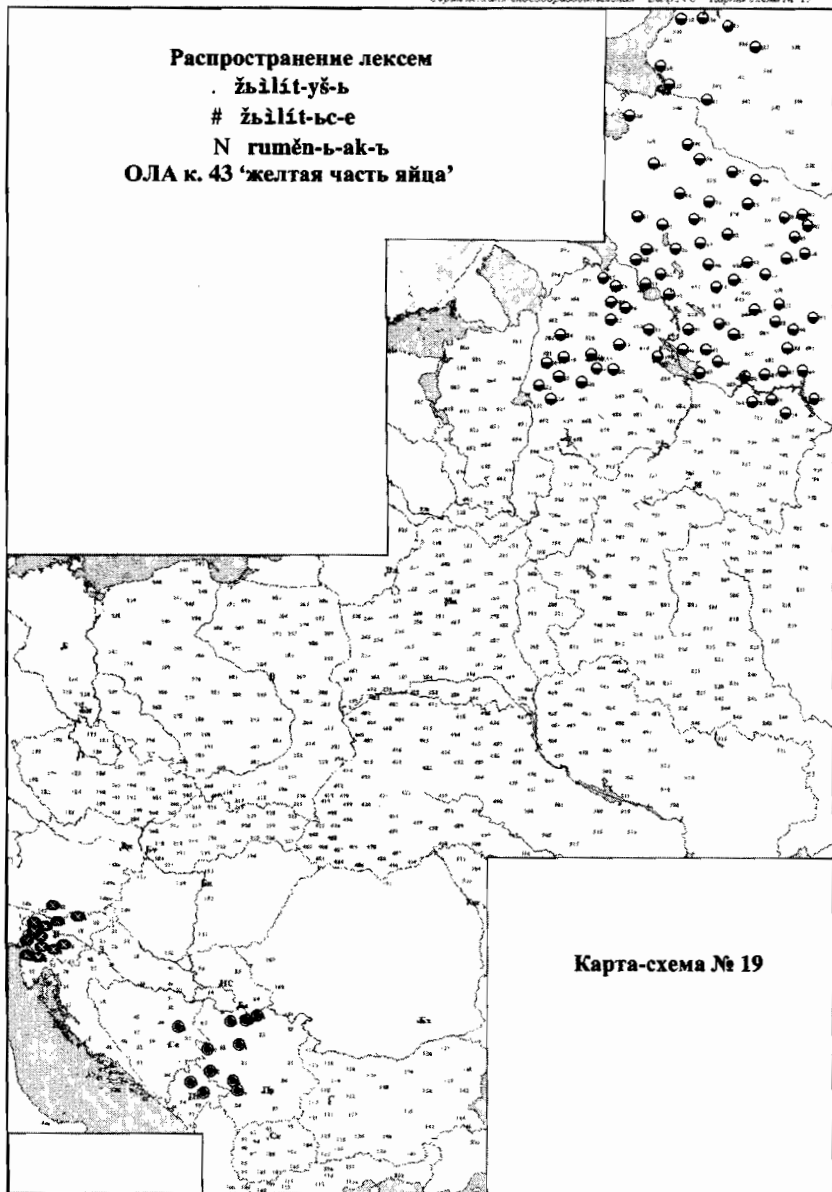
Карта-схема № 17

**Распространение лексемы
! mèk-a
ОЛА к. 11 'мука, из которой пекут хлеб'**

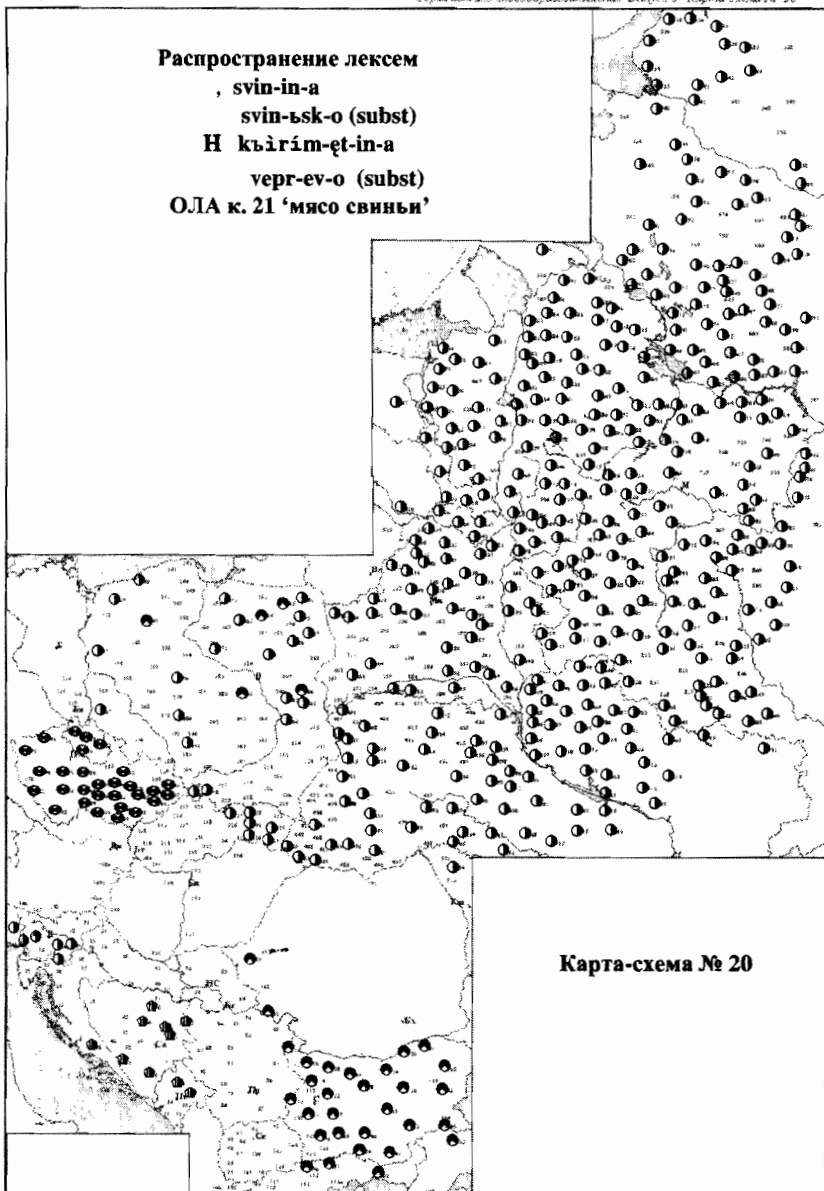

Карта-схема № 18

Распространение лексем
 . žylit-uš-ъ
 # žylit-ъse
 N gushen-ъ-ak-ъ
 ОЛА к. 43 'желтая часть яйца'

Распространение лексем
 , svin-in-a
 svin-ьsk-o (subst)
 Н кьѣrim-ѣt-in-a
 verp-ev-o (subst)
 ОЛА к. 21 'мясо свиный'

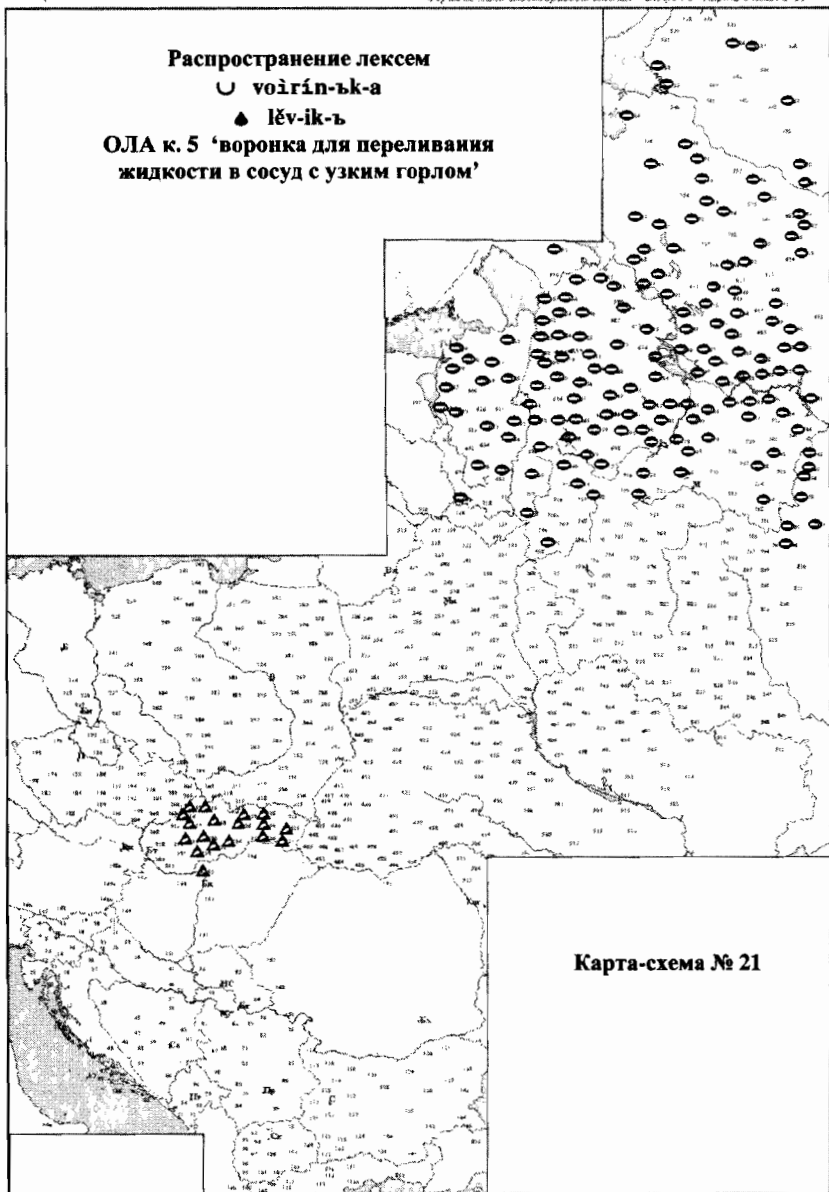

Распространение лексем

○ voigín-ъk-a

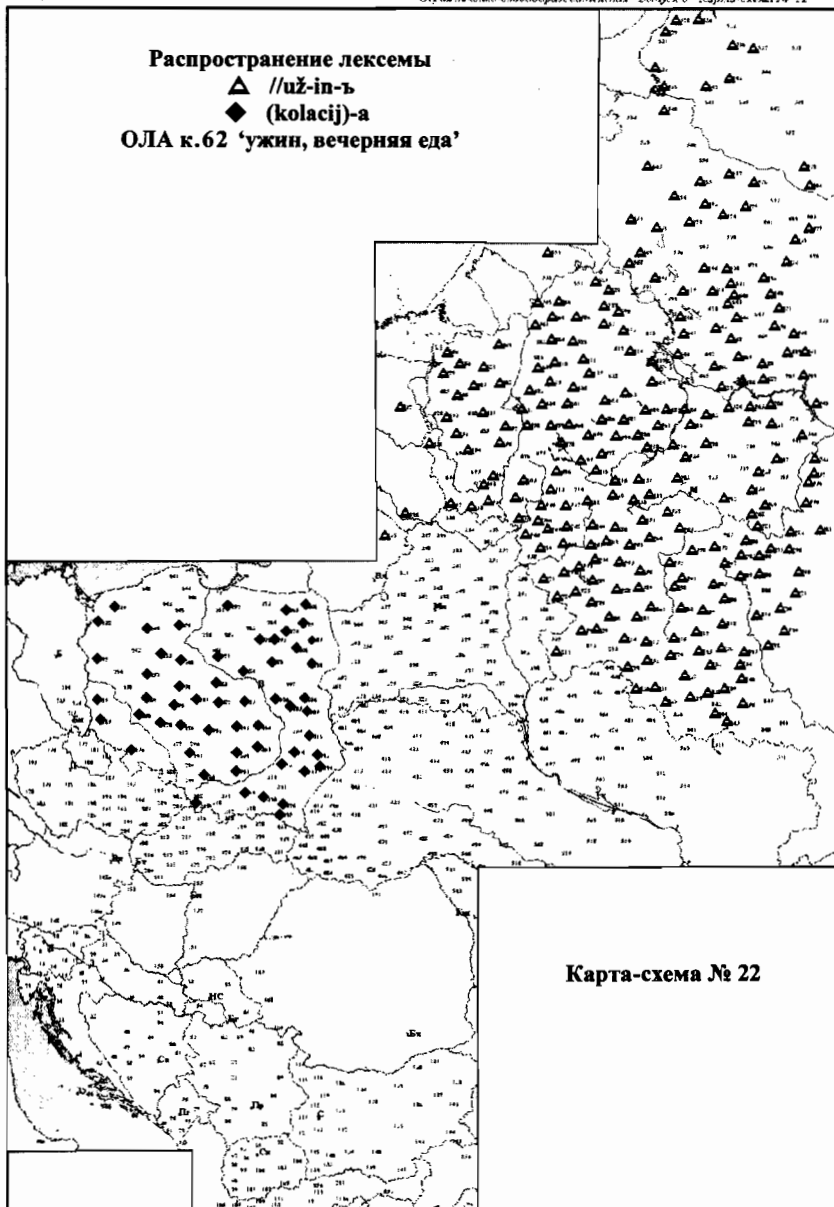
▲ lěv-ik-ъ

**ОЛА к. 5 'воронка для переливания
жидкости в сосуд с узким горлом'**

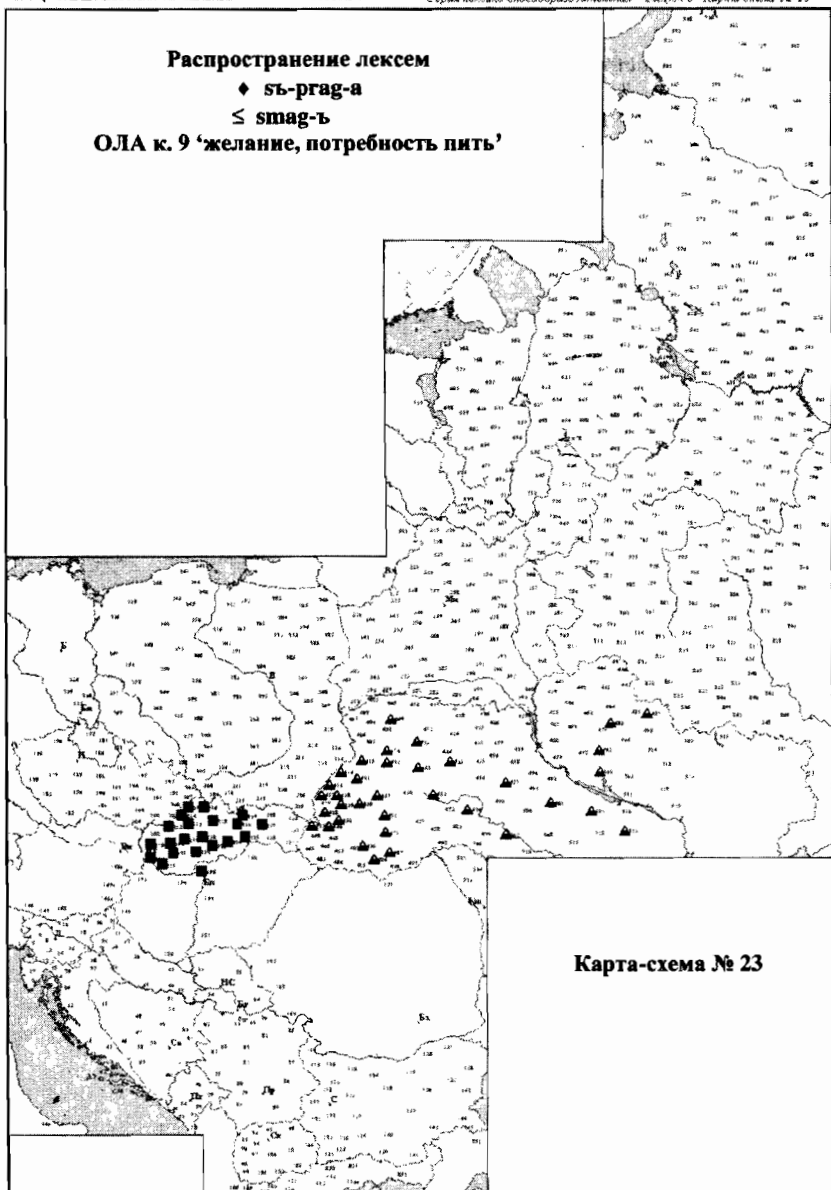

Карта-схема № 21

Распространение лексемы
 ▲ //už-in-ъ
 ◆ (kolacij)-a
 ОЛА к.62 'ужин, вечерняя еда'

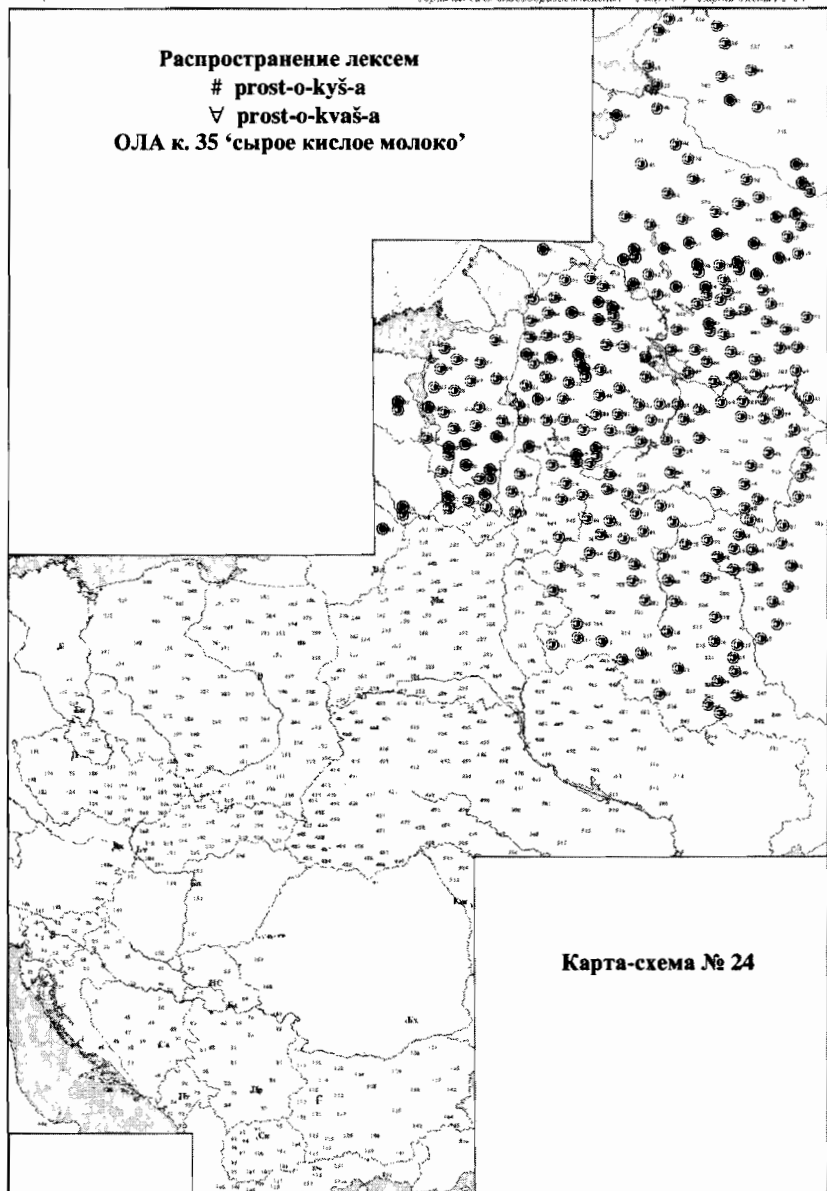

Распространение лексем
 ♦ съ-рѣг-а
 ≤ стѣг-ъ
 ОЛА к. 9 'желание, потребность пить'

Карта-схема № 23

Распространение лексем
prost-o-kyš-a
∇ prost-o-kvaš-a
ОЛА к. 35 'сырое кислое молоко'

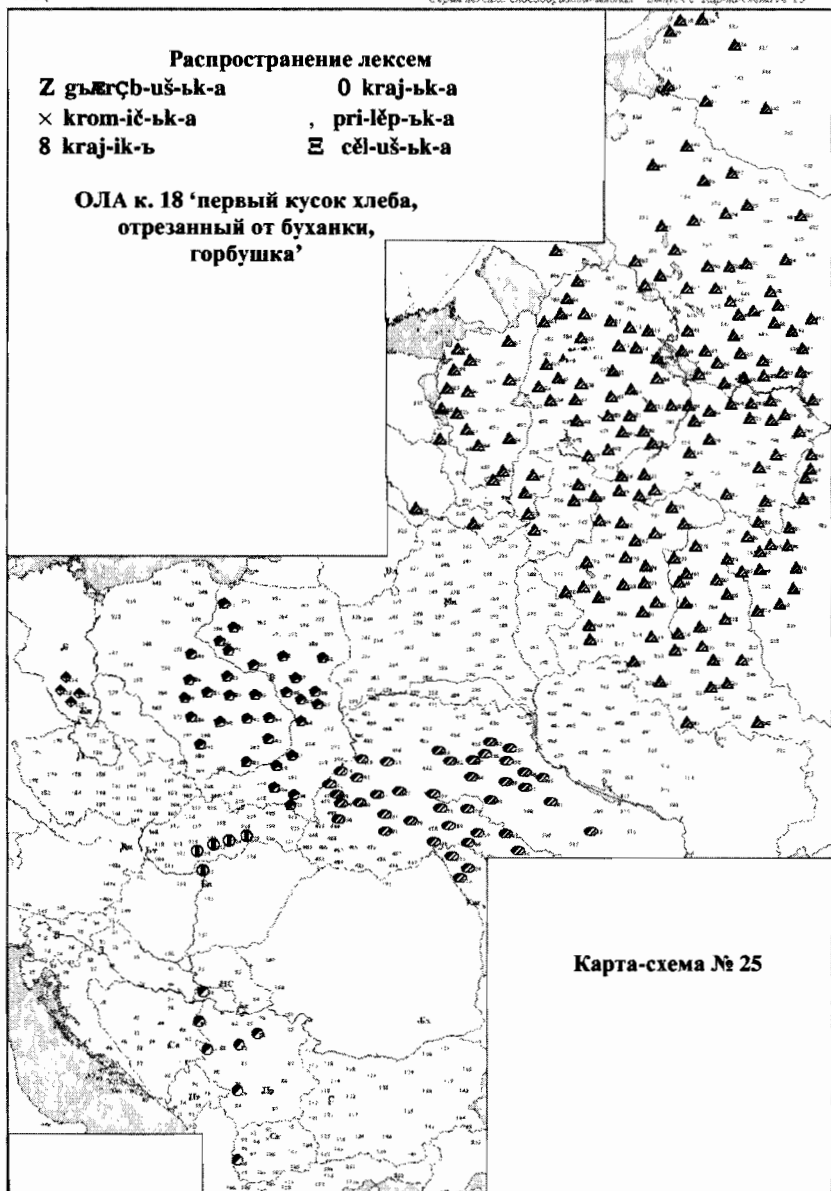

Карта-схема № 24

Распространение лексем

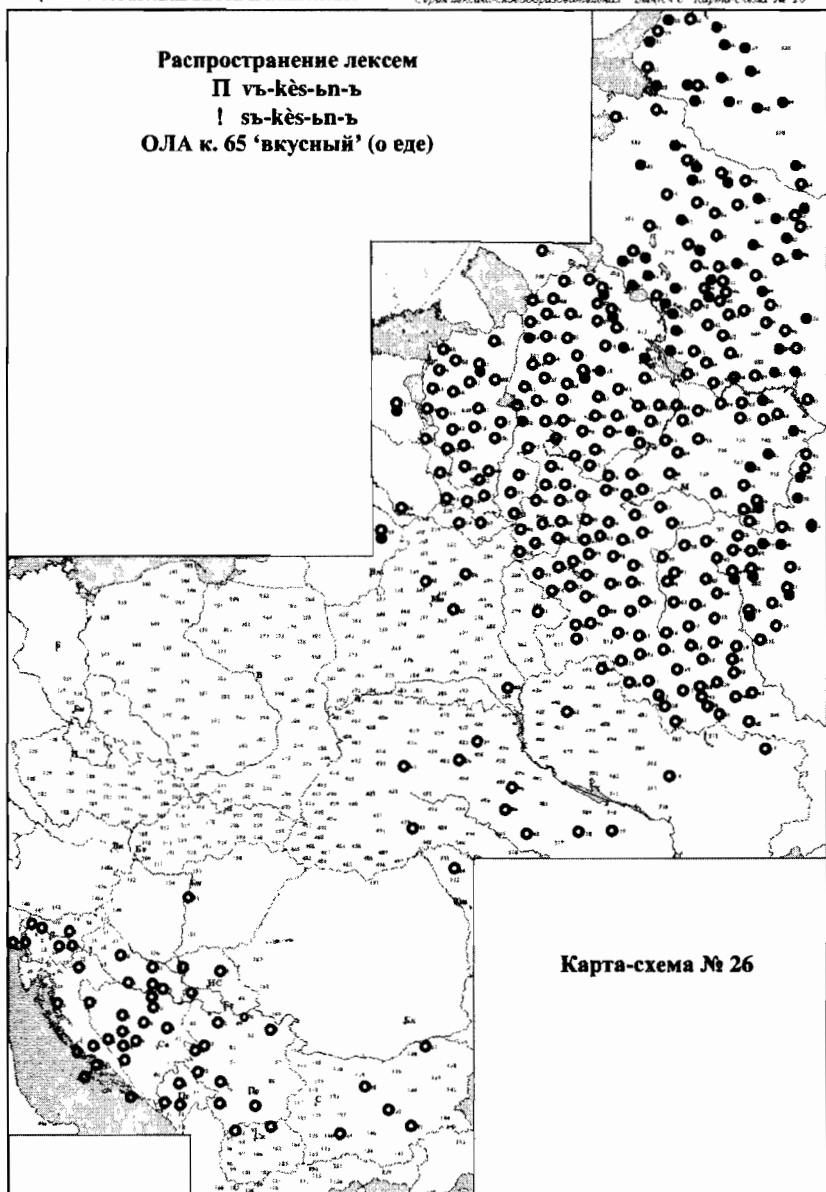
Z гьлѣѣб-уѣк-а О крај-ѣк-а
 × кром-іѣ-ѣк-а , ргѣ-лѣр-ѣк-а
 8 крај-ік-ѣ Э сѣл-уѣ-ѣк-а

ОЛА к. 18 'первый кусок хлеба,
 отрезанный от буханки,
 горбушка'

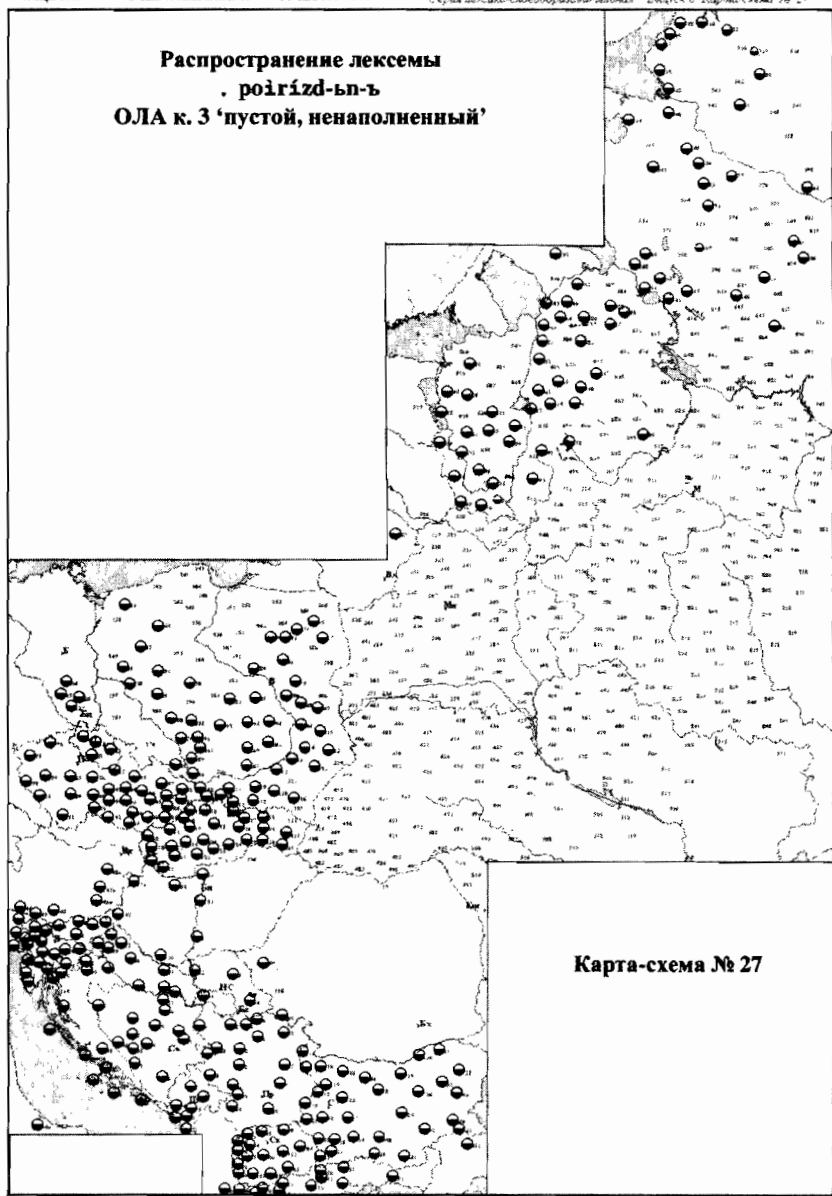
Карта-схема № 25

Распространение лексем
 Пъ-кѣс-ьп-ъ
 ! съ-кѣс-ьп-ъ
 ОЛА к. 65 'вкусный' (о еде)

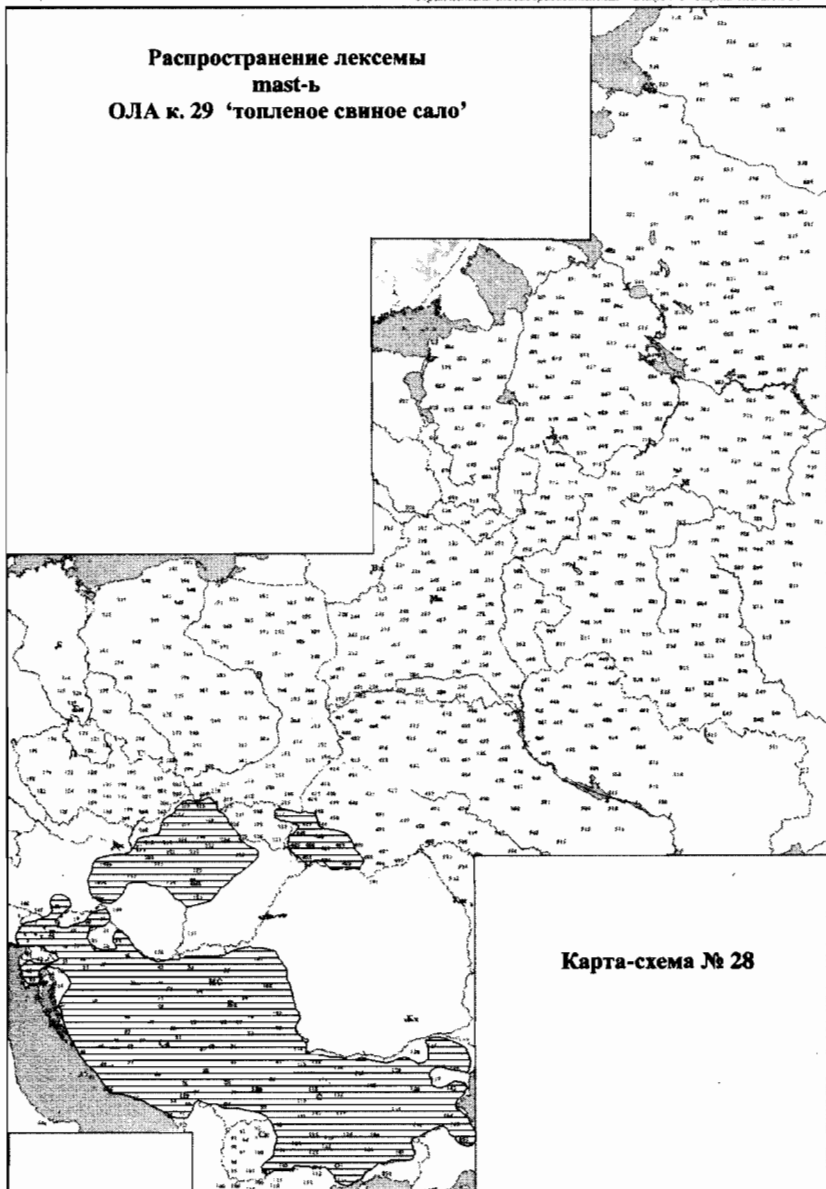
Карта-схема № 26

**Распространение лексемы
 . roigizd-ьп-ъ
 ОЛА к. 3 'пустой, ненаполненный'**

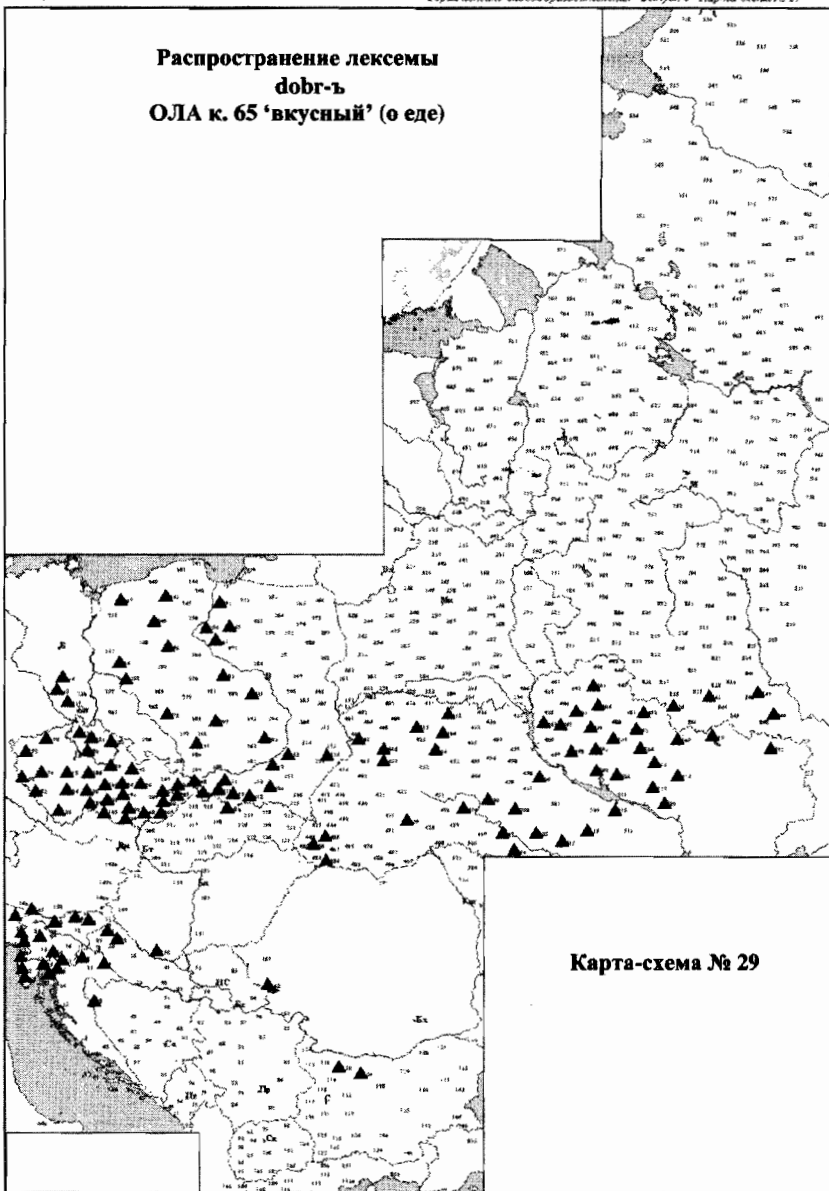

Карта-схема № 27

**Распространение лексемы
mast-ъ
ОЛА к. 29 'топленое свиное сало'**

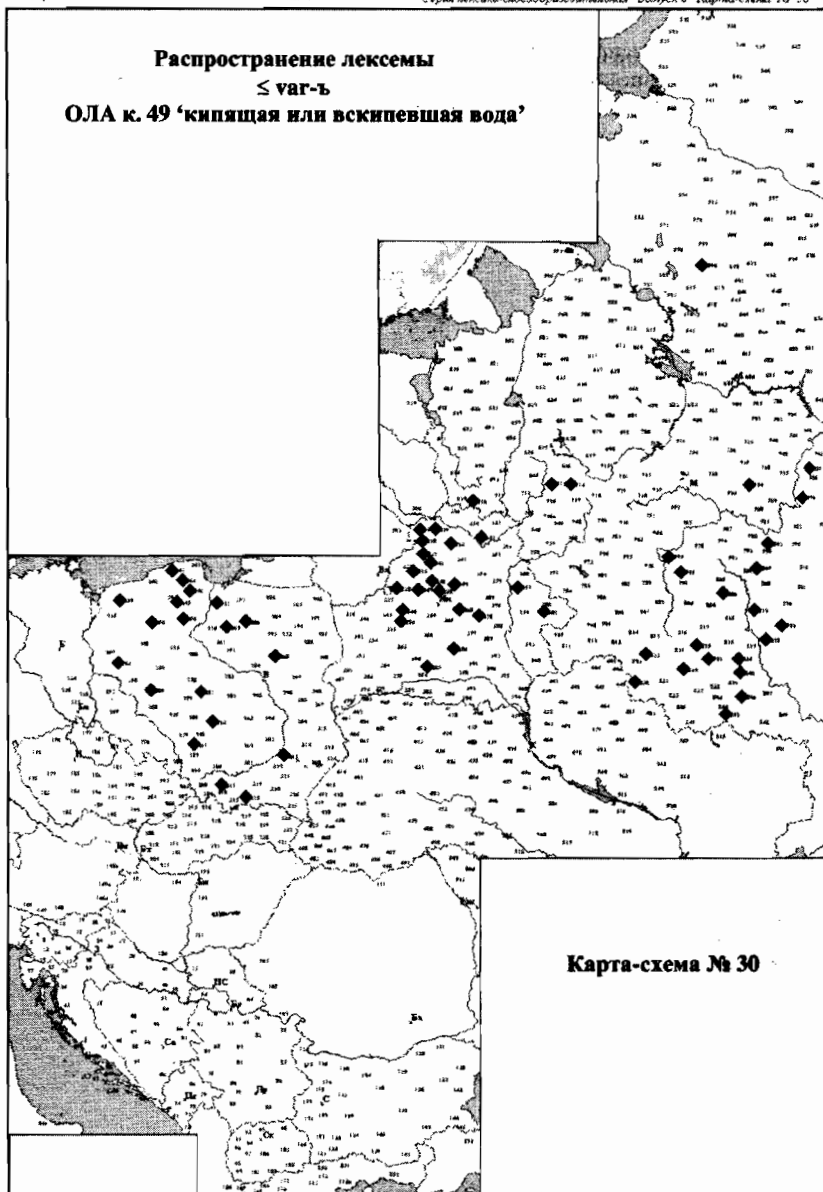

**Распространение лексемы
dobъгъ
ОЛА к. 65 'вкусный' (о еде)**

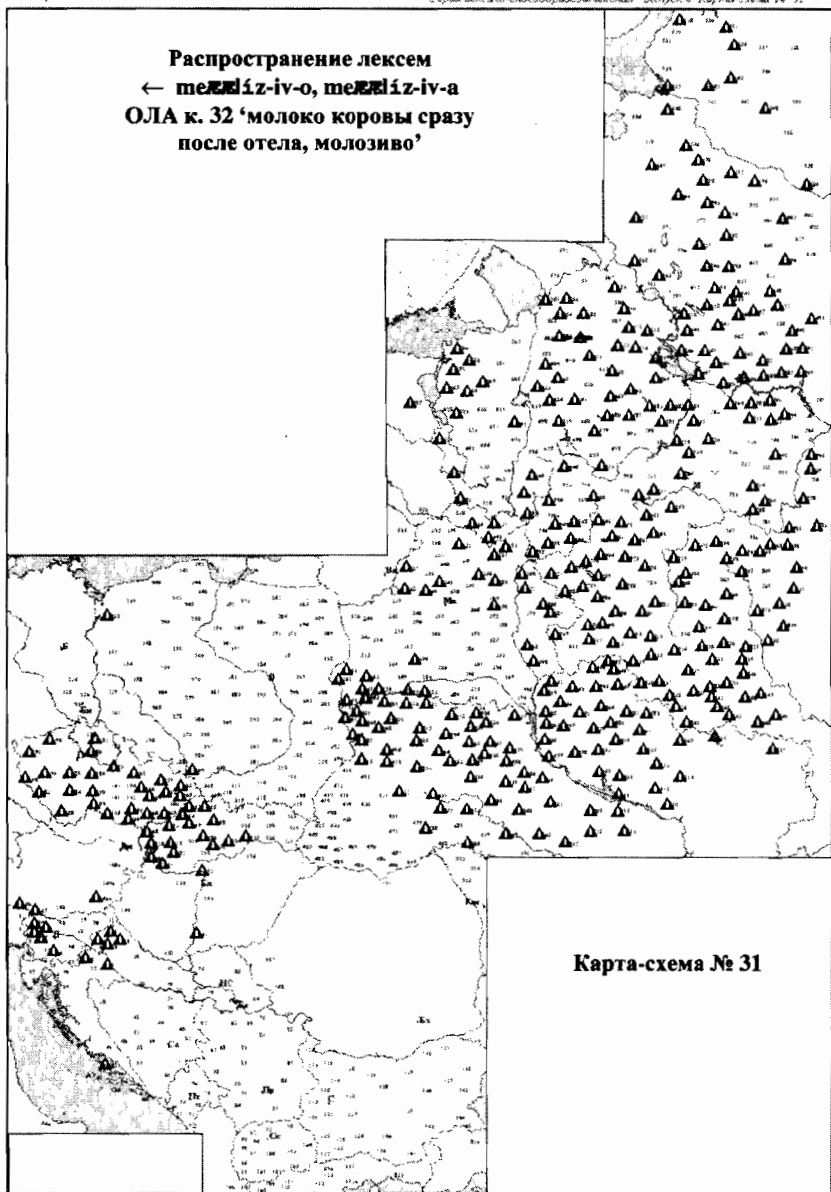
Карта-схема № 29

Распространение лексемы
≤ var-ъ
ОЛА к. 49 'кипящая или вскипевшая вода'

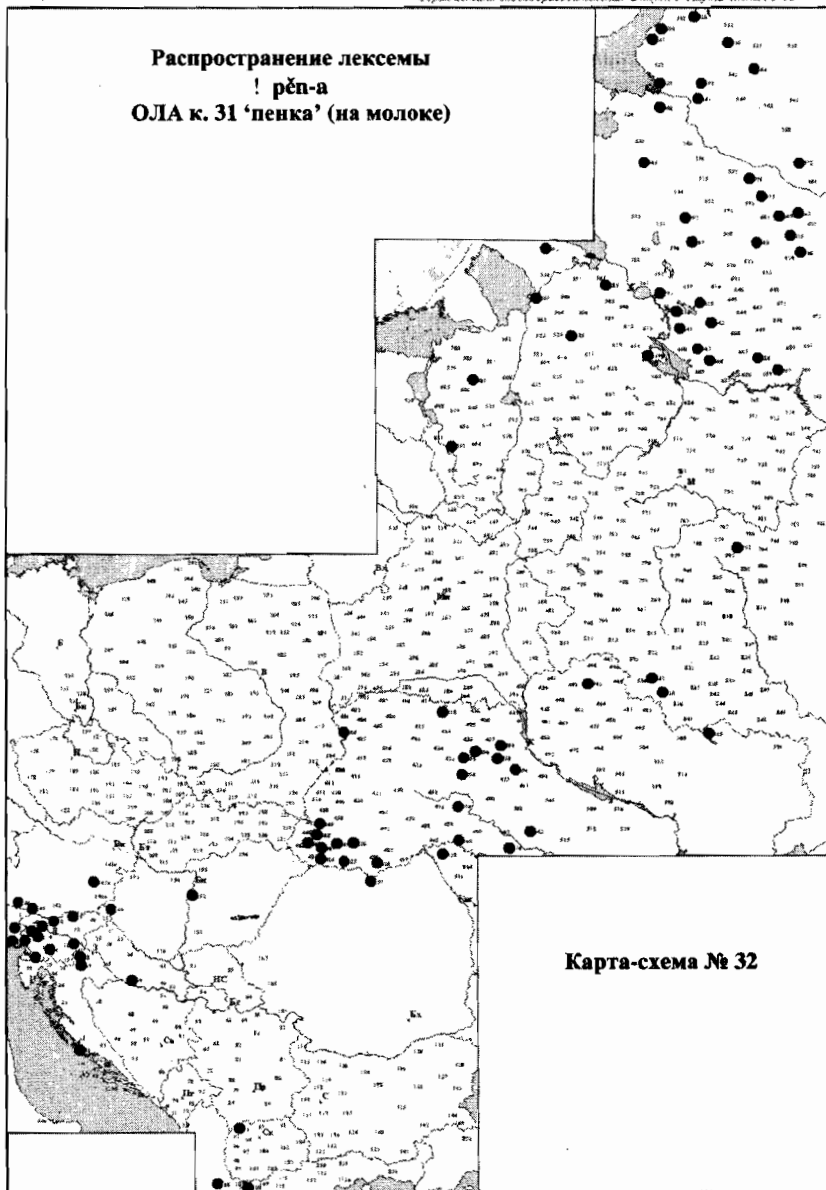
Карта-схема № 30

Распространение лексем
 ← **meľiz-iv-o**, **meľiz-iv-a**
 ОЛА к. 32 'молоко коровы сразу
 после отела, молозиво'

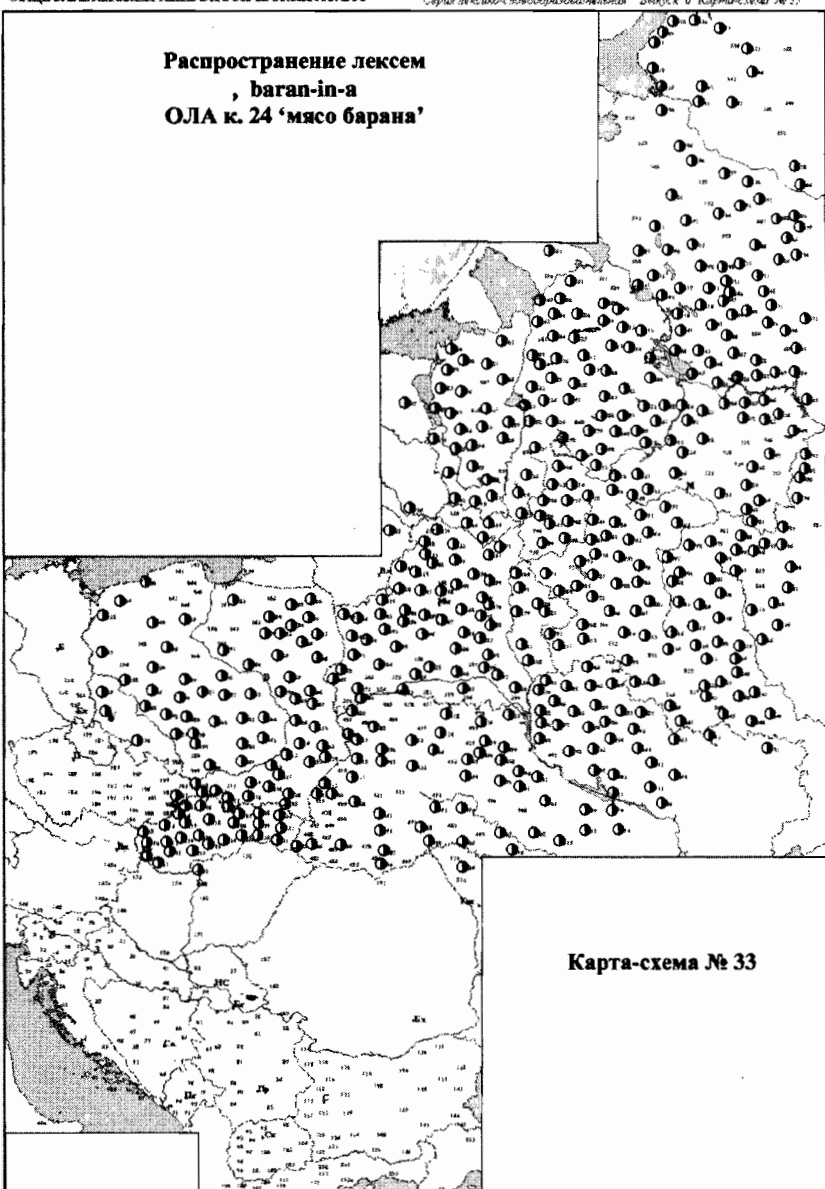
Карта-схема № 31

**Распространение лексемы
! рѣп-а
ОЛА к. 31 'пенка' (на молоке)**

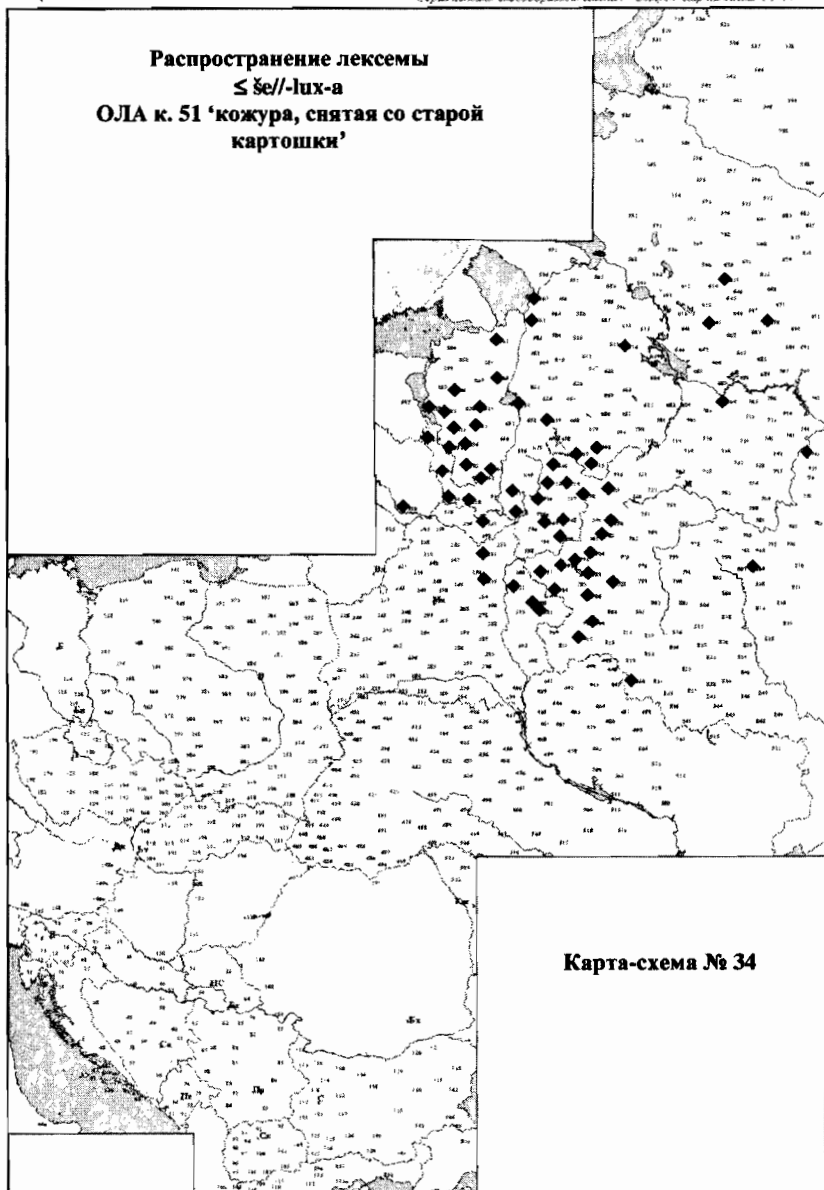

Карта-схема № 32

**Распространение лексем
, *baran-in-a*
ОЛА к. 24 'мясо барана'**

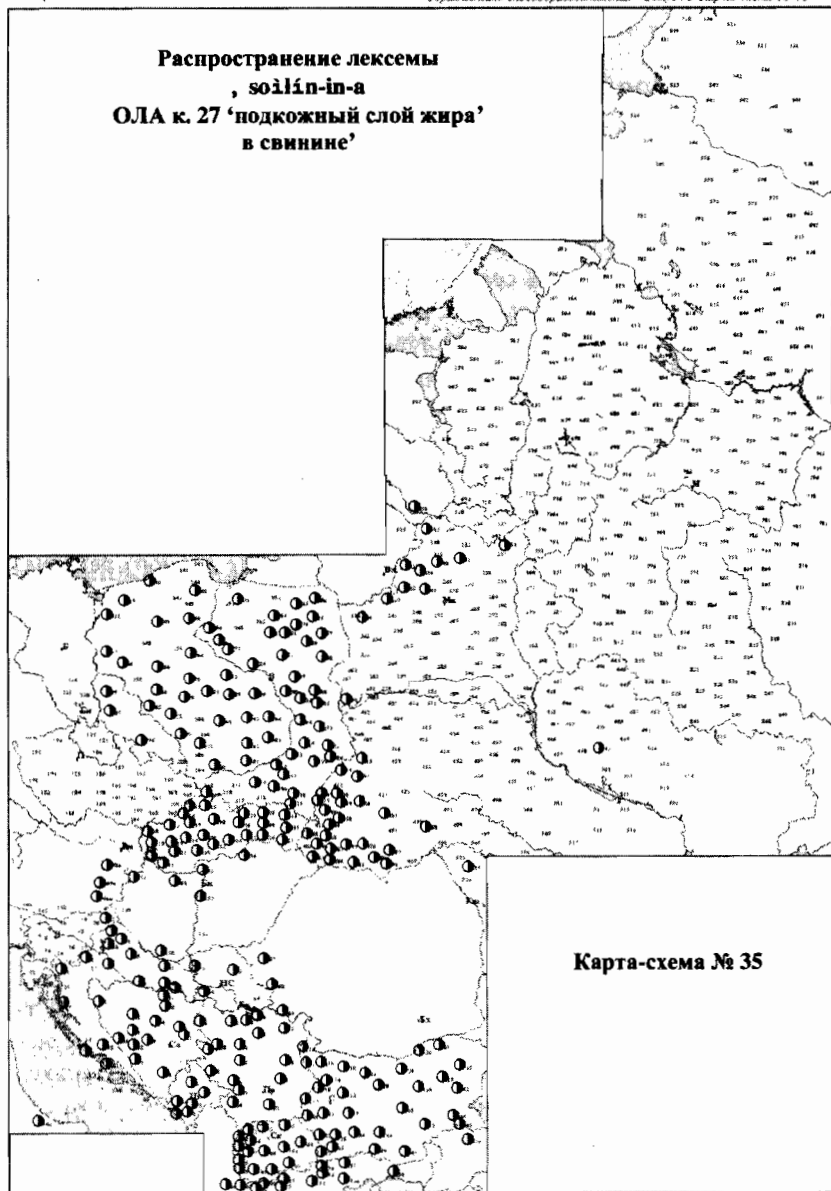

Распространение лексемы
≤ šel/-lux-a
ОЛА к. 51 'кожура, снятая со старой
картошки'

Карта-схема № 34

**Распространение лексемы
, soilín-in-a
ОЛА к. 27 'подкожный слой жира'
в свинине'**

Карта-схема № 35

Из семейной обрядности староверов Болгарии*

Старообрядческие русские общины, живущие в различных странах мира, неизменно привлекали внимание исследователей¹. Выбор для анализа в настоящей статье старообрядческих сел Болгарии, отмеченных лишь в двух пунктах на северо-востоке страны, был предопределен несколькими причинами. Во-первых, данные общины проживают вне территории митрополии уже почти 300 лет. Во-вторых, носители говоров не изучали русский литературный язык, раньше детей обучали грамоте родители по церковнославянским книгам дома или священнослужители в церковно-приходской школе. В-третьих, данные говоры существуют в иноязычной и инокультурной среде, однако родственной, славянской (болгарской). Именно поэтому нам было интересно проследить, каковы же процессы и результаты взаимного влияния данных языков и культур.

Согласно данным ученых, изучавших староверов данного региона, старообрядческие общины Болгарии сохраняли свою самобытность и говор вплоть до 90-х гг. XX в.² Стабильность сообщества достигалась благодаря строгим правилам жизни: закрытости общины, запрету на смешанные браки, сохранению традиционной культуры и социальной престижности говора.

В основу статьи легли материалы, собранные автором в полевых экспедициях в 2006–2007 гг. Работа велась в рамках проекта «Русские села на Балканах», и ее задачей было выявление архаических и инновационных пластов в традиционной культуре и языке старообрядцев, анализ лексики на предмет заимствований, исследование изменений в языке сквозь призму языка народной культуры, ее терминологии.

Сбор сведений проводился по Этнолингвистической программе, предполагающей изучение разных тематических сфер традиционной культуры балканских славян: календарных праздников, семейной и сельскохозяйственной обрядности, народной мифологии и пр.³ Кроме того, мы использовали вопросник Т. Ю. Власкиной «Программа сбора материала по обычаям и обрядам, связанным с рождением и ранним периодом жизни детей» (РГУ, Ростов-на-Дону). В ходе работы было собрано большое число диалектных текстов разного содержания, пригодных для исследо-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории» (проект «Русские села на Балканах: архаика и заимствования в народной культуре»).

ваний любого рода: диалектологических, социолингвистических, этнолингвистических, антропологических и пр. Целью настоящей статьи является рассмотрение одного из фрагментов традиционной культуры старообрядцев — родинной обрядности — на примере одного старообрядческого села Казашко.

Старообрядцы в Болгарии проживают на северо-востоке страны в двух селах: Казашко (в обл. Варны) и Татарлица (в обл. Силистры, в Добрудже). Населяют их казаки-некрасовцы, согласно местным преданиям, потомки донских казаков, участвовавших в восстании Кондрата Булавина и после его поражения под предводительством Игната Некрасова бежавших на Кубань, в северную Добруджу и Малую Азию.

Село Казашко было основано в 1905 г. на северном берегу Варненского озера в 7 км от Варны семьей Матвея Русова, бежавшей в Турцию из румынского села Сарикёй. Позднее здесь поселились и другие староверы из Румынии (из Тулчи, Журиловки, Каркалиу), а также переселенцы из Малой Азии, из села Мада и с озера Майнос в Турции. В 1908 г. село было признано населенным пунктом указом царя Фердинанда и получило имя Казашка махала. Основным занятием селян было рыболовство, здесь не занимались земледелием и почти не разводили скот.

Хотя часть жителей являются представителями «беспоповского» направления старообрядчества (они называют себя *хатники*, так как церковные обряды совершали в доме), а роль священника и старосты здесь выполнял дьяк, в селе с 1935 г. существует церковь Покрова Пресвятой Богородицы, о которой сейчас заботится и где за отсутствием священника служит по праздникам местная женщина Феврония Критска⁴.

До 50-х гг. XX в. село было чисто русским, в настоящее время в нем проживает 450 человек, из них 60% казаков и 40% болгар. В последние годы число смешанных браков увеличивается, обучение детей ведется на болгарском языке. В настоящее время в селе нет школы, дети ездят в соседнее болгарское село Тополи. Ранее существовала славянская школа, где дьяк обучал детей церковнославянскому языку. В 1952 г. возникла сельская школа до 4 класса, где преподавали болгарские учителя.

Все это, естественно, приводит к смешению культур и оказывает влияние на язык старообрядцев. В подавляющем большинстве случаев молодые русские перенимают болгарские обычаи, отмечают также и болгарские праздники, дома часто говорят по-болгарски. Но все же нам удалось записать многие старые обычаи и представления, сохранившиеся в памяти, а нередко и в повседневной жизни старообрядцев.

В прошлом детям на вопрос «Откуда они взялись?» отвечали, что их выловили в озере (*паймали в лимане*). Информантка М. Амосова поведала нам свою историю: ей родители рассказывали, что ее нашла повитуха (*бабушка Анна тебя паймала в чувале в лимане и принесла*). Аборт

или выкидыш (*паторяла детёнка*) считался грехом (*грех було*)⁵, старые женщины пытались спасти душу так и не родившегося ребенка, варили пшеницу, как на погребение.

В период беременности жизнь женщины была регламентирована различными запретами и предписаниями. Считалось, что нельзя скрывать сам факт «особого» положения, иначе ребенок не будет говорить, родится немым. Будущей матери запрещалось отрезать волосы, чтобы младенец не остался без волос. Говорили, чтобы беременная (*чежсолая*) не ударяла ногой кошку или курицу, в противном случае у ребенка на спине вырастет шерсть и он будет плохо спать по ночам. Опасным считали и перешагивание веревки, — пуповина могла закрутиться на шее у ребенка. Чтобы роды были легкими, накануне их женщина просила прощения у всех, с кем ссорилась, *пращалась на четыре стораны*, молилась. Начало родов сохраняли в тайне, приглашали только сельскую повитуху (*бабка бабуваеь* 'принимает роды'; ср. болг. *баба бабува*). Рожать полагалось на земляном полу.

Староверы считают, что новорожденный должен *принять Христа* до сорокового дня после рождения, потому торопились крестить. Чаще всего ребенка крестили до восьмого дня или на девятый день. А у болгар, согласно сведениям информантов, крестили на сороковой день. Если ребенок рождался слабым, повитуха звала в дом дьяка, который должен был сразу окрестить младенца, чтобы тот не умер некрещеным, что считалось большим грехом. Внебрачного ребенка (*выблядок*), однако, не крестили.

Пока ребенка не окрестят, рубашечку на него не надевали, поскольку он еще не был приобщен к миру людей. Первую пеленку делали из старой рубахи отца младенца. В церкви дьяк давал ребенку рубашку, крестик и пояс. Там его *закручивали* и с этого момента начинали одевать. В церкви давали и имя ребенку, дьяк выбирал по святым, *какое нападѣца*: девочке могли взять имя и «вперед, и назад», т. е. до и после дня рождения, а мальчику — *только наперѣд до девятого дня*.

Крестными у старообрядцев выбирали «своих», близких родственников родителей младенца. Им мог стать брат или сестра матери/отца. Для девочки достаточным считали приглашение крестного отца, а для мальчика — матери. Категорически запрещалось брать в крестные супружескую пару, крестный отец и мать не должны состоять в браке. Супругу крестного отца тоже будут называть крестной, а мужа крестной матери, что крестила в церкви, — крестным. Беременной также не разрешалось крестить новорожденных. Одна информантка рассказала нам о том, как ее дочь окрестила беременная женщина, после чего — в наказание за нарушение табу — умерли и ее девочка, и сын этой крестной матери.

В церковь ребенка несли крестные родители. Там его крестили, одевали, пеленали, повивали. После совершения обряда крещения в воскресенье в доме новорожденного делали обед (*крэзьбины*), на который приглашались только крестные родители и близкие родственники семьи.

Матери новорожденного не разрешалось присутствовать при таинстве крещения, так как она считалась в этот период нечистой и не могла переступать порог церкви. Лишь по прошествии 40 дней мать приходила в церковь, молилась, совершала 15–20 земных поклонов, исповедовалась, получала отпущение грехов. Дом, где прошли роды, также считался нечистым до момента крещения. Его приходил освящать дяк по истечении сорока дней после рождения ребенка. Никто не посещал эту семью, не ступал во двор, так как это считалось грехом. Только акушерка восемь дней жила в семье, где есть новорожденный, водила роженицу каждый день в баню, купала, растирала.

Сорок дней после рождения ребенка чужих в дом не пускали, чтобы не сглазили мать и ребенка и во избежание болезни *варагуша*. Строго следили за тем, чтобы к младенцу не подходила и не садилась на кровать женщина в период *mensis'a*, иначе у ребенка и матери может случиться кровоизлияние (*паганое, погань*). Пеленки и одежду ребенка не оставляли на улице после захода солнца, *грех давать адёжке детёнка переначевать, до сонца шоб сабрали* (ср. сходные болгарские запреты, связанные с верой в злых духов *юд, самодив*, которые могут нанести вред ребенку через оставленные на ночь во дворе пеленки).

От сглаза лечили бабки, умывая *мылчанай вадой* (болг. *мълчана вода*) с углями, *как у болгаров*. Верили, что если угольки потонут, — значит, ребенка сглазили. Младенца брызгали этой водой, которую затем выливали через голову на крышу. Или трижды с молитвой умывали святой водой. От страха (*за страх*) избавляли, зажигая три раза спичку и бросая ее в воду.

Если ребенок плакал на заходе солнца, считали, что ему *наваражили, паделали*. Чтобы избавиться от крика (*крикса, за крикунов*) и бессонницы, его клали в подол и несли в курятник, чтобы сон пришел к ребенку и он спал, как спит курица. Когда ребенок долго плакал, говорили: «*У, крикса ты!*» Или брали венчалный платок, очипок или косяк и покрывали им ребенка, после чего он «отходил». От коклюша (*магариная кашлица, болг. магарешка кашлица*) и оспы (*шарка*) детям давали пить вино.

Первой ребенка купала акушерка, затем мать или свекровь. Если ребенок заболел «сухотами» (*сухота яго паймала, сухоты накрыли яго*), то его лечили, купая в воде с сеном, трухой и различными травами. Воду после купания выливали под стенку камышового плетня или под дерево, *шоб сабака не капала*. Или знахарка угадывала, что сделали ре-

бенку (*варошка наваражила*), и определяла лекарство: от эпилепсии использовали золотой венчальный перстень матери или накрывали больного мешком от муки. Если младенец заболел от сглаза (*глазы*), говорила, со скольких криниц принести воды, на молодом месяце (*на младикау*) поддержать, затем умыть дитя. Ребенка с недугом называли *дитёнок с жалостью*. Когда ребенок плохо рос, не отличался крепким здоровьем, его фиктивно продавали знакомым, которые давали за него деньги, а позднее возвращали (подобный обычай известен и болгарам). После этого ребенок выздоравливал. Непослушных детей пугали бабкой Ягой, волком, медведем.

Берегли ребенка от порчи, сглаза (*от сглазу*). В пеленку (*свивальник*) завязывали, подобно болгарам, синие мониста, красную нитку или ткань, *шоб не бул глазливый*. Мониста пришивали и к шапочке новорожденного. Верили, что особо подвержен сглазу ребенок, дважды отлученный от груди матери. Дети же, рожденные в рубашечке (*у ризы родила, в шапочке родился*), считались счастливыми, удачливыми.

Стригли ребенка 1 раз, когда подрастут волосики. Их собирали и прятали или бросали в печь, так как считали, что если птица возьмет их и соьет гнездо, то человек будет страдать от головных болей. Девочек вообще не стригли. Расчесывать волосы в бане считалось грехом, так как это нечистое место (*погано*), и ангел не сможет их собрать там, когда умрет человек. Сохранились и поверья, связанные с первым зубом. Первый выпавший зуб бросали на крышу со словами: «Бабка, бабка, на тебе зуб костяной, дай мне железный».

На восьмой день совершали обряд *размывания рук* повитухе, который еще называли *бабку провожать*. Молодая мать мыла ей руки с мылом, дарила рушник, платила за труды. В этот день собирали для повитухи узелок с подарками: сахар, хлеб, мыло, полотенце, бутылку вина. Дары относил сама роженица (*родиха*, болг. *родилка*). Акушерка угощала пришедших. Все дети, которых принимала сельская акушерка, называли ее по-родственному по имени и бабушкой, например бабушка Матрёна.

На сороковой день, после того как мать новорожденного посетит церковь с ребенком и дьяк ей прочитает молитву, ей позволяли брать икону, зажигать лампаду. На *сорок дён* роженицу навещали женщины (*посещение*). Молодая мать угощала их хлебом *сдобник*, варениками, пирожками, вином. Для обряда специально готовили кашу из риса. Гости веселились, пели песни.

Существовал и общесельский праздник почитания повитух (*Бабы кашки*), который отмечали 14 января, на *Василия Великого*. В этот день все молодые матери посещали тех акушеров, которые принимали у них роды, одаривали их хлебом, мылом, сахаром, пировали, пили и весели-

лись до полуночи, ходили из хаты в хату. Бабка готовила для них обед. Каждую повитуху женщины катали на санях по селу. Мужчины на праздник не допускались, в этот день они старались не выходить из дома. Случайно встретившегося мужика могли наказать, снимали с него шапку, штаны или требовали откуп.

Влияние болгарского языка на говор старообрядцев весьма заметно. Туда проникает не только лексика, но и целые словообразовательные конструкции, и фразеологизмы. Иногда лексема заимствуется вместе с целым фрагментом традиционной культуры. Но постепенно так называемый экзотизм — слово, называющее реалии «чужой» жизни, перестает восприниматься как таковое, когда данная реалья прививается в жизни носителей языка-реципиента, хотя еще продолжает нести в своем значении указание на определенную специфику культуры народа-донора, его обычаев и менталитета⁶.

Так, от болгар староверы почерпнули поверья об *орисницах*, определяющих судьбу ребенка; «от сглаза» стали пришивать к шапочке новорожденного синенькую *монисту*; научились «разделять» детей-одномесячников, т. е. рожденных в один и тот же месяц, чтобы те росли здоровыми; стали печь лепешку с медом и катать, когда ребенок начинал ходить, отмечая праздник «первых шагов». При избавлении от несчастья совершали *бескровный курбан* ‘жертвоприношение’: каждый год в определенный день носили в церковь муку, масло, овощи, совершали службу или читали канон «о здравии, о спасении».

Таким образом, мы можем констатировать, что, несмотря на изолированность староверов в прошлом, в последние годы общность стала заметно более открытой. Благодаря увеличению числа смешанных браков влияние окружающей близкородственной болгарской культуры и языка становится все ощутимее, взаимодействие проявляется не только во внешних формах, но отчасти затрагивает и содержание культуры казаков-некрасовцев, и их язык.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Обобщение итогов исследований говоров русских старообрядцев в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН см. в статье Л. Л. Касаткина: *Касаткин Л. Л.* Исследование говоров русских старообрядцев в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН // ОЛА. Материалы и исследования. 2003–2005. М., 2006. С. 273–298.
- ² См. подробную библиографию в монографии: *Анастасова Е.* Старообрядците в България. Мит — история — идентичност. София, 1998. С. 11–15. Среди новейших исследований по этнографии и культуре старообрядцев села Казашко следует указать работу: *Петрова Л., Колева С.* Животът на старообрядците-казаци в село Казашко, Варненско // Делници и празници в

живота на българина. Сборник, посветен на 30-годишнината на Етнографски музей — Варна. Варна, 2006. С. 450–461.

- ³ Плотникова А. А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М., 1996.
- ⁴ В селе проживают и последователи «поповского» направления (*белокричичники*) из Татарицы, а сельская общественность после ухода «на пенсию» дьяка Кузьмы изъявляет желание привлечь в церковь священника. Сохраняются связи с митрополией в Румынии (Браила) и Древлеправославной церковью в Москве (новозыбковские «беглопоповцы»).
- ⁵ В данном говоре присутствует фрикативное *z*, характерное для южнорусских говоров.
- ⁶ Крысин Л. П. Заимствованное слово как транслятор иной культуры // Глобализация — этнизация. Этнокультурные и этноязыковые процессы: В 2 кн. Кн. 1. М., 2006. С. 106–113.

Р. В. Полчанинов
(Нью-Йорк)

На слете скаутов Югославии. Белград 1935 г. (Страницы истории разведчества-скаутизма)

Занятия Русским зарубежьем свели меня с коллегами, живущими вне пределов России. Одним из них стал живущий в Нью-Йорке Ростислав Владимирович Полчанинов, патриот, историк, публицист, коллекционер. Он всегда готов поделиться своими обширными знаниями, информацией, помочь установить связи с нужными людьми, у которых есть интересующие тебя сведения. Для меня он сделал очень много в этой сфере. Ростислав Владимирович вошел в историю как участник многих событий, о которых он всегда готов рассказать, написать, опубликовать. Многие свои архивные материалы, разнообразие которых поражает, он передает в Россию — историкам, в Государственный архив РФ. Предлагаемая публикация Р. В. Полчанинова — одно из свидетельств прошедших времен.

В. И. Косик

Прошлый слёт назывался «Савезни логор», но югославянские скауты решили больше не употреблять немецкое слово «лагерь», а говорить «табор», будто бы это слово югославянского происхождения. Поэтому III слёт Союза скаутов королевства Югославии был назван «III савезни табор». Он был устроен на окраине Белграда в Топчидерском парке с 4 по 11 сентября 1935 г.

Узкоколейная (75 см) железная дорога Сараево-Белград доставила нас в Белград без пересадки. Выехали мы вечером и прибыли утром. Дорогу от Сараева до границы Сербии строили австрийцы. Она имела военное значение. Шла она по обрывистому склону каньона реки Дрины, и на примерно 300 км было более ста туннелей. Это была самая красивая железная дорога в Югославии. После 1918 г. была построена дополнительная ветка от границы Боснии до Белграда.

Сараевские югославянские скауты получили целый вагон, и хотя мы ехали к русским, встретили нас по-братски и предоставили места. Для Бориса Борисовича Мартино (1917–1962), Малика Ибрагимовича Мулича (1917–1980) и меня это было первой поездкой в Белград, и мы до темноты простояли у окна, наслаждаясь дикой красотой природы.

Когда мы проезжали через туннели, то едкий дым проникал в вагон и через закрытые окна. Сначала мы пробовали открывать окна, чтобы освежить воздух, но паровоз все время давал гудки, предупреждавшие

едущих о приближении нового туннеля. Приходилось спешно закрывать окна, пока нам это не надоело, и мы решили больше окон не открывать, а безропотно терпеть присутствие едкого дыма в вагоне.

Когда стемнело, мы старались сидя заснуть, но это у нас не получилось. Горы и туннели кончились, как только мы пересекли границу Сербии. После последнего туннеля кто-то, знавший дорогу, распорядился открыть окна, и мы стали наслаждаться свежим утренним воздухом.

Мы прибыли в Белград рано утром 4 сентября и на трамвае прибыли в Топчидер. Ехали до последней остановки, а дальше шли пешком к месту лагеря. На центральной площади «табора» было построено несколько небольших бараков — радиоузел, редакция лагерной газеты, штаб слёта, скаутская полиция, киоск со значками и сувенирами и почта, где сидели настоящие почтовые служащие.

В Белграде было 20 отделений связи, а временная лагерная почта получила номер 21. Письма гасились почтовым штемпелем с надписью латиницей: III TABOR SKAUTA BEOGRAD 21. Это был первый и последний скаутский почтовый штемпель за всю почтовую историю королевства Югославии.

III слет был задуман куда более грандиозно чем II слет в Загребе в 1932 г. Было больше иностранных делегаций, да и своих скаутов было, кажется, больше чем в Загребе. Если в Загребе, не считая русских скаутов из Белграда, было только две иностранные делегации — венгерская и чехословацкая, включавшая в свой состав украинских пластунов, то в Белград прибыли, кроме венгров и чехословаков (на этот раз без украинцев), ещё делегации из Австрии, Болгарии, Польши, Румынии и, конечно, местные русские.

В состав болгарской делегации из примерно 30 человек были, без законного основания, включены 6 русских и 6 армянских скаутов. Русские и армяне имели свои скаутские организации, которые не входили в состав БМР — Българските младежи разузнавачи (Болгарские юные разведчики), или «болгарские морские разбойники», как в шутку расшифровывались буквы БМР.

Особенно были обижены армяне. Им не позволили поднять армянский флаг не только в границах болгарского лагеря, но и на площади, где были флаги всех иностранных делегаций, включая и русскую.

У болгарских разведчиков не нашлось ребят, которые могли бы достойно представлять Болгарию на слёте в Белграде. Поэтому в Белград были посланы учителя спорта, которым на курсах читали лекции о разведчестве. Им выдали новенькие формы и послали на слёте изображать из себя «разузнавачей». Их форма была как русская начала 1920-х гг. — синие штаны, зелёная рубашка, но вместо пилоток или ковбойских шляп у них были синие береты.

Русские и армяне имели такую же форму, но не такую новенькую, и пилотки вместо беретов. Они стояли на левом фланге. Болгарский начальник хотел поставить и Александра Михайловича Шатерника в общий строй по росту, но тот отказался, напомнив болгарскому начальнику, что он один из основателей организации болгарских юных разведчиков и что ему полагается соответствующее уважение.

Предполагалось, что русская делегация будет состоять из Белградской дружины, отряда из Будапешта и групп из Сараева и Софии, но приехавшим из Софии болгары не разрешили быть с русскими в одном лагере, а из Будапешта вместо отряда, который должен был бы приехать вместе с очень красивыми лагерными воротами, украшавшими русский лагерь на IV Всемирном джамбори в Гёделё, около Будапешта в 1933 г., приехал только один человек и без ворот.

В пользу прибытия отряда из Будапешта были выпущены открытки с изображением ворот и надписью по старой орфографии: «Русский лагерь на 3-ем национальном джамбори югославянских скаутов. 1–11.IX.1935 г. Белград» (ошибка: надо 4–11). Видимо, собрать денег на поездку не удалось, и отряд не приехал. Русские в Болгарии жили беднее, чем русские в Венгрии, и всё же из Софии приехало 6 человек. Видимо, дело было не столько в недостатке денег, как в недостатке разведческого духа.

Приехавшему из Будапешта было лет 20, и он с первого же дня занялся торговлей. Усевшись под деревом, он продавал нам, лагерникам, и посетителям русские литые значки — маленькие со св. Георгием и большие, образца до 1926 г. — без св. Георгия. Литье было невысокого качества, с ямками, и на маленьких значках трудно было разобрать, что на них было изображено. Кроме значков он продавал кожаные кружки с рисунками, выжженными на разведческую или национальную темы, собственной работы. Свою торговлю он объяснял необходимостью покрыть дорожные расходы, только спрашивается, зачем он приехал в Белград, чтобы потом все дни сидеть под деревом и торговать? Ничем другим он не интересовался. Когда у него не было покупателей, мы пробовали с ним поговорить о работе Будапештского отряда. Говорил он неохотно, главным образом об успехах русских на джамбори в 1933 г., но о работе последних двух лет он толком ничего сказать не мог.

Мы, сараевцы, в русском подлагере бывали только в положенные часы, а в свободное время, а оно у нас было почти всё свободным, мы ходили осматривать подлагеря местных и иностранных скаутов.

Историю Будапештского отряда мы узнали потом от Ивана Семёновича Светова (1902–1982), нашего начальника, когда мы были одиночками. Он часто приезжал в лагерь и охотно беседовал с нами, сараевцами.

В 1933 г. Светову была поручена подготовка русской делегации на джамбори в Гёделё. Начальником должен был бы быть Максим Влади-

мирович Агапов-Таганский (1890–1973), а его помощником Владимир Львович Гальской (1908–1961), а ребят, как говорится, было раз-два и обчёлся. Неожиданно желание участвовать на джамбори выразил Будапештский отряд НОРР (организации Павла Николаевича Богдановича, 1883–1973). Отряд подал заявление в комитет по подготовке джамбори, комитет переслал это заявление Светову, а Светову пришлось сообщить начальнику отряда Михаилу Г. Попову-Боброву, что его отряд не может участвовать, так как не состоит в организации, признанной БСИБ — Бойскаутским интернациональным бюро.

Это удивило и возмутило Попова-Боброва. В 1930 г. или 1931 г. он обратился через венгерских «черкес» (разведчиков) в БСИБ с просьбой дать ему адрес русских скаутов. Вместо адреса Олега Ивановича Пантюхова (1882–1973), возглавлявшего признанную БСИБ Национальную Организацию Русских Скаутов, ему кто-то в БСИБ дал адрес Богдановича, возглавлявшего другую, более крупную, русскую скаутскую организацию, но не признанную БСИБ.

У Богдановича были сильные связи в интернациональных скаутских кругах, но сместить Пантюхова и занять его место ему не удалось. В 1932 г. он порвал со скаутизмом, объявил всех скаутов масонами и переименовал свою скаутскую организацию в НОРР — Национальную Организацию Русских Разведчиков, преемственницу потешных Петра Великого.

Светов рассказал нам, что Попов-Бобров был сиротой, которого усыновила венгерская аристократическая семья. Сперва он был членом венгерских «черкес», а потом, собрав русский отряд, захотел вступить в русскую скаутскую организацию. Узнав от Светова, что он не туда попал, Попов-Бобров решил порвать с Богдановичем, перейти в организацию Пантюхова и принять участие в джамбори. Это его решение сразу же решило вопрос, кто и как будет представлять русских скаутов на джамбори. И Светов и Пантюхов были очень рады. Приказом № 279 от 20 февраля 1935 г., вероятно сразу после перехода отряда в НОРР-Р, Пантюхов наградил Попова и всех трёх его помощников знаками Белого Медведя 2-й степени. Помню, что нас удивила и щедрость на Белых Медведей, и щедрость на руководительские звания, и большое количество помощников. В отряде было человек 20, а начальник и его первый помощник получили сразу звания скаутмастеров, а второй и третий помощник — помощников скаутмастеров.

Оказавшись на месте «табора», мы пошли в лагерную полицию и спросили, где находится русский подлагерь. Один «полицейский», взглянув на план, отвёл нас к русским. Там мы застали человек 20 ребят и начальника подлагеря — Юрия Леонидовича Андреева (1913–1970-е). Он нам очень обрадовался. Он был единственным руководителем, и ему приходилось разрываться на части. Отряд состоял из новичков — вче-

рашних волчат. Были «патрули» (звенья, как теперь говорится), но не было «патрульных». Надо было одновременно строить и палатки и кухню, а ребята работали только пока с ними был Андреев. И не только потому, что им было неохота работать, а потому, что они не знали, что и как надо делать. Мартино взялся за постройку ворот, так как уже было известно, что из Будапешта никто не приедет и ворот не привезёт. Мулич взялся за палатки, а я стал помогать Андрееву по кухне. Работа закипела. Все мы устали, но все мы были довольны.

4 сентября была среда. Андреев был студентом, а все остальные где-то работали и приехали только к вечеру. С их помощью мы поставили мачту и ворота.

Отправив ребят спать, Андреев послал за приехавшими из Болгарии и пригласил всех нас к костру. Русскую группу из Болгарии возглавлял Шатерник, недавно назначенный (24.12.1934) заведующим ИЧ — Инструкторской частью НОРС-Р. Он нас обо всем расспрашивал и отвечал на наши вопросы. Это был очень интересный костер.

5 сентября было первым нормальным днём и последним перед официальным открытием лагеря. Я встал по будильнику раньше всех и с дежурными по кухне пошёл за продуктами (хлеб, молоко, какао). После завтрака мы, сараевцы, пошли в болгарский лагерь поговорить с нашими новыми русскими знакомыми.

Там я встретился с одним армянским скаутом. Увидев на нём армянский скаутский пояс, я ему сразу предложил обмен, сказав: «ченч». Это слово известно всем скаутам мира. Армянская скаутская бляха была литая и не очень красивая, но я сразу понял, что имею дело с редкостью. Такие бляхи делались в Болгарии для местных армянских скаутов с оригинала, сделанного во Франции. Армянин сразу же согласился. Его пояс был уже потёртым, а мой новеньким, да и бляха моя была чеканная.

Я удивился, что армянин не понимает по-русски, а он, кивая мне головой, стал говорить «не розберам». Я перешёл на сербский, который оказался для армянина из Болгарии более понятным. Оказалось, что он не из России, а из Турции, вернее, не он, а его родители. Кивать головой, говоря «нет», это болгарское влияние. Так делают болгары, говоря «нет», и говоря «да», вертят головой вправо и влево.

Разведчики, приехавшие с Шатерником из Софии, сразу почувствовали в нас единомышленников, и мы быстро подружились. К тому же они были нашими ровесниками, а белградцы были или на много старше, или на много моложе нас.

Приехавшие из Болгарии тоже привезли кое-что на продажу. Их литые значки были качеством выше привезенных из Венгрии, и кроме значков они привезли, каждый по одному экземпляру изданного в Харбине «Спутника русского скаута», составленного О. И. Пантюховым. На

каждой книжке была подпись «хозяина». Это было сделано, чтобы на таможне не было разговоров. И значки и «Спутники» были даны мне как казначею отряда, и я, не торгуясь, за всё сразу уплатил.

Не в пример Венгрии, и Болгария, и Югославия были странами с низкой валютой и низким стандартом жизни. Американский доллар в Югославии стоил 50 динаров, а в Болгарии около 100 левов. Менять валюту можно было только на основании визы, да и то в очень ограниченном количестве. Таким образом, продажа значков и «Спутников» дала возможность приехавшим из Болгарии прибавить пару динаров к своим карманным деньгам.

Мартино был знаком с Шатерником по переписке. Уже в январе 1934 г. Шатерник разослал всем начальникам отделов, дружин и отрядов свой «Бюллетень Инструкторской Части» и материалы в помощь руководителям, которые назывались «Инструкциями» или «Листовками».

Раньше всех почта доставила всё это в соседние с Болгарией страны — в Грецию и в Югославию, что дало возможность Мартино быть первым откликнувшимся. Это, конечно, расположило Шатерника к нам, сараевцам. Зная, что мы разделяем его взгляды, он говорил с нами совершенно откровенно, как со своими учениками и единомышленниками.

Шатерник был членом НТСНП — Национально-Трудового Союза Нового Поколения (ныне НТС) и ярким сторонником национального течения в русском скаутизме. В составленном им уставе, вместо непонятного для родившихся за границей «Помни Россию!», был дан новый клич — «За Россию!», что было девизом НТСНП, а организация была названа НОРС-Р — Национальной Организацией Русских Скаутов-Разведчиков.

В Белграде слово «разведчик» не привилось, а в Сараеве, наоборот, мы стали говорить просто «разведчик», а если писали, то — «ск-разведчик». Мелочь? — не совсем. Это было символом разведческого духа, а не скаутского.

У Шатерника были планы превратить ИЧ в Главную квартиру организации. С Пантюховым было трудно договориться, потому что он жил в США, куда почта в те времена долго плыла, так как воздушной почты не было. Шатерник надеялся встретиться и о многом договориться с заместителем Старшего русского скаута на Европу — генералом Владимиром Николаевичем Колюбакиным (1874–1944).

Среди приехавших белградских руководителей в Топчидер был Иван Семёнович Светов (1902–1982), но не было Колюбакина. Светов в 1934 г. ушёл из НОРС-Р, но остался в дружеских отношениях с белградцами. Светов приехал, чтобы встретиться с нами, сараевцами,

своими бывшими одиночками, и с Шатерником, который был начальником одиночек в Болгарии, когда Светов был начальником всех одиночек в НОРС. Они несколько лет переписывались, но ни разу не встречались. Светов сказал Шатернику, что ген. Колюбакин вряд ли придет в Топчидер и что лучше ему самому поехать к нему. Светов пригласил на приехать на следующий день в город, чтобы осмотреть скаутскую выставку, а Шатернику обещал устроить поездку к ген. Колюбакину.

5 сентября мы, сараевцы, и Шатерник поехали в Белград, чтобы встретиться со Световым и пойти с ним на выставку. Предполагалось, что выставка будет открыта 1 сентября, но открытие было отложено на 6, до дня рождения короля Петра II и официального открытия «союзного табора».

План выставки был составлен Световым. Он был её душой и последние 2–3 месяца отдавал ей всё своё свободное время. Вторым человеком, готовившим выставку, был русский ровер (по нынешнему — витязь) Николай Павлович Навоев (1913–1940), ставший вскоре в Югославии известным художником, одним из создателей «стрип-романов» (романов в картинках) в Югославии. Он был единственным служащим «Главне управе» (главного управления) Союза скаутов королевства Югославии, на котором лежало всё делопроизводство, и он не смог целиком посвятить себя выставке.

У Светова были помощники из добровольцев, но ими надо было руководить. В общем, выставку югославянских скаутов готовили русские. Выставка показалась нам грандиозной и произвела на нас сильное впечатление. Много ещё значило, что мы её осматривали одни, да ещё с таким гидом, как Светов. Помню, как он взял армянский скаутский журнал из Франции и сказал нам — «полюбуйтесь!». Обложка и передовица были по-армянски, а всё остальное по-французски. Нас это всех удивило, а Светов сказал, что такое же, в недалёком будущем, случится и с нашим парижским журналом «Черпачёк». Мы начали было спорить, но Светов сказал, что ему известно, что русские скауты в лагерях часто переходят на французский язык.

После осмотра выставки Светов попросил Навоева отвезти Шатерника к ген. Колюбакину и потом заехать за ним и доставить его в Топчидер. У Светова с генералом были плохие отношения, и он решил, что ему лучше не показываться.

Встреча Шатерника с заместителем Старшего русского скаута сильно разочаровала Шатерника. Он надеялся в его лице встретить руководителя, который своим авторитетом поддержит его планы, а нашел генерала, милого в обращении, честного в высказываниях, но человека, который никогда скаутом не был и скаутскими делами не интересовался. Шатерник надеялся поговорить с руководителями из Венгрии, но

они не приехали, а с приехавшим не о чем было разговаривать. Хотел Шатерник поговорить и с начальником Белградской дружины Андреевым, но он был так занят, что у Шатерника беседы с ним не получилось.

Зато с нами Шатерник много и откровенно разговаривал. Он жаловался на начальников отделов, которые вели себя, как удельные князья, на ген. Колюбакина, разговор с которым его сильно разочаровал, и, наконец, сказал нам, что у него нет иного выхода, как попросить Пантюхова освободить его от должности, которую он не может выполнять.

В НОРС-Р не было ни списка отрядов, ни списка руководителей. Были только адреса тех руководителей, с которыми у Пантюхова была переписка. Шатерник закончил составление списка руководителей 19 апреля 1935 г. и привёз его в Белград, чтобы проверить. Мы его сразу забраковали.

Сведения о Югославии у Шатерника были от ген. Колюбакина, который был не только заместителем Старшего русского скаута на Европу, но и начальником Югославского отдела. Копия этого списка из архива Пантюхова (ныне архива А. Захарьина) сейчас находится у меня.

Про нашего сараевского Лебедева, названного скаутмастером, было сказано, что ему 38 лет, что в организации он с 1910 г. и п. скм. с 1914 г. Всё это могло относиться к другому Лебедеву, а наш сараевский был примерно 1908 г. рождения, скаут с 1920 г. и скаутмастером никогда не был. Пелипец тоже значился в списке скаутмастером, якобы окончившим в 1934 г. курс для руководителей. Такие руководители, как Гальской, Жуковский и Букановский, с которыми Шатерник лично познакомился, в список не попали, зато в списке был «отошедший от работы» Козинцев.

Официальное открытие выставки было 6 сентября в день рождения короля Петра II, который формально считался покровителем Союза скаутов королевства Югославии. Ни малолетний король, ни регенты скаутам не симпатизировали, но правительство оказывало небольшую финансовую помощь, хватавшую для самого скромного существования. Как-никак, а международный престиж требовал, чтобы в стране была популярная на Западе скаутская организация.

Слёт был нарочно устроен в сентябре, перед самым началом занятий в школах, чтобы день открытия совпал с днём рождения короля. Скаутское руководство надеялось, что король посетит в этот день слёт, но их надежды не оправдались, и король прислал на открытие только одного из своих адъютантов.

Мы весь день не смели покидать лагерь, так как не знали точного времени посещения лагеря высокими гостями. К их приходу мы бы должны были сразу построиться, а Андреев рапортовать. Андреев придал участие на слёте русских скаутов-разведчиков очень большое

значение. В листке «Дневник разведчика» № 4 (апрель 1935), который он издавал, на первой странице крупными буквами было написано: «Мы должны показать всему, не только русскому, но и югославянскому обществу, что мы не „сгнили“, что у нас течёт ещё молодая русская кровь. Мы обязаны доказать, что мы настоящие скауты...»

Номер был посвящён докладу Андреева в «Клубе Старших Разведчиков», в котором, кроме всего прочего, было сказано: «Нам необходимо участвовать на этом съезде, если мы собираемся дальше работать, а не только существовать. Нам надо построить лагерь, который бы не вызывал улыбку соучастия (сербское слово, по-русски — сочувствия. — Р. П.) у югославян, который бы заставил гордиться всех русских. Это единственный способ поддержать честь Организации [...]. Главная трагедия заключается в том, что белградские отряды превращаются в сброд. Рассчитывать на помощь родителей пока не установится хоть какая нибудь работа абсолютно нельзя. [...] Для Сводного Отряда мы должны пожертвовать всё».

Открытие затянулось до обеда. После обеда была церемония освящения знамени скаутского Союза. Освящение совершалось, как полагалось, в Югославии, духовенство четырёх основных религий: православное, католическое, мусульманское и еврейское.

После церемонии была подготовка к факельному шествию. Андреев, на плечах которого лежала вся тяжесть участия русской делегации, потом писал: «Этот съезд является одним из самых светлых воспоминаний моей скаутской работы: ночной парад — смотр войскам и организациям в честь молодого короля Югославии. С зажжёнными факелами в руках, широким развёрнутым строем прошли мы по улицам столицы, высоко неся на вытянутых руках свои знамёна и русские флаги, закусив от боли губы (смола текла по рукам — мы, единственные, почти, не бросили факелов), молодые, уверенные в себе, крепкие. Скаутмастер А. М. Жуковский нёс знамя дружины. Когда я подал команду „вольно“, двое скаутов, от напряжения, свалились без чувств»¹.

Мы, сараевцы, понимали чувства Андреева, но не разделяли их. Для одних скаутизм был, по выражению Баден-Пауэлла — «Большой игрой» — развлечением, для Андреева — скаутизм был парадом и факельным шествием, а для нас, сараевцев, разведчество (иностранный термин «скаутизм» мы избегали) было ответом на призыв РОВСа — Русского Общевоинского Союза — «Молодёжь под знамёна!».

На следующий день — 7 сентября — до обеда всем было «вольно». Мы зашли в болгарский подлагерь и вместе с нашими новыми друзьями

¹ Русские скауты 1909–1969 / Отв. ред. А. М. Вязьмитинов. Сан-Франциско, 1969. С. 276.

пошли осматривать другие подлагеря. Наши братья из Софии, будучи близкими к центру НОРС-Р, знали многое, чего мы в Сараеве не знали. Шатерник который бывал в нашей компании, больше нас расспрашивал, чем рассказывал.

Были у нас встречи и разговоры и с нашими старыми руководителями, Световым, нашим бывшим начальником, когда были одиночками, и с нашим учителем Агаповым, основателем и руководителем югославянских БКС курсов для руководителей, которые Мартино окончил в 1934 г., а я только месяц тому назад. Их и Шатерника мы всегда вспоминали с любовью и благодарностью.

В русский подлагерь приезжали и другие белградские руководители, но они нас как-то не замечали.

После обеда у русских и во всех других подлагерях шла подготовка к большому общелагерному костру. Его снимали для кинохроники. Это было первым и последним разом, когда скаутов показывали в кинохронике.

Иностранные гости выступали с песнями и танцами. Одни выступали в скаутских формах, а другие привезли с собой национальные костюмы. Болгары спели песню «Един словен», о братстве славян, подчёркивая новую эру в югославско-болгарских отношениях. Русские разведчики не были голосистыми, но хорошо танцевали. Некоторые иностранные делегации были похожи на ансамбли песни и пляски. Было видно, что для национальной пропаганды были подобраны знающие и умеющие ребята.

Среди «точек» (это тоже сербское слово, обозначающее номер программы, сохранившееся до сих пор как разведческий жаргон) были «Дедушкина шапочка с кисточкой» и «Король Лир», где всё выражалось мимикой, а короткие объяснения давались по громкоговорителю на всех языках.

Осматривать Белград мы ездили только один раз. Андреев дал нам гидом одного из своих разведчиков, и мы, сараевцы, вместе с софийцами, посетили старинную турецкую крепость Калемегдан, построенную у впадения реки Савы в Дунай, на месте, где когда-то стоял римский город Сингидунум. Мы прошли пешком от театра и памятника князю Михаилу через площадь Теразие, выложенную деревянными кубиками «торцом», присланными в подарок из России. Мы видели на площади отель «Москва», принадлежавший некогда русскому страховому обществу «Россия», а потом по улице короля Милана дошли до русского посольства — небольшого одноэтажного домика с огромным двуглавым орлом над входом. Напротив посольства был старый дворец, а около него новый дворец, перед которым стоял гвардейский караул. От посольства спустились по ступенькам на улицу королевы Наталии, где на русской земле стоял Русский дом императора Николая II, в котором, на

втором этаже, помещались Русско-сербские гимназии, женская, занимавшаяся утром, и мужская — после обеда. Там был большой сокольский гимнастический зал, который, с субботы на воскресенье, превращался в домовую церковь и театральный зал. Там находилась Державная комиссия по делам русских беженцев, библиотека, музей императора Николая II и т. д.

Не считая посещения выставки, для Мулича и меня это было единственной поездкой в Белград, но Боря Мартино поехал в Белград еще раз и без нас. У него там был двоюродный дядя — Владимир Эммануилович Мартино, у которого был сын Кирилл, на несколько лет старше Бори — бывший скаут. Борины родители велели ему обязательно посетить дядю, которого он никогда не видел.

Дядя был преподавателем в Русско-сербской женской гимназии и известным учёным-орнитологом — специалистом по птицам. Он сам охотился на птиц и зверей и делал из них чучела. Эти чучела он продавал музеям, да и свой дом превратил в музей. Жили Мартино где-то в пригороде, и дорога из Топчидера заняла у Бори много времени.

Кирилл разделял интересы отца, а скаутизм для него был пройденным этапом. В общем, у Бори и Кирилла не нашлось общих тем. Боря подробно, но без всякого энтузиазма рассказал Муличу и мне о посещении родных, утаив от нас посещение одной девушки, которая училась в русской школе вместе с ним и со мной. Её звали Мусей Лещинской. С нею у Бори была большая дружба, но с тех пор, как она переехала из Сараева в Белград, прошло десять лет. Переписки особой не было, а только обмен поздравлениями.

Директор сараевского научного института по борьбе с малярийными комарами (название института не помню) биолог Скворцов был приятелем обоих Мартино. Однажды мы с Борей посетили его институт, и он показал нам огромную коллекцию боснийских комаров. Одна из комариных разновидностей была названа им именем Мартино, в честь орнитолога — Владимира Эммануиловича.

В женской гимназии он преподавал географию. Преподавал он живо и интересно, делясь часто воспоминаниями о своих собственных путешествиях и впечатлениями от виденного в разных странах. Ученицы любили его уроки.

Кроме лагерного костра, устроенного Андреевым в день нашего приезда, было ещё два костра. Для этих двух костров была приготовлена какая-то программа с «точками» и песнями. Каждый день нельзя было устраивать костры, так как надо было не только у себя принимать, но и к другим пойти в гости, посмотреть и послушать.

Ск.-разведчики из Софии не только присутствовали, но и выступали у русских костров. Мне запомнились две их «точки». «Чай» была из

старого солдатского репертуара. В ней участвовало двое — офицер и его денщик. Оба пели свои роли, а припев «эх чай, ты мой чай, распрелкрасный ты мой чай» пели все хором.

«Офицер», которого «денщик» называл «баринoм», велел ему сварить чай. «Денщик», не зная как варить чай, решил в горшок насыпать...

На добавку перцу, луку
И петрушки корешок.

«Офицер» устроил «денщику» головомойку, а тот...

Долго думал, удивлялся,
Чем не мог я угодить.
И потом лишь догадался,
Что забыл я посолить.

Нам эта «точка» понравилась, и я её записал, а вот вторая нам не понравилась. Это была песенка-инсценировка времён недоброй памяти 1917 года.

По тёмным улицам Кронштадта
Шёл спотыкаяся буржуй.
За ним холуй, за ним холуй, за ним холуй!
У буржуя были деньги, да деньги,
А у холуя пистолет
И денег нет, и денег нет, и денег нет!

Угрожая пистолетом, холуй забирает у буржуя кошелёк и часы. Буржуй спрашивает — который час? Холуй, глядя на украденные часы, говорит который час, а буржуй ему в ответ говорит — «мерси».

Мы, сараевцы, выросли на традициях югославянских скаутов, особенно их БКС курсов. Многие их традиции были русского происхождения, но мы их получили не от русских скаутов, а от югославян. Нам хотелось узнать от рѹсских о наших русских традициях. Белградцам они не были известны, и мы обратились к нашим новым друзьям из Софии.

От них мы узнали про «стакан воды» за сквернословие. Виновный поднимал руку, и ему в рукав вливали стакан воды.

Второе, что мы от них узнали, была песня «Гумиарабикум», которая пелась на мотив арии герцога из «Риголетто». Двух поссорившихся окружали кругом и пели одно только слово «гумиарабикум» до тех пор, пока поссорившиеся не мирились. Тогда круг говорил: «клей, клей, клей!» и расходился.

Ещё был обычай одностороннего примирения, когда обиженный писал на бумажке свою обиду и бросал её вечером в костёр. После этого обиженный должен был забыть о своей обиде.

В настоящих разведческих лагерях день кончался костром, или как на Дальнем Востоке говорили, «беседой». Лагерный костёр был одним из символов разведчества. Место костра обкладывалось камнями, через костер нельзя прыгать, бросать в него мусор или печь картошку. Для этого есть кухня. В лагерный костёр можно бросать только бумажку с написанной на ней обидой.

Ликвидация лагеря была 11 сентября. Мы сложили свои вещи, попрощались с Андреевым и белградцами, с Шатерником и софийцами и пошли к сараевским югославянским скаутам, чтобы с ними вместе ехать домой.

Ни на слёте в Загребе в 1932 г., ни на слете в Белграде в 1935 г. никаких состязаний не было. Программа и без того была достаточно насыщенной, и свободного времени оставалось не так уж много. Слёты устраиваются для дружеских встреч, других посмотреть, себя показать, научиться новым песням и «точкам», меняться значками, собирать оттиски печатей, обмениваться адресами для дружеской переписки в будущем.

Для Мулича слёт в Белграде был его первым лагерем в жизни, и конечно, произвёл более сильное впечатление, чем на нас, выдавших виды.

Ростислав Владимирович Полчанинов

(Автобиография)

Родился в Новочеркасске в 1919 г. в семье полковника, служившего в штабе Верховного главнокомандующего. Семья покинула Севастополь 16.11.1920 г. и через Константинополь прибыла в Королевство СХС (сербов, хорватов и словенцев, с 1929 г. — Югославия). В Сараево (Босния и Герцеговина) семья приехала в 1922 г. Мы получили квартиру, откуда уезжала группа русских офицеров. Один из них подарил мне пригоршню монет. Соседка подарила мне открытки, а один наш знакомый небольшой альбом с марками. Уже в 3 года я стал собирателем. С осени стал ходить в русский детский сад, а затем в 1928 г. окончил 4 класса русской начальной школы и поступил в местную гимназию. В русском детском саду, в школе и дома царил русский дух. В школе была семейная обстановка, каникул не было. Летом ходили на прогулки.

Мальчишки на улице дразнили меня, что я русский, а иногда и били. Приходилось убежать или вступать в драку. Однажды я, загнанный в угол, отбивался как мог от хулиганов. Какой-то парень решил меня защитить и, узнав в чем дело, посоветовал мне сказать, что я нерусский, чтобы хулиганы отстали от меня. Я сказал, что я русский и от этого не откажусь. Он разогнал хулиганов, и мы с ним подружились. Я тогда ходил в первый класс югославской гимназии, а он в той же гимназии в 7-й класс. Мы стали ходить вместе в гимназию, и тогда меня никто не трогал, но когда я шел без него из гимназии домой, то иногда бывали столкновения.

В начале 1931 г. моему другу детства Боре Мартино в отряде югославских скаутов было сказано, что если он наберет звено, то его назначат вожаком. Боре было 14 лет, а его скауты должны бы быть младше. Вот Боря и предложил мне набрать звено в моем классе, за что обещал назначить меня своим помощником. Должность была фиктивной, но давала мне право носить на кармане скаутской рубашки одну белую полоску. Первый сбор был 1 февраля 1931 г., и он считается днем моего вступления в Союз скаутов королевства Югославии.

Кроме журнала «Скаутски гласник» (ск. вестник) Боря покупал еще и журнал «Нови скаут». Однажды в нем было напечатано обращение Центральной штаб-квартиры русских одиночных скаутов к русским читателям. Предлагалось вступить в связь. Боря, Слава Пелипец и я решили откликнуться. Это было 4 апреля 1931 г., и этот день считается днем нашего вступления в НОРС

и днем основания в Сараеве русского одиночного патруля «Волк» (по нынешней терминологии — звена).

Летом мы хотели поехать в русский скаутский лагерь, но наш начальник Иван Семенович Светов (мы с ним были «на Вы» и величали по отчеству) посоветовал нам ехать с нашим югославским отрядом, так как русского лагеря могло вообще не быть, или только одну неделю. Лагерь югославы был устроен на целый месяц в г. Трпань в Далмации, в маслиновой роще, недалеко от моря. Скаутских занятий почти не было, и мы утром и после обеда купались. Со скаутской точки зрения лагерь был ниже всякой критики, но это был наш первый лагерь, нам его не было с чем сравнивать, и все мы остались им очень довольны.

Летом 1932 г. был слет югославских скаутов в Загребе. Боря и я поехали на слет и присоединились к русским скаутам из Белграда. Начальником русского подлагеря был Светов, наш начальник одиночек и начальник белградского отряда русских скаутов, по совместительству. Белградцы нас встретили враждебно. У них был не скаутский дух, а дух банды, не терпящей «чужих». Светов это сразу заметил и, чтобы белградцы не оттолкнули нас от русского скаутизма, старался уделить нам побольше внимания.

Мы ходили с ним по подлагерям, а он сказал нам, что он, чтобы участвовать на скаутском слёте, и не получив отпуска, бросил работу. Он говорил, что мы должны представлять перед иностранцами молодёжь поработанной России и что ради этого стоит пожертвовать работой. В этом он видел продолжение борьбы с большевизмом, а начал он ее в 1919 г., когда ему было 17 лет, вступив в Добровольческую армию.

Мы знали много югославянских скаутских песен, а на слёте, не считая гимна, мы выучили три русские скаутские песни. Слух у нас был неважный, и гимн мы запомнили неправильно, но потом так стали петь все в Югославии, а теперь и в ОРЮР. Я это назвал «сараевской аранжировкой». Четвёртую русскую скаутскую песню, песню патруля «Волк» — «Когда патруль наш основался и стали „Волками“ все мы...», Боря написал еще в 1931 г., а я тогда же написал «Мы знаем цель» и шуточную песню «Попугай».

Русских курсов для руководителей в Югославии не было. В 1935 г. мне удалось поехать на югославский IX БКС (Будем как солнце) курс для руководителей. Хотя мне было только 16 с половиной, а полагалось иметь 18 лет, меня приняли в виде исключения, как русского гостя. Инструктора говорили нам, что после окончания курса каждый из нас должен будет собрать отряд. В Сараеве второй отряд было бы трудно собрать, и я решил попробовать

возобновить одиночную работу, которая к тому времени прекратилась. Курсанты мне дали несколько адресов русских ребят, и после лагеря всем им были посланы письма. Ответ был только из Загреба, и там вскоре было основано одиночное звено «Жар-Птица». Об этом было сообщено начальнику отдела, и 31 декабря 1935 г. он назначил меня начальником Отделения одиночных ск.-разведчиков.

Мы были против иностранщины. Узнав, что в Эстонии патруль называют «звеном», мы уже с 1932 г. вместо «патруль» стали говорить «звено» и с 1934 г., когда НОРС стал официально называться НОРС-Р, стали избегать слово «скаут» и, если надо, то писали сокращенно «ск.». Свою пропагандную листовку я назвал «Что такое разведчество». Отчасти в этом был успех нашей работы в Югославии.

Одиночное звено в Загребе 3 января 1937 г. развернулось в отряд. Было освящение знамени, меня пригласили быть почетным гостем. В Цетинье я не был почетным гостем. Там я 23 января 1938 г. провел первый отрядный сбор, а вечером был на собрании родителей. Я коротко рассказал о разведческой работе и оговорился, сказав «мы родители должны...». Все засмеялись, я смутился, не знал, что мне дальше говорить, и предложил задавать мне вопросы. Мне деликатно похлопали и задали первый вопрос: кто будет начальником отряда. Я назвал местную даму Ольгу Михайловну Измествьеву. Ее все знали, ей похлопали, она встала и поклонилась. Второй вопрос был насчет лагеря на море. Меня спросили, приеду ли я руководить лагерем. Я сказал, что приеду, но родители должны будут побеспокоиться о палатках, кроватях и кухне. Родители согласились и задали третий вопрос насчет масонов. Я сказал, что я сын белого офицера, что у нас начальник отдела генерал Колюбакин, а организацию возглавляет гвардии полковник Пантюхов. У нас масонов нет, и мы их к себе не пустим. Тут мне по-настоящему захлопали. Это был последний, и может быть, самый главный вопрос.

Светов был моим первым начальником и учителем. Вторым стал Агапов. Он был сторонником славянского фольклора и противником индейщины. Он не был согласен с программой курсов для руководителей в Гилвелле (Великобритания), созданной Баден Пауэллом, и разработал собственную программу с девизом БКС — Будем как солнце. Его программа давала ответ не только на вопрос, как вести работу со скаутами, но и ради чего её надо вести.

В июне 1934 г. в Сараеве было основано общество «Русский Сокол». Начальник отряда ск.-разведчиков А. Лебедев был приглашен в правление общества и призвал нас записаться в сокола.

С. Пелипец, я и еще несколько человек записались в сокола. В 1930 г. я пробовал издавать на шапирографе газету «Сараевская жизнь». Выпустил три номера. Сотрудничал в рукописном журнале «Волчий вой», но в настоящей, типографской, газете первая моя статья была напечатана в «Детской сокольской газете» № 3 за апрель 1936 г. С тех пор было напечатано более 2000 статей. Приехав в США, помогал Ю. Максимчуку в составлении «Каталога украинских державних марок» (Чикаго, 1957) и стараюсь помочь всем, кто обращается ко мне за помощью.

Моим третьим учителем стал начальник ИЧ — Инструкторской части А. Шатерник, с которым мы (Б. Мартино, М. Мулич и я) познакомились на слете югославских скаутов в Белграде в 1935 г.

Для нас разведчество было не развлечением. Мы боролись с денационализацией, так как для борьбы с большевизмом нужны были люди, верные Богу и родине. Мы призывали русских детей и юношество готовиться к возвращению на родину и учиться, чтобы возвращаться не с пустыми головами. Откликнулась лучшая часть. В этом был залог успеха нашей работы в Югославии.

Нас мучил вопрос, почему победили красные и мы, белые, оказались в эмиграции. Военно-исторический журнал «Часовой» на этот вопрос не давал ответа, но мы его нашли в газете НТСНП — Национально-Трудового Союза Нового Поколения — «За Россию». Пантохов советовал ее выписывать старшим членам НОРС-Р. В НТСНП я вступил в 1936 г., когда мне было 17 лет. Из так называемых «Зеленых романов», которые все члены этого Союза должны были изучать, я узнал и о социалистах, и о коммунистах, об освобождении крестьян и убийстве имп. Александра II, и о стлыпинской реформе, и о колхозах, и еще о многих вещах, которые должен был знать эмигрант для идейной борьбы с коммунизмом.

После отъезда Б. Мартино в Белград в сентябре 1937 г. стал начальником СОРС — Сараевского отряда русских ск.-разведчиков, стал преподавать родиноведение в Воскресной школе и развернул отряд в дружину. Преподавал до отъезда в Германию в январе 1942 г.

Нас воодушевлял пример подпольной скаутской работы в СССР. В 1941 г., когда нацисты и их союзники оккупировали Югославию и скаутская организация была запрещена, мы ушли в подполье. Другого честного пути мы не видели.

НТСНП (ныне НТС) не возлагал надежды ни на нацистов, ни на японцев, ни на западную демократию, а только на русский народ. Когда 22 июня 1941 г. Германия напала на СССР, НТС призвал своих членов пробираться на оккупированную немцами

территорию СССР, чтобы в тяжелое время быть вместе с русским народом. Путь лежал в Россию через Берлин и Варшаву.

После Рождества 1942 г. мы, несколько сараевцев, поехали на работы в Берлин. До нас туда приехал из Белграда О. Поляков и подготовил почву. Б. Мартино вскоре двинулся дальше и оказался в Варшаве, а меня назначил временно исполняющим обязанности начальника ИЧ. Мне удалось договориться с Главным руководителем витезей РСХД в Чехии др. Н. Сергеевым о присоединении витезей к нашей подпольной организации разведчиков, а с начальником НОРМ в Берлине И. Мелких, что он разрешит нам вести подпольную разведческую работу и будет ее прикрывать именем НОРМ. Др. Н. Сергееву я обещал, что у нас старшая ветвь будет называться витезями, что в их знак будет включен знак витезей — белый крест и что мы сохраним память о погибших витезях. Все это было потом выполнено. И. Мелких была обещана поддержка в его желании создать и возглавить в Берлине Центральный штаб НОРМ. Одновременно и др. Н. Сергеев и И. Мелких были включены в состав ИЧ — высшего органа управления подпольной организации.

В апреле я бежал с работы и при помощи НТС перешел германско-польскую границу. В Варшаве меня направили на работу в Дом молодежи. Я помогал Б. Мартино провести летний лагерь для русских детей в Генеральной Губернии, а после лагеря при помощи НТС оказался в Риге, откуда был послан на работу преподавателя Закона Божия во Псков в школу при Псковской православной миссии.

И в Варшаве и в Пскове, работая с молодежью, имел возможность вести подпольную разведческую работу. В Пскове женился на Валентине Петровне Наумовой, но уже в феврале 1944 г. должен был эвакуироваться с семьей в Ригу. Там тоже принимал участие в подпольной разведческой работе.

Летом 1944 г. пришлось снова уходить на Запад. Сперва мы оказались в Берге около Вены, а затем в Нидерзахсверфене около Нордхаузена. Там я незадолго до прихода американцев провел последний подпольный КДВ — Курс для вожаков.

Американцы пришли 11 апреля 1945 г., и мы вышли из подполья. Курсанты собрали звенья, и 28 апреля был первый сбор дружины. Начальником дружины я назначил А. Доннера, а сам принял на себя должность начальника Западно-Германского отдела. В день св. Георгия, который в 1945 г. совпал с Пасхой, был устроен парад и выпущен первый послевоенный разведческий журнал «У костра». Долго в Нидерзахсверфене нам не пришлось

пребывать, так как Нидерзахсверфен (Тюрингия) отходил к Советской зоне, и 9 июня мы всем лагерем двинулись на Запад. Новым местом жительства стал ДиПи лагерь Менхегоф около Касселя. В июле 1945 г. провел лагерь и в лагере КДВ. Начал работу с одиночками и начальником одиночек назначил К. Халафова, который стал издавать журнал «Одиночка». При моем участии в Менхегофе выходили «У костра», «Разведчик» и «Опыт».

В октябре 1945 г. основал отряд югославских скаутов в Касселе и вскоре, на некоторое время, возглавил Союз югославских скаутов. Считая сотрудничество с иностранными скаутами одним из способов борьбы с русофобией, организовал тогда же и Комитет скаутских организаций Кассельского района. В апреле 1946 г., на Пасху, организовал Разведческую почту, которая была в моем ведении до 1988 г. С 14.04.1946 г. член ГК — Главной квартиры и начальник ГК в 1951–1956 гг.

Приказом № 1, § 5 заместителя Ст.рус.разведчика на Европу от 12.11.1945 г., как начальник отдела, был назначен членом Совета ОРИОР (в котором состоял с перерывами до 1991 г.). На II съезде в Легау 30.09.1947 г. был избран председателем Центрального (Главного) суда чести (до 15.10.1952 г. и снова в 1980–1983 гг.).

В июле 1947 г. поступил на работу в YMCA-YWCA, где работал до отъезда в США.

Первые годы в США работал рабочим на фабрике, а с 15.05.1967 г. до выхода на пенсию в 1983 г. работал на «Радио Свободе», где в 1966–1972 гг., сперва как внештатный сотрудник, вел передачи «Уголок коллекционера» и «Духовная музыка», а затем заведовал музыкальной библиотекой.

В связи с приездом в 1951 г. в США был назначен начальником Северо-Американского отдела ОРИОР (до 1957 г. и снова выбран в 1983–1985 гг.).

В США преподавал в церковных школах в 1951–1979 гг., в 1972–1977 гг. был членом Епархиального школьного совета и заместителем Синодального школьного инспектора.

В июне 1965 г. возглавил в ОРИОР Исторический комитет. Приказом Ст.скм. № 235 от 8.10.1986 г. был назначен нач. Сектора истории ГК, упраздненного 10.02.1995 г. С 15.01.1987 г. издаю «Страницы истории» (с № 1 (58) — СИРС — «Страницы истории разведчества-скаутизма»). С 1995 г. член Сектора администрации ГК Зарубежной ОРИОР.

Р. Полчанинов

Вклад русской эмиграции в культурную и художественную жизнь Лесковаца¹ и Лесковацкого района (Сербия)

Октябрьская революция — одно из крупнейших и, по своим последствиям, самых страшных потрясений, которые пережил мир в прошлом веке. Она породила сначала Гражданскую войну, а после победы в ней большевиков, — коренное изменение государственного устройства России.

Для нас и для рассматриваемой проблемы особое значение имеет тот факт, что ее прямым следствием стал великий исход из России представителей побежденной в Гражданской войне стороны. Первыми вынуждены были покинуть родину офицеры, члены потерпевших поражение партий, представители дворянства и значительная часть русской интеллигенции, т. е. те, кто не видел для себя места в новом государстве.

Следующая волна русской эмиграции прибыла в Европу в 1921–1922 гг., и в этом потоке оказались важные деятели русской культуры и искусства, сделавшие позднее значительный вклад в сербскую культуру².

К сожалению, Сербия, в силу своего слабого развития и последствий Балканских войн и Первой мировой войны, была не в состоянии воспринять и использовать весь профессиональный, научный и художественный потенциал русских людей, волей судьбы оказавшихся на ее территории. Многие из них, после короткого периода пребывания, уезжали в другие страны Европы, а позднее и в Америку.

Прибытие этих людей, унесших с собой всю печаль о родной земле, напоминало разлетающиеся осенние листья, поднятые в воздух ураганным ветром. Вместе с тем их обустройство породило множество проблем, решение которых требовало серьезных усилий со стороны официальных кругов Королевства и сербской общественности. Об этом свидетельствуют и материалы межвоенного периода газеты «Лесковачки Гласник»: «Прошло уже достаточно времени с того момента, как стал актуальным вопрос о положении русских беженцев в нашей среде: как помочь воссоединиться измучившимся друзьям и братьям нашим, как обустроить их, чтобы им больше не нужно было скитаться с одного места на другое, жить одним днем»³.

Горожане, действительно, делали все, что было в их силах, для того, чтобы облегчить страдания беженцев. Так, например, «Отделение Женской рабочей школы в г. Лесковац на своем заседании 29 марта 1922 г. приняло решение организовать благотворительные утренники в пользу русских детей»⁴.

В конце февраля 1920 г. в Лесковаце была размещена первая группа русских беженцев в составе 283 человек, в основном женщин и детей, прибывшая с острова Лемнос. В октябре-ноябре того же года численность группы сократилась до 141 человека. Для сравнения, в то время число русских беженцев в г. Ниш составляло 340 человек, а в местечке Вранянска-Баня — даже 606. Несмотря на то, что Ниш являлся одним из крупнейших центров по приему русских беженцев, зачастую, ради экономии средств, эмигрантов, прибывавших поездами с юга, размещали во Вранье и Лесковаце, не довозя их до Ниша⁵. «В январе 1921 г. в Лесковацком округе зарегистрирован 101 эмигрант. Согласно данным полиции, в конце 1921 г. на территории округа было около 150 эмигрантов, в течение следующих двух лет прибыли ещё 40 человек, следовательно — всего 190 беженцев из России»⁶.

Лесковац стал приютом для относительно большого числа русских, которые, в свою очередь, сделали значительный вклад в межвоенную культуру этого города.

Идея об основании музея связана с именами Сретена Динича и историка Анатолия Красовского. Последний, занимаясь рекогносцировкой местности, собрал вместе со своими учениками небольшую историко-археологическую экспозицию в лесковацкой гимназии⁷. Именно Красовский стал одним из основателей Общества им. Вуловича⁸. Вместе с членами Общества он собирал в основном краеведческие материалы на территории Лесковацкого района. Результаты своих исследований Красовский опубликовал в знаменитом «Старинаре»⁹.

Возобновление работы Народного университета, деятельность Французского клуба, Общества горожан¹⁰, Клуба студентов им. Гундулича также связаны с именем Анатолия Красовского. В этих организациях и обществах часто проводились лекции, которые, помимо представителей лесковацкой интеллигенции, читали ученые из Белграда и Скопья¹¹.

Русские эмигранты сделали большой вклад и в музыкальную культуру Лесковаца в межвоенный период. Преподаватели городской гимназии Юрий Арбатский, Иван Татаркин и Владимир Курагин были концертмейстерами хорового общества «Бранко», пианистами и авторами музыкальных произведений¹².

Среди русской интеллигенции Лесковаца особое место занимает инженер Андрей В. Бриген. Он опубликовал в журнале «Лесковачки гласник» две статьи о современной архитектуре и несколько полемических текстов о принципах планирования городской застройки и о смысле уличных фасадов, в которых, оппонировав инженеру городского управления, продемонстрировал отличное понимание вопроса. К сожалению, Бриген после краткого времени пребывания трагически покинул Лесковац, не успев оставить более глубоких следов в лесковацкой культуре.

Похожая судьба постигла и талантливое Григория Глебова — гимназиста, чей поэтический сборник опубликовал в Лесковаце в 1928 г.

Помимо заслуг русских эмигрантов, живших в самом Лесковаце, необходимо отметить труды и тех русских художников и архитекторов, которые, работая по заказу, некоторое время посещали город и прилегающие районы.

Из художников первым в Лесковаце появился Андрей Биценко¹³, который был приглашен в Лесковац для росписи кафедрального храма Св. Троицы.

На Видовдан¹⁴ 1919 г. в Лесковаце родилась инициатива постройки нового кафедрального собора. Работы по возведению храма начались в сентябре, освящение фундамента состоялось 15 октября 1922 г. Строительство и работы по росписи собора закончены в 1931 г. На торжественном освящении присутствовал король Югославии Александр I Карагеоргиевич¹⁵.

Храм возведен по проекту Василия Андросова и является «не только самым репрезентативным и монументальным, но и самым удачным произведением церковной архитектуры Андросова из времен его первого периода работы в Югославии». По проекту Андросова в Лесковаце и его окрестностях построен также храм св. Параскевы-Петки в селе Кумарево (1930–1933 гг., иконы в корректно-академическом стиле выполнил Василий Пирожков, фрески работы Бориса Сахаровича¹⁶). По совместному проекту 1926 г. Василия Андросова и Перо Поповича в 1930 г. возведена церковь во славу св. Петра и Павла в селе Донья-Лакошница¹⁷.

Биценко был приглашен для выполнения икон и фресковой росписи собора в Лесковаце, согласно летописи истории храма, около 1927 г. Тогда в Вене скончался Петар К. Илич, промышленник, сын одного из основателей лесковацкой текстильной промышленности Косты Илича-Мумджии. Его компания предложила Совету по возведению соборного храма 500 000 динар при условии, что Илич будет погребен в старом соборе Лесковаца, причем после постройки нового храма его останки будут перенесены в усыпальницу нового собора, а после смерти его супруги Елены та будет похоронена рядом с ним. С одобрения министра по делам религий и благословение Досифея, епископа Нишского, условия были приняты, и были обеспечены средства для продолжения работ по возведению храма.

Церковный совет строящегося храма в 1928 г. принял решение потратить полученные средства на заказ церковной мебели, семнадцати икон для иконостаса, выполнение фресковой композиции «Господь Савваоф» в пространстве центрального купола и трех фресок на внешних тимпанах над западным, северным и южным порталами. Вероятнее всего, что по предложению Андросова церковный совет пригласил Андрея

Биценко. При этом было поставлено условие, что «фрески и иконы должны быть выполнены в духе живописи Виктора Михайловича Васнецова». Некоторое время спустя Елена Илич, супруга покойного Петра Илича, принимает решение пригласить Биценко для выполнения не только икон, но и фресковой росписи стен храма¹⁸.

Что означала формулировка церковного совета: «...фрески и иконы должны быть выполнены в духе живописи Виктора Михайловича Васнецова»? Эта формулировка — прямое отражение состояния отношений церкви и верующих. Дело в том, что после Первой мировой войны связь между ними в какой-то степени ослабла. Необходимо было восстановить нарушенные связи, укрепить их в том числе и с помощью церковной живописи. Поэтому от Биценко требовалось достичь оптимальной реалистичности и экспрессивности в работе над интерпретацией библейских сюжетов и тем самым создать условия для того, чтобы визуальное разработанная тема имела силу реального события. Биценко удалось в значительной мере выполнить эти требования и во фресковой композиции, и в иконах¹⁹.

При росписи стен Биценко не придерживался традиционного расположения композиций, а также не распределил сцены по зонам. На стенах храма он разместил шесть монументальных композиций из земной жизни Иисуса Христа.

В юго-западной части наоса Биценко расположил сцену «Воскрешение Лазаря», в внутренней стороне тимпана над западным входом — «Покров Пресвятой Богородицы», а в северо-западной части наоса — «Христос и Магдалина».

В северной части наоса выполнены сцены «Распятия», в тимпане над входом — изображения «Андрей Критский» и «Христос воскрешает Иаинову дочь».

На южной стене храма расположены сцены «Молитва Христа в Гефсиманском саду на Масличной горе» и «Предательство Иуды». На своде центрального купола находится фреска «Господь Саваоф», на барабане — изображения стоящих апостолов, а на пандантифах — изображения евангелистов.

Художественная ценность этих монументальных фресковых композиций варьируется: от несколько неумелой формулировки в «Распятии», выполняя которую автор не сумел наилучшим образом использовать большую поверхность стены и потому был вынужден собрать и деформировать изображения стражников вокруг Распятия; до достижения полной свободы самовыражения в композиции «Молитва Христа на Масличной горе».

Судя по всему, Биценко ближе всего была станковая живопись, что он и доказал своей работой над иконостасом. Именно в работе над иконостасом в полной мере проявилось мастерство Биценко как художника.

«Вербное воскресение» или «Вход Господень в Иерусалим», несомненно, одна из лучших икон этого храма. Умело подстраиваясь под арочную форму отверстия, Биценко переместил фигуру Христа из второго в первый ряд композиции, для чего освободил пространство перед ним. Это позволило художнику создать иллюзию движения и перехода из одного плана композиции в другой.

И еще одну осмысленную игру с пространством осуществил Биценко в этом произведении. Дабы избежать замыкания композиции, художник доминирующей вертикали Христа на ослице противопоставил проем ворот. Этим он увеличил глубину композиции и выстроил ось перспективного сжатия к третьему плану, роль которой выполняет иерусалимская улица со зданиями, купающимися в свете. Тем самым Биценко удалось передать нежный блеск и движение лучей света, что избавило композицию от внешней приглушенности.

Создавая «Христа на Масличной горе» и «Вход в Иерусалим», художник словно еще раз пережил собственную судьбу — судьбу человека, оставшегося без родины, человека уставшего и вынужденного бродить по миру. Своим подходом к изображению Христа, мягкими драпировками и деликатным акцентированием внутренней жизни Христа Биценко сознательно представил Сына Божьего как человека, утомленного и полного забот, но сознательно идущего навстречу судьбе.

В этих работах естественностью композиции, собственным пониманием и разработкой стоящей перед ним темы Биценко отступил от требования заказчиков писать в манере Васнецова. Воспринимая христианство как глубоко человеческие, доступные и исторические факты, Биценко приблизился к той живописи, которую развивал Иван Николаевич Крамской, один из самых ярких художников конца XIX в. в русском религиозном искусстве.

Вскоре после пребывания Биценко в Лесковаце, вновь в качестве авторов проекта и исполнителей фресок и иконостаса приезжают русские мастера. На этот раз в местечко Вучье, неподалеку от Лесковаца ставшее, в определенном смысле, истоком большой истории лесковацкой текстильной промышленности. Между 1935 и 1938 гг. в горах на северо-востоке от Вучья, у подножья средневекового крепостного укрепления Скобальч-Град была построена церковь Рождества Иоанна Предтечи. Храм строился на средства Вани Теокарович и ее сыновей — Влады, Лазы и Славко — лесковацких промышленников. Автором проекта стал Григорий Самойлов, можно сказать, личный архитектор семьи Теокарович.

Над украшением этого небольшого триконхового храма работали два автора. Иконы выполнил сам Григорий Самойлов, продемонстрировав в работе над иконостасом соответствующий уровень мастерства художника и гармонично уравновешенный эклектический подход к сербскому средневековому художественному наследию. Этой работой Самойлов подтвер-

дил, что уроки живописи, которые он брал до своего отъезда в эмиграцию у Надежды Леватовской на родине в Таганроге, не пропали даром.

Для фресковой росписи храма ктиторов Теокаровичей был приглашен, возможно по предложению Самойлова, Петр Сухачев. К сожалению, выполненные им фрески сохранились лишь частично, основная их часть уничтожена влагой и грибком. На сегодняшний день видны только два фрагмента: деталь с уснувшими апостолами из композиции «Молитва Христа на Масличной горе» и часть композиции «Гостеприимство Авраама», которые не дают возможности для исчерпывающей оценки живописи Сухачева. Можно заключить лишь то, что художественный стиль Сухачева базируется на западноевропейских основах живописи, а уровень его техники позволяет с уверенностью назвать его профессиональным художником.

Через два года после освящения храма в Вучье закончилось строительство церкви Рождества Иоанна Предтечи в Грделице. Эта церковь была возведена по проекту Момира Коруневича на средства Йована П. Йовановича, потомка одного из основателей текстильной промышленности в Лесковаце.

Для росписи храма был приглашен Иван Петрович Дикий с артелью художников. В сообщении об освящении церкви в Грделице, опубликованном в нишской газете «Ревю», анонимный автор перечисляет имена всех сотрудников Дикого: «Фрески и мозаику в новой церкви св. Иоанна Предтечи выполнил акад. художник Иван Петрович Дикий вместе с Борисом Образцовым и помощниками Георгием Нениным и Анатолием Никитой. Дикий ранее работал на благоукрашении храма в Опленаче, храма св. Саввы в Скопье и др. Иконостас выполнен Нестором Алексиевичем»²⁰.

Даже поверхностный анализ работы этой группы русских художников в церкви Рождества Иоанна Предтечи в Грделице показывает, что они создавали фресковую роспись по образцам богатой сербской средневековой художественной ризницы из церкви св. Димитрия в Печи, храмов Студеницы, Сопочан... Тот факт, что работа ими была выполнена исключительно корректно, означает, что художники, максимально отстранившись от собственных художественных пристрастий, весь свой талант использовали во имя одной идеи или пожелания ктитора: фресковая композиция представляет собой собрание цитат из богатой культурной истории сербского средневекового государства. Степень, до которой эти удивительные мастера унифицировали свои почерка, настолько высока, что на сегодняшний день без проведения широких специальных исследований невозможно определить, кисти кого из них что принадлежит. К счастью, у нас осталась возможность оценить уровень творчества самого Ивана Дикого: он является автором ктиторовской композиции, на которой изображены Йован Йованович с моделью храма в руках и его сын. Именно в этой работе Дикий распределением объема, нюансовой структурой портрета, монументальностью изображения показал себя как художник весьма крупного дарования.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Эти приложения к статье составлены с целью сообщить читателю и будущему исследователю основные данные о русских жителях Лесковаца — участниках художественной и культурной жизни этого города²¹.

АНАТОЛИЙ КРАСОВСКИЙ

2 сентября 1926 г. получил место супплента (помощника профессора. — *доб. перев.*) в Лесковацкой гимназии. Окончил философский факультет в Белграде²². В следующем году выбран ассистентом на кафедре общей истории философского факультета в Скопье, однако Министерство просвещения не дало своего одобрения на его переход на новое место службы²³.

Продолжал преподавать в гимназии около пяти с половиной лет. Большую часть времени, проведенного в Лесковаце, посветил культурной жизни. В 1926–1927 гг. основал Ученическое историческое общество, целью которого было развитие любви к истории, организация археологических исследований в лесковацком районе, оформление на основании полученных результатов исследований гимназического музейного собрания. Под руководством Красовского Общество занималось сбором картин, карт, старых газет и журналов, наградного оружия, документов, керамики и др. Члены Общества посетили несколько археологических раскопок: Хисар, холм в самом г. Лесковац, Царичин-град, Градашницу, Скобальич-град и Мало-Боньинце. В отдельных местах Красовский с учениками выполнял рекогносцировку местности и краткосрочные зондажные раскопки. В рамках своих возможностей из материалов, собранных вместе с учениками, Красовский в здании гимназии формировал и классифицировал небольшую музейную экспозицию. В кабинете истории проводил лекции, дискуссии, исторические диспуты.

Значительную роль Красовский сыграл в воссоздании Народного университета в Лесковаце (1928), являлся секретарем, а затем членом Руководящего совета Университета. О его приверженности воссозданию Университета была опубликована заметка в газете «Политика»²⁴.

Красовский сотрудничал с различными журналами и альманахами: «Старинар», «Летопис Матице српске», «Професорски гласник», — и, разумеется, с лесковацкими еженедельниками «Лесковачки гласник» и «Лесковачки привредник».

Участие Красовского в культурной жизни Лесковаца прервалось после его перевода в гимназию г. Вранье в декабре 1931 г.

ИВАН ТАТАРКИН

В декабре 1920 г. прибывает в Лесковац как внештатный преподаватель хорового пения, оркестра, латинского и немецкого языков. Окончил юридический факультет Петроградского университета и курс цер-

ковной музыки в Петроградской консерватории. В Лесковацкой гимназии работал до 1930 г.

Являлся концертмейстером хорового общества «Бранко»²⁵.

Опубликовал книгу «Литургия для смешенного хора» (1921).

ЮРИЙ АРБАТСКИЙ

Композитор и концертмейстер хорового общества «Бранко». Большой знаток музыкального искусства. Свои лекции иллюстрировал исполнением произведений, о которых рассказывал. После органного концерта Арбатского в Белграде Милое Милоевич написал в лесковацком еженедельнике: «Арбатский, в первую очередь, — музыкант. И только затем органист... То же самое можно сказать о нем как пианисте... Серьезный композитор и дирижер»²⁶.

ВЛАДИМИР КУРАГИН

После перевода Юрия Арбатского из Лесковацкой гимназии, место преподавателя музыки занял Владимир Курагин. Чаще всего выступал как дирижер. Являлся концертмейстером хорового общества «Бранко» и популяризатором музыкальной культуры.

ГРИГОРИЙ ГЛЕБОВ

Родился на Кавказе, в Новочеркасске (Первый Донской округ) 26 августа 1910 г. Отец — Семен Трофимович Глебов — дворянин, полковник царской армии.

Григорий был поэтом. В годы ученичества Глебова в Лесковацкой гимназии вышел сборник его стихов. Позднее публиковал стихи и рассказы в Русском литературном кружке.

В марте 1936 г. окончил философский факультет Белградского университета. Преподавал в качестве супплента в гимназии в г. Сента.

Покончил жизнь самоубийством в Белграде, выпив веронал²⁷.

ВАЛЕРИАН МАТВЕЕВ, архитектор

Преподавал инженерные конструкции, архитектуру и мостостроительство в Мужской строительной ремесленной школе в местечке Црна-Трава до начала Второй мировой войны. В начале войны был призван как солдат Югославской армии. После апрельского поражения вернулся в Црна-Траву, откуда ушел в партизаны. Погиб на реке Дрина в бою с четниками в марте или апреле 1944 г.²⁸.

АНДРЕЙ В. БРИГ(Г)ЕН, архитектор

Окончил Николаевскую военную академию в России.

Являлся председателем Союза русской национальной молодежи и координировал ее организации в Вардарской бановине.

Знал несколько иностранных языков. Занимался журналистикой, сотрудничал с газетой «Лесковачки гласник» и русскими эмигрантскими периодическими изданиями в Европе. Писал стихи. «Лесковачки гласник» опубликовал в связи с его смертью стихотворение «Сети се мене» («Вспомни обо мне») ²⁹. Остался неопубликованным его роман о св. князе Владимире.

Покончил жизнь самоубийством, выбросившись на ходу из скорого поезда между Лесковацем и Грделицей.

Мы решили опубликовать в приложениях к этой статье размышления А. Бригена о роли архитектуры в культурной жизни города, в первую очередь из-за уровня этой заметки и актуальности темы. Здесь же мы приводим стихотворение Бригена «Сети се мене» («Вспомни обо мне»), которое, по нашему мнению, является его прощальным письмом, а также сообщение редакции газеты «Лесковачки гласник» в связи со смертью Бригена.

Инж. Андрей В. Бриген

Архитектура в культурной жизни (I) ³⁰

Из всех искусств архитектура относится к тем, которыми нынешняя общественность меньше всего интересуется и которые современное общество, соответственно, меньше всего понимает.

Современное общество много занимается поэзией, живописью и скульптурой, а особенно музыкой во всех ее формах. Об архитектуре в нынешнем обществе мало говорят и пишут.

В древней Элладе архитектура не была непопулярна, там она единолично властвовала. Архитектура не была непопулярна и тогда, пока культура находилась в руках Церкви. В древней Элладе и в Средневековье люди умели выразить средствами архитектуры высочайшую идею своего времени. Тогда живопись и скульптура процветали в лоне архитектуры. Нужно ли отмечать итальянское Возрождение, когда художники лишь в архитектуре находили адекватные средства для выражения своих художественных замыслов? Художники и скульпторы Возрождения становились архитекторами для того, чтобы до предельных границ продемонстрировать свою художественную оригинальность. Архитекторы Возрождения становились художниками и скульпторами для того, чтобы свои строения довести до высочайшей гармонии. Флорентийская знать с проникновением и пониманием возводили свои палаты. Возле аристократов и обычные люди проникались архитектурой. Только когда в XIX в. архитектура стала безликой, когда перестала что-либо значить и отдельному человеку и народным массам, архитектура удалилась от народа.

Картины и скульптуры ждут в галереях, стихи скрыты в книгах, музыка дремлет в инструментах. Все эти виды искусства, если хотим их почувствовать, должно их особенным образом находить и пробуждать. С архитектурой — по-другому. И даже если бы мы захотели, мы не смогли бы избежать архитектурных форм в разных обличьях. В городе всюду вокруг себя мы видим архитектурно обработанные формы. Архитектурные формы присутствуют везде в городе, везде неизбежны. Тем объясняется огромное влияние архитектуры.

Современные люди в своей жизненной спешке не чувствуют в достаточной мере психологического влияния красивого города или красивого местечка. В городе произведения архитектуры исключительной красоты теряются между многочисленными архитектурными уродствами. Сегодня мы не можем ни рассматривать их, ни любоваться ими, ни изучать их из-за неудачного местоположения. То же самое бы произошло с шедеврами живописи и скульптуры, окажись они в витрине лавки вперемешку с кучей ничем не примечательных, плохих картин и статуй. На выставках картин и скульптур специальное художественное жюри отмечает картины и скульптуры, достойные нашего внимания. А на улице все выставлено напоказ: и действительно прекрасные архитектурные произведения, и многочисленные плохие...

Точно так же, как на выставках картин или скульптур мы наслаждаемся отобранными художественными произведениями, мы могли бы в городе или небольшом местечке наслаждаться несколькими удачно расположенными общественными и частными строениями, а остальные дома ритмично располагались бы в одном квартале. Пространственный элемент современного градостроительства — архитектурно единый уличный фасад. В нынешние времена малых и средних квартир, а не отдельных домов, как было в Средневековье, отдельной жизнью живет отдельно взятая квартира. Поэтому целью современного художественного градостроительства является индивидуализация вида улицы, а не отдельного дома.

Большинство современных людей видит в архитектуре только детали. Они не видят и не чувствуют красоту архитектуры, которая состоит в логичном строительстве изнутри и снаружи, в эвритмии объема, плоскости и линии, в целесообразном использовании элементов: материалов, форм и цветов.

Архитектура оперирует верхними элементами так же, как музыка — ценностями восприятия. Музыканту через семь нот удастся выразить тончайшие комбинации гармонии. Точно также архитектору удастся в своем произведении в архитектуре, являющейся неисчерпаемой вариацией на тему земного притяжения, естественно и взаимопроникающе переплести силу и линию, отношение к лежащему и форму, математику и орнамент, статику и декор.

Архитектура способна к выражению и полна содержания. Вполне понять архитектуру могут лишь художники и отдельные люди, но принять ее как целое и наслаждаться ею могут и обыватели.

Нынешний обычный человек не способен понять совершенную абстракцию полностью преображенной архитектурной формы. В произведениях художников и скульпторов обращают внимание на их личное творчество. Обыватель может в нем узнать собственные жизненные переживания, свою боль и свою радость. Человечество говорит картинками и скульптурами.

Архитектор не может постоянно заниматься абстракцией. Многие и многие поколения необходимы, дабы создать малочисленные архитектурные формы, которые не будут субъективны. У человеческого тела, воплощаемого скульптором, у пейзажа, рисуемого художником, помимо великого закона искусства есть еще тысячу разных связей с жизнью. Для них закон — только двигатель, только сила, движущая собственную жизнь.

Инж. Андрей В. Бриген

Архитектура в культурной жизни (2) ³¹

В архитектуре закон действует на себя самого, поскольку материал сам по себе мертв и равнодушен. Именно поэтому архитектурные орнаменты сохраняют свое значения через века. В этих орнаментах накопились многократно отобранные чувства целых поколений.

Только тогда, когда архитектор полностью прочувствовал и пережил великую абстракцию архитектуры, он может стать продуктивным в создании отдельных архитектурных форм, в целесообразном использовании материалов, в строительстве эвритмии объема, плоскости и линии.

Архитектура ныне не популярна так, как в древности, потому что человечество свои чувства и мысли, двигающие современным обществом, больше не встраивает в архитектурный памятник. Слово — живое или написанное — стало сильнее и понятнее, стало инструментом распространения чувств и мыслей.

Цель у архитектуры та же, что у речи устной или письменной: высказать нечто словами, а не только использовать слова. Богатство нашей душевной жизни было бы неслышанным, что ему может дать немая музыка различных архитектурных форм и тел.

Потребовалось достаточно долгое время, пока строения отдельных технических областей, выполненные из разных строительных материалов, получили тот внешний вид, который нас удовлетворяет.

Непросто было инженеру достичь такого строительного стиля, который бы соответствовал данному материалу, а при этом чтобы у неспециалиста не создавалось впечатление, будто создано нечто, что своими формами не принадлежит данному месту или, что опаснее, что некое строение возможно портит общее впечатление.

Железо как строительный материал не имеет своей истории. Со строительной точки зрения этому отличному материалу нет еще и одного века. Первые железные конструкции долгое время находились на острие общественной критики. Рассуждениям о красоте таких строений мешала традиция. Люди привыкли к камню и дереву. У каждого из этих материалов есть своя история развития, свои многие и многие поколения, привыкшие на формы строений из этого материала, поскольку эти материалы не требовали от обывателя ничего, кроме чувства красоты.

В случае с железными конструкциями дело обстоит иначе. Для полного понимания красоты этих строений необходимо техническое воображение, которое нам бы позволило заглянуть с этих грандиозных линий в душу и суть самой конструкции. Для понимания таких творений необходим разум, а не только сердце и чувства.

Новейший строительный материал — армированный бетон (железобетон). Здесь дело уже намного проще, поскольку у строений, выполненных из этого материала, можем видеть и «мясо», а не только скелет как в случае с чисто железными конструкциями. Но и в этом случае потребовалось прожить определенное время, пока мы достигли современных красивых форм, за которыми надо признать, что не только не портят природу, в которой находятся, но часто именно благодаря им природа получает лучшее выражение. В случае и этого материала не обошлось без сильной борьбы, пока не удалось освободиться от архитектурной традиции. Требовалось найти художественный язык армированного бетона, и сегодня уже можно сказать, что современные строения из армированного бетона говорят на чисто своем настоящем языке. Главный принцип при поиске красоты этих конструкций заключается в том, что правда и красота не противостоят друг другу.

У камня из-за его неэластичности достаточно узкие границы конструкторских возможностей. В то время, как армированный бетон, вобравший в себя хорошие свойства и камня, и железа, а наряду с тем еще и прилично экономичен, дает инженеру возможность выполнить почти каждую задуманную конструкторскую форму так, что результат будет удовлетворять не только требованиям нагрузки, но и своим внешним видом форма будет выглядеть логично и привлекательно.

Андрей Бриген ³²

Инженер, русский эмигрант и наш сотрудник

Трагически закончил свою горькую жизнь 21 сего месяца на дороге между Грделицей и Лесковацем, выпрыгнув из скорого поезда. Большая и широкая славянская душа, русский интеллигент, полный сил, инициатив и энергии в работе, стал жертвой тяжелых дней и обстоятельств, в

которых оказались русские беженцы. Будучи нашим сотрудником, Андрей был журналистом высокого класса, сотрудничал и с многочисленными европейскими периодическими изданиями русской эмигрантской журналистики. Правда, все это не давало ему ни куска хлеба. Он был вынужден выпрыгнуть под поезд! Человек высокого духа и гордости, он не хотел никому жаловаться на свое безнадежное положение. Свою проблему он решил сам, и тем больше, что великая научная творческая личность была вынуждена так окончить свою жизнь.

Последовательный до конца Бриген как русский националист придерживался своих принципов до крайней возможности. Последнюю панихиду русскому царю Николаю II он организовал лично. У него осталась неопубликованная рукопись о святом князе Владимире... Доказательством того, как глубоко он чувствовал боль от потерянной родины и от своего тяжелого положения в изгнании, пусть станет это стихотворение...

Сети се мене

Зими за време дугих усамљених ноћи,
 Седећи крај догоревајућег камина
 сети се мене Скаска маја
 тиме ћу бити ближе к теби.
 Сети се лета са жарким данима
 и бурним [нрзб.]
 Сети се јесени са умирајућим бојама природе,
 када већ дани постају краћи а сунце — као бестрасно
 миловање некада љубљене жене.

У тражењу истине ја сам био усамљен
 ојађен судбином.
 Обратих се људима — они су ми пружили
 своје ропске окове.
 Обратих се разуме — он ми је разбио
 људску фантазију...
 Обратих се Богу — Бог ми је
 одговорио ћутањем...
 Тада сам се обратио срцу и
 оној дивној Скасци.

За дугих зимских вечери седећи крај
 догоревајућег камина, сети се лета са
 жарким данима и његових зрака,
 Ти си дошла к' мени први пут.

Некий корреспондент одной белградской газеты постарался представить Андрея авантюристом, сомнительной личностью и плагиатором

вместо писателя. Нет ничего проще объявить авантюристом человека, который страдает, у которого нет средств к существованию. У нашего народа есть пословица: «Бедняк — вот и дьявол готов». Но разве один-единственный русский беженец окончил жизнь самоубийством, не имея средств к существованию? Да разве же нам теперь называть его авантюристом и этим отблагодарить его за самопожертвованность, за наше спасение в Мировой войне?

Меньше всего было оснований объявлять его сомнительной личностью. Сомнительные личности не кончают самоубийством. У них, как правило, есть средства к существованию. Именно тем обстоятельством, что Андрей совершил самоубийство, он опроверг сомнения, и не мог быть тем, что о нем пишут. Если кто его лично ненавидел и теперь таким способом мертвому мстит, лучше уж исправить то, что вызвало такую ненависть, чем предлагать публике неправильное мнение об одном несчастном человеке.

Пер. М. Обижаевой

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лесковац — город в южной части Сербии. В период между двумя мировыми войнами, о котором идет речь в этой статье, Лесковац являлся одним из крупнейших промышленных, ремесленных и торговых городов региона. По уровню экономического развития этот город фактически находился на втором месте после Белграда: именно здесь еще в 1884 г. зародилась сербская текстильная промышленность, кроме того, развивались металлургия, деревообрабатывающая и химическая промышленность, производства по переработке резины и мрамора. Согласно официальной статистике, в 1921 г., когда в Лесковац начали прибывать эмигранты из России, в городе проживало 13 702 человека. Следует также указать, что в Лесковаце была развита культурная жизнь.
- ² До настоящего времени в литературе упоминались три волны русской эмиграции. Согласно новейшим исследованиям, объективно можно говорить о пяти волнах. См.: *Јовановић М. Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924*. Београд, 1997.
- ³ [Аноним (возможно, С. Динић)] Руско питање код нас // Лесковачки гласник. Лесковац. 19.7.1925.
- ⁴ Споменица прославе педесетогодишњице ослобођења од Турака 1877–1927. Лесковац, 1928. С. 25–26. Цит. по: *Илић Н. П. Руски емигранти у Лесковачком крају после 1917 године*. Лесковац, 2004.
- ⁵ *Јовановић М. Досељавање руских избеглица... С. 195, 201, 204.*
- ⁶ См.: *Илић Н. П. Руски емигранти...*
- ⁷ Биографические данные об Анатолии Красовском см. в конце этой работы. Собранная им краеведческая коллекция исторических и археологических экспонатов, выставлявшаяся в кабинете истории городской гимназии, погибла во время бомбардировок Лесковаца 6 сентября 1944 г.

- 8 Обществу присвоили имя Светислава Вуловича — историка литературы, критика, преподавателя литературы Белградского университета (в его время называвшегося «Великая школа»).
- 9 Красовски А. Старине лесковачке околине // *Старинар*. Београд, 1930. С. 202–203.
- 10 Грађанска касина — прим. переводчика.
- 11 *Кадичевић А., Марковић С.* Градительство Лесковца и околине између два светска рата. Лесковац, 1996.
- 12 Данные об Арбатском, Татаркине, Курагине, о поэте Григории Глебове, об архитекторах Андрее В. Бригене и Валерияне Матвееве приводятся в приложении к этой статье.
- 13 О деятельности Андрея Биценко в Сербии см.: *Марковић С.* Сликарь Андреј Биценко у Лесковцу // *Лесковачки зборник—XXXV*. Лесковац, 1994. Угледша Райчевич упоминает, помимо прочего, деятельность Биценко как художественного критика: «Тот факт, что многие из них занимались художественной критикой и участвовали в публичных полемиках (Биценко, Жедринский, Загороднюк, Орлов, Рудановский), указывает на то, что эти люди относились к кругу художественной интеллигенции, на то, что им было необходимо высказать публично свое мнение или идею» (см.: *Рајчевић У.* Руски уметници-емигранти, чланови и излагачи у Србији између два рата // *Материјали конференције Руска емиграција у српској култури XX века*, Филолошког факултета Белградског универзитета (Кафедра славистике и Научни центар). Београд, 1994). Процитированные нами факты взяты из сборника тезисов конференции, сами материалы конференции не публиковались.
- 14 На праздник св. Вита, 28 июня. Этот день имеет особое значение для сербов — в этот день 1389 г. произошла битва на Косово.
- 15 *Кадичевић А., Марковић С.* Градительство Лесковца...
- 16 О Борисе Сахаровиче нам известно лишь то, что он преподавал в 1940–1941 гг. в Женской художественно-ремесленной школе в Нише. Об этом факте нам любезно сообщила старший хранитель Национального музея в Нише Наташа Дрнче. Внимание любознательного исследователя обращаем на ее текст: *Дрнче Н.* Русские художники-эмигранты в Нише // *Зборник народног музеја у Нишу-Ниш*, 2001.
- 17 *Кадичевић А., Марковић С.* Градительство Лесковца...
- 18 *Летопис Саборне цркве Свете Тројице у Лесковцу*. С. 13.
- 19 К вопросу об иконах следует напомнить, что Биценко был приглашен для написания семнадцати икон иконостаса. Между тем богатые лесковачские семьи своими пожертвованиями позволили Биценко выполнить значительно большее число икон. В итоге иконостас, выполненный Антуном Франком, заполнили сорок две иконы по числу иконных проемов.
- 20 [Аноним]. Освећење цркве у Грделици // *Ревизија*. Ниш. 1.7.1937. С. 4.
- 21 Внимание исследователей обращаем на книгу Н. П. Илича: *Илић Н. П.* Руски емигранти... В одной из частей этой книги собраны данные о биографиях русских эмигрантов в лесковачком районе, которые могут оказаться полезными для исследователей. Эти данные Илич получил, будучи офицером УДБА (Управление государственной безопасности. — *доб. перев.*). К сожа-

лению, в силу своей профессиональной ориентации Илич не мог освободиться от «идеологического подхода» и однонаправленности при толковании политической позиции русских эмигрантов, что в значительной степени снижает ценность этой книги.

- 22 Архив Југославије. Фонд Министарства просвете. Одељење за средњу наставу. Бр. 32841/30. Данне истрадоване Н. П. Иличем.
- 23 Архив Југославије. Ф. Министарства просвете.
- 24 Политика. 15.10.1929.
- 25 Лесковацко хорово обшество, или певческа дружина, «Бранко» било основано в 1886 г.
- 26 Недељне новине. Лесковац. 27.4.1934. № 25.
- 27 Данне о Глебоу ми взяли из его личног дневника, к которому Глебов трепетно односиося. Дневник изучил и составил выпиоки Н. П. Илич.
- 28 Данне получены от В. Младеновича, техника-строителя на пенсии.
- 29 Лесковачки гласник. 22.8.1933.
- 30 Там же. 20.5.1933. С. 2, 3.
- 31 Там же. 27.5.1933. С. 1, 2.
- 32 Там же. 22.8.1933.

Беседы под сводами Бельведера (Встреча советских и польских руководителей в Варшаве 19 октября 1956 г.)

В 2006 г. минуло полвека знакового события новейшей истории Польши — политического кризиса октября 1956 г.¹ Исследователи разных стран отметили эту дату монографиями, статьями, документальными публикациями, в которых можно найти большой пласт неизученных, бывших до той поры неизвестными, ценных фактов и новых трактовок событий и процессов, связанных с осмыслением исторического феномена, известного как «Польский Октябрь» или «Октябрь-56». Парадокс темы заключается, однако, в том, что до сих пор ряд документов остается неизвестным сообществу историков-исследователей, работающих над темой уже не одно десятилетие.

Ниже публикуется впервые вводимый в научный оборот подлинный документ, восполняющий чрезвычайно существенный пробел в источниковой базе кризисных дней октября 1956 г. в Польше. Чем он интересен и почему без его критического анализа дальнейшее осмысление «Польского Октября» становится неполноценным?

Наращение и развитие политического кризиса в Польше в литературе описано достаточно полно. Известна и признана в историографии своеобразная инспирирующая роль XX съезда КПСС и закрытого доклада Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях», которые имели немалое значение для последующих событий в Польше. Разнообразная и совершенно неожиданная информация, прозвучавшая за кремлевскими стенами в дни работы съезда и сразу после него, особенно когда польской общественности была предоставлена возможность познакомиться с текстом закрытого доклада и свободно обсуждать затронутые там проблемы, накалили обстановку в стране. Пробуждение польского общества привело к обострению противостояния сторонников реформ и консерваторов в высших органах ПОРП, вызвало кризис также в верхах Объединенной крестьянской партии, интеллектуальное брожение в Демократической партии, дезинтеграционные процессы в польском молодежном движении. Ситуацию еще больше усугубили массовые волнения 28 июня 1956 г. в Познани. Состоявшийся 18–28 июля VII пленум ЦК ПОРП фактически основную часть времени посвятил рассмотрению причин и сути трагических событий в Познани, а в этом контексте и перспективам возвращения в «большую политику» Владыслава Гомулки, так как к тому времени

многим стало ясно, что высшее партийно-государственное руководство не способно выдвинуть новой, исполненной здорового практицизма концепции, которая оказалась бы привлекательной для большей части польского общества и консолидировала его вокруг формального лидера ПОРП — Эдварда Охаба.

В польско-советских межгосударственных отношениях в этот период сыграл свою роль также фактор усиления антисоветских настроений поляков. На собраниях партийных организаций, молодежных митингах, в средствах массовой информации, в воинских частях, на предприятиях и в учреждениях, в высших учебных заведениях, в семейном кругу говорилось о горьких для каждого поляка фактах новейшей польской истории, таких как пакт Молотова — Риббентропа, вторжение Красной Армии в 1939 г. в восточные окраины Польши, депортация польского населения в Сибирь и Казахстан, преступление в Катыни, крах Варшавского восстания 1944 г., и не только это.

В Москве — в Кремле и на Старой площади — аналитики МИД СССР, других государственных силовых структур, а вместе с ними и аппаратчики ЦК КПСС отслеживали в Польше «нездоровые явления» (рабочий термин советской политической элиты, обозначавший дерзкий разрыв с коммунистической идеологией) и приходили к убеждению, что пришла пора предпринимать жесткие практические меры, чтобы «исправить» ситуацию. Росла обеспокоенность Н. С. Хрущева положением дел у едва ли не самого важного стратегического партнера по Восточному блоку, по Варшавскому Договору в частности. Хрущев считал, что реальной становилась угроза геополитическим интересам СССР. Когда в Москве узнали, что на вторую половину октября намечен созыв VIII пленума ЦК ПОРП с целью обновления высшего политического руководства, в том числе возвращения В. Гомулки на роль лидера партии, было принято решение направить в Варшаву делегацию Президиума ЦК КПСС в составе Н. С. Хрущева, Л. М. Кагановича, А. И. Микояна и В. М. Молотова. Перед ней ставилась задача выяснить, что же на самом деле происходило в высших руководящих кругах ПОРП, какие мнения высказывались по таким вопросам, как персональный состав проектируемого Политбюро ЦК и особенно намерение склонной к реформам части польского политического руководства выдвинуть на пост первого секретаря ЦК ПОРП В. Гомулку без предварительного согласования с советским партийным руководством. На Старой площади с беспокойством присматривались к набравшей силу антисоветской волне в польской периодической печати, но особенно беспокоило партийных аппаратчиков состояние советско-польских межгосударственных отношений и межпартийных связей. Чтобы добиться выполнения поставленных задач и повлиять на польских руководителей в нужном направлении, было решено также проин-

формировать о положении в Польше ряд европейских коммунистических и рабочих партий, а также Коммунистическую партию Китая¹.

Неоднократно и подробно, насколько позволяли имевшиеся в распоряжении исследователей исторические источники, описывалась встреча делегации Президиума ЦК КПСС на варшавском военном аэродроме в Окэнче, причем упор делался на неадекватном поведении Н.С.Хрущева во время встречи с представителями польского руководства². Это было 19 октября, в день открытия пленарного заседания ЦК ПОРП.

Встреча советских и польских партийных руководителей в Бельведере, резиденции председателя Государственного совета, проходила в драматических условиях. Многолюдные, поддержанные рабочими некоторых предприятий студенческие митинги в Варшаве и других университетских центрах, поступающая по разным каналам информация о приближавшейся к столице танковой колонне Северной группы Советской армии, отчетливо ощущавшееся общее возбуждение населения города — все это создавало нервную обстановку и в самой Варшаве, и в прибывшей из Москвы партийной делегации³.

Как видно из публикуемого документа, обе стороны сразу же условились не придавать своей встрече официального статуса (например, межпартийных переговоров), а провести ее в форме непринужденных, не сдерживаемых регламентом бесед, и это оказалось вполне адекватным тому, что на самом деле произошло в Бельведерском дворце.

В общем виде о содержании встречи участников пленарного заседания проинформировал А. Завадский утром 20 октября. Текст его выступления дан по официальной, правда, несколько подредактированной стенограмме и опубликован в октябрьском номере журнала «Нове дроги» за 1956 г. (номер подписан в печать 6 ноября, и это показывает, как в ЦК ПОРП торопились проинформировать общественность о закончившемся пленуме). Завадский коротко осветил три стержневых вопроса, вокруг которых шли нервные споры в Бельведере: антисоветские выпады в польской периодической печати; предложенный на рассмотрение пленума новый состав Политбюро ЦК ПОРП; состояние, значение и перспективы польско-советских межгосударственных и межпартийных отношений⁴. О некоторых обсуждавшихся вопросах он предпочел умолчать, в чем не трудно убедиться, сопоставив текст коммюнике с публикуемой записью бесед.

Долгое время в работах польских историков о встрече польских и советских политиков 19 октября 1956 г. имелись только краткие упоминания, пока в 1981 г. известная польская журналистка Тереса Тораньская не уговорила Э. Охаба дать пространное интервью, в котором много места заняли события 1956 г. Среди прочего бывший польский первый секретарь ЦК ПОРП рассказал и о том, что состоявшуюся между

участниками встречи дискуссии будто бы зафиксировали в «протоколе»⁵. Это было неожиданное заявление о совершенно неизвестном историческом источнике, имевшем прямое отношение к теме. Однако все усилия польских исследователей отыскать документ, а он мог бы пролить свет на многие важные факты истории «Октября-56», не увенчались успехом.

В мае 2006 г. я беседовал с известным ныне историком, а в 1956 г. — непосредственным участником октябрьских событий профессором Анджеем Вэрблянном (он присутствовал в Бельведерском дворце этажом ниже того зала, в котором происходили «беседы»), от которого узнал, что поиски «протокола» тщательно велись в варшавском Архиве новых актов, архивах Министерства иностранных дел и других архивохранилищах, но положительного результата так и не дали.

Поиск продолжили российские историки и архивисты. В конце концов документ был обнаружен в личном фонде Н. С. Хрущева в Российском государственном архиве новейшей истории (Ф. 52. Оп. 1. Д. 503. Л. 1–56) и в 2006 г. впервые демонстрировался на выставке материалов архива, посвященных 50-й годовщине XX съезда КПСС.

* * *

Публикуемый документ представляет собой машинописный подлинник и составлен, вероятно, в единственном экземпляре, подписан референтом отдела ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями Я. Ф. Дзержинским. Он присутствовал на встрече польских и советских политиков как переводчик и вполне качественно зафиксировал суть и форму споров, порой весьма резких и несдержанных, свидетелем которых оказался. Стоит добавить, что помимо Я. Ф. Дзержинского в роли переводчика выступал также советник посольства СССР в Варшаве Ю. В. Бернов, о чем имеется его прямое свидетельство⁶.

Записи бесед носят явные следы спешки. Об этом говорят многочисленные машинописные (а иногда и от руки) поправки, не имеющие, впрочем, сколько-нибудь существенного, смыслового характера и в отдельных случаях специально публикатором не оговариваемые. Дата составления документа Я. Ф. Дзержинским не проставлена, но думается, что его следует датировать не ранее 20 октября, то есть после возвращения делегации Президиума ЦК КПСС в Москву⁷.

Документ публикуется с сохранением всех его стилистических и орфографических особенностей.

Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Власть и общество» (тематическое направление «Власть и общество в Центральной и Восточной Европе в эпоху трансформации от сословного к гражданскому обществу, от „старого порядка“ к правовому государству XVIII–XX вв.»).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: СССР и Польша: октябрь 1956-го. Постановления и рабочие записи заседаний Президиума ЦК КПСС. Публикацию подготовили Е. Д. Орехова, В. Т. Серeda. Предисловие А. М. Орехова // Исторический архив. 1996. № 5–6. С. 181–182. Опубликовано также в кн.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протоколы записи заседаний. Стенограммы. Постановления / Глав. ред. А. А. Фурсенко. М., 2006. Т. 2. 1954–1958. С. 472–473.
- ² См., например: *Rukowski Zb., Władyka W. Polska próba*. Kraków, 1989. S. 236–239; *Орехов А.М.* К истории польско-советских переговоров 19 октября 1956 г. в Бельведере (по новым материалам) // Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран / Отв. ред. Ю. С. Новопашин. М., 1997. С. 130–156; *Codogni P. Pok 1956. Posłowie W. Roszkowski*. Warszawa, [2006]. S. 238–253.
- ³ Атмосферу тех дней в Варшаве колоритно, но сдержанно передает в своих воспоминаниях Н. С. Хрущев, хотя они написаны были годы спустя после событий и исключительно по памяти. Отсюда ряд существенных ошибок, допущенных мемуаристом. См.: *Хрущев Н. С.* Время. Люди. Власть. (Воспоминания в 4-х кн.). М., 1999. Кн. 3. С. 234–240. Ср. также два варианта дополнений к главе «Польский сосед». С. 516–521, 581–584.
- ⁴ *Nowe drogi*. 1956. № 10. S. 17–18.
- ⁵ См.: *Torańska T. Opł*. Warszawa, 2004. S. 95.
- ⁶ *Бернов Ю. В.* Записки дипломата. М., 1995. С. 48.
- ⁷ Это видно по тому, что беседы закончились в 1 час ночи 20 октября, а на рассвете того же дня делегация Президиума ЦК КПСС вместе со своим референтом вылетела в Москву.

Приложение

ЗАПИСЬ БЕСЕД

делегации Президиума ЦК КПСС и членов политбюро ЦК ПОРП
в Варшаве, состоявшихся 19 октября 1956 года^а

Острая полемика между делегацией Президиума ЦК КПСС и членами Политбюро ЦК ПОРП началась на аэродроме, сразу же после приезда советской делегации в Варшаву, и продолжалась по приезду в Бельведер. В ходе полемики выяснилось, что польские товарищи категорически возражают против присутствия делегации КПСС на пленуме ЦК ПОРП. Первоначально они даже не хотели вообще обсуждать с советскими товарищами вопросов о положении в ПОРП.

Записывающий беседу прибыл в Бельведер спустя 20–30 минут после начала беседы и поэтому начало беседы не записывал. В беседе принимали участие с советской стороны тт. Хрущев¹, Микоян², Молотов³ и Каганович⁴. С польской стороны участвовали тт. Охаб⁵, Завадский⁶, Циранкевич⁷, Рокоссовский⁸ и Гомулка⁹. На беседе присутствовал совпосол в Варшаве т. Пономаренко¹⁰.

Тов. Гомулка: Ваш приезд — это вмешательство в наши дела.

Тов. Хрущев: Нас хотят оторвать от наших войск в Западной Германии.

Тов. Гомулка: Кто хочет?

Тов. Хрущев: Польша. Вы собираетесь убрать из Политбюро тт. Рокоссовского, Юзвяка¹¹, Новака¹², Герека¹³, а ввести — Моравского¹⁴. Мы этого допустить не можем, если вы поставите нас перед свершившимся фактом, то мы будем вынуждены грубо вмешаться.

Тов. Охаб: Польские коммунисты сидели у вас в тюрьмах и видимо вновь будут сидеть.

Тов. Хрущев: Я не так сказал, не передергивайте. Вы хотите испортить нашу дружбу. Мы не можем терпеть этого во имя наших интересов, интересов всего международного рабочего класса и в первую очередь — Польши.

Тов. Каганович: Мы для этого и приехали, чтобы до свершившегося факта поговорить с вами.

Тов. Гомулка: Разве вы считаете, что только эти товарищи (Рокоссовский и другие) являются гарантией дружбы с вами? Мы тоже не хотим ее нарушать.

Тт. Каганович и Микоян: Нет, не только они — гарантия дружбы, но они и вы вместе.

^а Заголовок документа.

Тов. Хрущев: Поймите, что мы приехали не для того, чтобы вас эксплуатировать и забрать у вас что-либо. Мы не вмешивались никогда в ваши дела.

Тов. Гомулка: Речь идет о том, что раз вы не вмешивались, то пусть останется все по-старому, не вмешивайтесь и теперь.

Тов. Хрущев: Вы хотите поставить нас перед свершившимся фактом. Ваша печать обвиняет нас, и именно теперь, что мы вывезли из Польши в конце войны какую-то ерунду¹⁵, а на самом деле Советский Союз всегда помогал и помогает Народной Польше.

Тов. Микоян: Мы предлагали вам вернуть участок с урановыми рудами, но ответа от вас нет, хотя прошло много месяцев¹⁶.

Тов. Хрущев: Я бы мог вручить вам, дорогой т. Гомулка, список людей, съеденных в 1946–47 гг. во время голодовки на Украине, а в то же самое время мы давали вам зерно, давали не излишки, а отрывали от живого тела нашего народа¹⁷. Вот как мы относимся к Польше.

Тов. Молотов: Учитывая особую важность вопроса о польско-советской дружбе, мы не можем стоять на формальной точке зрения равноправия. Мы не были бы коммунистами, если бы так сделали в данных условиях.

Тов. Гомулка: Мы обсудим эти вопросы и придем к вам часа через два-три¹⁸.

Тов. Каганович: Почему же так поздно?

Тов. Хрущев: Тов. Гомулка, такой товарищ как Рокоссовский сделал для освобождения Польши не меньше любого из вас, а может быть и больше. Отбросьте страсти, накипевшие в результате нашего острого разговора, и давайте спокойно поговорим. Поймите, что без Советского Союза Польша не может обеспечивать своей независимости и незыблемости границ. А реваншисты Западной Германии наглеют.

Тов. Гомулка: Мы пойдем. Нам же нужно поговорить о начале пленума. Потом мы вернемся.

* * *

В 12 часов дня беседа возобновилась. В беседе участвовали члены Политбюро ЦК ПОРП гг. Герек, Двораковский¹⁹, Завадский, Замбровский²⁰, Новак З., Новак Р.²¹, Охаб, Рапацкий²², Рокоссовский, Юзвяк, Циранкевич, кандидаты в члены Политбюро ЦК ПОРП гг. Ендриховский²³, Ставинский²⁴, Хелховский²⁵. В беседе участвовал т. Гомулка^а.

С советской стороны в беседе участвовали члены Президиума ЦК КПСС гг. Каганович, Микоян, Молотов, Хрущев. На беседе присутствовал т. Пономаренко.

^а Далее зачеркнуто: На беседе присутствовал т. Пономаренко.

На беседе председательствовал т. Охаб. Участники беседы решили не вести официального протокола беседы.

Тов. Охаб: Должен сказать, что наши товарищи особенно озабочены замечанием т. Хрущева о вмешательстве. Нужно выяснить, о каком вмешательстве идет речь.

Тов. Гомулка: Мы хотим, чтобы вы дали свою оценку положения в Польше и сказали, что означает заявление т. Хрущева о том, что вы готовы к решительному вмешательству в целях недопущения нарушения польско-советской дружбы. Мне очень трудно было бы вести работу в такой атмосфере. Это — трудный вопрос и для большинства наших товарищей. Скажите, т. Хрущев, что Вы думаете об этом, чтобы создать благоприятную обстановку для разговора между нами, как между коммунистами.

Тов. Хрущев: Я скажу потом, а теперь т. Микоян по поручению нашей делегации расскажет о нашей оценке положения в Польше.

Тов. Микоян говорит о большой ответственности руководства ПОРП и КПСС за укрепление польско-советской дружбы. Для советских товарищей было непонятно, почему т. Охаб, возвращаясь из Китая в Варшаву²⁶, не пожелал встретиться с руководителями ЦК КПСС, хотя, видимо, уже тогда у него имелись разногласия с ними. Далее т. Микоян цитирует сообщение американского радио о положении в руководстве ПОРП, о том, что в ЦК ПОРП раскол на «сталинцев» и сторонников «оттепели»²⁷.

Какие могут быть разногласия и основания для недоразумений между нами? Попытки разделить нас, оторвать Польшу от дружбы с СССР. Экономически нам от Польши ничего не нужно. Еще в 1953 г. мы по своей инициативе отменили заниженные цены на поставляемый Польшей уголь²⁸, а теперь этот вопрос поднимается вновь. В течение этого года вы дважды просили помочь вам хлебом и кредитами²⁹. Мы вам помогли, а вы сократили поставки угля. Несмотря на это, мы не уменьшили поставок руды и хлопка, хотя нам самим не хватает. Мы дали согласие на сокращение поставок польского угля на будущий год. Начиная с 1959 года мы не будем от вас брать ни одного килограмма угля.

Но Польша должна давать уголь ГДР и другим странам социалистического лагеря. ГДР нужно помогать, и это для вас не менее нужно, чем для нас. Между тем, вы сокращаете поставки угля, в связи с чем ГДР и Чехословакия просят созвать совет экономической взаимопомощи и обсудить создавшееся серьезное положение с углем.

У вас имеются определенные экономические трудности. Но в этой области вы должны предъявлять претензии не нам, а себе.

У нас есть Кузнецкие урановые рудники, которые формально принадлежат Польше, а фактически — Советскому Союзу³⁰. Еще весной

мы предложили передать их целиком Польше, но ответа до сих пор не получили. Из самых дружественных чувств к польскому народу мы передали Польше все наши военные секреты. Мы покупаем у вас суда, хотя наша судостроительная промышленность не загружена. Советский Союз помог и помогает Польше в создании национальной армии. У нас дружба вечная, без оговорок.

А теперь что получается? Тов. Хрущев был в марте с. г. на пленуме ЦК ПОРП, а теперь в Польше его называют чуть ли не антисемитом³¹. Мы считаем, что это не антисемитизм, а правильная национальная политика. Ваша печать говорит — нужно обуздать антисемитов. Но правильная расстановка национальных кадров это — не антисемитизм. Чтобы было видно, что эта проблема стоит, что это не выдумка т. Хрущева, я зачитаю вам письмо т. Гомулки т. Сталину по этому вопросу от 1948 года (цитирует)³². Я считаю это письмо правильным.

Что нам нужно от Польши? Нам нужна вечная польско-советская дружба^b, которую нужно крепить перед лицом опасности империалистической агрессии и подрывных усилий империалистов, направленных против ПНР. Поражение социализма в Польше было бы нашим поражением. Лагерь социализма не простит нам, если мы допустим это. Контрреволюция теперь не действует прямо, а раздувает разногласия между коммунистами наших стран.

Поэтому мы находимся в тревоге. Вы недооцениваете опасность. В Польше ведется и антипартийная, и антисоветская пропаганда. Далее т. Микоян цитирует высказывание т. Гомулки о значении дружбы между Польшей и СССР. В этом высказывании т. Гомулка говорил, что никому не удастся вбить клин между нашими странами³³.

Не вбивается ли такой клин сейчас? Какие меры принимаются польским руководством против такого явления? Таких мер не видно.

Продолжают ли польские товарищи придерживаться этой установки, сформулированной т. Гомулкой? Если да, то почему так разнузданна антисоветская пропаганда в польской печати и радио? Даже в капиталистических странах имеется закон, ставящий пропаганду в определенные рамки вежливости, а польская печать сравнивает советский режим в период жизни Сталина с фашизмом. Между тем в буржуазных странах нас в этом не обвиняют. Мы не боимся клеветы. Все народы знают выдающуюся роль СССР в освобождении Европы от фашизма.

Нас тревожит то, что такое положение в Польше подрывает веру в социализм, ослабляет вас. Вот недавно в печати выступил кандидат в члены ЦК ПОРП т. Путрамент, который заявил, что советский режим аморален³⁴, но никто не осудил его за это. Поляки начинают делать то,

^b Далее зачеркнуто: которая опасна для.

от чего югославы отходят. Мы в большой тревоге. Мы приехали, чтобы по-товарищески предупредить вас о том, что события идут по скользкому пути. Может оказаться поздно, когда улица возьмет в свои руки решение этих вопросов.

Если вы за дружбу, то как понимать разговоры в руководстве ЦК ПОРП об удалении из Войска польского советских командиров? Вы сами просили нас дать этих командиров, а мы давали их меньше, чем вы просили. Постепенная смена этих людей новыми, выросшими кадрами — естественное дело, но изгнание их сразу — это подрыв военного сотрудничества наших стран, подрыв Варшавского пакта. Разве наличие советских офицеров в армии подрывает суверенитет Польши, тем более при едином командовании? Если вы не нуждаетесь в Варшавском пакте, то так и скажите. Мы видим, что происходит подрыв нашего военного сотрудничества.

В Польше никто не препятствует разнузданной антисоветской пропаганде. Одновременно с этим предполагается вывести из Политбюро группу деятелей, ничем не запятанных, которых народ уважает. Получается политическая целеустремленность особого рода.

Вот вы хотите вывести из П[олитического] Б[юро] гг. Новака³⁵ и Рокоссовского. Говорят, что министр обороны не обязательно должен входить в ПБ. Но как это поймет народ? Делать так, значит вызвать сомнения в народе. Тогда в чем же наша дружба и союз — одни разговоры о дружбе. Все поймут такую перестановку^a, например^b, т. Рокоссовского, как мероприятие, направленное против СССР.

Тов. Хрушев: И свяжут это с приходом в руководство т. Гомулки.

Тов. Микоян: И это происходит в то время, когда нужно укреплять руководящую силу партии и польско-советскую дружбу.

Мы вас публично не критикуем. В наших газетах не было ни одной статьи с критикой в ваш адрес. А Моравский и Матвин³⁶ организовали разнузданные выступления. Это — не демократия и не социализм. Три месяца тому назад т. Охаб сказал, что они будут сняты, но теперь их выдвигают. Значит т. Охаб говорил не то, что думал.

Тов. Охаб: Разве вы не видите, что меня снимают?

Тов. Микоян: Речь идет о политической направленности. Подбор кадров — это политика. Уже американцы говорят о предстоящем выводе Рокоссовского из ПБ.

Польша и Чехословакия — вместе с СССР — основа социалистического лагеря. После ваших мероприятий за границей скажут, что лагерь социализма разваливается. Польские интересы ни в чем не расходятся с

^a Далее зачеркнуто: как направленную.

^b Далее зачеркнуто: в отношении Рокоссовского.

нашими. В чем мы ущемляем ваш суверенитет? Даже Тито в беседе с американскими дипломатами выступил против характеристики ПНР как советского сателлита. Без вас мы никак не можем, но и вы не можете без нас. Если что-либо мешает нашей дружбе, то скажите, мы поправим.

Тов. Охаб: Тов. Микоян сказал, что я говорил о предстоящем снятии Моравского и Матвина³⁷. Но я и тогда говорил, что они очень честные люди, хотя у нас имеются разногласия в вопросах руководства печатью. С тех пор мы много думали. Я лично и мы все делали много ошибок. Теперь есть решение Политбюро принять мою отставку, в связи с тем, что большинство ПБ не поддержало моего проекта доклада на пленуме³⁸. ПБ решило рекомендовать т. Гомулку в качестве первого секретаря ЦК.

Тов. Хрущев: Мы знали, что имелся обмен мнениями по этому вопросу, но не знали, что уже состоялось решение ПБ.

Тов. Охаб: В основном с критикой моего доклада на Политбюро я согласен. Считаю, что по некоторым вопросам правы гг. Матвин и Моравский. Считаю правильным выдвижение Матвина в Политбюро. Что же касается вопроса о печати, то для ее улучшения нужны не только организационные меры, но и большая политическая работа.

Тов. Гомулка: Всем товарищам известно, что прошло лишь несколько недель, как я вернулся к активной деятельности. Что было раньше — все товарищи знают. Сейчас обстановка так усложнилась, что я не могу сидеть как посторонний, так как это было бы непонятно для партии. Если я вернулся, то именно для того, чтобы исправить положение.

В последнее время было много неправильных^а настроений среди некоторых членов партии и писателей, направленных против СССР. Мы этого не отрицаем.

Тов. Хрущев: Эти явления и сегодня есть.

Тов. Гомулка: Мы не отрицаем этого, но чтобы создать обстановку, позволяющую ликвидировать такое положение, нужно укрепить руководство в партии. Тов. Микоян цитировал мое выступление о дружбе с СССР. Это мнение не только мое, но и всего Политбюро.

Положение в руководстве партии сейчас ненормальное. Я сказал товарищам, что не выдержал бы в такой обстановке и трех недель. То, что творится в Политбюро, в ЦК — это невозможное дело. Политбюро отвечает за то, что происходит в печати в том смысле, что оно не было в состоянии принять необходимых решений и сплотить партию.

Партия не едина, а это отражается и на всех других организациях и на всем рабочем классе. Я не знаю всего, что имело место между товарищами в Политбюро до моего возвращения, но заметил определенную линию раздела.

^а Далее зачеркнуто: моментов.

Все согласны с решениями VII пленума ЦК³⁹, но только на словах. Разные товарищи понимают слова решений по-разному.

У нас были события в Познани⁴⁰. Это — не мелочь не только для нас, но и для всего нашего лагеря. Оценка, которую дал ЦК КПСС событиям в Познани, по мнению Политбюро ЦК ПОРП, неправильна, т. к. основной причиной этих событий считает деятельность империалистических разведок.

Не все члены Политбюро понимают обстановку. Вокруг вопросов демократизации идет борьба, некоторые товарищи прямо не высказывают своего мнения, а занимают выжидательную позицию. Но положение таково, что выжидать дальше нельзя. Я думаю, что полезно сократить состав Политбюро до 7 человек и поставить этот вопрос на обсуждение пленума, а затем и съезда партии. Дело не только в количестве членов Политбюро, а в том, чтобы они могли действовать возможно более единогласно.

Тов. Охаб считает, что в отношении печати нужно принять более решительные меры — снять людей, закрыть журналы и т. п. Но эти меры не решают вопроса.

Дело в том, чтобы сплотить партию, чтобы восстановить доверие членов партии и народа к руководству партии. Нынешний состав ЦК — это все аппаратчики, а рабочих в его составе почти нет. Этот состав ЦК ответственен за настоящее положение в Польше. Если бы в ЦК было определенное количество рабочих, дело обстояло бы иначе. Со всех сторон слышатся требования, чтобы в руководство пришли новые люди. Дальше ждать нельзя. Нужно попробовать сплотить партию, в том числе и для установления такой дружбы с СССР, о которой я раньше говорил. Это не только мое мнение, а всех наших товарищей.

О причинах положения в Польше я не стану говорить.

Тов. Молотов: Почему же, скажите. В чем основа такого положения?

Тов. Гомулка: Основу я бы искал даже и у вас, в том, что сказал т. Хрущев на XX съезде КПСС о культе личности.

Тов. Микоян: Культ личности не полностью относился к Польше.

Тов. Гомулка: А разве это не влияло на Польшу? Но есть и наши собственные причины. Основное — экономическое положение рабочих. Может быть, у вас рабочие и хуже жили, чем живут сейчас польские рабочие, но имейте в виду, что реальная средняя заработная плата польских рабочих не превышает 60–70% довоенной.

Тов. Микоян: Но продуктов в Польше несравненно больше, чем до войны.

Тов. Гомулка: До войны у нас была очень большая нужда. Есть еще много рабочих, которые получают зарплату в размере 500 злотых в месяц, на которые прожить почти нельзя. Раньше у польских рабочих бы-

ла хорошая дисциплина — шестилетний план. Но этот план оказался невыполненным по реальной заработной плате, и рабочие выражают недовольство нашей работой.

Другая причина положения в Польше — система культа личности, как и в СССР. Конечно, последствия этого были в Польше другие, но наша жизнь тоже строилась под влиянием культа личности. А когда пришел доклад т. Хрущева на XX съезде о культе личности, то это более повлияло на настроение масс. Люди начали искать, что делать.

Экономическое положение Польши связано с торговым обменом. Буржуазные элементы говорят, что СССР берет польский уголь в порядке репараций, и нас люди спрашивали об этом, а мы не отвечали. Это — одна из причин усиления антисоветских настроений в Польше. Есть и другие факты, повлиявшие на положение в Польше.

Имелись серьезные нарушения законности в работе органов госбезопасности Польши. Вы, наверное, не все знаете. Многие люди перенесли тяжелые пытки, а народ об этом знает, особенно в Варшаве. Были случаи смерти от пыток. Кто это делал? В органах госбезопасности были советские советники. Кое-кто спрашивал даже в руководстве — в чем дело? Мы не могли говорить. Этот вопрос стоит и сейчас перед нами. Люди говорят, что за безобразия в органах госбезопасности Польши отвечают советские советники.

Вопрос об отзыве советских советников КГБ был решен Политбюро еще в 1947 или 1948 году. Мы тогда предложили оставить лишь пять человек, но главный советник Давыдов⁴¹ говорил тогда с т. Берутом⁴² и т. Берут решил оставить 50 человек. Мы рассчитывали тогда, что через полгода мы вернемся к этому вопросу. Товарищи говорят, что два-три месяца тому назад они вновь ставили этот вопрос, тем не менее он еще не решен. Была большая ошибка допущена, что эти люди оставались после этого в Польше еще восемь лет. Ведь даже если бы были в Польше злоупотребления по линии КГБ, но в отсутствие советских советников, то это было бы менее вредно, так как нельзя было бы свалить вину на СССР.

Тов. Хрущев: Но нельзя всего валить на советских советников.

Тов. Гомулка: Некоторые советские советники присутствовали на пытках, причем при них пытки были еще тяжелее. Поэтому я сказал, что эти люди нам не нужны.

Жаль, что у меня сейчас нет под рукой моего письма от июня 1947 года о советских офицерах в Войске польском⁴³. Я представил список советских офицеров и предложил, чтобы они или остались в Польше на постоянное жительство и приняли польское гражданство, или они должны были спустя некоторое время уехать в СССР (мы предлагали пятилетний срок). У меня есть это письмо. Тт. Сталин и Булганин⁴⁴ ре-

шили тогда — польского гражданства офицеры принимать не должны, подождите четыре с половиной года и мы уберем их. Но прошло девять лет, а вопрос не решен.

Тов. Замбровский: Тов. Гомулка не знает, что руководство ПОРП просило продлить пребывание советских офицеров в Польше⁴⁵.

Тов. Гомулка: Это очень мелкий вопрос, но он получил огромное значение.

Тов. Хрущев: Это спорный вопрос.

Тов. Гомулка: Я думаю, что такой вопрос должен быть решен. Не обязательно немедленно, но нужно его обсудить и сделать все для разрешения. Вопрос этот не снят, он стоял в 1947 году и стоит сейчас.

Тов. Ендриховский^a: Значительная часть советских офицеров даже не изучила польского языка.

Тов. Хрущев: А Рокоссовский знает польский язык?

Тов. Ендриховский^b и другие: Да, в совершенстве.

Тов. Гомулка: Дело заключается в необходимости сокращения количества членов Политбюро.

Тов. Хрущев: Это арифметический подход к политическому вопросу.

Тов. Гомулка: Нужно сделать Политбюро работоспособным.

Тов. Хрущев: Разве вышибить наших друзей из Политбюро⁴⁶ и взять Матвина и Моравского значит сделать ПБ работоспособным?

Тов. Замбровский: Эти товарищи никогда не вели антисоветской пропаганды.

Тов. Хрущев: Вы нас перестали информировать. Мы информируемся о событиях в Польше через «Голос Америки».

Тов. Гомулка: Если вы думаете, что перемещения в Политбюро делаются против дружбы с СССР, то вы глубоко ошибаетесь. Если этого не сделать, то партия будет разлагаться, что может привести к последствиям, которые трудно предвидеть.

Тов. Молотов: Одно то, что вы не хотите с нами разговаривать по этим вопросам, говорит о многом.

Тов. Гомулка: Я сказал т. Пономаренко, что нецелесообразно, чтобы вы приезжали в Варшаву и вели переговоры перед пленумом ЦК. Мы просили, чтобы вы приехали не сегодня, а завтра. Выходит, что мы ничего не можем решить самостоятельно, а только — по вашему совету.

Тов. Хрущев: Мы считаем основным вопросом нашей дружбы и кто ее враг — тот враг и советского и польского народов. У нас с вами разное понимание значения нашей дружбы.

Тов. Гомулка: Нам дружба нужна не меньше, чем вам.

^a В тексте ошибочно: Ендриковский.

^b В тексте ошибочно: Ендриковский.

Тов. Хрущев: Бывает так, что есть дружба с народом, но не можем договориться с некоторыми людьми из руководства.

Тов. Гомулка: В 1948 году я внимательно читал письмо ЦК КПСС за подписью тт. Сталина и Молотова к ЦК КПЮ, в котором говорилось, что якобы югославы действуют против воли народа⁴⁷. Оказалось, что югославы были правы и их поддержал народ. Конечно, есть люди, у которых имеются тайные намерения, но народ — за дружбу с СССР.

Тов. Каганович: В народе тоже есть разные люди.

Тов. Гомулка: У нас есть реакционные элементы. Но есть много товарищей, которые допускают ошибки, но стоят за дружбу с СССР.

Тов. Хрущев: И Матвин?

Тов. Гомулка: Да.

Тов. Хрущев: Нет, это обман.

Тов. Гомулка: Выходит, что вы лучше знаете наших людей, чем мы.

Тт. Хрущев и Микоян: Это — факты.

Тов. Гомулка: Вопрос о руководстве — это не вопрос дружбы, а наш внутренний вопрос. Вы знаете, что было в 1937 году с Компартией Польши⁴⁸, но мы ничего сказать народу не могли.

Тов. Хрущев: Наш народ правильно понял вопросы о последствиях культа личности, когда мы правильно разъяснили его, а у вас никто не разъяснил вопроса о роспуске КПП.

Тт. Микоян и Хрущев: Вы хотите использовать факт необоснованного роспуска КПП для расстройств нашей дружбы.

Тов. Гомулка: Мы вместе должны искать правильные объяснения этой трагедии. Решение ЦК КПСС о преодолении культа личности мы считаем недостаточным.

Тов. Хрущев: Чего мы не сказали? Никто нас за язык не тянул. Мы могли и не ставить этого вопроса. Мы сделали это только исходя из нашей партийной совести.

Почему вы так долго задерживаетесь на этом вопросе?

Тов. Гомулка: Потому что я говорю о том, каковы источники тяжелого положения у нас.

Тов. Микоян: Советский народ видит, что мы все делаем для преодоления последствий культа личности.

Тов. Хрущев: Это большая трагедия. Вот у нас есть Ольга Шатуновская⁴⁹. Она просидела у нас 16 лет. А сейчас реабилитирована и работает в Комитете партийного контроля при ЦК КПСС. У нее хватило мужества и понимания, чтобы правильно, по-партийному оценить положение.

Тов. Гомулка: Если бы у меня было время, то я бы сказал свое личное мнение по этому вопросу. Я бы кое-что добавил. Об источниках культа личности вы не все сказали.

Тов. Хрущев: Отвечает ли наше представление интересам рабочего класса?

Тов. Микоян: Враги заинтересованы в том, чтобы популяризировать погибших и возбуждать народ, а мы в том, чтобы исправлять нарушенную законность.

Тов. Хрущев: Вы хотите приковать к этому вопросу внимание, чтобы разлагать страну. Мы же не туристы и приехали сюда не ради развлечений. Мы увидели, что вдруг подрываются дружественные отношения с Польшей, поэтому мы не могли не приехать, ведь одних слов о дружбе мало, нужны факты^а.

Тов. Замбровский зачитывает только что полученное сообщение о том, что к Варшаве приближаются советские и польские войска, ввиду чего рабочие автозавода в районе Жерань решили выйти на улицу задержать войска, а также о том, что о прибытии в Варшаву делегации КПСС уже знают в столице широкие массы⁵⁰.

Тов. Хрущев: Вы так накалили обстановку, что приезд советской делегации расценивается, как угроза Польше. Мы что — враги? Зачем вы подняли шум о советском вмешательстве в дела Польши?

Тов. Гомулка: Да, это вмешательство, вы приехали с целью повлиять на решения пленума ЦК и на утверждение нового состава руководства.

Тов. Хрущев: Мы прилетели вопреки вашему желанию, в этом отношении я признаю, что имелось некоторое вмешательство. Но мы не могли смотреть спокойно. Вы на словах за дружбу, а на деле возбуждаете народ против нас.

Дальше был объявлен перерыв, но и во время него продолжалась острая полемика.

Тов. Гомулка отрицательно высказался о политике т. Берута.

Тов. Хрущев: Тов. Гомулка, не оплевывайте т. Берута, это был честнейший, замечательный коммунист, один из лучших сынов польского народа. Побольше бы вам таких, каким был Берут!

Тов. Гомулка высказывает сомнение в этом.

Тов. Молотов: Помните, т. Гомулка, что если вы остались живы, то это — заслуга Берута.

Тов. Гомулка: Арестовать, убить можно, но заставить человека говорить неправду нельзя.

Тов. Молотов: Не опорочивайте всего, что было при т. Беруте. Не думайте, что при нем все было плохо, а у вас есть в кармане какой-то чудодейственный рецепт. Таких рецептов быть не может. И у вас, и у нас есть большие трудности, были и ошибки, и извращения, но легкого пути быть не может. Не думайте, что все дело в Гомулке. При т. Беруте

^а Далее зачеркнуто: Тов. Замбровский.

ПНР имела большие достижения, решающую роль в завоевании которых сыграл польский рабочий класс.

В ходе дальнейшей острой полемики т. Гомулка говорит, если мы договоримся...^а

Тов. Хрущев: А если не договоримся?

Тов. Гомулка: Вы допускаете такую возможность?

Тов. Хрущев: Да, допускаю, если вы так же будете вести дело, как сейчас. Положение очень серьезное. Вам надо сделать выводы.

Тов. Гомулка: Вам тоже надо сделать выводы, не допускать вмешательства в наши дела.

После перерыва беседа продолжалась.

Тов. Замбровский: Все мы коммунисты и воспитаны в духе понимания роли КПСС как передового отряда международного рабочего класса. Все мы поляки, но говорим по-русски и всегда видели в руководстве КПСС руководство первого рабочего государства в мире. Все мы сидели в польских буржуазных тюрьмах.

Мы не заблуждаемся. Тов. Гомулка правильно охарактеризовал положение. Руководство потеряло силу, и авторитет его ослаб. Решения VII пленума ЦК хорошие и в течение короткого периода времени они принесли улучшение положения. Однако, к сожалению, на пленуме выявились некоторые разногласия и в Политбюро и в ЦК. Мы решили о них не говорить, так как постановления пленума были приняты единогласно.

В чем разногласия? Во-первых, о демократизации. В этом вопросе мы исходили из линии XX съезда КПСС, с учетом наших, польских условий. Мы знаем, что у нас в стране есть враги. В 1946 году во время референдума мы получили только 15% голосов⁵¹. С тех пор, вплоть до 1950 года, мы шли вперед. Но потом в связи со слишком высокими темпами индустриализации (в результате плохих советов советских товарищей), но не только с этим, у нас возросли трудности, и усилилась напряженность в народном хозяйстве.

Тов. Хрущев: Но в 1953 году мы по собственной инициативе обратили ваше внимание на этот недостаток, а вы нас теперь обвиняете в советах, данных до 1953 года.

Тов. Замбровский: Повторяю, что в Политбюро возникли разногласия, во-первых, по вопросу о демократизации. Управлять по-старому нельзя, нужно по-новому.

Тов. Хрущев: А каково это новое?

Тов. Молотов: Хотят зачеркнуть все старое.

Тов. Замбровский: У нас у всех накопело. Рабочие хотят иметь больше власти на предприятиях. Поступают десятки предложений о перестройке системы управления хозяйством.

^а Фраза не закончена.

Второе разногласие — о печати. Мы за печать критическую (тов. Хрущев: которая ругает советскую власть?). Нет не за такую, а за печать, критикующую в рамках линии партии. Мы можем вам показать статьи, конфискованные не только нашим Главлитом, но и секретарями ЦК, Моравским, Матвиным и Ярославским. Разногласия в Политбюро касаются вопроса о мерах — снимать ли редакторов или нет.

Тов. Молотов: А если в печати скажут «долой»?

Тов. Охаб: Уже говорят.

Тов. Замбровский: Мы долго не принимали никаких мер.

После XX съезда лучшие люди приняли с пониманием доклад т. Хрущева на съезде о культе личности, но одновременно, и здесь сказалось влияние врага, появились колебания и некоторая дезориентация. В это же время появились дела о Компартии Польши. Мы объясняли вопрос о КПП с точки зрения укрепления союза с КПСС. Но в это время наша партия не сумела наметить дальнейшего правильного пути. Вопрос о роспуске КПП вызвал рост националистических настроений. За это время чувствительность поляков в национальном вопросе углубилась. В связи с этим нам нужна гибкая политика.

Вы говорите, что мы плохо к вам относимся. Нам неприятно это слышать. Все мы вчера были против вашего приезда к нам, потому что боялись, что этот приезд будет понят хорошими коммунистами как нажим на решения пленума ЦК.

Тов. Молотов: Мы считаем положение исключительным, а не обычным, поэтому решили приехать.

Тов. Замбровский: Бывают такие моменты, когда надо считаться с настроениями.

Вернемся к вопросу о разногласиях. Часть товарищей в ПБ тянет назад. И у вас есть люди, которые тянут к старому. В последнее время мы по существу работали единогласно, но инициатива была в руках тех, кто правильно понимает XX съезд. Возьмем, например, «мелочь» — вопрос о 50^a советских офицерах. Никто не отрицал, что^b советские офицеры в армии нужны, и мы ничего не имели против них, но дело в том, что среди них есть около 40 человек советских граждан, которые служат в Войске польском 12 лет и до сих пор не приняли польского гражданства. Заместители министра национальной обороны должны быть, кажется, польскими гражданами, но тт. Поплавский⁵² и Бордзиловский⁵³ не хотят, боятся принять польское гражданство.

Тов. Микоян: Мы им не мешали в этом.

Тов. Замбровский: Но они не хотят. Есть также депутаты сейма, офицеры Стражевский⁵⁴ и Борткевич⁵⁵, которые тоже не хотят быть польскими

^a Далее зачеркнуто: советниках из СССР.

^b Далее зачеркнуто: советники.

гражданами. Есть также депутат сейма генерал Кеневич⁵⁶, который уже несколько лет не работает в сейме, так как живет в СССР.

Тов. Хрущев: Это не главный предмет, вы его раздуваете.

Тов. Замбровский: Это — мелочь, но для ее устранения понадобится, чтобы четыре члена Президиума ЦК КПСС приехали в Польшу.

Тов. Хрущев: Нет, мы не для этого приехали.

Тов. Замбровский: Мы обращались по этому вопросу к т. Рокоссовскому, но это вызвало у него непонятное беспокойство.

Тов. Молотов: Раздуваете, был бы повод для обострения отношений.

Тов. Замбровский: О поставках угля в Политбюро разногласий не было. К сожалению, это не надуманный вопрос.

Тов. Микоян: Об отмене низкой цены мы подписали документ еще в 1953 году по нашей собственной инициативе.

Тов. Замбровский: Мы поднимаем этот вопрос, так как тенденции, которые он отражает, наносит вред нашим отношениям. Мы могли бы продавать уголь в капиталистические страны по более выгодным ценам.

Тов. Молотов: Американцы дадут вам кредит, но за это хотят взять у вас голову.

Тов. Хрущев: Это — еще один шаг к порче отношений с нами.

Тов. Замбровский: Вы сегодня в некотором отношении разделили членов Политбюро на две категории, а я, видимо, числюсь в колеблющихся.

Тов. Хрущев: Да, а может быть уже и не колеблющихся.

Тов. Замбровский: Смотрите, товарищи, легко считать одних колеблющимися, а других нет.

Тов. Хрущев: Мы приехали не для того, чтобы делать раскол.

Тов. Замбровский: Почему же вы приехали сегодня, а не завтра?

Тов. Молотов: Неужели десять лет тому назад в Польше было больше друзей Советского Союза?

Тов. Каганович: Вы не только высказываете сомнение, но делаете оргвыводы.

Тов. Замбровский: Выступление т. Булганина во время приезда в Польшу в июле с. г. о польской печати было плохо воспринято общественностью⁵⁷.

Тов. Молотов: Значит плохо у вас идеологическая работа.

Тов. Замбровский: Если представитель ЦК КПСС на торжественном собрании критикует руководство братской партии, не поставив его предварительно в известность, то как это назвать?

Тов. Охаб: Тов. Булганин показал мне предварительно текст своей речи. У меня были замечания по оценке Познани, но не по оценке печати.

Тов. Замбровский: Я считаю, что мы можем договориться.

Теперь насчет тт. Моравского и Матвина. Есть товарищи, которые критикуют их, но никто не сомневается в их преданности Советскому Союзу.

Тов. Хрущев говорит, что не согласен с этим.

Тов. Замбровский: Вы плохо наших людей знаете. Это хорошие товарищи. Вы плохо информированы. Если бы и мы хотели смотреть на СССР^b глазами «Голоса Америки», то было бы плохо.

Тов. Хрущев: К сожалению, в «Голосе Америки» есть правильная информация о положении в руководстве ПОРП.

Тт. Микоян и Каганович: «Голос Америки» передает подробные сообщения по этому вопросу и кричит «вот Гомулка — национальный герой».

Тов. Замбровский: Мы считаем себя не меньшими друзьями СССР, чем другие.

Тов. Гомулка: Те, кого вы считаете друзьями и которые, по вашему мнению, должны руководить Политбюро...

Тов. Хрущев: Вы и они.

Тов. Гомулка: Тогда не будет работы. Или они — или другие. Если те, кого вы считаете друзьями, то последствия этого вы только потом узнаете.

Тов. Рокоссовский: Прошу Политбюро принять решение в связи тем, что обстановка осложняется. В Варшаве проводится работа по блокированию города. Я прошу Политбюро обратиться к рабочим, молодежи и интеллигенции с призывом к успокоению.

Далее т. Рокоссовский зачитывает сообщение о попытках вывести рабочих Варшавы на улицу и заблокировать город.

Тов. Хрущев: Я четвертый раз в Польше, но впервые вижу такое отношение к советским людям.

Тов. Охаб успокаивает присутствующих.

Тов. Завадский: Оптимизм ни к чему. Нужно, чтобы было опубликовано обращение Политбюро, в котором должно быть сказано, что прибыла советская делегация. Иначе события будут развиваться.

Политбюро ЦК ПОРП решило послать тт. Замбровского и Герека и на предприятия Варшавы для успокоения рабочих. Тт. Замбровский и Герек уходят с беседы.

Тов. Завадский: Надо сказать все друг другу до конца. Неправильно односторонне возлагать вину на одну или другую сторону. За создавшееся положение отвечаем главным образом мы. Причины трудностей были связаны с культом личности Сталина. В связи с докладом т. Хрущева о культе личности у вас, в СССР, было потрясение, но вы держали все крепко в руках. А у нас дело обстояло иначе. Дело осложнилось вопросом о роспуске КПП и смертью т. Берута. Хотя в стране было плохо, люди голодали, но т. Берут этого не видел и не хотел видеть.

^b Далее зачеркнуто: через.

Мы приветствовали поездку тт. Хрущева и Булганина в Югославию, но нам не понравилась пышность, с которой принимали Тито в СССР⁵⁸. Надо учитывать, что любую мелочь враги используют и раздувают.

Вчера т. Пономаренко сказал нам, что ЦК КПСС хочет послать делегацию. Я тоже был за то, чтобы вы приехали не сегодня, а после пленума ЦК. Обстановка у нас очень напряженная. Вчера было решено создать митинг студентов политехнического института с лозунгами — «Долой руководство», «Власть рабочему классу». Митинг удалось отменить. Мы понимаем, что принципиально получается нехорошо, что мы не хотели вас сегодня принять, но мы именно так расценивали положение, и я сейчас тоже так считаю. Вспомните, что когда был VI пленум ЦК, то пустили слух, направленный против т. Хрущева. Мы боялись, что и теперешний ваш приезд враги используют. Как будут массы реагировать на ваш приезд, это будет зависеть от того, как пройдет пленум, и каковы будут его решения. Рабочие^a доверяют нашей партии, но руководству не доверяют и имеют основание не доверять (довели до событий в Познани, стреляли в рабочих, довели до экономического разлада). В центре решений пленума будет вопрос о руководстве, о Политбюро.

В Политбюро создается нетерпимое положение — утечка сведений о заседаниях ПБ за границу. Я думаю, что имеются люди, которые даже пишут письменные отчеты о заседаниях ПБ и потом посылают их. Действует какая-то организация, шупальца врага. Например, вчера распространился слух, что т. Охаб имел беседу с т. Мао Цзэдуном, который якобы сказал, что поддержит независимость поляков против СССР⁵⁹. Генеральная линия врага — антисоветская. Заграница разрабатывает «Натолинскую группу». Так просто, случайно этого не может быть — это действует агентура.

О прессе и радио. Мы пробовали реагировать, меняли редакторов, но дело заключается во всем коллективе журналистов. Тов. Охаб видел положение в печати, но ставил вопрос неправильно, предлагал применять только административные меры. Мы лишь говорили, а надо было действовать, в результате к черту пошел авторитет руководства.

Тов. Каганович: У нас партия руководит идеологическим фронтом и печатью.

Тов. Хрушев: А вы контроль над печатью потеряли.

Тов. Охаб: Наибольший шум идет в Варшаве и Сталиногруде.

Тов. Завадский: Вопрос о злоупотреблениях в органах госбезопасности. Я согласен с т. Гомулкой, что нужно наказать виновников этих злоупотреблений и расчистить почву. Но я против того, что все эти нарушения — советский импорт. Я сказал, что и в этой области виновники у нас главным образом свои — польская разновидность бериевщины.

^a Далее зачеркнуто: заве[ряют].

Теперь скажу о советских советниках отдела информации Войска польского (контрразведки), которые допускали грубейшие нарушения законности. Как мне известно, из числа этих лиц отозван в СССР и осужден на десять лет Вознесенский⁶⁰, а также его зам[еститель] — Скульбашевский⁶¹. Тов. Гомулка предложил взять их от СССР и отдать под польский суд. Но я не согласен с этим, так как это лишь возбудит ненависть против СССР.

Какова линия раздела в Политбюро? По^a вопросу о демократизации принципиальных разногласий нет. Нужно работать по-новому, по-старому нельзя. Было бы безумно вести партию против народа. В результате такой политики мы имели Познань.

Но некоторая разница во взглядах есть. Плохо, что нет никаких ограничений в дискуссии и в демократизации. Мы не сумели взять в свои руки руководство демократизацией. В руководстве партии все дело. В этом наш исторический долг.

Об отношении к СССР^b. В основе дружбы с СССР — наше идеологическое единство. И как бы мы ни исправляли ошибки и чтобы ни делали, общая идеология остается основой наших отношений. Вместе с тем нужно устранять то, что дает добавочную пищу врагам.

Тов. Хрушев: Советский Союз помогал и помогает Польше. В 1946 году у нас на Украине был голод, было людоедство (спросите Ванду Василевскую⁶²), а мы вам дали хлеб⁶³.

Тов. Гомулка: О вашем тяжелом положении мы узнали позже, но я бы в таком положении на вашем месте хлеба не дал, чтобы не ухудшить настроения.

Тов. Хрушев: Не следует плестись в хвосте настроений.

Тов. Завадский: У нас общая идеология. Нужно учесть развитие обстановки, настроений и договориться. Нужно покончить с «разработкой» вопросов об угле, о советских советниках и офицерах.

У нас секретов перед СССР и руководством КПСС нет. Мы рассказываем вам все. Я приглашал совпосла т. Пономаренко и рассказывал ему об итогах пленума Комитета национального фронта⁶⁴. Но затем почему-то второй секретарь посольства пошел к техническому работнику — инструктору за материалами о моем докладе на этом пленуме и стал его выпытывать.

Тов. Молотов: Это неправильно. Этого не следовало делать.

Тов. Завадский: По этому же вопросу был приглашен в посольство член ЦК т. Калиновский⁶⁵. У меня был один католик, который говорил, что якобы различные машины едут к т. Гомулке, а затем в советское посольство.

^a Далее зачеркнуто: вопросам.

^b Далее зачеркнуто: Дружба с СССР.

Тов. Пономаренко: Это соответствует действительности?

Тов. Завадский: Нет. Но раз вы приглашаете наших людей в посольство, то может иметь место и «разработка» таких вопросов.

У нас были большие достижения в деле укрепления польско-советской дружбы, но теперь в этой области налицо регресс. И в партии имеются люди, которые против этой дружбы.

Тов. Охаб: Не против дружбы, а против вмешательства.

Тов. Завадский: Отдельные товарищи пробовали возражать против анти-советских настроений, но мы не взяли их в защиту, например, тт. Виташевского⁶⁶ и Клосевича⁶⁷. На Варшавском университете был повешен плакат с карикатурой на т. Клосевича и подписью «умер политической смертью».

Тов. Охаб: Это потому, что он связан с советским посольством.

Тов. Завадский: Я без всяких оговорок солидарен с советскими товарищами по вопросу о польско-советской дружбе и с их тревогой по этому поводу. Это их обязанность. Если бы Польша стала новой Югославией, то это было бы трагедией. Этот вопрос центральный. Тов. Охаб видел опасность, но не сумел организовать противодействия. Нужно это сделать теперь — на пленуме и после пленума, на заводах и фабриках. Я вижу огромную опасность положения. Враги рассчитывают на такую эмансипацию Польши, которая привела бы к ослаблению ее дружбы с СССР. Есть силы, которые сознательно действуют.

Об изменениях в Политбюро. Нам надо собраться, задуматься и может быть принять точку зрения, которая учитывала бы всю серьезность положения.

Надо подумать, как мы скажем народу о приезде делегации КПСС.

Тов. Гомулка: Только что получено сообщение о продвижении советских и польских танковых частей. В одном месте танк раздавил секретаря одной первичной парторганизации. Мы просим советских товарищей дать указание т. Коневу⁶⁸ приостановить продвижение войск.

Тов. Хрущев и другие советские товарищи разъясняют, что речь идет об обычных осенних учениях. Вместе с тем они дали согласие на дачу соответствующих указаний т. Коневу.

С 16 часов 30 минут до 19 часов был перерыв. После чего беседа была продолжена.

Тов. Хрущев: Мы получили информацию, что секретарь Варшавского горкома ПОРП Сташевский⁶⁹ мобилизует рабочих всех варшавских заводов в пользу предложений о будущем составе Политбюро и призывает их, «если надо» — выйти на демонстрацию.

Тов. Завадский: Это верно.

Тов. Хрущев: Как же так?

Тов. Гомулка: Я сам считаю, что это неправильно, решение Политбюро со списком нового состава руководства не должно было идти на фабрику. Такой практики не должно быть.

Тов. Хрушев: Сташевский вас не послушался?

Тов. Гомулка: Я с ним не говорил. Сташевский, как член ЦК, получил список предложенных кандидатов в руководство. Никакой контрреволюции в этом я не вижу.

Тов. Каганович: Это подрыв партийности.

Тт. Хрушев и Микоян: Как же так? Члены ЦК не смогут решать вопроса без нажима.

Тов. Гомулка: Распространение списка не мешает выборам нового Политбюро, если у членов ЦК есть свое мнение, а если у них своего мнения нет, то они недостойны звания членов ЦК.

Тов. Хрушев: Этот факт в вашу пользу, поэтому вы поддерживаете Сташевского. На улице нельзя решать такие вопросы, но вопрос уже вынесен на улицу.

Тов. Молотов: Говорил ли ЦК ПОРП с Варшавским горкомом?

Тов. Хрушев: Такие вещи у нас исключены.

Тов. Каганович: Такой демонстративный метод может применять оппозиция или оппозиционная партия. Это недопустимо с точки зрения ленинской партийности.

Тов. Хрушев: Как можно выносить вопрос о составе Политбюро на решение улицы?

Тов. Юзвяк: На нас крепко повлияла смерть Берута, а потом доклад т. Хрущева на съезде о культе личности. После XX съезда КПСС наше руководство не сумело правильно руководить. Это отрицательно повлияло на партийную работу и на рабочий класс. Процесс демократизации начался стихийно. Каждый понимал демократизацию как хотел. Ведь у нас диктатура пролетариата и народная демократия как ее форма. Это — демократия. Ее нужно углублять. Но направление этого углубления демократии не было определено. Враги народа влились в это русло, понимая демократизацию по-своему. Наше руководство не сумело взять этот стихийный процесс демократизации в свои руки.

За последнее время было очень много антипартийных и антисоветских выступлений в стране. Большое значение имела пропаганда империалистов. Даже часть наших хороших честных товарищей подверглась чуждым влияниям. Это отразилось даже в «Трибуне люду», не говоря уже о других органах печати.

А что делало руководство? В руководстве вопросы демократизации, прессы, радио обсуждались, но необходимых мер не было. Вопрос о Моравском и Матвине рассматривался еще до VII пленума ЦК. На Политбюро согласились, что нужно, как действовать, но на практике ничего не было.

Некоторые наши товарищи говорят, что если применить оргвыводы, то тем самым мы будем тормозить демократизацию. Но не было не

только оргвыводов, но даже и ответов в печати на антипартийные и антисоветские статьи.

У нас чувствуется враг, который укрыт очень глубоко и действует очень хитро. После XX съезда КПСС начали бить по органам безопасности, потом по партии, по руководству ПОРП и правительства. В конце концов, дошли до того, что на Совете Министров министры говорят «Когда это кончится, на нас со всех сторон клеветают». Антисоветская пропаганда разворачивается тоже не в последнее время, а идет уже давно.

В нашей оценке политики в стране имелись разногласия. Некоторые товарищи говорили: враг активизируется, активизируются реакционные элементы в АК⁷⁰, в крестьянской партии (тов. Хрущев: это естественно). Говорили, что есть враги, которые^a помогают антисоветской травле: вопрос о поставке угля. Мы решили на Политбюро, что по этому вопросу надо поговорить с советскими товарищами, а спустя два-три дня уже говорили по всей стране, что СССР нас «обманул». Некоторые товарищи говорили, что эта антисоветская травля усиливается.

По моему мнению, дело не в советских офицерах, поставках угля и т. д. Дело в том, что кому-то [это] выгодно и он поднимает эти вопросы. Тов. Рокоссовского сделали антисемитом. После событий в Познани началась травля против Войска польского. Где-то кто-то есть, кому выгодно разлагать партию, государственные органы и армию. Кто-то очень умело действует, но мы не сумели ему дать отпора.

Были ли у нас в Политбюро принципиальные расхождения? По-видимому, нет. Товарищи говорят, что все эти мелочи дают повод для антисоветских настроений. Рокоссовского делают антисемитом. Когда на Политбюро в свое время встал вопрос о выводе т. Бермана⁷¹, товарищи выступали с разной остротой; на этом основании были обвинены в антисемитизме тт. Рокоссовский, Новак⁷², Завадский.

На VII пленуме т. Новак выступил по вопросу о регулировании еврейских кадров и выдвижении национальных кадров. Содержание было правильным, но форма может быть слишком острая. Это вызвало реакцию на Политбюро, а потом началась «разработка» в том духе, что т. Новак антисемит, «фашист-коммунист».

По вопросу о демократизации у нас в Политбюро нет такого человека, который тянул бы в другую сторону.

Я принадлежу к тем, кто стоит за принятие решительных мер в целях пресечения антисоветских настроений. Мы получили документ о некоторых людях, которых надо призвать к порядку. К таким людям, которые не выполняют решений Политбюро, нужно принять революционные, партийные меры, но и воспитывать их. В отношении же тех, кто

^a Далее зачеркнуто: понима[ют].

не поддается, применять оргвыводы. Но это — не главное расхождение между нами.

Мы не хотим возвращаться к фактам нарушения коллегиальности руководства. Я согласен, что наше руководство в основном не было руководством. Оно принимало решения, но никто их не проводил в жизнь.

Не ясно, почему именно сейчас, когда такая большая травля против СССР, мы хотим отправить советских советников. Нужно, чтобы т. Рокоссовский посмотрел, кого можно отозвать, но делать это нужно постепенно.

О Политбюро. В заграничной печати и радио много шумят о т. Гомулке. Тем не менее, многие хорошие товарищи считают, что его нужно ввести в руководство. По вопросу о новом составе руководства было два предложения. Одно предложение — чтобы Политбюро сложило полномочия на пленуме и что[бы] был избран численно сокращенный состав Политбюро. Второе предложение — чтобы оставить старый состав, но ввести т. Гомулку; за это предложение голосовало лишь два человека.

О т. Рокоссовском. Мы его ввели в ЦК, в Политбюро, назначили вице-премьером, а теперь, снимая его из Политбюро и правительства, даем оружие в руки реакционных элементов.

Поэтому я считаю, что нужно оставить старый состав Политбюро, ввести в него т. Гомулку и сделать его секретарем.

Во время подготовки к VIII пленуму ЦК в проекте резолюции пленума говорилось о Советском Союзе, что нам это не понравилось; вокруг этого вопроса также развернулась дискуссия. Но это — не глубокие политические расхождения. Состав будущего Политбюро должны решить только члены ЦК, а на деле получается, что с предложением Политбюро по этому вопросу знакомят городской актив и даже рабочих на заводах. Это безобразие. Я считаю, что это делается не случайно, а кто-то сознательно действует, чтобы сделать невозможным свободный выбор руководства на пленуме.

Тов. Хрушев: Абсолютно правильно^а.

Тов. Юзвяк: На словах мы откровенны, а на деле получается иначе.

Тов. Хрушев: Именно с этой целью список будущего Политбюро был роздан членам ЦК и послан на заводы.

Тов. Новак З.: Обстановка очень опасная. Я неоднократно говорил в Политбюро свое мнение: дело не столько в том, за или против демократизации, дело в борьбе за власть. Тов. Юзвяк уже говорил, как шла эта работа. Сначала атака на часть руководства, затем на все руководство, на партию, на СССР, на всех святых. Охаять их, чтобы сказать: вопрос

^а Далее зачеркнуто: На словах мы откровенны, а на деле получается иначе.

не в человеке, а в системе. Это — линия контрреволюционеров, некоторые говорят, что при помощи революции можно свергнуть бюрократическую власть и установить власть рабочих.

По вопросу о демократизации у нас разногласий нет. Я не согласен с т. Гомулкой, что якобы имеются люди в руководстве, которые хотят работать по-старому. Но вопрос в том — к чему мы стремимся и чего хотим в результате демократизации.

Наша вина, что мы дали волю всем. Наше руководство не сумело справиться с положением. Мы говорили о демократизации вообще, о демократизации на заводах, о предоставлении народным советам большей власти. С этим все согласны. Но когда встали другие вопросы — о том, что активно действует враг — то были расхождения. За антипартийные действия исключили из партии лишь одного человека.

Тов. Охаб: И то был шум по всей стране.

Тов. Хрущев: Журнал «Новая культура» на днях писал, что надо закончить с лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Тов. Новак: Таких лозунгов много было. У нас говорят, что авторы этих статей — хорошие товарищи и их нельзя обижать. Я не считаю эти разногласия мелкими. В основе — принципиальные политические разногласия. Я не считаю правильными разговоры насчет настроений масс. Настроения создаются и организуются. Для создания нынешних настроений была проведена большая организационная работа. Например, варшавские активисты ездили с этой целью по всей стране.

Тов. Хрущев: А Политбюро видело это и потворствовало.

Тов. Новак: Да, и мы виноваты в этом. Центральная комиссия партийного контроля пыталась принять меры, взялась за это дело и ошпарилась. Но нее набросились с криками, что это зажим демократии. То, что сейчас происходит в Варшаве, очень хорошо организовано. На Политбюро мы обсуждали кандидатуры нового состава ПБ всего два дня назад. Я не знаю, кто дал указание раздать проект нового состава ПБ членам ЦК. Этого на Политбюро мы не решали.

Тов. Завадский: Тем более не разрешали сообщать этот проект на заводах.

Тов. Каганович: Такой практики в партии не должно быть.

Тов. Гомулка: Действительно ли не было такой практики, чтобы нельзя было раздавать проектов членам ЦК без особого разрешения?

Тов. Замбровский: Ничего особенного тут нет.

Тов. Новак: Мы, т. Замбровский, знаем, что пленум имеет право десять раз переменить наш проект.

Тов. Гомулка: А вы разве считаете, что есть нажим на пленум?

Тов. Новак: А почему этот список кандидатов в новое ПБ сегодня развозили членам ЦК ночью — мне в 12 часов, а т. Гереку — в 2 часа

ночи? (Тов. Рокоссовский — а мне совсем не прислали). Вчера в 7 часов вечера мы были на заседании Политбюро, но тогда нам этого проекта не раздали, а ночью разослали, чтобы предупредить возможное влияние приезда делегации КПСС. Я не знаю, кто давал поручения рассылки этого проекта.

Тов. Охаб: Дело в том, что у нас ненормальные отношения в партии и сразу же после заседания ПБ идут сплетни по всей Варшаве, а члены ЦК не знают, в чем дело. По предложению нескольких товарищей я дал согласие на рассылку списка членам ЦК.

Тов. Гомулка: Какой[-то] аппаратчик перестарался и разослал ночью.

Тов. Хрущев: Не упрощайте вопроса.

Тов. Гомулка: Меня тоже как-то ночью разбудили, чтобы получить пакет, но тогда это был не кадровый вопрос.

Тов. Хрущев: Мы вас считаем крупным политическим деятелем, а вы так говорите, что или себя умяете, или нас считаете дураками.

Тов. Гомулка: А я другим не буду.

Т. Микоян и Каганович: Тов. Новак говорит очень правильно и логично. Факт со списком — это опять доказательство большой фракционной работы.

^aОб отношениях с Советским Союзом. Есть ли у нас антисоветское настроение? Да. Больше они, чем раньше? Нет. Но есть такие вопросы, которые мы можем урегулировать. Например, о советниках, — мы даже не пробовали говорить об этом с советскими товарищами, но мы этот вопрос раздуваем и он вырастает до огромных размеров.

Насчет угля — тоже серьезный вопрос. Нужно разобраться, так как, видимо, у нас и у советских товарищей различные цифры. Но дело в том, что еще две недели тому назад члены Политбюро этого вопроса об угле не знали.

Тов. Микоян: Сам этот вопрос на улицу не вышел, его кто-то вынес.

Тов. Новак: Это слишком серьезный вопрос. Его надо решить без шума и крика. Одни говорят, что из СССР идет антисемитизм, другие — что СССР эксплуатирует Польшу. Отпора мы этому не давали и не даем и выводов не делаем. ~

Тов. Хрущев: Говорят, что сегодня на открытии пленума ЦК ПОРП имели место истерические выкрики в адрес советской делегации «Зачем они приехали!».

Тов. Новак: Я бы не сказал, что т. Хрущев прав^b, разделяя членов ПБ на те[х], кто больше любит СССР и меньше его любит.

Тов. Хрущев: Дело не в любви, а в политике.

^a Фамилия выступавшего не записана. Предположительно, Зенон Новак.

^b Далее зачеркнуто: говоря.

Тов. Новак: Тт. Моравского и Матвина я считаю честными (т. Хрущев — я с этим не согласен), но их политика может ослабить нашу дружбу с Советским Союзом. Весной этого года я по поручению Политбюро выступал на совещании в Москве очень резко по вопросу об угле⁷³. Но это был деловой спор. Не в этом разногласие. Дело в том, что это^a споры, которые могут быть^b, но они используются для разжигания антисоветской травли. И в этом вопросе есть разногласия.

О проекте изменения состава руководства. Я согласен, что этот вопрос имеет большое политическое значение, особенно о т. Рокоссовском.

Тов. Хрущев: Фамилия т. Рокоссовского выносятся как демонстрация конфликта с СССР. Надо понять, какой отклик это найдет в капиталистическом мире.

Тов. Новак: Старое руководство не справляется. Но в состав нового руководства, предлагаемого проектом ПБ, входят товарищи (за исключением тт. Охаба и Завадского), которые считают, что демократизация — это такое дело, на основе которого можно исправить положение в стране.

Тов. Завадский: Это неправильно, я не против демократизации.

Тов. Новак: Я понимаю так^c: демократия демократией, но выступлений против партии мы допускать не можем. Я не считаю, что все нужно сводить к административным методам, нужна большая политическая работа.

Тов. Молотов: А разве есть такие товарищи в ПБ, кто хочет свести все к одним административным мерам?

Тов. Новак: Если изберут такое Политбюро, которое не будет решать вопросов, то дело не пойдет. Мы забываем ленинское положение о дисциплине, о том, что после принятия решения надо его выполнять (тов. Микоян — правильно). Секретариат ЦК ПОРП должен был проводить в жизнь решения Политбюро^d, но не проводил их, так как знал, что часть членов ПБ считает эти решения невыполнимыми.

Могут быть два выхода. Или создать Политбюро, которое пошло бы по пути либерализации. Я считаю такой выход неправильным. Отсюда возник и вопрос о выдвижении^e именно такого состава ПБ. Это политический вопрос, например, в отношении т. Моравского, которого мы сняли с «Трибуны люду», а теперь он идет в Политбюро. В этом факте отражается изменение линии партии.

Я стою за такое Политбюро, которое обеспечит укрепление дружественных отношений с Советским Союзом.

^a Первоначально было: эти. Исправление внесено карандашом.

^b Далее два слова вписано карандашом над строкой.

^c Далее зачеркнуто: демократией.

^d Далее зачеркнуто: так.

^e Далее зачеркнуто: таког[о].

В ходе своего выступления т. Новак сказал, что считает заниженными цифры об уровне средней реальной заработной платы (60–70% от довоенного уровня), упомянутые т. Гомулкой.

Тов. Циранкевич: Я раньше не был коммунистом. До войны я был в ППС, сторонником единого фронта с коммунистами. Во время войны также. Теперь я тоже считаю, что без дружбы с СССР и КПСС нельзя строить социализм и упрочить независимость Польши. Я не согласен с оценкой положения в Польше, данной тт. Юзвяком и Новаком.

Тов. Циранкевич защищает политику «демократизации», проводимую руководством ПОРП, и выступает в поддержку предложений ПБ о новом составе Политбюро. В частности, он критикует т. Рокоссовского и обвиняет его в том, что он вел себя в Политбюро вызывающе и стучал кулаком по столу. **Тов. Циранкевич** напоминает, что во время пребывания тт. Хрущева и Конева в Варшаве в 1955 году им пришлось поправлять т. Рокоссовского в его отношении к т. Беруту.

Тов. Циранкевич поднимает вопросы о якобы неравноправных поставках польского угля в СССР, о советских офицерах и советниках и обвиняет делегацию Президиума ЦК КПСС во вмешательстве в польские дела. Затем развернулась острая полемика между тт. Хрущевым и Циранкевичем.

Тов. Хрущев напомнил, что советские товарищи были против попыток вышибить Циранкевича из руководства ПОРП и охарактеризовал линию т. Циранкевича как сознательные действия, направленные на ослабление дружбы с Советским Союзом.

Тов. Гомулка говорит, что получены новые сообщения о положении в Польше. Движение советских и польских танков продолжается. Имеются случаи наезда советских танков на поезд, разбит один вагон, раздавлен человек, нужно смотреть на правду так, как видит ее народ. В Замброве советский танк наехал на линию электропередачи высокого напряжения, Замбров в темноте, фабрики не работают.

Можно сказать, что все это случайности. Все бы так понимали, если бы вас не было.

Тов. Хрущев: Народ иначе понимает. Вы завершаете свой антисоветский путь.

Тов. Гомулка: Я спрашиваю — что означают ваши слова, сказанные утром, «мы готовы на решительное вмешательство»?

Тов. Микоян: Почему вы все знаете, что происходит в Польше, а то, что проводятся обычные учения, не знаете?

Тов. Гомулка: Мы не можем сказать народу, что как раз в день вашего приезда начались маневры.

Тов. Микоян: Учения планировались давно. А вы разве сомневались, что факт гибели одного человека это случайность?

Тов. Гомулка: Я бы думал, что это случай, если бы не слова т. Хрущева о вмешательстве и если бы не двигались танки. Иногда правда в глазах масс — другая, чем действительная правда. Например, возьмем т. Клоевича. Он человек честный, я с ним во всех принципиальных вопросах согласен. Но профсоюзы у нас не имеют авторитета, обюрократились, а за это отвечает Клоевич. Если мы выдвинем его кандидатуру, то рабочие не согласятся с нами. Рабочий класс видит в т. Клоевиче виновника.

Так же и в данном случае — как раз в день вашего приезда движутся польские и советские войска. Польский народ может только думать, что это советское вмешательство. Если мы хотим нормализации положения, то должны прекратить движение танков.

Тов. Микоян: А разве их движение не прекращено? Этого не может быть. Коневу указание дано.

Тов. Хрущев: Когда мы говорили о распространении в Варшаве списка будущего Политбюро, то вы сказали «надо проверить», а когда выдвигаются обвинения против СССР, то и без проверки «дело ясное».

Тов. Охаб: Мы вчера просили т. Мочалова⁷⁴, чтобы сегодня не было никаких передвижений войск.

Тов. Гомулка: Положение может еще ухудшиться.

Тов. Рапацкий: Давить людей — это, конечно, случайно, но движение танков — не случайно.

Тов. Микоян: Вы подрываете нашу дружбу.

Тов. Гомулка: Дружба нам больше нужна, чем вам, и все мыслящие люди в Польше это понимают. О внутреннем положении Польши мы можем выслушать ваше мнение. Но окончательно решать — наше дело. Тов. Хрущев вмешивается в наши дела и неправильно говорит, что мы против дружбы.

Тов. Каганович: Тов. Хрущев дает лишь политическую оценку фактов.

Тов. Гомулка: Тов. Хрущев сказал, что вывод т. Рокоссовского из Политбюро будет означать разрыв Варшавского пакта.

Тт. Хрущев и Микоян: Да.

Тов. Гомулка: Вы не имеете права угрожать нам.

Тов. Хрущев: Вы знаете условия, сложившиеся после разгрома гитлеровской Германии. Сейчас мы имеем большие войска в Германии и для нас исключительно важна связь с ними.

Тов. Гомулка: Разве большие? Я читал, что вы сократили свои вооруженные силы в Германии.

Тов. Хрущев: Не будьте наивным. Мы не хотим нового похода через Варшаву на Москву и поэтому вынуждены держать войска в Германии.

То, что вы задумали — очень опасно. Мы считаем, что это шаг к разрыву.

Тов. Гомулка: Что вы предлагаете?

Тов. Хрущев: Поправить дело. Принять меры против общих врагов и восстановить политику дружбы с СССР.

Тов. Микоян: Мы не хотим диктовать, вы сами найдете выход.

Тов. Гомулка: Я не вижу другого выхода, кроме того, который мы наметили. Если пленум ЦК не согласится с нами, то я отбросить решение ЦК не смогу, но буду лишь думать, что решение неправильно.

Тов. Хрущев: Один лишь факт рассылки списка нового состава ПБ и угроза вывода на улицу демонстрации говорят о том, что дело обстоит не так, как вы говорите.

Тов. Гомулка: Мы разослали людей по фабрикам, чтобы сдерживать рабочих.

Тов. Микоян: Мы критикуем не это, а факт рассылки списка. Почему такое отношение к братской партии?

Тов. Гомулка: Я не был бы против того, чтобы Политбюро само^а устанавливало список нового состава ПБ для представления на съезд и говорило об этом рабочим.

Тов. Микоян: Но список разослан специально к нашему приезду.

Тов. Хрущев: Если бы рабочих призывала выйти на улицу лишь первичная парторганизация, то это было бы одно дело. Но это делает секретарь Варшавского горкома партии — кандидат в члены ЦК. Это организовано специально против нас.

Тов. Охаб: Это фракционная работа. Мы осуждаем этот факт.

Тов. Гомулка: Дальнейшие разговоры между нами ничего не дадут. Нужно выработать совместное коммюнике для успокоения в стране.

Тов. Хрущев: Вот сижу я и думаю — вы хотите освободиться от наших советников в армии и КГБ. Мы не можем настаивать на их оставлении. Вот китайские товарищи просят у нас советников, но мы даем им вчетверо меньше, чем они хотят. По секрету говоря, нам это накладно. Мы радуемся, когда братские компартии выращивают свои кадры и когда можно отзывать советников. Я не хочу их задерживать.

Злых умыслов у нас к вам и в мыслях нет. Я больно переживаю. Нас огорчает, что Польская объединенная рабочая партия, с которой мы вместе боролись, делили горести и радости, теперь отходит от дружбы с нами.

Тов. Гомулка, вы обидели меня своим ответом по поводу^а поставок советского хлеба во время голода на Украине в 1946 году. Пусть это будет на вашей пролетарской совести. Откуда бы вам взять тогда хлеб?

Тов. Ендриховский: Действительно, неоткуда.

^а Далее зачеркнуто: решало.

^а Далее зачеркнуто: состава.

Тов. Хрущев: Мы вам помогаем, но учтите, что у нас самих лишних денег нет.

Тов. Гомулка: А у нас положение гораздо хуже.

Тов. Хрущев: Мы считали своим пролетарским долгом помочь народной Польше создать индустрию. Теперь это связывается с недостаточным жизненным уровнем, и я боюсь, что в польской печати начнет гулять версия, что мы виноваты. Иногда говорят об Иване, а думают о Петре.

Я признаюсь, что мы приехали, чтобы сказать вам и повлиять на вас. Мы считали своим коммунистическим долгом сказать, что шаги, которые вы проводите, чреваты тяжелыми последствиями. Суть заключается в том, что вы сеете семена разрыва. Я вижу, что вы не хотите с нами считаться и не считаетесь. Принимайте ваши решения, но знайте, что ответственность вы берете на себя.

Тов. Гомулка: Мы знаем, что сами отвечаем за положение в Польше.

Тов. Хрущев: Я говорю об ответственности не только внутренней, но и перед всем нашим лагерем.

Мы приедем домой и обсудим на Президиуме ЦК, как быть. Мы не уверены, что в один прекрасный день не будут нарушены наши коммуникации с советскими войсками в Германии, а там люди стоят на переднем крае обороны — обороны социалистического лагеря, в том числе и Польши.

Тов. Каганович: Речь идет о том, что в тылу нашей армии вы объявляете, что освобождаете Рокоссовского. Как это поймут враги?

Тов. Хрущев: Дело не в фамилии Рокоссовского. Но он прошел славный путь войны от Сталинграда до Берлина. Это герой и гордость польской нации. Он в известной степени является символом нашей дружбы и дружбы между нашими армиями, он заместитель командующего объединенных вооруженных сил Варшавского пакта. Я не могу понять его устранения. Этого даже комсомольцы не поймут. Я не могу поверить, что вы делаете все для укрепления дружбы, факты говорят об обратном.

Вы отсекаете честных людей. Юзвяк есть Юзвяк, он завоевал место в рабочем классе, а теперь ему нет места в руководстве партии. Новак — тоже. Герек — рабочий, поляк. В чем дело? Это все делается для «единства», «для консолидации сил». Это не наши, а ваши люди. Мы за сохранение этих людей, независимо от их имени и фамилии, раз они коммунисты.

Тов. Гомулка: Но решать будем мы.

Тов. Хрущев: Ну, делайте. Мы очень хотели сказать все пленуму ЦК ПОРП. Вы считаете, что это не в интересах ваших и наших. Но с каких это пор встреча между нами и польскими революционерами перестала отвечать интересам наших стран? И вы, Гомулка, приходите под этим знаменем к руководству партией и государством.

Мы уезжаем обеспокоенные. Мы отвечаем не только за свою страну, но и за политику всего социалистического лагеря. Мы летом помог-

ли вам экономически⁷⁵. Укрепление ПНР — это радость не только для польского, но и для нашего народа. А сейчас нам плюнули в лицо, и несправедливо. Но мы не размазня и не скажем «спасибо», а будем искать выхода.

Когда вы просили хлеба, мы давали. Мы покупаем масло за золото и даем ГДР. Иначе пришлось бы отдать ГДР на съедение империалистам. Помогать ГДР — наш пролетарский интернациональный долг.

Почему вы от нас хотите отгородиться? Насчет угля — я ругал наш Госплан, что мы поставлены в зависимость от польского угля. С 1959 года мы у вас ни одного килограмма угля не возьмем. Когда теперь мерзавцы поднимают вопрос об угле, то можем ли мы спокойно смотреть на это. В чем вы нас подозреваете? Говоря по-мужички, дружить с вами для нас — большое хозяйственное обременение. Мы в голодный 1918 год копили хлеб для помощи спартаковцам на случай их победы. Пока мы живы, у нас не будет выступлений против лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Почему вы пускаете в печать статьи против марксизма, против СССР?

Тов. Каганович: У нас тяжелое чувство, что вы скрываете от нас свою действительную политику. Вопрос об отсечении части Политбюро — это не вопрос удобства управления.

Тов. Гомулка: Почему вы помогаете ГДР? Потому ли, что там плохие настроения?

Тов. Каганович: Нет, не поэтому. Мы помогаем хлебом Румынии и Югославии и вам будем и впредь помогать. Разве мы [не] делимся с Польшей? А вы придираетесь к слову «угроза», «танк». Не хорошо заниматься блохоловством.

Тов. Молотов: Польские руководящие товарищи в первую очередь несут ответственность за свою страну. Но наше положение таково, что мы чувствуем ответственность не только за свою страну, но и за все страны народной демократии. Поэтому когда мы говорим вам свое мнение, а вы сказали — «вмешательство», то это не отвечает общим интересам. Вы открыто допускаете антисоветскую пропаганду и охаивание лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Путрамент в своей статье выдвинул в качестве главных лозунгов^a — гласность, демократизацию, децентрализацию и суверенитет. А где же социализм, за который боролись поколения польских революционеров? Эти лозунги Путрамента — буржуазные лозунги.

Тов. Замбровский говорил, что у вас осуществляется решительный поворот, но речь идет о том, куда поворот. Неужели вы думаете, что мы можем допустить поворот Польши против польско-советской дружбы? Неужели этого нельзя понять? Польско-советская дружба — в интере-

^a В тексте: лозунгом.

сах Советского Союза, но еще больше в интересах Польши. Вы должны знать наше мнение по этим вопросам. Но ваше поведение теперь — это не то, чего мы ожидали и на что надеялись.

Тов. Хрущев: До чего дошло — требуется специальное воззвание к рабочим, чтобы успокоить их в связи с приездом делегации КПСС. До чего^b вы довели! Я был раньше в Варшаве и на предприятиях и видел симпатии польских рабочих к советскому народу и КПСС. А теперь что делается?

Тов. Рапацкий: Дайте нам доверие, и весь польский рабочий класс поддержит нас и исправит положение.

Тов. Хрущев: Доверие — это не фунт колбасы. Если вы не питаете доверия к нам, то как мы можем иметь доверие к вам?

Тов. Замбровский: Почему такое положение, что мы должны удерживать рабочих...

Тов. Хрущев: Вы лично много поработали в этом направлении.

Тов. Замбровский: Дело в том, что у нас кризис руководства.

Тов. Каганович: Это не случайность.

Тов. Рокоссовский: Мое положение самое щекотливое. Все помнят, что я приехал по приглашению ЦК ПОРП. Я говорил, что у меня нет опыта государственного деятеля, что я лишь неплохой полководец. Я просил, чтобы меня не брать, так как мне будет трудно. Тов. Берут сказал, что ЦК ПОРП не может отказаться, так как мой приход подчеркнет, что кто бы ни посягнул на границы Польши, он тем самым посягнет и на границы СССР; в этих условиях капиталисты не посмеют напасть на Польшу. Я согласился, но поставил условие, что буду работать, если найду поддержку партии. До смерти т. Берута армия и я получали поддержку ЦК.

Теперь отношение к армии вообще резко изменилось. Появилась подозрительность. Два года тому назад внесен проект положения о Главном политическом управлении как органе ЦК, но проект не утвержден до сих пор. В Политбюро, особенно со стороны т. Замбровского, имеются тенденции создавать бесконечные партийные и правительственные комиссии для проверки положения в армии. Вместо этого следовало бы действовать через Главное политическое управление и заслушать на ПБ мой доклад, о чем я давно просил. Армию обвиняют в том, что в ней нет критики, что в ней ненормальное положение с точки зрения демократизма.

В своей работе по подготовке армии мы берем пример с Советской армии — самой лучшей армии в мире.

Откуда появилась подозрительность? Сегодняшний день — прямая пощечина мне. Это было счастьем, что в Познани войска стояли в 24 кило-

^b Далее зачеркнуто: чего.

метрах от города, а сегодня положение хуже. Я дал указание^с о приведении в готовность войск в 250 километрах от Варшавы, а также в Замброве, но войска остались на месте. Брошено подозрение, что армия пойдет против своего правительства. Это — позор! В Познани не было ни одного случая отказа от выполнения задания. Армия была и есть орудие народной Польши.

Но сегодня в Варшаве идут разговоры о привлечении милиции и внутренних войск для того, чтобы вооруженной силой поддержать список нового состава руководства. По этому же вопросу работники горкома партии обращались к дежурному офицеру военной академии. Вы хотите разложить войска. Идеологи этого — тт. Замбровский и Матвин.

Отвечу т. Гомулке. В ноябре 1949 года было принято решение ПБ о том, что армия засорена у нас и вас — Гомулку и Спыхальского⁷⁶ — обвиняли в том, что изгонялись из армии советские офицеры, приглашались офицеры из западных стран. Ведь тогда появилась гомулковщина и спыхальщина.

По окончании войны^а в Войске польском было 17,8 тысяч советских офицеров. Никакой агитации тогда против них не было. Сейчас в Войске польском всего 49 советских офицеров — граждан СССР и 26 советников. Как известно, ПБ ЦК ПОРП просило прислать 250 советников, но их имеется всего 26. Наши кадры еще не выросли, чтобы занимать такие посты в Войске польском. Идет речь также о советских офицерах — поляках, принявших гражданство Польши; таких имеется 700 человек.

В связи с предложением об увольнении советских офицеров мы спрашивали: смена курса? Куда мы идем? Ответа не получили. Тт. Матвин и Замбровский выступали в армейских парторганизациях и говорили, что пора и в Войске польском ввести демократизацию.

Я при такой обстановке министром не могу быть и прошу Политбюро ЦК ПОРП и Президиум ЦК КПСС обсудить вопрос о моей отставке.

Отвечаю т. Циранкевичу о моем поведении на Политбюро. Я действительно не выдержал, так как зажимали Завадского, но потом извинился. Не один я тогда горячился.

Тов. Охав: Я считаю своим долгом бороться за дружбу с СССР, так как и у меня есть большое беспокойство. Меня больше всего пугает волна антисоветских настроений. Конечно, мы виноваты. Мы не сумели по-настоящему выступить против этих настроений и теперь факт налицо — приходится опасаться выступления рабочих против советской делегации.

Тов. Хрушев: Радуйтесь! Вы и Матвин достигли этого.

Тов. Гомулка: Это неверно. Виноваты не мы и не вы, а внутренняя обстановка.

^с Далее зачеркнуто: о подготовке о про...

^а Далее зачеркнуто: в Польше.

Тов. Охаб: В Польше есть враги и действует вражеская агентура. Но в ухудшении настроений вряд ли нет некоторой вашей вины — жесты, формы отношений и т. п. Подумайте вместе с нами, как исправить положение. Нехорошо, что наш разговор протекает в таком резком тоне. Нам надо еще поговорить, может быть наша делегация поедет в Москву через несколько дней⁷⁷, чтобы не сделать по горячности чего-либо неожиданного.

О руководстве. Я считаю всех товарищей честными и преданными. Очень важно, чтобы т. Гомулка был первым секретарем и чтобы Политбюро сплотилось вокруг него.

Тов. Каганович: Разве можно членов Политбюро подбирать под первого секретаря?

Тов. Охаб: Мы пришли к хорошему выводу об избрании т. Гомулки первым секретарем. С этим согласны почти все члены Политбюро. У т. Гомулки остались следы обиды, но рука у него крепче моей.

Я хочу подчеркнуть жизненно важный для нас вопрос. Мы подписали, как известно, декрет о повышении зарплаты, но теперь подсчитали и выяснилось, что денег у нас не хватает. Поэтому нам нужна помощь.

Очень плохо, что нарастает угроза ухудшения отношений между нами.

Тов. Хрущев: Вы добьетесь, что конфликт разгорится, а тогда скажете — «очень хорошо»!

Тов. Охаб: Плохо, что мы так разговариваем друг с другом.

Тов. Хрущев: Сейчас в Польше глотку зажимают тем, кто борется за польско-советскую дружбу. Вы действуете нечестно, вы говорили раньше одно, а вышло другое.

Тов. Охаб: Не все от меня зависит. Кроме того, я неправильно оценивал положение, слишком много говорил о необходимости организационных мер. Я считаю, что мы должны непосредственно после пленума договориться.

Тов. Каганович: Надо было бы закончить обсуждение и договориться сейчас, до решения вопроса о новом составе Политбюро. Нельзя уйти от того факта, что мы приехали к вам.

Тов. Хрущев: Если бы эта наша встреча была успешной, то это было бы историческим поворотом к восстановлению хороших отношений. Но вы не хотите! Тов. Гомулка отвечает за это.

Тов. Гомулка: Вопрос о составе Политбюро — это наш внутренний вопрос.

Тов. Хрущев: Смысл ваших слов таков: поворачивайте в Москву, а мы сами с усами.

Тов. Завадский: Мы, члены Политбюро, находимся перед пленумом ЦК, на котором должны быть внесены некоторые изменения в состав ПБ. Я не согласен с предложениями т. Гомулки по этому вопросу, хотя раньше

подходил иначе к этому вопросу. Мы не можем, как коммунисты, так делать. Не будет правильно, если мы так безрезультатно разоидемся. Линией т. Гомулки я недоволен. Советские товарищи пришли встревоженные и мы должны пойти им навстречу. Я скажу об этом пленуму ЦК. Я не верю, что польский рабочий класс пойдет против СССР.

Тт. Хрущев и Каганович: Правильно, слышим голос большевика!

Тов. Завадский: У каждого из нас в душе трагедия.

Тт. Хрущев и Каганович: И у нас.

Тов. Ендриховский: Но вы неправильно считаете, что дружба будет тогда, когда в ПБ войдут люди, которые вам нравятся. Вы раскалываете Политбюро.

Тов. Каганович: Это неслыханно! Где это ~~видано~~: вы отсекаете половину Политбюро, а говорите, что мы его раскалываем.

Тов. Хрущев: Вы убираете Рокоссовского. Вы не дети и должны понимать, что это значит.

Тов. Завадский: Тов. Ендриховский, вы неправильно говорите, что советские товарищи приехали сюда раскалывать Политбюро. Мы сидим вместе и обсуждаем вопрос, а вы говорите о расколе. А кого вы запланировали на вывод из Политбюро? Новака, Рокоссовского и др.

Тов. Рокоссовский: Вы хотите подбирать себе людей, т. Гомулка, которые будут прыгать на задних лапках.

Тов. Гомулка: После выступления т. Завадского у нас создается сложная обстановка. Сейчас это уже не единогласное решение о составе Политбюро. Из этого я сразу должен сделать выводы.

Тов. Завадский: Я за то, чтобы мы попробовали договориться. Надо подумать. Я хочу быть солидарным с советскими товарищами.

Тов. Каганович: Нужна взаимная дружба, а не борьба друг против друга.

Тов. Рокоссовский: У меня вопрос к тт. Замбровскому и Циранкевичу. Почему вы, а также тт. Мазур и Берман никак не хотели встретиться с т. Гомулкой и поговорить с ним в Политбюро? Вы послали к нему т. Ромковского⁷⁸, который отвечал за его арест. На Политбюро т. Гомулку не приняли. А что произошло, что сейчас вдруг такая поддержка т. Гомулке?

Тов. Рапацкий: Один из советских товарищей сказал, что мы якобы хотим единства против вас...

Тов. Хрущев: Какое же единство, если вы отсекаете самую активную часть Политбюро?^a Тов. Циранкевич, я сделал все, чтобы сохранить вас в Политбюро. Я был против того, чтобы вас вышибать. Почему же вы теперь вышибаете наших друзей и хотите, чтобы мы были дураками, а вы творили махинации у нас за спиной.

^a Далее зачеркнуто: обращаясь к.

Тов. Циранкевич: Я скажу на пленуме ЦК, что вы обвиняете нас в махинациях.

Тов. Хрущев: Я погорячился, беру слово «махинации» назад.

Тов. Гомулка: Какое же это равноправие и дружественное отношение, если мы так разговариваем друг с другом?

Тов. Каганович: Наоборот, это мы в неравном положении. Мы приехали, ваши гости, а вы с нами говорить не хотите.

Тов. Гомулка: Вы когда-то неправильно решили вопрос о Югославии и знаете, к каким тяжелым последствиям это привело. Вам тогда казалось, что вы правы.

Тов. Микоян: Мы были тогда под влиянием культа личности.

Тов. Гомулка: Вам теперь тоже кажется, что вы правы. Но это неправильно. Это усложнит обстановку. Я теперь вижу, что уже в намеченном новом составе ПБ единства тоже не будет.

Тов. Хрущев: Диктатором хотите быть, а говорите о демократии.

Тов. Молотов: Тов. Гомулка хочет быть диктатором-спасителем.

Тов. Гомулка: А вы хотели быть спасителями Югославии.

Тов. Молотов: А мы признали свою ошибку и исправили.

Тов. Гомулка: Мне кажется, что руководство опять не сможет нормально работать. Если я являюсь препятствием, то могу уйти.

Тт. Хрущев и Микоян: Это решит пленум ЦК. Наведите порядок с секретарем Варшавского горкома Сташевским. Столица задает тон.

Тов. Гомулка: Тон задает ЦК.

Тов. Циранкевич: У нас сейчас нет руководства.

Тов. Хрущев: Значит ЦК ^а задает именно такой тон? Что касается вас, т. Гомулка, то у нас не было никакого настроения вас выдвигать.

Тов. Гомулка: Вы создали плохую атмосферу сразу же после приезда, на аэродроме ⁷⁹.

Тов. Хрущев: А вы с т. Циранкевичем действуете не прямо, а за нашей спиной. Это по-русски называется махинацией.

Тов. Завадский: Я считаю себя одним из тех, кто хотел справедливо разрешить вопрос о т. Гомулке. Я считаю, что он может работать, и мы будем ему помогать. Но я не согласен с его тоном и позицией. Я хочу просить т. Гомулку — помогите договориться с советскими товарищами.

Тов. Гомулка: Я не вижу выхода.

Тов. Юзвяк: Тов. Гомулка, ты сумеешь работать с Рокоссовским?

Тов. Гомулка: (уклончиво) Даже не будучи членом Политбюро, он мог бы присутствовать на заседаниях ПБ. Но пусть советские товарищи решают вопрос.

Тов. Молотов: Это т. Гомулка сказал в шутку.

^а Далее зачеркнуто: задача.

Тов. Гомулка: Все была «шутка».

Тов. Каганович: Мы не можем за вас решать, вы соберитесь, обсудите и решите.

(Польские товарищи удалились в другую комнату для обсуждения вопроса о форме окончания беседы. После перерыва беседа возобновилась).

Тов. Охаб: Давайте рассмотрим вопрос о коммюнике.

Тов. Хрущев: Что вы предлагаете?

Тов. Гомулка: Сейчас, в результате выступления т. Завадского обстановка изменилась.

Тов. Завадский: Независимо от этого нужно договориться о коммюнике.

Тов. Гомулка: До выступления т. Завадского я имел предложение. Я предполагал отметить в коммюнике, что между представителями Президиума ЦК КПСС и Политбюро ЦК ПОРП состоялась встреча, что обе партии считают, что фундаментом дружбы Польши и Советского Союза является общая цель — социализм, которому служат обе партии. Во второй части коммюнике нужно бы сказать, что обе партии подтверждают, что каждая из них должна решать самостоятельно вопросы, касающиеся ее страны, при учете общих интересов социализма. Общее направление коммюнике должно идти по линии того соглашения, которое вы заключили с Союзом коммунистов Югославии.

Тов. Молотов: Какое влияние может иметь выступление т. Завадского на текст коммюнике?

Тов. Гомулка: Если вы считаете, что мы все решили...

Тов. Хрущев: Не решили.

Тов. Гомулка: Влияние такое, что создалась другая внутренняя обстановка.

Я думаю, что мы закончим беседу сегодня вечером.

Тов. Хрущев: В каком смысле закончим?

Тов. Гомулка: Закончим разговор, а наше руководство решит.

Тов. Завадский: Нам обязательно нужно принять коммюнике, чтобы успокоить общественное мнение. Будет плохо, если товарищи уедут, а мы не скажем, что обменялись мнениями в дружественной обстановке по всем вопросам и что договорились еще встретиться, что не оборвался контакт между нами.

Тов. Рапацкий внес проект коммюнике, который в основном был принят. Доработать текст коммюнике было поручено тт. Рапацкому и Пономаренко.

Тов. Каганович говорит о проблеме антисемитизма. Лучшей помощью антисемитам, чем чрезмерное сгущение еврейских кадров, быть не может. Будучи секретарем ЦК КП Украины, я сам регулировал национальный состав кадров. Этот вопрос важен также в международном плане, в связи с взаимоотношениями арабов и Израиля. Ведь факт, что

арабы проводят национально-освободительную политику, а Израиль отражает политику империалистов. Эти вопросы толковались в польской печати неправильно.

Тов. Ендриховский отмечает, что в польской печати было очень много неправильного.

Тт. Хрущев и Микоян касаются вопроса об аресте Гомулки и в связи с этим говорят, что инициатива исходила от Варшавы и не от Сталина, что Сталин спрашивал, почему в Польше так относятся к т. Гомулке; нет ли в этом деле каких-либо побочных причин⁸⁰.

Тов. Замбровский: Если историю вспоминать, то^a бывали разные вещи.

Тов. Хрущев: Что нас обижает? После смерти Сталина мы сами, по своей инициативе вскрыли и ликвидировали ошибки в наших взаимоотношениях с вами, ликвидировали^b имевшиеся тогда элементы фактического неравноправия, а теперь вы нас публично обвиняете в этом в печати. Путрамента мы бы исключили из партии за такую статью, какую он опубликовал, но не потому, что это — преступление, а потому, что он не коммунист. Но это дело ваше.

Тов. Молотов: У вас органы печати публикуют статьи вроде той, которая выступает против лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Мы говорим об этом, а вы скажете, что это — вмешательство?

Тов. Гомулка: Нет, это дружественная партийная критика. Но вот говорить, что тот имеет доверие, а этот — не имеет, то этот вопрос мы сами должны решать.

Тов. Хрущев: А мы сказать, посоветовать можем. Если вы нам скажете о ком-либо у нас, занимающем антипольскую позицию, то мы вас только поблагодарим.

Вот был совпосол Попов⁸¹. Мы его сняли, вывели из ЦК и послали на работу вне Москвы за то, что он недостойно представлял Советский Союз в Польше. Он поехал с хорошими намерениями, но оказался дураком. Так что вы видите, что мы принимаем необходимые меры.

Тов. Гомулка: Все-таки я считаю, что все внутренние вопросы мы должны решать сами.

Тт. Микоян и Каганович: Конечно, но мы говорим свое мнение, а вы решайте сами.

Тов. Хрущев: Нас тревожит, что вы акцентироват[e] не на том, на чем нужно, вкладывая в это особый смысл. Видимо, у нас разное понимание нашего интернационального долга. Это нас тревожит.

Нас обижает, что вы относитесь к нам, как будто мы заискиваем. У нас есть гордость коммунистов. Но правду мы скажем.

Тов. Гомулка: Я не имею оснований думать, что вы заискиваете.

^a Далее зачеркнуто: были.

^b Далее зачеркнуто: элементы имевшегося тогда.

Тов. Хрущев: Тов. Гомулка, мы считаем вас крупным деятелем. Я со многими из присутствующих здесь говорил это еще до вашего выдвижения. Зачем мне заискивать. А вы усомнились в моей искренности, когда на аэродроме я высказался положительно о вас.

Вопрос о вашем аресте, т. Гомулка, решался в Варшаве. Мы делали все, чтобы вас сохранить.

Тов. Гомулка: Перед объединительным съездом я написал письмо Сталину⁸². Меня назвали предателем рабочего класса, и против этого я имел право защищаться. Я сказал Беруту, что согласен на включение моей кандидатуры в список состава ЦК. После моего выступления на съезде обстановка ухудшилась, но меня все же ввели в ЦК. Для меня было ясно, что это произошло не по желанию Берута, а по совету Сталина.

Тов. Пономаренко зачитывает текст коммюнике⁸³.

Текст коммюнике утверждается.

Беседа закончилась на этом, в 1 час ночи.

Беседы записал:

референт Отдела ЦК КПСС

Я. Дзержинский⁸⁴

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Хрущев Н. С. (1894–1971) — в 1953–1964 гг. первый секретарь ЦК КПСС.
- ² Микоян А. И. (1895–1982) — в 1935–1966 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС, в 1955–1957 гг. первый заместитель председателя Совета министров СССР.
- ³ Молотов В. М. (1890–1986) — в 1926–1957 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС, 1941–1957 гг. — первый заместитель председателя Совета народных комиссаров (Совета министров) СССР, в 1939–1949, 1953–1956 гг. народный комиссар (министр) иностранных дел СССР, в 1956–1957 гг. министр государственного контроля СССР.
- ⁴ Каганович Л. М. (1893–1991) — в 1930–1957 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС, в 1953–1957 гг. первый заместитель председателя Совета министров СССР, одновременно в 1955–1956 гг. председатель Государственного комитета Совета министров СССР по вопросам труда и заработной платы, в 1956–1957 гг. министр промышленности строительных материалов СССР.
- ⁵ Охоб Эдвард (1906–1989) — в 1954–1968 гг. член Политбюро ЦК ПОРП, в марте–октябре 1956 г. первый секретарь ЦК ПОРП.
- ⁶ Завадский Александр (1899–1964) — в 1948–1964 гг. член Политбюро ЦК ПОРП, в 1952–1964 гг. председатель Государственного совета ПНР.
- ⁷ Циранкевич Юзеф (1911–1989) — в 1948–1971 гг. член Политбюро ЦК ПОРП, в 1954–1970 гг. председатель Совета министров ПНР.

- ⁸ Рокоссовский К. К. (1896–1968) — в 1949–1956 гг. министр национальной обороны ПНР, в 1952–1956 гг. одновременно заместитель председателя Совета министров ПНР, в 1950–1956 гг. член Политбюро ЦК ПОРП.
- ⁹ Гомулка Владыслав (1905–1982) — в августе 1951 — декабре 1954 гг. находился в строгой изоляции в связи с обвинениями в правонационалистическом уклоне, в августе 1956 г. восстановлен в ПОРП, 19 октября 1956 г. кооптирован в состав ЦК партии, 21 октября 1956 г. избран первым секретарем ЦК ПОРП.
- ¹⁰ Пономаренко П. К. (1902–1964) — в 1955–1957 гг. посол СССР в ПНР.
- ¹¹ Юзвяк Францишек (1895–1966) — в 1948–1956 гг. член Политбюро ЦК ПОРП, в 1955–1956 гг. одновременно заместитель председателя Совета министров ПНР.
- ¹² Новак Зенон (1905–1980) — в 1954–1956 гг. член Политбюро ЦК ПОРП, в эти же годы одновременно первый заместитель председателя Совета министров ПНР. В 1956–1968 гг. заместитель председателя Совета министров ПНР.
- ¹³ Герек Эдвард (1913–2001) — в 1954–1956 гг. заведующий отделом тяжелой промышленности ЦК ПОРП, в 1954–1964 гг. секретарь ЦК, в июле–октябре 1956 г. член Политбюро ЦК ПОРП.
- ¹⁴ Моравский Ежи (р. 1918) — в 1954–1956 гг. заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК ПОРП, в 1955–1956 гг. секретарь ЦК ПОРП, в мае–июле 1956 г. главный редактор газеты «Трыбуна люду», в 1956–1957 гг. председатель комиссии ЦК ПОРП по вопросам молодежного движения. В 1956–1960 гг. член Политбюро ЦК ПОРП.
- ¹⁵ Смысл фразы не ясен.
- ¹⁶ См. примечание 30.
- ¹⁷ 12 октября 1946 г. в Москве было подписано советско-польское соглашение о поставке в Польшу 100 тыс. тонн зерна (Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1976. Т. IX. С. 157–158), а 29 августа 1947 г. — соглашение о поставке советской стороной в Польшу 300 тыс. тонн зерна (Polska Ludowa — Związek Radziecki 1944–1974: Zbiór dokumentów i materiałów. Warszawa, 1974. S.44–145).
- ¹⁸ Речь идет о намерении польской делегации прибыть на открытие VIII пленума ЦК ПОРП, где должна была состояться процедура кооптации в состав ЦК ПОРП В. Гомулки и его единомышленников М. Спыхальского, И. Лёга-Совиньского, З. Клишко.
- ¹⁹ Двораковский Владыслав (1908–1976) — в 1954–1956 гг. член Политбюро ЦК ПОРП, в 1954–1956 гг. одновременно председатель Комитета по делам общественной безопасности при Совете министров ПНР.
- ²⁰ Замбровский Роман (1909–1977) — в 1948–1963 гг. член Политбюро ЦК ПОРП, в 1955–1956 гг. одновременно министр государственного контроля ПНР, с октября 1956 г. секретарь ЦК ПОРП.
- ²¹ Новак Роман (1900–1980) — в 1950–1956 гг. первый секретарь воеводского комитета ПОРП в Ополе. В июле–октябре 1956 г. член Политбюро ЦК ПОРП, в 1956–1968 гг. председатель Центральной комиссии партийного контроля ПОРП.

- 22 Рапацкий Адам (1909–1970) — в 1954 — июле 1956 г. кандидат в члены Политбюро ЦК, с июля 1956 г. член Политбюро ЦК ПОРП. С апреля 1956 г. одновременно министр иностранных дел ПНР.
- 23 Ендриховский Стефан (1910–1996) — в июле–октябре 1956 г. кандидат в члены Политбюро ЦК, с 21 октября 1956 г. член Политбюро ЦК ПОРП, в 1951–1956 гг. заместитель председателя Совета министров ПНР, с 1956 г. одновременно председатель Государственной комиссии хозяйственного планирования.
- 24 Ставиньский Эугениуш (1905–1989) — в июле–октябре 1956 г. кандидат в члены Политбюро ЦК ПОРП, в 1949–1968 гг. министр легкой промышленности ПНР.
- 25 Хелховский Гилярый (1908–1983) — в 1948–1956 гг. кандидат в члены Политбюро ЦК ПОРП, в 1954–1956 гг. одновременно председатель президиума воеводской рады народной во Вроцлаве, в 1955–1957 гг. член Государственного совета ПНР.
- 26 15–27 сентября 1956 г. в Пекине состоялся VIII съезда КПК, в котором Э. Охаб участвовал в качестве руководителя делегации ПОРП; 17 сентября выступил на съезде с речью. В Варшаву возвратился 30 сентября.
- 27 Речь идет о противостоянии в ЦК ПОРП сторонников реформ (в терминологии польской общественности того времени — «пулавян») и их антиподов («натолинцев»).
- 28 В период 1946–1953 гг. Польша поставляла Советскому Союзу уголь по значительно заниженным, по сравнению с мировыми, ценам, что приносило ей значительный материальный ущерб. 25 ноября 1953 г. эти заниженные, так называемые «специальные» цены были пересмотрены.
- 29 Во время советско-польских переговоров об оказании экономической помощи ПНР 11 июля 1956 г. было принято постановление Совета министров СССР о предоставлении правительству Польши золота стоимостью 56,5 млн рублей в кредит (Президиум ЦК КПСС... Т. 2. С. 359–361). 18 сентября 1956 г. в Москве был подписан протокол об экономической помощи Советского Союза Польше, согласно которому советская сторона среди прочего предоставила польской стороне кредит на сумму 100 млн. рублей золотом и товарами (Известия. 23.9.1956).
- 30 Имеются в виду урановые рудники в Силезии, в небольшом городке Ковары, к юго-востоку от г. Еленя Гура. Здесь вскоре после окончания войны было создано польско-советское акционерное общество «Кузнецкие рудники».
- 31 16–20 марта 1956 г. Н. С. Хрущев в статусе главы советской делегации находился в Варшаве и участвовал в похоронах первого секретаря ЦК ПОРП Б. Берута. Кроме того, он выступил с речью на пленуме ЦК ПОРП, избравшем нового партийного лидера. Обвинения Хрущева в антисемитизме связано с тем, что в его беседах с руководителями ПОРП он высказывался против выдвижения Р. Замбровского на пост первого секретаря ЦК ПОРП. Подробнее см.: *Хрущев Н. С.* Время. Люди. Власть. (Воспоминания в 4-х книгах). М., 1999. Кн. 3. С. 229–232.
- 32 14 декабря 1948 г. датировано письмо В. Гомулки советскому руководителю. В письме сообщалось о нежелании Гомулки входить в состав Политбю-

ро ЦК ПОРП на предстоявшем во второй половине декабря объединительном съезде партии. Рассматривалось также отношение Гомулки к политике партии в кадровом вопросе, в частности на представительстве евреев в руководящих партийных и правительственных кругах. Текст письма см.: СССР — Польша. Механизмы подчинения. 1944–1949. Сб. документов / Под ред. Г. А. Бордюгова, А. Косеского, Г. Ф. Матвеева, А. Пачковского. М., 1995. С. 271–277.

33 Речь идет о статье В. Гомулки «Ответ клеветникам. Об обманутых надеждах реакции», опубликованной в газете «Глос люду», печатном органе ЦК ППР (*Gomułka W. Oszczętem w odpowiedzi. O zawiedzionych nadziejach reakcji / Głos ludu. 17.9.1948*).

А. И. Микоян процитировал следующий фрагмент статьи: «Польша стояла и будет верно стоять в одном ряду с Советским Союзом и странами народной демократии, потому что это в ее жизненных интересах. Американские империалисты и разной масти реакционеры западных стран не смогут вбить клин между Польшей и Советским Союзом, потому что каждый поляк знает, что клин этот, кроме ослабления сил мира и демократии, вернул бы нашу страну в ярмо эксплуатации заграничного капитала, перечеркнул политическую и экономическую суверенность нашего государства, преградил бы путь нашему рабочему классу и трудящимся массам путь в лучшее завтра — в строительство социалистической Польши».

34 Путрамент Ежи (1910–1986) — писатель и партийный деятель. В 1948–1964 гг. кандидат в члены ЦК ПОРП. В 1950–1956 гг. генеральный секретарь, затем заместитель председателя Главного правления Союза польских писателей.

35 Речь идет о Зеноне Новаке.

36 Матвин Владыслав (р. 1916) — в 1955–1963 гг. секретарь ЦК ПОРП.

37 В январе–марте 1956 г. В. Матвин был назначен главным редактором центрального органа партии газеты «Трыбуна люду», в мае–июле его сменил секретарь ЦК ПОРП Е. Моравский. В ноябре 1956 — марте 1957 г. В. Матвин вновь возглавил «Трыбуну люду».

38 С проектом доклада VIII пленуму ЦК ПОРП Э. Охаб выступил на заседании Политбюро ЦК 15 октября 1956 г. Подробнее см.: *Centrum władzy. Protokoły posiedzeń Kierownictwa PZPR. Wybór z lat 1949–1970 / Opracowali A. Dudek, A. Kocharński, K. Persak. Warszawa, 2000. S. 192–206.*

39 VII пленум ЦК ПОРП состоялся 18–28 июля 1956 г. На пленуме особенно отчетливо проявилось противостояние «пуляван» и «натолинцев». Доклады Э. Охаба и Ю. Циранкевича, а также тексты постановлений см.: *Nowe drogi (Warszawa). 1956. № 7–8. S. 138–255.*

40 Речь идет о массовых волнениях в Познани 28 июня 1956 г., вызванных недовольством социальной политикой ПОРП. Подробнее см.: *Орехов А. М. Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: из истории советско-польских отношений. М., 2005. С. 119–137. В результате столкновений населения города с войсками и милицией погибло (по уточненным данным) 57 человек. См.: Jastrząb Ł. «Rozstrzelano moje serce w Poznaniu»: Poznański Czerwiec 1956 г. — straty osobowe i ich analiza. Poznań, 2006. S. 208–225.*

- 41 Речь идет о полковнике С. П. Давыдове — заместителе советника МВД СССР при Министерстве общественной безопасности Польши с весны 1946 г. по март 1950 г.
- 42 Берут Болеслав (1892–1956) — польский политический и государственный деятель. В марте 1954 — марте 1956 г. первый секретарь ЦК ПОРП. Текст указанного письма составителю публикации неизвестен.
- 43 Булганин Н. А. (1895–1975) — в 1955–1958 гг. председатель Совета министров СССР, в 1948–1958 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС.
- 44 6 июня 1953 г. Б. Берут и К. Рокоссовский обратились к председателю Совета министров СССР Г. М. Маленкову с просьбой направить в Войско Польское 308 военных советников (*Nalepa E. J. Oficerowie Armii Radzieckiej w Wojsku Polskim 1943–1968. Warszawa, 1995. S. 280*).
- 45 Имеются в виду Ф. Юзвяк, К. Рокоссовский и Ф. Мазур.
- 46 Вероятно, речь идет о письме ЦК ВКП(б), подписанном И. В. Сталиным и В. М. Молотовым, в ЦК КПЮ на имя И. Б. Тито от 27 марта 1948 г., в котором содержались тяжелые обвинения в адрес руководителей югославской партии. Изложение текста письма см.: *Werblan A. Władysław Gomułka. Sekretarz Generalny PPR. Warszawa, 1988. S. 521–522*.
- 47 По указанию И. В. Сталина в 1937 г. были репрессированы руководители Коммунистической партии Польши, находившиеся в Советском Союзе, а в 1938 г. Исполнительный комитет Коминтерна распустил КПП по сфабрикованным обвинениям. В 1955 г. все руководящие деятели партии были политически реабилитированы, о чем объявлено в советской и польской печати в дни работы XX съезда КПСС (февраль 1956 г.).
- 48 О. Г. Шатуновская (1901–1991) — партийный работник. В ноябре 1937 г. арестована органами НКВД СССР, в мае 1938 г. особым совещанием при НКВД СССР осуждена к 8 годам исправительно-трудовых лагерей. С августа 1948 г. находилась в ссылке в Красноярском крае. В 1954 г. реабилитирована и восстановлена в партии. В 1955–1956 гг. ответственный контролер, в 1956–1962 гг. член Комиссии партийного контроля при ЦК КПСС.
- 49 Из мест постоянной дислокации советские танки двинулись к Варшаве вечером 18 октября по приказу министра обороны СССР маршала Г. К. Жукова. Почти одновременно в том же направлении двинулись подразделения Войска Польского, расположенные на территории Варшавского военного округа. В соответствии с указанием Генерального штаба они должны были обеспечить усиленную охрану стратегических объектов столицы, заблокировать городские магистрали в случае непредвиденных массовых шествий. См.: *Poksiński J. Wojsko Polskie w 1956 g. — problemy polityczne (II) // Wojsko i Wychowanie. 1992. № 2. S. 51*.
- 50 Референдум состоялся 30 июня 1946 г. в условиях обострившейся борьбы польских политических партий и должен был показать объективную картину настроений населения страны. По официальным данным, в референдуме приняло участие более 85% граждан, имевших право участвовать в голосовании. Оппозиция, особенно ПСЛ (Польская крестьянская партия), и часть населения опротестовали результаты референдума, утверждая, что в ряде районов они

тестовали результаты референдума, утверждая, что в ряде районов они были фальсифицированы. Протест, однако, был отклонен как необоснованный.

- 52 Поплавский С. Г. (1902–1973) — генерал-полковник. В 1944–1956 гг. проходил военную службу в Войске Польском. В 1949–1956 гг. заместитель министра национальной обороны ПНР. С декабря 1956 г. в отставке. Вернулся в СССР.
- 53 Бордзиловский Юрий/Ежи (1900–1983) — генерал-полковник. Проходил военную службу в Войске Польском. Член ЦК ПОРП. В 1954–1968 гг. заместитель министра национальной обороны, начальник Генерального штаба.
- 54 Стражевский В. И. (1897–1973) — советский офицер, в 1944–1956 гг. проходил военную службу в Войске Польском, с 1945 г. дивизионный генерал, в 1949–1956 гг. командующий войсками Силезского военного округа.
- 55 Борткевич — офицер Войска Польского, депутат Сейма ПНР первого созыва (1952–1956 гг.). Более полных биографических сведений найти не удалось.
- 56 Кеневич Болеслав (1907–1969) — дивизионный генерал, в 1946–1950 гг. военную службу проходил в Советской Армии, в 1950–1953 гг. — в Войске Польском (командующий Краковским военным округом). Депутат Сейма первого созыва.
- 57 Речь идет о высказывании Н. А. Булганина в Варшаве на торжественном заседании польской общественности 21 июля 1956 г. в связи с очередной годовщиной национального праздника Народной Польши. Глава советской делегации в нравоучительном тоне заявил, что волнения в Познани были спровоцированы враждебной агентурой западных стран (Правда. 22.7.1956). В Польше его заявление было расценено как неадекватное и породило новый всплеск антисоветских настроений.
- 58 Визит советской партийно-правительственной делегации во главе с Н. С. Хрущевым и Н. А. Булганиным в Югославию состоялся 27 мая — 2 июня 1955 г., ответный визит югославской делегации во главе с И. Б. Тито в Советский Союз состоялся 1–23 июня 1956 г.
- 59 Документальными свидетельствами о встрече Э. Охаба с Мао Дзэдунем в Пекине и обещании китайского лидера поддержать Польшу в случае советской интервенции в Польше составитель публикации не располагает.

Мао Дзэдун (1893–1976) — китайский политик и государственный деятель. В 1944 г. избран председателем ЦК КПК. В 1954–1958 гг. Председатель КНР.

- 60 Вознесенский Д. П. (1902–1982) — полковник НКВД СССР. В 1921–1950 гг. находился в Советской Армии. В годы Великой Отечественной войны проходил военную службу в СМЕРШе, в мае 1944 г. направлен в органы контрразведки 1-й Польской армии, в сентябре 1946 г. назначен заместителем начальника Главного управления информации (контрразведка) Войска Польского, с июня 1950 г. начальник указанного управления. По возвращении в Советский Союз приговорен судебными органами к тюремному заключению за нарушение законности в период работы в органах польской контрразведки.
- 61 Скульбашевский А. Д. (1915–?) — советский офицер, полковник. В 1943 г. назначен следователем военной прокуратуры в 1-й дивизии Войска Польского,

- с октября 1948 г. главный военный прокурор, затем переведен в Главное управление информации Войска Польского, где занимал должность заместителя начальника управления и лично участвовал в расследовании политических дел. По возвращении в СССР привлекался в качестве свидетеля по делу Д. П. Вознесенского. В 1990-е гг. проживал в Киеве.
- 62 Василевская Ванда (1905–1964) — польская писательница и политик. В годы Второй мировой войны находилась в СССР. В 1943–1946 гг. председатель Главного правления Союза польских патриотов. Член Центрального бюро польских коммунистов в СССР.
- 63 8 февраля 1946 г. в Москве было подписано советско-польское соглашение о поставках в Польшу на условиях кредита 200 тыс. тонн зерна, 9 февраля на ст. Пшемысль прибыл первый советский транспорт с зерном.
- 64 Очевидно, речь идет о состоявшемся 13–14 августа 1956 г. пленуме Всепольского комитета Национального фронта, который объединял политические и общественные организации, а также отдельных граждан разной политической ориентации. В первый день работы с докладом о задачах Народного фронта выступил председатель Государственного Совета ПНР А. Завадский, 14 августа он был избран председателем Комитета. На пленуме Комитета было также объявлено о выборах в Сейм в декабре 1956 г. Подробнее см.: Trybuna ludu. 14. 15.8.1956. Затем выборы были перенесены на 20 января 1957 г.
- 65 Калиновский Юзеф (1910–1975) — партийный работник, в 1953–1965 гг. заведующий Бюро Всепольского комитета Национального фронта, затем секретарь Всепольского комитета Фронта национального единства.
- 66 Виташевский Казимеж (1906–1992) — дивизионный генерал, в 1952–1956 гг. заместитель министра национальной обороны и начальник Политического управления Войска Польского.
- 67 Кloseвич Виктор (1907–1992) — государственный и профсоюзный деятель, в 1950–1958 гг. член ЦК ПОРП. В 1950–1956 гг. председатель Центрального совета профессиональных союзов, в 1952–1956 гг. член Государственного Совета ПНР.
- 68 Конев И. С. (1877–1973) — маршал Советского Союза, 1955–1956 гг. заместитель министра обороны СССР, в 1955–1960 гг. главнокомандующий Объединенными вооруженными силами государств — участников Варшавского Договора.
- 69 Сташевский Стефан (1906–1989) — в 1955–1957 гг. первый секретарь Варшавского комитета ПОРП.
- 70 АК (Армия Крайова) — конспиративное вооруженное формирование, действовавшее на оккупированной немецкими войсками территории Польши в результате организационного объединения части вооруженных сил Польской республики, оставшихся на польской территории, а также воинских формирований политических партий и группировок. АК стремилась к восстановлению польского независимого государства. Насчитывала в своих рядах около 200 тыс. вооруженных бойцов. В августе 1944 г. подняла восстание в Варшаве, которое закончилось неудачей.

- 71 Берман Якуб (1901–1984) — партийный и государственный деятель, в 1948–1956 гг. член Политбюро ЦК ПОРП, в 1954–1956 гг. заместитель председателя Совета министров ПНР.
- 72 Имеется в виду Зенон Новак.
- 73 Речь идет о совещании первых секретарей коммунистических и рабочих партий европейских социалистических стран 22–26 июня 1956 г., состоявшемся в Москве. На совещании развернулась полемика между делегациями Польши, Венгрии, Чехословакии и ГДР по поводу недопоставок коксующегося угля Польшей в ГДР и Чехословакию. Польские руководители отказывались снабжать углем ГДР и Чехословакию.
- 74 Вероятно, Мочалов — советский офицер, отвечавший за контакты командования Северной группы Советской Армии с Войском Польским. Каких-либо биографических сведений о нем обнаружить не удалось.
- 75 Советским Союзом экономическая помощь Польше была предоставлена 9 июля 1956 г. Советская сторона обязалась в 1956 г. поставить дополнительно медь, натуральный каучук и технический жир на общую сумму 43,5 млн рублей, 12,6 тонны золота стоимостью 56,5 млн. рублей и т. п. Подробнее см.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протоколы записи заседаний. Стенограммы. Постановления / Глав. ред. А. А. Фурсенко. М., 2003. Т. 1. 1954–1956. С. 148; Т. 2. С. 359–362.
- 76 Спыхальский Марьян (1906–1980) — государственный и военный деятель, маршал Польши. В 1945–1949 гг. заместитель министра обороны, в 1949 г. министр строительства. В 1950–1956 гг. находился в тюремном заключении по сфабрикованному обвинению в правонационалистическом уклоне. В октябре–ноябре 1956 г. заместитель министра национальной обороны и начальник Главного политического управления Войска Польского. С ноября 1956 г. министр национальной обороны.
- 77 Ближайшая советско-польская встреча на высшем уровне состоялась только 15–18 ноября 1956 г. в Москве. Тогда в заключительный день переговоров была принята «Декларация по вопросу советско-польских отношений», в которой речь шла о новой модели взаимоотношений СССР и ПНР послевоенного периода (Текст декларации см.: Правда. 19.10.1956).
- 78 Ромковский Роман (1907–1968) — в 1949–1954 гг. заместитель министра общественной безопасности Польши. Член ЦК ПОРП. За нарушение законности в 1957 г. осужден на 15 лет тюремного заключения. Освобожден досрочно.
- 79 Речь идет о вызывающем поведении Н. С. Хрущева непосредственно по прибытии в Варшаву утром 19 октября 1956 г. Спустившись с самолета по трапу, он, как свидетельствуют очевидцы, стал грозить кулаком в сторону встречавших его польских руководителей и осыпать их бранью.
- 80 Документальными свидетельствами об аресте В. Гомулки исследователи не располагают. Вопрос о проявленной «инициативе» остается открытым.
- 81 Попов Г. М. (1906–1968) — партийный и государственный деятель. В июне 1953 — марте 1954 г. чрезвычайный и полномочный посол СССР в Польше.

- За грубые политические ошибки при выполнении своей дипломатической миссии отозван из ПНР. Подробнее см.: Президиум ЦК КПСС... Т. 2. С. 25–26.
- 82 Имеется в виду письмо В. Гомулки от 14 декабря 1948 г., написанное в результате беседы с И. В. Сталиным, состоявшейся 9 декабря в связи с обсуждением вопроса о возможности включения Гомулки в состав Политбюро будущей объединенной рабочей партии. Гомулка соглашался только на избрание его в ЦК. Текст письма см.: СССР — Польша. Механизмы подчинения... С. 271–277; Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953 гг. Т. I. 1944–1948 гг. М.; Новосибирск, 1997. С. 937–943.
- 83 Текст коммюнике опубликован в газете «Трибуна люду» на следующий день. Сообщалось, что «в Варшаву прибыла делегация ЦК КПСС с целью обсуждения с Политическим бюро ЦК ПОРП актуальных проблем, интересующих обе партии». Подчеркивалось, что «совещания проходили в атмосфере партийной и дружественной откровенности». См.: Трибуна ludu. 20.10.1956.
- 84 Дзержинский Я. Ф. (1911–1960) — сотрудник аппарата ЦК КПСС, в 1953–1957 гг. референт Отдела ЦК по связям с иностранными компартиями, с 1957 г. референт Отдела по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран.

Из переписки коллег-медиевистов: письма В. И. Малышева к А. Н. Робинсону¹

1945 год. Окончилась Великая Отечественная война, и с полей сражений начали возвращаться фронтовики. Домой в Москву вернулся пехотный старший лейтенант, бравший Кёнигсберг, выпускник 1942 г. филологического факультета Московского университета Андрей Николаевич Робинсон. Он восстановился в аспирантуре у Николая Каллиниковича Гудзия. Основным предметом научных изысканий Андрея Николаевича на всю жизнь стала древнерусская литература.

Примерно в то же время в Ленинград вернулся пехотный капитан Владимир Иванович Малышев, участник многих сражений, в том числе битвы на Невском пятачке. В отличие от Андрея Николаевича Владимир Иванович был уже хорошо известен в научных кругах, имел репутацию неутомимого археографа. Когда Малышева принимали на работу в Пушкинский Дом, академик А. С. Орлов, основатель и руководитель Сектора древнерусской литературы, собственноручно начертал на заявлении бывшего офицера: «Принять на работу как незаменимого сотрудника».

Владимир Иванович Малышев (1911–1976) — ученый-археограф, доктор филологических наук, заслуженный деятель науки СССР, положил начало собранию древних рукописей в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) Академии наук. Основанное им Древлехранилище по праву носит теперь его имя. В 1949 г. В. И. Малышев привез в Институт первые несколько десятков рукописных книг, которые отыскал в староверческих деревнях на Печоре. На эту далекую северную реку Малышев начал ездить еще в 1930-х гг., будучи студентом филфака Ленинградского университета, учеником академика-медиевиста А. С. Орлова. Одна пламенная страсть руководила тогда юношей из провинциального города Наровчата, выпускником рабфака, поступившим в вуз, — отыскать на Севере подлинные рукописи «огнепального» протопopa Аввакума, узника Пустозерска, сожженного на печорском берегу в 1682 г. И спустя годы В. И. Малышев нашел-таки списки его многочисленных произведений, письма, челобитные и знаменитое Житие в автографе.

О том, как познакомились Малышев и Робинсон, неизвестно. Замечу лишь, что оба ученых — бывшие фронтовики, и найти общий язык им не составило труда. Тем более что Владимир Иванович был знаком с Николаем Каллиниковичем Гудзием. Думаю, Гудзий и познакомил Малышева и Робинсона, и Малышев стал помогать московскому коллеге в об-

следовании ленинградских архивохранилищ на предмет обнаружения там новых списков «Повести об азовском осадном сидении донских казаков», тексты которой стали предметом кандидатской диссертации Робинсона. Напомню, что в 1947 г. Малышеву было 36 лет, а Робинсону — 30.

В фонде В. И. Малышева в Рукописном отделе Пушкинского Дома хранятся тысячи писем, присланных ученому на протяжении всех лет его работы в Пушкинском Доме. Среди них хранятся и письма Андрея Николаевича Робинсона за период с апреля 1947 г. по январь 1972 г. Совсем недавно сын А. Н. доктор исторических наук Михаил Андреевич Робинсон передал мне копии более 90 писем самого Малышева, написанных А. Н. Робинсону². Их обширная переписка вобрала в себя не только яркие меты биографий обоих ученых, но и социальные отметины на протяжении более 30 лет, пережитые Малышевым и Робинсоном в послевоенные и более поздние годы. В настоящем сообщении я позволю себе остановиться всего лишь на нескольких эпизодах этой эпистолярной версии упомянутой эпохи.

В первое время (с 1947 по 1949 г.) переписка заполнена одной важной темой, связанной с надеждами Андрея Николаевича получить место в Секторе древнерусской литературы Пушкинского Дома. Надежды эти были вызваны одним прискорбным обстоятельством, а именно тем, что в Москве, в отличие от Ленинграда с его Пушкинским Домом, решительно нигде не было научного подразделения, которое занималось бы изучением литературы Древней Руси. Молодому кандидату наук Андрею Робинсону, только что защитившемуся по источникам XVII в., было просто негде работать по специальности!

По переписке видно, какое живейшее участие принял в судьбе своего московского единомышленника Владимир Иванович. На протяжении более двух лет он хлопочет за А. Н. Робинсона, и дело вот-вот уже налаживается, и есть согласие дирекции ИРЛИ, и Малышев уже подыскал для коллеги комнату на съем неподалеку от Пушкинского Дома, и, наконец, освободилась вакансия в Секторе. И вот тут разыгрывается драматическая история с неким Лапицким. Истории этой в письмах уделено немало места. Малышев пишет Робинсону 22 апреля 1948 г.: «На это место уже пытался соваться Лапицкий, тот слащавый молодой человек, что разговаривал с Вами в день Вашего отъезда, но Варвара Павловна Адрианова-Перетц, Дмитрий Сергеевич Лихачев и я сделали, кажется, все возможное против его устройства в Сектор». Здесь я следаю маленькое отступление.

В «Воспоминаниях» Д. С. Лихачева есть глава под названием «Проработки»³. В ней говорится о публичных проработках советского времени. Это были моральные истязания, которыми коммунистические партийные начальники на общих собраниях подвергали ученых, писате-

лей, людей искусства. Цель таких акций состояла в прилюдном унижении известных в стране людей, в стравливании их между собой, в воспитании целых поколений абсолютно бессовестных молодых «проработчиков», готовых на любую мерзость. Обвинения могли быть самые фантастические, главным образом идеологического свойства. И самым страшным было то, что после таких сборищ жертвы теряли работу (в лучшем случае!), а в худшем — их ждал арест, высылка, лагерь с лесоповалом, а то и расстрел как врагов народа! (Я пишу об этом потому, что многие современные молодые люди не ведают, по счастью, о таких «прелестях» советского образа жизни. А знать об этом следует и помнить накрепко!) Так вот, по воспоминаниям Дмитрия Сергеевича Лихачева, едва ли не самым омерзительным *проработчиком* тех лет был Лапицкий, преподававший тогда на филфаке Ленинградского университета и стремившийся во что бы то ни стало устроиться на работу в Пушкинский Дом. Конечно, терпеть его в древнерусском Секторе было абсолютно невозможно. Надо ли говорить о том, что люди, пытавшиеся дать отпор клеветникам и защищать своих товарищей, сами безумно рисковали и карьерой, и головой! В. И. Малышев, Д. С. Лихачев, В. П. Адрианова-Перетц отчаянно рисковали, защищая Сектор от прямых атак и тайных доносов Лапицкого.

Спустя два года Малышев снова писал Робинсону 10 ноября 1951 г.: «Завтра в три часа В[арвара] П[авловна], Д[митрий] С[ергеевич], Григорян⁴ и я идем в партбюро ЛГУ (Университета) по делу Петровича (Лапицкого. — Г. М.). Этот сукин сын все еще продолжает лить клевету и всякую грязь на Сектор, но скоро, мне кажется, он будет приведен к порядку. В партбюро идем сами, чтобы просить на него управы. Григорян идет как представитель от нашего партбюро по указанию Дирекции и секретаря». Впрочем, в письме через 10 дней (от 21 ноября) Малышев снова возвращается к этой же теме. «Поход в ЛГУ пока еще не дал результатов, но дело завертелось, и я думаю, что Петровича остановят. <...> В[арвара] П[авловна] говорит, что если не уймут его, то она уйдет на пенсию. Лихачев обещает перейти в Институт истории. Сектор будет развален». Еще через несколько месяцев, 26 февраля 1952 г., Малышев пишет Робинсону о том же скандале с Лапицким. Но теперь он уже просит Робинсона посодействовать в ускорении разбора и решения по делу Лапицкого на высшем академическом уровне: «Ускорение нужно потому, что Лапицкий не унимается и перенес свою деятельность на исторический факультет ЛГУ (ходить в ИРЛИ ему запретил Горком). Вчера в Институт приходили из партбюро истфака и передавали следующие слова Лапицкого, адресованные к одному из членов партбюро: „Лихачев сам антипатриот и весь сектор сделал антипатриотами“. Такое утверждение Лапицкого, очевидно, вызвано тем, что И. П. Еремин⁵ публично (на заседании

Сектора) отрекся от него и все обвинения по адресу В[арвары] П[авловны] и Д[митрия] С[ергеевича] признал неправильным. В Институте острят, что если Институт признает Лапицкого кляузником и лгуном, то он весь Институт объявит антипатриотическим. Но шутки шутками, остроты остротами, а он все распускает свои зловония». А Н. Ф. Бельчиков⁶ «даже испугался, когда В[арвара] П[авловна] сказала ему, что „ведь и Вам попадет за то, что Вы терпите в стенах Института так долго антипатриотов из Сектора древнерусской литературы, что-де, Лапицкий скоро и всю дирекцию объявит антипатриотической“. Но я думаю, что без толчка из Москвы этот вопрос не продвинется». И далее: «Д. С. Лихачев лежит больной: головные спазмы и желудок. Его очень расстраивают выходы Лапицкого на истфаке. Этот мерзавец ходит на истфак каждый день и обрабатывает преподавателей, сбил себе там компанию из таких же типов». Этот же эпизод с истфаком есть и в воспоминаниях Д. С. Лихачева. Он пишет о том, что ему пришлось покинуть преподавание на факультете именно из-за доносов, клеветы на него и унижений. Имя Лапицкого еще не раз встречается в письмах Малышева в связи с его пасквилями и «гадкими», как называет их Владимир Иванович, статьями. Не хотелось бы уделять этому субъекту столько внимания, но письма Владимира Ивановича дают понять, в какой тягостной атмосфере приходилось работать ученым Института, сколько времени и душевных сил приходилось тратить, чтобы противостоять клеветникам и доносчикам, и какую роль Малышев играл в борьбе за Сектор. В конце концов Лапицкий стал пациентом психиатрической больницы. Автор этих строк вспоминает, как уже в 1970-е гг. в периоды просветления Лапицкий ходил кругами вокруг Пушкинского Дома и при появлении кого-нибудь из древников на улице начинал истово кланяться и креститься. Были ли эти позы знаками покаяния или кривляния — Бог ведает!

Между тем в письмах Малышева отражены и другие особенности академического быта тех лет. В 1956 г. Д. С. Лихачеву в очередной раз академическое начальство не разрешило выехать за границу в Болгарию (!). Владимир Иванович с возмущением пишет 5 января 1956 г. Робинсону: «Что же это за свинство? Ведь это подрыв авторитета ученого. Кто все это делает? <...> Как грустно, что какие-то типы в Президиуме распоряжаются судьбой ученых». Подобные сетования на несправедливость начальства по отношению к Лихачеву разбросаны в письмах Владимира Ивановича, хотя лично между ними иногда случались и периоды трудных взаимоотношений. Так, дважды в конце 1954 г. Малышев обращался к Робинсону, 10 декабря: «Очень и очень прошу Вас не говорить никому о наших „разногласиях“ с Д[митрием] С[ергеевичем]. Очень прошу», и 14 декабря: «...не говорите о наших трениях с Д. С. Лихачевым, они быстро пройдут, а молва страшная вещь».

Позднее, в ноябре 1956 г., Владимир Иванович пишет Робинсону о прошедшем юбилее Лихачева, который получил 250 телеграмм со всех концов страны и из заграницы. «Он пристаёт теперь ко мне, что я это все организовал, а я сваливаю на Руфину Петровну⁷», — ворчит в одном из писем благодущный Малышев, который на самом деле был превосходным организатором того, что мы сейчас назвали бы «пиаром».

Некоторые письма Владимир Иванович посылал А. Н. Робинсону из экспедиций. Вот отрывок из письма от 12 июня 1954 г.: «Дорогой Андрей Николаевич! Четвертый день брожу по Усть-Цильме в поисках рукописей. Нашел около 30 рукописных книг XVI–XVIII вв., но особенно интересных пока еще не встречал. Усть-Цильма на редкость консервативное село. Здесь большинство женщин (местных) ходят в старинного покроя сарафанах и головных повязках. Завтра (день Троицы) будет хоровод (или по местному „Горка“), на котором можно встретить головные уборы, сарафаны, душегрейки, восходящие чуть ли не к XVII в. По улицам поют старинные песни и на старинный лад. Сейчас в Усть-Цильме стоит жаркая погода, ночи настолько светлые, что не успеешь оглянуться, как солнце опять на небе. Наши ленинградские белые ночи по сравнению с этими пустяки. Сейчас час ночи, а на улице совершенно светло, можно читать и писать совершенно свободно. По сравнению с 1949 г. жизнь здесь значительно улучшилась. Продукты есть все (масло, сахар, консервы, рыба, мясо), промтоваров тоже стало больше».

В 1955 г. В. И. Малышев вновь на Печоре вместе с известным знатоком старины Ф. А. Каликиным. Они собираются отправиться из Усть-Цильмы на Пижму. Малышев пишет Робинсону 6 июня: «На Пижме я не был, а потому одолевает некоторый трепет: а достанем ли там рукописей? По моему чутью они там должны быть, но оправдается ли чутье». Позднее, 6 июля 1955 г., из той же экспедиции он пишет: «Возвращаюсь из путешествия по Печоре. Ровно месяц колесил по печорским водным и сухим путям. Очень устал от местного бездорожья, безлюдья и от холодной и дождливой погоды. <...> Наша поездка сначала была очень удачной. В пижемском районе мы достали 70 рукоп[и]с[ей] XV–XVIII вв. Поиски же в низовье Печоры ничего не дали, кроме усталости от бесцельного шатания по глухим печорским деревням. Но теперь уже ясно, что на Печору больше ездить не надо. Среди собранных рукописей есть очень интересные по содержанию. По приезде буду составлять описание их». Некоторый пессимизм Владимира Ивановича, к счастью, не оправдался. Всего с берегов открытой Малышевым книгописной Печоры было привезено свыше одной тысячи рукописей!

В 1958 г. Малышев принимал активнейшее участие в организации съезда славистов в Москве. После съезда, 19 ноября, он пишет А. Н. Робинсону: «Очень обижен на Комитет славистов П. Н. Берков⁸, почему ему не объявили благодарность? Он так много работал. Я вот не сержусь за то, что мне не объявили благодарность потому, что знаю свою

вину: братался с Р. О. Якобсоном, подвыпил на вечере. А ведь за Берковым этого не замечалось. Кто составлял эти списки? Страшная несправедливость в отношении П. Н. Беркова. Прочел два доклада, написал три ответа, руководил группой на съезде. Разве это можно сравнить с выступлением Б. И. Дубенцова⁹, который постоял на трибуне 10 минут», — пишет с иронией Владимир Иванович.

Письма Малышева, как правило, очень невелики по объему, часто это всего лишь одна сторона почтовой открытки или четвертушка писчего листа. Такие размеры очень понятны, ведь Малышеву приходилось каждый день писать не один десяток писем самым разным людям по самым разным темам. Но, конечно, тема Аввакума преобладала в его переписке с А. Н. Робинсоном, который сам был аввакумоведом и соратником Малышева уже с конца 40-х гг. В 1954 г. А. Н. Робинсон начал подготовку издания сочинений протопопа. В письмах Владимира Ивановича содержатся советы и пожелания по поводу публикации текстов Аввакума. Он прочит успех изданию. А в письме от 31 марта Малышев прямо обращается к Робинсону: **«Издавайте! Благословляю Вас на сей подвиг двухперстным аввакумовским крестом, как старообрядец я имею законное право благословить Вас своим двуперстием»**. Должен сказать, что в процитированном письме содержится единственное признание Малышева в его принадлежности к старообрядчеству. Нигде в других письмах и архивных документах не встречаются такие слова. Для биографов Малышева это признание особенно ценно тем, что проливает свет и на его в высшей степени приятельские отношения со старообрядцами, и на его необыкновенные успехи в собирании старообрядческих рукописей, и на его любовь к протопопу Аввакуму! Это признание — ярчайшее свидетельство особо доверительных отношений В. И. Малышева с А. Н. Робинсоном. В письмах к нему проясняются и многие другие подробности из чрезвычайно яркой и насыщенной жизни Владимира Ивановича. Вот несколько примеров.

Оказывается, в 1955 г. Малышев был одним из инициаторов создания группы по изучению древнерусской литературы в Москве. В столице, как уже отмечалось выше, не было такого научного центра. Правда, за эту инициативу кое-кто упрекал Малышева в попытках развалить и даже ликвидировать Сектор древнерусской литературы в Пушкинском Доме. Но Владимира Ивановича поддержали тогда и Д. С. Лихачев, и В. П. Адрианова-Перетц. Поддержали как люди, понимающие важность здорового соперничества в науке. И мы знаем, что уже давно в московском Институте мировой литературы РАН работает древнерусский сектор, которым, кстати говоря, с 1968 по 1988 г. руководил Андрей Николаевич Робинсон.

Далее. В те же 1950-е гг. Малышев был одним из инициаторов археографических поездок сотрудников Государственной библиотеки им. Лени-

на за рукописями. Он не опасался конкурировать с московскими коллегами и выезжал в Москву для того, чтобы инструктировать их в практике полевой археографии. Всем памятли успешные экспедиции коллег из ГБЛ, правда, их начинания не менее успешно были перехвачены археографами из МГУ.

Аввакумиана Малышева дополняется известием, что именно он стал инициатором (в 1956 г.) перевода Жития Аввакума на польский язык. А сколько других переводов на европейские языки сделаны по его инициативе?

По инициативе Владимира Ивановича была спасена чудом сохранившаяся башня Братского острога, в которой сидел в ссылке протопоп Аввакум и которую Малышев предложил перевезти и заново установить под Москвой. Аналогичные примеры из частной переписки ученых можно и дальше множить.

Дружеско-доверительные отношения двух ученых видны на таком примере из письма В. И. Малышева от 28 декабря 1961 г.: «Относительно Москвы я на распутье. С одной стороны, хочется, есть дела, с другой стороны, пугают друзья с их пьянкой. После долго, долго не войдешь в нормальную колею. Врачи меня предупредили. <...> А воли у меня нет. Да и возраст уже говорит, что пора быть взрослым, а не ребенком — старик уже. Вот все это предстало сегодня передо мной, когда я читал телеграмму — вызов. По слабости характера отложил решение до завтра. Очень боюсь поездки. Дома как-то я все более и более становлюсь тверже со своими товарищами. Некоторые уже отстали от меня, а я только радуюсь этому. А вот в Москве труднее».

В письмах Владимира Ивановича порой звучат и трагические ноты. Он был закоренелым холостяком, но его семейные чувства были глубоко по отношению к родной сестре. Весной 1960 г. она скончалась. «До сих пор еще не могу помириться со случившимся. Очень я любил мою бедную сеструшку», — с тоской пишет он А. Н. Робинсону. И позднее, 1 июля 1960 г.: «Я работаю мало, плохо, так как очень устал. Тоскую по сестре. Очень я ее любил, большой грех на моей душе, что я не усмотрел вовремя ее болезнь».

Вот слова из другого письма от 12 июня 1960 г.: «Не ругайте меня, не считайте обманщиком. Неожиданно меня вызвали в ЖАКТ для сдачи комнаты сестры. Как скоро теперь это делается. Весь день я запаковывал и складывал ее вещи. Освободился только к пяти часам, освободив навсегда комнату, в которую ходил в течение тридцати двух лет. Страшно и грустно было закрывать дверь в последний раз и передавать ключи. <...> С горя брожу теперь по району, с которым столько было связано у меня и хорошего и плохого».

И еще признательные слова осенью того же года в письме от 2 октября 1960 г.: «Жилищные дела мои на месте. Все мне очень надоело, но

надо ждать. Терпение уже начинает сдавать, но что же делать, такова уже, наверное, моя несчастливая доля. Вообще я думаю, что ходить мне по земле остается не так уже много, а потому я спешно сейчас и ночами привожу в порядок свои некоторые работы: не хочу собранные материалы оставлять в таком виде. Сегодня был на кладбище, и так мне хотелось лечь рядом с сестрой и остаться тут навсегда, все так надоело, хорошего для себя впереди не вижу, одна суета сует, так зачем растягивать это. Не сердитесь на меня за мрачные мысли, я, действительно, нахожусь в каком-то непонятном для себя состоянии».

9 апреля 1968 г. В. И. Малышев сообщает о подарке Пушкинскому Дому автографа Аввакума — Пустозерского сборника, сделанном известным рижским коллекционером И. Н. Заволоко: «Когда вы мае будете в Ленинграде, я покажу Вам этот сборник. Теперь и у нас есть автограф Аввакума. <...> А я жду ухода на пенсию — осталось 2 года и 4 м[еся]ца. Думаю, что уйду даже раньше с работы, если будет возможность. Приглядываю сейчас маленькие города в средней полосе Руси. Очень я устал от жизни, от государственной службы — работаю на ней с 14 лет».

Наконец, в последнем письме В. И. Малышева А. Н. Робинсону от 14 января 1972 г. речь идет о новом приобретении Древлехранилища Пушкинского Дома — автографе Жития Епифания, духовного отца и соратника Аввакума.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 В основе данной публикации лежит доклад, прочитанный автором на «Малышевских чтениях» в Пушкинском Доме в мае 2007 г.
- 2 Письма находятся в личном архиве В. А. Плотниковой-Робинсон.
- 3 *Лихачев Д. С.* Воспоминания. СПб., 1995. С. 358–370. Выдержки из писем Д. С. Лихачева А. Н. Робинсону, посвященные проработочным заседаниям, см.: *Робинсон М. А., Сазонова Л. И.* Дмитрий Сергеевич Лихачев: жизненный путь и научная судьба. К 100-летию со дня рождения // *Славянский альманах* 2006. М., 2007. С. 411–414.
- 4 Григорян Камсар Церсесович — сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР, 1934–1942, 1946–1991.
- 5 Еремин Игорь Петрович — профессор ЛГУ и сотрудник Сектора древнерусской литературы ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР, 1934–1941, 1945–1960.
- 6 Бельчиков Николай Федорович — директор ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР, 1949–1955.
- 7 Дмитриева Руфина Петровна — сотрудница Сектора древнерусской литературы ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР, 1954–1989.
- 8 Берков Павел Наумович — профессор ЛГУ и сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР, 1936–1939, 1944–1969.
- 9 Дубенцов Б. И. — учился в аспирантуре (?) ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР в 1950-е гг.

К 90-летию ученого-слависта: Автобиография Андрея Николаевича Робинсона

Я, Робинсон Андрей Николаевич, русский, беспартийный, родился в 1917 г. в г. Екатеринодаре (Краснодаре) в семье научных работников и педагогов, то есть служащих. Мой прапрадед шотландец Питер Робинсон был ботаником-садоводом и умел устраивать английские парки. В 30-х годах XIX в. он с женой переехал из Англии в Крым, где в то время работало много иностранных специалистов. На Южном берегу Крыма Питер Робинсон занимался устройством парков у графов Воронцовых и других господ. Там он жил до своей смерти и был похоронен около селения Кучик-Ломбат (теперь — Фрунзенское). Его сын Александр Петрович Робинсон женился на шведке Генриетте Лагерквист, он обрусел, перешел из католичества в православие, стал профессором химии в Харьковском императорском университете. Далее Робинсоны смешались с русскими и поляками и вошли в состав старой русской интеллигенции. Все в моем роду жили своим трудом, в партиях не состояли, репрессиям не подвергались (и я — тоже).

В 1926 г. меня перевезли в Москву, я учился и в 1937 г. поступил на первый курс Института философии, литературы и истории им. Н. Г. Чернышевского. Там со второго курса я занимался в семинаре по древнерусской литературе у моего учителя, а впоследствии и дорогого друга, академика АН УССР, проф. Н. К. Гудзия.

В 1941 г., когда началась война, я женился на однокурснице Вере Александровне Плотниковой, с которой мы вырастили двух сыновей Василия и Михаила, теперь помогаем воспитывать внуков — Андрея и Марию.

Летом 1941 г. в составе большой группы студентов я и моя жена были направлены в Дагестан (Дербент), где работали по уборке урожая винограда, а затем преподавали в средней школе аула Тинт Табасаранского района Дагестанской АССР. Весной 1942 г. мы переехали в Ашхабад, так как тогда там находился Московский гос. университет и соединившийся с ним ИФЛИ. Там в августе 1942 г. я окончил с отличием МГУ им. М. В. Ломоносова, поступил в аспирантуру, переехал с университетом в Свердловск, работал там слесарем на военном заводе. В октябре 1942 г. я был призван в Красную Армию, направлен в Черкасское пехотное училище (около Свердловска), которое окончил с квалификацией командира минометного подразделения. Потом участвовал в боевых действиях в составе 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов. По причине моей «грамотности», как говорили тогда командиры, был назначен офицером связи командования 13 Гвардейского стрелкового корпуса. Участвовал в штурме города и крепости Кёнигсберг. Награжден

орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, восемью медалями (одна из них — «За взятие Кёнигсберга»). Позже был награжден, еще правительством А. Дубчека, чехословацкой золотой медалью «За дружбу и сотрудничество», в связи с организацией в Праге Международного съезда славистов (август 1968), в чем я принимал участие.

После демобилизации из Красной Армии (декабрь 1945 г.), я был восстановлен в аспирантуре МГУ (в Москве) и занимался под руководством Н. К. Гудзия.

Не могу не сказать, что я учился у замечательных ученых, во многом сохранявших прекрасные традиции русской академической филологии, фольклористики, истории. Вот некоторые из них: Н. К. Гудзий, проф. В. Ф. Ржига, акад. Ю. М. Соколов, проф. П. Г. Бюгатырев, член-корр. АН СССР Р. И. Аванесов, проф. П. С. Кузнецов, проф. С. И. Радциг, проф. Н. А. Кун, проф. А. И. Неусыхин и др. Позже я многому научился у академика В. В. Виноградова, под руководством которого работал 19 лет, у академика Д. С. Лихачева и у члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Я обязан также тюркологам — академику В. А. Гордлевскому, члену-корреспонденту АН СССР Н. К. Дмитриеву.

В 1948 г. я защитил кандидатскую диссертацию «Поэтическая повесть об Азове. Исследование и текст. XVII в.». Но в то время в ИМЛИ им. А. М. Горького не было сектора по древнерусской литературе, а на кафедрах московских вузов не было вакансий. И мне пришлось служить в качестве небольшого чиновника — «старшего преподавателя» (на самом деле я ничего там не преподавал) в отделе аспирантуры Президиума АН СССР (1948–1950). К счастью, в 1950 г. В. В. Виноградов перевел меня в свой Институт языкознания (затем — Институт русского языка) АН СССР, где я работал в должности младшего научного сотрудника, потом был ученым секретарем Комиссии по истории филологических наук при ОЛЯ АН СССР (до 1953 г.).

Наконец, в 1955 г. член-корреспондент АН СССР Д. Д. Благой, с согласия В. В. Виноградова, перевел меня в свой Отдел русской классической литературы в Институте мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР. Я получил возможность работать по своей прямой специальности. При помощи Д. С. Лихачева, Н. К. Гудзия, В. П. Адриановой-Перетц при названном Отделе была устроена маленькая группа (3 сотрудника) по древнерусской литературе.

Поочередно я занимал должности — младшего научного сотрудника, старшего, зав. сектором древнерусской литературы и литературы XVIII века. Теперь (с 1988 г.) являюсь главным научным сотрудником. В 1965 г. в ИМЛИ защитил докторскую диссертацию: «Жизнеописания Аввакума и Епифания. Исследования и тексты». Имею 260 печатных работ. Выполнял разную общественную работу, был председателем Месткома ИМЛИ.

Являюсь членом Союза писателей СССР.

В 1956 г. я был избран секретарем Международного комитета славистов и назначен ученым секретарем Советского комитета славистов. В 1978 г. стал членом МКС и зам. председателя СКС, этими делами и теперь занимаюсь.

Участвовал в восьми международных конгрессах в качестве докладчика и одного из организаторов, также — во многих заседаниях Международного комитета славистов, проходивших в СССР и в ряде других стран. Читал лекции (на основе своих исследований) в десяти университетах США, трех университетах Австрии, пяти университетах Италии (дважды), в университете и Академии наук и искусств Македонии (Югославия). Руководил подготовкой ряда советских аспирантов и зарубежных стажеров. Выезжал в зарубежные командировки 26 раз.

Постепенно я стал медиевистом-компаративистом, предложил свои принципы сравнительно-исторического и сопоставительно-типологического изучения средневековой литературы Руси в ее соотношениях с литературами Запада и Востока (этот метод я назвал литературно-исторической типологией). Наряду с древнерусской литературой и фольклором, специально занимался болгарской литературой XVIII в. (сочинения Паисия Хилендарского и Софония Врачанского). В мои интересы входит изучение литератур в их связях с народной поэзией, общественной мыслью, исторической действительностью, а также — вопросы источниковедения, текстологии, изучения языка.

По отечественной литературе более всего сил я посвятил исследованию двух шедевров — «Слова о полку Игореве» и «Жития» протопопа Аввакума. Постоянно продолжая работу над «Словом по полку Игореве», я за последние два года занялся еще специально новой темой «Европа и Русь (признаки цивилизации). IX–XIII в.», которая выросла из моего доклада «Крещение Руси и европейская цивилизация» (1988).

А. Н. Робинсон

25 сентября 1990 г.

А. Н. Горяинов
(Москва)

Д. С. Лихачев и библиографический словарь «Славяноведение в СССР» (По материалам архива Словаря)

Недавно в России торжественно отмечалось столетие со дня рождения выдающегося ученого и общественного деятеля академика Д. С. Лихачева. В связи с этим юбилеем мне вспоминается один из эпизодов сотрудничества Дмитрия Сергеевича с нашим Институтом, к которому я оказался причастным в связи с работой над библиографическим словарем «Славяноведение в СССР»¹.

Но прежде хотелось бы сказать несколько слов об отношении к Д. С. Лихачеву в нашей семье. Моя покойная супруга, библиограф и переводчица Любовь Петровна Лихачева, а также ее мать, учительница литературы, интересовались научным творчеством академика, покупали и читали его книги. Помимо профессиональных пристрастий на их отношение к Дмитрию Сергеевичу накладывало свой отпечаток то обстоятельство, что супруга и ее родственники были однофамильцами ученого.

Как-то жене, тогда еще начинающему библиографу-болгароведу, довелось выступать на одном из славистических научных форумов в присутствии академика. Она растерялась, сбилась, скомкала выступление. А Дмитрий Сергеевич заинтересовался, что за Лихачева выступала, нашел ее в перерыве, ободрил, посадил рядом с собой во время обеда, расспрашивал, откуда она родом, из каких происходит Лихачевых. Словом, он держал себя с однофамилицей очень просто, отнесся к ней с большой теплотой и пониманием.

Мне, в отличие от супруги, не довелось беседовать с Дмитрием Сергеевичем, я видел его обычно только издали. Больше всего запомнилась встреча в вестибюле Пушкинского Дома во время одной из поездок в Петербург. Пришла зима, стояла холодная погода. Д. С. Лихачев, в зимнем пальто, оживленно беседовал с кем-то из сотрудников Института русской литературы. Дмитрию Сергеевичу в это время было уже за семьдесят, и я был поражен тем, каким бодрым он выглядит.

Работа над словарем советских славяноведов была первой, порученной мне как штатному сотруднику Института славяноведения, куда я был зачислен 2 января 1978 г. До этого я работал в Библиотеке имени Ленина и сотрудничал с Институтом, осуществляя библиографическое редактирование словаря дореволюционных славистов². В новом Словаре на меня как на заместителя главного редактора В. А. Дьякова было возложено руководство работой по непосредственной подготовке издания, разработка различных методиче-

ских материалов, я должен был также участвовать в составлении словника³, заниматься совместно с другими участниками работы рассылкой анкет и написанием на их основе словарных статей, редактировать Словарь.

В архиве Словаря сохранились копии документов, связанных с Д. С. Лихачевым. Это — несколько писем, заполненная Лихачевым анкета, варианты словарной статьи «Лихачев Дмитрий Сергеевич».

Открывает сохранившуюся переписку письмо от 22 июня 1979 г. за подписями директора Института Дмитрия Федоровича Маркова и главного редактора Словаря Владимира Анатольевича Дьякова. Они благодарили за получение от Дмитрия Сергеевича «положительного отклика» на проект словаря дореволюционных славистов, сообщали, что формируют редколлегию планируемого словаря «Славяноведение в СССР» и приглашали Д. С. Лихачева войти в состав Редколлегии: «Мы надеемся, что постоянно проявляемый живой интерес к самой разнообразной славистической проблематике, в том числе к истории славистики, сделает возможным Ваше участие в столь нужном деле и потому твердо рассчитываем на Ваше согласие».

Письмо Института дошло до Дмитрия Сергеевича с большим опозданием. Его ответ, адресованный Д. Ф. Маркову, был получен в Институте только 23 января 1980 г. Привожу его полностью:

Глубокоуважаемый Дмитрий Федорович!

Затерявшееся приглашение Ваше принять участие в работе редколлегии справочного пособия «Славяноведение в СССР» наконец-то разыскалось. Мне неприятно, что Вы верно подумали, что я полный невежа, не ответив Вам... Благодарю Вас за оказываемую мне честь, и, конечно, постараюсь помочь, чем могу в этом крайне нужном издании. Я только не смогу приезжать на заседания редколлегии и это меня огорчает. Удобен ли будет Вам такой член «невидимка»?

Желаю успеха Вашему начинанию и всей полезной работе Вашей и руководимого Вами института.

С уважением Д. Лихачев.
8.1.80.

Комментировать послание Дмитрия Сергеевича нет нужды. Отмечу только, что этот очень краткий текст показывает и обязательность академика, и его деликатность, и даже его юмор. Д. Ф. Марков поблагодарил Дмитрия Сергеевича за согласие личным письмом, в котором отмечал, что редакция Словаря рассчитывает только на «совершенно незаменимые» советы Лихачева и обещал ни в коем случае не обременять его никакими другими обязанностями, если он сам того не пожелает. В письме содержался также предполагаемый список членов редколлегии Словаря.

По всей видимости, пользоваться консультациями Дмитрия Сергеевича составителям почти не пришлось, по крайней мере, я не помню ни одного

такого случая. Скажу откровенно, Дмитрий Сергеевич был нужен нам не столько как консультант, сколько как специалист, пользующийся непререкаемым авторитетом, на доброжелательное содействие которого можно было бы опереться в случае каких-либо осложнений со Словарем. Работа над биобиблиографическим справочником проходила в сложных условиях последних доперестроечных лет. И среди партийных руководителей, и в научной среде были еще сильны противники любых перемен не только в современной политической и общественной жизни, но и в изменении подходов к прошлому. А такие подходы все больше пробивали себе дорогу, все чаще предпринимались попытки обойти различные запреты, прочесть закрытые страницы истории, вернуть забытые имена.

Среди людей, справки о которых предстояло включить в Словарь, было много ученых, репрессированных в 1920–1940-х гг. Когда о них стали составлять статьи, противники объективного подхода к прошлому начали всячески препятствовать созданию книги. В. А. Дьяков рассказывал, что в Дирекцию и партийное бюро Института поступали анонимки, в которых утверждалось, что Словарь непременно будет использован американскими империалистами для организации провокаций против советских ученых, вербовки среди них шпионов, изучения советских славистических кадров в других антисоветских целях. Однажды странным образом исчезло несколько подготовленных для Словаря статей. Очень резко выступал против издания книги бывший работник аппарата ЦК КПСС А. И. Недорезов.

Чтобы обезопасить Словарь от наскоков «чиновников от идеологии», нужна была очень авторитетная редколлегия. К участию в ней кроме Д. С. Лихачева удалось привлечь одного из руководителей советской исторической науки тех лет академика Ю. В. Бромлея, руководителя писательской организации Белоруссии, видного литературоведа Н. С. Гилевича. В состав редколлегии вошли также ведущие филологи Института академики Д. С. Марков и Н. И. Толстой, ряд наиболее квалифицированных работников академических институтов и вузов.

Осенью 1982 г. Д. С. Лихачеву была направлена анкета Словаря, по материалам ответов на которую составлялись словарные статьи. Дмитрий Сергеевич вернул анкету с приложением брошюры из серии «Биобиблиография ученых СССР»⁴, куда входил краткий очерк его научной, педагогической и общественной деятельности, а также подробный перечень трудов. На полях анкеты рукой Дмитрия Сергеевича были написаны дополнения к брошюре и рекомендации, как найти перечень его новых работ и к кому обращаться для получения, в случае необходимости, других сведений о нем. Отвечая на вопрос об основных направлениях своей научной деятельности, Д. С. Лихачев кратко сформулировал их следующим образом: «Древняя русская литература, болгаристика, история культуры —

русской и зарубежной. Историческая поэтика». Он отметил далее, что является членом редколлегии болгарского журнала «Палеобулгарика», что помимо указанных в присланной брошюре званий, стал в последние годы лауреатом присуждаемых в Болгарии международных премий имени Кирилла и Мефодия (1980) и Патриарха Евтимия (1981), что в 1982 г. был избран почетным доктором университета в Бордо (Франция).

В 1988 г. работа над Словарем была завершена, но за длительное время его подготовки собранные сведения частично устарели и нуждались в обновлении. Было решено разослать статьи об ученых на апробацию тем, кому они были посвящены. Редакция просила проверить правильность содержащихся там данных, по возможности дополнив их новым фактическим материалом. Соответствующая статья, вместе с типовым, напечатанным на ротапринте сопроводительным письмом за подписью «Редколлегия», была направлена и Д. С. Лихачеву. В ответ пришло адресованное мне письмо академика. На личном бланке Дмитрия Сергеевича был напечатан на машинке следующий текст с его собственноручной подписью:

Уважаемый А. Н. Горяинов!

Взамен присланного мне текста статьи обо мне высылаю новый текст, так как данные в старом не точны или во многом устарели. В статью вошел самый основной материал, и я просил бы без моего разрешения ничего не исключать. Хочу заметить, что меня несколько покоробил тон присланного мне сопроводительного письма, в котором отсутствует даже подпись.

С уважением Д. С. Лихачев.
15.2.89.

К письму был приложен новый текст статьи «Лихачев Дмитрий Сергеевич», который с незначительной редакционной правкой и был напечатан в Словаре. Поскольку Словарь вышел в США и, в силу этого, малодоступен российскому читателю, привожу в приложении оригинальный текст статьи в том виде, в котором его прислал Дмитрий Сергеевич (опущена приложенная к статье краткая библиография трудов ученого и литературы о нем, которая за прошедшие годы значительно устарела).

В заключение — о последнем абзаце письма Д. С. Лихачева. Его недовольство вызвал текст упомянутого выше сопроводительного письма за подписью «Редколлегия». Нужно признать, что письмо содержало несколько слишком категоричных формулировок. Дмитрия Сергеевича обидело, видимо, главным образом то, что к нему не удосужились обратиться специально, а ограничились присылкой обезличенного письма. В воспоминаниях Б. Ф. Егорова, долгое время работавшего с Д. С. Лихачевым в редколлегии серии «Литературные памятники», отмечается такая черта характера академика, как «повышенная гордость, прямо на грани тщеславия»⁵. Своим неуклюжим письмом редакция Словаря, по всей вероятности, задела именно это чувство.

Пришлось мне и В. А. Дьякову извиняться перед Дмитрием Сергеевичем. Мы отправили ему 29 марта 1989 г. соответствующее письмо, в котором выразили также нашу благодарность за присылку статьи. На этом закончилось сотрудничество Д. С. Лихачева с редакцией биобиблиографического словаря «Славяноведение в СССР». Словарь вышел в свет только через три года. В связи с отсутствием средств пришлось передать право на его издание нью-йоркской фирме «Norman Ross Publishing Inc.». Знал ли Дмитрий Сергеевич о выходе Словаря в свет, мне неизвестно.

В заключение хочется подчеркнуть, что редакция Словаря и дирекция Института были очень признательны Дмитрию Сергеевичу Лихачеву за его отзывчивость и поддержку.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Вариант статьи для биобиблиографического словаря «Славяноведение в СССР», завизированный Д. С. Лихачевым

Лихачев Дмитрий Сергеевич [15 (28).II.1906, Петербург, ныне Ленинград] — историк культуры, литературовед.

Окончил фак[ультет] общественных наук ЛГУ (1928). К. ф. н., дис. о новгород[ском] летописании XII в. защищена в 1941. Д. ф. н., дис. о лит[ературных] формах летописания XI–XVI вв. защищена в 1947.

8.II.1928 — 8.VIII.1932 — находился в Соловецк[ом] лагере особого назначения, с 1931 г. на строительстве Бел[оморско]-Балт[ийского] канала. Освобожден без ограничений как ударник Б[еломорско]-Б[алтийского] к[анала]. Судимость снята постановлением Президиума ЦИК Союза ССР от 27.VII.1936.

В 1932–1938 — лит[ературный] ред[актор] Союзгиза, затем ученый корректор Ленингр[адского] отд[еления] Изд[ательств]а АН СССР. Мнс (1938–1941), затем с. н. с ИРЛИ, с 1954 зав[едующий] Сектором (ныне Отделом) др[евне]-русс[кой] лит[ературы]; одновр[еменно] в 1946–1953 — доц[ент] и проф[ессор] ЛГУ.

Чл[ен]-корр[еспондент] АН СССР (с 1953), акад[емик] (с 1970); чл[ен] (с 1956) и чл[ен] бюро (с 1974) Археогр[афической] комис[сии] АН СССР, лауреат Гос[ударственной] премии СССР (1952 и 1969), Международных премий Н[ародной] Р[еспублики] Б[олгария] им[ени] Кирилла и Мефодия (1979) и им[ени] Патриарха Евтимия (1981). Герой Социалист[ического] Труда [1986]. Иностр[анный] чл[ен] Болг[арской] (с 1963), Венг[ерской] (с 1973) АН, Серб[ской] Акад[емии] наук и искусств (с 1971), Итальян[ской] Акад[емии] Деи Линчеи (с 1987); чл[ен]-корр[еспондент] Австр[ийской] АН (с 1968), Британ[ской] (с 1976) и Геттингенск[ой] (Федеративная) Р[еспублика] Г[ермании], с 1988) академ[ий], почет[ный]

д[окто]р Торуньск[ого] (П[ольская] Н[ародная] Р[еспублика], с 1964), Оксфорд[ского] (Великобритания, с 1967), Эдинбург[ского] (Великобритания, с 1971), Цюрихск[ого] (Швейцария, с 1983), Будапешт[ского] (Венгрия, с 1985), Софийск[ого] (Н[ародная] Р[еспублика] Б[олгария], с 1988) ун[иверсите]тов и ун[иверсите]та Бордо (Франция, с 1982). Чл[ен] бюро Отд[еле]ния литературы и яз[ыка] (с 1955), чл[ен] Союза писателей СССР (секц[ия] критики, с 1956). Председатель Пушкинской комиссии АН СССР (с 1983); чл[ен] Центр[ального] совета (1967–1982), затем чл[ен] Президиума Центр[ального] совета Всерос[сийского] о[бщест]ва охраны памятников истории и культуры, чл[ен] (с 1969), затем чл[ен] бюро Научн[ого] совета по комплексн[ой] проблеме История «мировой культуры» АН СССР, Председатель президиума правления Сов[етского] фонда культуры (с 1986). Входит в редкол[легии] многих журналов и продолжающихся изданий, в т. ч. Председатель редкол[легии] серии «Литературные памятники» (с 1971) и ежегодника «Памятники культуры. Новые открытия» (с 1974).

Зам[еститель] пред[седателя] Эдицион[но]-текстол[огической] комис[сии] при М[еждународном] К[омитете] С[лавистов] (1958–1973). Участник многих междунар[одных] съездов, конференций и симпозиумов, в т[ом] ч[исле] IV–VII и IX–X Междунар[одных] съездов славистов, I и II Междунар[одных] конф[еренций] по поэтике (Варшава, 1960, 1961), Генеральной ассамблеи и науч[ного] симпозиума Совета по истории и философии ЮНЕСКО (Бухарест, 1967), Культурного форума гос[ударств] — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Будапешт, 1985), Международного форума «За безъядерный мир, за выживание человечества» (Москва, 1967).

Исследует широкий круг вопр[осов] истории отечеств[енной] и зарубеш[ной] культуры, особенно истории древнерус[ской] и древнеславян[ской] литератур, их взаимосвязей и систем[ного] единства. Опубл[иковал] около 1500 работ.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Славяноведение в СССР: изучение южных и западных славян. Биобиблиографический словарь. N. Y., 1993.
- 2 Славяноведение в дореволюционной России: Биобиблиографический словарь. М., 1979.
- 3 План-проспект биобиблиографического словаря «Славяноведение в СССР»: (Материалы для обсуждения). М., 1981.
- 4 Дмитрий Сергеевич Лихачев. Изд. 2-е, доп. М., 1977.
- 5 Егоров Б. Ф. Воспоминания. СПб., 2004. С. 274.

Д. Ю. Анисимова
(Москва)

Книга Драгослава Махалы «Ветряные башмаки-III»

Для большинства граждан Центральной Европы Россия по-прежнему окружена мифами. Не последнюю роль в формировании подобных легенд играет недостаточная информированность граждан о России. Россией интересуются, но в образе далекой страны всегда присутствует некоторый налет архаичности и экзотичности. Подобные представления, впрочем, существенно трансформируются, как только человек получает хотя бы минимальное знакомство с реально существующим положением дел. Тем отраднее, когда в странах Центральной Европы — в данном случае речь о Словакии — появляются книги, посвященные нашей стране.

Книга известного словацкого писателя Драгослава Махалы «Ветряные башмаки-III»¹, вышедшая в Словакии в 2006 г., посвящена России. До этого Махала уже выпустил книги об Италии и о Франции (они же «Ветряные башмаки-I» и «Ветряные башмаки-II»), устроенные по сходному принципу: автор в форме лирического репортажа повествует словацкому читателю о других странах. Впрочем, повествовать можно по-разному: специфика Махалы как писателя состоит в том, что документальное и субъективное у него тесно переплетены и составляют неразрывное единство. И это предопределено самим выбором фрагмента описываемой действительности, поскольку «Ветряные башмаки» — это не просто книга о России, это книга о нашей стране через призму судеб российских писателей. И в данном случае Махала выбрал оптимальный путь.

Автор хорошо знаком с Россией: будучи давним и действительным членом словацкого союза писателей, он неоднократно посещал нашу страну в составе разнообразных культурных делегаций и был знаком со многими нашими писателями либо с их близкими. Как мы видим, ракурс изложения не случаен, для Махалы Россия — это прежде всего литературная Россия. Поэтому фактографичность «Ветряных башмаков» несколько иного рода, чем можно было бы предположить, это не описание, к примеру, быта российской глубинки или столичных достопримечательностей. Эта книга фактографична уже постольку, поскольку она биографична. В ней повествуется о россиянах, чьи имена являются знаковыми для мировой культуры, а именно: о Булгакове, Бунине, Эренбурге, Пастернаке, Цветаевой, Окуджаве, Шкловском, Айтматове, Солженицыне, а также о многих других.

Отметим также богатый иллюстративный материал, в книге много прекрасных фотографий. Кроме того, в «Ветряных башмаках» автор очень часто цитирует российских писателей, что создает дополнительный эффект достоверности.

Однако «Ветряные башмаки» не представляют собой строгое монографическое исследование, главы намеренно фрагментарны и субъективны, и здесь уже вступает в действие лирическая составляющая книги. «Ветряные башмаки» лиричны от начала до конца, это книга-диалог, книга-сопереживание. Вся книга написана от первого лица, и о повествующем субъекте нам известно, что он как минимум писатель. Махала рассказывает о личностях, которых понимает изнутри, и его рассказ о писателях в принципе не может быть холодно-отстраненным. Возможно, этим обусловлен выбор основной проблематики книги: творчество как таковое, а конкретнее, творчество в эпоху глобальных исторических потрясений. Автор рассуждает о непростых жизненных перипетиях российских авторов, об их творческих поисках, личной жизни, об отношениях с властью предрержащими.

Действительность в данном случае присутствует постольку, поскольку она окружала творческие личности и в определенном смысле обуславливала результаты их деятельности. Важно, что в фокусе внимания Махалы находится именно творческий субъект. Каждая глава книги представляет собой маленькую новеллу-расследование, автор каждый раз как бы совершает путешествие в поисках ушедших коллег, кропотливо собирая любые воспоминания о них. Махала не ставит себе задачу привести исчерпывающие биографии и досконально описать некоторый фрагмент действительности. Реальные сведения тесно переплетаются с глубоко личными впечатлениями автора как сопереживающего творческого субъекта. Не последнюю роль в лиризации книги играет стиль повествования, в котором строгое и четкое изложение периодически сменяется метафорично-патетическими суждениями.

Подчеркнем, для Махалы принципиален тот факт, что все российские писатели, о которых говорится в книге, жили в двадцатом веке и, кроме того, что немаловажно, в какой-то степени известны читателю «за пределами железного занавеса». Последнее существенно еще и в том смысле, что после прочтения «Ветряных башмаков» словацкий читатель может найти соответствующие произведения русской литературы и через них глубже ознакомиться с нашей страной.

В определенном смысле «Ветряные башмаки» — это документальная кинохроника уходящей литературной эпохи, того времени, когда поэт был «больше, чем поэт», и его основным антагонистом был не массовый рынок, а исторические катаклизмы и сильные мира сего.

Мы уже отмечали, что «Ветряные башмаки» являются книгой-диалогом. Махала старается проследить взаимосвязи русской и словацкой

культур. Там, где это возможно, он собирает упоминания о пребывании российских писателей в Словакии или в Чехии и отзывы наших литераторов об этих странах. Иногда он рассказывает о том, как сами словаки, пусть косвенно, повлияли на судьбы русской литературы.

Таким образом, «Ветряные башмаки» — это как бы литература о литературе, о том, как писатель ищет свое место в этом непростом мире, и в то же время это книга о России как о стране, в которой конфликт писателя и истории проявился, пожалуй, наиболее рельефно.

Путь, которым Махала ведет словацкого читателя к восприятию и осмыслению российской действительности, сложен, однако он хорош тем, что не заостряет внимание читателя на подробностях, которые без непосредственного знакомства с ними могли бы отпугнуть или вызвать улыбку. Речь идет именно о духовной достоверности изложения, о стремлении понять и о понимании, и в этом плане Махала, несомненно, безупречен. У него очень широкий кругозор, благодаря которому книга превращается в рельефный слепок российской действительности. Будем надеяться, книга найдет в Словакии своих читателей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Machala D. Veterné topánky III (Kniha o Rusku). Martin, 2006. 282 s.*

М. Ю. Досталь
(Москва)

Л. П. Лаптева и И. И. Лещиловская — лауреаты Макариевской премии 2007 г. в Москве

28 сентября 2007 г. в конференц-зале Президиума РАН (Нескучный дворец) состоялась церемония торжественного вручения Макариевской премии 20 ее лауреатам нынешнего года.

Митрополит Московский и Коломенский Макарий (Булгаков) (1816–1882) — выдающийся деятель Церкви, богослов и историк, профессор и ректор Петербургской духовной академии, автор монументальной 12-томной «Истории Русской Церкви» (1857–1883), «Введения в Православное Догматическое Богословие» (1847) и пр. Его имя стало символом единения светской и церковной науки, образцом благородного и жертвенного служения ей. 140 лет назад, в 1867 г., владыка Макарий подал прошение императору Александру II и обер-прокурору Святейшего Синода графу Д. А. Толстому «о ежегодных премиях для поощрения отечественных талантов, посвящающих себя делу науки и общепользным занятий» и получил согласие. После кончины митрополита 120 тыс. рублей — гонорары за изданные труды — были направлены на создание именного научного фонда. Премия стала одной из самых престижных в дореволюционной России. Ею отмечались труды по истории, военному делу, богословию и филологии. В 1917 г. выдача премий была прекращена. 10 лет назад, в 1997 г., Макариевские премии были возрождены по инициативе Российской академии наук, правительства Москвы и при попечительстве патриарха Алексия II. Они вручаются раз в два года за лучшие достижения в светской и церковной науке.

В торжественном акте 2007 г. приняли участие: архиепископ Истринский Арсений; первый заместитель мэра Москвы В. И. Ресин; президент Российской академии наук, соучредитель фонда по премиям памяти митрополита Московского и Коломенского Макария Ю. С. Осипов, которые обратились к участникам церемонии с приветственным словом. На церемонии также присутствовали: председатель Фонда по премиям имени митрополита Макария (Булгакова) архиепископ Екатеринбургский и Верхотурский Викентий; руководитель Церковно-научного центра «Православная энциклопедия» С. Л. Кравец и др.

Архиепископ Истринский Арсений огласил приветственное послание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Член Экспертного совета С. Л. Кравец зачитал отчет председателя Эксперт-

ного совета Фонда по премиям митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова), члена-корреспондента РАН, декана исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова С. П. Карпова.

Премии вручались по 5 номинациям: «История Православной Церкви»; «История России»; «История Москвы»; «История православных стран и народов»; «Учебники и учебные пособия». Отрадно отметить, что по номинации «История России» первую премию президент РАН Ю. С. Осипов вручил **Лаптевой Людмиле Павловне**, доктору исторических наук, профессору МГУ им. М. В. Ломоносова, за труд «История славяноведения в России в XIX веке» (М., 2005). (Ее книга избрана из 76 рассмотренных сочинений.)

Вторую премию в номинации «История православных стран и народов» получила **Лещиловская Инна Ивановна**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, г. Москва, за труд «Сербский народ и Россия в XVIII веке» (М., 2006) (победив в конкурсе из 27 сочинений).

С каждым годом число научных исследований, выдвигаемых на соискание премий, увеличивается. Так, если в 1997 г. соискателей было 46, то в 2007 г. в общей сложности на конкурс поступило 212 работ, из них допущено к участию в конкурсе — 211, лауреатов утверждено — 19.

Работы соискателей пришли из 39 регионов России; из ближнего зарубежья: Белоруссии, Латвии, Молдавии (Кишинев), Украины (Винница, Днепропетровск, Донецкая обл., Канев Черкасской обл., Киев, Симферополь); из стран дальнего зарубежья: Черногории, США, Великобритании, Венгрии. В конкурсе участвовали: 5 действительных членов РАН, 56 докторов наук, 94 кандидата наук, 6 студентов и аспирантов, 2 пенсионера, 14 священнослужителей, из них — 5 архимандритов, 2 монахини.

Интерес научной общественности к конкурсу за последние годы резко возрос, и можно утверждать, что авторитет Макариевской премии поддерживается на высоком уровне.

Коллеги по Институту славяноведения РАН сердечно поздравляют лауреатов престижной Макариевской премии 2007 г. профессора **Л. П. Лаптеву** и д. и. н. **И. И. Лещиловскую** с заслуженной наградой и желают им дальнейших творческих успехов на ниве славяноведения.

Подробности церемонии вручения Макариевских премий 2007 г. см. на сайте www.patriarhia.ru.

И. В. Чуркина
(Москва)

Памяти Елены Михайловны Рудловчак (1919–2007)

Елена Михайловна Рудловчак родилась 1 февраля 1919 г. в г. Мукачево в семье видного деятеля русинского движения Михаила Микиты. Отец ее являлся школьным инспектором и горячим русинским патриотом, он издал несколько книг по сельскому хозяйству, учебников для русинских школ. Его учебник для 4–5 классов «Книга для чтения» выдержал 5 изданий. Мать Елены Михайловны Анна опубликовала книгу по кулинарии, пользовавшуюся большой популярностью. «Я росла, — вспоминала Елена Михайловна, — в творческой обстановке, в обстановке внимания к общественным проблемам, к социальной и духовной жизни нашего народа. Наш дом был своего рода редакцией, в которой всегда что-нибудь готовилось к печати — главным образом для школ и молодежи, а также научно-популярная литература для широких народных масс. Скоро отец сделал меня помощницей в своей издательской деятельности»¹. Она училась в русской гимназии Мукачева, ученики которой в 1931 г. издали альманах «Наши стремления», и двенадцатилетняя Елена являлась одним из членов его редколлегии. Среди тех, кто оказал большое влияние на формирование взглядов Елены Михайловны, был и директор гимназии чех Иван (Ян) Готвальд, по ее словам, «интеллектуал европейского формата». Некоторое время она работала учительницей в закарпатских русинских школах, а с 1936 г. — на радио в Кошице, вещавшем на Закарпатье (или Подкарпатье, как говорят чехи и словаки). Там Елена Михайловна познакомилась со своим мужем Андреем Рудлавчаком. После окончания гимназии в 1937 г. она поступила на юридический факультет Пражского университета. В 1940 г. семья Рудловчаков переехала в Братиславу, а в 1943 г. Елена Михайловна окончила философский факультет Братиславского университета по специальности история и русистика. Здесь ее курировал известный карпатовед проф. Е. Ю. Перфецкий, русский эмигрант. Под его руководством она написала дипломную работу о выдающемся князе Галицкой Руси Данииле Галицком. В 1949 г. Рудловчаки уехали в Пряшев, где Андрей организовал украинскую радиостудию, которую возглавлял до своей смерти в 1977 г. На ней работала и Елена Михайловна. Здесь она была и драматургом и режиссером. Плодом ее работы там стало издание нескольких репертуарных сборников для кружков самодеятельности. Позднее Елена Михайловна опубликовала труды о новейшей истории украинской редакции чехословацкого радио в Брати-

славе и Пряшеве, написала историю украинского национального театра в Пряшеве.

В 1954–1957 гг. Елена Михайловна училась в аспирантуре Чехословацко-советского института в Кошице, а в 1960 г. она защитила там кандидатскую диссертацию «Александр Духнович и его проза», после чего стала работать в Пряшевском филиале Кошицкого университета в качестве преподавателя. В 1966 г. ей присудили звание доктора философии без защиты диссертации. С 1966 и по 1984 г., вплоть до ухода на пенсию, Елена Михайловна заведовала Исследовательским кабинетом украинистики. Ее усилиями в нем была собрана ценная библиотека по украинистике и карпатоведению. После ухода на пенсию она еще активнее стала заниматься научной деятельностью, которая продолжалась вплоть до ее кончины 16 ноября 2007 г. в Праге.

Деятельность Елены Михайловны была многообразной и глубокой, в этом отношении она напоминает деятельность закарпатских будителей, исследованию трудов которых она посвятила свою жизнь. Своих героев она напоминала и своим бескорытием: после ухода на пенсию она работала часто бесплатно. В письмах, особенно за вторую половину 80-х годов, иногда проскальзывали грустные признания: «...мама у меня, пенсии сейчас у нее нет, а на двоих моя пенсия не дает много возможностей» (апрель 1985 г.). Не только тяжелое материальное положение осложняло жизнь ученого. Она пыталась противостоять местным властям вести ассимиляторскую деятельность по отношению к русинам. «За свою беззаветную деятельность, — отмечает академик Национальной академии наук Украины Н. И. Мушинка, — она испытала немало несправедливости, гонений и преследований»².

Елена Михайловна исследовала литературу, историю, фольклор, этнографию, театр, публицистику — короче говоря, все, что входит в понятие «культура», — Закарпатья. В своих трудах она придерживалась единственного принципа — объективности³. В том, что она сумела сделать так много, ей способствовали талант исследователя, большое трудолюбие, научная скрупулезность, а также хорошее знание языков: она владела в совершенстве русским, украинским, чешским, словацким, венгерским языками. Подчеркивая ее высокий профессионализм, Мушинка пишет, что «каждый ее труд — результат долгих, упорных и кропотливых исследований в архивах и библиотеках»⁴. Елена Михайловна работала в архивах и библиотеках Австрии, Венгрии, Канады, Австралии, Польши, Югославии и особенно много — в СССР, где она побывала во Львове, Москве, Киеве, Ленинграде, Мукачево, Одессе, Нежине, Томске, Пскове, Адлере. Ее интересовали все места, где жили переселенцы из Закарпатья⁵. Говоря о принципах написания Е. М. Рудловчак трудов, Н. Ференц подчеркивает, что, во-первых, она критически относилась ко всему, что было написано до сих пор об укра-

инском населении Закарпатья, старалась выверить все факты по документам и прессе; во-вторых, видя в Карпатах перекресток обитания многих народов, она рассматривала культуру Закарпатья в тесной связи с украинской, русской, словацкой, чешской, венгерской, сербской и румынской культурами.

В 1964 г. Елена Михайловна вместе с Ю. Бачею издала книгу «Хрестоматія закарпаттської української літератури ХІХ століття», выдержавшую 4 издания⁶. Вообще изданию документов различного рода Елена Михайловна уделяла большое внимание. В 1965 г. вышли в свет два ее труда: «Зелений віночок, червоні квіточки» и «Поети Закарпаття». Первая книга — сборник стихов закарпатских народных поэтов второй половины XX в., писавших на своих родных наречиях. Вторая книга, антология произведений закарпатских поэтов, начиная с XVI в. и кончая 1945 г., была создана ею совместно с профессором кафедры украинской литературы Ужгородского университета В. Микитасем. Она содержит 450 стихотворений 123 авторов⁷.

Для Е. М. Рудловчак был характерен большой интерес не только к творчеству закарпатских писателей, но и к закарпатскому фольклору. Она опубликовала ряд фольклорных записей А. В. Духновича, Я. Ф. Головацкого, Александра Павловича, а также — ряда закарпатских будителей, найденных ею в архиве Я. Ф. Головацкого. Елена Михайловна изучила венгерские газеты «Kelet» и «Ethnographia», где печатали русинский фольклор Ф. Злоцкий, Ю. Жаткович, И. Семан, и ввела их публикации в научный оборот. Она информировала научный мир о Яноше Эрдейе и Андоре Томе, которые в венгерской газете «Feldvidék» (Верховина) печатали западноукраинский фольклор на венгерском языке. Елена Михайловна написала интересное предисловие к публикации песен, собранных Я. Ф. Головацким⁸. Среди факторов, стимулировавших сбор фольклора в закарпатских селах, Елена Михайловна называет деятельность Я. Ф. Головацкого по сбору и изданию четырехтомного собрания народных песен Галиции и Закарпатья, Славянский съезд и Этнографическую выставку в Москве в 1867 г., публикацию закарпатских фольклорных материалов в органе Этнографического общества Венгрии «Ethnographia». Она подчеркивала, что при изучении закарпатского фольклора нужно использовать публикации его и в венгерской прессе, и в русских «Записках Русского географического общества» и в закарпатских газетах «Свет», «Новый свет», «Карпат».

Основное внимание Елена Михайловна уделяла русинским просветителям, действовавшим в Закарпатье в конце XVIII — первой половине XIX в. Героями ее исследований были Василь Догович, Микола Надь, Александр Духнович, Михайло Лучкай, Иосиф Гаганец, Юлий Ставровский-Попрадов, Александр Павлович, Адольф и Виктор Добрянские и

многие другие. Новаторскими являются ее статьи, посвященные епископу Йосифу Гаганцу. Елена Михайловна на фактах показала, какую большую роль он сыграл в деятельности закарпатских русинских обществ. В частности, она подчеркивает, что в развитии Пряшевского литературного общества (1850–1852) главную роль играл не Духнович, а именно Гаганец. «Епископ Гаганец, — пишет Рудловчак, — был его идейным руководителем, опорой, наставником, защитником его внешней деятельности, он прокладывал для него дорогу и охранял его помимо прочего и своим высоким саном»⁹.

Но в центре ее исследовательской деятельности всегда стоял Александр Васильевич Духнович: она ее начала с защиты кандидатской диссертации и окончила, завершив четвертый том собрания его сочинений. Первый том, вышедший в свет в 1968 г., содержит стихи Духновича, написанные им не только на родном, но и на словацком, венгерском, латинском языках. В этом томе также представлены его прозаические произведения, в том числе две пьесы, афоризмы, загадки. Второй том, включающий педагогические сочинения Духновича, в том числе и его букварь, популярнейший учебник русинских детей в XIX в., был опубликован в 1967 г. Его предваряла статья О. Рудловчак и Ф. Науменко о Духновиче-педагоге. Третий том, охватывающий публицистику Духновича: календари, газетные статьи, — увидел свет в 1989 г. Обширная вступительная статья Рудловчак характеризовала его как журналиста. Четвертый том, в который вошла переписка Духновича, был готов к печати еще в 2003 г., но до сих пор еще не издан¹⁰.

Перечисленные выше работы далеко не исчерпывают труды Елены Михайловны. Ею опубликован ряд заметок, посвященных отдельным закарпатским селам, связанным с деятельностью русинских просветителей, и другие труды.

Елена Михайловна с любовью относилась к русскому народу и русской культуре, указывала, что именно любовь к ним вдохновляла закарпатских просветителей в их трудной деятельности. В сборнике своих статей «У истока современности» она писала: «Закарпатье знакомилось с духовными достижениями русского народа, в том числе прогрессивными, оно вдохновлялось любовью к этой великой культуре, и эта любовь стала одним из факторов, поддерживавших закарпатских украинцев в их борьбе за свое национальное самоопределение»¹¹. Характеризуя отношение Духновича к России, она отмечала, что он считал русских и русин одной душой в двух телах¹². Елена Михайловна приводила интересный материал о связях Духновича с русскими культурными деятелями (М. Ф. Раевским, В. М. Войтковским, К. Л. Кустодиевым), которые обеспечивали его и других закарпатских просветителей русской литературой, рассматривала влияние на него идей славянофилов.

Роль русской культуры в развитии культуры русин Е.М. Рудловчак оценивала положительно. Особенно это прослеживается в ее работах, посвященных становлению и развитию национальной прессы в Закарпатье. Одну из причин огромного влияния России на русин она видела в том, что Россия являлась единственной независимой славянской страной, и поэтому русины видели в ней оплот славянства и православной веры. «Закарпатские украинцы... — писала Елена Михайловна, — стремились не потерять контактов с Востоком. Не имея возможности основать типографию и развернуть печатание дома, они должны были опираться на печатное слово, которое исходило с территории России»¹³. Вторую причину того, что печатное слово из России воспринималось закарпатскими деятелями с воодушевлением весь XIX в., Елена Михайловна видела в том, что местная печать не в состоянии была удовлетворить растущие потребности закарпатской интеллигенции, особенно светской. Отмечала она и особую роль, которую сыграли русские благотворители, в частности М. Ф. Раевский, в создании первой русинской газеты в Закарпатье «Церковная газета» Ивана Раковского.

С Еленой Михайловной Рудловчак меня связывают и личные воспоминания. Впервые я ее увидела в конце 60-х гг. В то время она довольно часто бывала в Москве, поскольку ее сын Владимир учился в МГУ. К нам в сектор Елену Михайловну привел профессор Сергей Александрович Никитин, в то время заведовавший нашим сектором. Стройная женщина средних лет с тонким бледным лицом и удивительно прозрачными голубыми глазами, она совсем не походила на окружавших меня женщин: была в ней какая-то внутренняя отрешенность и изысканная интеллигентность. Она рассказала нам о своем народе, о котором мы почти ничего не знали и который в XIX в. называли русинами, в советское время — западными украинцами, а сейчас большей частью русинами-украинцами. И как будто судьба этого народа, трудная и непредсказуемая, отразилась на внешнем облике Елены. Я никогда не слышала ее смеха, хотя с того времени мы нередко встречались с ней в Москве, Ленинграде, Братиславе, Праге, главным образом в архивах и библиотеках. В последний раз я ее видела в Пряшеве в 2003 г. во время конференции, посвященной 200-летию со дня рождения крупнейшего деятеля закарпатского Возрождения А. В. Духновича. А в перерывах между встречами мы вели активную переписку, которая продолжалась несколько десятилетий: первое письмо Рудловчак ко мне датируется 9 августа 1969 г., последнее — 27 апреля 2006 г. Нередко мы обменивались книгами. Нас связывал интерес к славянскому Возрождению, к межславянским контактам, любовь к архивным материалам и просто общие взгляды на жизнь — на работу, на семью, на политические события как XIX, так и XX в. Особенно нас сдружила совместная работа над публикацией «Зарубежные

славяне и Россия» (М., 1975), где были изданы письма различных славянских деятелей протоиерею православной церкви при русском посольстве в Вене М. Ф. Раевскому. Я была составителем (вместе с В. Матулой), членом редколлегии и комментатором (я комментировала письма к Раевскому словенцев), а Елена Михайловна комментировала письма к нему закарпатских русин. Всего она прокомментировала 18 писем (А. И. Добрянского, А. В. Духновича, В. Ф. Кимака, П. И. Петрашевича, И. Раковского, И. М. Рубия). Я могу сказать, что ее комментарии по широте охвата проблематики и глубине являются одними из лучших в книге, часто это небольшие самостоятельные исследования. К сожалению, из-за нехватки места часть написанных ею материалов так и остались неопубликованными.

Кроме меня у Рудловчак было несколько добрых друзей в СССР. Она глубоко уважала С. А. Никитина. Получив от меня сборник докладов, прочитанных на конференции по случаю 100-летнего юбилея со дня рождения Никитина (Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. М., 2004), Елена Михайловна писала мне 5 августа 2005 г.: «Какой приятный сюрприз сделала ты мне твоим дорогим для меня подарком — сборником юбилейной научной конференции, посвященной памяти нашего общего (как ты пишешь) учителя, великого ученого Сергея Александровича Никитина». Судя по некоторым замечаниям в письмах ко мне, Елена Михайловна некоторое время переписывалась с ним. Так, в письме от 15 февраля 1970 г. она отмечала: «Писала я Сергею Александровичу о возможном нашем сотрудничестве в издании соч[инений] Добрянского». Конечно, в то время не могло быть и речи об этом, ведь Добрянский считался царефилом и клерикалом, и эта задумка Елены Михайловны осуществиться не могла. Но когда Сергей Александрович решил издать письма славянских деятелей к М. Ф. Раевскому, он обратился к Елене Михайловне с просьбой прокомментировать письма закарпатских деятелей.

Долговременные дружеские отношения связывали Е. М. Рудловчак с Н. М. Пашаевой, отечественным специалистом по истории Галиции и Закарпатья, много лет проработавшей в Исторической библиотеке Москвы. И. И. Поп, долгое время являвшийся сотрудником Института славяноведения АН СССР, рецензировал труды Рудловчак. Через меня Елена Михайловна посылала книги А. С. Мыльникову, известному советскому богемисту, многие годы возглавлявшему Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Я всегда считаю себя в долгах перед ним, — писала мне Елена Михайловна 6 октября 1981 г. — Он очень много помогал мне, когда я была в Ленинграде... Прошу тебя, передай ему посланное мною... и еще мой привет и лучшие пожелания». Добрые отношения связывали ее с сотрудницей Отдела рукописей Исторического музея Москвы Т. П. Мазур, которой

через меня она передала книгу стихов Марины Цветаевой. На конференции, посвященной 200-летию со дня рождения А. В. Духновича, Елена Михайловна познакомилась с М. Ю. Досталь, исследователем истории Чехии и Словакии, специалистом по истории русского славяноведения. Между ними сразу возникло взаимопонимание, но дальнейшему развитию их отношений помешала болезнь и смерть Елены Михайловны. В своем последнем письме от 22 апреля 2006 г. она писала: «Передай, пожалуйста, мой и Марусин (дочь Е. М. — *И. Ч.*) самый искренний привет Марине Юрьевне, желаю ей больших успехов во всем, особенно в творческой работе, и прочного здоровья... В связи с Мариной Юрьевной вспоминается мне мой профессор Перфецкий и жалею, что с ней не удалось мне поговорить о нем». Наконец, особую роль в последние годы жизни Елены Михайловны играл М. Дронов. Будучи москвичем, он несколько последних лет учился в Пряшевском университете. Получив несколько экземпляров сборника, в котором были опубликованы доклады конференции, посвященной Духновичу, Елена Михайловна сообщила мне, что в Москву этот сборник не будут посылать по почте, «но попросят дорогого нашего (и вашего) Мишу Дронова повезти в Москву сборник для всех вас (авторов статей. — *И. Ч.*). Миша Дронов — добрая душа. Он помогает мне в моих контактах с Ужгородом и, конечно, и с вами, москвичами».

В своих трудах Елена Михайловна называла свой народ «закарпатские (западные) украинцы». Но в разговорах со мной она говорила, что это — русины, особый народ, отличный от украинцев. Однако в нашу последнюю встречу в Пряшеве она мне сказала, что им надо принять имя «русины-украинцы», ибо только в опоре на украинцев им удастся противостоять попыткам ассимиляции их со стороны словацких властей.

Труды Елены Михайловны Рудловчак получили самую высокую оценку со стороны ее соотечественников. Н. И. Мушинка (Пряшев) свою статью о ней так и назвал: «Карпатоведов у нас много, Алена Рудловчак — одна». И далее он подчеркивает: «Елена Михайловна Рудловчак в области карпатоведения персона номер один»¹⁴. Он справедливо указывает, что ее труды знают не только в Закарпатье, но и во Львове, Киеве, Москве, Санкт-Петербурге, Праге, Будапеште, Братиславе, Кракове, Варшаве, Нью-Йорке, Чикаго, Торонто. «Ее уважают за широкий диапазон ее карпатоведческих интересов, за высокий профессионализм ее научных трудов». В. В. Барчан, заведующая кафедрой украинистики Ужгородского университета отмечает: «О. Рудловчак является одним из авторитетнейших ученых-карпатоведов. Она внесла значительный вклад в исследование закарпатской культурной жизни XIX и XX столетий, вписав ее в общественно-политический и культурный европейский и славянский контекст»¹⁵.

В связи с восьмидесятилетием Елены Михайловны ее ужгородские коллеги провели в Ужгородском университете Рудловчаковские чтения,

на которых освещалось творчество ученого. Вторые Рудловчаковские чтения прошли в 2002 г., третьи (последние) — в 2004 г. В 2001 г. ей было присвоено звание почетного доктора Ужгородского университета.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Ференц Н.* Олена Рудловчак як літературознавець // Олена Рудловчак. Ужгород, 2005. С. 15.
- 2 *Мушинка М.* Карпатознавців у нас більше, Олена Рудловчак — одна // Олена Рудловчак. С. 14.
- 3 *Барчан В.* Олена Рудловчак — видатний карпатознавець слов'янського світу // Олена Рудловчак. С. 3.
- 4 *Мушинка М.* Карпатознавців у нас більше... С. 12.
- 5 *Федака С.* Олена Рудловчак як публікатор творів Олександра Духновича // Олена Рудловчак. С. 52; *Ференц Н.* Олена Рудловчак як літературознавець... С. 16.
- 6 *Федака С.* Олена Рудловчак як публікатор... С. 53.
- 7 *Мушинка М.* Карпатознавців у нас більше... С. 12.
- 8 *Сенько І.* Фольклорознавчі пошуки Олени Рудловчак // Олена Рудловчак. С. 45, 46.
- 9 *Данилюк Д.* Олена Рудловчак — літописець Карпатського краю // Олена Рудловчак. С. 28–29.
- 10 *Федака С.* Олена Рудловчак як публікатор... С. 53, 54.
- 11 *Рудловчак О.* Біля джерел сучасності. Пряшев, 1981. С. 415.
- 12 *Барчан В.* Олена Рудловчак — видатний карпатознавець... С. 10.
- 13 *Бідзіля Ю.* Олена Рудловчак як дослідник періодики // Олена Рудловчак. С. 38–41.
- 14 *Мушинка М.* Карпатознавців у нас більше... С. 12.
- 15 *Барчан В.* Олена Рудловчак — видатний карпатознавець... С. 11.

Содержание

От редколлегии.....	3
---------------------	---

Пленарное заседание

<i>Б. Н. Флоря</i> (Москва). Восточная Европа в эпоху Дмитрия Донского	4
--	---

История

<i>Ю. В. Пахомов</i> (Коломна). Византийско-хорватские отношения в раннем Средневековье	11
<i>Г. В. Макарова</i> (Москва). Проекты конституции для Королевства Польского (1812–1815 гг.)	28
<i>В. А. Нилова</i> , <u>Ю. И. Штакельберг</u> (С.-Петербург). «Записки о польских заговорах и восстаниях» Н. В. Берга (Судьба одного труда)	44
<i>Л. М. Аржакова</i> (С.-Петербург). «Польские» статьи М. П. Погодина 1830-х гг.	66
<i>И. В. Чуркина</i> (Москва). Славяне на Всероссийской Этнографической выставке и Славянском съезде в Москве	79
<i>О. С. Данилова</i> (Екатеринбург). Анатолий Леруа-Болье: От русистики к «славянофильству»	109
<i>Е. П. Серационова</i> (Москва). Взгляды чешских и словацких политиков начала XX в. на роль России в славянском мире	126
<i>А. С. Стыкалин</i> (Москва). К истории взаимоотношений лидеров первой Чехословацкой республики с венгерскими леволиберальными деятелями (1918 — начало 1920-х гг.)	133
<i>А. В. Попов</i> (Москва). История русского православия в Болгарии в документах российских и болгарских архивов	153
<i>Т. В. Волокитина</i> (Москва). Восприятие советской модели государственно-церковных отношений в восточноевропейских странах православной традиции после Второй мировой войны	162
<i>М. Ю. Досталь</i> (Москва). Перипетии исследований в области славянского языкознания в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы	180
<i>С. А. Романенко</i> , <i>А. С. Стыкалин</i> (Москва). В. И. Фрейдзон и развитие отечественной славистики	214

История культуры

<i>И. И. Лециловская</i> (Москва). Хорватская культура XVIII в. Далмация, Дубровницкая республика	240
<i>С. В. Никольский</i> (Москва). Драматургия звуковых структур в баснях И. А. Крылова	279
<i>А. Л. Шемякин</i> (Москва). В поисках прототипов. Раевские и Лев Толстой (География вопроса)	288
<i>В. И. Косик</i> (Москва). Русские имена на оперной сцене Югославии	298

<i>Л. Н. Будагова</i> (Москва). Аполлинер в чешской и польской поэзии (К 90-летию со дня смерти)	324
<i>Т. С. Студенко</i> (Минск). Янка Купала и библейская пророческая традиция	340
<i>Б. Г. Гнилов</i> (Москва). Славянский вклад в европейскую музыкальную культуру (На примере фортепианно-оркестровой композиции)	352

Языкознание

<i>Т. И. Вендина</i> (Москва). Славянский языковой мир: общность и многообразие	365
<i>Е. С. Узенёва</i> (Москва). Из семейной обрядности староверов Болгарии	418

Публикации

<i>Р. В. Полчанинов</i> (Нью-Йорк). На слете скаутов Югославии. Белград 1935 г. (Страницы истории разведчества-скаутизма)	425
Ростислав Владимирович Полчанинов (Автобиография)	438
<i>С. Маркович</i> (Сербия, Лесковац). Вклад русской эмиграции в культурную и художественную жизнь Лесковаца и Лесковацкого района (Сербия)	444
<i>А. М. Орехов</i> (Москва). Беседы под сводами Бельведера (Встреча советских и польских руководителей в Варшаве 19 октября 1956 г.)	460
<i>Г. В. Маркелов</i> (С.-Петербург). Из переписки коллег-медиевистов: письма В. И. Малышева к А. Н. Робинсону	510
К 90-летию ученого-слависта: Автобиография Андрея Николаевича Робинсона	518
<i>А. Н. Горяинов</i> (Москва). Д. С. Лихачев и библиографический словарь «Славяноведение в СССР» (По материалам архива Словаря)	521

Рецензии

<i>Д. Ю. Анисимова</i> (Москва). Книга Драгослава Махалы «Ветряные башмаки-III»	527
--	-----

Хроника

<i>М. Ю. Досталь</i> (Москва). Л. П. Лаптева и И. И. Лещиловская — лауреаты Макариевской премии 2007 г. в Москве	530
<i>И. В. Чуркина</i> (Москва). Памяти Елены Михайловны Рудловчак (1919–2007)	532

Научное издание

СЛАВЯНСКИЙ АЛЬМАНАХ
2007

Корректор *М. В. Архиреев*

Издательство «Индрик»

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by

e-mail: **nina_dom@mtu-net.ru**

or by tel./fax: **+7 095 959-21-03**

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

ЛР № 070644, выдан 19 декабря 1997 г.

Формат 60×90^{1/16}. Гарнитура «Times». Печать офсетная.

34,0 п. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 803

Отпечатано с оригинал-макета

в ППП «Типография „Наука“».

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 6

